

Разыскания о русских летописях

А. А. Шахматов

М.: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2001.

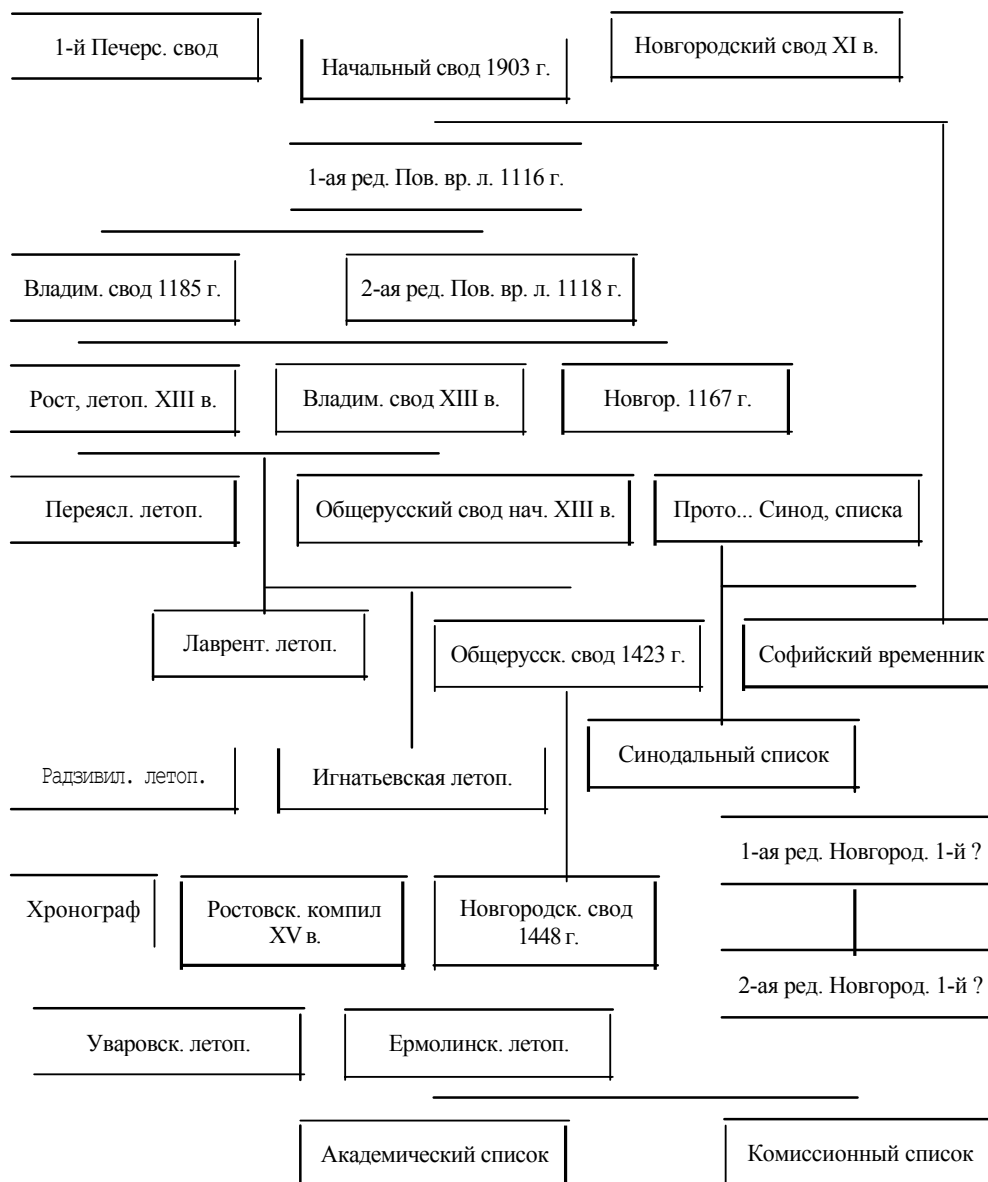
ISBN 5-8291-0007-X

ISBN 5-901679-02-4

Впервые в одном издании объединены главные историко-филологические труды знаменитого русского ученого Шахматова А. А. (1864-1920), посвященные исследованию русских летописей. Путем тщательного сличения текстов он восстановил почти для каждого из дошедших до нас летописных текстов его источники, являющиеся в основном также летописными сводами и указал при этом порядок и взаимозависимость всех этапов летописной работы вплоть до второй половины XVI века.

В издании сохранен в неприкосновенности уникальный стиль автора, рожденный в живом контакте с древним русским языком.

Древн. Киевс. свод

Глава 1

Повести временных лет предшествовали более древние своды

§ 1. Повестью временных лет принято называть древнейшую часть летописных сводов, дошедших до нас в списках Лаврентьевском, Радзивиловском, Московско-Академическом, утраченном Троицком, Ипатьевском, Хлебниковском и еще трех позднейших, восходящих к Хлебниковскому списку (Погодинскому, Краковскому и Ермолаевскому)¹. В списках Лаврентьевском, Радзивиловском, Московско-Академическом и утраченном Троицком древнейшая часть летописного текста доведена до 1110 года и обрывается на неоконченной статье этого, 6618 (1110) года, после чего следует приписка игумена Михайловского Выдубицкого монастыря (в Киеве) Сильвестра, свидетельствующая о том, что в 6624 (1116) году им были написаны «книги си Летописець». В списках же Ипатьевском и Хлебниковском читается окончание статьи 6618 (1110) года, а после нее без заметного перерыва следуют статьи 6619, 6620, 6621, 6622, 6623, 6624, 6625 и след. годов, причем, однако, после 6625 года, после известия о кончине царя Алексея Комнина, замечается значительное уменьшение объема летописных статей. В части до 6618 (1110) года текст Ипатьевского и Хлебниковского списков представляет (в особенности начиная с 6584 года) несколько лишних изве-

1 В так называемой Переяславской летописи Повесть вр. лет подверглась сильнейшей переработке и сокращению. — В списках Софийской 1-й, Новгородской 4-й и сходных с ними видим текст Повести вр. лет в соединении с текстом древней новгородской летописи.

стий против Лаврентьевского и сходных с ним списков. Таким образом, мы имеем основание говорить о двух редакциях Повести временных лет: первой, представленной Лаврентьевским и сходными с ним списками, и второй, представленной Ипатьевским и Хлебниковским списками.

§ I¹. Исследование о взаимных отношениях перечисленных выше списков, равно как обеих предполагаемых ими редакций Повести вр. лет, не может быть предметом настоящего сочинения. Предполагая посвятить такому исследованию особый труд, считаю возможным ограничиться здесь сообщением главнейших выводов, к которым приводит сравнительное изучение дошедших до нас списков Повести вр. лет.

Повесть временных лет в первой своей редакции, быть может, принадлежавшей Нестору, доходила до 6621 (1113) года и оканчивалась, как кажется, известием о кончине Святополка. Эта первая редакция была переработана в 6624 (1116) году игуменом Сильвестром, закончившим свой труд сообщением о явлении огненного столпа над трапезницей Печерского монастыря в 6618 (1110) году и опустившим, следовательно, события 1111—1113 гг. В 6626 (1118) году составлена вторая редакция Повести вр. лет, положившая в свое основание Сильвестровскую редакцию. Сильвестровская и вторая редакции Повести вр. лет легли в основание нескольких позднейших сводов. С течением времени эти своды влияли взаимно друга на друга. В результате, дошедшие до нас редакции Повести вр. лет оказываются редакциями смешанными. В Лаврентьевском списке лучше, чем в остальных, выдержаны особенности первой (собственно Сильвестровской) редакции; но и в нем видим заимствования из второй (между прочим, из нее взято начало благочестивых рассуждений под 1110 годом)². Радзивилловский список подвергся сильному влиянию списков, одержавших вторую редакцию Повести вр. лет, и заимствовал из них ряд более или менее существенных поправок³. Протограф Ипатьевского и Хлебниковского списков в основных чертах своих следовал второй редакции, но внес в нее ряд особенностей из списков первой (Сильвестровской) редакции: при этом Хлебниковский список подвергся правке, сблизившей его в значительной степени с текстом Лаврентьевского и Радзивилловского СПИСКОВ.

В общем исследование текста Повести вр. лет должно исходить из Лаврентьевского списка — не потому чтобы он был древнейшим, а потому, что в нем лучше, чем в других, представлена первая (Сильвестровская) редакция Повести временных лет.

§ 1. Исследование текста Повести вр. лет обнаруживает в нем ряд вставок; исключение же из него этих вставок ведет к представлению о своде, старшем, чем Повесть вр. лет. Укажу, например, несколько вставок, явно нарушивших первоначальный ход рассказа.

В утраченном Троицком списке, судя по сохранившимся отрывкам, имелось немало позднейших поправок.

Московско-Академический список испытал на себе влияние Софийской летописи.

Под 6370 (862) слова «к Русі; сице бо ся зваху тии Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъглыне, друзии Гѣте, тако и си. Реша Руси Чюдѣ Словени и Кривичи и Весь »⁴ явно вставлены после «Идо-ша за море къ Варягомъ », после этих слов мы ожидали бы прямо «и реша: земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ ». Вставка эта отмечена была А. А. Потебней в исследовании «К истории звуков русского языка», вып. II, стр. 16.

Под 6453 (945) весь рассказ о трех местах Ольги имеет характер вставки, так как следующее за ним заглавие «Начало княженья Святославля» несомненно стояло некогда непосредственно за известием об убиении Игоря, оставившего после себя Ольгу и малолетнего Святослава.

Под 6454 (946) после слов «И победиша Деревляны» читаем рассказ о четвертой мести Ольги (сожжение Искоростеня); а между тем совершенно очевидна связь этих слов с словами «и възложиша⁵ на ня дань тяжьку»; отсюда заключаем, что указанный рассказ вставлен в текст Повести вр. лет.

Под 6463 (955) после слов «и приде Киеву» находим сравнение Ольги с Ефиопской царицей, приходившей к Соломону, и далее благочестивые рассуждения; за ними читаем: «Си же Ольга, приде Киеву», т. е. то же, что перед отмеченным отрывком, который поэтому признаем вставленным.

Под 6476 (968) после слов «И оступиша градъ в силе велице » читаем: «бещислено множество около града и не бе лъзе изъ града вылести, ни вести послати», далее рассказ о смелом юноше, переплывшем Днепр и вызвавшем Претича, появление которого обратило Печенегов в бегство («побегоша раз-но от града »); между тем за этим рассказом читаем: «И отступиша Печеньзи отъ града, и не бяше лъзе коня напоити »(следовательно, блокада города сделалась еще теснее после бегства Печенегов и отступления их от города); в виду этого отождествляю слова «И оступиша градъ в силе велице » и слова «И отступиша Печенези отъ града», признавая эти последние слова переделкой первых, вызванною вставленным рассказом о юноше и появлении Претича.

Под 6479 (971) Святослав, видя убыль в своей дружине, говорит: «поиду в Русь, приведу боле дружины»; мы видим исполнение этого решения ниже: «поиде в лодяхъ, к порогомъ», а между приведенными словами находится сообщение о заключении Святославом мира с Греками и текст договора; признаем и то и другое вставкой.

Под 6495 (987) Владимир, сообщив собранным боярам и старцам градским о выслушанных им речах греческих проповедников, спрашивает их: «Да что ума придаете? что отвещаете? » Прямой ответ на этот вопрос находим ниже: «Отвещавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ Гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бе мудрейши ВСЕХЪ человекъ»; поэтому предшествующий рассказ об испытании вер посредством посольства считаем вставкой.

⁴ В текст Лавр, списка вносим несколько поправок, предложенных издателем.

⁵ Такт, в Лавр., а вторая редакция Пов. вр. лет исправила для согласования с предыдущим: «възложи».

Можно указать и на другие вставки, но мы ограничиваемся пока приведенными примерами.

Итак, анализ текста Повести вр. лет приводит к представлению о более древнем или даже о более древних сводах, ей предшествовавших: в них не было, например, рассказов о мести Ольги, не было рассказа о смелом юноше, спасшем Киев от Печенегов, не было договора Святослава с Греками, рассказа об испытании вер посредством посольства, благочестивых рассуждений по поводу крещения Ольги и т. д.

§ I³. В начале списков Новгородской 1-й летописи младшего извода (старший извод представлен одним только списком — Синодальным) помещена древняя летопись сначала в более или менее полном виде (приблизительно до 1016 года), потом в кратких извлечениях (1017—1052), затем опять в полном виде (1053—1074) и, наконец, в отрывках, вполне тождественных с текстом Новгородской 1-й летописи старшего извода. Исследование о сложном составе младшего извода Новгородской 1-й летописи оставляем пока в стороне; но укажем здесь главные выводы, к которым приведет нас ниже это исследование. Новгородская 1-я летопись произошла из более древнего свода, составленного в Новгороде около 1425 года и называвшегося Софийским временником. Софийский временник соединил данные двух старших сводов: протографа Синодального списка и другого древнего свода. К этому второму источнику возводятся отмеченные выше части Новгородской 1-й летописи младшего извода: во-первых, текста от начала летописи приблизительно до 1016 года, во-вторых, текст 1053—1074 годов. Сравнивая в этих пределах текст Новгородской 1-й летописи младшего извода с текстом Повести вр. лет, убеждаемся в том, что в первой сохранился более древний текст, чем во второй; в числе доказательств можно привести некоторые из отмеченных выше мест, где мы только что обнаружили вставки в тексте Повести вр. лет. Так, под 6454 (946) годом в Новгородской 1-й читаем: «И победита Древляны и возложиша на нихъ дань гяжьку», т. е. именно так, как, по нашему предположению, читалось в своде, предшествовавшем Повести вр. лет. Так, под 6479 (971) годом в Новгородской 1-й читаем: «И рече: пойду в Русь и приведу болши дружине; и пойде в лодяхъ», т. е. здесь не помещен договор Святослава с Греками, которого не было, как мы предположили, и в своде, предшествовавшем Повести вр. лет. Это приводит нас к мысли, что в числе источников Софийского временника (откуда Новгород. 1-я младш. извода) был летописный свод, предшествовавший по времени своего составления Повести вр. лет.

Мысль эта находит себе подтверждение еще в следующих соображениях. Близость текста Новгород. 1-й летописи и Повести вр. лет стоит вне всякого сомнения; ее можно объяснить или так, что текст Новгород. 1-й (путем Софийского временника) заимствован из Повести вр. лет; или так, что Повесть вр. лет пользовалась Софийским временником и почерпала свое содержание из него; или, наконец, так, что Софийский временник и Повесть вр. лет восходят к одному общему источнику. Второе объяснение, т. е. возможность влияния Соф. временника на Повесть вр. лет, должно быть от-

вергнуто, так как Соф. временник возник около 1425 года, а текст Повести вр. лет сложился в первой четверти XII столетия. Отвергаю и первое объяснение, т. е. возможность извлечения текста Софийского временника из Повести вр. лет, и это по следующим основаниям: текст Соф. временника представляется значительно сокращенным сравнительно с текстом Повести вр. лет. Но, оставляя в стороне первые страницы, где изложены древнейшие события, и обращаясь к сравнению Соф. временника с Повестью вр. лет в пределах от призвания Варягов и до княжения Владимира включительно (засим Соф. временник следует некоторое время другому источнику — протографу Синод, списка), видим, что Софийский временник сокращает Повесть вр. лет с и с т е м а т и ч е с к и . Так, в нем нет ни одного заимствования из Амартола, нет ни одного договора с Греками, нет нескольких сказаний, как, например, сказания о смерти Олега, сказания о четвертой мести Ольги, сказания об отроке Переяславе, сказания о Белгородском киселе. Других сокращений в тексте летописи мы не находим; общие Софийскому временнику и Повести вр. лет статьи переданы первым без всяких пропусков (кроме случайных, механических) с такою же подробностью, как Повесть временных лет. В виду этого нельзя признать текст Соф. временника извлечением или сокращением из Повести вр. лет: редактор не мог задаться целью опустить в своем труде все заимствованное из Амартола, все четыре договора и т. д. Впрочем, как мы видели выше, из текста самой Повести вр. лет очевидно, что в предшествовавшем ей своде не находился договор Святослава и что в соответствующем месте этого свода читалось совершенно так же, как читается теперь в Новгород. 1-й летописи (Соф. временник). Следовательно, пропуск договоров в Соф. временнике может объясняться тем, что составитель держался не Повести вр. лет, а старшего, чем Повесть вр. лет, свода. Таким образом, мы подходим к третьему из предложенных выше объяснений, и одно это объяснение признаем правильным и согласным со всеми выясняющимися при сравнительном изучении Соф. временника и Повести вр. лет обстоятельствами. Софийский временник и Повесть вр. лет восходят к общему источнику, — к летописному своду, предшествовавшему, следовательно, Повести вр. лет.

§ I⁴. Первоначальный состав и объем этого восстанавливаемого путем сравнительного изучения Софийского временника и Повести вр. лет свода могут быть определены пока более или менее предположительно. Имея в виду, что Софийский временник составлен на основании двух источников — этого древнего свода и протографа Синод, списка, мы получаем возможность определить, что именно в тексте Софийского временника восходит к протографу Синод, списка и что, следовательно, заимствовано из другого источника, свода, предшествовавшего Повести вр. лет. К сожалению, Синод, список дефектный — он дошел до нас только начиная с середины статьи 6524 (1016) года. Далее текст Софийского временника не дошел до нас в первоначальном виде: он известен, во-первых, в своде, легшем в основание Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей: здесь он соединен с текстом другого свода, содержавшего в составе своем Повесть вр. лет (ср. хотя

бы начало Соф. 1-й и Новг. 4-й летописей, т. е. статьи, читающиеся перед Предисловием к Софийскому временнику); во-вторых, в составе Новгородской 1-й младш. извода: здесь текст Соф. временника обосложен несколькими вставками из того самого свода, что лежит в основании Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей. Таким образом, разложение текста Софийского временника на два источника, лежавшие в его основании, сильно затруднено. Тем не менее мы находим надежный критерий для такого разложения Софийского временника на составные его источники в следующем соображении: к своду, предшествовавшему Повести вр. лет, могут быть возведены все те статьи Новгородской 1-й летописи (Соф. временника), которые находят себе соответствие в Повести вр. лет. Следовательно, например, весь текст от 6453 до середины статьи 6523 года (до середины плача Глеба Владимировича) может быть возведен в Новгородской 1-й летописи к искомому своду⁶. Далее к нему же может быть возведен текст статей 6561—6582 годов⁷. Ряд соображений, подробно развитых нами ниже, в конце настоящего труда, побуждают нас возвести к тому же своду и начало Новгородской 1-й летописи, несмотря на сильные отличия ее от соответствующей части Повести вр. лет. Наконец, возводим все к тому же своду самое предисловие к Софийскому временнику: позволю себе сослаться на свою статью в Известиях Отд. р. яз. и сл. за 1908 г., кн. 1-я, где приведены доказательства в пользу того, что предисловие это восходит к древнему Киевскому своду.

Таким образом, исходя из текста Новгородской 1-й летописи и имея еще в виду показание Синодального списка в части от 1016 года, мы в составе Новгородской 1-й летописи младш. извода отличаем: во-первых, текст, восходящий к Соф. временнику: сюда относим все то, что не может быть возведено к двум другим источникам; во-вторых, текст, восходящий к своду — родоначальнику Соф. 1-й и Новгор. 4-й летописи: сюда относим похвалу Владимиру под 6523, далее вторую половину статьи 6523 года, начиная со второй части плача Глеба Владимировича, вставки в статью 6524 года (все то, чего нет в Синод. списке), статьи 6552, 6553, 6555, 6557, 6558,

6 Исключение составят: статья 6497 (989) г. о крещении Новгорода и приложенные к ней перечни князей, иерархов, епархий и посадников — эту статью и эти перечни я возвожу поэтому к протографу Синод. списка, хотя вижу сильную редакционную работу со стороны составителя самого Соф. временника, дополнившего некоторые из перечней до своего времени. (Во избежание недоразумений отмечаю, что имя митрополита Герасима не читалось в Соф. временнике, как видно из соответствующих перечней в Новгор. 4-й, напр. по Новоросс. списку; ср. Лет. занят. Археогр. комм. за 1871 г., протоколы.) Далее исключением является похвала Владимиру, явно заимствованная и притом в сокращенном виде из того свода, к которому восходят Соф. 1-я и Новгор. 4-я. Наконец, возвожу к тому же своду слова «а Ярополкъ же княжа в Киеве, и воевода бе у него Блудъ», хотя возможно, что эти слова заимствованы из протографа Синод. списка (см. 6480 год).

7 Исключения составят новгородские и псковские известия 6563 о клевете на епископа Луку, 6566 о возвращении Луки в Новгород, 6568 о победе Изяслава над Сосолами; все эти известия заимствованы из того свода, к которому восходят Соф. 1-я и Новгор. 4-я.

6559, 6560, конец статьи 6563, вторую часть статьи 6566, вторую часть статьи 6568 гг.; в-третьих, прибавки, сделанные редактором Новгородской 1-й летописи младш. извода: сюда относим вставку имени митроп. Герасима в перечне русских митрополитов.

В Софийском же временнике, в той части его, что доходит до 6582 (1074) года⁸, отличаем: во-первых, текст, восходящий к своду, предшествовавшему Повести вр. лет: это Предисловие, далее 6362—6523 гг. и, наконец, 6561—6582 гг.; во-вторых, текст, восходящий к протографу Синод, списка: это 6497 год с приложенными к нему перечнями, 6525—6545 гг. (6546—6558 были оставлены пустыми) и, как кажется, 6559 и 6560 гг. (которые в Новг. 1-й сближены с другими источниками этой летописи, ср. выше); в-третьих, прибавки, сделанные редактором Соф. временника: сюда относим дополнения в перечнях князей, иерархов и посадников против того объема, какой они имели в протографе Синод, списка, составленном около 1330 года.

§ I⁵. Итак, мы видим, что по Новгородской 1-й (Софийскому временнику) могут быть восстановлены лишь некоторые части предшествовавшего Повести вр. лет свода. Конец свода совсем не находит себе в ней соответствия; не может быть восстановлена и часть от 6524 до 6560; в этой части, как мы видели, составитель Соф. временника следовал протографу Синод, списка, опуская, впрочем, некоторые и известия этого вспомогательного своего источника. Причину, почему в Соф. временнике не представлен конец свода, предшествовавшего Повести вр. лет, а также часть его, обнимавшая годы 6524—6560, я вижу в том, что экземпляр этого свода, бывший в распоряжении составителя Соф. временника, был дефектный: он утратил свое окончание и листы, на которых были события 6524—6560 годов. Составитель Соф. временника, желавший передать свой древний источник полностью, был, однако, вынужден, начиная с 6524 года, обратиться к другому источнику — протографу Синод, списка; с 6561 года ему удалось вернуться к первому источнику, но уже с 6583 года пришлось ограничиться списыванием одного второго источника. Таким образом, о составе и объеме древнего источника Соф. временника — свода, предшествовавшего Повести вр. лет, мы можем судить лишь в пределах до 6582 года, и то — включив часть 6524—6560 годов. Но нельзя допустить, чтобы этот свод оканчивался на 6582 году, ибо такое окончание его в экземпляре, бывшем доступным составителю Соф. временника, зависело от случайных причин, от утраты конца свода; в Соф. временнике, по свидетельству Новгор. 1-й летописи мл. извода и Соф. 1-й летописи, статья 6582 года обрывалась на неоконченной фразе: «абіе целовавъ его князь и обещася монастыремъ пещися».

Какие же данные могут быть привлечены к решению вопроса, до какого года доходил свод, предшествовавший Повести вр. лет? Окончание этого свода надо искать, конечно, в тексте Повести вр. лет, но указание на то,

⁸ За этим годом Соф. временник следует исключительно протографу Синод, списка.

где именно его можно найти в этом тексте, дает, как кажется, смысл предисловия, предпосланного исследуемому своду и включенного в Софийский временник. Анализ этого предисловия показывает, что обличительные речи его составителя, обвиняющего современных князей в алчности и плохом управлении, должны быть отнесены ко временам Святополка Изяславича, и притом к первым годам его княжения, когда Русская земля неоднократно подвергалась разорению со стороны Половцев; эти обличительные речи ведут нас к определенному месту составления Предисловия: Печерский монастырь в лице игумена Иоанна в первые годы княжения Святополкова, как мы знаем из Патерика (рассказ о Прохоре лебеднике), выступал с резким осуждением князя за его корыстолюбие и насилия. В конце предисловия составитель свода обещает довести рассказ до греческих царей Алекс⁹ и Исакия: ряд соображений заставляет отказаться от мысли, что под этими царями разумеются императоры Исакий и Алексей Ангелы, правившие (один за другим) в конце XII и начале XIII столетия. Поэтому под Алексой я признаю императора Алексея Комнина (1081—1118), а под Исакием его старшего брата, Исакия Севастократора, фактического соправителя Алекс¹⁰. Итак, мы получаем основание искать окончание свода, предшествовавшего Повести вр. лет, в первых годах княжения Святополка. Останавливаюсь на самом 1093 годе, годе вступления Святополка на княжение; имея в виду длинные благочестивые рассуждения в конце летописной статьи 6601 (1093) года, рассуждения, вызванные поражениями со стороны Половцев, поражениями, вина за которые складывается летописцем на князя Святополка, принимая во внимание свидетельство Татищева, что за этими рассуждениями в некоторых списках читалось слово «аминь», я признаю окончанием свода, предшествовавшего Повести вр. лет, статью 6601 (1093) года, а именно содержащиеся в ней благочестивые рассуждения по случаю побед половецких и половецкого разорения. Составление же этого свода я отношу на время несколько позднейшее, быть может, на 1094 или 1095 годы. Высказываюсь относительно времени составления свода, неопределенно: это время около 1095 года.

§ I⁶. Из предыдущего видно, что главным источником нашего знакомства со сводом, составленным около 1095 года, остается Повесть вр. лет; в пределах 6524—6560 и 6582—6601 мы можем судить о составе этого свода исключительно на основании Повести вр. лет. Но в остальных частях своих он восстанавливается путем сравнения Повести вр. лет с Новгородскою 1-ю летописью младшего извода. При этом оказывается, что восстанавливаемый путем внутреннего анализа содержания Повести вр. лет свод во многих случаях совпадает с текстом свода, восстанавливаемого путем сравнения Повести вр. лет с Новгородскою 1-ю летописью младшего извода: так, анализ Повести вр. лет показывает, например, что в предшествовавшем ей своду не было договоров с Греками (заключаем об этом по явно встав-

9 Так (Олекси) читается в Троицк, списке Новгор. 1-й летописи.

10 Ср. статью в Известиях Отд. р. яз. и сл. за 1908 г., кн. 1.

ленному договору Святослава) и не было рассказа о четвертой мести Ольги: в Новгородской 1-й младшего извода не оказывается также ни договоров с Греками, ни рассказа о четвертой мести Ольги. Но в других случаях результаты анализа Повести вр. лет не совпадают с данными о своде, предшествовавшем Повести вр. лет, извлекаемыми из Новгородской 1-й младшего извода: так, например, анализ Повести вр. лет показывает, что некогда в летописном тексте отсутствовал и рассказ о первых трех местях Ольги, между тем этот рассказ читается в Новгородской 1-й; или еще: указанный анализ приводит к заключению, что под 6476 (968) никогда в летописном тексте не читался эпизод о смелом юноше и появлении Претича, между тем этот эпизод имеется в Новгородской 1-й; то же относительно эпизода испытания вер посредством посольства и мн. др. Что же доказывает такое несоответствие результатов анализа текста Повести вр. лет с данными, представляемыми Новгородскою 1-ю летописью?

Это несоответствие результатов показывает, что Повести вр. лет предшествовал не один свод, а, по крайней мере, два свода. Непосредственным ее предшественником был свод, составленный около 1095 года и известный в отдельных частях по Новгородской 1-й летописи; но этому своду предшествовал другой свод, восстанавливаемый путем анализа как Повести вр. лет, так и соответствующих ей статей Новгородской 1-й летописи.

Задачей настоящего труда является восстановление путем анализа Повести временных лет или, точнее, путем анализа предшествовавшего ей свода, составленного около 1095 года, еще более древнего свода, который мы теперь же назовем Древнейшим Киевским сводом. Непосредственно же предшествовавший Повести вр. лет свод мы называем Начальным Киевским сводом.

§ I. В предстоящем нам исследовании мы должны исходить из текста Начального свода. Правда, свод этот не дошел до нас, но мы видели, что он восстанавливается путем исключения из Повести вр. лет, в пределах 6362—6523 и 6561—6582 гг., всех тех статей, которых не имеется в Новгородской 1-й летописи младшего извода. Следовательно, при анализе летописного текста в только что отмеченных пределах, мы можем исходить из текста статей, общих Повести вр. лет и Новгородской 1-й летописи младшего извода. При анализе же летописного текста 6524—6560 и 6582—6601 годов мы принуждены ограничиться текстом одной Повести вр. лет, освещающей местами путем некоторых соображений вопрос о том, насколько этот текст отклонился от текста непосредственно ему предшествовавшего Начального свода.

§ 2. Этот памятник содержит в себе несколько важных летописных заметок, не находящих себе соответствия в дошедших до нас летописных сводах. Между тем, весьма вероятно, что эти заметки извлечены из летописи, ибо многие из них сходны с дошедшими до нас летописными известиями. Вот почему находим необходимым рассмотреть эти заметки, а прежде того проанализировать состав памятника, где они находятся.

Состав сочинения, озаглавленного «Память и похвала князю Рускому Володимеру, како крестися Володимеръ и ДЕТИ СВОЯ крести и всю землю Рускую отъ конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Ияковом мнихомъ»¹, весьма сложный. Во-первых, отмечаем явную вставку похвалы Ольге в тексте похвалы Владимиру; вставка обнаруживается тем особым заглавием, которое предшествует похвале Ольге («Похвала княгине Олге, како крестися и добре поживе по заповеди Господни»), а также обращением «Послушайте, възлюблении» в конце этой похвалы, после чего продолжается похвала

1 Издания: по сборнику нач. XVI в., принадлежавшему И. П. Сахарову, напечатано преосв. Макарием в Христ. Чт. за 1849 г., кн. II; по Макарьевскому Четьи Минее (июль, Синод, сп.) А. И. Соболевским в Чт. Общ. Нестора летописца, кн. II, с. 21. и ел.; по Мусин-Пушкинскому сборнику 1414 года (копия нач. XIX в.) В. И. Срезневским в 1893 году в приложении к LXXII тому Записок И. А. Н., № 5; по сборнику 1494 года Казанской Духовной Академии им же в 1897 г. в Записках И. А. Н., 8-я серия, т. I, № 6.

Владимиру. Во-вторых, видим явную непоследовательность в самой похвале Владимиру: после сообщения о взятии Корсуня и женитьбе Владимира читаем о его кончине, далее находим краткое сообщение о кончине Ольги, засим говорится о самой кончине Владимира и приводится его предсмертная молитва; наконец, за этой молитвой перечисляются в виде летописных заметок события сначала после крещения Владимира, а затем до крещения, причем перечень этот заканчивается заметкой о кончине Владимира. В-третьих, видим ряд повторений в составе похвалы Владимиру: так повторена фраза «крести же и всю землю Рускую от конца до конца», повторено дважды (с незначительным вариантом) «аггели възвеселишася и архаггели»; повторено дважды (с вариантами) «како шедши къ Царюграду и прияла бяше святое крещение»; повторено дважды в составе похвалы Владимиру известие о кончине Ольги; приведено три раза сообщение о смерти самого Владимира. В-четвертых, в похвале Ольге, вставленной в похвалу Владимиру, также обнаруживаются непоследовательность и повторения; об успении Ольги сказано два раза; после первого сообщения читается о прославлении Богом тела Ольги нетлением, причем эта часть сопровождается в начале и конце сходною фразою: «и Богъ прослави тело блаженныя княгине Ольги, ейже имя въ святомъ крещении наречено Елена». Все это приводит нас к заключению, что обе статьи: Похвала Владимиру и Похвала Ольге дошли до нас не в первоначальном своем виде.

§ 3. Совершенно ясно, что Похвала Ольге читалась первоначально отдельно от Похвалы Владимиру и лишь впоследствии вставлена в последнюю. Чем же вызвана такая вставка? Не содержал ли текст Похвалы Владимиру такого места, которое естественно наталкивало на такую вставку? По-видимому, подобное место есть: мы читаем Похвалу Ольге после фразы «Тако же и блаженный князь Володимир створи с бабой своею Олгою». Упоминание об Ольге и вызвало, как можно предположить, вставку Похвалы Ольге, читавшейся некогда отдельно. Раньше я так и думал, причем шел еще дальше, исходя из мысли, что приведенная только что фраза действительно читалась в Похвале Владимиру. Я именно признавал продолжением этой фразы следующее место, читающееся уже к концу памятника: «и съ благоверною Олгою, и та бо шедши Цесарюграду прияла бяше святое крещенье»; слова «и съ благоверною Олгою» стоят непосредственно за сообщением о кончине Владимира, а потому решительно не могут быть связаны с предшествующим текстом. Такое признание, равносильное предположению, что фраза: «Тако же и блаженный князь Володимиръ створи с бабою своею благоверною Олгою» разбита сделанною после слов «с бабою своею» вставкою, имело для меня следствием необходимость счесть вставкою в текст Похвалы Владимиру не только Похвалу Ольге, но и непосредственно за нею следующую статью, начинающуюся словами «Блаженный же князь Володимиръ, внукъ Олжинъ, крестивъся самъ и чада своя» и оканчивающуюся вышеупомянутым сообщением о кончине Владимира. Этот вывод подтверждался тем обстоятельством, что указанная статья в несколько сокращенном виде встречается отдельно от Памяти и похвалы, получив после изда-

ния ее А. И. Соболевским название «Древнее житие Владимира ». Правда, в отдельном виде своем она не оканчивается упомянутым выше сообщением о кончине Владимира, а продолжена перечнем событий, имевших место после крещения Владимира, и затем событий, случившихся до его крещения; но тот же перечень отыскивается в Памяти и похвале в недалеком соседстве от предполагаемого окончания выделяемого из него особого памятника, а именно в самом конце Памяти и похвалы. Таким образом, анализ сводного памятника, озаглавленного «Память и похвала-Владимиру », обнаруживал в нем следующие части:

- 1) самую Память и похвалу в двух отрывках: первом, от начала до слов «<Тако же и блаженный князь Володимеръ створи съ бабою своею Ольгою» включительно, и втором, от слов «и съ благоверною Ольгою: и та бо шедши Цесарюграду » до слов «того ради пршмутъ ве нещъ красоты отъ, руку Господня »;
- 2) похвалу Ольги, ясно выделяющуюся из состава памятника;
- 3) древнее житие Владимира в двух отрывках: первом, от слов «Блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ и чада своя» до «и дары многы присла къ нему и мощи святыхъ даста ему » включительно, и втором, от слов «По святемъ же крещенни поживе блаженный князь Володимеръ 28 летъ » до конца памятника².

§ 4. Сопоставляю следующие два места Памяти и похвалы: 1) «Яко же верою онъ (Константин) великою и любовш Божию подвигся, утверди всю вселенную любовш и верою и святымъ крещениемъ просвети весь миръ и законъ Божш по всей вселенней заповеда и раздруши храмы идольскыя съ лжеименными богы, святыя же церкви по всей вселеннѣй постави на хвалу Богу, въ Троици славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу, и крестъ обрете, всего мира спасете съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою и с чяды своими, приведе къ Богу святымъ крещешемъ бесчисленное множество и т р е б и щ а бесовская потреби и х р а м ы и д о л ь с к ы я раздруши и церквами украси всю вселенную и г р а д ы и заповѣда въ церквахъ памяти святыхъ творити п і н ь и и молитвами и праздни к ы праздновати на славу и на хвалу Богу». 2) «Блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя и всю землю Русскую крести отъ конца и до конца, храмы и д о л ь с к ы я и т р е б и щ а всюду раскопа и посѣче и идолы вся съкруши и всю землю Русскую и г р а д ы честными иконами церкви украси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяше пением и молитвами, и праздноваше светло праздни к ы господьскыя». Связь между обоими местами совершенно очевидна: Владимир сравнивается с Константином, и ему приписываются деяния, сходные с деяниями Константина; следовательно, оба отрывка должны были первоначально

2 Слова «И тако добре поживе благоверный князь Володимеръ и сконча житие свое въ правовернвй вере о Христе Иисусе ГОСПОДЕ нашемъ» должны были быть признаны мною сочиненными редактором для перехода от текста Древнего жития ко второму отрывку самой Памяти и похвалы.

следовать друг за другом, и второй отрывок должен был начинаться словами: «Тако же и блаженный князь Володимерь»; эти слова мы и читаем за первым отрывком, но за ними следует неожиданно: «створи съ бабою своею Олгою», а засим похвала Ольге. Отсюда видно, что эта похвала разорвала две части похвалы Владимиру: благодаря этому, вторая часть похвалы (со слов «Блаженный же князь Володимерь, внукъ Олжинъ, крестився самъ») приобрела характер самостоятельного произведения и могла быть даже выделена как особое сочинение (см. выше). Но откуда же попали стоящие между обоими отрывками слова: «створи съ бабою своею Олгою» — слова, несомненно вызвавшие помещение вслед за ними Похвалы Ольге?

Мне кажется, что они должны иметь связь со словами «с божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою», читаемыми в первом отрывке. При этом выясняется, что первый отрывок не представляет единства; в нем явным образом слиты два приступа к сравнению Владимира с Константином: первый приступ, начинаясь словами: «Якоже верою онъ великою и любовию Божиею подвигся», оканчивается словами: «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою»; второй приступ не сохранил своего начала: он дошел до нас от слов: «с чады своими» и до слов: «на славу и на хвалу Богу». Второй приступ повторяет то же, что первый, даже иногда в тождественных выражениях; ср. в первом приступе: «... заповеда и раздруши храмы идольския... святые же церкви по всей вселенней постави на хвалу Богу»; а во втором: «... храмы идольския раздруши и церквами украси всю вселенную... и заповеда... на хвалу Богу». Как видно из напечатанных выше текстов обоих отрывков (ср. набранное разрядкою), соответствие находит себе в дальнейшем только второй приступ. Приняв во внимание находящуюся выше в Похвале Владимиру фразу: «отвержеса все диаволя льсти и прше отъ тмы диаволя на светъ съ ч а д ы с в о и м и», я думаю, что второй приступ начинался словами: «Якоже онъ (т. е. Константин) отвержеса всея диаволя льсти и прше отъ тмы диаволя на светъ съ чады своими» и далее продолжался: «и приведе къ Богу святымъ крещениемъ бесчисленное множество, и требища бесовьская потреби, и храмы идольския раздруши и церквами украси всю вселенную и грады и заповеда въ церквахъ памяти святыхъ тво-рити пении и молитвами и праздники праздновати на славу и на хвалу Богу»; — за сим следовало: «также и блаженный князь Володимерь, крестивься самъ и чада своя и всю землю Русскую» и т. д.

Текст первого приступа нам известен; но где же соответствующая ему вторая часть сравнения? Первый приступ оканчивается словами: «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою». Ищем поэтому соответствующую ему вторую часть сравнения в словах: «Тако же и блаженный князь Володимерь створи съ бабою своею Олгою». Но, конечно, эта фраза не окончена; за ней следовало подробное перечисление того, что сделали Ольга и Владимир; вместо того, читаем теперь Похвалу Ольге.

§ 5. Наличие двух отрывков, где проводится сравнение Владимира с Константином, убеждает в том, что в Памяти и похвале слиты два сочинения, одинаково относившиеся к Владимиру, восхвалявшие его добродете-

ли, перечислявшие его подвиги. Между обоими сочинениями замечалось сильное сходство; одно из них составлено было под влиянием другого; ср. предложенное выше сопоставление первого и второго приступа к сравнению Владимира с Константином³. Позднейший редактор слил оба эти сочинения. Различить в настоящее время, что именно в сводном тексте восходит к одному и что к другому источнику, представляется делом весьма сложным. Мы не решаемся предпринять здесь этой работы, так как она, если бы и удалась нам, слишком отвлекла бы нас от прямой нашей задачи. А задача эта состоит в определении отношения к начальной летописи тех летописных заметок, которые читаются в конце Памяти и похвалы. Трудно решить, принадлежали ли эти заметки сочиненно Иакова мниха или другому слитому с ним сочинению анонима. Но совершенно ясно, что эти заметки попали в конец Памяти и похвалы в результате той редакционной работы, которой подверглись оба слитые в Памяти и похвале сочинения. Думаю, что заметки эти перенесены в конец памятника потому, что редактор дал предпочтение тому историческому материалу, который читается теперь в середине его; иначе — летописные заметки принадлежали одному из слитых в одно сочинений, а рассказ о победах Владимира над Радимичами, Ятвягами, Серебряными Болгарами и Козарами и о взятии им Корсуна — другому. Редактор дал предпочтение рассказу этого другого своего источника; рассказ же первого источника отнес в конец своего труда. Вот почему мы признаем необходимым рассмотреть эти летописные заметки вне связи с остальным текстом Памяти и похвалы; у нас нет достаточно надежных данных для определения, какие еще части Памяти и похвалы должно возвести к тому сочинению, где содержались означенные заметки.

§ 6. Впрочем, в виде предположения, которому не придаю особенного значения, высказываю следующие соображения. Перед первой, точнее старшей летописной заметкой, а таковою считаю сообщение: «И седе в Кыеве на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря», — читаем: «Блаженный князь Володимерь имяше скровище свое на небесехъ, съкрывъ милостыню и добрыми своими делы; тамо и сердце его бе, въ царствии небеснемъ, и Богъ поможе ему»; перед первыми историческими известиями в середине Памяти и похвалы, а именно, перед словами «и побежаше вся врагы своя, и бояхуся его вси; идеже идяше одолеваше: Радимици победы » и т. д., читаем: «Тако же пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ делех, благодать

³ В Слове о законе и благодати находим также сравнение Владимира с Константином: «Онъ съ святыми отци Никиискаго збора законъ человекомъ полагаше; ты же с новыми отци нашими епископы снимался часто, съ многымъ смиреньемъ свещевашеся, како в человецехъ сихъ новопознавшихъ законъ уставити. Онъ в Елинехъ и Рямлянехъ царство Богу покори; ты же, о блаженниче, подобно; уже бо и въ онехъ и в насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ съ матерью своею Еленою крестъ отъ Иерусалима принесоша и по всему миру своему раславша, веру утвердиста; ты же съ бабою своею съ Ольгою, принесша, крестъ отъ новаго Иерусалима Костянтина града, по всей земли своей поставивша и веру Христову утвердиста». Но отдельные части сравнения не содержат тавтологии, подобной той, которую мы обнаружили в Памяти и похвале. Вместе с тем ясно, что в Памяти и похвале сравнение (в особенности в первом приступе) составлено не без влияния Слова о законе и благодати.

Божия просвещааше сердце его, и рука Господня помогааше ему». Не следует ли отождествить эти обе переходные фразы? Ср. в особенности конец их: «и Богъ поможе ему», с одной стороны, «рука Господня помогааше ему», с другой. Если такое отождествление возможно, то весьма правдоподобно, что все летописные заметки, и притом изложенные в хронологическом порядке (а не так, как они читаются теперь), должны быть отнесены непосредственно за описанием добродетелей Владимировых, в особенности же милостыни его (отрывок «Боле же всего бяше милостыню творя князь Володимерь... вся милуя и одевая и накормя и напаяя »). Если же вместо них мы находим в дошедшем до нас тексте другой рассказ, то он восходит к другому сочинению и вытеснил летописные заметки потому, что редактору он показался интереснее и важнее. Этот другой рассказ обстоятельно излагает эпизод взятия Корсуня, между тем как в первом рассказе о взятии Корсуня упомянуто лишь мимоходом. Не следует ли видеть в этом указание на влияние Корсунской легенды на этот другой рассказ, на этот другой вид Похвалы Владимиру? Первый вид, по-видимому, совсем не знал этой легенды; между тем второй вид использовал ее. При этом выясняется сходство между соответствующим Корсунской легенде рассказом и между памятниками житийной литературы о Владимире. Слова: «умысли же и на Гречкыи град Корсунъ. И сие моляшеся князь Володимерь Богу: Господи, владыко всихъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ да прииму и и да приведу люди крестияны и попы на свою землю и да научать люди закону крестьяньскому», ср. в проложном житии: «и рече в себе: сие створю, пойду въ землю и пленю градъ ихъ и обрящу учителя. Да еже умысли, то створи ». Сообщение о женитьбе Владимира и о получении от царей мощей святых: «и даста ему сестру свою и дары многы присласта к нему и мощи святыхъ даста ему» ср. с подобным же сообщением в житии Владимира особого состава (в Плигинском сборнике): «Царь же Константинъ да Василеи дають сестру свою съ великою честию и много святыхъ мощей»⁴. Заметим, однако, что Память и похвала умалчивает о крещении Владимира в Корсуне, между тем как в названных житийных произведениях крещение Владимира происходит именно в Корсуне; эту особенность Памяти и похвалы надо поставить в связь с тем, что и в летописных заметках о крещении говорится до взятия Корсуня.

Таким образом мы в общем приходим к следующему выводу: существовало два вида Памяти и похвалы мниха Иакова; один более древний: в составе его читались летописные заметки; другой более новый: в состав его вместо летописных заметок введены заимствования из житийных произведений, построенных на Корсунской легенде⁵. Позднейший редактор слил

4 Цари греческие и в Памяти и похвале названы также Константином и Василием, а не Василием и Константином, как в летописи (Нач. своде и Повести вр. лет). 5 О событиях Владимирова княжения в этом другом виде Памяти и похвалы читалось: «Радимичи побъди и дань на нихъ положи, Вятичи победи и дань на нихъ положи, Ятвягы взя и Сребряныя Болгаръ и на Козары шедъ побъди я и дань взятъ на нихъ». Это основано на припоминании из летописи, которая, сообщая о походах на Радимичей, Вятичей и Ятвягов, говорит о походе на Болгар, а не на Серебряных Болгар, и умалчивает о походе на Козар.

оба вида Памяти и похвалы в одно целое; но летописные заметки, которые нельзя было соединить с текстом, взятым из житийных произведений, он перенес в конец сводного памятника.

§ 7. Итак, летописные заметки входили в состав древнего вида Памяти и похвалы. Изложим их в их первоначальном хронологическом порядке и сопоставим затем с дошедшими летописными текстами⁶.

«И седе Кыеве на МЕСТЕ отца своего Святослава и деда своего Игоря; а Святослава князя Печенези убиша; а Яропѣлкѣ сѣдѣше Кыеве на месте отца своего Святослава; и Ольгу идущю съ вой у Вѣруча града, мость ся обломи съ вой, и удавиша Ольга въ гребли; а Яропѣлка убиша Кыеве мужие Володимирови. И седе Кыеве князь Володимѣрь въ осмое лето по смѣрти отца своего Святослава, месяца июня въ 11, въ лето 6486. Крѣсти же ся князь Володимѣрь въ 10-е лето по убиении брата своего Яропѣлка. И ка-
яшесѣ и плакашесѣ блаженни князь Володимѣрь всѣго того, елико сътвори въ поганѣствѣ, не зная Бога⁷. По святемъ же крещении пожи блаженни князь Володимѣрь 28 летъ. На другое лето по крещении къ порогом ходи; на третее Кѣрсунь городъ взя; на четвертое лето цѣрквѣ камѣну святыя Богородица заложи; а на пятое ЛЕТО Переяславль заложи; въ девятое лето десятину блаженни христіолюбивый князь Володимѣрь въда цѣрквѣ свя-
теи Богородици и отъ ИМЕНІЯ своего. О томъ бо и самъ Господь рече: идеже есть съкровище ваше, ту и сѣрдѣце ваше будетъ⁸. И усьпе съ мирѣмъ меся-
ца июля въ 15 днь в лето 6523, о Христе Иисусѣ ГСПОДЕ нашѣмъ».

§ 8. Рассмотрение этих летописных заметок, внесенных в текст Памяти и похвалы, не оставляет сомнения в том, что составитель Памяти и похвалы имел в своем распоряжении летопись; летопись эта сходствовала как с Начальным сводом, так и с Повестью вр. лет; так, в ней сходно с этими сводами сообщалось о том, что Святослав убит Печенегам и что после него в Кыеве сел Ярополк; далее, что Олег был задавлен трупами при переходе через мост у города Вручего; далее об убиении Ярополка в Кыеве мужами

6 При восстановлении первоначального текста принимаем во внимание и указания статьи, извлеченной из Памяти и похвалы, — т. н. древнего жития Владимира. 7 За сим в тексте читается: «познав же Бога истиннаго, творца небесе и земли, пока-явся всего, и отвержесѣ дѣвола и бесов и всея службы его, и послужи Богу добрыми делы своими и милостынею». Этот отрывок я признаю вставкой, сделанною редактором-сводчиком. Во-первых, в нем повторено то, что стоит непосредственно впереди: «покаявся всего» ср. выше «ка-яшесѣ всего»; во-вторых, слова «и послужи Богу добрыми ДЕЛЫ своими и милостынею» оказываются заимствованными из предыдущего текста Памяти и похвалы; ср.: «Тако же блаженни князь Володимѣрь послужи къ Богу всемъ сѣрдѣмъ и всею душею», а также: «блаженни князь Володимѣрь имѣаше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими делы»; в-третьих, слова «и отвержесѣ дѣвола и бесовъ и всея службы его» также заимствованы из предыдущего текста Памяти и похвалы, где читаем: «и отвержесѣ всея дѣвола лѣсти», ниже: «уклонився от службы дѣвола»; еще ниже: «дѣвола отвергшесѣ и службе его поругашасѣ».

8 Здесь читается теперь отрывок, предшествовавший летописным заметкам, предшествующий и теперь первой из них: «Блаженни князь Володимѣрь имѣаше скровище свое на небесѣхъ... И Богъ поможе ему».

Владимировыми, о вокняжении Владимира в Киеве, о закладке св. Богородицы, о даровании св. Богородице десятины в девятое лето по крещении и, наконец, об успении Владимира 15 июля 6523 года.

§ 9. Но вместе с тем несомненно, что летопись, использованная составителем Памяти и похвалы, существенно отличалась от дошедших до нас сводов. Во-первых, в ней сообщались факты, не попавшие в Начальный свод и Повесть вр. лет: так, эти своды не знают о походе Владимира на другое лето по крещении к порогам (очевидно, против Печенегов). Во-вторых, некоторые события были изложены в ней совсем иначе, чем в дошедших до нас сводах: так, взятие Корсуня было изложено не в связи с крещением, а отдельно от него: Владимир взял Корсунь на третье лето по крещении⁹. В-третьих, в этой летописи хронологические данные существенно отличались от данных в дошедших до нас сводах; правда, дата смерти Владимира (15 июля 6523 г.) тождественна с тою, что дают Начальный свод и Повесть вр. лет; но все остальные хронологические определения решительно отличают восстанавливаемую по Памяти и похвале летопись от дошедших до нас сводов. Владимир после крещения жил, по сообщаемым в приведенных заметках данным, 28 лет; следовательно, он крестился в 6495 году (в Нач. св. и Повести вр. лет в 6496); взятие Корсуня имело место на третье лето по крещении, следовательно, в 6497 году (в Нач. св. и Повести вр. л. в 6496); закладка св. Богородицы отнесена на четвертое лето по крещении, следовательно, на 6498 год (в Нач. св. и Ипат. сп. она отнесена на 6499, в Радз. сп. на 6497); закладка Переяславля отнесена на 6499 год (в Нач. св. она опущена, в Лавр. сп. отнесена на 6500, в Радз. и Ипат. на 6501); дарование десятины св. Богородице отнесено на девятое лето по крещении, следовательно, на 6503 год (в Нач. св. и Повести вр. лет на 6504). Далее крещение Владимира, по сообщению рассматриваемых летописных заметок, произошло в десятое лето по смерти Ярополка; смерть же последнего отнесена на 6486 год (год вступления Владимира на Киевский стол); эта дата вполне согласована с выведенною нами выше датой крещения Владимира 6495 годом; между тем в Нач. св. и Повести вр. лет вступление Владимира на стол и смерть Ярополка отнесены на 6488 год; но Владимир сел на стол в восьмое лето после смерти Святослава; следовательно, Святослав умер в 6478 году; между тем в Нач. св. его смерть отнесена к 6480 году.

§ 10. Как же понять все эти отличия летописи, использованной составителем Памяти и похвалы, от дошедших до нас сводов? Для определения значения этих отличий укажем, что вне сомнения должна быть поставлена их независимость от данных дошедших до нас сводов, т. е. что отличия исследуемой летописи не могут быть объяснены как искажения данных Нач. св. и Повести вр. лет. Это доказывается тем, что ряд соображений застав-

9 Не придаю значения подробности о том, что у Вручего под Олеговым войском обвалился мост; в дошедших до нас сводах не говорится об обвале моста; Олега спихнули с моста. Не существенно и то, что в предполагаемой летописи св. Богородица была названа «каменной».

ляет считать данные исследуемой летописи более точными, а потому и более первоначальными, чем соответствующие данные дошедших до нас сводов. Я оставляю в стороне сообщение о крещении Владимира в Киеве, а не в Корсуне, хотя и убежден в том, что предание о крещении Владимира в Киеве древнее предания о крещении его в Корсуне; оставляю в стороне и поход к порогам, хотя и сознаю, что сообщения о таком походе нельзя было ни извлечь из дошедших сводов, ни придумать из головы. Остановлюсь на хронологических данных. Поход на Корсунь и взятие его, по данным византийских и греческих источников, имели место в 6497 (989) году, причем самое взятие Корсуни случилось после апреля 989 года¹⁰; итак, дата восстанавливаемой нами летописи подтверждается. Крещение Владимира, по вероятному предположению Голубинского, было отнесено в Несторовом чтении о житии и погублении Бориса и Глеба к 6495 (987) году: дошедшую до нас цифру 6495 нетрудно объяснить из 6490-е, причем -е было принято за цифру 5¹¹; итак, Несторово показание сходится с показанием исследуемых летописных заметок. Вступление Владимира на стол в 6486 году подтверждается указанием Повести вр. лет (под 6360 годом) о том, что Владимир княжил 37 лет, ибо разница между 6523 и 6486 составляет 37¹². Дарование св. Богородице десятины, а следовательно, и освящение этой церкви относится в исследуемой летописи к 6503, а в Нач. св. и Повести вр. лет к 6504 году: я даю решительное предпочтение 6503 году, ибо, по показанию соответствующей проложной статьи¹³, освящение св. Богородицы имело место 12 мая, а 12 мая приходилось на воскресенье именно в 6503, а не в 6504 году, а что освящение нового храма было приурочено к воскресному дню, вряд ли может подлежать сомнению. Итак, четыре даты исследуемой летописи: 6486, 6495, 6497 и 6503 годы заслуживают или предпочтения перед соответствующими датами Нач. св. и Повести вр. лет, или находят себе подтверждение в других древних памятниках¹⁴.

§ 11. Особого обсуждения заслуживает точная дата вступления Владимира на стол: 11 июня 6486 года. Из первой половины XI в., а тем более из X в., до нас не дошло ни одной точной даты, определяющей какое бы то ни было светское событие; имеющиеся у нас точные даты все относятся к событиям церковным: кончина Ольги (11 июля), убийство Варягов-мучеников (12 июля), освящение св. Богородицы (12 мая), смерть Владимира

10 Ср. В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки// Журн. М. Н. Пр. 1876, № 3); бар. В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца (1883 г.); И. А. Линниченко. Совр. состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси (Труды Киевск. Дух. Акад. 1886, № 12, с. 605).

11 История русской церкви, I.

12 Ср. Srkulj. Drei Fragen aus dem Taufe des hi. Vladimir (Arch. f. si. Phil. XXIX, 248).

13 Статья эта с указанием именно 12-го мая известна по прологам XIII—XIV и посл. веков. О празднике 12 мая упоминается уже в Обиходе церковном XIII в. (Рум. № 244). Ср. Н. К. Никольский. Материалы для повр. списка, с. 41. В 1845 году Бодянский издал эту статью в Чтениях Общ. ист. и др. росс. (№ 2, с. 22), по прологу Типогр. библ., где ошибочно дан день 11 мая.

14 Относительно 6478 года, как года смерти Святослава, см. ниже § 91.

(15 июля), убийство Бориса (24 июля), убийство Глеба (5 сентября), освящение Вышегородской церкви Бориса и Глеба (24 июля), освящение св. Софии (4 ноября), освящение св. Георгия (26 ноября). Как же могла явиться дата 11 июня 6486 года? Допустим ли мы возможность существования подобной единичной записи для отдаленного события X века? Этот вопрос имеет существенное значение при изучении исследуемых летописных заметок, ибо от того или иного разрешения его зависит наше отношение к той летописи, откуда они извлечены. Думаю, что 11 июня 6486 года не было дано в летописи, как готовая дата, а было скомбинировано на основании некоторых других данных, заключавшихся в этой летописи, скомбинировано притом составителем Памяти и похвалы. Предполагаю, что составителю Памяти и похвалы была известна из нелетописного источника дата 12 июля 6486 года как день убийства Варягов-мучеников; предполагаю далее, что рассказ об убийстве Варягов-мучеников был помещен в летописи непосредственно за известием о вступлении Владимира на стол; в Начальном своде и Повести вр. лет за словами «И нача княжити Володимерь в Киеве единъ» следует сообщение о поставлении им кумиров и приношении кумирам жертв; предполагаю, что в восстанавливаемой по приведенным выше заметкам летописи, вместо этого сообщения, читался рассказ об убийстве Варягов-мучеников, после того, что Варяг-отец отказался отдать своего сына в жертву богам. Этот ряд предположений ведет нас к следующему объяснению даты 11 июня 6486 года; между днем вступления Владимира на стол и жертвоприношением богам, судя по Нач. своду и Повести вр. лет, протек целый месяц, ибо между обоими событиями вставлен эпизод с требованием дани со стороны союзников Владимира, Варягов; по предложению Владимира Варяги прождали дани, после взятия Киева и вступления на стол Владимира, «за месяц» и после того удалились в Царьград; к жертвоприношениям Владимир приступил только после удаления Варягов. Соображая все это, составитель Памяти и похвалы вычел один месяц или один месяц и один день из даты 12 июля 6486 года, когда было совершено Владимиром жертвоприношение и убиты святые Варяги, для определения дня вступления его на стол: в результате получена дата 11 июня 6486 г. Предложенное объяснение ведет нас к выводу, что летопись, откуда извлечены рассматриваемые летописные заметки, значительно сходствовала с Нач. сводом и Повестью вр. лет; она сообщала об эпизоде с Варягами после взятия Киева Владимиром; она содержала и рассказ об убийстве Варягов-мучеников; но этот рассказ она помещала вслед за сообщением об эпизоде с Варягами.

§ 12. Вниманию исследователя подлежит еще следующее обстоятельство: в летописных заметках сообщено, что на пятое лето по крещении Владимир заложил Переяславль. В Повести вр. лет также сообщается о закладке Переяславля, но совершенно отсутствовало это известие, судя по Новгородской 1-й, в Нач. своде; в Повести вр. лет закладка Переяславля поставлена в связь с эпизодом об единоборстве русского богатыря Перея слава с печенежским великаном; в Нач. своде нет

и этого эпизода¹⁵. Между тем, если мы на основании предыдущих соображений признаем восстанавливаемую по рассматриваемым заметкам летопись старшею, чем Нач. свод и Повесть вр. лет, то мы вправе предположить, что текст ее должен был быть ближе к Нач. своду, чем к Повести вр. лет, происшедшей из Нач. свода. Отметим далее, что в восстанавливаемой летописи о закладке Переяславля сообщалось на следующий год после закладки св. Богородицы; в Повести вр. лет о закладке Переяславля говорится только через год после закладки св. Богородицы; а между тем и в Нач. своде и в Повести вр. лет на следующий год после закладки св. Богородицы сообщается о закладке Белгорода. Решаюсь предположить, что и в восстанавливаемой летописи читалось: «а на пятое лето заложи Белгород», причем замену Белгорода Переяславлем отношу насчет редактора сводного текста Памяти и похвалы, знакомого, по-видимому, с Повестью вр. лет.

§ 13. Трудно сказать что бы то ни было положительного о времени составления исследуемой летописи на основании текста летописных заметок в Памяти и похвале. Если бы нам было известно время составления самой Памяти и похвалы, то мы бы могли заключить и о времени существования исследуемой летописи, использованной ее составителем. Но никаких данных о времени составления Памяти и похвалы мы не имеем. Считаю все-таки вероятным относить этот памятник (в первоначальном его виде) к глубокой древности; и одним из доказательств я признаю то обстоятельство, что Память и похвала не знает того, что Владимир крестился в Корсуне, придерживаясь старшего, еще не вытесненного предания о том, что Корсунь был взят уже после крещения¹⁶.

15 Текст Повести вр. лет был дополнен несколькими народными сказаниями сравнительно с текстом Нач. свода; напр., сказанием о четвертой мести Ольги, об осаде Печенегами Белгорода.

16 Открытым оставляю вопрос о том, можно ли отождествить автора Памяти и похвалы (старшего вида этого сочинения), Иакова мниха с Иаковом мнихом, упоминаемым в Нач. св. и Повести вр. лет под 1074 годом. Обращаю внимание на то, что слова «и о сыну его, реку же святую и славную мученику Бориса и Глеба» в начале Памяти и похвалы имеют характер явной вставки, нарушившей течение следующей ясно выраженной мысли: «Такожде и азъ, худый мнихъ Гаков, слышавъ отъ многихъ о благовернемъ князе Володимере (всея Русския земля, о сыну Святославле), и мало собравъ отъ мно-гыхъ добродетели его написахъ, како просвети благодать Божия сердце князю Русскому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву». (В скобки я заключил позднейшую, по моему мнению, вставку.) Приведенные выше слова вставлены после слова «написахъ». Чем же вызвана эта вставка? Не произвольным ли сближением приведенного только что текста с тем местом в начале житийного сказания о Борисе и Глебе, где автор его обещает поговорить «ИНДЕ» о добродетели Владимира? Такое сближение облегчило догадку, что автором житийного сказания о Борисе и Глебе был Иаков мних, но, разумеется, никакой убедительной силы сближения старого книжника и новейших исследователей не имеют; если же мы удалим приведенную выше фразу, то увидим, что догадка новейших исследователей о том, что житийное сказание о Борисе и Глебе (Родъ правыхъ благословиться) составлено Иаковом мнихом, теряет под собой всякую почву.

ГЛАВА III Сказание о Борисе и Глебе

§ 14. В списках Повести временных лет под 6523 годом помещено сказание об убиении Бориса и Глеба. Оно известно в двух редакциях: краткой, которую находим в Лаврентьевском и Радзивилловском списках, и пространной, которую видим в Ипатьевском и Хлебниковском списках. Обе редакции отличаются одна от другой, главным образом, следующими особенностями. В пространной редакции в выписке, относящейся к ангелам и бесам, имеется фраза, опущенная в краткой: «Рече бо: кто идетъ прелестить Ахава, и рече бесъ: се азъ иду»; за этой выпиской читаем в пространной редакции Псал. 57: 1—5 («темъ же и Давыдъ глоголаше: аще во истину... по образу измиину »), что в краткой опущено; после сообщения о возвращении к Святополку убийц Глебовых читаем в пространной редакции Псал. 36:14, 15,19 и 20 («и паки оружие... яко дымъ погибнуть»), что в краткой опущено; ниже, перед сообщением о перенесении мощей Глебовых, в пространной редакции читаются Псал. 51:3—7 и Притч. 1:26 и 31 («яко бритва изострена... от земля живущихъ. Якоже и Соломонъ рче: азъ вашей... и своея нечести насытитъся »).

Кроме того отметим, что в похвале Борису и Глебу, которою сопровождается в Повести вр. лет сказание, в Лавр, опущена фраза: «Радуйся, церкви, светозарное солнце стяжавъши, въсходъ всегда просвещаетъ въ страдании ваю въ славу мученикомъ».

Имея в виду, что вообще Лаврентьевская представляет более древнюю и менее сложную редакцию,

чем Ипатьевская и Радзивилловская летописи, я думаю, что и в данном случае редакция сказания о Борисе и Глебе по Лаврентьевской летописи древнее, первоначальнее, чем распространенная указанными вставками редакция Ипатьевской летописи. В дальнейшем исследовании мы будем исходить из редакции Лавр, летописи.

§ 15. Вопрос о том, как сложилось дошедшее до нас летописное сказание о Борисе и Глебе, выдвигает прежде всего вопрос, не дошла ли до нас более древняя редакция его в Новгородской 1-й летописи, которая, как мы знаем, содержит отрывки из Начального Киевского свода. Ответ на этот вопрос необыкновенно осложняется следующим обстоятельством. Экземпляр Начального свода, бывший в распоряжении составителя Новгородской 1-й летописи (точнее, предшествовавшего ему свода, Софийского временника 1421 года), был дефектный; кроме утраченного конца в нем недоставало нескольких листов в середине; листы эти обнимали во всяком случае текст от 6524 до 6560 года: это видно из того, что весь текст Новгородской 1-й летописи под этими годами восходит к Синодальному списку и к Новгородскому своду 1448 года. Но текст 6523 года — читался ли он в дефектном экземпляре?

Мы не сомневаемся в том, что под 6522 и предшествующими годами Новгородская 1-я следовала тексту Начального свода: в этом убеждает тождество ее текста с Повестью вр. лет. Первое сомнение возникает уже в начале статьи 6523 года. Похвала Владимиру оказывается заимствованною (и притом в сокращении) из Новгородского свода 1448 г. (ср. Соф. 1-ю и Новгор. 4-ю). Но переход от Начального свода к другому источнику мог произойти здесь не по причине дефектности Начального свода, а по причине особой краткости редакции этой похвалы в Начальном своде; сошлось на Лаврентьевскую: она в общем первоначальней Ипатьевской, но в ее похвале Владимиру видим сокращение текста Ипатьевской; составителю Лаврентьевской пришлось обратиться к этому другому тексту, вероятно, потому, что даже в Повести вр. лет редакции 1116 года (которую в общем так хорошо передает Лаврентьевская) похвала Владимиру была краткая, не удовлетворявшая читателя (см. ниже § 27). Итак, возможно, что Начальный свод в дефектном экземпляре, над которым работали в Новгороде в 1421 году, содержал начало статьи 6523 года. Последующий текст, озаглавленный «О убиении Бориса и Глеба», оказывается сначала, и притом на значительном пространстве, весьма близким к тексту Повести вр. лет; я поэтому решительно склоняюсь к мысли о том, что он заимствован в Новгородскую 1-ю летопись из Начального свода. Но до каких же мест идет заимствование? Рассказ об убиении Глеба настолько расходится с соответствующим текстом Повести вр. лет, что он, во всяком случае, не может быть возведен к Начальному своду; но, имея в виду текст Лавр, летописи, заключаем, что отличия Новгородской 1-й от Повести вр. лет начинаются несколько выше. В Новгородской 1-й оказывается налицо отмеченная выше фраза, отсутствующая в Лавр. «Рече бо Богъ: кто идетъ прельстить Ахава? и рече бесъ: се азъ иду»; ниже в ней читается Псал. 57: 1—5, отмеченный

также выше и отсутствующий в Лавр. Следовательно, уже в этом месте Новгор. 1-я отступает от Начального свода. Отступая от Начального свода, Новгор. 1-я оказывается тождественною с Софийскою 1-ю; следовательно, она заимствует здесь свой текст из Новгородского свода 1448 года. Это обстоятельство дает нам указание на то место, где начинаются заимствования из свода 1448 года; первую фразой, тождественною с Софийскою 1-ю и не сходною с Повестью вр. лет, оказывается: «а ангели на благое слеми суть»; так и в Соф. 1-й; между тем в списках Повести вр. лет: «ангели на благое посылаеми» (Лавр.); «а ангели на благое» (Радз. и Ипат.); «ангели бо на благое слеми бывають» (Хлебн.). Место, где начинались заимствования из свода 1448 года, не соответствовало, по-видимому, месту, где оканчивались заимствования из Начального свода; на пространстве еще десятка или двух десятков строк составитель Новгородской 1-й имел возможность следовать все тому же Начальному своду: это ясно из продолжающегося сходства с Повестью вр. лет. Только после слов «луче бы ми умрети съ братомъ, нежели жити на свете сем прелестнемъ; аще бо быхъ, брате мой, видель лице твое ангелское» текст Начального свода оставляется совсем, и составитель переходит к своду 1448 года.

Итак, текст статьи об убиении Бориса и Глеба в Новгородской 1-й летописи я возвожу: а) к Начальному своду включительно до фразы «аще бо быхъ, брате мой, видель лице твое ангелское»; при этом отрывок «а ангели на благое слеми — ярость ихъ по образу змиину » восходит к своду 1448 года; б) к Новгородскому своду 1448 года, начиная со слов «то и селика постиже мя»¹.

§ 16. Необходимо сделать еще следующую оговорку. В первой части статьи есть несколько мест, которых нет в Повести вр. лет и которых нельзя возвести к своду 1448 г. (Соф. 1-й). Это, во-первых, вставка в текст псалмов, вложенных в уста Борису: после слов «мнози въсташа на мя» читаем: «мнози глаголють о души моей»; ниже, после «Господи! услыши молитву мою», вставлено: «внуши моление мое истиною твоею, услыши мя правдою твоею»; во-вторых, после слов «бе бо послушливъ отцу» (о Глебе) прибавлено: «и любимъ отцемъ»; вместо «нежели жити на свете семъ» читаем «нежели жити на свете семъ прелестнѣмъ». Ниже мы вернемся к этим особенностям текста Новгор. 1-й, а здесь отметим предположительно, что некоторые из них восходят к Начальному своду.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу, нам приходится признать, что Новгородская 1-я летопись, не давая представления обо всем объеме сказания о Борисе и Глебе, как оно читалось в Начальном своде, доказывает, что значительная часть его была в Начальном своде тожде-

¹ Текст Новгор. свода 1448 года в Новгородской 1-й сильно сокращен (составитель Новг. 1-й младш. извода вообще сокращал свои второстепенные источники). После «не бы памяти ни единомуже ихъ о възысканш телесе святаго» он перешел к статье 6527 года, к сообщению о перенесении Глебовых мощей; при этом, вместо «и о святемъ Глебе не вси сведяху, яко въ Смоленське убиень бысть», он написал: «ясно бо вси ведаху, яко в Смоленське убиень, нъ не ведаху, кде положень».

ственна с текстом сказания по Повести вр. лет. Итак, при анализе летописного сказания о Борисе и Глебе мы должны исходить из того вида, которое оно имеет в Повести вр. лет.

§ 17. Ближайшею задачею нашею признаем определение отношения летописного сказания к житийному сказанию, как мы назовем «Сказание, страсть и похвалу святую мученику Бориса и Глеба», начинающееся со слов «Родъ правыхъ благословиться». Между летописным и житийным сказаниями оказывается ряд общих, иногда дословно тождественных мест. Это сходство между обоими сказаниями можно объяснить или предположением, что житийное сказание основывается на летописном, или так, что летописное сказание извлечено из житийного, или, наконец, так, что оба они восходят к одному общему источнику. Решение определяющегося таким образом вопроса должно приблизить нас к разъяснению происхождения летописного сказания.

§ 18. Отвергаю самым решительным образом возможность заимствования летописного сказания из подлежащего нашему исследованию житийного. Житийное сказание не содержит в себе ничего существенного, чего бы не было в летописном; оно отличается от летописного сказания одною риторикой²; так, в нем вставлены длинные речи и причитания, сначала Бориса, потом Глеба; длинные размышления приписаны самому Святополку после того, что он убил Глеба. Летописное сказание полно определенных фактов; риторики в нем мало; в сущности, риторика прорвалась только в предсмертном причитании Глеба. Мы знаем ценность сообщаемых нашею летописью фактов; если летописец умел так или иначе представить длинный ряд событий X и XI веков, то естественно ему же приписать занесение на письмо фактов, относящихся к убийству Бориса и Глеба; факты эти согласованы с другими, сообщенными им раньше и появляющимися у него позже; так, Глеб совершает путь по Волге и идет к Смоленску, очевидно, из Муром, где он посажен отцом на удел; так, Ярослав передает Глебу, когда тот достиг Смядыни, полученное им от Предславы известие о смерти отца и убийении брата: о Ярославе и Предславе летописец говорит и дальше.

§ 19. Не вижу также основания для допущения общего источника, которым руководились бы, с одной стороны, житийное, а с другой, летописное сказания. За исключением общих с летописью фактов, в житии останется одна риторика и лирика; следовательно, предполагать для жития отличный от летописи, не тождественный с летописью источник представляется совершенно излишним; риторика и лирика могла быть прямо сочинена составителем жития³.

² Единственною лишнею фактическою подробностью в жит. сказании оказывается упоминание на место в сообщении о пронзении мечом Бориса на пути следования его убийц с места убийства в Вышгороде: «и яко быша на бору, начать въскланяти святую главу свою». ³ Не отрицаю того, что местами лирические отступления житийного сказания весьма удачны.

§ 20. Итак, я склоняюсь к мысли, что житийное сказание основано на летописном. Составитель, взяв в основание своего труда летописный текст, расширил его риторикой и лирикой, причем, как увидим, руководствовался еще одним источником. Эту мысль, которая, конечно, представлялась бесспорною и некоторым предшествующим мне исследователям, я подтверждаю еще тем, что в житийном сказании имеются фактические заимствования не только из летописного сказания о Борисе и Глебе, но и из других частей летописи. Так, буквально из летописи заимствован в житийное сказание рассказ о битве Ярослава с Святополком на Альте, причем знакомство составителя сказания с летописью сказалось и в предшествующих этому рассказу словах, которыми сжато переданы предшествующие победы Ярослава: «и вьсегда пособиемъ Божиимъ и посггшениемъ святою победивъ, елико брани състави, оканьнии посрамленъ и побеженъ възвращашеся»⁴. Из летописи же заимствован им рассказ о Святополковом пропадении и сопровождающие его рассуждения (сравнение Святополка с Ламехом). Согласно с летописью, составитель житийного сказания сообщил о том, что у Владимира было 12 сыновей от нескольких жен; старшим назван Вышеслав (ср. Пов. вр. лет под 988 г.), вторым — Изяслав (ср. там же), третьим назван Святополк (в Пов. вр. л. под 988 он также назван третьим, в Радз. и Ипат. списках); при этом читаем: «сего мати преже бе чърницею Грькыни соуци, и поять ю бе Яропѣлкъ, братъ Володимиръ, и ростигъ ю красoty дела лица ея; и зача отъ нея сего Святопѣлка оканьянаго; Володимиръ же поганъи еще, оубивъ Яропѣлка, и поять женоу его непразднюу соуцю, отъ неяже родися сии оканьнии Святопѣлкъ, и бысть отъ дѣвою отьцю и братоу соуцю, тѣм же и не любляше его Володимиръ, акы не от себе емоу соуцю» (ср. Пов. вр. л. под 977 и 980 гг.). Обращение от статьи 988 года к статье 980 года имело следствием, что выписки продолжались уже из этой статьи: «а отъ Рогнеди 4 сыны имаше: Изяслава и Мьстислава и Ярослава и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ, Българыне Бориса и Глеба» (ср. совершенно то же в Пов. вр. л. под 980); далее идет распределение княжений между сыновьями Владимира: «посади убо сего оканьянаго Святопѣлка въ княжении Пиньске, а Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Моуроме» (ср. Пов. вр. л. под 988; но там в м. Пинска — Туров)⁵; составитель сказания умышленно ограничился толь-

⁴ Так в древнейшем списке XII в.; в позднейших (напр. в Сильвестровском сборнике XIV в.) вставлен из летописи рассказ и о других битвах.

⁵ Замена Турова Пинском представляется чрезвычайно любопытною. Не думаю, чтобы она произошла под влиянием того позднейшего (с конца XII в.) перевеса, который Пинск получил над Туровом (о таком перевесе см. Грушевского, История Украины-Руси, II, 306). Скорее можно думать, что Туров, прославленный уже чудесами св. братьев и гордившийся монастырем, названным их именем (см. ниже), благочестивый составитель житийного сказания решил не ставить в связь с именем окаянного Святополка. Быть может, он желал стереть аналогию между современным ему в. кн. Святополком, городом которого был Туров, и Святополком окаянным Туровским. Укажу еще, что летописец Переяславля Суздальского помещает Святополка «в Пиньску и в Деревѣхъ»; источником летописца было житийное сказание, подвергшееся распространению (между прочим по паремии).

ко четырьмя названными князьями, ибо «о них и повесть си есть»; но, как видно из его слов, он знал, где сидели и другие князья, знал, следовательно, летописную статью 988 года («и посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инѣде съкажемъ»). Составитель сказания описывает согласно летописи и события, предшествовавшие смерти Владимира (поход Бориса на печенегов), а также самую смерть Владимира; рассказ о последней вложен в уста вестника, сообщающего о ней Борису на возвратном пути его с похода («и се приде вестникъ къ нему, поведа емоу отчю съмръть, како преставися отецъ его Василии... и како Святопѣлкъ потаи съмръть отца своего» и т. д.).

§ 21. Каким же сводом пользовался составитель житийного сказания: Начальным ли Киевским сводом или Повестью вр. лет? Думаю, что Начальным сводом, и вот по каким основаниям.

Текст, заимствованный житийным сказанием из летописного, местами оказывается ближе к Новгородской 1-й летописи, чем к Повести вр. лет. Так псалом 3, вложенный в уста Борису, в житийном сказании и Новгород. 1-й летописи звучит: «мнози вѣсташа на мя», между тем в Повести вр. лет (Лавр., Радз., Ип.): «мнози вѣстають на мя»; Святополк посылает к Глебу со словами: «отецъ зоветъ тя и не съдравить ти вельми», между тем в Повести вр. лет: «не съдравить бо вельми»; «потѣчеса конь въ рѣке и наломилъ ноги мало», так в Новгород. 1-й, — «ногоу малы», так в житийном сказании, между тем в Повести вр. лет: «и наломилъ ему ногу мало».

§ 22. Предположение, что житийное сказание пользовалось не Повестью временных лет, а Начальным сводом, ведет нас к следующему замечанию. В Начальном своде, во-первых, не было похвалы Борису и Глебу — ибо она не отразилась в житийном сказании; во-вторых, в нем было сообщено подробнее, чем в Повести вр. лет, о перенесении Глебовых мощей из Смоленска в Вышегород. В Повести вр. лет читаем: «Глебу же убиену бывшую и повержену на брези межи двема колодами, посемъ же вземше везоша и и положиша и у брата своего Бориса у церкви святого Василья». Пропуск перед словами «посемъ же» очевиден. Он восполняется житийным сказанием: «оубиену же Глбови и повърженоу на поусте Месте межу двема колодами, и Господь, не оставляя своихъ рабъ, якоже рече Давыдъ: хранить Господь вѣся кости ихъ и ни едина отъ нихъ съкроушиться, и сему святоуоумоу лежащю дълго время, не остави въ неведении и небрежении отиноудъ пребыти, нъ показа: овогда бо видеша стѣлпъ огнь... и тѣгда съказаша (Ярославу)... и то слышавъ посъла Смолинскоу... и пришедъше положиша и Вышегороде». Думаю, что и здесь житийное сказание не обошлось без амплификации и еще других вставок (так, перед сообщением о перенесении мощей Глебовых рассказывается по летописи о победе Ярослава и смерти Святополка); но оно доказывает, что в Начальном своде за приведенною фразою «Глебу же убиену бывшую и повержену на брези межи двема колодами» читалось о явлениях на месте, где он был положен, далее о сообщении, сделанном об этих явлениях Ярославу, и уже затем о перенесении мощей в Вышегород⁶. Составитель

⁶ Быть может, за приведенною фразою следовало: «Господь не остави въ неведении и небрежении отиноудъ быти телеси святого, нъ показа е: овогда бо видеша» и т. д.

Повести вр. лет выпустил рассказ о событиях, предшествовавших перенесению Глеба (в них упоминался Ярослав), из соображений хронологических, так как иначе получался анахронизм: Ярослав переносит тело Глеба в Киев, а там сидит Святополк.

§ 23. Предположение о том, что житийное сказание пользовалось именно Начальным сводом, а не Повестью вр. лет, ведет нас еще к одному выводу. Мы не находим в житийном сказании тех вставок из Паремейника, которые читаются в Повести вр. лет; следовательно, их не было и в Начальном своде. Таких вставок две. Во-первых, непосредственно за похвалой Борису и Глебу (которой, как мы предположили, не было в Начальном своде) читаем об убиении Святополком брата Святослава, бежавшего в Угры, и засим после) размышлений Святополка — длинный ряд благочестивых размышлений о праведных и неправедных князьях; эти рассуждения, как увидим тождественные с текстом Паремейника, есть основание возводить именно к нему (§ 38). Во-вторых, за сравнением Святополка с Ламехом, читаем в Повести вр. лет: «Съ Ламехъ уби два брата Енохова и поя собе жене ею; *сеи* же Святополкъ новый Ламехъ ⁷ бысть, иже ся убо родиль бе отъ прелюбодеяния, иже изби братию свою, сыны Гedeоновы, тако и съ бысть»; то же читаем в Паремейнике и притом полнее⁸. Впрочем, признаю возможность и того, что житийное сказание могло опустить, при пользовании летописью оба указанные места, восходящие к Паремейнику, ибо ни то, ни другое не относится непосредственно к ходу житийного повествования. Ниже я вернусь к вопросу о Паремейнике и представлю другие соображения в пользу того, что им не пользовался Начальный свод.

§ 24. Чтобы покончить с вопросом о житийном сказании, укажу на второй его источник. Это Несторово «Чтение о житии и о погублении блаженную стростотърпцю Бориса и Глеба». Предположение о влиянии Несторова сказания на житийное основывается на следующих сближениях текста того и другого сказания.

У Нестора указано, что Владимир при крещении получил имя Василия; в жит. сказано: «отец его Василей, въ се бо имя нареченъ въ святемъ крещении». У Нестора читаем, что Борис, узнав о том, что Святополк сидит на столе, «възрадовася, рекыи: сии ми будетъ яко отецъ»; в житийном сказании: «се да идоу къ братоу моему и рекоу: ты ми боуди отецъ, ты ми братъ и старей»; непосредственно за этим у Нестора: «идяше же путемъ своимъ, яко овця незлобиво, не помышляше никака же зла на брата своего», а в житийном сказании, также непосредственно за приведенными словами: «и си на оуме си помышляя идяше к братоу своему». У Нестора: «таче повеле поставите шаторъ свои и ВЪЛЕЗЪ ВО НЬ МОЛИСЯ Богу съ слезами... и паки падъ на ложи своемъ»; в житийном сказании: «и ВЪЛЕЗЪ ВЪ шатъръ свои плакашеся съкроушенъмъ сьрдыцьмъ... а самъ ВЪЛЕЗЪ ВЪ шатъръ свои начать молитву творити вечернюю съ слъзами горькими... по сихъ же леже съпати».

⁷ В Лавр, и Хлебн. исправлено: «Авимелех».

⁸ А именно, после «сыны Гedeоновы» в Паремейнике: «последиде жена самого оуломкомъ жьрнова оуби с города».

У Нестора: «и повеле прозвутеру отпети заоутрню и святое еоуангелие чисти, бе бо день неделный»; в житийном сказании: «бе же въ святоую неделю, рече къ прозвутероу своему: начьни заоутрнюю». Непосредственно за этим — у Нестора: «самъ же нача пети, глоголя сице: Господи, что ся оумножиша стужающи ми, мнози восташа на мя... и прочее псалма»; в жит. сказании: «самъ же... начать молитися к Господоу Богу... и начать пети: Господи, что ся оумножиша сътоужающи, мнози всташа на мя и прочая псалмы до коньца». У Нестора Борис, обращаясь к убийцам, говорит: «влезьше, братие, скончайте волю пославшага вы»; в жит. сказании он говорит: «братие, пристоупивъше, съконьчайте слоужьбоу вашу». Нестор рассказывает, что убийцы вонзили в Бориса свои сулицы, а затем, думая, что он мертв, вышли вон; «блаженный же воскочи в о т о р о п е бывъ, изи-де изъ шатра и въздевъ на небо руце моляшеся, сице глаголя: благодарю тя, владыко Г о с п о д и Боже мои, яко с п о д о -б и л ь мя еси...»; после молитвы Борисовой читаем: «и се ему рекшу, единъ отъ губитель притекъ оудари въ сердце его»; от этого и последовала его смерть; в житийном сказании также сообщается о том, что тело Борисово было прободено копьями; «и яко бысть оураненъ и искочи и шатъра въ о Т о р о п е, иная(ша) глоголати стояще округъ его: что стоите зряще? пристоупивъше сконьчаимъ повеленое намъ. Си слышавъ блаженный начать молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя... и възрев на небо съ слъзами и горе въздъхнуувъ начать молитися сицими глаголы: Г о с п о д и Боже мои ... слава ти, яко съ подобилъ мя еси...»; после молитвы Борис приглашает убийц кончить порученное им дело, но жит. сказание умалчивает о том, что он получил тогда удар в сердце⁹. Нестор продолжает: «и тако блаженный Борисъ предасть душу в руце Божий месяца июля въ 24 день», в жит. сказании: «и абие оусъпе, пре-давъ душу свою в роуце Бога жива мѣсяца июулия въ 24 день». Ниже, в рассказе об убиении Глеба, Нестор, повествуя о том, как Глеба настигла погоня, пишет об отроках Глебовых: «то ти, положише весла, сядяще сету-ющеся и плачущеся по святомъ»; в житийном сказании: «и абие въсемъ весла отъ роукоу испадоша, и вси отъ страха омертвеша». Сообщив о смерти Святополка, Нестор замечает: «бываетъ бо смерть грешнику люта, мнози бо глоголють въ раце его видевше тако, якоже Ивоульяна¹⁰ законопре-ступного»; в жит. сказании: «якоже бо Иоулиянь цесарь, иже многы крови святыхъ моученикъ проливъ, горькою и нечеловечьюю съмърть прия, неведомо отъ кого прободенъ бысть копиемъ въ сердце въдруженъ, тако и съ, бегая, не ведыися отъ кого, злыоустрасътноу съмърть прия».

⁹ Ясно, что Несторов рассказ первоначальнее; отметим еще, что житийное сказание умалчивает о том, что убийцы вышли из шатра, думая, что Борис убит; умолчание об окончательном ударе, полученном Борисом, стоит в связи с тем, что, следуя летописи, житийное сказание сообщает ниже о том, что Бориса прикончили два Варяга, когда его уже везли в Вышегород.

¹⁰ В Сильв, сб.: «и въ оульяни».

Ввиду приведенных мест я признаю Несторово сказание источником житийного сказания.

§ 25 Известно другое объяснение сходства Несторова и житийного сказаний. Покойный П. В. Голубовский в своем талантливом исследовании о службе св. мученикам Борису и Глебу в Иванической минее¹¹, отметив совпадение Нестора и составителя жит. сказания в сравнении Святополка с Юлианом, объяснял его тем, что оба они — Нестор и составитель другого сказания — имели в своем распоряжении общий источник — Вышегородские церковные записки. Я не отрицаю наличности у обоих авторов церковных записок, ведшихся в Вышегородской церкви; но эти записки содержали как это думает и Голубовский (с. 131), записки о чудесах Бориса и Глеба; признавать их литературною обработкой сказания о Борисе и Глебе мы не имеем основания (ср. ниже § 45). Можно быть уверенным, что Нестор дал бы более совершенное произведение, если бы у него были предшественники. Можно думать, что наличность литературной обработки сказания при Вышегородской церкви делала бы излишними новые обработки — обработку Нестора и составителя житийного сказания. Таким образом, допущение, что общие места, как напр, «искочи изъ шатра въ оторопе», «вълезъ въ шатьрь моляшеся Богу», упоминание Юлиана законопреступного, попали к Нестору и к составителю житийного сказания из общего источника, привело бы к предположению о существовании предшествовавшей Несторову труду обработки сказания. Такое предположение мы не считаем вероятным и потому, отвергнув объяснение П. В. Голубовского, признаем, что в числе источников житийного сказания был труд Нестора.

§ 26. Тот же исследователь, не успевший, к сожалению, выпустить в свет готовившееся им сочинение о Несторе и Иакове Мнихе (ср. с. 130 назв. статьи), отметил еще один письменный источник житийного сказания - это службу св. Борису и Глебу. «У Иакова Мниха¹², — говорит П. В. Голубовский, — рассказ о смерти св. мучеников, как и в летописи, заканчивается их прославлением. Иаков Мних был очень талантливый писатель, умевший искусно сливать воедино разнородные материалы, которыми ему приходилось пользоваться. Поэтому его нельзя уловить в подражаниях тем или иным словам и выражениям. Тем не менее, необходимо указать следующие совпадения в лирической части труда Иакова Мниха и в песнопениях нашей службы». Таких совпадений Голубовский указывает всего два, а именно в 7 и 9 песнопениях Иванической службы. Не отрицая отмеченного совпадения, замечу, что 7 и 9 песнопения находятся в позднейшей редакции службы, возникшей, по Голубовскому, в первой половине XII века; их нет в древней редакции, составленной митрополитом Иоанном (см. сравнительную таблицу песнопений обеих редакций у Голубовского, с. 132); следовательно, вероятнее думать, что оба эти песнопения составлены под влиянием житийного сказания; появление последнего нет основания относить ко времени, скажем, позже 1125 года.

¹¹ *Чт. в Ист. общ.* Нестора летописца, кн. XIV, в. III (Киев 1900), с. 156.

¹² Голубовский называет составителя жит. сказания, следуя другим исследователям, Иаковом мнихом.

§ 27. Перехожу к другому, краткому сказанию о Борисе и Глебе, имеющему непосредственное отношение к летописи.

Н. К. Никольский среди проложных сказаний о св. Борисе и Глебе, восходящих большею частью к житийному сказанию, отметил один особый вид, признанный им сокращением «летописных известий под 1015 годом, но в древнейшей (не дошедшей до нас) редакции их»¹³. Этот вид проложного сказания озаглавлен: «Месяца *Іюля* в 24 день, память творимъ новоявленную мученику Христову Бориса и Глеба» и встречается в прологах с XIII—XIV вв.¹⁴ Не подлежит сомнению, что определение Никольского верно: текст этого проложного сказания действительно извлечен из летописи и притом из летописи старшей редакции, чем те летописи, что дошли до нас. В доказательство своей мысли Никольский привел то обстоятельство, что в этом сказании сохранился древний вид похвалы князю Владимиру, подвергшийся в дошедшей до нас летописи, следовательно, в Повести вр. лет, значительному распространению. Вот текст похвалы, читающейся непосредственно за словами «и тако чѣстьне съкоуташа тело его с плачемъ, блаженнаго князя».

«Се бо есть новый Костянтинъ Великаго Рима, иже крестився самъ и люди своя; тако и съ сѣтвори подобно ему. Сего бо въ память държать князи Русьстии и людие, поминающе святое крещение и прославляютъ Бога въ молитвахъ и песнехъ и псалмехъ, поюще Господеву новии людие, просвещени Святымъ Духомъ, чающе надежа великаго Бога Спаса Господа нашего Ісуса Христа въздати комоуждо противоу деломъ и неизреченноюу радость, юже боуди оулоучити всемъ хрестияномъ».

Эта похвала вошла в состав и той похвалы, что читается в Повести вр. лет. Доказательство того, что похвала настоящей редакции древнее похвалы Повести вр. лет, см. у Н. К. Никольского в его статье «Один из источников лет. сказания о крещении Владимира»¹⁵.

§ 28. Прежде чем отметим еще несколько древних черт в тексте проложного сказания, укажем, что оно кроме летописи руководствовалось еще одним источником. Этим вторым источником признаем опять Несторово сказание. Приведем доказательства.

Проложное сказание говорит: «Борисъ бяше изъмлада наоученъ страху Божию и божествныхъ писании»; Нестор: «блаженни Борисъ въ разуме сѣи, исполнь благодати Божия, взимаше бо книги и чтяше, бяше бо и грамоте наоученъ». Проложное сказание говорит о Владимире: «въ крещении же нарѣченъ Василии»; Нестор: «вчера елинъ Владимиръ нарицася,

¹³ Материалы для повр. списка русск. писателей и их сочинений, с. 277—279.

К указанным Н. К. Никольским спискам прибавлю рукопись Паремейника 1271 года, л. 261.

¹⁵ Христ. Чтение за 1902 год.

днесь крестьянь Василии нарицається »¹⁶. Проложное сказание: «и распусти воя своя », у Нестора: «и целова вся, ти тако отпусти я »¹⁷. Проложное сказание: «и тако скончася блаженни Романъ, сиче бо имя наречено бысть въ крещении»; у Нестора: «бѣше же блаженному Борису створено имя въ крещении Романъ ». Проложное сказание: «и тако скончася блаженни Давыдъ, сиче бо наречено бысть въ крещении имя емоу Давыдъ, месяца сентября въ 5 »; у Нестора: «святому же Глебови сотворено имя Давыдъ », ниже: «и тако святыи Глебъ предасть душою свою в руце Божий месяца сеНТяВрия въ 5 день»¹⁸.

§ 29. Все остальное содержание проложного сказания может быть введено к летописи, как видно, отличавшейся от Повести вр. лет, между прочим теми самыми особенностями, которыми отличается (в известной части своей) текст Новгородской 1-й летописи от текста списков Повести вр. лет. Так, мы читаем здесь, что Глеб «въсѣдъ на конь съ маломъ дружины поиде, бе бо любимъ отцемъ»; подчеркнутых слов нет в Повести вр. лет, но они есть в Новгород. 1-й и, как мы предположили выше, они были и в Начальном своде; далее, как в Новгород. 1-й, сказано, что Глеб стал на Смядине (здесь, впрочем, «выше Смядины») «въ кораблицы», между тем в Повести вр. лет «въ насаде ». Глеб произносит следующие слова: «лоуче бы ми оумрети съ братьемъ, неже жити въ СВЕТЕ семь пр е л ь с т ь н е м ь », подчеркнутого нет в Повести вр. лет, но оно есть в Новгород. 1-й; выше Святополк посылает сказать Глебу: «зоветь тя отецъ и несъдравить ти велми », так и в Новгород. 1-й, а в Повести вр. лет: «несъдравить бо вельми»; ниже: «и наломи конь ноги мало»; так и в Новгород. 1-й, а в Повести вр. лет: «и наломи ему ногу мало»¹⁹. Чтение: «молися и о мне, да быхъ и а з ь с ь п о д о б л е н ь т о у ю ж е с т р а с т ь п р и я т и » можно смело возвести к Начальному своду, ибо оно находит себе полное соответствие и в жит. сказании «моли о моемъ оунынии да быхъ азъ съподобленъ тоу же страсть въсприяти », меж-

16 Летопись не дает христианского имени Владимира. 17

В летописи: «и се слышавше вой, разидошася отъ него».

18 В летописи не указаны крестные имена Бориса и Глеба и не приведен день Глебовой смерти. 19 Благодаря сокращению, текст передан местами не вполне точно. Про Глеба сказано: «а брату его Глебови Ростовъ боудующю»; мы ожидали бы «Муром», на основании летописной статьи 988 года; ниже читаем: «Борису же възвративъшюся и не обретшю поганыхъ», в летописи: «не обретшю Печенегъ»; быть может, замена произошла от того, что Нестор, не называющий вообще Печенегов (вместо них: ратнии), в одном месте называет этих ратных погаными («да спасу люди отъ супротивящихся ему по-ганъ», говорит Борис). Далее в сказании читается: «объртевшю въ шатрьъ Бориса» (как и в житийном сказании), между тем как в Повести вр. л. (и Новгород. 1-й): «оуверте-вьше»; так же: «посла по Глеба» (как и в жит. сказании), между тем в Повести вр. лет и Новгород. 1-й: «посла къ Глебу». Вероятно, что эти чтения восходят к Нач. своду, а Новгород. 1-я представляет чтения Повести вр. лет. Замена пустыни (Нестора), берега (Пов. вр. л.) дубравой: «и положень въ доубраве» принадлежит редакционному произволу, так же как последние слова сказания: «и прекрыша расекыше корабль его и отыдоша оубиинца злыя».

ду тем в Повести вр. лет: «молися о мне, да и азъ быхъ ту же страсть при-
ять».

Сделанные сопоставления ведут нас к неминуемому заключению, что летописью, откуда извлечено проложное сказание, была не Повесть вр. лет, а предшествовавший ей Начальный Киевский свод. Отсутствие похвалы Борису и Глебу, столь подходящей к проложной статье, наводит нас на мысль, что и в Начальном своде не читалась та похвала, что помещена в Повести вр. лет. Ср. сделанное выше такое же замечание на основании житийного сказания (§ 22).

§ 30. Две рассмотренные нами обработки сказания о Борисе и Глебе — житийная и проложная — одинаково привели нас к Начальному своду и Несторову сказанию как к источникам. Нам предстоит рассмотреть теперь паремийное чтение о Борисе и Глебе, известное по памятникам, начиная с XII века²⁰. Связь этого чтения с летописным текстом давно отмечена исследователями. Но объяснение ее может быть различное. Можно думать, что паремейник сходные с летописью места заимствовал из последней; но возможно также предположение, что летопись пользовалась паремейником и включила в свой состав чтение о Борисе и Глебе. П. В. Голубовский в ценном исследовании, названном выше, доказывает, что составитель паремии не пользовался летописью; фактическая часть заимствована составителем паремии не из летописи, а из какого-то другого источника; автор летописного рассказа воспользовался паремией, сократил ее, переставил несколько выражения. Голубовский готов допустить, что фактические части летописного повествования и паремии имеют общий источник, переданный в той или иной переделке каждым из авторов этих произведений; но в философско-лирической части летописное повествование стоит, по его заключению, в полной зависимости от паремии.

§ 31. Прежде чем приступить к разбору положений, выставленных Голубовским, отмечу общие летописи и паремии статьи. Паремия в фактической части своей («оть бытия») начинается с полученной Ярославом в Новгороде вести, содержит далее рассказ о переговорах Ярослава с Новгородцами и сообщает о походе Ярослава против Святополка. Засим после отступления, где находим песнопение («Стенамъ твоимъ, Вышегороде»), читаем о том, что Святополк, не удовольствовавшись убиением братьев, решил убить еще Святослава, бежавшего в Угры; после этого следуют длинные рассуждения о злых и добрых князьях. За ними изложена битва на Альте. Святополк разбит: «давъ плещи и побеже». Непосредственно за этим сообщается о Святополковой смерти, Святополк сравнивается с Ламехом, убившим двух братьев Еноховых, а ниже еще с Авимелехом, кото-

20 Ср. издание этой статьи в прил. к I т. Поли. Собр. Русск. Лет. Пользуемся еще списком 1271 года, местами более полным, чем обнаруженный текст.

рый, однако, во всех древних списках паремейника назван ошибкою Ламехом. Кроме отмеченного песнопения, текст паремии находит себе в большей или меньшей степени соответствие в летописи. При этом различаются, как это отметил и Голубовский, фактическая и философско-лирическая части: фактическая часть оказывается короче и менее определенной, чем соответствующий летописный текст; напротив, философско-лирическая часть отчасти буквально сходна с летописным текстом, отчасти же дополняет его. Рассмотрим ту и другую часть паремии отдельно.

§ 32. Голубовский допускает, что фактическая часть летописи не зависит от паремии; но он отрицает и заимствование фактической части паремии из летописи; ему приходится допустить, что фактические части летописи и паремии восходят к одному общему источнику. Какие же основания приводит Голубовский против признания летописи источником фактической части паремии? «Рассказ об Альтской битве в паремии изложен гораздо подробнее, причем тут подробности очень интересные, и между тем их нет в рассказе летописном. Следовательно, составитель паремии пользовался не летописью, а каким-то другим источником. Так рассуждает Голубовский. Какие же это подробности? И точно ли прав Голубовский, допускающий, что подробности эти, опущенные летописью, свидетельствуют о рассказе очевидца (с. 152)?

Повесть вр. лет рассказывает о битве на Альте следующее: «и сступишася обои, бысть съча зла, якоже не была в Руси, и за руки емлюче сечахуся, и сступашася трижды, яко по удолюемъ крови тещи; к вечеру же одоле Ярославъ». В паремии читаем (подчеркиваем то, чего нет в летописи): «и съступишася обои, и бысть съча зла, якаже и не была въ Роуси, за роукы ся емлюче сечахоу, и по оудолиемъ кровь течаше, и състоупишася тришьды, и омеркошася бьющеся, и бысть громъ великъ и тоутьнь и дъжгъ великъ и мълния блистание; егда же облистахоу мълния, и блистахоуся оружия въ роукахъ ихъ, и мнози видяхоу вернии ангелы, помагающа Ярославоу». П. В. Голубовский в другом месте указал, что сходно описана в летописи битва при Листвене между Ярославом и Мстиславом: «и бывши нощи, бысть тьма, молонья, и громъ и Дождь... и бысть съча силна, яко посветяше молонья, блещашеться оружье, и бе гроза велика и сеча силна и страшна». Думать, что описание Лиственской битвы заимствовано летописцем из паремейника, невероятно по двум причинам: во-первых, ночная битва при Листвене поставлена в связь с другими подробностями: Мстислав с вечера исполнил Дружину; когда наступила тьма, Мстислав, обращаясь к дружине, говорит: «поидемъ на ня, то ны есть корысть» (последие 4 слова сохранились в Соф. 1-й); во-вторых, совершенно неясно было бы, зачем летописец не сохранил этого описания при рассказе о Летской битве, если оно ему понравилось настолько, что он перенес его в рассказ о Лиственской битве. Еще менее ясно, как решился выпустить летописец такую подробность предполагаемого своего источника, как явление ангелов, помогавших Ярославу. Напро-

тив, предположение, что описание Лиственской битвы повлияло на описание Летской битвы в паремии, представляется вероятным по следующим соображениям: начало рассказа об этой битве в летописи и паремии не согласовано с последующим описанием ее в паремии; из этого начала видно, что битва началась при восходе солнца («бе же пятокъ тогда, въсходящую солнцю»); мало вероятно, чтобы она затянулась до ночи; вероятнее сообщение летописи, что битва окончилась к вечеру (не напрасно составителю Тверского сборника для согласования летописи и паремии пришлось дать чтение: «и едва въ г л у б о к ъ вечеръ одоле Ярославъ»). Следовательно, подчеркнутые выше слова имеют явный признак вставки. Тут же читаем о явлении ангелов, что скорее указывает на книжное мудрствование, чем на рассказ очевидца.

§ 33. Отвергнув, таким образом, ту доказательную силу лишних в паремии против летописи слов, которую придавал им Голубовский, мы отвергаем и его заключение: паремия своим описанием Летской битвы не свидетельствует о пользовании источником, отличным от летописи; текст паремии в этой части может быть целиком возведен к летописи ²¹.

И другое место в фактической части паремии может быть возведено с полною вероятностью к летописи: это рассказ о сборах Ярослава против Святополка. При этом ясно, что составитель паремии в интересах духовно-назидательных изменил кое-что в летописном тексте. Так, новгородцы сначала не хотят помогать Ярославу, но потом, вспомнив апостольское слово, согласились; Ярослав сравнивается с Авраамом, который, собрав 318 слуг своих, отбил взятого в плен Лота. Несмотря на это сравнение, число Ярославова войска показано в 6000 варягов и 30 тыс. прочих воинов ²².

§ 34. Не видя основания не признавать летописи за источник паремии в фактической ее части, мы, напротив, считаем такое признание необходимым. Рассказ о сборах Ярослава в Новгород, о походе его на Святополка, во всяком случае, носит характер летописный. Как укажем ниже (§ 123), мы в этом рассказе обнаруживаем соединение записей киевских и новгородских; следовательно, мы должны думать, что в цельном виде он появился впервые в своде, и притом в своде летописном, ибо в задачу именно летописных сводов входило соединение исторических записей различных местностей.

§ 35. Признав, таким образом, летопись — и притом в своде, во всяком случае не старшем Начального свода, где впервые соединены были записи новгородские и киевские (§ 115), — источником фактической час-

21 Составитель паремии допустил некоторые переделки, и притом неудачные, как отчасти отметил и Голубовский. Так, вместо «кръвь брата моего въпить к тебе, Вдады-ко», читаем: «кръвь брату моею въпить к тебе, Владыко» («Ярослав, — замечает Голубовский, — стоял в этот момент на месте смерти св. Бориса, и потому естественно говорить в молитве об одном Борисе»). Начав рассказ словами «Ярославъ же приде в силе тяжце», между тем как в летописи: «Приде Святополкъ с Печенеги в силе тяжце», составитель паремии ниже вставил после «бе же пятокъ тогда, въсходящую солнцю» — «и приспе о то чинъ Святополкъ с Печенеги».

22 В летописи 1000 варягов и 40 тыс. новгородцев, но, по-видимому, в более древнем извода читалось не 40 тыс., а 4 тыс. (ср. Ком. сп. Новгор. 1-й).

ти паремии, обращаемся к философско-лирической части ее. Здесь мы должны согласиться с Голубовским: есть основания признать эту часть паремии источником соответствующего текста летописи. Так, благочестивые рассуждения о добрых и злых князьях, общие летописи и паремии, представляются мне заимствованными в летопись из паремии на основании следующих соображений. Летопись, передавая рассказ об убиении Бориса и Глеба, почти не делает отступлений от фактического рассказа; исключение составляет только рассуждения о бесах и ангелах после сообщения об убиении Бориса; между тем здесь видим значительное отклонение от хода рассказа. Благочестивые рассуждения о добрых и злых князьях в паремии изложены несколько полнее, чем в летописи; так, в паремии после «сяковы бо Богъ дасть за грехы, а старья и мудрыя отъиметь» читаем: «отъять бо отъ насъ Богъ Владимира, а Святополка наведе грехъ ради нашихъ, якоже древле наведе на Иероусалимъ Антиоха»; трудно предположить, чтобы эта фраза была сочинена составителем паремии позднее тех рассуждений, в которые она вставлена. Второе место, где замечается совпадение между летописью и паремией, — это рассуждение по поводу смерти Святополка, сравнение его греха с грехом Ламеховым и затем сопоставление Святополка с Авимелехом. Голубовский и это место признает заимствованным в летопись из паремии. Я не отказываюсь следовать за ним и здесь, но со значительною оговоркой. Фраза «и по смерти вечно мучимъ есть связанъ» в летописи неясна. «Выходит так, — замечает Голубовский, — как будто Святополка кто то связал и связанного мучит. Между тем, ясный смысл получается у этого места в паремии: «и по смерти вечно моучимъ есть связанъ въ дно адоу», т. е. по смерти, заключенный на дне ада, он вечно мучим. Итак, в летописи ясно текст испорчен, а само собою разумеется, что текст испорченный есть, вторичный, а не первичный. Первичным текстом должен быть признан ясный текст паремии». Мы согласны с Голубовским и приведенную фразу признаем заимствованною в летопись из паремии. Но обращаемся к предшествующему тексту. В летописи читаем: «егоже по правде, яко неправедна, суду нашедшу на нь, по отшествии сего света, прияша муки оканьнаго; показоваше яве посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно въгна»; в паремии: «егоже по правде, яко неправедна, суду пришьдъшу и по отшествии сего света прияша муки оканьнаго, показавъше яве посланая на нь пагубная рана, въ смърть немилостивно въгна». Нельзя сказать, чтобы текст летописи и паремии был очень вразумителен. Я решительно бы затруднился признать, в которой из них он яснее, и вместе с тем вижу, что первоначально он не мог читаться в таком виде; следовательно, он восходит к третьему, не дошедшему до нас источнику.

§ 36. Источник этот выяснится, если мы обратимся к житийному сказанию; в соответствии с приведенною фразой, мы читаем в нем: «и приять възмъздіе отъ Господа, якоже показаше²³ посыланая на нь пагоубная рана,

23 Так в Чудовск. сп. XIV в.; а в сп. XII в. ошибочно: показася.

и по смърти моукоу вечноую». Мы знаем, что житийное сказание не пользовалось паремией, но сделало ряд заимствований из Начального свода, до нас не дошедшего. Предполагаем поэтому, что и эта фраза взята из Начального свода, где, по-видимому (ср. текст Пов. вр. лет, паремии и жит. сказания), она звучала так: «и приять възмездие отъ Господа, якоже показаше яве посыланая на нь пагоубная рана, и по смърти моукоу вечноую». Смысл фразы ясный: Святополк получил от Господа возмездие, как показывала посланная на него болезнь, то есть та самая болезнь, о которой сообщено выше (в летописи и жит. сказании, но не в паремии): «и раслабеша кости его, не можаше СЕДЕТИ на кони, и несяхуть и на носилехъ онъ, же в немощи лежа», — а по смерти он получил муку вечную. Итак, первоисточником оказывается Начальный свод. Как же попала его фраза в одинаковой порче в паремию и в Повесть вр. лет? Если мы предположим, что паремия основывалась на Начальном своде, то все выяснится: п а р е м и я заимствовала фразу из Н а ч а л ь н о г о с в о д а, испортила ее вставками и прибавила к ней слова: «въ смърть немилостивно вѣгна и по смърти вечно моучимъ есть, связанъ есть въ дно адоу»²⁴; П о в е с т ь в р. л е т воспользовалась п а р е м и е й и заимствовала из нее испорченную и осложненную фразу, которую могла бы прочесть в основном своем источнике (Начальном своде) в первоначальном виде.

§ 37. Сделанный нами вывод дает нам возможность отнестись несколько иначе, чем наш глубокоуважаемый предшественник, и к следующему тексту. В паремии непосредственно за словами «связанъ есть въ дно адоу» читаем: «понеже ведая братоубиство створи; 7 бо мьстии створи Каинъ, оубивъ Авеля, а Ламехъ 70, понеже Каинъ, не ведый мыцения, створи, а Ламехъ, ведый казнь бывшую на прародители своемъ, оубиство створи, а Святопѣлкъ ведая створи и обою сию горши бысть моука емоу. Рече бо Ламѣхъ своимъ женама: мужа оубихъ въ врвдѣ мѣне и оуношю въ язвою МНЕ, темъ же, рече, 70 мьстии на МНЕ, поне ведая створихъ». Для меня совершенно ясно, что соответствующий текст летописи (Повести вр. лет) первоначальнее текста паремии. Во-первых, в паремии нет фразы («есть же могла его в пустыни и до сего дне, исходить же отъ нея смрадъ золь»; в летописи она читается непосредственно за словами «и по смерти вечно мучимъ есть связанъ»; фраза эта (читающаяся и в жит. сказании) представляется совсем не излишнею в рассматриваемом рассказе, в особенности в виду последующего: «Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскимъ: да аще сии еще сиче же створять, се слышавше, ту же казнь примутъ, но и болши сее». И этой фразы (читающейся в несколько измененном виде²⁵ и в жит. сказании) нет в паремейнике, а между тем, она тесно связана и с предшествующим («Се же» — относится к смраду от Святополковой могилы) и с последующим; а последующее в летописи оказывается сходным с приве-

²⁴ Ср. выше в Паремейнике: «находить бо ему досада и поношение, бездна глубока, моука вечная; последняя же его зрять въ дно адоу». ²⁵ Вм. «на наказанье княземъ русьскимъ» там читается: «на показание человеком».

денным выше отрывком паремии («понеже, ведая се, сътворять братоубийство... се ведая створихъ»²⁶). Слово «понеже», конечно, относится к словам «ту же казнь примутъ, но и больши сее»; между тем, в паремейнике вследствие указанного пропуска, «понеже» отнесено к сообщению о мучении Святополка. В летописи проведена параллель между Каином, принявшим семь местей, и Ламехом, принявшим семьдесят местей, с одной стороны, и Святополком, тяжело наказанным Богом, и теми русскими князьями, которые в будущем отважились бы на братоубийство, почему их ожидает казнь, б6 лшая Святополковой, с другой стороны. Между тем, в паремии нет такой выдержанной параллели: с одной стороны, в ней являются Каин и Ламех, а с другой — один Святополк, который, оказывается, принял более тяжелую муку, чем Каин и Ламех; возможные же в будущем князья-братоубийцы не упомянуты. Указанный пропуск в паремии вполне естествен, ибо паремейник не мог преследовать цели политической; ср. отмеченную выше замену «русских князей» просто «людьми» в соответствующем месте жит. сказания. Итак, я признаю текст летописи от слов «Есть же могила его въ пустыни» до слов «а Ламехъ, ведый казнь бывшую на прародители его, створи убийство» более первоначальным, чем соответствующее место паремии («понеже ведая братоубийство створи — горши бысть моука емоу»). Приняв же сделанный выше вывод относительно предшествовавшего Повести вр. лет Начального свода, я принимаю, что весь этот отрывок попал в Повесть вр. лет (в точной передаче) и в паремию (в передаче) из Начального свода.

§ 38. За этим отрывком мы читаем в паремии: «Се Ламехъ оуби два брата Енохова, и поять собе жене ею; сыи же Святополкъ новый Ламехъ бысть, иже ся оубо родилъ бе отъ прлюбодьяния, иже изби братию свою, сыны Гедеоновы, последи же жена самого оуломкомъ жь р н о в а о у б и с г о р о д а тако же и сыи Святопѣлъкъ». То же, кроме, однако, подчеркнутого, читается в летописи, причем летопись повторяет ошибку паремии, заменившей имя Авимелеха именем Ламеха; «Авимелех» читаем только в Лавр. и Хлебн. списках. Я думаю, что поправка Ламеха на Авимелеха принадлежит составителю общерусского лет. свода XIV в., которым пользовались одинаково составитель Лаврентьевской и составитель Хлебниковской летописи (последний поправлял по нему протограф Ипатьевской летописи). Поэтому считаю чтение «Ламех», общее летописи и паремии, одним из доказательств в пользу того, что приведенный отрывок попал не из летописи в паремию (составитель последней, хорошо знакомый с Библией, не повторил бы ошибку летописи), а из паремии (куда вкралась ошибка при переписке с первоначального оригинала) в летопись. Другое доказательство приведено Голубовским: подчеркнутые выше слова безусловно принадлежат первоначальному тексту; при ином понимании сравнение Святополка с Авимелехом теряет значение; важно было указать

²⁶ В летописи, конечно, нет фразы: «а Святополкъ ведая створи и обою сию горши бысть моука емоу».

на то, что как Авимелеха за братоубийство постигла кара на земле, так за братоубийство был покаран и Святополк. Третьим доказательством того, что весь отрывок составлен составителем паремии, считаю самый прием, которым он введен в текст: слова «Се Ламехъ оуби два брата Енохова» и т. д., содержащие пояснение предшествующего, напоминают приведенное выше составителем паремии объяснение к сравнению Ярослава с Авраамом; после слов и «възврати вся коня Съдомьскыя и Лота Ароновича шюрина своего и жену его и имение его», читаем: «и бе Лоть Аврамоу сыновець и шюринъ, Аврамъ бо бяше поялъ братьню дощерь Ароновну Саръроу»; в сравнении Авраама с Ярополком последний назван «новым» Авраамом; в рассмотренном отрывке составитель паремии называл Святополка «новым» Авимелехом.

§ 39. Итак, заключаем наше исследование следующим выводом: Начальный свод не пользовался паремией о Борисе и Глебе²⁷; напротив, паремия почерпнула все фактическое свое содержание и параллель между Святополком, с одной стороны, Каином и Ламехом, с другой, из Начального свода; Повесть вр. лет, дополнившая летописный рассказ о Борисе и Глебе похвалою этим князьям²⁸, заимствовала из паремийных чтений (включенных в службу св. Борису и Глебу) три отрывка: 1) отрывок после сообщения об убиении Святослава, где содержится размышление о добрых и злых князьях; 2) отрывок, непосредственно следовавший за сообщением о смерти Святополка (этим отрывком заменена одна фраза Начального свода); и 3) отрывок, где объяснено, что сделал Ламех, и проведено сравнение Святополка с Авимелехом²⁹.

Имея в виду, что Повесть временных лет составлена в 1116 году, а Начальный свод около 1095 года, мы полагаем время составления паремии между 1095 и 1116 годами. Всего вероятнее, что она возникла около 1115 года, когда перенесены вторично мощи Бориса и Глеба³⁰.

²⁷ Поэтому чтения паремии не попали и в жит. сказание, основывавшееся на Начальном своде.

²⁸ Похвала эта, как основательно заметил Голубовский, в значительной степени отражает те песнопения, что читались в службе Борису и Глебу полной (не древней, Иоанновской) редакции (с. 149).

²⁹ Паремией, как указал Голубовский, пользовались составители позднейших летописных сводов. Так, между прочим составитель свода 1448 года, а вероятнее его источник — общерусского свода 1423 года, вставил из паремии слова «и мнози вернии видяху ангелы, помагающе Ярославу» в описание Летской битвы (Новг. 4-я и Соф. 1-я), а ниже слова «во дне аду» после «по смерти мучимъ есть связанъ» (там же). Равным образом из паремии взято число 30 т., определяющее войско Ярослава (вм. 40 т. Повести вр. лет): ср. Новг. 4-ю и Соф. 1-ю (списки Толст., Бабъз. и др.).

³⁰ Одной из древнейших редакций паремии о Борисе и Глебе считаю список 1271 года. Последующие редакции подвергались поправкам, дополнениям и сокращениям. От мечу, напр., в Трефолое Погод. № 429: вместо «об сю страну Смольньска» — «об сю страну Смоленска выше оустья Смядины»; ср. в проложном сказании: «и ста выше Смядины». Там же вставлено: «глоголаста бо емоу Романъ и Давыдъ: мы ся, брате, не протививе ни въ преки глоголеве; писано бо есть: Господь гордымъ противляется, смиреннымъ же дасть благодать»; ср. в жит. сказании в одной из молитв Бориса: «веси бо, Господи, яко не противлюся, ни выпреки глоголю».

§ 40. Изучение житийного сказания, проложного сказания и паремии одинаково привело нас, как к источнику их, к Начальному своду. Теперь, благодаря извлеченным из названных памятников данным, имеем основание утверждать, что в этом Начальном свode летописное сказание отличалось от того вида его, который оно приняло в Повести вр. лет. Но никаких указаний на источники летописного сказания или на его еще более первоначальный, предшествовавший Начальному своду, вид мы не получили.

§ 41. Обратимся к Несторову сказанию. Отметим связь его с летописным сказанием и постараемся объяснить эту связь. Несторово сказание привлекает особенное внимание наше, ибо по времени составления оно предшествует не только всем рассмотренным выше агиологическим памятникам, но и самому Начальному своду. Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба составлено, как кажется, вскоре после 1079 года; в конце его читаем: «видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая къ старейшему брату си; аще бо быста супротивилися ему, едва быста такому дару чюдесному сподоблена отъ Бога; мнози бо суть ныне детескы князи, не покоряющеся старешимъ и супротивящеся имъ и оубиваемы суть, ти не суть такой благодати сподоблени, якоже святая сия». Нестор писал свое сказание о Борисе и Глебе до Жития Феодосия, а последнее составлено во время игуменства Никона (1078—1088). Следовательно, чтение о житии и погублении Бориса и Глеба составлено до 1088 года. Единственно подходящий момент, когда уместно было сказать об убиении «ДЕТСКИХЪ» князей, супротивящихся старейшим, был во второй половине XI столетия 1078 год, когда в битве у Нежатины нивы был убит в сражении с дядей Изяславом — Борис Вячеславич, и 1079 год, когда был убит половцами Роман Святославич, приведший их против дяди Всеволода. Имена Бориса и Романа не могли не вспомниться Нестору, когда он обратил свое увещательное слово к тем о братолюбии и покорении старшим. Думаю, впрочем, что имеется основание предполагать, что Несторово сказание написано после 1081 года. Рассказав о перенесении мощей Бориса и Глеба в 6580 (1072) году, Нестор продолжает свое сказание о чудесах: «многа же чудеса створи Богъ на МЕСТЕ томъ (т. е. куда перенесены были страстотерпцы) святыма своима страстотерпцема, якоже и на первомъ месте ». Прежде всего идет рассказ об исцелении немого и хромого; второй рассказ о жене сухорукой, оказывается, основан на личном сообщении исцеленной³¹, исцеление это произошло в воскресенье 15 августа («бе бо неделя въ тъ день и оупение святоя Бого-

«Въ единъ же отъ днии ишедъшю ми некоего ради орудия въ градъ и седъшю ми на единомъ месте, и се пришедъши некая жена седе близъ мене, еяже несмь зналъ даже и доньне, поведаше бо ся из ыного града пришедъши... Се же все исповеда ми сама седящи яже бе с нею». Из позднейшего сказания о чудесах, приложенного к житийному сказанию, видно, что женщина эта была из Дорогобужа, причем она пришла в Вышегород, услышав об исцелении человека со скорченными руками и ногами у церкви св. мучеников.

родица »)³²; но 15 августа приходилось на воскресение после 1072 года в первый раз в 1081 году, затем в 1087. Отсюда видно, что исцеление сухорукой произошло или в 1081, или в 1087, вероятнее в 1081, ибо, как указано, сказание о Борисе и Глебе написано Нестором до жития Феодосия, оконченого до 1088 года.

§ 42. Итак, Несторово сказание составлено между 1081 и 1088 годами. Какими же источниками располагал Нестор? Сам он говорит: «се азъ Нестеръ грешный о житии и о погублении и о чюдесехъ святою и блаженоую³³ страстотърпцю сею (отъ) опасне ведущихъ испытавъ, а ³³ другая самъ сведы, отъ многихъ мала въписахъ». Но кроме устных источников Нестор располагал, конечно, и письменными. На это указывает связь его сказания о перенесении святых и об их чудесах с позднейшим сказанием, приложенным к житийному сказанию. Обстоятельность последнего не оставляет сомнения в том, что оно основано на современных записях, ведшихся при Вышегородской церкви. Записи эти принадлежали к двум эпохам: древнейшие не переходили середины восьмидесятых годов XI столетия и оканчивались рассказом об исцелении слепого (об этом исцелении повествует и Нестор, ссылаясь на устный источник: «и се паки инъ повода ми, глаголя»); позднейшие относятся ко времени после второго перенесения мощей (1115 года), и в сообщениях о событиях более отдаленных носят явные следы припоминания и даже сочинительства³⁴.

§ 43. Древнейшие записи велись, быть может, постепенно. Голубовский прав, возводя их ко временам Ярослава и митрополита Иоанна; последний именовался в них архиепископом, что едва ли не свидетельствует о современной записи. Записи, как видно из позднейшей редакции их, приложенной к житийному сказанию, начинались с обретения того места, где были погребены святые братья; передавали о пожаре церкви св. Василия, «у неяже лежаста святая»; о построении сруба на месте сгоревшей церкви; о перенесении в него мощей, извлеченных из земли, причем запись отмечала, что мощи были поставлены «на десней стране»; за сим следовали рассказы о чудесах:

³² То же видно из позднейшего сказания: «и приде въ день соуботъный, и бяше же и канонъ святыя Богородицы» (ср. в приложениях к жит. сказанию).

³³ Так я исправляю чтение Сильв, сборника: «исписавъ я».

³⁴ В них сообщено о построении Святославом Ярославичем каменной церкви, причем ее достраивал Всеволод; выстроенная церковь рухнула в день окончания своего; далее сообщено о смерти Всеволода; чудо при Святополке Изяславиче сообщено на основании устного источника («поведахоу бо иже и самовидцы бывъшеи чюдеси сицеому бывъшю»), причем рассказчик заимствовал сюжет и чуда, бывшего еще при Ярославе и записанного Нестором; далее сообщено о желании Святополка выстроить каменную церковь; засим обстоятельно говорится об оковании Владимиром обеих рук Бориса и Глеба золотом (причем ясно, однако, что это писано после 1115 года: «се же преже сътвори въ лето 6610 лето, а последи по пренесении и множайшая содела»); рассказ переходит к построению церкви Олегом Святославичем (1112 г.), причем Святополк обвиняется в том, что по зависти не соглашался на перенесение в нее мощей святых братьев; далее сообщается о смерти Святополка (1113 г.) и, наконец, весьма обстоятельно повествуется о перенесении мощей при Владимире (1115 г.).

- 1) исцеление отрока с сухой и скорченной ногой (запись знала, что этот отрок был сын Миронег, Вышегородского градника),
- 2) исцеление слепого; Миронег сообщил об обоих чудесах Ярославу; Ярослав выстроил церковь о пяти верхах; церковь освящена 24 июля, и в тот же день перенесены туда мощи святых, причем во время литургии случилось,
- 3) чудо с исцелением хромого упомянув о смерти Ярослава, церковные записи переходили к сообщению о построении новой церкви Изяславом и о перенесении туда мощей св. братьев (при этом перечислены епископы и игумены, бывшие на этом торжестве), и затем повествовали: о
- А) чуде — исцелении хромого и немого,
- 5) чуде — исцелении жены сухорукой,
- 6) чуде — исцелении слепого.

§ 44. Не подлежит сомнению, что Нестор видел древнейшие записи Вышегородской церкви и воспользовался ими. Под непосредственным влиянием их составлена вся вторая часть Несторова сказания. Так же как Вышегородские записи, Нестор рассказывал об обретении места погребения святых братьев (неоднократное явление огненного столпа, опаление ног у Варяга, ступившего на место, где лежали святые), о пожаре церкви, бывшей там (причем Нестор, быть может, на основании устных сообщений, излагает и причину пожара: неосторожность пономаря); старейшина, «иже бе властелинъ граду тому» (так называет Нестор Миронег), возвестил об этом Ярославу; по распоряжению последнего архиепископ Иоанн извлекает мощи Бориса и Глеба из земли; их помещают на десней стране сруба, выстроенного на месте сгоревшего храма (Нестор: «внесоша же въ прежереченую клетку», но выше он об этой клетке не говорил, о ней говорилось выше в Вышегородских записях: «и поставили же бяхоу тоу клеткою малоу на томъ МЕСТЕ, идеже бяхе церкы съгорела»); далее идут чудеса: исцеление хромого сына старейшины града того (так называет Нестор Миронег)³⁶; исцеление слепого; властелин градный возвещает об этом Ярославу; Ярослав по совету архиепископа Иоанна приказывает выстроить церковь о пяти верхах (Нестор прибавляет, что заготовка леса началась зимой); церковь освящена 24 июля, и тогда же поставлены в ней раки святых «на десней стране»; во время литургии произошло исцеление хромого; Ярослав уставляет десятину «от дани», проходившей через руки властелина града того, в пользу церкви (этого не знает дошедшая до нас редакция Вышегородских записей); архиепископ поставил попов и диаконов, а над ними старейшину (и этого нет в дошедшей редакции Вышегородских записей). За-

35 Если предположим, что 24 июля было днем воскресным, то перенесение мощей в церковь могло быть или в 1020 или 1026 году. Ср. перенесение мощей в 1072 году 20 мая, в воскресенье, в 1115 — 2 мая, в воскресенье.

³⁶ При этом чуде отрок увидел Бориса и Глеба, а с «нима и отрока, иже бе палъ на блаженемъ Борисе, свѣщу несуща предъ святыма»; отрок не назван; между тем в дошедшей до нас редакции Вышегородских записей читаем: «и поведааше съ нима видевъ Георгия оного отрока святого Бориса, ходяща съ нима и носяща свещю».

сим Нестор, очевидно, отступает от своего источника и рассказывает о чудесном избавлении двух осужденных в некоем граде от старейшин града того и посаженных в погреб; Ярослав, узнав об этом, велел выстроить на том месте церковь, «иже и ныне есть»; ясно, что это не Вышегородская запись, поэтому об этом чуде и нет в дошедшей до нас редакции этих записей. Нестор переходит далее опять к записям Вышегородским, но, сказав о смерти Ярослава, он подробнее говорит о нем (упоминает о построении им св. Софии) и сообщает о его погребении; равным образом он гораздо подробнее сообщает о построении новой церкви Изяславом, причем опять упоминает о «княжей дани» («рекыи: даю имъ отъ дани княжи оукрасить церковь»); подробно рассказывает и о перенесении святых в новую церковь 20 мая 6580 года, причем не перечисляет епископов и игуменов (однако отмечает присутствие на торжестве пр. Феодосия); наконец, Нестор повествует о трех чудесах, соответствующих четвертому, пятому и шестому чуду Вышегородских записей, причем, однако, относительно пятого и шестого чуда Нестор утверждает, что рассказы о них он слышал сам — пятый непосредственно от исцеленной, шестой — от другого лица.

§ 45. Из предложенного обзора содержания Несторова сказания о чудесах видно, что он составил его под влиянием Вышегородских записей, причем случай позволил ему в рассказах о пятом и шестом чудесах сослаться и на устные источники³⁷. Записи эти были ему известны в том древнем их виде, когда они доходили только до рассказа о шестом чуде включительно. Нестор, как указано, дополнил свой письменный источник еще одним рассказом, отнесенным ко временам Ярослава, — рассказом о двух чудесно освобожденных из заключения лицах в городе, где после того по приказанию Ярослава была воздвигнута церковь св. Бориса и Глеба (не в Турове ли?). Это обстоятельство — дополнение Нестором Вышегородских записей еще одним рассказом о чуде, не имевшем непосредственного отношения к Вышегороду, указывает, как кажется, что в Вышегородских записях Нестор мог найти сообщения только о таких событиях, которые имели прямое отношение к Вышегородской церкви. Следовательно, в них он не нашел и повествования об убиении святых братьев. Допустить, что в Вышегородских записях рассказу об обретении мощей святых мучеников, о чудесах их и перенесении мощей, предшествовала повесть об их убиении, представляется весьма маловероятным. Во-первых, как указано выше, записи велись постепенно; следовательно, они имели деловой и эпизодический характер; во-вторых, составление повести об убиении Бориса и Глеба предполагает известный творческий момент, который нам пришлось бы продвинуть к двадцатым годам XI столетия, когда еще слишком живы были события 1015 года и когда еще не успела создаться легенда, этот стимул и основание для личного

³⁷ Отсюда значительное отклонение Нестора от Вышегородской записи. Так, например, в последней умолчано, что к исцеленной женщине явились не одни братья Борис и Глеб, но также и св. Никола; напротив, Нестор умолчал о том, что женщина эта была рабой и работала в день св. Николы по принуждению своей госпожи.

творчества; в-третьих, мы находим повесть об убиении Бориса и Глеба изложенную в наибольшей полноте (говоря о фактическом содержании) в летописи, следовательно, как раз в таком памятнике который ничего не передавал о чудесах Бориса и Глеба и об обретении их мощей, т. е. ничего из того, что составляло главное содержание Вышегородских записей³⁸; в-четвертых, наконец, неудачная компоновка Несторова сказания не позволяет нам принять, что в его распоряжении была уже готовая повесть об убиении Бориса и Глеба. И если бы такая повесть была уже в обращении в восьмидесятых годах XI столетия, стоило ли Нестору трудиться над составлением новой повести?

§ 46. Отрицая наличность в числе источников Нестора готовой повести об убиении Бориса и Глеба, мы с тем большим вниманием должны отнестись к тому обстоятельству, что Несторово и летописное сказания оказываются в тесной связи между собой.

Прежде чем ответить на вопрос, как объяснить эту связь, приведем те данные, которые ее доказывают.

В Несторовом и летописном сказании Борис, получивший раньше наравне с прочими братьями удел (у Нестора — Владимир, в летописи: Ростов), оказывается незадолго до смерти Владимира при нем (Нестор: «пославъ приведе къ себе блаженаго Бориса»; летопись: «в се же время бяше у него Борисъ»). Нестор и летопись одинаково сообщают, что, когда Владимира постигла болезнь, оказавшаяся смертельною, в его страну (так Нестор; в летописи: в Русь) пришли неприятели (Нестор: ратнии, летопись: Печенеги); против них Владимир выслал Бориса; в отсутствии Бориса случилась смерть Владимиров (в 6523 году); на столе Киевском садится Святополк; Борис не встретившись с неприятелем, вернулся назад (по Нестору: «ратнии, якоже оуслышаша блаженаго Бориса идуща с вой, бежаша, не дерзнуша стати блаженному»; по летописи: Борис вернулся не обретши Печенегов); на пути он узнает о смерти отца. Далее Нестор и летопись сообщают о том, что воины Борисовы уговаривали его идти и сесть в Киеве; Борис отвечал: «ни паки СМЕЮ противитися старейшому брату» (Нестор); или: «не буди мне възняти руки на брата своего старѣйшаго» (летопись). Борис (когда его покинули воины) «самъ съ о т р о к ы пребысть на МЕСТЕ ТОМЪ» (Нестор), «стояше съ о т р о к ы своими» (летопись). Нестор и летопись сообщают, что Святополк дал поручение избранным им для того людям (по Нестору: «посла слугы своя погубити, избра мужа неистовыя»; по летописи: «отай призва Путшу и Вышегородскыя болярыце») убить Бориса тайно (Нестор: «нощию»; летопись: «не поведуче никомуже»). И у Нестора и в летописи сначала сообщено о том, что убийцы ночью приблизились (Не-

38 Позже в летопись под 6580 вставлен из Вышегородских записей подробный рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь. В Лавр, и Радз. оно ошибочно отнесено ко 2 мая (очевидно, под влиянием установившегося, начиная с 1115 года, празднования именно этого дня), но в Ипат. и Хлебн. правильно и согласно с Вышегородскими записями (ср. житийное и Несторово сказания) указано 20 мая (20 мая в 6580 году приходилось на воскресенье).

стор: «приближишася на нь»; летопись: «подъступиша ближе») к месту, где стоял Борис, а потом сказано, что он пел заутреню (у Нестора: «повеле прозвутеру отпети заутрню», в летописи: «слышаша Бориса поюща заутреню»), причем тут же прибавлено, что Борис начал петь псалмы; у Нестора: «и самъ же нача пети глоголя сице: Господи, что ся оумножиша стужающими, мнози восташа на мя», и т. д.; в летописи: «и вставъ нача пети, глаголя: Господи, что ся оумножиша стужающийи мне; мнози вьстають³⁹ на мя», и т. д. И Нестор и летопись отметили, что убийцы дали Борису возможность кончить заутреню (Нестор: «дондеже конча заутреню»; летопись: «таче кончавъ заутреню»). По окончании заутрени Борис, по Нестору: «възлеже на одре своемъ»; то же в летописи: «възлеже на одре своемъ»; тогда убийцы напали на него; у Нестора: «они же акы звѣри едивии нападоша на нь»; в летописи: «и се нападоша акы зверье дивии»; они пронзили его копьями (по летописи), сулицами (по Нестору). Вместе с Борисом пронзили его слугу: «и се единый отъ престоющихъ ему слугъ паде на немъ, и того пронизоша» (Нестор), «и слугу его падша на немъ прободоша с нимъ...бе бо възложилъ на нь гривну злату велику, в нейже престоаше ему» (летопись)⁴⁰. Нестор и летопись сообщают, что тело Борисово погребено было в Вышегороде; у Нестора: «честное же его ТЕЛО въземше не соша въ...Вышегородъ и ту положиша...оу церкви святаго Василия»; в летописи: «и положиша тело его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василья». У Нестора и в летописи сообщается о посылке Святополком убийц к Глебу (но у Нестора убийцы преследуют бегущего Глеба, а в летописи встречают его идущим в Киев); когда произошла внезапная встреча или внезапное столкновение корабля, где плыл Глеб, с кораблем посланных на него убийц (у Нестора: «и узреша иже беша съ святымъ напрасно корабель исходящъ на ня», в летописи: «се внезапу придоша послании отъ Святополка»), убийцы овладели Глебовым кораблем; у Нестора: «и имше корабль ключи и привлекоша к себе»; в летописи: «и ту абѣ послании яша корабль Глебовъ»; сидевшие с Глебом отроки его стали сетовать и плакать по святом; у Нестора: «а иже беша о святомъ въ корабли...сediaше сетующеся и плачущеся по святомъ»; в летописи: «отроки Глебови уныша». И у Нестора и в летописи Глеба зарезал повар по приказанию Святополковых слуг; у Нестора: «бе же за святымъ сediaше старейшина поваромъ и повелеша тому нечестивии закла ти Глѣба святаго: возми ножъ свои, за режи господина своего...оканьнии же поваръ...изволкъ ножъ свой...и се прежеречени поваръ, ставъ на колену, закла главу святому и пререза гортань его»; в летописи: «оканьнии же посланный Горясерь по ве ле

³⁹ В Нач. своде было: «въсташа» (ср. выше).

⁴⁰ Ипат.; в Радз. «предстояще ему»; в Лавр, «предъстояше предъ нимъ».

вборзе зарезати Глеба; поваръ же Глебовъ, именемъ Торчинъ, вынезь ножъ, зареза Глеба». При этом Нестор сравнивает Глеба с агнятем незлобивым: «а кы агня незлобиво», а летопись с агнятем непорочным: «а кы агня непорочно». Нестор сообщает, что тело Глебово было брошено под колодою: «повергоша в пустыни подъ кладою»; в летописи читаем: «Глебу же убьену бывшую и повержену на бреже межи двема колодама». Ниже Нестор говорит о том, что впоследствии «положиша тело святого Глеба окрест святого Бориса оу церкви святого Василья»; в летописи читаем: «и положиша и у брата своего Бориса у церкви святого Василья». Рассказав об убийении Глеба, Нестор сообщает, что Святополк «и на прочюю братью въздвизаше гонения, хотяи в ся изгубити яти самъ е д н ъ владети ВСЕМИ странами»; в летописи вслед за убийением Глеба сообщается об убийении Святослава и говорится что Святополк «нача помышляти: яко избью в сю братью свою, и прииму власть Русьскую е д н ъ».

§ 47. Итак, связь Несторова сказания с летописным очевидна; в них можно отметить даже общие фразы. Особенно важно, что ход рассказа одинаков в том и другом сказании. Объяснить эту связь можно, конечно, трояко: Нестор пользовался летописью; летопись пользовалась Нестором; Нестор и летопись пользовались одним общим источником.

Я не могу признать состоятельным первое объяснение, если под летописью будем разуметь Нач. свод или Повесть вр. лет. Не стану выдвигать того аргумента, что летопись эта моложе Несторова сказания; я отрицаю самую возможность того, что Нестор знал летописное сказание в том его виде, в каком оно дошло до нас, в составе хотя бы Начального свода; отрицаю потому, что решительно не понял бы причины резкого отклонения Нестора от фактической части дошедшего до нас летописного сказания, если бы это последнее было ему известно. Я не говорю об обезличении в Несторовом изложении летописного сказания; не говорю о замене Печенегов — ратными, Вышегородских боярцев — мужами неистовыми, Горясера — нечестивыми; не говорю об умолчании имен местностей, где были убиты Борис (в летописи: река Лыто) и Глеб (в летописи: река Смядина), или имени убийцы Глебова (в летописи: Торчин), имен убийц Борисовых, имени Борисова слуги, убитого вместе с ним (в летописи: Георгий) — подобная замена и подобное умолчание могли входить в число литературных приемов Нестора, в чем нас убеждает его отношение к Вышегородским записям⁴¹. Но я подчеркиваю то явное отклонение от фактов, сообщенных дошедшею летописью, которое находим у Нестора. Летопись ясно говорит, что Глеба не было при отце во время смерти последнего: он был в своей области; его вызвал оттуда Святополк, выслав навстречу убийц; Нестор сообщает, что Глеб был при отце, но после смерти последнего бежал из Киева, опасаясь

41 Ср. указанные выше опущения имени Вышегородского градника Миронета, названия города Дорогобужа (откуда была родом жена сухорукая) и др.

Святополка. Летопись говорит, что Борис получил в удел Ростов, Нестор вместо Ростова называет Владимир. Летопись утверждает, что Глебовым уделом был Муром, Нестор представляет дело так, что малолетний Глеб совсем не был посажен отцом на удел. Трудно допустить, чтобы Нестор умышленно извратил летописные данные; вероятнее думать, что они не были у него перед глазами. Вероятно думать поэтому, что Нестор не пользовался тем летописным сказанием, которое дошло до нас.

§ 48. Следовательно, сходство между летописью и Несторовым основывается, быть может, на влиянии Несторова сказания на летописное, в составе Начального свода (конца XI века). Но и такое объяснение не представляется вероятным. Правда, можно допустить, что разработка фактической стороны сказания (сравнительно с бесцветным повествованием Нестора) сделана была составителем Начального свода под влиянием различных местных сказаний; так, мы увидим, что этому составителю были известны не только киевские, но и смоленские, даже поволжские предания о Борисе и Глебе; под их влиянием он, вопреки Нестору, мог, например, утверждать, что окончательный, смертельный удар Борис получил на пути к Вышегороду, или что Глеб ехал в Киев, а не из Киева, когда его настигли убийцы; но откуда почерпнул бы летописец такие подробности, как имена Борисовых и Глебовых убийц, или то обстоятельство, что Святополк хотел потаить смерть своего отца, или что Святополк вошел в тайные сношения с Вышегородцами, если допустим, что основным источником летописного сказания было Несторово сказание? Допустив, что Начальный свод имел в числе источников для своего сказания о Борисе и Глебе Нестора, нам придется признать, что кроме Нестора у него были и другие обстоятельные повествования о событиях 1015 года. Но такое признание равносильно предположению, что летописное сказание о Борисе и Глебе заимствовано в значительной части из особого повествования и что само это повествование повлияло на Несторово сказание.

§ 49. Таким образом, выясняется необходимость признать состоятельным только третье из возможных объяснений. Связь летописного и Несторова сказания зависит от пользования тем и другим одним общим источником. Выше мы указывали на невероятность того, что Несторову сказанию предшествовала литературно обработанная повесть о Борисе и Глебе. Приняв во внимание эти указания, приходим к предположению, что общим источником летописного до нас дошедшего и Несторова сказаний было более древнее летописное же сказание. Начальный свод конца XI века восходит к старшему своду летописному: называем его Древнейшим летописным сводом. В этом своде и читалось то древнее летописное сказание о Борисе и Глебе, которое, с одной стороны, перешло в Начальный свод, а с другой, легло в основание Несторова сказания. Прежде чем перейдем к определению отношений дошедшего до нас летописного сказания (Нач. свода и Повести вр. лет) к сказанию древнейшему (читавшемуся в Древнейшем летописном своде), укажем, что изучение Несторова сказания помимо прямой связи его с летописным сказанием о Борисе и Глебе, приводит к установлению того факта, что Нестор, когда в 1081—1088 годах составлял свое Чте-

ние, был знаком с летописью и пользовался ею. Летопись эта была Древнейшим летописным сводом, ибо Начальный свод и Повесть вр. лет составлены позже Несторова Чтения.

§ 50. В Несторовом сказании и в той его части, которая не имеет прямого отношения к Борису и Глебу (в начале сказания), оказываются места, общие с летописью, сильно ее напоминающие. Отношу сюда прежде всего введение в сказание, содержащее обзор событий, приведших к принятию христианства Русью; в самом кратком изложении Нестор сообщает о творении мира и человека, о грехопадении Адама, рождении Каина и Авеля, размножении человечества и появлении идолопоклонства, присылке Богом сначала пророков, а потом Сына своего Иисуса Христа; так же кратко говорится о рождении Спасителя. Его крещении, избрании двенадцати апостолов, Его смерти и погребении, сошествии во ад, вознесении на небо, проповеди апостолов и их чудесах; далее сообщается об умножении христиан. Я думаю, что мысль внести в сказание такой экскурс в историю человечества дана была Нестору знакомством с Речью философа, читавшеюся уже в Древнейшем летописном своде. Не стану приводить параллельных выписок из сочинения Нестора и из Речи философа, хотя между ними попадаются общие фразы; сопоставление более внимательное показывает, что в распоряжении Нестора была не одна Речь, но также и другие источники и между ними священное писание — книга Бытия (едва ли не по паремийным чтениям) и Евангелие; он знал кроме того и некоторые апокрифы; например его сообщение о сошествии Христа во ад сильно напоминает Слово св. Евсевия о вшествии Иоанна Предтечи в ад⁴²; быть может, он воспользовался и текстом какого-нибудь из исповеданий веры⁴³. В виду этого возможно, что Несторово палейное сказание (напомним, что в нем не более 30—40 строк) извлечено из какой-нибудь более обширной компиляции, случайно совпадавшей местами с Речью философа. Я поэтому не настаиваю на непрерывной связи Несторова сказания с этою Речью, хотя и считаю вероятным знакомство с нею Нестора, в виду нижеследующих сближений рассматриваемой части Несторова сказания с летописью.

«Сим сице бывшимъ, — говорит Нестор, — оста же страна Руская въ первей прельсти идольскеи; не оубо бе слышала ни отъ кого же слово о Господе нашемъ Исусе Христъ; не беша бо ни апостоли ходиле к нимъ, никто же бо имъ проповедалъ слова Божия». Ниже: «не бебо никтоже прихотилъ къ нимъ, иже бы благовестилъ о Господе нашемъ Исусе Христе ».

Сказав о крещении Владимира, Нестор прибавляет: «таче потомъ всѣмъ запове да вельможамъ своимъ и всемъ людемъ да ся крестятъ... и всемъ грядущемъ къ крещению... тако течаху радующеся къ крещению. Радовашеся князь Володимерь, видя ихъ теплую веру».

42 И. Я. Порфирьев. Апокриф, сказ, о новозаветных лицах и событиях. С. 212—214. 43 «И вселися въ святую девицу и рожься отъ нея девства же не вреже, якоже прежде рождества девою, такоже и по рождестве пребысть девою...» «Посемъ же смерти вкуси волею страстию своею».

Несколько выше Нестор противопоставляет прежнее время тому, что наступило после крещения: «слышите чюдо исполнь благодати: како вчера заповедаея всемь требу принести идоломъ, а днесъ повелеваетъ хрститися... вчера не ведаше, кто есть Исусъ Христосъ, днесъ проповедатель его явися... вчера елинъ Владимиръ нарицаея, днесъ крестьянъ Василий нарицается ».

Далее Нестор говорит про Владимира: «се второй Костянтинъ в Руси явися».

Ниже читаем: «потомъ же созда Владимиръ церковь святую Богородицу владычицу нашу Богородицу в Кыеве ».

Еще ниже читаем: «бе бо и отецъ его (т. е. Владимир) тако милостивъ, якоже и на возехъ возити брашно по граду и овоць и медъ и вино и спроста рещи все, еже на потребу болящимъ и нищимъ; и проповеднику глаголющю съ прошениемъ: егда кто болитъ кто кде?»

Ср. в летописи под 6496: «яко еде не суть ученья апостольска, ни суть ведуще Бога». Также под 6491: «еде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли»; далее: «аще и теломъ апостоли не суть сде были».

Ср. в летописи: «посемъ же Володимиръ посла по всему граду, глоголя... Се же слышавше людье съ радостью идяху, радующеся и глаголюще... Володимиръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его».

Ср. в летописи под 6496: «Велш еси, Господи, чюдна дела Твоя! вчера чтимъ отъ челов'екъ, а днесъ поругаемъ».

Ср. в летописи под 6523: «Се есть новый Костянтинъ великаго Рима».

Ср. в летописи под 6497: «посемъ же... помысли создати церковь пресвятыя Богородица ».

Ср. в летописи под 6504: «устрой же и се, рекъ: яко немощнии и болнии не могутъ долести двора моего; повеле пристроити кола и въскладше хлебы, мяса, рыбы, овоць разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, выпрашающимъ: кде болнии и нищъ, не могли ходити? темъ раздаваху потребу».

Особенное значение придаю последнему сближению; в летописи и у Нестора находим одинаково прямой вопрос, вложенный в уста развозившим по городу то, что на потребу. Невозможно допустить, чтобы между обоими отрывками — Нестеровым и летописным — не существовало ближайшей связи. И объяснить эту ближайшую связь проще всего предположением, что Нестор пользовался тем самым Древнейшим летописным сводом, который лежит в основании Начального свода.

§ 51. Итак, Несторово сказание о Борисе и Глебе может дать некоторые указания на состав и особенности Древнейшего летописного свода. Оставляя пока в стороне самый рассказ о св. братьях, отметим, что на основании Несторова сказания можно заключить о том, что в Древнейшем своде читалась Речь философа; в нем сообщалось о крещении Владимира, причем Нестор поставил его в связь с каким-то особенным Божиим явлением Владимиру: «также и сему Владимиру явление Божие быта ему крестьяну

створи»⁴⁴. За крещением Владимира последовало крещение вельмож и всего народа, причем, по-видимому, не было указано, что Владимир крестился в Корсуне. Крещение было отнесено Древнейшим сводом, как кажется, не к 6496, а к 6495 году; ср. у Нестора: «се бысть въ лето 6000 и 400 и 95»⁴⁵. Далее в Древнейшем свode читались те благочестивые рассуждения (или часть их), которые находим в Начальном свode (и Повести вр. лет) под 6496, после сообщения о крещении Киевлян. Как и в Начальном свode, в нем рассказывалось о построении Владимиром церкви св. Богородицы и о милостынях Владимировых. Наконец, в нем указывался 6523 год, как год смерти Владимира. Впрочем, события этого года, как они для Древнейшего свода восстанавливаются по Несторову сказанию, мы рассмотрим ниже.

Итак, мы получили уверенность в том, что Нестор был знаком с Древнейшим сводом. Выше, путем сопоставления Несторова сказания с летописным, мы приходили к заключению, что оба они восходят к одному более древнему сказанию. Но Начальный свод, где читалось дошедшее до нас летописное сказание, произошел из Древнейшего свода. Итак, имеем основание предполагать, что древнейшее сказание о Борисе и Глебе, из которого произошли и Несторово и дошедшее до нас летописное сказание, было помещено в Древнейшем летописном свode.

§ 52. Прежде чем перейти к восстановлению древнейшего сказания о Борисе и Глебе, мы попытаемся извлечь некоторые указания на его состав и

⁴⁴ Ошибочно было бы думать, что Нестор в нижеследующих словах свидетельствует о постигшей Владимира перед крещением болезни: «бе же мужь правдивъ и милостивъ к нищимъ и къ сиротамъ и ко вдовицамъ, елинь же вЪрю; сему Богъ спону некаку створи быти ему хрестьяну, якоже древле Плакидъ» — так в Сильвестровском списке XIV века начинается сообщение о Владимире. Слово «спона» (съпона) в Материалах для древнерусского словаря И. И. Срезневского объясняется для приведенного места, как «тягость, болезнь», причем указан вариант: «сему Богъ спону некаку наведъи створи быти ему хрестьяну». Но при таком объяснении и при признании указанного варианта первоначальным чтением, непонятно было бы сравнение Владимира с Плакидой, ибо никакой тяготы или болезни Бог не наводил на Плакиду; напасти посетили Евстафия уже после его крещения, и наведены они были не Богом, а дьяволом: «понеже оставилъ еси диавола, ищеть на тя напасти етеры». Думаю, что первоначально в Несторовом сказании читалось: «сему бо спона некака створися быти ему хрестьяну», т. е.: ибо что-то помешало быть ему христианином; это стоит в прямой связи с предшествующей фразой, где говорится, что Владимир был язычником, но вместе с тем мужем правдивым, милостивым к нищим, к сиротам и вдовицам. Ср. в начале жития Евстафия Плакиды: «бе етеръ стратилать именемъ Плакида... еллинь же бе верою, а дела праведными украшался, алчющая насыщая, жажчющая напаая, нагиа одевая, впадающимъ въ беду помагая, ис темница изимая, и всемъ людемъ отнудъ помогаая». Для значения слова «съпона» ср. вариант, представляемый в Житии Феодосия Кассиановскою редакцией патерика, в конце жития: «то же многажды окушашесе врагъ тако же паки и тому спону створити (вместо этого в древних списках: темъ съмятыше), и на того крамолу възложити». ⁴⁵ Что искажено потом: «въ лето 6000 и 400 и 90». Ср. выше § 10.

особенности путем анализа дошедшего до нас летописного сказания и сравнения его с Нестеровым сказанием.

Анализ этого летописного сказания обнаруживает в нем противоречия и явные вставки. Укажу несколько мест в летописном сказании, явно ведущих к предположению о более первоначальном, не дошедшем до нас виде сказания. Начну со смерти Владимира, изложенной в дошедшем летописном сказании так:

«Умре же на Берестовемъ, и потаиша и, бе бо Святополкъ Киеве. Ночью же межю клетми проймавше помость, обертевше в коверъ и ужи съвесиса на землю; възложше и на сани, везыше поставиша и въ святей Богородици, юже бе създалъ самъ. Се же уведевыше людье, бецисла снисдошася, и плакашася, боляре аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя; и вложишай въ корсту мороморяну, схраниша тело его съ плачемъ, блаженаго князя ».

Не так давно на этом летописном отрывке остановился Е. Е. Голубинский⁴⁶. Он отметил в нем непримиримое противоречие*. «С одной стороны, говорится, что бояре (Е. Е. Голубинский ищет подлежащего к сказуемому во мн. числе) потаили смерть Владимира, а с другой стороны — что они тотчас же постарались через привезение тела в Киев сделать ее всем известною ». Исходя из того предположения, что летописное сказание основано на житийном сказании (сказании монаха Иакова), Е. Е. Голубинский признал, что и это место летописи заимствовано из жит. сказания. В жит. сказании читаем: «вестникъ пршде (к св. Борису), сказая ему отнюю смерть, како преставися отецъ его Василей, зовемый Володимеръ, и како Святополкъ потаи смерть отца своего, въ ночь проймавъ помость на Берестовомъ и въ коверъ обертевъ, свесивше ужи на землю, везыше на санехъ, и поставиша въ церкви святыя Богородица». Е. Е. Голубинский предполагает, что текст житийного сказания, нами только что приведенный, испорчен и что испорченным уже текстом пользовался составитель летописи, отчего и произошло отмеченное противоречие, первоначально же в жит. сказании читалось: «како Святополкъ потаи смерть отца своего и како бояре, въ ночь проймавъ помость» и пр. По мнению Е. Е. Голубинского, «дело должно быть понимаемо так, что Святополк, находившийся в минуту смерти Владимира в Киеве и принявший намерение занять престол великокняжеский, имел нужду для улажения дела о занятии престола скрыть на некоторое время смерть отца, для чего приставил к дворцу Берестовскому свою стражу, но что бояре, враждебные ему или вообще не разделявшие его замысла, тайно от приставленной стражи вынесли из дворца тело Владимира и привезли в Киев, в Десятинную церковь, делая таким образом известною смерть великого князя всем Киевлянам».

⁴⁶ Изв. Отд. р. яз. и слов, за 1904 г., т. IX, кн. 2, с. 60—62.

* Знак # отсылает к поправкам и дополнениям, помещенным А. А. Шахматовым в конце исследования. — *Ред.*

§ 53. По существу соглашаюсь вполне с поправкой Е. Е. Голубинского, но, не имея основания думать, что лет. сказание заимствовано из житийного и полагая доказанным обратное заимствование, я думаю, что порча текста произошла при перенесении его из Древнейшего лет. свода в Начальный свод. В Древнейшем своде читалось, по-видимому: «Умьре же на Берестокемь, и потаи и Святополкъ, *бе* бо Кыеве; *б о я р е* же, ночью межю клетми проиравше помость» и т. д. Стоило прочесть приведенную фразу «и потаи и, Святополкъ *бк* бо Кыеве », как необходимым оказывалось отыскать подлежащее к «потаи», которое и было найдено в следующей фразе; «потаи» должно было замениться формой «потаиша»⁴⁷.

Кроме того, оговариваю еще один пункт разногласия моего с Е. Е. Голубинским. Никаких указаний на тайный вывоз тела Владимирова из Берестовского дворца в сообщенном отрывке усмотреть нельзя, ибо пролом помоста был сделан в исполнение известного погребального обряда, как об этом догадывались Соловьев (Ист. России, I т., с. 242, пр.) и А. А. Котляревский⁴⁸.

Приведенный выше отрывок Древнейшего свода остается все-таки непонятным, если мы не предположим, что дальше в этом своде объяснялось, с какою целью желал Святополк скрыть смерть своего отца. Известные нам факты дают основание думать, что он не пользовался расположением Киевлян; напротив, Борис был любим в Кыеве; кроме того, под начальством Бориса находились княжеская дружина и войско, выставленное Киевскою областью. Дружина и войско были отправлены Владимиром против печенегов. Святополк, по-видимому, уже раньше враждовавший с Борисом⁴⁹, быть может, тогда, когда он поднял восстание против отца⁵⁰, понимал, что Борис, поддерживаемый Киевлянами, не уступит ему великокняжеского стола, а между тем он имел на него право по старшинству*. Он был моложе уже покойного тогда Изяслава, Рогнедина сына, но старше всех остальных братьев, и, между прочим, Ярослава, так как родился вскоре после захвата Киева Владимиром, взявшим в жены вдову Ярополкову и родившим от нее Святополка. Единственным средством отделаться от Бориса, возвращавшегося с войсками к Киеву и стоявшего преградой на пути к осуществлению законных его прав, Святополк признал тайное убийство. Поэтому он

⁴⁷ Составитель житийного сказания имел перед собой текст Нач. свода; но он предположил, что потаить смерть Владимира мог только Святополк; поэтому он заменил «потаиша» формой «потаи», а затем вм. «проиравше», «обертѣвше» дал «проиравъ», «обертевь», отнеся и это все к Святополку. Возможно, что в Нач. св. читалось еще «потаи» (в Новг. 1-й: «потаиша», но она подверглась влиянию Пов. вр. лет).

⁴⁸ Приведя соответствующее место летописи, Котляревский делает к нему следующее замечание: «Мы имеем основания видеть здесь особый погребальный обычай, по которому усопшего выносили не дверью, но разнимали помост и в отверстие спускали тело. Такой обычай сохранился и доселе у племен немецких и славянских». О погребальных обычаях языч. славян (Сб. Отд. р. яз. и сл., ч. XLIX, с. 126).

⁴⁹ Несторово сказание.

⁵⁰ Ср. свидетельство Титмара Мерзебургского, Lib. VII, 52.

решил, скрыв смерть отца от Киевлян, помешать Киевлянам и войску провозгласить Бориса князем при первом известии о смерти Владимира; а тем временем наемные убийцы должны были покончить с Борисом. Я думаю поэтому, что непосредственно за словами «умре же на Берестокемь и потай й Святополкъ, бе бо Кыеве » в Древнейшем своде читалось то, что попало в летопись ниже: «и приде ночью Вышегороду отай, призва Путшу и Вышегородские болярыце и рече имъ: прияте ли ми всемь сердцемъ? Рече же Путша и Вышегородцы: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не поведуче никомуже, шедше убийте брата моего Бориса. Они же обещашася ему се створити » (а далее: «бояре же, ночью межю клетми приравше помость», и т. д.).

Итак, сообщение о смерти Владимира, как оно изложено в дошедшем до нас летописном сказании, ведет нас к решительному утверждению, что перед нами искаженный текст.

§ 54. Ниже читаем: «Бориса же убивше оканьнии, увертевшѣ в шатерь, възложивше на кола, повезошай, и еще дышющю ему. Увездев же се оканьный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга прикончатъ его; онема же пришедшема и видевшема, яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечъ, пронъзе и къ сердцю ».

Итак, оказывается, что убийцы не заметили, что Борис не испустил еще духа; как же мог узнать об этом Святополкъ? Весьма вероятно, что Бориса повезли в Вышегород те самые лица, которые убили его по поручению Святополка, ибо, по свидетельству летописи, его принесли в Вышегород «отай »; самое избрание Вышегорода местом погребения для Бориса показывает, что его тело доставлено туда Вышегородцами, которым было поручено убийство. Почему же убийцы, заметив, что Борис дышит, не прикончили его сами, а послали к Святополку, и почему последний, не желавший разглашать своего участия в убийстве, не поручил прикончить Бориса тем же преданным ему Вышегородцам, Путше и его дружине, а послал на это дело еще двух Варягов? Вижу объяснение недоуменному месту летописного сказания в предположении, что эпизод с нанесением Борису смертельного удара Варягами заимствован в летописное сказание из какой-нибудь легенды, сложившейся вокруг того или иного места, признанного благочестивыми почитателями святых мучеников местом кончины Бориса. Обращаю внимание на то, что в конце XII века упоминается церковь святую мученику у монастыря св. Кирилла, который стоял на Дорогожиче, урочище между Киевом и Вышегородом⁵¹; а именно под 6702 (1194) читаем в Ипат.: «в субботу жееха ко святымъ Мученикомъ, церкви ту сущей у святого Кюрила... в неделю же, празднику бывшую, и не може ехати с Нового двора, но ту и празнова праздникъ святую Мученику ». Кирилловский монастырь был построен, по-видимому, отцом Святослава Всеволодича, о котором говорится в только что приведенном известии (ср.

51 Ипат. 6679 (1171): «сняшася братья Вышегороде, и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Куриломъ... и второе недели оступиша вьсь градъ Кыевъ».

там же: «и положиша ѿ во святемъ Кюриле, во отне ему монастыре»), хотя самая церковь св. Кирилла была выстроена (быть может, при жизни Всеволода Ольговича) матерью Святослава Всеволодича (ср. в известии о ее смерти, под 6686 г.: «и положена бысть в Киеве у святого Кюрила, юже бе сама создала»)⁵². Следовательно, в XII в. на Дорогожиче, на пути из Киева в Вышегород находилась церковь св. Бориса и Глеба. Предполагаю, что церковь была выстроена на том самом месте, где, по преданию, Борис испустил свой дух. Ср. ближайшее определение этого места в житийном сказании: «и яко быша на бороу, начать въскланяти святоу главоу свою, и се оуведевъ Святоплѣкъ пославъ два Варяга и прободоста и мечьмъ въ сѣрдьце, и тако сконьчася». Указание на место, где заметили, что Борис еще жив, является единственно фактическою прибавкой житийного сказания против летописного; она основана, конечно, на подробности, известной составителю жит. сказания из устного предания. Под «бором», всего вероятнее, разумелся бор около Дорогожича, где начинались также болота, в которых увяз Игорь Ольгович, после битвы 13 августа 6654 (1146) года.

Думаю, что я имею основание привести в пользу того, что Борис по одному из киевских преданий, был убит на Дорогожиче, а не на Альте, еще следующее обстоятельство. Как увидим ниже (§ 61), преп. Ефрем Новоторжский был современником Бориса и Глеба; предание называет его братом Георгия и Моисея, слуг Борисовых. После убийства брата Георгия он удалился в Новгородскую область и устроил здесь, близ нынешнего г. Торжка, прежде всего странноприимный дом на реке Д о р о г о щ е (ныне на этом месте Семеновский погост на Дорогоще). Через несколько лет пр. Ефрем выбрал другое ближайшее к г. Торжку место, выстроил церковь в честь св. Бориса и Глеба и при ней устроил монастырь⁵³. Правдоподобно думать, что река названа Ефремом Дорогощей в память урочища Дорогожича близ Киева⁵⁴; а это ведет к заключению, что с Киевским Дорогожичем была связана память о святых Борисе и Глебе.

Итак, имеем основание предполагать, что составитель летописного сказания, до нас дошедшего, должен был согласовать два предания об убийстве Бориса: одно из них говорило об убийстве на Альте, а другое на Дорогожиче. Быть может, первоначальное летописное сказание не содержало этих двух преданий, а говорило лишь об одном (см. ниже § 59).

§ 55. Далее, видим еще неясность и несогласованность с действительностью в следующем отрывке. Святополк, убив Бориса, послал к Глебу, вызывая его обманным образом от имени больного отца. «Глебъ же, вборзе

52 Ср.: Максимович, «О создании Киевской церкви св. Кирилла». (Собрание сочинений, И, с. 161 и сл.); Н. И. Петров, «Историко-топографические очерки древнего Киева». 53 Рукописные жития; также: свящ. И. Колосов, «Новоторжский Борисоглебский монастырь» (СПб. 1890), с. 14; «Монастыри и приходские церкви г. Торжка» (Тверь 1903). 54 При Дорогожиче была известна форма Дорогожьчъ (следовательно, в родит. Дорогожча); ср. Ипат. лет. под 6654 г.: «въ слудовы Дорогожьчьския ». Ср. Любчъ при Любичъ (род. Любча при Любича).

вседь на коне, с малою дружиною поиде, бе бо послушливъ отцю. И пришедшу ему на Волгу, на поли потчеса конь во рве, и наломи ему ногу мало; и приде Смоленську, и поиде отъ Смоленска, яко зреемо, и ста на Смядине въ насаде».

Спрашивается, откуда шел Глеб по вызову своего брата Святополка, где он был при смерти отца? Судя по статье 6496 (988) года, Глеб сидел в Муроме. Следовательно, составитель Начального свода думал, что Глеб идет в Киев из Мурома⁵⁵. Но зачем же Глеб совершает путь из Мурома до Волги на конях? Муром находится на Оке, и перед Глебом открывался речной путь, если он хотел достигнуть истоков Волги, чтобы от них идти к Днепру, который должен был привести его в Киев⁵⁶. Мне представляется, что и здесь обнаруживается стремление летописца (составителя Начального свода) соединить два рассказа, два предания: по одному Глеб ехал в кораблеце или в насаде, когда его настигли убийцы, а по другому Глеб ехал на конях; первое предание отразилось и в Несторовом сказании (где, впрочем, Глеб на кораблеце едет от Святополка, убегая от него), второе же предание стоит в очевидной связи с легендой, связавшей, конечно, с определенной местностью (на Волге) падение Глеба с коня и повреждение им при этом падении ноги. Памятники сохранили нам название этой местности, а благочестивое рвение князей или простых русских людей уже в глубокой древности украсило ее построением монастыря в честь св. Бориса и Глеба. Так, в Хлебниковском списке читаем про Глеба: «и пришедшу ему на Волгу на у с т ь Т м ы»; последних слов нет в Ипат. списке; между тем отличия Хлебн. от Ипатьевского зависели от исправления первого по общерусскому своду начала XIV в.; следовательно, указанная прибавка восходит к памятнику начала XIV в. В Тверском сборнике (1534 г.) читаем так же: «и пришедшу ему на Волгу на у с т ь р е к и Т ь м и». «И на томъ месте — продолжает Тверской сборник — ныне монастырь Бориса и Глеба, зовомый Втомичий»

⁵⁵ Ср. подобное понимание в поздн. компиляции, в так называемой Переясл. летописи: «и посла по блаженнаго Глеба в Муромъ».

⁵⁶ Путь Глебов, речной путь из Мурома в Киев, см. у Ходаковского «Пути сообщения в древней России» (Русск. ист. сб., I, 1, с. 24—25). Н. В. Шляков предполагал, что Глеб шел не из Мурома, а из Ростова, куда он был переведен с удалением Бориса в Киев. Любопытен приведенный этим исследователем расчет, по которому оказывается, что в течение 42 дней (от 24 июля до 5 сентября) послам Святополка и Глебу приходилось делать по 46 верст в день (если Глеб сидел в Ростове) или по 56—60 дней (если он сидел в Муроме). Но кроме того, И. В. Шляков отмечает неясность того обстоятельства, зачем Глеб попал в Отмичи (село на устье Тьмы, ср. ниже). «Для чего ему было два раза переправляться через Волгу?» Отмичи лежит на левом берегу Волги. «Не шел ли он из Белоозера? Но тогда путь удлинится еще до 2677 в., то есть до 64 верст в день» («О поучении Владимира Мономаха», отд. отт. из ЖМНП за 1900 г., с. 97—98).

⁵⁷ Ср. в описи XVI в.: «монастырь Вотминчина на берегу на Волге... а в нем церковь пресв. Богородицы да страстотерпцы Борис и Глеб». Ныне этот монастырь упразднен; на его месте село Отмичи Тверской губ. и уезда, в 13 верстах к северо-западу от Твери, вверх по берегу р. Волги, на устье речки Тмы. см. В. Зверинский, Материалы для историко-топогр. иссл. о православных монастырях, III, с. 131. Некоторые данные относительно Отмич см. в вышеназванном труде Н. В. Шлакова (там же, с. 98 отд. отт.).

(ПСРЛ. XV, 130)⁵⁷. Если предание о месте, где Глеб повредил себе ногу*, засвидетельствовано для XIV и след. веков, то появление его можно отнести и к более древнему времени. Ничто не препятствует предположению, что предание это восходит к XI веку. Оно могло быть известно и составителю Начального свода, как это ясно из только что приведенного отрывка. Ибо зачем было бы ему говорить о столь незначительном событии, как небольшое повреждение ноги Глебом, если бы этому событию не придано было где-либо в ином месте, в ином устном или письменном произведении, большое значение, если бы с ним не ассоциировалось представление о памятном месте, которое должно быть посвящено св. угоднику. Таким образом, составителю Начального свода пришлось комбинировать предание о путешествии Глеба в кораблеце или насаде с преданием о падении его с коня на берегу Волги и Тмы и повреждении им ноги; в результате такой комбинации оказывалось, что Глеб на конях едет из Мурома к Волге, а в кораблеце или насаде отправляется уже только из Смоленска.

§ 56. Непосредственно за рассмотренным отрывком читаем в дошедшем до нас летописном сказании: «В се же время пришла бе вестъ къ Ярославу отъ Передьславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глебу, глаголя: не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ, ти убьень отъ Святополка». Это место стоит в тесной связи с другим, которое находим ниже, в сообщении о сборах Ярослава против Святополка: «В ту же ночь приде ему вестъ ис Кыева отъ сестры его Передьславы си: отецъ ти умерлъ, а Святополкъ седить ти Кыеве, убивъ Бориса, а на Глеба посла: а блюдися его повелику».

Сообщение о сборах Ярослава против Святополка, содержащее подробности явно новгородские (напр, об избиении новгородцами варягов, о поездке Ярослава на Раком и др.), несомненно происхождения новгородского. В Начальный свод оно попало из Новгородского владычного свода XI века, которым пользовался составитель Начального свода. Уже это наводит на мысль, что некоторые подробности в этом сообщении вставлены составителем Начального свода для согласования статьи, заимствованной им из новгородского источника, с другими частями свода. Так, характер вставки имеет самый текст полученного Ярославом известия: в нем точно выясняется момент получения его Ярославом — это время между 24 июня и 5 сентября, между днем, когда убит Борис, и днем убиения Глеба. Составитель свода такую редакцией известия как будто предоставил себе возможность — сообщить выше, в рассказе об убиении Глеба, что Ярослав, получив известие от Передьславы, поспешил предупредить Глеба о грозящей ему опасности. Ниже увидим, что дошедшие до нас отрывки Новгородского владычного свода уполномочивают нас утверждать, что первоначальная редакция полученного Ярославом известия была иная, чем та, что читаем в дошедшем до нас летописном сказании, а здесь отметим, что даже среди списков Повести вр. лет в тексте рассматриваемого известия замечаются большие отличия: Лавр., Радз. и Хлебн. списки излагают его так, как указано выше, а в Ипат. читаем: «а Святополкъ свдить в Кыеве, пославъ уби Бориса и Глеба». Возможно, впрочем, что это чтение позднейшее, — ему ес-

тественно было явиться потому, что о Глебовом убийстве уже сообщено было раньше. Но есть еще одна подробность, совершенно ясно обнаруживающаяся как вставка: не подлежит сомнению, что «си» перед текстом известия относится к «весть»; мы вправе ожидать, что это «си» следовало непосредственно за словом «весть»; следовательно, первоначальным мы вправе признать чтение: «В ту же ночь приде ему весть си», а слова «ис Кыева отъ сестры его Передъславы», которые читаем между «весть» и «си», признаем вставкой. Такое заключение наше естественно вытекало бы и из общих соображений: составителю Новгородского свода решительно не могла быть известна такая подробность, как то, что весть о смерти отца и вокняжении Святополка пришла к Ярославу от Передславы. Но если составитель Начального свода вставил слова «ис Кыева отъ сестры его Передъславы» в новгородский рассказ о сборах Ярослава, то ему же можно приписать вставку приведенного выше сообщения о том, что в то время, когда Глеб ехал в Киев, к Ярославу пришла весть от Передславы о смерти отца и убиении Бориса и что Ярослав послал известие об этом Глебу. И без указанного соображения сообщение это представляется не совсем ожидаемым и не совсем уместным: если Глеб *был* предупрежден Ярославом, отчего он не спасся бегством или не оградил себя от убийц? Глеб стоял на Смядине в насаде, когда получил указанное известие; известие это повергло его в скорбь, которую он излил в длинном причитании; но внезапно явились посланные Святополком, «и ту абъе послании яша корабль Глебов». Выходит так, что Глеб не только не попытался спастись бегством, но далее *поплыл* навстречу своим убийцам⁵⁸, ибо если Глебов корабль стоял на месте, его незачем было иметь. Итак, приходим к заключению, что и в рассказе об убиении Глеба в дошедшем до нас летописном сказании есть вставки против первоначальной редакции сказания, как она читалась в Древнейшем своде.

§ 57. Обращаем еще внимание на только что приведенное обстоятельство. Глеб «ста на Смядине в насаде, а ниже: «и ту абъе послании яша к о р а б л ь Глебовъ». Житийное сказание заменяет «в насаде» выражением «въ кораблице» и согласно с этим говорит и ниже о кораблице («святыи же поиде въ кораблице»), а еще ниже о лодье («начаша скакати зълии они въ лодию его»); я думаю, что эта замена насада кораблицем сделана составителем жит. сказания под влиянием Несторова сказания (где говорится то о корабле, то о кораблице) и не свидетельствует поэтому о том, что в Нач. своде читалось «въ кораблице», а не «въ насадъ»⁵⁹. Итак, почему Начальный свод сначала употребил выражение «въ насаде», а затем — «корабль»? Если «корабль» было признано необходимым заменить другим вы-

58 Составитель жит. сказания так и понял свой источник, ибо он пишет, что, после получения известия от Ярослава, «святыи же поиде въ кораблице и сѣрѣтоша и оустие Смядины».

59 В Новг. 1-й «въ кораблице» заимствовано из свода 1448 г., который, как мы видели, начинает влиять на текст Соф. временника 1421 г. (восходившего в известных частях своих к Нач. своду) еще выше.

ражением, почему оно не заменено словом «насад» и ниже? Для объяснения этой особенности в тексте Начального свода прибегаем к приему, сходному с тем, что употреблен нами выше. Ищем указания на то, что в данном месте скомбинированы опять два источника: один из них, основной, говорил о корабле или кораблеце (ср. это же выражение у Нестора), а другой, побочный, — употреблял слово насад»⁶⁰. И этот другой источник мы, как и выше, признаем легендой, местным преданием.

Дело в том, что на месте убийства Глеба в глубокой древности возник монастырь. Уже под 6646 (1138) упоминается в Новгородской 1-й летописи этот монастырь: «а самого Святослава яша на пути Смолняне и стреляхуть его на СМЯДИНЕ въ манастири»; в 6653 (1145): «заложиша церковь камяну на Смядине Борисъ и *Глебъ*, СМОЛЬНЬСКЕ »⁶¹. Весьма вероятно, таким образом, что с речкой Смядиной издавна связана благочестивая легенда, и легенда эта говорила о том, что Глеб убит на Смядине в насаде. Первоначальное сказание не знало, быть может, места убийства Глеба (как не знает его или не говорит о нем и Нестор); оно рассказывало, что Глеб захвачен на кораблеце настигшими его убийцами; Смоленская легенда сообщала другие подробности об убийстве Глеба. Начальный свод скомбинировал оба своих источника.

§ 57¹. Итак, наше исследование обнаружило ряд позднейших наслоений в дошедшем до нас летописном сказании о Борисе и Глебе. Позднейшее сказание изменило первоначальный рассказ о смерти Владимира и вставило эпизод о смертельном ударе, полученном Борисом уже на пути в Вышегород, далее рассказ о путешествии Глеба (из Муромы) в Смоленск, во время которого он повредил себе ногу, затем самое указание на то, что он убит в Смоленске на Смядине, наконец, сообщение о присылке Глебу известия с предупреждением.

Думаю, что сравнение дошедшего до нас летописного сказания с Несторовым обнаружит еще несколько аналогичных указанным вставкам.

§ 58. Выше мы определили главные отличия Несторова сказания от летописного. Мы не были склонны с самого начала допускать, чтобы Нестор решился исказить более или менее значительно свой оригинал, которым признаем Древнейший лет. свод. Теперь, после предложенного выше анализа, оказывается, что дошедшее до нас летописное сказание в целом ряде случаев отступило от сказания первоначального, между тем как Нестор не противоречил этому предполагаемому первоначальному сказанию. Так, у Нестора говорится, что Борис испустил дух там, где его застали убийцы, а не по дороге в Вышегород; правда, смертельный удар получен им не в шатре, где его пронзили копьями, а вне шатра, когда он выскочил из него, при-

60 Думаю, что слово «корабль» было более в ходу на юге, чем на севере; корабль — слово заимствованное заимствование могло идти именно с юга; оно означало легкое речное судно. Не понимаю, почему на Смядынский монастырь перенесено название Втомычьего (как назывался естественно монастырь на реке Тме, см. выше). У Зверинского (III, 159) приведено название его: Смядин-Борисоглебский-Втомычий монастырь.

чем удар пришелся в сердце; но тело его повезли в Вышегород бездыханным. Позволительно предполагать, что так же читалось и в первоначальном сказании, причем эта подробность и дала основание составителю Начального свода скомбинировать в своем сказании основное сказание и легенду о том, что Борис испустил дух на Дорогожиче. Так, далее у Нестора (как и в первоначальном сказании) не говорилось о путешествии Глеба (из Мурома) в Смоленск и повреждении им ноги на Волге; по Нестору, Глеба преследовали на борзых кораблях; когда его настигли убийцы, они, «имше корабль (Глебов) ключи, привлекоша къ себе»; мы видели, что первоначальный рассказ также говорил о том, что посланные Святополком люди «яша » корабль Глебов; следовательно, Несторов рассказ ближе к первоначальному, чем рассказ Начального свода, где вставлен эпизод о стоянке Глеба в насаде на Смядине. Так, наконец, Нестор ничего не говорит ни о предупреждении Передславой Ярослава, ни о предупреждении последним Глеба: мы видели, что и это в Начальном своде оказывается вставкой против первоначального рассказа.

Ввиду этого и другие отличия Несторова сказания от дошедшего до нас летописного могут оказаться не позднейшими изменениями первоначального сказания Древнейшего свода, а древними чертами, стертыми или искаженными в Начальном своде.

§ 59. Остановлюсь сначала на некоторых умолчаниях Нестора. Он не называет места, где убит Глеб; но предположение, что указание на Смоленск и на Смядину явилось в Начальном своде под влиянием особой легенды, делает вероятным, что и в Древнейшем своде не было названо место Глебо-ва убийения. Нестор не называет также места, где убит Борис; ясно только, что оно лежало на пути из того места, куда Борис ходил походом против поганых, в Киев. Начальный свод сообщает: «и ста на Лъте пришедь »; можно заключить, что весть о смерти отца застала Бориса на Альте; он и остался там, отпустив войско, с одними отроками; далее читаем, что «послании придоша на Лъто ночью». Итак, Борис убит на Альте. Но читалось ли это название в Древнейшем своде? Думаю, что нет, ибо, если оно было в Древнейшем своде, Нестору не было бы основания опустить его: вместо того, чтобы сказать «а самъ съ отроки пребысть на МЕСТЕ ТОМЪ день тѣи », он мог бы поставить: «на Лѣтъ день тѣи». Оставляя в стороне вопрос, где в самом деле убит был Борис, я вижу, что предание указывало решительно на Аль-то, как на место его убийения. Ср. поставление монастыря на Альте еще до 1074 года ⁶²; в 1117 году Владимир Мономах заложил каменную церковь св. Мученику на Лъте и окончил ее со тщаньем многим; Летьская божница святую Мученику упоминается в летописях под 6662 (1154) г. Быть может, церковь в память Бориса и Глеба была основана на Альте действительно на месте убийения Бориса; но возможно, что она построена Ярославом на мес-

62 Ср. под этим годом в летописном рассказе о кончине Феодосия: «и нарече имъ Иякова презвитера. Братѣи же нелюбо бысть, глаголюще: яко не zde есть постриганъ; бе бо Ияковъ пришедь с Летьца с братомъ своимъ Пауломъ».

63 Ср. церковь св. Бориса и Глеба в Новгороде на Гзени (Къземли), построенную, по-видимому, на месте победы князя Глеба над Всеславом Полоцким в 1069 году.

те победы над Святополком, приведшим на Русь Печенегов⁶³; ср. под 6527 (1019) г.: «и възде противу ему на Лъто... и покрыта поле Летское обои». Во всяком случае, несколько странным представляется совпадение места убийства Борисова и места окончательной победы Ярослава⁶⁴. Не наведено ли было благочестивое предание на мысль, что Борис убит на Альте, существованием там часовни, церкви или монастыря, знаменовавших на самом деле другое событие? Если это так, то вполне естественно предполагать, что в Древнейшем своде (как и у Нестора) не было указано место убийства Бориса⁶⁵. Но предание указывало, как можно думать, еще на другое место убийства Бориса, на урочище Дорогожич (см. выше § 54). Составитель Начального свода, отдав предпочтение первому преданию, согласовал с ним второе, предположив, что Бориса на Дорогожиче прикончили Варяги, когда оказалось, что он, раненный на Лъте, еще дышит.

§ 60. Другое значительное умолчание Нестора видим в рассказе о самом убийстве Бориса. Мы читаем у него: «и се единъ отъ престоющихъ ему слугъ паде на немъ; они же и того пронизоша ». Слуга этот, по свидетельству Начального свода, назывался Георгием. Отчего же не назвал его Нестор? Сравнивая поступок повара Глеба с поступком отрока Борисова, Нестор опять не дает имени Георгия: «оканьнии же поваръ не поревноваше оному, иже бе палъ на святомъ Борисе, но уподобися Июде предателю». Ниже, передавая Вышегородскую запись об исцелении сына Вышегородского градника (Миронег), Нестор опять не называет Борисова слугу по имени, хотя и говорит о нем; исцеленный видел с Борисом и Глебом, явившимися ему, «и отрока, иже бе палъ на блаженемъ Борисе, свещю несуща предъ святыма». Дошедшая до нас редакция Вышегородских записей называет Георгия: «и поведаше съ нима видевь Георгия, оного отрока святого Бориса, ходяща съ нима и носяща свещю». Итак, слуга Борисов удостоился высокой награды, подвиг его давал особое основание для уважения его памяти. Сомневаюсь, чтобы Нестор умышленно умолчал его

⁶⁴ Есть основание думать, что победа эта произошла 24 июля. Ср. в описании Летской битвы: «бе же пятокъ тогда»; 24 июля в 6527 (1019) году приходилось на пятницу; это обстоятельство еще более усиливало связь между местом победы и местом убийства, которое было отнесено также к 24 июля.

⁶⁵ Под 6527 (1019) читаем: «и възде противу ему на Лъто. Ярославъ ста на месте идеже убиша Бориса, въздев руце на небо, рече: кровь брата моего вопьеть к тебе, Владыко! мсти отъ крове праведнаго сего», и т. д. Если соображение наше верно, то этих слов не было в Древн. своде. Впрочем, на то, что они вставлены, указывает, во-первых, сходство их со словами Ярослава в статье 6523 (1015) года, сказанными им еще в Новгороде: «да будетъ отместникъ Богъ крове братья моя»; во-вторых, Ярослав с полным правом мог вспомнить здесь о крови не одного Бориса, но также и Глеба, если бы летописец не имел в виду подчеркнуть особо связь места Летской победы с местом убийства Бориса (ср. переделку в паремии: «кровь брату моею выпить к тебе, владыко, мсти кровь правьдну»); в-третьих, непосредственно за молитвой к Богу читаем, после слов «помолився, рекъ», молитвенное обращение к св. Борису и Глебу; такое накопление молитв вряд ли первоначально. Не читалось ли в Древн. своде: «Ярославъ же помолися, рекъ»?

имя, если оно было бы ему известно; мне кажется, что это было бы противно обычным агиологическим приемам. Одно дело — не назвать окаянных убийц или опустить имя того властелина града, сын которого удостоен был исцеления, и другое дело — скрыть имя угодника Божия. Признавая вероятным, что Нестор не нашел имени слуги Борисова ни в Древнейшем своде, ни в Вышегородских записях⁶⁶, ставим вопрос, откуда же это имя стало известным составителю Начального свода?

И здесь слуга сначала не назван. «И прободоша Бориса и слугу его, падша на немъ, прободоша с нимъ». Но затем поясняется, кто был этот слуга; пояснение это имеет характер вставки.

«Бе бо сей любимъ Борисомъ; бяше отрокъ съ родомъ сынъ Угърескъ, именовъ Георги, егоже любляше повелику Борисъ, бе бо възложилъ на нь гривну злату велику, в нейже предъстояше предъ нимъ. Избиша же ины отроки Борисовы многы. Георгиеви же сему не могуще вборзе сняти гривны съ шие, усекнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; темже послеже не обретоша тела сего въ трупии».

Обращаем внимание на связь этого отрывка с рассказом Поликарпа о преподобном Моисее Угрии. «Уведено бысть о семъ блаженемъ Моисей Угрии, яко любимъ бе святымъ Борисомъ. Сей бо былъ родомъ Угринъ, братъ же Георгия, на негоже святыи Борисъ възложи гривну злата, егоже убиша съ святымъ Борисомъ на Алте и главу его отрезаша, златыя ради гривны. Сей же Моисей единъ избывъ отъ горюя смерти и горкаго заклениа избежавъ, и прииде къ Переделаве, сестре Ярославле ». Конечно, можно бы предположить, что Поликарп, обратив внимание на общее происхождение летописного Георгия Угрии и Моисея Угрии, причислил рассказ о том, что оба Угрии были братьями и что Моисей был также любим Борисом, у которого служил вместе с братом; следовательно, все, что сообщено им о Георгии, восходило бы прямо к летописи. Но откуда же взято Поликарпом, что спасшийся Моисей скрылся у Передславы? Скажут, что и это сочинено на основании летописи, выставившей Передславу в активной роли помощницы Ярослава, и на основании еще того обстоятельства, что и Моисей и Передслава попали в плен к Ляхам. Но предыдущее исследование показало, что активная роль приписана Передславе составителем Начального свода, вопреки данным Древнейшего свода, который не сообщал о том, что Ярослав был извещен о смерти отца и избиинии братьев именно Передславой. Следовательно, сам Начальный свод руководствовался какими-нибудь данными о Передславе, позволившими ему внести дополнение в первоначальный текст летописи. Не те же ли данные отразились в Поликарповом рассказе? Кроме того отметим, что Повесть вр. лет (и, конечно, также Начальный свод) не говорит прямо о взятии в плен Передславы: летопись сообщает о том, что Болеслав захватил с собой «обе сестры Ярославли» (то же у Поликарпа); следовательно, общая участь (плен) еще не служила достаточной основой для ассоциации между Моисеем и Передславой.

⁶⁶ Дошедшая до нас редакция их могла заимствовать это имя из житийного сказания.

Поликарп, рассказав о Моисее, называет тот источник, откуда он извлек свое повествование. «Се же вписано есть в житии святого отца нашего Антоша, еже о МОВСЕИ, бе бо пришесть блаженный во дни святого Антоша ». Итак, возможно, что в житии Антония говорилось и о родстве Моисея с Георгием, и о том, что Моисей, слуга Борисов, скрывался у благочестивой Передславы.

§ 61. Ниже, в главе XI, приведем доказательства в пользу того, что Начальный свод имел в числе источников Житие Антония. Думаю поэтому, что именно из него заимствованы имя Георгия для слуги, прободенного над телом Борисовым, и подробность о возложении на него золотой гривны и отсечении убийцами главы его; замечание «тем же послеже не обретоша тела сего в трупии» принадлежит, по-видимому, также Житию Антония и может быть поставлено в связь с благочестивою легендой, сообщая, что глава св. Георгия обреталась в Борисоглебском монастыре, основанном преп. Ефремом Новоторжским (братом Моисея и Георгия), близ Торжка⁶⁷. Итак, глава была обретена, а тела «не обретоша».

§ 62. Мы отвлеклись в сторону от поставленной себе задачи. Возвращаясь к сравнению Несторова сказания с летописным, остановимся теперь на случаях прямого противоречия данных Нестора данным дошедшего до нас летописного сказания.

Рассказывая о Борисе, Нестор говорит: «паче посла й потомъ отецъ и на область Владимиръ, юже ему дасть, а святого Глеба оу себе остави». Святополк тогда еще начал враждовать против Бориса, «хотяше бо оканънии всю страну погубити и владети единъ ». Владимир, узнав об этом, привел Бориса к себе. Начальный свод не знает о том, что Борис сидел некогда во Владимире. Под 6496 годом он сообщает о том, что, при распределении уделов, Борису достался Ростов, Глебу Муром, а область Владимира получил Всеволод; правда, распределение это было не первоначальное, так как сначала Ростов получил Ярослав, переведенный в Новгород по смерти Вышеслава; можно было бы гадать, что Борис получил сначала Владимир, а потом, после перехода Ярослава в Новгород, — Ростов, но оснований для такого гадания не имеем. Между Нестором и Начальным сводом остается явное противоречие: по Нестору, Борису достался Владимир, а Глеб совсем не получил области; между тем, по Начальному своду, Борису достался Ростов, а Глебу Муром. И в связи с этим стоит и дальнейшее противоречие: по Нестору, Глеб, после смерти отца, сел на приготовленный ему корабль и поплыл от Киева, спасаясь от Святополка; по Начальному своду он, услышав о смерти отца, возвращается из своей области в Киев и по пути попадает к убийцам, посланным Святополком.

Разумеется, мы не спросим: кто же прав — Нестор или Начальный свод? Для решения такого вопроса мы совсем не располагаем данными. Но мы можем рассмотреть вопрос об источниках того и другого рассказа. На что

67 Ср. в Летописце Новгор. церкв. Божиим (XVII в.) под 6523 г.: «Преподобный отецъ нашъ Ефремъ Новоторжскій бе в СІЯ времена». Основание монастыря относится преданием к 1030 году. Ср. Ратшин, Ист. сведения о монастырях и церквах, с. 510; Ключевский, Древнерусские жития святых, 335—338; Зверинский, Материалы для ист.-топ. иссл.

опирался в фактической части своей Нестор? На Древнейший летописный свод — это доказано выше; на некоторые устные рассказы «иных христороуц» — об этом заявляет сам автор. Какими источниками располагал составитель Начального свода? Прежде всего Древнейшим летописным сводом, а потом еще рядом других письменных и устных источников, как это уже доказано предыдущим исследованием. Итак, состав Начального свода сложнее состава Несторова сказания; сложность состава отражалась на необходимости согласовать источники, комбинировать их и давать таким образом иной раз придуманные известия, искусственно составленные сообщения.

Таким искусственно составленным сообщением представляется мне и статья 6496 года, содержащая распределение волостей между сыновьями Владимира. Новгородский влад. свод сообщал, что первым князем после крещения был Вышеслав, за ним Ярослав (ср. эти данные во всех перечнях князей новгородских, читающихся в новгородских сводах); думаю, что данные, касающиеся Новгорода, взяты составителем Нач. свода из этого источника, из влад. свода; о том, что Изяслав сел в Полотске, было ему известно из того обстоятельства, что там сидело все потомство его; что Мстислав получил Тмуторокань, составитель Нач. свода заключил из дальнейших событий (похода Мстислава на Касогов, постройки им в Тмуторокане церкви св. Богородицы и др.); Святослав посажен летописцем в Деревех едва ли не в связи с последующей его судьбой, когда он бежал от Святополка к Угорской горе⁶⁸: казалось, что путь в Угры был ближе всего открыт для князя Деревского; Святополк сидит в Турове, как кажется, в силу своего старшинства; ср. принадлежность Турова старшему Ярославичу — Изяславу, сидевшему в нем при жизни отца; Туров принадлежит старшему после Всеволода Ярославича при княжении последнего в Киеве. Неясно, почему Ростов отдан летописцем Борису, Муром — Глебу, Владимир — Всеволоду. Неясно также, почему не указано, кто из сыновей Владимировых сидел в Смоленске, в Чернигове, в Переяславле⁶⁹.

68 Об убиении Святослава в Угорской горе существовало народное предание. Ср. Грушевский, История Украши-Руси, 112, с. 7, пр.

69 Позднейшие компиляторы догадывались, что Судислав сидел в Пскове (на основании того, что он позже просидел там в заключении 24 года), а Станислав в Смоленске. Ср. Соф. 1-ю и Новгород. 4-ю и др. — Откуда это известие о Станиславе Смоленском? Почему позднейшие компиляторы не сумели сказать ничего про удел Позвизда? Я думаю, что в распоряжении составителя общерусского свода XV века были какие-то данные, указывавшие на то, что в Смоленске сидел Станислав. Обращаю внимание на возможность того, что Станислав пережил бурные события 1115—1119 годов. Не его ли следует разумеать в загадочном известии Скилиция-Кедрина. Известие это, как отметил и М. С. Грушевский (История Украши-Руси, 112, с. 25), заслуживает всякого внимания, ибо читается под 6544 годом, т. е. под тем же годом, под которым наша летопись сообщает о смерти Мстислава. Если переставим имена Ярослава и Станислава, то получим указание на то, что в 6544 году умерли русские князья Мстислав и Станислав и избран на княжение родственник умерших, Ярослав. Менее правдоподобно думать, что за смертью; надо читать заточение Судислава.

В виде предположения высказываем догадку, что и здесь на сообщение Начального свода о Борисе и Глебе повлияли предания, связанные с этими святыми. Мы уже видели, что путешествие Глеба на конях к Волге и оттуда в Смоленск вставлено в Начальный свод под влиянием двух легенд — о падении Глеба с коня на месте, где позже возник Втомичий монастырь, и об убиении его на Смядине в насаде. Вспомним теперь, что Ростовская область уже в XII веке представляла предания о сидевших в ней или ходивших по ней князьях Борисе и Глебе. Так, Переяславская и Радзивиловская летописи, сообщая под 6667 (1159) годом о погребении Бориса Юрьевича в церкви св. Мучеников, прибавляют: «юже бе създаль отець его Теории на Нърли, идеже бяше становище святаго Бориса ». Повидимому, в позднейшей редакции читаем то же известие в Лавр.: «идеже бе становище святою мученику Бориса и Глеба »; еще более поздняя редакция вставляет перед словом «идеже» — «въ Кидекши» (Ипат.)⁷⁰. Возможно, что некоторые из таких преданий связывали Бориса с самим Ростовом. Не стану, впрочем, для подтверждения ссылаться на житие Авраамия Ростовского, в некоторых списках которого в качестве просветителя Ростова является епископ Иларион, присланный с мучеником Борисом от князя Владимира⁷¹, ибо здесь Борис мог появиться путем книжным, под влиянием летописи. Не могу придавать значения и показанию жития Константина Муромского о том, что Глеб, не принятый Муромлянами на княжение, отъехал от города за 12 поприщ на реку Ишню и пребывал здесь до смерти своего отца. Ограничиваюсь приведенным выше указанием на предание XII в., сообщавшее о становище св. Бориса на р. Нерли в с. Кидекше. Это предание можно смело возвести и к XI веку. Оно могло быть известно и составителю Начального свода, который и воспользовался им при распределении волостей между сыновьями Владимира. Бориса он посадил поэтому в Ростове, отвергнув показание Древн. свода о том, что Борис был посажен во Владимире. Неразлучный с ним в легендах и сказаниях Глеб посажен летописцем в Муроме, как в волости соседней с Ростовом, а город Владимир для того, чтобы не могло возникнуть сомнения в том, что летописец допустил ошибку, не сказав, что во Владимире сидел именно Борис, — отдан им Всеволоду как старшему после Святополка и Ярослава сыну Владимирову.

Благодаря сделанному летописцем распределению, ему стало возможно связать в одно целое предания о Глебе, указывавшие на падение его с коня на устье реки Тмы и на убиение его в Смоленске: очевидно, Глеб шел из своей области по вызову Святополка в Киев, по пути был на Волге и с Волги попал в Смоленск. Так сложилось у составителя Нач. свода убеждение в том, что рассказ Древн. свода о бегстве Глеба из Киева, где он сидел при отце без удела, необходимо отвергнуть.

Кидекша — село в 4 верстах от Суздаля.⁷⁰
 Ср. Памятники стар, русск. лит Пам. стар, русск. литер. I, 229.

⁷⁰ Кидекша — село в 4 верстах от Суздаля.
 Ср. Памятники стар, русск. литер. I, 225; Ключевский, Древнерусские жития святых.
⁷¹

§ 63. Отвергнув также сообщение о том, что Борис сидел во Владимире, составитель Нач. свода должен был опустить известие Древн. свода (ср. Несторово сказание) о том, что князь Владимир должен был вывести Бориса из Владимира, опасаясь злобы Святополка. А между тем это известие, едва ли придуманное Нестором, а скорее всего почерпнутое им из Древн. свода, дает нам указание на то, что между Владимиром и Святополком происходили серьезные разногласия; об этих разногласиях имеем свидетельство современника, Титмара Мерзебургского⁷³, а потому придаем известное значение и извлекаемому из Несторова сказания известию.

§ 64. Перехожу еще к одному, впрочем, гораздо менее значительному противоречию между дошедшими до нас летописным и Несторовым сказаниями. В Нач. своде (Повести вр. л.) читаем, что Святополк во время смерти Владимира был в Киеве; в Несторовом сказании Святополк, узнав об отцовской смерти, «вседе на коня и скоро доиде Кыева града». Это противоречие я считаю незначительным потому, что из слов Нестора видно, что Святополк был, во всяком случае, близко от Киева. Думаю, что в Древн. своде было указано, где сидел Святополк и откуда он приехал: выше я указывал на основания для предположения, что в Древн. своде ярко проводилась мысль, что Святополк опирался на Вышегородцев; можно думать поэтому, что Древн. свод знал и сообщал о том, что Святополк во время кончины Владимира сидел в Вышегороде. Возможно, что после слов «Оумре же на Берестокемь» читалось: «и потай Святополкъ, бе бо Кыеве, пришьдь изъ Вышегорода».

§ 65. Подводим итоги предшествующему исследованию. Сказание о Борисе и Глебе было занесено в Древнейший летописный свод, составленный, как можно думать (см. ниже, в конце настоящего исследования), во второй четверти XI столетия. Остается невыясненным, существовало ли оно раньше в отдельном виде или сочинено самим составителем свода. Более вероятным представляется мне последнее предположение. Составитель Древн. свода не мог не остановиться с особенным вниманием на рассказе об уже прославленных святых русских, и дойдя до 6523 года, должен был посвятить им особую статью.

Сказание о Борисе и Глебе по Древнейшему своду восстанавливается главным образом по Начальному своду (Повести вр. лет), но также и по Несторову сказанию. Небогатое фактическим содержанием, оно не давало ни христианских имен св. братьев, ни даты, ни места их убиения. Тем удивительнее сохранение в нем имен убийц обоих братьев. Кажется, в этом случае им использовано киевское предание, приписывавшее исполнение злодеяния соседним Вышегородцам: убийцы Борисовы названы Вышегородцами. Место погребения Бориса (Вышегород, у церкви св. Василия) было

⁷³ Ср. lib. VII, 52.

указано, сообщено было также об обретении мощей Глебовых и перенесении их к мощам Борисовым.

Общий состав сказания по Древнейшему своду представляется мне в следующем виде. В связи с сообщением о предсмертной болезни Владимира говорилось, что он послал бывшего у него в то время Бориса против Печенегов; возможно, что при этом указывалась причина, почему Борис оказался у Владимира; он вывел его из Владимира, опасаясь злобы, которую питал к Борису Святополк; Владимир скончался на Берестовом; Святополк, узнав о смерти отца, приехал вскоре в Киев из Вышегорода и принял меры к тому, чтобы скрыть от Киевлян это событие; ночью же он отправился тайно в Вышегород, призвал к себе Путышу и Вышегородских старшин и уговорил их тайно умертвить Бориса. В ту же ночь бояре вывезли Владимирово тело из Берестовского терема и поставили его в святой Богородице. Далее сообщалось о погребении Владимира. После краткой похвалы Владимиру, составитель Древн. свода сообщал, что Святополк сел на отцовском столе и начал склонять Киевлян в свою пользу путем подкупов: одних он дарил одеждами, других кунами. Киевляне колебались: сердце их не было с Святополком, так как братья их были с Борисом. Борис, возвращавшийся в то время в Киев, получает известие о смерти отца. Дружина уговаривает его идти в Киев и сесть на отцовском столе. Но Борис отказывается поднять руку на старшего брата; войско оставляет его. Чтобы усыпить бдительность Бориса, Святополк посылает к нему лестные предложения. Но одновременно к его стану приходят убийцы, которые под покровом ночи подкрадываются к его шатру. Здесь в Древн. своде (как у Нестора и в Нач. своде) сообщалось о том, что Борис пел в это время псалмы и каноны, затем помолился на икону и лег спать. Убийцы напали на Бориса и пронзили его копьями; вместе с Борисом пал его слуга, желавший защитить собою тело своего господина. Тело Борисово завернули в шатер и повезли тайно в Вышегород, где похоронили у церкви св. Василия. Далее были названы имена убийц. Святополк посылает погоню за Глебом, бежавшим из Киева на север. Погоня настигает Глеба; убийцы овладевают его кораблем; Горясер приказывает повару Глебову, Торчину, резать его, что тот и исполняет. Тело Глебово оставлено в пустом месте между двумя колодами, но впоследствии его взяли и перевезли в Вышегород, где и положили рядом с братом. Убийцы возвратились к Святополку, который вознесся после того еще больше и послал убить своего брата Святослава, бежавшего в Угры; погоня настигла последнего в Угорской горе. Далее сообщалось о походе Ярослава против Святополка.

§ 66. Древнейший летописный свод послужил основанием для Несторова сказания о Борисе и Глебе (составленного в 1081—1088 гг.). В общем оно верно передавало фактическую часть своего источника, но распространило ее целым рядом лирических отступлений в форме рассуждений и молитв, вложенных в уста св. мученикам.

Древнейший летописный свод вскоре после своего составления перешел в Новгород. Здесь он подвергся переписке и дополнению Новгороде-

кими известиями. В текст статьи об убиении Бориса и Глеба не внесено никаких изменений (впрочем, он, быть может, был сокращен), но перед сообщением о смерти Владимира рассказано о размолвке, происшедшей между ним и сыном его Ярославом, сидевшим в Новгороде и отказавшимся давать Киеву обычную дань. (См. об этом ниже, § 122.) Смерть застаёт Владимира среди сборов в поход против сына, который, опасаясь отца, нанимает Варягов. Ниже Новгородский свод, после рассказа об убиении Бориса и Глеба, как бы продолжал прерванный рассказ о Ярославе, которому предстоит теперь поход не против отца, а против братоубийцы Святополка.

Оба свода — Древнейший Киевский и Новгородский владычный — поступают в распоряжение Начального свода, составленного в конце XI века. Но, кроме этих сводов, у составителя Начального свода оказывается ряд устных источников в виде народных преданий и духовных легенд; вдобавок в его распоряжении находится ещё Житие Антония. В статье об убиении Бориса и Глеба приходится особенно много считаться с духовными легендами: слава о чудесах св. мучеников, явленных ими при поставлении их рак в построенной во имя их в Вышегороде церкви (1021 или 1026 г.), распространилась по всему лицу земли русской; она усилилась после торжественного перенесения их мощей в новую церковь (20 мая 1072 г.). И не только в Киеве, но и в других городах возникали, размножались и определялись подобные легенды, причем появление легенды сопровождалось построением храма, монастыря; а иной раз постройка часовни, храма, монастыря в память св. Бориса и Глеба порождала сама легенды и благочестивые припоминания. Имеем указания на то, что в XI веке были храмы во имя Бориса и Глеба, кроме Вышегорода: на Альте, где храм выстроен в память победы Ярослава над Святополком 24 июля 1019 г.; в Турове, где храм построен на месте засыпанного погребца, откуда освобождены были чудесным образом узники; в Торжке (Ефрем Новоторжский). Вероятно возводить к XI веку и постройку Смядинского монастыря, далее Втомичьего припадении Тмы в Волгу, церкви близ Киева на Дорогожиче, церкви или монастыря в Новгороде на Гзени (месте победы Глеба Святославича), церкви или часовни на Нерли в Кидекше и т. д. С большей частью этих церквей связались легенды, которые должны были быть приняты во внимание новым повествователем об обстоятельствах убиения Бориса и Глеба. На Альте утверждали, что Борис убит на месте самой церкви, а 24 июля (день победы Ярослава и основания церкви) признавали днем убиения Бориса; на Дорогожиче говорили, что Борис убит там, на пути из Киева в Вышегород; в Смоленске помнили, что Глеб убит на Смядине в насаде; в Кидекше показывали становище св. Бориса; на устье Тмы рассказывали, что здесь оступился конь Глебов и повредил ногу князю. Все эти легенды благочестивое усердие паломников приносило в Киев, и в них-то пришлось разобраться составителю Начального свода. Бывшее у него под руками Житие Антония давало новые данные для соображений и для дополнения ими повествования о событиях 1015 г.; здесь была изложена легенда о Моисее Угрине, а в ней упо-

минался Георгий, его брат, доблестный слуга Борисов, быть может, уже тогда сложилась и легенда об Ефреме Новоторжском, строителе Борисоглебской церкви на берегу р. Тверцы: он признан братом Георгия и Моисея и владельцем святыни — главы убитого Георгия. Статья 6523 года по Начальному своду весьма удачно соединила свое древнее основание со всеми этими легендами. Текст Древнейшего свода пришлось подвергнуть перестановкам и переделкам. Так, не приходилось говорить о бегстве Глеба из Киева, ибо оказывалось, что Глеб во время смерти отца был где-то далеко, быть может, в Муроме. Борис убит на Альте, но смертельный удар он получает на Дорогожиче. Слуга Борисов назывался Георгием, он был родом Угрин; его голова найдена, но тела не могли признать, так как голова была отделена от туловища. Глеба не преследовали убийцы, они встретили его в Смоленске на Смядине; на пути к Смоленску, куда он спешил, чтобы оттуда попасть в Киев, Глеб на Волге, на устье Тмы, повредил себе ногу.

Начальный свод и Несторово сказание вызвали, как кажется, около 1115 года (года второго перенесения мощей Бориса и Глеба) появление двух произведений духовной литературы: во-первых, особого проложного сказания о Борисе и Глебе, в основу которого положен текст Начального свода, сильно сокращенный, но местами дополненный по Несторову сказанию; во-вторых, житийное сказание, приписываемое без достаточных оснований Иакову мниху: в него вошел также текст Начального свода, но почти без сокращений и притом с обширными вставками, в которых отчасти отразилось Несторово сказание^{74#}. Сказание о чудесах в древнейшей части основывается на тех самых Вышегородских записях, которыми пользовался Нестор. Около того же времени составлено паремийное чтение о Борисе и Глебе; оно извлечено в фактической своей части из Начального свода; оттуда же заимствованы и некоторые рассуждения и сравнения.

В 1116 году составлена Повесть вр. лет. Она повторила сказание о Борисе и Глебе Начального свода, но в двух местах дополнила его по паремийному чтению. Кроме того, присоединила к сказанию похвалу св. братьям, составленную отчасти под влиянием службы Борису и Глебу.

74 Житийное сказание имело в своем распоряжении довольно обширный материал. Ср. в нем ссылки на мучения св. Никиты, св. Вячеслава и св. Варвары; сообщение из легенды, относящейся к смерти Юлиана-отступника (убитого св. Меркурием). Ср. более подробное развитие этого в летописи Архангелогородской: «Якоже бо иулианъ царь, иже многихъ святыхъ мученикъ крови пролия, горькую и нечеловечную смерть приять, невидимо отъ кого прободенъ бысть кошемъ въ сердце, токмо писание глаголетъ, отъ святаго мученика Меркурия убиень бысть, тако и сей бегая, не ведый же ся, отъ кого жъ се злострастную смерть приять». Указание «преже 9 каландъ августа» при 24 июле заимствовано из мучения св. Христины, которое читается также под 24 июля. Счет по каландам был вообще на Руси неизвестен; могу привести пример из Новгород. 1-й под 6644 (ср. об этом известии ниже, § 135).

§ 67. Предыдущее исследование о Несторовом сказании о Борисе и Глебе и о древнем житии Владимира привело нас к представлению о летописном своде, более древнем, чем Начальный свод. Анализ сказания о Борисе и Глебе по Начальному своду дал возможность восстановить это сказание по старшему своду, который мы назвали Древнейшим летописным сводом. Думаю, что анализ и некоторых других частей Начального свода должен привести к обнаружению в нем позднейших вставок и наслоений. Расположим наши замечания в нескольких отделах.

1

§ 68. Имеется ряд оснований для признания хронологической сети Начального Киевского свода вставленною составителем этого свода, имевшим в своем распоряжении летопись, не расположенную по годам¹. Годы, под которыми составитель Начального свода разместил древнейшие события, оказываются в теснейшей связи со вставленными им же в свод отрывками из какого-то хронографа. Так, первый год Начального свода, 6362-й, обозначает начало царства императора Михаила: ср. в конце предисловия обещание начать рассказ от Михаила-царя; он извлечен из того краткого вида хронографа, который

¹ Мысль о том, что первоначальная летопись была расположена раньше не по годам, не новая. Ср. ее у Н. П. Ламбина и С. М. Соловьева. *

дошел до нас в соединении с Палеёй (ср., напр., списки Синод. №№ 211 и 210, Погод. № 1435, список Срезневского и др.). Действительно, мы читаем в этом хронографе: «и при сего (т. е. Михаила) царствии, въ второе лето царства его, крещена бысть Болгарьская земля, и преложиша книги отъ Греческа языка на Словеньскыш Кирилъ философъ с Мефодиемъ в лето 6363, при Борисе князи Болгарьстемъ». Отсюда составитель Начального свода заключил, что вторым годом царствования Михаила был 6363 и что, следовательно, первым годом был 6362-й². Из этого самого хронографа извлечено читающееся ниже сообщение о первом нападении Руси на Царьград. Оно начинается словами: «В си же времена бысть в Гречкой земли царь именемъ Михаилъ и мати его Ирина³, иже проповедаеть покланяше иконамъ въ пръвую неделю поста ». Этот отрывок, несомненно вставленный (ибо он восходит к хронографу), разъединяет текст двух статей, тесно между собою связанных. В первой говорится об основании Киева тремя братьями, от которых произошли Поляне, во второй — о кончине братьев и о нападении на Полян окрестных племен и Козар. Если мы удалим отрывок, где сообщается о первом нападении Руси, и удалим еще фразу «бяху же погане, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочш погани», которая также носит явные следы вставки⁴, то тогда только получим связный рассказ о древнейших судьбах Киева. Может ли быть сомнение, что этот связный рассказ будет вместе с тем более первоначальным? Итак, составитель Начального свода имел в одном из своих источников связный рассказ о древнейших судьбах Киева.

§ 69. Второй год, читающийся в Начальном своде, — это 6428. Под ним мы читаем сообщение о неудачном походе Игоря на Греков и под Царьград, где в то время царствовал Роман. И название года и самое сообщение оказываются заимствованными из того же хронографа, откуда взяты 6362 год и сообщение о первом нападении Руси. Ср. в этом хронографе: «По Константине же царствова Романъ, поставленъ царемъ и Николою патриархомъ в лето 6428; июня же месяца 10 день приплуша Русь на Коньстятинъ градъ», и т. д.⁵ Итак, из хронографа составитель Начального свода узнал о поражении Руси. Но ниже мы читаем у него о блестящем походе Олега и об обложении им Греков данью. Надо было согласовать оба известия, ведущие, очевидно, к двум разным источникам. Согласовать их было всего проще, установив между ними известную последовательность: сначала было поражение, потом победа. Поражение изложено под 6428; победу можно изложить под 6430 годом, предполагая, что промежуточный

² На самом деле первым годом царствования Михаила с Феодорой был 6350, а первым годом единовластия Михаила был 6364.

³ Ошибочно вместо Феодоры под влиянием предыдущего, где хронограф говорит об Ирине, матери Константина VI.

⁴ Ср. подобную фразу в Речи философа: «ови рощениемъ, кладяземъ и рекамъ жряху».

⁵ На самом деле, по ясному свидетельству продолжателя Амартола, нападение Руси имело место в 6449 году. Это понял пользовавшийся непосредственно Амартолом составитель Повести вр. лет.

6429 год пошел на сборы. Для этого в конце сообщения 6428 года составитель свода приписывает: «том же летъ препочиша и другое, на третье идоша». Для этого же он сочиняет статью 6429 года: «В лето 6429. Игорь и Олегъ пристроиста воя многы, и Варягы, и Поляне, и Словене, и Кривичи, и корабля многы бещисленны». Под следующим, 6430 годом рассказан поход Олега. Итак, составитель Начального свода имел в одном из своих источников сообщение о победе Олега над Греками, которое он указанным выше путем согласовал с греческим по происхождению сообщением о поражении Руси Греками.

§ 70. Под тем же 6430 годом находим в Новг. 1-й летописи младш. извода рассказ о смерти Олега, далее сообщение о походах Игоря и его нового воеводы Свенельда (ибо Начальный свод называл Олега не князем, а Игоревым воеводою). Статья 6430 года оканчивается словами «и дасть же дань Деревскую Свенделду⁶, и имаша по черне куне отъ дыма. И реша дружина Игореву: се даль еси единому мужеву много». Естественное продолжение этих слов, конец речи Игоревой дружины, находим гораздо ниже, под 6453 годом: «отроки Свенельжи изоделися суть оружиемъ и порты, а мы нази». Совершенно ясно, что некогда рассказ, читающийся в конце статьи 6430 года, и рассказ статьи 6453 года составляли одно целое. Следовательно, все стоящее между обеими половинами речи Игоревой дружины должно быть признано вставкой, прежде всего фраза: «по семь скажемъ о приключившихся въ ЛЕТЕХЪ сихъ», далее ряд пустых годов, 6431—6447, затем сообщение 6448 г. (повторяющее то, о чем говорилось выше, в конце статьи 6430 г.), далее пустой 6449 год, затем сообщение 6450 г. (где также повторено рассказанное раньше), далее пустые годы 6450—6452, наконец слова: «В лето 6453. В то же ЛЕТО ркоша дружина ко Игореву». Несомненно, что всего этого не было в Древнейшем своде. Несомненно также, что многое из того, что мы находим теперь в Новг. 1-й, в соответствующем месте читалось и в Нач. своде. Но отождествить текст Новг. 1-й с текстом Нач. свода мы не можем по нижеизложенным соображениям.

§ 70¹. Интересующее нас место Новг. 1-й летописи заслуживает особенного внимания потому, что первоначальный текст его, текст Древн. свода, не может быть восстановлен простым исключением хронологических определений (ряда пустых годов), а также кратких сообщений под 6448 и 6450 гг. из текста летописи. Отмечаем прежде всего, что Повесть вр. лет доказывает, что текст Новг. 1-й летописи в исследуемом месте не был тождествен с текстом начального свода. Действительно, в Начальном своде в указанном месте перед рассказом о походе Игоря за Деревскою данью читалась фраза: «Игорь же нача княжити в Кыеве,, миръ имея ко всемъ странамъ. И приспе осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань». Фраза эта сохранилась в Повести вр. лет; мы имеем ясные указания на то, что она читалась и в Начальном своде. Дело в том, что

⁶ Несколькими строками выше сказано, что Свенельду была отдана дань, возложенная на Угличей.

первая часть приведенной фразы читается еще и в другом месте Повести вр. лет, а именно за сообщением о заключении Олегом мира с Греками: «И живяше Олегъ, миръ имеа ко всемъ странамъ, княжа в Киеве. И пр и -спе о с е н ь , и помяну Олегъ конь свой » и т. д. Не может подлежать сомнению, что в сущности мы имеем перед собою одну фразу, дважды повторенную; ей уместно быть именно перед походом Игоря за данью, ибо дань собиралась осенью (осеннее полюдьё)⁷. Где же, в каком памятнике читалась эта одна фраза и почему в Повести вр. л. она удвоилась? Допустив, что фраза эта, и притом в том ее виде, как она читается перед походом Игоря, находилась в Начальном своде, из которого произошла Повесть вр. лет, для нас выяснится и судьба ее в Повести вр. лет. Во-первых, отмечаем, что удвоение ее в Повести вр. лет доказывает, что составитель Повести, найдя ее в своем основном источнике и отнеся ее не к Игорю, а к Олегу, обратился уже к иным источникам, и вернулся к основному своему источнику только там, где повторил приведенную фразу, оставив ее на этот раз в том самом соединении, в каком она находилась в основном источнике. Отсюда следует, что весь текст от слов «и помяну Олегъ конь свой» и до этой во второй раз повторенной фразы восходит в Повести вр. лет не к основному источнику (Начальному своду), а к другим вспомогательным источникам; действительно, это заключение оправдывается при ближайшем рассмотрении соответствующего текста, ибо мы находим здесь: а) народное сказание, несомненно неизвестное составителю Начального свода (о смерти Олега в Киеве от укуса змеи), б) заимствования из Амартала, также неизвестного составителю Нач. свода, в) договор Игоря с Греками (Нач. свод не знает ни одного договора)⁸. Во-вторых, удвоение приведенной фразы путем отнесения ее сначала к Олегу, а потом к Игорю вполне согласно с общим характером рассказов Повести вр. лет об Игоре и Олеге: Повести вр. лет пришлось в ряде случаев отнести к Олегу то, что Нач. свод приписывал Игорю, и вообще дать двух князей — Олега и Игоря — вместо одного Игоря и воеводы его Олега (см. об этом ниже).

Итак, фраза «Игорь же нача княжити в Киеве, миръ ИМЕА къ ВСЕМЪ странамъ. И приспе осень» читалась в Начальном своде. Новгородская 1-я летопись младш. извода, не имеющая ее, отступила, очевидно, от текста Начального свода. Отступление это, как можно думать, стояло в связи с тем, что Новгородская 1-я младш. извода составлена не по одному Нач. своду: в основании ее лежит Соф. временник, дополнявший текст Нач. свода по тексту протографа Синод, списка, т. е. Новгородской 1-й летописи старшего изво-

7 Ср. об осеннем полюдьё у Константина Багрянородного.

8 Фразы «Поча княжити Игорь по Олзе», «И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олгове смерти, «Иде Игорь на Деревляны, и победивъ а, и возложи на ня дань болши Олговъ», «а Игорь воеваше на Печенег» представляются сочиненными составителем Повести вр. лет. Статья 6452 о несостоявшемся походе Игоря на Греков представляется также сочиненною: надо было противопоставить поражению 6649 г. (ставшему известным по Амарталу) последующий успех Игоря, его месть Грекам; Греки, узнав о движении Игоря, умилоствуют его данью и дарами.

да (ср. ниже); кроме того, самый текст Софийского временника местами дополнен в Новгор. 1-й по своду 1448 г. (Соф. 1-й и Новг. 4-й), как будет указано ниже.

§ 70². Ввиду этого и принимая во внимание данные Повести вр. лет, предполагаю, что текст Начального свода должен быть восстановлен в интересующем нас месте приблизительно следующим образом. После сообщения о смерти Олега, изложенного так же, как в Новгородской 1-й летописи младшего извода, читалось:

Игорь же седяше Кыеве княжа⁹ и поча воевати на Деревляны и на Угличе и примучивъ я, имаше на нихъ дань по чьре куне¹⁰. Въ лето 6431. Въ лето 6432... въ лебто 6447. Въ лето 6448. В се лето яшася Углича по дань Игорю, и Пересечень взять бысть. В се же лето дасть дань на нихъ Свенел-ду. Въ лето 6449. В лето 6450. Въдасть дань Деревьскую Свенелду тому же. Въ лето 6451. Въ лето 6452. Въ лето 6453¹¹. И живяше Игорь, миръ имея къ вьсемъ странамъ, къняжа Кыеве. И приспе осень¹², и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань¹³. В се же лето рекоша дружина Игоревы: «отроци Свенельжи ИЗДЕЛИСЯ суть оружьемъ и пьрты, а мы нази; пойдѣ, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь¹⁴, и т. д.

§ 70³. Посмотрим теперь, как передан этот восстановленный нами отрывок Нач. свода сначала в Повести вр. лет, а потом в Новгор. 1-й.

Повесть вр. лет первыми словами не воспользовалась совсем. Слова «и поча воевати на Деревляны... по черне, куне» она перенесла под 6391 год, выпустив, однако, «на Углича», и отнесла их к Олегу, в силу общего перенесения событий Игорева княжения на Олегово; это не помешало составителю Повести вр. лет использовать еще раз это известие после сообщения о смерти Олега и известия им сочиненного: «поча княжити Игорь по Олзе»; мы читаем именно под 6421: «И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олгове смерти», а под 6422: «Иде Игорь на Деревляны, и побе дивъ я, и возложи на ня дань болши Олговы». Дальнейшее Повестью вр. лет опущено, быть может, отчасти под влиянием вставки из Амартала рассказа о походе Игоря на Греков, который пришелся бы некстати между известиями о данях с Угличей и с Древлян, уступленных Игорем Свенельду. Зато фразой «И живяше Игорь, миръ имѣя къ, вьсѣмъ странамъ, къняжа Кыеве И приспе осень» составитель Повести вр. лет воспользовался, сначала отнеся ее к Олегу и поместив ее непосредственно перед смертью Олега; потом он использовал ее ниже, слегка видоизменив и отнеся к Игорю: это зависело

⁹ Слова «Игорь... княжа» — из Новг. 1-й.

¹⁰ Слова «поча воевати... по черне куне» — из Пов. вр. лет (6391 год), где они отнесены

к Олегу; слова «на Угличе» вставлены из Новг. 1-й.

¹¹ Слова «Въ лето 6431... В лето 6453» — из Новг. 1-й.

¹² «И живяше Игорь... и приспе осень» — из Пов. вр. лет (6420 год), где вместо Игоря Олег.

¹³ Слова «и нача мыслити... большюю дань» — из Пов. вр. лет (6453 г.).

Слова «Въ се же лето рекоша... И послуша ихъ Игорь» — из Новг. 1-й и из Повести вр. лет.¹⁵ «Игорь же нача княжити въ Кыевѣ, миръ имея ко вьсѣмъ странамъ. И приспе осень».

от того, что по основному своему источнику составителю Повести вр. лет ничего не оставалось сказать об Игоре в княжении, ввиду перенесения всех событий Игорева княжения на Олегово; следуя основному источнику, за смертью Олега пришлось бы тотчас же сказать о смерти Игоря; на Олега перенесены не только все события Игорева княжения, но и та фраза, которая предшествовала рассказу о смерти Игорева. Дальнейшее сохранено составителем Повести вр. лет, который, однако, счел нужным перед словами «В се же лето » вставить «Въ лето 6453 », исключенное им несколькими строками выше¹⁶.

§ 70⁴. Новгородская 1-я младшего извода следует в соответствующем месте Соф. временнику. Не думаю, чтобы она отличалась здесь от Соф. временника, дополняя его текст по своду 1448 года (см. выше). Как же отнестись к тексту статьи Начального свода составитель Соф. временника?

Вместо краткого сообщения Начального свода читаем следующую статью: «Игорь же сядяше в Киеве княжа и воюя на Древляны и на Угличе. И бе у него воевода именемъ Свѣнделдъ и примучи Угличей, възложи на ня дань и вдасть Свенделду. И не вдадятся единъ градъ, именемъ Пересечень; и седе около его три ле та, и едва взя. И беша сядяще Углича по Днепру внизъ, и посемъ преидоша межи Богъ и Днестръ, и седоша тамо; и дасть же дань Деревскую Свенделду; и имаша по черне куне отъ дыма. И реша дружина Игореви: «се даль еси единому мужеву много». По семъ скажемъ о приключившихся въ ЛЕТЕХ сихъ». Далее Новгород. 1-я следует за Начальным сводом, но опускает слова «И живяше Игорь миръ имея къ вѣсемъ странамъ, княжа въ Киеве И приспе осень, и нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань ». Как понять эти отступления Соф. временника от текста Начального свода?

Отметим прежде всего повторения в Соф. временнике: два раза сообщено о возложении дани на Угличей, взятии Пересечена и уступке дани Свенельду, два раза сообщено об уступке Деревской дани тому же Свенельду. Совершенно ясно, что Соф. временник имел дело с двумя источниками, повествовавшими (хотя и различно) об одних и тех же событиях. Далее видим в Соф. временнике явную порчу текста, едва ли не указывающую на перестановку отдельных фраз обоих источников: неясно грамматически, кто примучил Угличей — Свенельд или Игорь, тогда как по существу очевидно, что Игорь; неясно, почему сначала сказано о том, что Игорь примучил Угличей, возложил на них дань и дал ее Свенельду, а уже потом сообщено о продолжительной осаде Пересечена; неясно, как была добыта Деревская дань, ибо выше о победе над Древлянами не сообщено. Наконец, любопытно отметить указанный выше пропуск фразы «миръ ИМЕЯ КЪ ВѢСЕМЪ СТРАНАМЪ. И приспе осень »: не стоит ли он в связи опять-таки с влиянием на Соф. временник другого источника?

§ 70⁵. Вторым источником Соф. временника был протограф Синод, списка. Забегая несколько вперед, сообщаем здесь тот вывод, к которому

16 Вставка эта излишняя, ибо и предшествующая статья помечена 6453 годом.

мы пришли ниже относительно состава Синод, списка в утраченной им части: Синод, список представлял соединение текста Повести вр. лет с текстом древней. Новгородской летописи. Составитель Соф. временника распространил свой рассказ об Игоре по протографу Синод, списка, а этот последний заимствовал то, чего нет в Повести вр. лет, из древней Новгородской летописи. Как же было изложено в этой древней Новгородской летописи интересное нас место, повлиявшее на текст Соф. временника? Нижеследующее исследование покажет, что древняя Новгородская летопись в общем повторяла Древнейший киевский свод, следовательно, в общем сходствовала с Нач. сводом. Думаю поэтому, что мы вправе предположить, что в древнем Новгородском своде имелись некоторые фразы, общие с Нач. сводом (см. восстановленный выше отрывок его). Предполагаю, что в протографе Синод, списка, а также в древнем Новгородском своде и далее в Древнейшем Киевском своде, после сообщения о смерти Олега, читалось:

Игорь же сядяше Кыеве кнѣжа... И бе у него воевода именемъ Свенелдъ. И иде Игорь на Древляны и, победивъ я, възложи на на дань. И иде на Угличе и не въдадѣшеться единъ градъ, именемъ Пересечень; и седе около его три лета, и едва възя и. Беша же сядяще Угличи по Днѣпру вънизъ, и посемъ преидоша межи Богъ и Днѣстръ и седоша тамо. И примучи Угличе и възложи на ня дань и въдасть Свенелду; и дасть же дань Деревъскую Свенелду; и имаше по чърне куне отъ дыма. И реша дружина Игоревѣ: «се даль еси единому мужевѣ мьного; отроки Свенелжи изоделѣся суть оружиемъ и пѣрты, а мы нази; да поиди, кнѣжа, съ нами въ дань, и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, и т. д.

§ 70^о. Как же комбинировал оба свои предполагаемые источники составитель Соф. временника?

Выписав из Начального свода фразу «Игорь же сѣдѣше Кыеве кнѣжа », он последующее сообщение его сократил в словах «и воюя на Древляны и на Угличе », имея в виду, что второй источник — протограф Синод, списка — подробнее говорил об этих войнах. Затем он перешел ко второму своему источнику и начал его списывать со слов «И бе у него воевода именемъ Свенелдъ ». Имея в виду, что им уже сказано о походах Игоря на Древлян и Угличей, составитель Соф. временника перешел сразу к изложению результата побед Игоревых: «и примучи Угличе и възложи на ня дань и въдасть Скънелду» (см. это в протографе Синод, списка ниже). Заметив, что при этом опущен эпизод с Пересеченом, он начал списывать свой источник выше, со слов «И не въдадѣшеться», причем уже не повторил выхваченной раньше из него фразы. Списав, наконец, начало речи Игоревой дружины и заметив, что продолжение ее отыскивается ниже, составитель Соф. вр., после слов «се даль еси единому мужевѣ много», вставил переходную фразу «Посемъ скажемъ о приключившихся въ летехъ сихъ » и стал списывать из Начального свода ряд пустых годов, а также сообщения под 6448 и 6450. Дойдя до статьи 6453, он выпустил фразу «И живяше Игорь... большую дань » по тому самому, что увидел несоответствие слов «и нача мыслити на Деревляны,

хотя примыслийте большую дань» с последующим рассказом, где Игорь идет на Древлян по требованию своей дружины и не для того, чтобы примыслить большую дань, а для того, чтобы дать дружине возможность поживиться этой данью.

§ 70⁷. Сравнивая оба рассказа — рассказ Начального свода и рассказ древнего Новгородского свода, ставим себе вопрос: который же из обоих рассказов древнее? Ответ, конечно, ясен: более древний рассказ сохранился в древнем Новгородском своде; он полнее рассказа Начального свода, он последовательнее его, он теснее связан с последующим, т. е. с сообщением о ропоте Игоревой дружины, приведшем к трагической развязке. Чем же вызваны отличия рассказа Начального свода от рассказа Древнего киевского свода, точно переданного в древнем Новгородском своде? Прежде всего вставкой хронологической сети. Составитель Нач. свода отнес вступление Игоря на стол и его войны с Древлянами и Угличами к 6430 году; между тем смерть Игоря отнесена была им (под влиянием тех или иных данных, см. ниже, § 71) к 6453. Чтобы заполнить длинный ряд годов, он разбил рассказ своего источника на три года: сказав под 6430 в общем о покорении Древлян и Угличей, он под 6448 повторил еще раз о покорении Угличей, взятии Пересечена и уступке Углической дани Свенельду, а под 6450 он сообщил об уступке Деревской дани тому же Свенельду. Дойдя, наконец, до 6453 года и видя себя вынужденным рассказать о походе Игоря на покоренных им Древлян, составитель Начального свода, утративший, благодаря переделкам текста основного своего источника, твердую почву для объяснения этого Игорева похода, придумал для него свое объяснение: «и приспе осень и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань». После того он начал опять списывание своего источника и привел из него часть (конец) речи дружины Игоревой, из которой можно заключить, что составитель Нач. свода поспешил со своим объяснением Игорева похода, упустив из виду, что подходящее объяснение было дано в его источнике, источнике Нач. свода — в Древн. киевском своде.

§ 71. Ставим себе новый вопрос. Какое могло быть у составителя Начального свода основание отнести смерть Игоря к 6453 году? Отметим, что начало Святославова княжения он отнес к 6454, следующий затем 6455 год заполнил рассказом о поездке Ольги к Новгороду и Пскову; годы же 6456—6462 оставлены пустыми; под 6463 находим рассказ о крещении Ольги; годы 6464—6471 оставлены пустыми. Таким образом, после двух извлеченных из греческого источника годов, 6362 и 6428, и двух присочиненных к последнему годов, 6429 и 6430, оказывается ряд пустых годов: 6431—6471, он прерывается только двумя указаниями — на 6453—6455 гг., где говорится о смерти Игоря и первых годах княжения Святослава и Ольги, и на 6463, где сообщается о крещении Ольги. Оставляя в стороне вопрос, откуда мог быть извлечен год крещения Ольги, перехожу к вопросу о 6453 годе.

Думаю, что составитель Начального свода, поставленный в затруднение относительно того, как определить год Игоревой смерти и начало княжения Святослава, обратился и здесь к источнику, дававшему ему возмож-

ность установить две предыдущие даты — 6362 и 6428 годы — а именно к хронографу. В этом хронографе под 6453 годом сообщалось о сведении Романа с царства; но Роман признан составителем Начального свода за современника Игоря. Конец царства Романова принят им за конец княжения Игоря. Что до 6454 и 6455 годов, то признаю их присочиненными к извлеченному из греческого источника 6453 году, как выше присочинены 6429 и 6430 годы к 6428, извлеченному из того же источника.

Итак, мы получаем основание утверждать, что в Древнейшем своде рассказ о начале Русской земли, об Игоре и Олеге, о смерти Игоря и о княжении Святослава не был разбит на годы.

§ 72. После убиения Игоря в Начальном своде читалось: «Ольга же бяше въ Киевѣ, съ сыномъ своимъ съ детьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бе Свенелдъ, тѣ же отцы Мъстишинъ ». После этого указания мы ожидали бы такого продолжения, где бы выступили все названные четыре лица; между тем рассказчик переходит к изложению мести Ольги, начинающемуся с присылки к ней Древлянами посольства. Ожидаемое же нами продолжение видим ниже; а именно после заглавия «Начало княженья Святославля» читаем: «В лето 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вой многи и храбры и иде на Деревъскую землю. И изидоша Древляне противу, и сънемъшемася обема полкома накупъ, суну копьемъ Святославъ на Деревляны, и копье лете сквозе уши коневи и удари в ноги коневи, бе бо детескъ. И рече Свенелдъ и Асмудъ: князь уже почаль; потягнемъ, дружино, и мы по князи. И победита Древляны и возложиша на ня дань тяжку». Думаю, что оба приведенные отрывка читались некогда в связи, причем второй отрывок не содержал названия года и в начале был изложен несколько иначе (быть может: «и собраша вой многи и храбры и идоша на Деревъскую землю »). Основания для такого предположения, кроме уже указанной внутренней связи между обоими отрывками, следующие. Во-первых, допустив, что заглавие «Начало княженья Святославля» издавна отделено от приведенного выше сообщения, естественно помещенного после рассказа об убиении Игоря, нам пришлось бы думать, что летописец считал момент вступления Святослава на стол не смерть Игоря, а следующий затем год, причем месть Ольги относилась им ко времени какого-то междукняжья. Во-вторых, поход против Древлян не согласован с сообщением об избиении Древлян (в числе 5000 на тризне, совершенной у Игоревой могилы); правда, летописец указывает, что Ольга двинулась в поход против оставшихся Древлян, для того чтобы добить их («и исьсекоша ихъ 5000; а Олга възвратися в Киевъ и пристрой вой на прокъ их»), но объяснение это явно затянато и устанавливает лишь внешнюю связь между избиением Древлян и походом против них. В-третьих, сравнение Начального свода с Повестью вр. лет показывает, что рассказ о четвертой мести Ольги вставлен составителем Повести вр. лет. Приведенные выше

слова «И победиша Деревляпы и возложиша на ня дань тяжку» разбиты; после «И победиша Деревляны » составитель Повести вр. лет вставил рассказ о сожжении Искоростеня, посредством выданных в качестве дани воробьев и голубей, и начал его переходной фразой: «Деревляне же побетоша и затворишася въ градеХъ своихъ». Если таким образом позднейший сводчик распространил свой труд вставкой о четвертой мести Ольги, мы можем с вероятностью утверждать, что предшествующий ему сводчик распространил свой труд рассказом о первых трех местях Ольги, раз имеем другие основания для признания этого рассказа вставным.

§ 73. Рассказ о походе Ольги с Святославом и дружиной на Древлян оканчивается словами «и възложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегородъ градъ Вользинъ». Итак, Святослав, по представлению летописца, сидит в Киеве, а Ольга в Вышегороде; землей правит, очевидно, Святослав. Это согласовано с приведенным выше заглавием «Начало княженья Святославля», но не согласуется с дальнейшим известием, по которому Ольга идет в Новгород и уставляет там по Мете и Луге погосты, дани и оброки. Ольга выступает здесь единолично, и это тем неожиданнее, что выше подобные же действия в Деревской земле приписаны Ольге в согласии со Святославом и дружиною: «И иде Ольга по Деревстей земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки, и суть становища ее и ловища ». Я думаю, что только что приведенное сообщение принадлежит одному источнику, а именно Древнейшему своду, а сообщение о поездке в Новгородскую область, включая в нее и Псков, другому, а именно Новгородскому своду, бывшему, как увидим, в распоряжении составителя Начального свода. Такое заключение приводит к необходимости признать слова «И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лето едино », которые читаем в конце статьи 6454 года, вставкой составителя Начального свода: они, во-первых, не согласованы с предыдущим, где городом Ольгиным назван не Киев, а Вышегород, а во-вторых, обнаруживают явное сочинительство, ибо летописцу неоткуда было узнать, что поездка Ольги состоялась в 6455 году, а следовательно, что она пробывала в Киеве после похода Древлянского «лето едино».

Признав сообщение о поездке Ольги в Новгородскую область заимствованным из Новгородского свода, мы должны видеть в окончании статьи 6455 года, в словах «и по Днепру перевъхища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и досель », продолжение прерванного вставкой текста Древн. свода. Действительно, указание на ближайшие к Киеву места, связанные преданием с Ольгой, естественно было сделать киевлянину — составителю Древн. свода. Заметим, что слова эти не согласованы грамматически с предшествующим текстом, оканчивающимся словами «и сани ее стоятъ въ Плескове и до с е г о дне»; отсюда видно, что сообщение о следах деятельности Ольги на севере построено по образцу сообщения о деятельности ее на юге: указано тоже две реки, а в соответствии со словами «и есть село ее Ольжичи и д о с е л е » сообщено о саях Ольги, находящихся там до сего дня. Фраза, следующая затем: «И изрядивши, възвратися къ сыну своему

Киеву, и пребываше с нимъ в любви» — настолько искусственна, что признание ее вставкой не нуждается в доказательствах; слова «и п р е б ы - в а ш е с ь нимъ въ любви » ср. с приведенной выше вставкой «и п р е б ы в - ш и лето едино».

§ 74. После перерыва в семь годов читаем в Начальном своде под 6463 годом о крещении Ольги в Царьграде. Трудно усомниться в том, чтобы об этом событии не знал составитель Древнейшего свода, поэтому весьма вероятно, что и самый рассказ о крещении был изложен в этом своде. Но из такого заключения еще не следует, конечно, что рассказ Древнейшего свода был тождествен с рассказом Начального свода. В этом последнем переплетены, с одной стороны, духовные, церковные элементы, с другой — сказочные, народные. Сказочные элементы проглядывают в отношении Ольги к царю, духовные — в отношении ее к патриарху. Нельзя допустить, чтобы предложение, сделанное Ольге царем, взять ее себе в жены, хитрость Ольги, отклонившей это предложение, и эпизод с посольством от царя, прибывшим в Киев после крещения Ольги, — чтобы все это было составлено тем самым лицом, что сочинило речь патриарха к Ольге и похвалу ей. Я признаю вероятным, что в распоряжении составителя Начального свода был рассказ Древнейшего свода, содержащий исключительно духовные элементы дошедшего до нас сказания; в нем упоминалось о царе мимоходом. Ольга, прибыв в Царьград, крестится от царя и патриарха. «Просвещена же бывъ-ши, радовашеся душею и теломъ... Благослови ю патриархъ и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью себе. Она же, хотящи домови, приде къ патриарху... приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ»... «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ... кормящи сына своего до мужьства его и до возраста его». Этот рассказ составитель Начального свода дополнил тремя вставками¹⁷. Первая начинается словами «и приде к нему (к царю) Ольга»; в ней рассказывается о предложении царя и о требовании Ольги, чтобы он крестил ее сам; думаю, что благочестивый составитель первоначального сказания не мог приписать ни Ольге подобного требования («аще ли ни, то не крещюся»), ни царю подобного предложения. Вторая вставка начинается после подчеркнутых выше слов «и отпусти ю» словами: «И по крещеньи возва ю царь и рече ей ». Царь повторяет свое предложение; Ольга отвечает ссылкой на то, что она его крестная дочь; царь отпускает ее с дарами. Третья вставка, которая помещена после похвалы Ольге («приходящаго ко мне не изжну вонъ»), рассказывает о прибытии посольства от царя в Киев; вставка начинается словами: «Си же Ольга приде Киеву»; но о прибытии в Киев Ольги сказано было уже выше («и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву»). Речь послов к Ольге и ответ, данный Ольгой послам, содержат указание на такие обстоятельства, о которых умалчивает предшествующий рассказ: во-первых, послы от имени царя требуют исполнения данного Ольгой обещания прислать ему дары и вспомогательное вой-

¹⁷ Ниже увидим еще вставку в похвале Ольге: «Се же бысть якоже при Соломоне приде царица Ефиопская... приходящаго ко мне не изжену вонъ».

ско; во-вторых, Ольга в ответе послам, отказывая им в исполнении своего обещания, требует, чтобы царь постоял у нее в Почайне столько времени, сколько она стояла в Суду (гавани Константинопольской). Ни об обещании Ольги, ни о продолжительном стоянии ее в Суду выше не говорилось. Думаю, что, вписывая эту последнюю вставку в статью о крещении Ольги, составитель Начального свода знал то, чего не передал нам, т. е. знал, на что намекает Ольга в своем ответе, и знал о том, что Ольга, получая дары от царя, обещала отдарить его по возвращении своем в Русь. Он мог знать об этом из особой легенды о крещении Ольги, легенды передававшей это событие со сказочными подробностями, едва ли не сводившимися по существу своему к продолжительной осаде Ольгой Царяграда, который спасся тем, что греческий царь стал ее восприемником у купели. Подобные легенды известны из позднейших летописцев XVI—XVII вв. Ср. известные повести о добывании Ольгой Царяграда, о сожжении ею города при помощи голубей и воробьев, после чего цари Михаил и Константин убеждают Ольгу креститься (напр. у Ф. А. Гилярова, Предания русской нач. летописи, с. 250—251, 252—254). Конечно, подобные легенды об Ольге явились, с одной стороны, отголоском исторических песен и преданий о походах на Царьград русских князей, а с другой — легенды о крещении Владимира в Корсуне. В одной краткой летописи, восходящей к XV в., сообщается, что Ольга приняла крещение в Корсуне, победив царя Михаила и искоренив Литву: смешение Ольги с Владимиром здесь уже очевидно. С полным основанием можно думать, что легенда о д о б ы в а н и и Ольгой крещения в Константинополе сложилась очень давно; отрывки этой легенды и вошли в статью о крещении Ольги по Начальному своду. Став на указанную точку зрения и признав приведенные выше отрывки заимствованными из легенды, мы необходимо должны возвести статью о крещении Ольги по Начальному своду к двум источникам: к источнику, так сказать, церковного происхождения, с одной стороны, к источнику народному — с другой. Мы знаем уже из предыдущего, что народные предания о мести Ольги Древлянам внесены в летопись составителем Начального свода. Следовательно, внесение в летопись предания о добывании Ольгой крещения мы с вероятностью можем приписать тому же составителю Начального свода. А отсюда следует, что в Древнейшем летописном своде находилась «церковная» повесть о крещении Ольги.

§ 74¹. В рассказе о крещении Ольги находим еще явные вставки. После слов «и п р и д е К ы е в у » читается длинный отрывок, содержащий сравнение Ольги с царицей Ефиопской и несколько благочестивых размышлений; за этим отрывком повторено «Си же Ольга п р и д е К и е в у » (причем в Радз., Ипат. прибавлено: «и яко же рехомъ » или «рькохомъ », а в Ком.: «и якоже о ней въпредъ рекохомъ»). Это повторение доказывает, как мне кажется, что мы имеем дело со вставкой. То же доказывается и тем, что сравнение Ольги с царицей Ефиопской не особенно уместно после сообщения о возвращении ее в Киев. Отмечу еще, что в этой вставке имеются заимствования из паремейника: Притч. I: 20—22, Притч. XIII: 20, Притч. II: 2 и

Притч. VIII: 17; а, по-видимому, именно составитель Нач. свода нередко прибегал к этому источнику (ср. § 114¹).

§ 75. В тесной связи с этой церковной повестью стоит рассказ о кончине Ольги, читаемый под 6477 годом. Оставляем пока в стороне начало рассказа, где Святослав говорит матери и боярам о своем желании вернуться в Переяславец. Ольга уговорила его остаться ввиду своей болезни: «погребь мя, — говорит она, — иди яможе хощеши». Через три дня Ольга умерла. «И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, несоша и погребоша ю на месте». Непосредственно за этим читаем: «и бе заповедала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутерь, сей похорони блаженую Ольгу». Далее следует похвала Ольге. Итак, сначала говорится, что Ольгу погребли всенародно, а затем сообщается, что ее похоронил презвутер Ольгин; важно отметить, что в Новгор. 1-й и Соф. 1-й читается: «бе бо имущи презвутера втайне ». С уверенностью возводим это чтение к Начальному своду*. Утверждаем поэтому, что Начальный свод в статье о кончине Ольги содержал вопиющее противоречие: всенародное погребение предшествует тайному погребению, совершенному священником. Отсюда заключаем, что и в этой статье надо различать два источника: народный, который говорил о погребении Ольги Святославом, внуками и всеми людьми, и церковный, который говорил о погребении ее священником, которого она держала в тайне. Не решаюсь утверждать, чтобы народный рассказ был внесен составителем Начального свода, между тем как в Древнейшем своде читался рассказ церковный. Ниже предложу более подробный анализ рассказа о кончине Ольги, а здесь остановлюсь на вошедшей в него церковной повести.

§ 76. Имеем основание установить связь между церковною повестью о крещении Ольги и церковною повестью об ее кончине. Связь эта дается как внутренними соображениями, не позволяющими предполагать, чтобы составитель сказания о кончине Ольги мог не коснуться ее крещения, так и некоторыми внешними указаниями, а именно нельзя не отметить, что все дошедшие до нас сказания об Ольге, (говоря о сказаниях церковных) говорят как об ее крещении, так и об ее кончине. В числе таких древних сказаний особенное внимание наше обращает известная проложная статья 11 июля. В ней имеется фраза, близко сходная с тем местом, где в летописной статье говорится о погребении Ольги: «и призвавши сына своего Святослава, заповеда ему погрестися с землею ровно, а могилы не сути, ни трызны творити, ни бѣдына (вар.: дына, години) деяти, нъ посла злато къ патриарху Царяграда и преставися месяца июля в 11 день». Подчеркиваю слова, общие с летописью. Не сомневаюсь в том, что первоначальный текст, если возвести летописную и проложную статьи к одному оригиналу, сохранился точнее в проложной статье, чем в летописной. Чтение «ни бѣдына деяти» (нам непонятное)¹⁸ указывает, конечно, на древность ре-

¹⁸ Объяснение слова «бѣдына», предложенное А. А. Котляревским в сочинении «О погребальных обычаях языческих славян», не представляется мне убедительным.

дакции. Впрочем, признать дошедший до нас текст проложной статьи первоначальным мы не можем. Зачем это «но» перед словами «посла злато къ патриарху Царяграда»? Не указывает ли оно, что, первоначально, за отрицательным распоряжением Ольги следовало положительное, или по крайней мере изложение результата такого положительного ее распоряжения? Не стояло ли за этим «но» сообщение о погребении ее презвутером? Если да, то отсюда бы следовало, что летопись, говорящая о таком погребении Ольги, в известном смысле содержит, более первоначальный текст, чем пролог. Обстоятельство, что частью пролог древнее летописи, частью же летопись древнее пролога, ведет к убеждению, что проложная и летописная статьи восходят к одному общему оригиналу. Этот общий оригинал, сокращенно переданный прологом, говорил и о княжеской деятельности Ольги, ибо вряд ли можно допустить, чтобы слова «обиходяше всю Русскую землю, дани и уроки льгъки уставляющи» были заимствованы в прологе из летописи. Этот общий оригинал подвергся сокращению и в летописи: так, в ней опущено сообщение о кресте, принесенном Ольгой в Русскую землю, а также о посылке золота патриарху после смерти Ольги.

§ 77. Сделанное нами заключение об источнике летописных статей о крещении и кончине Ольги представляется нам необходимым еще по следующим соображениям. Если мы не допустим существования особой повести о крещении и кончине Ольги, бывшей источником для обеих указанных летописных статей, то нам придется признать их автором составителя Древнейшего летописного свода. Невозможного в таком признании нет ничего, но все-таки оно мало вероятно. Задачей составителя Древн. свода было дать изложение главных событий из прошлого русской земли, а не заниматься прославлением русских угодников. Правда, мы считаем возможным приписать ему составление сказания о св. Борисе и Глебе, но если наше предположение относительно этого сказания верно, то из него ни в коем случае не следует, чтобы то же лицо, тот же составитель Начального свода был автором сказания об Ольге. Кроме того, допустив, что первоначальное сказание об Ольге составлено для Древнейшего летописного свода, мы не поймем, как могло явиться проложное сказание, содержащее факты и подробности, необъяснимые из Древнейшего свода, — и это в противоположность проложным сказаниям о Борисе и Глебе, которые все в конце концов восходят к летописному сказанию.

§ 78. Итак, признаем, что в распоряжении составителя Древнейшего свода была особая повесть о крещении и кончине Ольги. Из нее он взял обе статьи свои об обоих упомянутых событиях. Возникает вопрос: читалась ли в этой предполагаемой повести вся та похвала Ольге, которую находим в Начальном своде и Повести вр. лет, или, быть может, похвала эта приделана одним из позднейших редакторов (составителем Древн. свода или Нач. свода), как приделаны были (по-видимому, составителем Повести вр. л.) похвала Владимиру и похвала Борису и Глебу. Считаю вероятным, что похвала Ольге содержалась уже в Древнейшем своде и в источнике этого свода — особой повести, между прочим, потому, что содержащееся в ней указание

на нетленность мощей Ольги повторяется и в проложной статье и в особой еще похвале Ольге, включенной в состав Иаковлевой Памяти и похвалы Владимиру.

§ 79. Если, таким образом, источником Древн. свода для статей об Ольге была особая повесть о ней, то является вопросом, не из нее ли заимствованы в Древн. свод (а из этого свода в Начальный свод) названия 6463 года (для крещения Ольги) и 6477 года (для ее кончины)?

Поставленный вопрос стоит в прямой связи с вопросом о том, когда же в самом деле приняла Ольга крещение? Как известно, об этом крещении сообщают и греческие источники — Константин Багрянородный и Скилиций (Кедрин). Первый из них, не упоминая собственно о крещении Ольги, говорит о посещении ею Царяграда в 6466 (осенью 957 года), а второй сообщает о прибытии Ольги в Царьград и крещении ее до 6464 года, а именно до кончины патриарха Феофилакта¹⁹. Предлагаю совершенно элементарный способ согласования обоих греческих источников. Ольга крестилась в 6463 году, еще при Феофилакте, а прибыла в Царьград в 6466 уже крещеной (в свите ее — священник Григорий). При подобном согласовании окажется, что Скилиций впал в ту же ошибку, что составитель повести о крещении Ольги: он поместил под одним годом и слил в одно два разных события — крещение Ольги и ее поездку в Царьград. Но вместе с тем окажется необходимым признать 6463 год, действительно, годом крещения Ольги²⁰.

Указанное обстоятельство — точность датировки крещения Ольги — служит неопровержимым доказательством того, что в распоряжении составителя Древнейшего свода был письменный источник, повествовавший об этом событии; год этот читался уже в Древнейшем своде; это была первая хронологическая дата в этом своде. Вместе с тем 6463 год является первой достоверной датой в Начальном своде, ибо он не выдуман и не заимствован из греческого хронографа. С полной уверенностью после этого признаем достоверным и 6477 год, как год смерти Ольги. Он также читался в Древн. своде (как и в похвале Ольге, включенной в Иаковлеву Память и похвалу Владимиру), причем заимствован из повести об Ольге, где кроме того был указан и день смерти Ольги — 11 июля. Таким образом, мы подходим к указанию на две древние записи о событиях X века: первая из них свидетельствовала о крещении Ольги в 6463 году, а вторая — о кончине ее 11 июля 6477 года

§ 80. В статье 6472 года, где описаны нравы Святослава, равно и в следующих за нею статьях 6473 и 6474 годов находим ряд несообразностей. После слов «и посылаше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити», читаем под 6472

¹⁹ Georgius Cedrenus, II, 329 (ed. Bonn.).

²⁰ Составитель Новгородской 4-й летописи исправил 6463 год на 6466. Поправка эта в высшей степени интересна, кажется, она восходит к Ростовской летописи, по которой Новгородская 4-я исправила свой основной источник — свод 1448 года.

годом: «И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи». Итак, Святослав в первом же походе нарушает свое обыкновение предупреждать врага, против которого он направлялся. Совершенно случайна встреча его с Вятичами; он и не сражается с ними, а только узнает от них, что они дают дань Козарам. Кроме того, странны слова «иде на Оку реку и на Волгу»: Вятичи действительно жили, по свидетельствам, восходящим к XII веку, на Оке; но зачем же было упоминать о Волге, до которой никогда не доходили Вятические поселения? Дальнейшее разъясняет нам, в чем дело; под 6473 читаем: «Иде Святославъ на Козары; слышавше же Козари изидоша противу» и т. д. Итак, Святославов поход направлен против Козар, и, очевидно, он их об этом предупредил («слышавше же Козари »). Следовательно, Святослав шел на Козар, живших на Волге, прямым путем; и идя этим путем, он встречает Вятичей, данников Козарских. Отсюда заключаем, что Вятичи во времена Святослава (точнее, во время первоначальной записи рассматриваемой статьи) жили в юго-восточной России, где-нибудь около Дона; в начале XII в., как видно из Повести вр. лет, они сидели на Оке, и, по-видимому, это самое обстоятельство и повлияло на добавление, сделанное в тексте статьи 6472 года составителем Начального свода: «И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи». Покорение Вятичей изложено под 6474: «Вятичи победи Святославъ, и дань на нихъ възложи». Но вероятно ли, чтобы Святославу пришлось в 6474 году побеждать Вятичей, после того, как в предшествующем 6473 он победил Козар, от которых они зависели? Естественнее думать, что обложение Вятичей данью было прямым следствием разгрома Козар. Ввиду всего изложенного, я думаю, что текст Начального свода ведет нас к такому первоначальному рассказу, где, вслед за словами: «И посылаше къ странамъ, глаголя: хочю на вы ити», читалось: «И иде Святославъ на Волгу на Козары²¹». Далее рассказывалось о встрече с Вятичами. Затем: «Слышавше же Козари, изидоша противу... и градъ ихъ Белу Вежую взя. И Ясы победи и Касоги». Рассказ, как кажется, оканчивался словами «и приведе²² къ Киеву Вятиче и дань на не възложи». Первоначальный рассказ потерял свое единство под влиянием того, что разбит на годы. Итак, получаем еще данные для утверждения, что в распоряжении составителя Начального свода была летопись, где о княжении Святослава повествовалось в связном рассказе, не разбитом на годы²³.

§ 81. Перехожу ко второй половине княжения Святослава, обнимающей по Начальному своду (Повести вр. лет) 6475—6480 годы. Рассказ относится преимущественно к войнам Святослава с Болгарами и Греками. Он начинается словами «Иде Святославъ на Дунай, на Болгары». Затем сообщается кратко о победе Святослава над Болгарами, о взятии им 80 городов по Дунаю и о водворении Святослава в Переяславце, причем Греки были

21 Ср. ниже под 6475: «И иде Святославъ на Дунай на Болгары».

22 В значении «привел в зависимость». Ср. в Новгор. 1-й (Нач. своде): «и Ясы победи и Касоги и *приведе* Киеву»; вместо этого в Ипат. «*прииде*».

23 Мне пришлось повторить здесь часть статьи моей, напечатанной в Изв. Акад. Наук за 1907 г.

обложены данью. Таков состав статьи 6475 года. Под следующим годом составитель Начального свода рассказывает о нападении Печенегов на оставленный без защиты Киев и на отражение их Святославом, подоспевшим по вызову Киевлян из Переяславца. Далее, под 6477 читаем, как Святослав, обращаясь к матери и боярам, заявляет о желании жить в Переяславце Дунайском, как, уступая просьбе матери, он остается в Киеве, где, дождавшись смерти матери, погребает ее. Засим следует рассмотренный выше отрывок из повести об Ольге. Из статьи 6478 года видим, что Святослав, вопреки своему первоначальному желанию, остается в Киеве еще целый год; под этим годом читаем, однако, только о распределении им волостей между тремя сыновьями. Только под 6479 видим Святослава опять в Переяславце; но ему приходится отвоевывать его от Болгар силою. Затем следует рассказ о походе Святослава против Греков; поход сопровождается поражением последних; испуганный царь посылает Святославу дань и дары. Тот возвращается в Переяславец. Увидев убыль в своей дружине, он морем возвращается в Русь, зимует в Белобережьи, а на следующую весну (6480) его убивают поджидавшие его в порогах Печенеги. Воевода Свенельд возвращается в Киев к Ярополку²⁴.

Критика уже давно отметила в этом рассказе ряд несообразностей и, между прочим, также противоречие исторической правде. Судя по греческим источникам, Святослав предпринимал действительно два похода в Болгарию, но походы эти относятся ими к двум соседним годам: первый поход был совершен в пятый год Никифорова царства (6476), а второй в шестой год того же царства (6477)²⁵. Ср. еще в маргинальной приписке к болгарскому переводу Манассиной летописи: «При семь Никифое цари плени-шия (в рук. юс) Руси Българскую (в рук. юсы) земя (в рук. юс) по дваши в двею л'Ьту». Между тем Начальный свод полагает промежуток между первым и вторым походом в три года. Далее известно, как печально окончился поход Святослава против греков; Русская рать сначала вторглась в Византийские области, опустошила их; их остановил было военачальник Барда Склир, но затем, когда начальство над войском перешло к магистру Иоанну, русские возобновили свои набеги на Македонию. Успехам их положил конец сам император Иоанн Цимисхий; разбив Русских у Преслава и затем взяв этот город приступом, Иоанн двинулся против Святослава, стоявшего в Дристре. Здесь произошло несколько сражений. Святослав был принужден просить мира у Цимисхия и с остатками своего войска отпущен им на родину. Нет ничего естественнее, что народные предания удержали память только о победах Святослава. Византия несколько раз в течение продолжительной борьбы с призванными ею самою в Болгарию русскими испытывала сильные унижения. И Никифор и Иоанн предлагали Святославу денежный от-

24 Не забудем, что Нач. свод не знает договора Святослава с греками. 92

куп, с надменностью им отвергнутый. Все это запечатлевалось в памяти народной и, заглушая воспоминания о поражениях и печальном исходе похода, выдвигало своеобразное объяснение причины возвращения Святослава из Болгарии.

§ 82. Критика текста не найдет основания заподозрить первоначальность лежащего перед нами рассказа, если станет рассматривать его не со стороны соответствия исторической правде. Напротив, признав его в общем сказочным и указав на его зависимость от народных преданий, критика натолкнется с недоумением на такие подробности, которых не могла бы удержать историческая песня или устное сказание. Так, отмечаем упоминание о двух походах Святослава в Болгарию: греческие источники также указывают на два похода. Далее, в статье 6475 года, читаем о покорении Святославу 80 городов по Дунаю; я не думаю, чтобы это указание сохранилось в русском народном предании; указание это следует скорее признать свидетельством лица, знакомого с Болгарией и Дунаем и знавшего, что по Дунаю насчитывается до 80 городов. Имея в виду, что то же число 80 дает Прокопий для укреплений, воздвигнутых в той местности Юстинианом, что болгарские песни также содержат сходное число (77) для обозначения количества городов по Дунаю, я не могу не согласиться с Ст. Сркулем, сделавшим отсюда вывод о книжном источнике*, повлиявшем на нашу летопись²⁶. Иду еще далее в том же направлении. Могло ли принадлежать народному преданию указание, читаемое после текста «и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая» — «яже стоять пусты и до днешняго дне»? Думаю, что здесь опять сказывается письменный источник, составленный притом не русским, а лицом, знакомым с топографией той местности, где действовал Святослав. В приведенной фразе нас останавливает еще употребление слова «град» вместо Царьград: «и поиде... ко г р а д у воюя и г р а д ы разбивая». Не признаем ли мы такое словоупотребление греческим? Для грека *polis* обозначало Константинополь преимущественно перед другими городами. Еще одно замечание относительно знакомства составителя сказания, попавшего в летопись, или составителя источника этого сказания, с местными (болгарскими) условиями. Святослав в своей речи к матери и боярам называет Переяславец серединой своей земли, «яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же и изъ Угоръ сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медъ и челядь». Об этом мог действительно знать Святослав и хвастаться перед матерью и боярами; но знал ли об этом скромный монах, сочинявший летопись в XI веке, знало ли об этом русское предание, помнил ли русский человек о тех

²⁶ St. Skulj, Die Entstehung der alt. russ. sogenannten Nestorchronik (Pohega, 1896), J. 44: «Diese Notiz ruht von Prokopius her, der Chronist hat sie also irgendwo lesen müssen». Ср. в сборнике болг. песен Миладиновых: «колку иматъ отъ море до Дунавъ, седумдесетъ и седемъ градомъ» (Jagic, Dunaj-Dunav in der slav. Volkspoesie; Archiv f. sl. Phil. I, 303). Иначе Васильевский, Русско-византийские отрывки, в Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, № 6, с. 434. В саге о Гаральде говорится, что он участвовал во взятии 80 городов в Серкландии (Васильевский, Сочинения, I, 263).

впечатлениях, которые вынесены были из Болгарии его воинственными предками? Весьма неправдоподобно допустить то или другое. Гораздо вероятнее, что и здесь перед нашим летописцем был книжный источник, рассказывавший о Святославе с точки зрения болгарина или грека. Обращаем, наконец, внимание на речи, вложенные в уста Святослава. Правда, русской летописи вообще не чужд подобный прием оживления рассказа; мы встречаем немало речей в киевской летописи XII века, но в Начальном своде и Повести вр. лет речи приводятся весьма редко. Между тем, Святослав произносит три речи: одну в Киеве перед матерью и боярами (см. выше), другую, краткую, речь — в сражении под Переяславцем, отвоеванным у него Болгарами («уже намъ еде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!»), и, наконец, длинную речь — перед сражением с Греками («уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраимъ земле Руские), но ляжемъ костьми, мертвии бо срама не имамъ; аще ли побегнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убежати, но станемъ крепко, азъ же предъ вами пойду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою»). Эта речь положительно единственная для нашей древней летописи²⁷. Поневоле рождается подозрение относительно того, не перенесена ли она готовою из письменного источника. Подозрение усиливает еще то обстоятельство, что подобную же речь Святослава читаем у Льва Диакона, который относит ее ко дню, предшествовавшему решительному сражению при Дристре (24 июля); она была сказана Святославом на совете старшин (коменте): «Погибнет слава, сопутница Российского оружия, без труда побеждавшего соседственных народов и, без пролития крови, покорявшего целые страны, — так говорил Святослав, — если мы теперь постыдно уступим Римлянам. Итак с храбростию предков наших и с тою мыслию, что Русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою»²⁸. Еще ближе к нашей летописи передана та же речь Святослава Скилицем, хотя у него не выдержано прямого обращения к слушателям²⁹. Не забудем, что Скилиций пользовался Львом Диаконом, но имел в виду еще и другой источник, каковым был со-временный описываемым событиям писатель³⁰.

Принимая во внимание сделанные выше указания, считаем необходимым признать, что на рассказе о походах Святослава, как он изложен в Начальном своде, сказалось влияние какого-то письменного источника,

²⁷ Речь Святослава Ярославича под 6576: «потягнемъ, уже намъ нелзе камо ся дети» составляет явное подражание.

²⁸ Кн. IX. 7, перевод Д. Попова (1820 г.).

³⁰ В. Г. Васильевский в хронологических разысканиях о годе смерти Святослава Игоревича. СПб., 1876, с. 167 (Зап. Имп. Ак. Наук, т. XXVIII).

составленного не русским, а греком или болгаринном. Предполагаю, что таким источником могла быть какая-нибудь болгарская хроника, сообщавшая о походах Святослава то, что читалось о них у византийцев — Льва Диакона или того анонима, которым воспользовался Скилиций. Ниже мы вернемся еще раз к этой болгарской хронике, а здесь ставим вопрос: кто же воспользовался ею — составитель Начального свода или еще составитель Древнейшего летописного свода? Считаю вероятным, что последний: мы увидим ниже (там, где говорим о крещении Владимира), что имеется не одно основание для признания болгарской хроники источником именно Древнейшего свода.

§ 83. Итак, сделанные выше указания позволяют нам приступить к анализу статей 6475—6480 годов со стороны их источников, а также со стороны их первоначальной редакции. Если примем во внимание уже сложившееся у нас убеждение в том, что Древнейший летописный свод был изложен не в хронологической сети, то мы вправе признать названия 6475 и 6476 годов вставленными позже, составителем Начального свода. В таком случае окажется, что Древнейший летописный свод излагал события в следующем порядке: поход Святослава на Дунай и захват Болгарии; нападение печенегов на Киев; возвращение Святослава в Киев; смерть Ольги в 6477 г.; второй поход Святослава на Болгарию. Таким образом, Древнейший летописный свод согласован вполне с показаниями греческих источников: первый поход Святослава относился ко времени до 6477 года, а второй мог быть, судя по буквальному тексту Древн. свода, совершен в этом же 6477 году, после смерти Ольги, после 11 июля, скажем, хотя бы в августе 6477 года (по Скилицию, первый поход имел место в августе 6476 г.). Отсюда видим, что события 6477 года (смерть Ольги) по Древнейшему своду (6476—6477 по Начальному своду) являются вставкой в текст основного рассказа, входящего к болгарской хронике. Вставка эта была весьма уместна, так как объясняла, почему Святослав предпринял два похода против болгар, почему он не утвердился в Болгарии окончательно после первого похода. Об этих двух походах составитель Древнейшего свода знал из болгарской хроники: в русских источниках он подыскал причину двукратного похода. Источники эти были — один устный, другой письменный. Письменный источник, повесть об Ольге, сообщал о кончине матери Святослава в 6477 году, устный рассказывал об осаде Киева печенегами во время отсутствия князя и об освобождении Киева ушедшим в далекий поход Святославом. О первом источнике мы говорили выше. Скажем здесь о втором.

§ 84. Мы признаем этот второй источник устным народным преданием. Поэтому не сомневаемся в том, что он не был приурочен точно к походу Святослава в Болгарию; быть может, он и намекал, что Святослав на Дунае, в Болгарах, но возможно, что он представлял себе Святослава на востоке, в походе против Козар, Ясов, Касогов. Я даже считаю более вероятным именно последнее предположение, ибо предание ясно говорит, что помощь Киевяне искали за Днепром и что печенеги, осадившие Киев с юга, опасались прибытия Святослава с востока; ср. подвиг юноши, переплывше-

причину второго похода Святослава, и с другой, дала возможность ввести в рассказ сообщение о смерти Ольги, которая была описана в другом источнике Древнейшего свода. Речь Святослава вызывает реплику Ольги: Ольга указывает на свою болезнь и просит Святослава сначала похоронить ее, а потом ехать куда ему угодно. Диалог между Ольгой и Святославом под-сказывался текстом повести об Ольге, ибо в этой повести, судя по прологу, Ольга наказывала именно Святославу не творить над ее могилой язычес-ких обрядов³². За этим диалогом автор рассказа спешит с развязкой: Свя-тослава ведь нельзя долго задерживать в Киеве; болгарский источник тре-бует скорого его возвращения в оставленную Болгарию (в том же 6477 году). «По трехъ днехъ умре Олга». Верный завету родительницы, Святослав по-гребаёт ее. Слова «несоша и погребоша ю на месте»³³ принадлежат соста-вителю Древн. свода, который все еще не может прервать сочиненного им рассказа и перейти к письменному источнику. Переход к нему, как мы ви-дели, знаменуется явным противоречием: не сын и внуки, не весь киевский народ погребают Ольгу, как сказано выше, — ее хоронит священник, кото-рого она держала у себя тайно.

§ 87. Как указано, составитель Древнейшего свода не может задержать Святослава надолго в Киеве; необходимо тотчас же после смерти Ольги сообщить о втором походе его в Болгарию. Конечно, это и сделал состави-тель Древнейшего свода, между тем как редактору Начального свода для того, чтобы разместить события в хронологической сети, выгоднее было рассказать о втором походе Святослава позже, ближе к году смерти Свя-тослава, определенной им 6480 годом³⁴: он и перенес рассказ о походе на Болгарию на 6479 год, а предшествующий 6478 год занял рассказом о рас-пределении волостей между сыновьями Святослава. Мы не будем за-держиваться на этом рассказе, — некоторые замечания к нему будут со-общены нами ниже, — но укажем теперь же, что о распределении волостей Святославом говорил, конечно, и Древнейший свод.

§ 88. Покончив с русскими делами, объясним, что делал Святослав в промежутке между двумя походами в Болгарию. Составитель Древнейше-го свода получил возможность вернуться к своему болгарскому источни-ку. Я думаю, что значительная часть статьи 6479 года может быть возведе-на к этому источнику. Я указывал уже выше, что речь Святослава перед взятием Переяславца, речь его после взятия Переяславца (впрочем, опу-щенная составителем Древн. свода, или, точнее, перенесенная в предшеству-

³² «И призвавши сына своего Святослава, заповеда ему погрестися съ землею ровно, а могилы не сути, ни тризны творити, ни бѣдына деяти».

³³ На каком «месте»? Не стояло ли первоначально «на мѣсть у града»? Ср. ниже «и по гребоша Ольга (Святославича) на месте у города Вручего». Позднейшие редакторы Повести вр. лет вм. «и бе заповедала Ольга» дают «идеже заповедала Ольга» для того, чтобы объяснить это «на месте».

³⁴ Ошибочно, ибо по греческим источникам ясно, что Святослав был разбит Цимисхием в 6480 году, следовательно, умер в 6481 году, весной. Ср. Заметку к статье Н. П. Ламби-на В. Г. Васильевского в названном выше исследовании 1876 года.

ющий рассказ), речь его перед сражением с греками, сообщение о пустующих до днешнего дня городах, разоренных Святославом, — что все это ведет нас к болгарскому источнику. Отсюда заключаю, что болгарская хроника окружила Святослава известным ореолом, он стал для нее сказочным героем. Быть может, она давала даже характеристику Святослава, повлиявшую на характеристику, данную Древнейшим сводом³⁵. Поэтому нет ничего невероятного в предположении, что именно из болгарской хроники внесены в Древн. свод и те части рассказа, которые могут представляться составленными русским летописцем в интересах прославления русского имени. Не колеблясь, отнес бы я эти сообщения о подвигах Святослава, о разбитии им впятеро сильнеешего греческого войска, о богатой дани, взятой с греков, насчет русской исторической песни, русского предания, если бы мне удалось убедиться в существовании такой песни, такого устного предания. Быть может, национальное чувство болгар, униженное порабощением их Святославом, искало себе утешения в мысли, что Святослав бил и греков, что греки спасли свой город только данью и щедрыми дарами. Предание о дани, взятой Святославом с греков, могло долго держаться в Болгарии именно потому, что греки уплатили ему деньги за занятие Мизии и старались путем денежных обещаний удалить его оттуда. В виду этого я не умею отделить в статье 6479 года элементы болгарские от русских.

§ 89. Впрочем, делаю следующую оговорку. После слов «и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая, яже пусты стоять и до днешняго дне» читаем длинный рассказ об испытании Святослава дарами. Этот рассказ я признаю вставкой и думаю, что непосредственное продолжение приведенным выше словам отыскивается ниже: «и посла царь, глаголя сице: не ходи къ граду, возми дань еже хочещи; за маломъ бо бе не дошелъ Царяграда» Трудно решить, кем же сделана эта вставка: составителем Древнейшего свода или составителем Начального свода. Склоняюсь к предположению, что вставка эта появилась впервые в Начальном своде, который, как мы видели, охотно дополнял свой рассказ из народных преданий и песен. Быть может, не о Святославе собственно говорило использованное здесь предание, быть может, оно вспоминало старшего князя³⁶.

§ 90. Делаю еще одну оговорку. Весь конец статьи 6479 года принадлежит во всяком случае русскому автору. Я думаю, что он читался почти в таком же виде, как дошел до нас³⁷, уже в Древн. лет. своде. Не сомневаюсь в том, что о гибели Святослава от печенегов знал и болгарский источник (как

35 Слова «и бе бо самъ храборъ и легко ходя, акы пардусъ», как отмечено В. М. Истриным (Александрия русск. хроногр., 160), напоминают сравнение Александра как в Александрии, так и у Амартола с пардусом: «акы пардусъ, дръзостью воюя землю Сурьскую»; «скочи акы пардусъ съ многою силою на всточныя страны и грады». Замечательно, что в Ермол. летописи в конце статьи 6472 читается: «скакаше же яко пардусъ, со многою легостию, и многи страны и грады приискиваше, к себе приводя, яко же древний Александръ Макидоньский царь».

36 Ср. предание об Олеге, не принявшем даров, но по другой причине: это было брашно³⁷ и питье, устроенное с отравой.

Ниже увидим необходимость оговорить сообщение о Свенельде.

знают и византийцы: Лев Диакон и Скилиций), но подробности, как зимовка на Белобережье, голод, испытанный при этом войском Святослава, имя печенежского князя Кури, чаша, сделанная из черепа Святослава, — все это ведет нас к народному преданию, к исторической песне. Предположение о существовании такой песни не противоречит высказанному выше сомнению относительно того, были ли русские песни, воспевавшие бранные подвиги Святослава. На Руси сложились сказания или песни о Святославе особенного характера: в них проводилась мысль, запечатленная на обращенном в чашу черепе (Святослава: «чюжихъ ищя, своя погуби»³⁸). В сущности, сходная мысль проводилась и в сказании об осаде печенегами Киева, оставленного Святославом³⁹.

§ 91. Нам можно теперь сделать следующее сопоставление. Согласно предыдущему, из Древнейшего летописного свода следовало заключить, что Святослав убит весной 6478 года. Действительно, Древн. свод указывал на 6477 год как на год смерти Ольги; за рассказом о ее кончине читалось: «по семь же» Святослав, распределив волости между сыновьями, отправился в Болгарию, победил там греков и вернулся затем на Русь. Таким образом, естественно было отнести эти события на 6477, а самую смерть Святослава на весну мартовского 6478 года. И вот в древнем житии Владимира (в Памяти и похвале Владимиру) читаем: «и седе въ Киеве князь Володимерь въ о с м о е лето по смерти отца своего Святослава, месяца июня въ 11, в лето 6486». Следовательно, составитель Памяти и похвалы полагал смерть Святослава на 6478 год и обнаруживал таким образом свою прямую зависимость от Древнейшего свода.

³⁸ О такой надписи на чаше печенежского князя сообщают Ермол., Львовск. и некоторые другие. В Тверском сборнике соответствующее место утрачено вследствие выпадения в рукописи листа. Но, судя по сборнику Публ. библ. F IV 214, вообще сходному с Тверским сборником, здесь, кроме приведенной надписи, читалось: «и есть чаша сия и донине хранима в казнахъ князей Печенезкихъ, піаху же изъ нея князи со княгинею въ чертозе, егда поймаются, глаголюще сие: каковъ быть сии человекъ, его же лобъ есть, таковъ буди и родившея отъ насъ. Также и прочихъ вой его лъбы изоковаша сребромъ и держаху оу себе, пиюще з нихъ».

³⁹ Ср. слова киевлян к Святославу: «ты, княже, чужая земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ».

§ 92. В 1906 году автор настоящего исследования напечатал статью, озаглавленную «Корсунская легенда о крещении Владимира»¹. В этой статье проведено следующее главное положение: в XI веке было известно два сказания о крещении Владимира; первое из них сообщало о крещении Владимира от греческого философа, прибывшего в Киев; второе говорило о крещении Владимира в Корсуне. Ни то ни другое сказание не дошло до нас в цельном и первоначальном виде: второе сказание легло в основание довольно значительного числа статей, посвященных памяти Владимира, и, кроме того, вошло в летопись; первое сказание видим в той же летописи. Летопись эта — Начальный свод и происшедшая из него Повесть временных лет. В ней, таким образом, представлены два сказания о крещении Владимира; так или иначе они в ней согласованы; по летописи, к Владимиру действительно приходил греческий философ; он произнес перед ним длинную проповедь, показал ему картину страшного суда, зажег во Владимире желание креститься; но крещение произошло позже, на третье лето: осторожный Владимир испытал еще раз разные вероисповедания посредством особого посольства, а потом, решив принять греческую веру, пошел добывать ее в Корсунь.

Как указано, сказание, сообщавшее о крещении Владимира в Корсуне и вставленное составителем Начального свода в рамки другого сказания о крещении Владимира в Киеве, восстанавливается не по

¹ Вошла во II том Сборника статей в честь В. И. Ламанского.

одной летописи, но также по различным видам жития Владимира и по различным повестям о его крещении. Восстановление первоначального вида Корсунской легенды, как для краткости я называю это сказание, предпринято мною в названной выше статье. В настоящее время, отчасти под влиянием некоторых замечаний со стороны критики², отчасти же под влиянием новых данных и новых размышлений, я изменил бы текст отдельных частей восстановленного сказания³, местами дополнил бы его, а местами сократил, но в общем остаюсь при мысли, что Корсунская легенда существовала некогда в отдельном от летописи виде, почему и может быть восстановлена путем сравнительного изучения житий и повестей нам известных.

§ 93. Корсунская легенда сложилась не раньше второй половины или даже последней четверти XI столетия. В основании ее лежат несомненные исторические факты: поход Владимира на Корсунь, взятие Корсуня, женитьба на греческой царевне, — все это факты не вымышленные; они засвидетельствованы и византийскими, и арабскими источниками, притом современными этим событиям. Не подлежит сомнению, что Владимир привез из Корсуня мощи святых, священные сосуды, иконы⁴; он привел оттуда и попов; конечно, и Анна прибыла в Киев с попами. Эти попы содействовали крещению и просвещению русской земли. Таким образом в народной памяти устанавливалась связь между крещением Владимира и земли русской, с одной стороны, его походом на Корсунь и женитьбой на греческой царевне, с другой. Итак, вот основание для Корсунской легенды, основание, уже уклонившееся от исторической действительности, слившее в одно разновременные события, придавшее единство тому, что на самом деле такого единства не имело. И обработка этого все же в существенных чертах своих исторического основания уклонилась в сторону легенды и былины. Никаких фактов, кроме указанных, у составителя сказания не было, а между тем самый замысел поведать о чудесных событиях, приведших Русь к крещению, будил фантазию, давал пищу поэтическому творчеству. Понятно, что это наводило составителя Корсунской легенды на пользование известными ему историческими песнями, где уже был разработан мотив добывания Владимиром Царяграда и невесты. Пользование подобными песнями внесло в Корсунскую легенду разные сказочные подробности. К числу их относим основную мысль сказания, будто Владимир идет на Корсунь добывать себе в жены дочь Корсунского князя, далее весь эпизод со Жьдьерном, посылку в Царьград воевод Олега и Жьдьерна просить руки царевны Анны, и т. д.

2 С. Шестаков, К вопросу о месте крещения св. Владимира. Казань, 1908 (отг. из 5-го вып. XXIII тома Известий Общества Арх., Ист. и Этн.); он же в Журн. Мин. Нар. Пр. за 1907 г.

3 Так, в особенности подлежат исправлению письмо Жьдьерна к Владимиру и молитва Анны: на них положило свой отпечаток позднейшее сочинительство. Ср. ниже еще несколько замечаний.

4 Икона св. Богородицы в Десятинном храме называлась Корсунскою; ср. Корсунские врата в Новгороде, Корсунские колокола в Пскове. Сообщение о мощах Климента и раке, привезенных в Киев из Корсуня, находим в латинском житии св. Мариана.

§ 94. Корсунская легенда с особенною силой разрабатывает мотив о добывании Владимиром невесты. Для благочестивого читателя XI века этот мотив ассоциировался, конечно, с представлением о Владимире, как о великом блуднике. Возникает вопрос, не было ли и в самой Корсунской легенде обращено особое внимание на эту черту Владимира-язычника. Некоторые данные заставляют нас решительно утверждать, что Корсунская легенда сообщала о многоженстве Владимира. Житие Владимира особого состава (Плигинский сборник) прямо указывает на то, что у Владимира было 12 жен, а наложниц 300, а в Белогороде 300, а в Берестове 200, а всего 800. В текст восстановленной мною Корсунской легенды я не внес этого перечисления наложниц, полагая, что житие особого состава заимствовало его из летописи. Но теперь я склоняюсь к мысли, что Корсунская легенда перечисляла жен и наложниц Владимира. Признав Корсунскую легенду источником для Начального свода, я считаю вероятным, что весь отрывок Начального свода (и Повести вр. л.), где говорится о блудной жизни Владимира, заимствован из Корсунской легенды. Отрывок этот (в статье 6488 г.) начинается словами «Бе же Володимеръ побеженъ похотью женъскою»; он оканчивается словами «Велии Господь нашъ и велия крепость его, и разуму его несть числа!» За ними следует явно пристегнутое позже рассуждение о добрых и злых женах. В указанном отрывке названо пять жен Владимировых; при названии каждой из них (по имени названа одна Рогнеда) указаны дети, ею рожденные; затем сообщено, сколько наложниц имел Владимир в Вышегороде, Белгороде и на Берестовом сельце. Приведем фактическую часть интересующего нас отрывка: «и быша ему водимыя: РОГНЕДЪ, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоит сельце Предъславино, отъ неяже роди 4 сыны: Изяслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; отъ Грекине Святополка; отъ Чехине Вышеслава; а отъ другой Святослава и Мьстислава; а отъ Болгарыни Бориса и Глеба; а наложницъ бе у него 300 Вышегороде, а 300 въ Белегороде, а 200 на Берестове в селци, еже зовуть нынѣ Берестовое». Так читается в Лавр, и Новгор. 1-й, следовательно, так же читалось и в Начальном своде⁵.

§ 95. Приведем насколько соображений в пользу того, что отрывок этот вставлен в текст Начального свода не из Древнейшего свода, а из какого-нибудь нелетописного источника. Во-первых, это доказывается самым началом приведенного отрывка: «Бе же Володимеръ побѣженъ похотью женъскою»; такое начало не согласуется с предшествующим изложением; самое содержание отрывка показывает, что он не принадлежит историческому,

5 Позднейшие своды вносят поправки: Ипатьевская и Моск.-Академическая летописи опускают после имени Святослава слова «и Мьстислава». Очевидно желание остаться при одном Мстиславе; между тем, эта поправка безусловно неверная, ибо оставлен Мстислав, старший Ярослава, а известный Мстислав, появляющийся в летописи с 6530 года, был моложе Ярослава, как видно из статьи 6534 г. Вместо этого Мстислава Соф. 1-я, Новг. 4-я и др. называют Станислава; то же имя в Ипат. приписано позже к имени Святослава. Кроме того, Соф. 1-я, Новг. 4-я и др. приписывают: 11. Судислав, 12. По-

повременному рассказу; отступая от него, он дает характеристику Владимира или описывает черты его жизни. Во-вторых, самый отрывок содержит в себе следы компиляции, следы спайки двоякого рода данных: с одной стороны, он перечисляет жен Владимировых — и это вполне согласно с замыслом очертить его блудную жизнь, дать сведения об его многоженстве, а с другой — при названии жен Владимировых указываются рожденные от каждой из них сыновья. Спрашиваем, уместен ли перечень их там, где идет дело о блудной жизни Владимира, там, где о многоженстве его сообщается не просто как о факте, а как о проявлении похоти, причем тут же указываются и наложницы Владимировы? Уместно ли было поместить имена св. Бориса и Глеба там, где мать их названа в числе прочих жен, взятых Владимиром «не по браку»? Наши вопросы могут показаться бесцельными, ибо факт налицо: перечень сыновей Владимира и между ними имена Бориса и Глеба читаются в отрывке, посвященном описанию блудной жизни Владимира. Но возникает вопрос, не вставлены ли эти имена позже составителем Начального свода, не отсутствовали ли они в первоначальной редакции этого отрывка? Редактор чужого труда, списываемого текста далеко не всегда так внимателен к внутреннему смыслу его, как автор; редактору Начального свода было вполне естественно дополнить перечень жен перечнем сыновей Владимира, рожденных ими; но автору, говорящему о блудной жизни Владимира, вряд ли бы пришло в голову смягчить густые тени, лежащие на женолюбивого язычника, перечнем сыновей, рожденных его женами.

Исходя из этих соображений, я думаю, что перечень сыновей в приведенном отрывке заимствован составителем Начального свода из того самого перечня, который мы находим ниже под 6496 годом, где сыновья Владимира названы в таком порядке:

1. Вышеслав,	7. Мстислав,
2. Изяслав,	8. Борис,
3. Святополк,	9. Глеб,
4. Ярослав,	10. Станислав,
5. Всеволод,	11. Позвизд,
6. Святослав,	12. Судислав*.

В подтверждение укажу на следующее: перечень 6496 года перечисляет сыновей по времени их рождения, по старшинству (ср. там же: «умершую же старейшему Вышеславу въ Новгороде »); таким образом, одни имена оказываются рядом с другими в силу близости по времени рождения носящих эти имена сыновей Владимировых; а между тем, под 6488 (980) годом те же имена объединяются рождением носителей их от одной матери: Борис и Глеб оказываются сыновьями Болгарки, Святослав и Мстислав — Чехини, Ярослав и Всеволод — Рогнеды. Не согласуются с указанным распределением только имена трех старших сыновей: Вышеслава, Изяслава и Святополка; Вышеслав назван сыном другой Чехини, Изяслав Рогнеды, а Святополк Гречанки; часть это объясняется тем, что из друго-

го места летописи составителю Начального свода было известно о рождении Святополка от Гречанки, вдовы Ярополка; частью же это зависело от простой ошибки составителя Начального свода: он назвал старшим сыном Рогнеды Изяслава, потом хотел назвать Вышеслава, но заметив свою ошибку, поправил Вышеслава на Мстислава; таким образом, Вышеслава пришлось выделить и приписать к Чехине, которых вследствие этого оказалось две вместо одной. Если оставим в стороне троих старших Владимировичей, то группировка остальных сыновей окажется вполне согласованною с группировкой жен Владимировых: Рогнеда, Чехиня, Болгарыня, с одной стороны, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, с другой; трое последних Владимировичей — Станислав, Позвизд, Судислав — не названы совсем; к детям Рогнеды приписаны две дочери — это те две сестры Ярослава, о которых сообщает Нач. свод под 1018 годом.

Все это приводит меня к убеждению, что составитель Начального свода, заимствовав отрывок о блудной жизни Владимира из особой повести о Владимире, которую предположительно отождествляем с Корсунскою легендой, дополнил его перечнем сыновей Владимировых, который был ему известен из другого его источника (предположительно из Древн. свода)*. Дополнение это сделано в одной части совершенно механически: говорю о распределении шести сыновей⁶. В Корсунской легенде перечень жен Владимировых был, быть может, несколько полнее: кроме Рогнеды, «юже посади на Лыбеди», Чехини, Болгарыни⁷, были названы, быть может, еще несколько жен по месту их происхождения.

§ 96. Перед отрывком о блудной жизни Владимира в Начальном своде читаем об идолопоклонстве Владимира; перечисляются поставленные им идолы: «и жряху имъ, наричюще ихъ богы, и привожаху сынови свои и дщери и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими; и осквернися земля Руская кровью и холмъ тѣй. Нъ преблагый Богъ, не хотя смерти грѣшникомъ: на томъ холме ныне церкви стоитъ, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ». Ряд данных наводит на мысль, что в Корсунской легенде было сообщено об идолопоклонстве Владимира; ср. в начале обычного жития Владимира: «сии князь Владимиръ сынъ Святославль отъ племени Варяжска, первое къ идоломъ много тѣшание творя ». Вследствие этого имеем некоторое основание предполагать, что приведенное место Начального свода заимствовано из Корсунской легенды. Обращаю внимание на явную вставку этого места: она обнаруживается словами «якоже послѣди скажемъ». Вставка обнаруживается еще и тем, что текст этого места искажен вследствие пропуска, вследствие того, что первоначальный текст внесен в Начальный свод не целиком; а именно после слов «Нъ преблагый Богъ, не хотя смерти грѣшникомъ» никак нельзя ожидать того продолжения, которое находим теперь: подлежащее «Бог» осталось без сказуемого. Не отрицаю возможности того,

6 Следовательно, нельзя придавать никакой цены указанию на то, что Борис и Глеб рождены от Болгарки, Святослав и Мстислав — от Чехини.

7 Неясно, была ли названа Грекия: быть может, ее вставил Начальный свод, для того чтобы согласовать с тем, что он выше сообщил о рождении Святополка.

что об идолопоклонстве Владимира сообщалось и в Древнейшем своде, источнике Начального свода, но думаю, что в нем говорилось об идолопоклонстве в самых общих чертах. Думаю, что Древн. свод ограничивался указанием: «и постави кумиры на ХОЛМЕ вне двора теремнаго». В подтверждение ссылаюсь на рассуждения, изложенные ниже, в § 104, из которых следует, что непосредственно за этими словами сообщалось о жертвоприношениях, устроенных Владимиром, причем были замучены Варяги-христиане.

§ 97. Итак, определяя места, которые можно возвести в Начальном своде к Корсунской легенде, указываем прежде всего на два отрывка, рассмотренные выше, в статье 6488 (980) года. Следующею статьею, где возможны заимствования из этой легенды, является статья 6496 (988) года, под которым рассказывается о походе Владимира на Корсунь и о крещении его в Корсуне.

Определение, что именно в этой статье Начального свода восходит к Корсунской легенде, а что к Древнейшему своду, представляется затруднительным, потому, что и Древнейший свод, как об этом свидетельствует Память, и похвала Владимиру, сообщали о походе Владимира на Корсунь на третье лето по крещении, причем взятие Корсуни и в Древнейшем своде сопровождалось, по-видимому, рассказом о женитьбе Владимира на греческой царевне. Займемся сначала рассказом об осаде Корсуни. С полной вероятностью можно думать, что Корсунская легенда рассказывала о ней так же, как житие Владимира особого состава (Плигинский сб.). Осада ведется Владимиром с моря; варяг Жьдберн пускает из Корсуни стрелу, на которой написано, как взять город, как заставить его сдаться; надо перекопать путь, которым с суши доставляется в Корсунь провиант; Владимир слушается совета, город по истечении трех месяцев сдается. Следовательно, то место летописной статьи, где говорится, что Владимир стал «объ онъ полъ града въ лимени, въдале града стрелище едино», должно быть возведено к Корсунской легенде. Напротив, слова «Володимеръ же обьстоя градъ», явно несогласованные и противоречащие предшествующему указанию, мы возведем к Древн. своду, ибо в нем сообщалось, что осада велась с суши. За этими словами читаем: «изнемогаху въ граде людье». Это не у места в рассказе Корсунской легенды, ибо в ней несколько ниже Жьдберн объясняет Владимиру, что ему не истомить граждан голодом, в виду того, что провиант доставляется в город сухим путем*. Но в Древн. своде, говорившем о полной блокаде города («обьстоя градъ»), этим словам можно было быть и там, где мы застаем их в Нач. своде, если добавить слово «гладъмь», или заменить им слова «въ граде». «Изнемогаху» — это еще не «изнемогоша»; «изнемогоша людье водною жажею» позже, когда их лишили воды. Далее, с уверенностью относим к Древн. своду эпизод с воздвиганием земляного вала вокруг города — это свидетельствует также об осаде с суши⁸. Но вот видим в Начальном своде появление мужа Корсунянина Анастаса, пустившего стрелу с предательским советом перенять воду, которая была проведена по трубам в Корсунь. Совет, данный Анастасом, сви-

8 Об этом эпизоде см. § 236.

детельствует опять о том, что в рассказе, в котором он появился, дело шло об осаде с суши. Но самый поступок Анастаса оказывается вполне аналогичным поступку Ждьберна Корсунской легенды. Там пущенная Варягом, преданным Владимиру, стрела представляется более естественной, чем здесь, в Начальном своде: Анастас, как известно, был священником, и вряд ли уместна была с его званием стрельба из осажденного города. Считаю поэтому эпизод с пусканием предательской стрелы заимствованным в Начальный свод из Корсунской легенды; Ждьберн Корсунской легенды заменен Анастасом; замена, произошла под влиянием Древнейшего свода, где рассказывалось о совете, данном Владимиру попом Анастасом, конечно, не при помощи стрелы, а, вероятно, посредством тайного посланца. Далее читаем в Начальном своде: «Володимеръ же се слышавъ, возревъ на небо, рече: аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю». Точно такой фразы не было, по-видимому, ни в Древнейшем своде, ни в Корсунской легенде: в Древнейшем своде ее не могло быть потому, что Владимир по нему был уже крещен, а в Корсунской легенде странно было бы найти такую речь в устах Владимира, стремившегося взять Корсунь отнюдь не по каким-либо высоким побуждениям; да этой фразы и нет в житии Владимира особого состава (Плиг. сб.), вообще меньше остальных отошедшем от первоначального оригинала легенды. Думаю, однако, что в Древнейшем своде здесь была фраза, сходная с приведенною: Владимир, услышав совет Анастаса, давал какой-нибудь благочестивый обет, быть может, выстроить церковь св. Богородицы.

§ 98. Следующее за сим место о посылке Владимиром к греческим царям просить руки их сестры, как указано выше, представляется особенно трудным для анализа; трудно именно решить, восходит ли оно к Древн. своду или к Корсунской легенде. Считаю, однако, более вероятным признать это место заимствованным в Начальный свод из Корсунской легенды: во-первых, здесь выдержана та же мысль, какая положена в самое начало рассказа; Владимир собирается идти на Царьград опять для добывания невесты, как пришел именно за этим и к Корсуню; во-вторых, Владимир грозит сотворить Царюграду то же, что он сотворил с Корсунем: Начальный свод, следуя, очевидно, Древн. своду, ничего не говорит о том, что же сделал Владимир с завоеванным городом, — между тем, Корсунская легенда, как видно из жития Владимира особого состава (Плиг. сб.), говорила о жестокой расправе с князем Корсунским и поставлении в Корсуне наместником Ждьберна. Сообщение о переговорах с царями, убеждающими Владимира креститься, сообщение о прибытии царевны, о крещении Владимира после чудесного исцеления — все это восходит несомненно к Корсунской легенде. Быть может, Древн. свод ограничивался сообщением о мире, заключенном Владимиром с греческими царями, и о присылке ими в жены Владимиру их сестры. Думаю, что фраза, в которой Древнейший свод сообщал о браке Владимира с Царевной, сохранилась ниже: «Володимеръ же посемъ, поемъ царицю»; здесь «поемъ» означает: взяв в замужество, повенчавшись.

§ 99. Где же продолжение этой фразы? Непосредственно за нею читаем: «и Настаса, и попы Корсуньски, с мощи святаго Климента и Фифа, ученика

его, пойма съсуды церковныя и иконы на благословенье себе ». Думаю, что слова «и Настаса, и попы Корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его» восходят к Корсунской легенде. Ср. ниже попов Корсунских при крещении киевлян, далее сообщение об Анастасе, как заведующем Десятинною церковью, в известии о построении этой церкви: рассказ же о крещении киевлян и подробности о построении церкви св. Богородицы принадлежат несомненно Корсунской легенде. По-видимому, и Корсунская легенда и Древн. свод сообщали о взятых Владимиром из Корсуны сосудах и иконах, поэтому непосредственным продолжением приведенной фразы считаю «пойма съсуды церковныя и иконы на благословенье себе»⁹.

§ 100. Рассказ о свержении кумиров Владимиром (по возвращении из Киева) я признаю заимствованным в Нач. свод из Корсунской легенды, основываясь, во-первых, на том, что выше (§ 96) мы признали восходящим к этой легенде сообщение о поставлении Владимиром кумиров, во-вторых, на том, что памятники, примыкающие непосредственно к этой легенде, сообщают еще о свержении кумира Волоса. Впрочем, Древн. свод в общих чертах передавал об уничтожении кумиров: возвожу к нему фразу «повеле кумиры испроврещи, овы иссеши, а другыя огневи предати». В самом рассказе Нач. свода о крещении киевлян обнаруживаются как будто два источника. Так, Начальный свод говорит о крещении киевлян в Днепре, между тем Корсунская легенда, судя по обычному житию Владимира, указывала на Почайну, как на место крещения; далее в конце повторено два раза о поставлении Владимиром церквей: «И се рекъ, повеле рубити церкви и поставляти по местомъ, идеже стояху кумиры» и т. д.; а ниже: «и нача ставити по градомъ и селомъ ». Возникает вопрос, не слиты ли в описании крещения киевлян два рассказа — рассказ Древн. свода (где был, следовательно, назван Днепр) и рассказ Корсунской легенды (из нее взята, напр., первая из обеих фраз, где сообщено о поставлении Владимиром церквей). В пользу предположения о том, что некоторые части рассказа о крещении киевлян восходят к Древн. своду, приведу еще текст сетования дьявола: «еде бо мняхъ жилище имети, яко еде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдущѣ Бога». Мы видели выше, что подобное же указание на то, что на Руси не было апостолов, высказано Нестором в его Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба. Следовательно, ему уместно было быть и в Древн. своде, источнике Несторова сказания.

Что касается сообщения об отдаче Владимиром детей в учение книжное, то оно восходит, вероятно, к Древн. своду. Равным образом считаю вероятным, что к тому же своду восходят и благочестивые рассуждения по поводу крещения¹⁰.

§ 101. К Корсунской легенде составитель Начального свода возвращается ниже в сообщении сначала о закладке, а потом и о постройке Десятинной церкви: здесь опять встречаем Анастаса и попов Корсунских; кроме

9 Сообщение о постройке церкви в Корсуне вставлено, см. § 236.

10 Слова «Си бо не беша преди слышали словесе книжного» ср. у Нестора: «никто же бо имъ проповедалъ слова Божия».

того, Корсунская легенда, возникшая сама при Десятинной Церкви¹¹, сообщила о даровании Владимиром этой церкви десятины; но об этом читалось, по-видимому, и в Древн. своде, который пользовался особым письменным источником, более древним, чем Корсунская легенда, — краткою статьей об основании церкви св. Богородицы Десятинной (ср. § 259). Сообщение о передаче в церковь всего взятого Владимиром в Корсуни может восходить к Корсунской легенде.

§ 102. В противность указаниям, сделанным мною раньше в исследовании «Корсунская легенда о крещении Владимира», я теперь в следующих за тем статьях Начального свода не вижу заимствований из этой легенды. Говорю прежде всего о статье 6504 года. Вторая половина ее является характеристикой Владимира. Мы видели, что Несторово сказание о Борисе и Глебе пользовалось ею. Это доказывает, что характеристика восходит к Древн. своду. Упомяну еще и о похвале Владимиру, а именно, о том первоначальном виде, который она имела в Начальном своде (ср. выше). И ее я возвожу теперь к Древн. своду, имея в виду отчасти некоторое сходство этой похвалы с похвалой Ольге, несомненно известною составителю Древн. свода, а потому предположительно послужившею для него образцом¹². Отмечу кроме того, что сравнение Владимира с Константином имеется и у Нестора, который, быть может, заимствовал, его из Древн. свода («се втори Костянтинъ в Руси явися»).

§ 103. Определив, таким образом, в общих чертах, что в статьях Начального свода, относящихся к Владимиру, может быть возведено к Корсунской легенде, рассмотрим теперь эти статьи еще раз по порядку, для определения, какие части их могут восходить к Древн. своду.

Начнем с статьи 6488 (980) года. Начало статьи — эпизод с Рогнедой, как будет, указано ниже (§ 118), не читался в Древн. своде, а заимствован в него из Новгородского владычного свода; равным образом вторая половина статьи, начиная с рассказа о поставлении кумиров, восходить, как мы видели, не к Древн. своду, а к другим источникам.

Статьи 6489 и 6490 не обращают на себя особенного внимания, хотя вероятно, что сообщение о втором походе Владимира на Вятичей возникло вследствие пользования Новгородским сводом, где так же, как в Древн. своде, было упомянуто (но в иных выражениях) о покорении Вятичей Владимиром.

§ 104. Статья 6491 содержит в начале, заметку о покорении Ятвягов: ее мы относим к Древн. своду. Засим идет явно пристегнутый к предыдущему рассказ о первых мучениках христианских. Не подлежит сомнению,

11 Ср. «Корсунская легенда о крещении Владимира», с. 60.

12 Непосредственно за словами: «схраниша тело его с плачемъ, блаженаго князя» читаем: «Се есть новый Костянтинъ великого Рима». А выше в рассказе об Ольге: «сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущая крестьянстей земли, аки деньница предъ солнцемъ». Ниже: «сего бо память держать Русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляютъ Бога» и т. д.; ср. об Ольге: «сию бо хвалить Ру-стии сынове аки начальницу... Се бо вси человеци прославляютъ (Бога), видяще (ю) лежащую в теле на многа лета».

что рассказ этот составлен не летописцем; в более полном виде мы читаем его в прологе (под 12 июля), причем в проложной статье указано имя младшего Варяга — Иоанна; можно с уверенностью думать, что в первоначальной редакции этого рассказа был назван и старший Варяг — Туры¹³. Вопрос, подлежащий нашему разрешению, сводится к тому, кто включил этот рассказ в летопись — составитель Начального свода или еще составитель Древн. свода. Я считаю, что последний, и притом на основании того, что в некоторых других местах Древн. свода обнаруживаются следы пользования этим рассказом о первых мучениках. Так в особенности важно для нас сопоставление следующих слов Варяга со словами, вложенными составителем Древн. свода в уста немецким проповедникам, пришедшим к Владимиру. Варяг говорит: «не суть то бози, но древо... а Богъ есть единъ, емуже служатъ Грьци и кланяются, иже створилъ небо и землю, звезды и луну, и солнце и человека... а си бози что сделаша? сами делани суть». Немцы говорят Владимиру: «кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звезды, месяц и всяко дыханье, а бози ваши древо суть». Зависимость последних слов от речи Варяга очевидна; немцам незачем было переходить в обличение «а бози ваши древо суть», а между тем в этом обличении вся суть речи Варяга. Далее отмечу сходство слов, которыми выражается сетование дьявола при крещении Руси (§ 100), с рассуждениями составителя рассказа о первых мучениках. Мы читаем в нем: «Тако бо тѣашеся погубити родъ хрестѣаньскій, но прогонимъ бѣше хрестомъ честнымъ и в иныхъ странахъ; еде же мнѣшеся оканьный: яко еде ми есть жилище, еде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли... Аще и теломъ апостоли не суть сѣе были, но ученья ихъ аки трубы гласѣхъ по вселеней в церквахъ, ихже ученьемъ побежаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози », и т. д. Ср. в размышлениях, помещенных после рассказа о крещении Киевлян: «А дьяволъ стѣня глаголаше: увы мне, яко отсюда прогонимъ есмь! еде бо мнѣхъ жилище имети, яко еде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога... не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ ». Ясно, что размышления после крещения составлены под влиянием размышлений в рассказе о первых мучениках: в последнем ясно проведено противопоставление между иными странами (где проповедано слово Божие апостолами) и Русью (где апостолов не было), между тем как в размышлениях после крещения такого противопоставления нет и упоминание о «странахъ сихъ » является не вполне ожидаемым. Кроме того, можно думать, что и дальнейшее содержание статьи о крещении составлено под влиянием рассказа о мучениках. Как видно из только что приведенных слов этого рассказа, дьявол побеждается раздающимся в церквах учением апостольским. Сообразно с этим Владимир, испросив в молитве о том, чтобы Бог дал новым людям своим «уведети истиннаго Бога, якоже уведеша страны хрестѣаньскыя» (ср. об этих странах, изгнавших от себя дьявола, в рассказе о мучениках) и чтобы Он даровал помощь

¹³ Сошлемся на нашу заметку «Как назывался первый русский христианский мученик?» (Известия Акад. Наук, 6 серия, 1907 г.).

для победы над супротивным врагом, повелевает, во-первых, строить ц е р - к в и, а во-вторых, отдавать детей на у ч е н и е книжное. Итак, заключаем, что составитель Древн. свода знал рассказ о первых мучениках и включил его в свой труд, подобно как выше он включил в него повесть о крещении и кончине Ольги. Выше в § 11 приведены соображения, заставляющие предполагать, что рассказ о св. мучениках был в Древн. своде помещен непосредственно за рассказом о вступлении Владимира на стол.

Статья 6492 года не обращает на себя особенного внимания и может быть возведена к Древн. своду. О статье 6493 года, где главным действующим лицом является Добрыня, скажем ниже в главе, посвященной заимствованиям Начального свода из Новгородского свода.

§ 105. Статья 6494 года, содержащая сначала рассказ о прибытии к Владимиру посольств с предложением избрать веру, а потом речь греческого философа, восходит, как мне кажется, целиком к Древн. своду. Как указано выше, Древн. свод крещение Владимира ставил в связь с проповедью греческого миссионера, которого он, как увидим ниже (§ 174), называл Кириллом. Убежденный красноречием проповедника, а также картиной страшного суда, услышав последние слова философа: «аще хочещи одесную съ праведниками стати, то крестися», Владимир по первоначальному замыслу рассказчика, введшего философа в качестве проповедника, конечно, изъявлял согласие креститься; а этим рассказчиком был составитель Древн. свода. Составитель последующего — Начального — свода изменил соответствующее место под влиянием Корсунской легенды, полагавшей крещение в Корсуне, а не в Киеве. Для этого Владимиру вложен уклончивый ответ, а под следующим годом сообщено об его совещании с боярами и старцами, которым он излагает вкратце то, что сообщено выше, и спрашивает их совета; по совету бояр и старцев Владимир посылает посольство для испытания вер, которое, вернувшись из поездки к болгарам, немцам и Грекам, представляет отчет перед Владимиром, старцами и боярами. Бояре советуют Владимиру принять греческую веру, ссылаясь при этом на пример Ольги. Владимир, очевидно, согласившись с ними, спрашивает, где же, в каком месте принять крещение. Бояре отвечают: «ГДЕ ТИ любо». Через год, — продолжает Начальный свод, — Владимир пошел походом на Корсунь. Трудно сомневаться в том, что вся статья 6496 года составлена редактором Начального свода с прямою целью перейти от беседы Владимира с философом к походу на Корсунь, где состоялось крещение. Отказ Владимира последовать приглашению философа креститься надо было мотивировать его колебаниями и сомнениями; это и выражено, как в совещании Владимира с боярами и старцами, так и в посылке мужей добрых и смысленых для согляданья вер. Но сомнения и колебания Владимира должны пасть под влиянием, с одной стороны, отчета вернувшегося посольства, а с другой — мудрого совета бояр и старцев; тем не менее Владимир не сдается. Это обстоятельство потребовалось опять мотивировать: в ход пускается прежнее объяснение — Владимир сомневается и колеблется, но на этот раз его волнует вопрос не о том, какая служба более угодна Богу, а о том,

где принять греческую веру. Старцам и боярам не дано в этот раз рассеять сомнений Владимировых; они отвечают: «ГДЕ ТИ любо », и это развязывает автору руки — он переходит к описанию похода на Корсунь, где, по утверждению его авторитетного источника. (Корсунской легенды), произошло Владимирово крещение.

§ 106. Полагая, таким образом, что с т а т ь я 6 4 9 5 года придумана с о с т а в и т е л е м Начального свода, мы, тем не менее, признаем вероятным, что элементы, в ней содержащиеся, заимствованы из источников Начального свода. В статье «Корсунская легенда о крещении Владимира» высказано предположение, что в первоначальной редакции этой легенды Владимир посылал испытать веры из Корсуни, когда греческие цари предложили ему креститься; ср. в ответе, данном Владимиром царям: «яко азъ крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любавира ваша и служение, еже бо ми споведаша послании нами мужи». Остается и теперь при этом предположении, но думаю, что статья 6495 года содержит и такие элементы, которые восходят к Древн. своду. Попытаюсь доказать это.

Владимир, как указано, созвав бояр и старцев, спрашивал их совета относительно того, как отнестись к сделанным ему с разных сторон предложениям. О предложениях болгар, немцев и жидов он только упоминает; очевидно, что он не одобряет их веры. Напротив, на предложении греков он останавливается подробно: отмечает отрицательное отношение их к другим верам («хуляще вси законы, а свой хваляще»), сообщает о длинной речи их, где они говорили от начала миру, о бытии всего мира; при этом Владимир высказывает свое удовольствие по поводу этой речи («суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ»); наконец, передачу своей беседы с греками Владимир заключает словами: «и другий светъ поведають быти: да аще кто, дееть, в нашу виру ступить, то паки, умерь, встанеть, и не умрети ему в веки; аще ли во инъ законъ ступить, то на ономъ СВЕТЕ в огни горети». Оказывается, что Владимир неточно передал слышанное им от философа, которого он не называет, употребляя более общее выражение «Греци»; философ не произносил тех слов, что приписал ему Владимир. Трудно, однако, предположить, чтобы они были придуманы составителем статьи 6495 года, т. е. редактором Начального свода. Гораздо вероятнее, что он действительно извлек их из конца беседы Владимира с философом, переданной им неточно, в сокращении. Философу было вполне уместно произнести подобные приведенным слова, когда он объяснял Владимиру картину Страшного суда. А редактор Начального свода, заметивший, что списываемый им источник (Древнейший свод) приведет его к отвергнутой им развязке (крещению Владимира в Киеве), начал сокращать его именно с момента объяснения Владимиру этой картины. Но, сократив беседу философа при объяснении картины, он воспользовался выпущенными местами при составлении статьи 6495 года. Итак, вот один из элементов Древн. свода в составе статьи 6495 года.

Владимир оканчивает свою речь к боярам и старцам следующим вопросом: «Да что ума придаете? что отвещаете?» Мы видели, что бояре и старцы в ответ на это советуют ему послать мужей испытать чужие веры или точнее, «кто како служить Богу». Выходит так, что «закону» противоплагается «служба»; греческий «закон» одобрен князем, против него не возражают и его советники; но последние советуют испытать еще «службу», т. е. обрядовую сторону. Никто не станет возражать против того, что такой ответ бояр и старцев на поставленный Владимиром вопрос совершенно неуместен; впрочем, смысл его опровергается тотчас же тем поручением, которое дано было с самого начала посольству: «идете первое въ Болгары и и с п ы т а й т е в е р у ихъ» (а не «сгылядите службу ихъ»). Не такого ответа мог ждать от своих советников Владимир, который еще раньше отверг предложения болгар, немцев и жидов и который только что подтвердил свое отрицательное к ним отношение. Владимир ставит боярам и старцам определенный вопрос о греческой вере, о греческом законе; он ждет от них совета, принимать ли именно эту веру или нет? Бояре и старцы не могли уклониться от ответа ссылкой на необходимость испытать службу болгар, немцев, жидов и греков. Для меня очевидно, что по первоначальному замыслу рассказчика ответ бояр и старцев должен был быть иной. Ставлю вопрос, не сохранился ли этот первоначальный ответ их ниже, где читаем: «Отвещавше же бояре рекоша: аще бы лихъ законъ Греческий, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бе мудрейши всехъ человекъ»>>? На этот вопрос отвечаю утвердительно: во-первых, останавливаюсь на слове «отвещавше». Приведенные слова читаются вслед за отчетом вернувшегося в Киев посольства. Кому же отвечают бояре, когда никто не задает им вопроса? Владимир не сделал по этому отчету ни одного замечания и не обращался с вопросом к собранной дружине. Кому же и на какой вопрос отвечают бояре? Ясно, что на прежний, приведенный выше вопрос Владимира «Да что ума придаете? что отвещаете?» Следовательно, необходимо соединить вопрос с ответом и признать как совет бояр и старцев снарядить посольство, так и дальнейший рассказ о посольстве вставкой. Во вторых, бояре в своем ответе говорят о з а к о н е Греческом; но именно о законе и спрашивал их раньше Владимир; между тем, мы видим между вопросом о Греческом законе и ответом относительно него же рассказ об испытании служб, ибо и посольство в своем отчете сообщало исключительно о том, кто как служит. Следовательно, и в этом обстоятельстве видим доказательство того, что за вопросом Владимира должен был следовать непосредственно приведенный выше ответ бояр.

Таким путем мы подходим к предположению, что рассказ о созыве Владимиром совещания, окончившегося советом, данным боярами Владимиру — принять закон Греческий, подвергся вставке: в него вставлен эпизод с посылкой мужей для испытания служб. Этот эпизод, как указано, мы возводим к Корсунской легенде, а рассказ о совещании Владимира с боярами и старцами относим поэтому к Древнейшему своду. В Древн. своде этот рассказ имел иной смысл, чем тот, который придал ему редактор Начального свода.

В Древн. своде Владимир не отвечал философу «пожду еще мало», желая испытать о всех верах (которые он уже испытал и отверг, за исключением Греческой); он отвечал, по-видимому, философу, что должен посоветоваться с дружиною¹⁴. Созвав ее, он ставит ей определенный вопрос о Греческом законе и получает определенный и притом утвердительный ответ. Таким образом, созревшее во Владимире под влиянием беседы с философом решение находит себе подкрепление в совете, данном дружиной. Такой ход рассказа представляется естественным и целесообразным, в особенности если примем во внимание, что за согласным решением князя и дружины последовало, по сообщению Древн. свода, всенародное крещение.

Таким образом нам приходится несколько изменить предложенное выше объяснение происхождения статьи 6495 года. Редактор Начального свода пожелал усмотреть в обращении Владимира к боярам и старцам за советом доказательство его сомнений и колебаний; последние же не только не рассеивают их и не борются с ними, а напротив, усиливают их фразой «веси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить», фразой, явно направленною против Греков (хуливших все законы, а свой восхвалявших). Логическим следствием такой точки зрения является новая проверка служб и веры, проверка на местах. Итак, смысл статьи 6495 года — оттянуть принятие веры до взятия Корсуня, но она далеко не вся сочинена, придумана; в ней только своеобразно скомбинированы данные обоих источников Начального свода.

§ 107. В Древнейшем своде за совещанием князя с боярами и старцами следовал рассказ о крещении Владимира, его сыновей и дружины и затем рассказ о крещении всего народа. К крещению Владимира относилось в Древн. своде еще наставление в вере, преподанное Владимиру. Философ, обративши Владимира, не мог оставить его без подобного наставления. Возвожу поэтому наставление в вере (в чем оно состояло, скажу ниже) к тому же источнику, откуда взята Речь философа.

Что же это был за источник? Как мною было уже высказано в печати¹⁶, таким источником следует признать не дошедший до нас рассказ о крещении Болгарского царя Бориса от греков. Легенда о том, что Борис был обращен в христианство видом картины страшного суда, была очень распространена; она перешла и в византийские хроники и сказания¹⁷. Не подлежит сомнению, что и она и все предание о крещении Бориса воплотились в самой Болгарии в письменный памятник. А это делает вероятным, что обсто-

14 Ср. опасения Святослава: «како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смеяться начнуть».

15 Ср. слова Киевлян, приглашенных Владимиром креститься: «<<аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли».

16 «Один из источников летописного сказания о крещении Владимира». Отг. из сборника в честь М. С. Дринова.

17 Напр., у Скилиция (Кедрин II, 152—153, Боннск. изд.), продолжателя Феофана (ed. Bonn. 162—165), Симеона Логофета. Ср. свод известий в труде М. Соколова, Из древней истории болгар. СПб., 1879, приложение.

ательства крещения Бориса и литературная обработка их стали известны и у нас на Руси. Быть может, не очень произвольно будет предположение, что составитель Древнейшего свода был знаком с историей крещения Бориса по тому самому болгарскому летописцу, о котором мы говорили выше и из которого почерпнуты им статьи, относящиеся к походу Святослава на Болгарию и на греков. Подтверждение такому предположению я вижу в том обстоятельстве, что философ греческий в Древн. своде назван был Кириллом (доказательства представим ниже, § 174), а между тем, обращение Бориса связывалось именно с именем первоучителей славянских. Греческая версия болгарской легенды упоминает о Мефодии, но болгарский источник мог говорить и о Кирилле. Ср. в статье о переложении книг на славянский язык (попавшей в Повесть вр. лет): «Костянтинъ же възвратися въспясть и иде учить Болгарьскаго языка». Ср. также указание на Кирилла и Мефодия, как просветителей Бориса, в житии Климента. Другим подтверждением считаю влияние рассказа о Борисовом крещении на текст церковного устава Владимира; во всех редакциях его сообщается, что Владимир принял крещение от патриарха Фотия, что является вопиющим анахронизмом, легко, однако, объяснимым, если вспомним, что Фотий действительно крестил Бориса. Итак, допустив вообще возможность влияния памятников Борисова крещения на памятники крещения Владимира, мы вправе признать, что это влияние сказалось и в древнейшей летописной версии о Владимировой крещении.

§ 108. Я не сомневаюсь в том, что великое событие это сосредоточивало на себе напряженное внимание последующих поколений русских людей; не сомневаюсь, поэтому, в возможности появления своей, оригинальной, независимой от болгар повести о крещении Владимира и земли Русской. И эта повесть была бы, конечно, компилятивною уже в силу того благочестивого и серьезного к ней отношения, которого требовал самый предмет. Но самостоятельная повесть была бы скомпонована удачнее: великие усилия греческого философа, его замечательная проповедь, его демонстрация картины страшного суда не потерпели бы неудачи, а привели бы к положительному результату. Правда, такой положительный результат и представляла, по только что высказанному предположению, древнейшая версия повести, повесть о Владимире в Древн. своде. Это верно — но тот факт, что древнейшая версия сменилась другой, что она была окончательно вытеснена этой другой версией, что составитель Начального свода решительно возражал против тех, кто полагал крещение Владимира в Киеве или Василеве, следовательно, от греческого философа, этот факт — говорю я — свидетельствует самым красноречивым образом в пользу того, что древнейшая версия находила себе опору не в народных воспоминаниях, не в устных преданиях и церковных легендах, а в книжной, искусственной комбинации. Помнили русские люди, что Владимир крестился в Киеве и что поход на Корсунь предпринят им уже после крещения; но как, при каких обстоятельствах, под влиянием чего произошло крещение — все это было забыто; пришлось строить здание на песке, пришлось прибегнуть к заимствованиям, к

аналогиям. И все это здание, как видим, рухнуло под напором другой, более живучей и благодарной легенды, которая соединила факт крещения Владимира с фактом победы над греками, взятия их города, появления в Киеве корсунских попов и священных предметов, прибытия туда Анны царевны. Вот то внутреннее основание, которое заставляет видеть в речи философа и вообще во всей его беседе с Владимиром нечто чуждое, заимствованное. Внешние основания — анахронизм в имени философа Кирилла и аналогичное влияние других памятников болгарского крещения на памятники русские — указаны выше.

§ 109. Итак, Речь философа и беседы его с Владимиром — произведения болгарской литературы. Философу, обратившему Владимира в веру, естественно было преподавать ему и символ веры. Действительно, мы читаем в Начальном своде вслед за сообщением о крещении Владимира в Корсуне: «Крещену же Володимеру, предаша ему веру крестьяньску, рекуще сице: да не прельстятъ тебе неции отъ еретикъ, но веруй, сице глаголя », и т. д. Не сомневаюсь в том, что эти слова читались в Древн. своде вслед за сообщением о крещении Владимира в Киеве, и что те же слова находились в болгарском рассказе о крещении Бориса. Но является вопрос, что же следовало за ними? В Начальном своде читаем: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли, до конца Веру сию. И паки: верую въ единого Бога Отца нерожена, и въ единого сына рожена... Верую же и седми сборъ святыхъ отецъ... 7-й сбор в Никии отецъ 300 и 50 прокляша иже ся не поклонятъ иконамъ». Непосредственно за этим: «Не приимай же ученья от Латынь, ихъже ученье разъвращено... прашаютъ же грехи на дару, еже есть злее всего. Богъ да схранитъ тя отъ сего ». Итак, в Начальном своде сообщено, что Владимиру преподаан, во-первых символ веры, начинающийся словами «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли», во-вторых, другой символ веры, начинающийся словами «Вірую во единого Бога Отца нерожена» и, наконец, ему же преподаано наставление против Латынян. Вероятно, что в первоначальной редакции читалось не так; в ней помещался, конечно, только один из обоих символов; в ней вряд ли имело место то наставление, что находим в Начальном своде. Думаю, что и в Древнейшем своде не было последних двух статей, т. е. второго символа и полемической статьи против латынян. Текст Древн. свода подвергся переработке составителя Начального свода, который заменил находившуюся в Древн. своде редакцию символа другою редакциею; кроме того, им же внесена полемическая статья против латынян. Чем руководствовался составитель Начального свода, заменяя одну редакцию символа другою, сказать трудно; в настоящее время мы знаем, благодаря Н. К. Никольскому¹⁸, текст той редакции символа, которою воспользовался составитель Начального свода; эта редакция имеет полуарианскую окраску, ибо говорит о подоб-

¹⁸ Материалы для истории древнерусской письменности. СПб, 1907, с. 5—8, 21—24 (отт. из Сб. Отд. р. яз. и ел.).

носущей Троице, вм. единосущной¹⁹. Думаю, что у составителя Начального слова были соображения скорее литературные, чем религиозные; он хотел дать более обширную статью, вместо краткой и всем известной статьи, содержащей никео-цареградский символ веры. Это доказывается и тою переработкой, которой он подверг конец символа, вписанного им в свод, конец, где говорится о соборах. Сравнительно с текстом символа, обнаруженного Никольским, та часть, где говорится о соборах, сильно распространена, а именно указана цель, задача каждого из соборов. Источником распространения и дополнения символа в этой части надо признать Палею хронографическую; на ближайшую связь ее с летописной статьей было в свое время указано А. С. Павловым. Мы знаем, что та же Палея хронографическая или тот же хронограф, в котором была помещена Палея, был источником Начального свода и в других частях его; это усиливает нашу уверенность в том, что вообще вся рассматриваемая часть летописной статьи 6496 года составлена редактором Начального свода. За символом веры, распространенным, следовательно, по хронографической Палее, находим полемическую статью против латынян: значительная часть и этой статьи должна быть возведена к Палее, как показал в свое время Павлов; а именно перечень участников семи соборов и заключительные заметки о Петре Гугнивом заимствованы Начальным сводом из Палеи. Относительно же первой части этой полемической статьи возможно задаться вопросом, не является ли она извлечением из более обширного полемического трактата? Мы не можем останавливаться здесь на этом вопросе и оставляем его открытым. Но думаем, что самая мысль дать при исповедании веры полемическую статью против латынян возникла у составителя Начального свода под влиянием Древн. свода, а в последнем полемическая статья против латынян могла появиться под влиянием его болгарского источника, которым он руководствовался, излагая крещение Владимира. — Резюмируем наше исследование и наши предположения. В Древн. своде, под влиянием болгарского сказания о крещении Бориса, вслед за крещением Владимира сообщалось о преподанном ему наставлении в вере: наставление это состояло в никео-цареградском символе веры и в полемической статье против латынян, вышедшей, быть может, из-под пера патриарха Фотия²⁰. Составитель Начального свода, упомянув о никео-цареградском символе, привел текст другого символа; вместо полемической статьи болгарского про-

¹⁹ Ср. у И. К. Никольского, там же, с. 7. — А. С. Павлов в отзыве своем о сочинении А. Н. Попова о полемических сочинениях против латынян заметил: «Да и само по себе невероятно, чтобы греческое духовенство, вместо или сверх обязательного при крещении никео-цареградского символа веры, преподавало новопросвещенному русскому князю исполненное догматических тонкостей исповедание веры, которое, судя по своей редакции, предназначено было для произнесения рукополагаемым в епископы» Отчет о 19-м присужд. наград гр. Уварова, с. 195.

²⁰ Ср. пастырское послание, отправленное Фотием к Борису вскоре после крещения последнего; в нем он излагал сущность христианской веры и нравственности: между прочим в нем дается символ веры, излагается история вселенских соборов. Ср. изложение послания в названном выше труде М. И. Соколова, с. 177 и сл.

исхождения дал другую статью, извлеки ее, быть может, из более обширного трактата; наконец, как символ в конце, так и полемическая статья против латынян дополнены по хронографической Палее или по Хронографу, из которого произошла эта Палея.

§ 110. Таким образом, мы указали, что в статьях 6494, 6495 и 6496 гг. может быть возведено к Древн. своду. К нему возводим почти всю статью 6494 (кроме, однако, последних строк), начало и окончание статьи 6495 (кроме последних строк), значительную часть статьи 6496, а именно начало (но не все, ибо и в него внесены элементы из Корсунской легенды), упоминание о преподавании Владимиру наставления в вере, далее благочестивые размышления после крещения.

За этими размышлениями в Повести вр. лет следует фраза: «Володимерь проскещень самъ, и сынове его, и земля его. Бе бо у него сыновъ 12 », и т. д.; в Начальном своде ей (судя по Новг. 1-й) соответствует: «Володимерь же просвещень самъ и сынове его с нимъ 12, ихъже имена», и т. д. Затем и в Повести и в Начальном своде следует перечень Владимировых сыновей. Фраза эта ни в редакции Новгор. 1-й, ни в редакции Повести вр. лет неясна: в последней она оборвана и не имеет продолжения; в редакции же Новгор. 1-й она была бы понятна, если бы при «сынове» было вставлено, напр., «крестишася », хотя все-таки первая половина фразы оказывалась бы несогласованною с ее продолжением; можно бы ждать «Володимиру же просвещену самому». Думаю, что необходимо признать, что за словами «Володимерь же просвещень» следовало в первоначальном тексте какое-нибудь сказуемое. Сопоставляя эти слова со словами «Просвещена же бывъши, радовашеся душею и тѢЛОМЪ » в рассказе о крещении Ольги, предполагаю, что в рассказе о крещении Владимира, непосредственно за сообщением о его крещении и преподавании ему наставления в вере, следовала фраза: «Володимерь же просвещень былъ, радовашеся душею и теломъ»²¹. А за этой фразой следовало сообщение о крещении его сыновей: «И крестишася съ нимъ сынове его, ихъже имена»; затем перечислялись имена сыновей Владимира. Далее говорилось о крещении Киевлян. Составитель Начального свода, перенеся крещение Владимира в Корсунь, выпустил сообщение о крещении его сыновей. В конце статьи 6496 года он восполнил свой пропуск, передав в искаженном и сокращенном виде текст Древнейшего свода.

§ 111. Объясняя таким образом появление перечня сыновей Владимира в рассматриваемом месте Начального свода, приходим к выводу, что дальнейший отрывок, где говорилось о распределении волостей между сыновьями Владимира, составлен самим редактором Начального свода, что этого отрывка не было в Древн. своде. Действительно, ему было бы неуместно быть в Древн. своде за перечнем сыновей Владимира, ибо этот перечень читался в рассказе о крещении Владимира, его сыновей и Киевлян. Выше, в исследовании сказания о Борисе и Глебе я приходил к тому же выводу, что сообщение о распределении волостей между сыновьями Вла-

²¹ Ср. под 6504 фразу: «Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѢломъ».

димира носит следы позднейшей редакционной работы. Ниже увидим, что толчком к составлению этого сообщения было соответствующее известие Новгородского владычного свода о том, что в Новгороде был посажен Вышеслав, а по смерти Вышеслава в Новгороде сел Ярослав.

§ 112. За сообщением о распределении волостей читаем: «И рече Володимеръ: се не добро еже мало городъ около Киева. И нача ставити города по Десне », и т. д. Думаю, что нет основания не возводить этого отрывка к Древн. своду. Но странно звучит его начало. Не говорилось ли перед ним о походе Владимира к порогам (против Печенегов), т. е. о том самом походе, о котором сообщает Память и похвала Владимира?

О том, что статья 6497 о закладке церкви св. Богородицы восходит к Корсунской легенде, было указано выше, но там же было замечено, что и в Древн. своде содержалось соответствующее известие.

Статью 6499 о закладке Белгорода можно без колебаний возвести к Древн. своду. Под 6500 сообщение о походе Владимира на хорватов²² также должно быть возведено к Древн. своду.

§ 113. Сообщение об окончании церкви св. Богородицы восходит, как кажется, к особой статье, сообщавшей об освящении св. Богородицы (12 мая) и содержавшей известие о даровании этой церкви десятины; та же статья послужила источником и для Корунской легенды, ср. особую статью об этом в прологе, под 12 мая. Последующий рассказ о нападении Печенегов на Василев, о чудесном спасении Владимира, об его обете поставить церковь св. Преображения в Василеве, об исполнении этого обета и праздновании в Киеве дня Успения св. Богородицы — весь этот рассказ представляется как будто не вполне ясным с хронологической точки зрения. Освящение Десятинной церкви имело место 12 мая²³, под которым мы его находим в прологе; сообщение под тем же годом об освящении церкви св. Преображения в Василеве указывает два момента: первый спасение Владимира от Печенегов и данный им обет, второй — освящение церкви св. Преображения; первый момент относится ко дню 6 августа, как показано в летописи («бе бо въ ть день Преображенъ Господне, егда си бысть свча»); второй момент относится также к 6 августа, ибо в летописи сказано, что Владимир, праздновав в Василеве дней 8, вернулся в Киев к празднику Успения св. Богородицы (15 августа). Следовательно, оба момента относятся к двум, вероятно, соседним годам, а не к одному, как сообщает Начальный свод. Весьма вероятно, что первый момент — чудесное спасение Владимира относится к 6 августа 6502 года, а второй момент к 6 августа 6503 года. Церковь св. Преображения была освящена в тот же год, что церковь Десятинная, и это дало основание летописцу соединить их освящения в одной статье. Но если он, сообщая о праздновании освящения церкви св. Преображения, говорил о нем как об определенном моменте, является вопрос,

²² В Нач. своде читалось под этим годом только об этом походе. Рассказ об единомыслии отрока Переяслава с Печенежином вставлен в Повесть вр. лет ее редактором.

²³ Очевидно, 6503, а не 6504 года, под которым оно значится в Нач. своде, ибо 12 мая приходилось в воскресенье в 6503 году (см. § 10).

почему при описании празднества находим не аорист, а давнопрошедшее время: «и съзываетъ²⁴ боляры своя... праздновавъ князь дний 8, и възвращаетъ ся Киеву на Успенье святыя Богородица, и ту паки сотворяше праздникъ великъ, сзывая бесчисленное множество народа»? Я думаю, что формы давнопрошедшего времени заменили формы аориста под пером частью редактора Начального свода, частью же редактора Повести вр. лет, которые обобщали то, о чем Древнейший свод сообщал как о случившемся однажды, в год освящения Василевской церкви св. Преображения. Подтверждаю свою догадку тем, что рядом с приведенными фразами другие фразы сохранили формы аориста, напр., после «и съзываше боляры своя» читается «и р а з д а я убогимъ 300 гривень» (ср. выше «и створи праздникъ великъ... и убогимъ раздал именье много»). За словами: «и ту паки сътворяше (в Древн. своде читалось: сътвори) прызньникъ великъ, сзывая бесчисленное множество народа » в Повести вр. лет и Нач. своде находим: «Видя же люди хрестьяны суца, радовашеся душою и теломъ, и тако по вся лета творяше. бе бо любя словеса книжная; слыша бо единою еуан-гелье чтомо», и т. д. Совершенно очевидно, что слова «и тг::о по вся лета творяше» не находятся в связи с предшествующею им фразой; напротив, ясно, что им место за предшествующим рассказом. Ими обобщено то, что рассказано выше относительно событий 6503 года: Владимир праздновал торжественно дни 6 и 15 августа не в одном этом году, но и впоследствии. Вот смысл этих слов, оторванных от предшествующего рассказа вставкой слов «Видя же люди хрестьяны суца, радовашеся душою и тѣломъ ». Слова «и тако по вся лета творяше », как кажется, и были причиной замены аористов давнопрошедшими в предшествующем рассказе. Вставленная же перед ними фраза представляется мне составленною на основании выпущенных Начальным сводом выше, в рассказе о крещении Владимира, слов «Володимеръ же проске щень бывъ, радовашеся душою и тельмъ »(ср. § 110, где указаны основания для восстановления этих слов). Как же понять эту вставку, чем она была вызвана? Думаю, что составитель Начального свода хотел дать приличное введение той общей характеристике Владимира, которую он предложил ниже (на основании Древн. свода).

Признав конец статьи 6504 года характеристикой Владимира в Древн. своде, мы сопоставляем это наше заключение с тем обстоятельством, что в Начальном своде за словами «И живяше Володимеръ по устроенью отню и дедню»²⁵ нет более известий, относящихся собственно до Владимирова княженья²⁵, ибо ряд отрывочных известий о кончине разных членов княжеского рода можно признать заимствованными в Начальный свод не из Древн. свода, а из другого источника.

Перехожу к определению этого источника Начального свода.

²⁴ Новгор. 1-я: созва.

²⁵ В Повести вр. лет. под 6505 вставлен рассказ об осаде Белгорода Печенегами, но не подлежит сомнению, что этот рассказ, основанный на народном сказании, не читался в Нач. своде (ср. Новг. 1-ю, где его нет).

§ 114. Не подлежит сомнению, что Десятинная церковь св. Богородицы была еще Владимиром Святославичем избрана усыпальницей для членов княжеского рода. Так, в этой церкви похоронен он сам, конечно, по своему завещанию; позже в 1044 году, когда были извлечены из земли останки двух дядей Ярослава, братьев Владимира — Ярополка и Олега, эти останки были окроплены св. водою и перенесены в ту же Десятинную церковь; в 1078 году в ней похоронен в. князь Изяслав Ярославич. Весьма вероятно, что над похороненными в этой церкви были высекаемы на могильных плитах или крестах надписи с указанием года (а иной раз и дня) смерти. Думаю, что эти надписи были использованы между прочим составителем особого княжеского помянника, восходящего ко времени Ярослава и в конце XI века использованного Начальным сводом. Ко временам Владимира относились, кажется, три надписи. Первая внесена составителем Начального свода без комментария: «В лето 6508. Преставися Малъередь». Вторая надпись свидетельствовала о трех смертях*: Рогнеды в 6508, ее сына Изяслава в 6509 и внука Всеслава в 6511 и о перенесении останков их (из Полоцка, где, по имеющимся данным, жила Рогнеда с сыном Изяславом) в святую Богородицу; эта надпись комментирована в Начальном своде и изложена в нем так: «В се же (т. е. в 6508) лето преставися Рогънедь, м а т и Я р о с л а в л я . В ЛЕТО 6509.

Преставися Изяславъ, отецъ Брячиславль, сынъ Болодимерь ... В лето 6511. Преставися Всеславъ, сын Изяславль¹, внукъ Володимеръ ...² В лето 6515. Перенесени си³ в святую Богородицу». Подчеркнутые слова признаю комментарием; он ведет нас ко времени, когда имена, приведенные в надписи, нуждались в пояснении; возможно, что этот комментарий находился уже в княжеском помяннике³. Третья надпись передана, по-видимому также с комментарием: «В 6519. Преставися раба Божия⁴ Анна, царица Володимирия».

К княжескому помяннику восходит далее известие о перенесении останков Ярополка и Олега в св. Богородицу; известие это перефразирует и дополняет, вероятно, более лаконическую надпись: «Въ лето 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святыя Богородица»⁵.

Последним известием, внесенным в Начальный свод из княжеского помянника, считаю запись 6601 года: «В се же ль¹ то преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, месяца октябрия в 1 день; а погребень бысть ноябрия въ 16, в церкви святыя Богородица Десятинныя»⁶.

О четырех известиях 1054, 1056, 1058, 1063 гг., восходящих в Начальном своде к княжескому помяннику, см. ниже.

А. А. Куник в исследовании «Известен ли нам год и день смерти в. кн. Ярослава Владимировича?»⁷ обратил внимание на особенный характер некоторых из приведенных нами надписей, а также и других им подобных и предположил, что они извлечены составителем I Киевской летописи, составленной, по А. А. Кунику, около 1100 года⁸, из Княжеского Синодика или Помянника. Продолжительные размышления побудили меня принять это мнение знаменитого исследователя нашей древней истории.

А. А. Куник возводил к тому же источнику известия о рождении некоторых князей Ярославова дома. Что касается этих известий, то источником их я признаю те же припоминания, на основании которых, составлены известия политические. Поэтому решаюсь возвести их к Древн. своду.

¹ Чтение «Мьстиславль» Новг. 1-й представляется *позднейшею* ошибкой.

² Так в Новг. 1-й, а в Повести вр. лет ошибочно «святый». Позднейший свод (Новгор. 5-я) излагал это известие так: «принесени быша си въ святую Богородицу князи». * ³ Изяслав пояснен именем его сына Брячислава, умершего в 1044 году. Но, конечно, такое пояснение могло быть сделано и позже во второй половине XI в., ибо именем Брячислава Изяслав поставлялся в связь с современником — Всеславом Брячиславичем, князем Полоцким.

⁴ Так в Новг. 1-й (Нач. св.), а в Повести вр. лет «раба Божия» опущено.

⁵ Позднейший компилятор дополнил по ошибочной догадке: «въ Володимери. Ср. Ипат., Соф. 1-ю и др.

⁶ Отмечаю еще употребление глагола «преставися», а не «умьре» во всех этих надписях. Ср. «умьре» в известиях 6523, 6541, 6544, 6552, 6477 и др. ⁷ Спб. 1896. Отг. из Лет. зан. Археогр. Ком.

⁸ На чем основано это предположение, не знаю; но с ним близко совпадает мое предположение о том, что Нач. свод составлен около 1095 года.

§ 114¹. В числе источников Начального свода был текст Паремейника. Нам пришлось выше, рассматривая сказание о Борисе и Глебе (§§ 35—39), указывать на то, что паремейным чтением о Борисе и Глебе воспользовался для дополнения летописного рассказа составитель Повести вр. лет. В Начальном своде таких заимствований не было. Но, с другой стороны, имеется несколько указаний на то, что составителю Начального свода был известен Паремейник и что он пользовался им в нескольких местах своего труда. В § 74¹ нами отмечена вставка в рассказе о крещении Ольги: в этой вставке оказываются заимствования из Паремейника (Притч. I: 20—22; XIII: 20; II: 2; VIII: 17). В § 94 отмечена вставка в начале рассказа о Владимире — это рассуждение о злых и добрых женах (Пов. вр. л. под 980): оно содержит текст Притч. V: 3—6 и XXXI: 10—32; эти заимствования сделаны, очевидно, из Паремейника (вторая седмица, вторник вечер и пяток ваий вечер). В виду того, что статья 6601 (1093) года, которую, как предположено в § I⁵, оканчивался Начальный свод, ясно обнаруживает пользование Паремейником⁹, считаю себя вправе, и другие вставки из него относить на счет составителя Начального свода.

§ 114². Исходя из этих соображений, я признаю вставками в текст Начального свода еще некоторые отрывки с выписками из паремейных чтений. Так, под 6545 (1037) находим текст Притч. VIII: 12,14—17, читаемый в Паремейнике на третьей седмице в понедельник вечер. Частью на основании этого текста, частью же в виду явного отступления этого места от рассказа о Ярославе, отступления, вызвавшего затем переходную фразу: «Ярославъ же съ, якоже рекохомъ, любимъ бе книгамъ », я признаю вставкой отрывок, начинающийся словами «Велика бо бывает полза отъ ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяныю » и оканчивающийся словами «въсприемлетъ души велику ползу ». В этом отрывке содержится похвала книжному учению; она вызвана предшествующею фразою: «и списаша книги многы, имиже поучашеся вернии людье наслаждаются ученья божественаго». Мне кажется, что между этой вставкой и одним местом Предисловия к Начальному своду (ставшего предисловием к Соф. временнику) имеется известная связь. Как там, после указания на церкви, монастыри и спасающихся в них черноризцев, «ихъже ради молитвъ миръ стоитъ», читаем: «Аще бо къ святымъ симъ (испорчено в «сьи») прибегнемъ церквамъ, темъ велику ползу приимемъ души и телу», так и здесь, после указания на книги, «имиже поучашеся вернии людье наслаждаются ученья божественаго », находим отрывок, в котором читается фраза: «аще бо поищещи въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящещи велику ползу души

⁹ Среди благочестивых рассуждений мы находим в этой статье отрывок «Якоже пророкъ глаголаше: падете предъ враги вашими... тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ », содержащий текст Лев. XXVI: 17,19—20, 33, 40—41; те же отрывки из Лев. XXVI читаются в паремии на начало индикта, сиречь нового лета. Состав паремии: Лев. XXVI: 3—12,14—17,19—20, 22, 33, 40—41.

своей». Отметим, что текст Притч. VIII: 17 приведен и в указанной выше вставке в рассказе о крещении Ольги.

Под 6463 (955) годом читаем: «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учашетъ и мати креститися, и не брежаше того ни въ уши приимати»; непосредственно же за этим: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся, тому. Невернымъ бо вира хрестьяньска уродство есть», и далее следуют тексты Псал. LXXXI: 5, Ис. VI: 10, Притч. I: 24—25, 29—30. Дальше читаем: «Якоже бо Ольга часто глаголашетъ: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь. Он же не внимаше того, глаголя: како азъ хочю инъ законъ прияти единъ, а дружина сему смеяться начнуть. Она же рече ему: аще ты крестишися, вси имуть то же створити. Онъ же не послуша, творяше норovy поганьския, не ведый, аще кто матери не послушаетъ, в беду впадаетъ, якоже рече: аще кто отца ли матери не послушаетъ, то смерть прииметь. Се же к тому гнѣвашеся на матеръ. Соломонъ бо рече»; далее текст Притч. IX: 7,8. Нельзя не заметить, что мы имеем перед собою не первоначальный текст, а текст, подвергшийся вставкам и перестановкам. Так, во-первых, отметим несогласованность слов «и не брежаше того, ни въ уши приимати» с последующим «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому»; во-вторых, фраза «и не брежаше того, ни въ уши приимати» (так в Лавр., вместо чего в других списках «и не брежаше того, ни въ уши внимаше» или «приимаше») находит себе соответствие с последующею фразой: «Онъ же не внимаше того»; в-третьих, тексты Ис. VI: 10 и Притч. XIII: 20 и I: 24—25, 29—30, которые читаем между обеими приведенными фразами, отыскиваются в Паремейнике (вторая седмица, четверток утро; четвертая седмица, четверток вечер; первая седмица, вторник вечер). В виду этого отождествляю обе фразы, и вслед за «и не брежаше того» читаю «ни въ уши внимаше того, глаголя», и т. д. Отсюда следует, что вставкой должно признать и отрывок: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невернымъ бо вира хрестьяньска уродство есть, не смыслиша бо ни разумеша во тьме ходящий, и не ведать славы Господня». Но вполне очевидна связь этого отрывка с ответом Святослава: «како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смеяться начнуть»; приведенный отрывок как бы комментирует слова Святослава; поэтому предполагаю, что он читался за этими словами и вводился не словами «но аще кто хотяше креститися», а словами: «аще бо кто хотяше креститися». Следовательно, предположенная выше вставка сложилась, во-первых, из отрывка, перенесенного из дальнейшего текста (но аще кто хотяше... славы Господня), во-вторых, из заимствованных из Паремейника текстов (одебелеша бо сердца ихъ... подражаху же мои обличенья), в-третьих, из придуманной (составителем Начального свода) фразы: «Якоже бо Ольга часто глаголашетъ: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся, аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Можно думать, что составитель Начального свода, решив вставить тексты Ис. VI: 10 и Притч. XIII: 20 и I: 24—25, 29—30, увидел, что такая вставка слишком отделила бы слова Святослава от реплики Ольги («аще ты крестишися, вси имуть то же створити»); поэтому он весь текст, т. е. не только выписки из Паремейника, но

и предшествовавшие фразы, к которым их было удобно приладить, перенес выше, до начала беседы Ольги с Святославом.

За словами «аще кто отца ли матери не послушает, то смерть приимет» читаем: «Се же къ тому гневашеся на мать. Соломонъ бо рече» и далее, как указано, текст, Притч. IX, 7—8; и этот текст заимствован из Паремейника (третья седмица, вторник вечер и седмица четвертая по пасце, вторник вечер). Отсюда заключаю, что предшествующие ему слова о гневе Святослава придуманы, составителя Начального свода для того, чтобы иметь возможность внести указанное заимствование из Паремейника.

§ 114³. В конце рассказа о кончине Ольги (6477) мы читаем в Нач. своде после слов «рече бо пророк: прославляющая мя прослаблю» (1 Царств. II: 30) — «О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше» и далее текст Псал. CXI: 6—8 и затем, после слов «Соломонъ бо рече», текст Премудр. V: 15—16. Имея в виду, что последний текст читается в Паремейнике (неделя всех святых, вечер), я признаю его вставленным в летопись составителем Нач. свода и принимаю, что первоначально рассказ о кончине Ольги оканчивался текстом указанного псалма.

§ 114⁴. В статье 6504 (996) г., содержащей характеристику Владимиру, приводится ряд текстов: Матф. V: 7, Лук. XII: 33, Матф. VI: 19—20, Псал. CXI: 5 и Притч. XIX: 17. Возможно, что текст Притч. XIX: 17, читающийся в Паремейнике (понедельник вай, вечер), не читался в Древн. своде и вставлен составителем Нач. свода.

3

§ 114⁵. Под 6576 (1068) годом, после сообщения о несчастной битве на Альте в которой Изяслав, Святослав и Всеволод потерпели поражение от Половцев, приведено поучение о казнях Божиих. Оставляю в стороне вопрос о происхождении этого поучения¹⁰. Ставлю вопрос, читалось ли оно уже в Древн. своде (в позднейшей обособленной редакции) или вставлено составителем Нач. свода? Думаю, что поучение вставлено в летопись составителем Начального свода, в виду следующих соображений: во-первых, оно несомненно представляло отдельное сочинение, отдельное поучение; никоим образом нельзя допустить, чтобы оно было скомпилировано составителем летописи; ср. сокращения и порчу в тексте поучения; во-вторых, оно вставлено в летописный текст совершенно механически, по-видимому, под влиянием слов «грѣхъ же ради нашихъ» летописного текста; в-третьих, — и, конечно только этому третьему соображению мы придаем решающее значение, — текст летописи оказывается явно поврежденным, благодаря вставке поучения; признавая составителя непосредственного продолжения из Древн. Киевскому своду составителем летописного текста 1068 года, мы должны заключить, что он

10 Ср. В. А. Чаговец, Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения, 84—126.

11 Например в начале текст явно испорчен: «Наводить бо Богъ по гневу иноплемьники на землю, и тако скрушенымъ имъ въспоманутся къ Богу».

не был тождествен с редактором, вставившим поучение в летописный текст. Действительно, мы читаем: «и бывши нощи, подыдоша противу собе, грехъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганяя, и побегоша Русьскыи князи и победита Половци». Не сомневаюсь в том, что «побѣдиша Половци» должно читаться раньше, чем «побегоша Русьстии князи» — сначала Половцы победили, а потом князья бежали; допустив эту перестановку, увидим, что слова «и побѣгоша Русьстии князи » тесно связаны со словами, читающимися непосредственно за поучением (точнее за словами «Мы же на предълежащее възвратимся», которые находятся за этим поучением), а именно со словами «Изяславу же со Всеволодомъ Киеву побегшю, а Святославу Чернигову». Конструкция дательного самостоятельного здесь совсем некстати, ибо дальше читаем: «и людѣ Киевстии прибегоша Киеву»; в виду этого предлагаю читать за словами «и побѣгоша Русьстии князи» — «Изяславъ же с Всеволодомъ Киеву, а Святославъ Чернигову». Отсюда заключаем, что вставка поучения разорвала восстановленную нами фразу. Следовательно, поучение вставлено не составителем Древн. свода или непосредственного его продолжения, которому принадлежит эта восстановленная фраза, а составителем Начального свода. Думаю, что вставка поучения отразилась не только на перестановке в первой части разорванной фразы, но и на сокращении и изменении ее. Представляется вероятным, что слова «грехъ же ради нашихъ » предшествовали непосредственно словам «побѣдиша Половци »; между тем, слова эти отделены друга от друга вставкою слов «пусти Богъ на ны поганяя »; думаю, что эти слова извлечены из поучения. Равным образом из него же извлечено слово «иноплемьници » в начале летописного сообщения: «Придоша иноплемьници на Русьску землю, Половци мнози »; ср. в начале поучения: «Наводитъ бо Богъ по гневу своему иноплемьники на землю». Возможно, что под влиянием той же вставки поучения и вызванной ею перестановки опущено указание дня битвы на Альте; под предшествующим 6575 годом были отмечены дни битвы на Немиге и захвата Всеслава на Орше; ср. здесь ближайшее определение: «и бывши нощи».

§ 114⁶. Под тем же 6576 годом, после рассказа о народном восстании в Киеве, читаем: «Изяславъ же бежа в Ляхы». Продолжение этих слов видим в нижеследующей фразе: «Всеславъ же седе Киевѣ¹», после чего находим благочестивые размышления по поводу силы честного креста, освободившей Всеслава из поруба. Между словами «Изяславъ же бежа в Ляхы» и «Всеславъ же сѣде Киеке » находим вставку: в ней сообщается о победе Святослава над Половцами у Сновска 1 ноября. Вставка эта не может принадлежать составителю Древнейшего свода или его непосредственного продолжения, ибо она разорвала на две части восстановленную выше фразу. Следовательно, она сделана составителем Начального свода. Содержание ее ясно указывает на Черниговскую запись; отмечены: день битвы, число войска Святослава и число Половцев, приведена речь Святослава; оканчивается запись словами «възвратися с победою в градъ свой Святославъ». Отсюда делаю вывод, что Начальный свод в числе источников имел Черниговскую летопись. Других заимствований из нее в текст, соответствующий Древн. Киевскому своду или непосредственному его продолжению, обнаружить не удалось *.

ГЛАВА VII Следы новгородских известий в Начальном своде

§ 115. В тексте Начального свода, насколько он нам известен по сравнительному изучению Новгор. 1-й летописи и списков Повести вр. лет, изучению, доказывающему, что он был доведен до 1093 года и составлен около 1095 года, обнаруживается ряд записей новгородского происхождения. Относительно некоторых из таких записей возможно сомнение, принадлежат ли они действительно Новгороду, не возникли ли они в Киеве, где в XI веке, благодаря оживленным сношениям по пути из Варяг в Греки, хорошо могли знать обо всем, что делалось на берегах Волхова. Но содержание некоторых записей не оставляет никакого сомнения в том, что они появились именно в Новгороде. Укажу такие записи.

Под 6571 читаем: «В се же лето Новегороде иде Волховъ вспять дний 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лето пожже Всеславъ градъ ». Если мы примем во внимание, что позднейшая новгородская летопись нередко отмечала случаи обратного течения вод в р. Волхове¹, а также и то, что характер самой записи показывает, что это явление поставлено в связь с последующим событием новгородским, у нас не останется никаких сомнений в том, что эта запись сделана в Новгороде.

Под 6550 читаем о походе Владимира Ярославича на Емь и о конском море, случившемся во время похода. И то и другое событие важны были для новгородца; киевлянин не мог обратить на них внимание.

¹ Напр., под 6684 (обратное течение продолжалось пять дней), 6881 (семь дней), 6884 (семь дней), 7033 (девять дней), и др.

Наличность этих двух известий в Начальном своде делает для меня несомненным пользование составителем этого свода новгородскими записями. В виду этого заключения я без колебания возвожу к новгородскому источнику и ряд других записей, так или иначе обнаруживающих свое новгородское происхождение. Перечислю все эти записи, включая в число их и обе только что приведенные. Впрочем, оставлю в стороне древнейшую часть Начального свода, до 6453 (945) года; о вошедших в нее новгородских элементах скажу ниже в особой главе.

§ 116. Под 6455 читаем: «иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте повосты и дани и по Аузе оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамяня, и места и повосты, и сани ее стоять въ Плесконе и до сего дне ». Трудно допустить, чтобы такая запись могла возникнуть в Киеве. Относительно происхождения этой записи решаюсь предложить такую догадку. Новгородский летописец, прочитав в Древн. киевском своде фразу: «И иде Ольга по Деревьстеи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища», предположил, что дело идет о посещении Ольгою той части Новгородской области, которая носила название Деревской земли или просто Дерев (ср. подобное же название «Дерева » для земли Древлян), а позже Деревской пятины ².

Это его предположение и имело следствием вставку о погостах, данях и оброках по Мсте и по Луге, т. е. по тем двум водным путям, которые, сходясь около Новгорода, служили средством сообщения Центра (Новгорода) с его областью. Можно думать, что древнее представление о ДЕРЕВАХ, Деревской земле не совпадало с границами Деревской пятины конца XV в. Ср. Деревской погост (погоста Пречистенской в ДЕРЕВАХ) в Обонежской пятине на притоке Волхова Оскуе (Неволин, О пятинах, с. 158). В подтверждение высказанного предположения привожу следующее место Степ. книги (жития Ольги): «И иде Ольга сыномъ своимъ и воинствомъ по Деревской земли, уставляючи уставъ и уроки и ловища. Нецыи же глаголють, яко Деревская земле бе, иже во области Великого Новаграда, ныне же Деревская пятина именуема; инии же глаголють, яко Северская страна бе идеже бе Черниговъ градъ». Так гадали в XVI в. на северо-востоке, а в XI в. новгородцу было естественно признать Деревскую землю Приднепровья за свою Деревскую землю. На отождествление это наводило и то обстоятельство, что Новый Торжок, находившийся на южной оконечности Деревской земли, в глубокой древности (по свидетельству одного из списков жития Ефрема Новоторжского, Погод. № 718) назывался Коростенем. Ср. замену Искоростеня южных списков Коростенем в северных. Отмечу еще,

2 Ср. в уставной грамоте, данной церкви св. Иоанна на Опоках: «имати съ купецъ тая старина и въ веки: съ Тверского гостя, и с Новгородскаго, и з Бежицкого, и з Деревскаго, и съ всего Помостья» (т. е. местности по Мете) (Русск. Достоп. I, 81, по списку XV в. Новг. 1-й). В Новг. 1-й под 1441 г. читаем: «Новгородци же послаша архиепископа Еуфимья и с нимъ боярь и житыхъ людей и наехаша его в ДЕРЕВАХъ, у города у Демяна». Ср. К. Неволин, О пятинах и погостах новгородских, с. 47. Деревская пятина известна по актам, начиная с конца XV в. Ср. там же, с. 52 и 12.

что в расстоянии 40 верст от Новгорода на юго-западном берегу озера Ильменя, по дороге из Новгорода в Старую Русу, имеется село Коростынь (Неволин, там же, с. 141). Другая форма: Коростыня («ехаша на Коростыню», «доиде Коростыни» Псковск. 1-я лет., 6979 год; IV, 242; «на место, нарицаемое Коростыня» Воскр. VIII, 164). Ср. в позднейших сводах: «и убиша его Игоря вне града Коростеня близь Старыя Русы, тутъ же и погребень бысть» (рукопись Публ. Библ. F IV 216; ср. Гиляров, Предания русск. нач. лет., с. 213³)[#]. — Ввиду всего изложенного «иде Вольга Новугороду» считаю пояснением, сделанным уже составителем Начального свода. В Новгородском своде непосредственно за сообщением об обходе Ольгою Деревской земли читалось: «и устави по Мьсте » и т. д.

§ 117. Под 6478: «В се же время придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собе: «аще не пойдете к намъ, то налеземъ князя собе ». И рече к нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто к вамъ ». И отприся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: «просите Володимера». Володимеръ бо бе отъ Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрыня, отецъ же има Малькъ Любечанинъ; и бе Добрыня уй Володимеру. И реша Ноугородьци Святославу: «въдай вы Володимера»; онъ же рече имъ: «воты вы естъ». И пояша Ноугородьци Володимера к собе, и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду». Не может быть сомнения, что перед нами народное новгородское предание*. В нем сказывается и некоторый юмор сознающего свой перевес новгородца и гордость по поводу сделанного выбора, ибо Владимир оказался победителем Ярополка и могущественнейшим князем русским. Кроме того, здесь в активной роли выступает Добрыня — один из популярных посадников новгородских⁴. Это также доказывает новгородское происхождение записи.

§ 118. Под 6488 обнаруживается в Начальном своде следующая вставка. Сказав об убийении Олега Древлянского, летописец сообщает, что Владимир (сидевший в Новгороде), услышав об этом, бежал за море, а Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и стал владеть один в Руси. Владимир вернулся в Новгород с Варягами, выслал оттуда посадников Ярополка и велел им сказать брату: «Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу биться ». Непосредственным продолжением этого места следует признать читаемый ниже текст: «и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вой многи, и не може Ярополкъ стати противу » и т. д. Между тем за высылкой Ярополчих посадников следует явная вставка, начинающаяся

3 Позволяю себе сослаться здесь на мою статью, печатающуюся в юбилейном сборнике в честь П. И. Житецкого.

4 В. ф. Миллер. Очерки русск. нар. словесности, с. 148: «в виду тесной исторической связи Новгородской области с Киевской в XI, XII веках и в виду не меньшего участия Добрыни в Новгородских событиях, чем в Киевских, можно думать, что эпический Добрыня равно принадлежал и южному — киевскому и северному — новгородскому эпосу». Но точно ли доказано участие Добрыни в Киевских событиях? В виду отсутствия таких указаний (о событиях 6493 года см. § 120) можно признать Добрыню исключительно северным героем.

с совершенно неуместной фразы: «И седе в Новгороде». В этой вставке рассказывается о сватовстве Владимира к Рогнеде и о последовавших событиях: взятии Владимиром Полоцка и женитьбе на Рогнеде. Признаю эту вставку новгородскою записью. Сошлюсь на связь ее с только что рассмотренною новгородскою статьею 6478 года: Рогнеда укоряет здесь Владимира именем робичича, а там указано рождение Владимира от ключницы Ольги. Сошлюсь еще на тот вариант рассказа о сватовстве Владимира, который записан в Лавр, летописи под 6836 (1128) годом (ср. об этом варианте в § 184⁴); в нем в активной роли выступает Добрыня, храбор и наряден муж, а Добрыня, повторяем, являлся действующим лицом именно в новгородских сказаниях. Отмечу, наконец, еще следующую особенность в тексте Начального свода. Мы читаем в нем после гордого отказа Рогнеды: «Володимеръ же собра вой многи, Варяги, Словени, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода»; ниже: «и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вой многи». Уместнее было бы ждать упоминания о Варягах в сообщении о походе Владимира против Ярополка, ибо именно против него приглашены были Владимиром Варяги. В виду этого предполагаю, что в первоначальном тексте Древн. свода, вслед за высылкой из Новгорода Ярополчих посадников, читалось: «Володимеръ же собра вой многи, Варяги, Словени и Кривичи и поиде на Ярополка; и не може Ярополкъ стати противу». Я умышленно опускаю имя Чуди в тексте Древн. свода, ибо, как увидим ниже (§ 198), в главе, посвященной анализу начала Древн. свода, составитель этого свода, говоря о северных событиях, постоянно упоминал рядом именно Словен и Кривичей, умалчивая о Чуди; между тем именно новгородский летописец вставил в рассказ о призвании князей имя Чуди. Следовательно, и анализ вставки 6488 года показывает, что Чудь прибавлена новгородцем, выхватившим из Древн. свода слова «Володимеръ же собра вой многи, Варяги, Словени и Кривичи» и вставившим их в свою запись. Итак, вот второе указание на то, что новгородский источник, которым воспользовался Начальный свод, сам основывал свой рассказ на Древн. киевском своде.

§ 119. Под тем же 6488 годом ниже читаем: «Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новгороде; и пришедъ Добрына Новугороду, постави кумира надъ рекою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородьстии аки Богу». Вряд ли можно сомневаться в новгородском происхождении этой записи. Достаточно поставить вопрос, почему летопись, умалчивая о языческом культе в Переяславле, Чернигове, Смоленске и т. д., упоминает о Новгороде?

§ 120. Под 6493 сообщено о походе Владимира на Болгар с Добрынею, с уем своим. Хотя Болгары и побеждены, но Добрыня говорит: «съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозехъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ ». Мне кажется, что перед нами опять легендарный Добрыня, а легендарный Добрыня, как указано, принадлежит прежде всего Новгороду. Обращаем внимание на слова его: «поидемъ искать лапотниковъ». Следовательно, рассказ выхвачен из серии походов Владимира с уем его

Добрынею. Почему имя Добрыни связывается с походом на Болгар, не совсем ясно, как неясно и то, о каких Болгарах идет речь — о Дунайских или Волжских. Я считаю вероятным, что статья 6493 года имеет в виду Дунайских Болгар, ибо поход совершается в лодьях, а вспомогательное войско из Торков идет берегом на конях⁵; ср. двойной путь в Болгарию, отмеченный в рассказе о походе Святослава; Свенельд советует Святославу: «пойди, княже, на конихъ около, стоять бо Печенези в порозехъ». Но не могу не отметить, что Память и похвала Владимиру говорит о походе Владимира на Серебряных Болгар. Как отмечено было выше (гл. II), слова этой Памяти и похвалы «и Вятичи победи и дань на нихъ взять, и Ятвигы взять, и Сребренныя Болгары, и на Казары шедь победи я» не основаны на летописи; действительно, летопись умалчивает и о том, что Владимир воевал с Казарами. Не свидетельствуют ли эти слова о древней песне, сообщавшей об этих походах Владимира? Не говорила ли эта песня о Владимировой спутнице, Добрыне? Во всяком случае считаю вероятным, что Древн. свод сообщал о походе Владимира на Болгар Дунайских и о заключении с ними вечного мира; вставку же Добрыни я отношу насчет Новгородского сводчика, заимствовавшего ее из исторической песни о походах Владимира и Добрыни.

§ 121. Под 6496 в распределении волостей между сыновьями Владимира читаем: «И посади Вышеслава въ Новегороде... умершую же старейшему Вышеславу Новегороде, посадиша Ярослава Новегороде». Выше было указано, что сообщение о распределении волостей между сыновьями Владимира составлено редактором Начального свода. Но основания для его сообщения должны были быть даны в его источниках. Предполагаю поэтому, что только что приведенные известия извлечены им из Новгородского свода; подтверждаю свое предположение формой «посадиша»; мы ожидали бы в устах киевлянина, говорящего о распоряжениях Владимира, «посади»; новгородец мог скорее выразиться так о своем князе⁶. Ниже увидим основания для предположения, что перечень князей новгородских читался в весьма древних новгородских сводах именно непосредственно за статьей о крещении Новгорода.

§ 122. Под 6522 годом находим: «Ярославу же сущю Новегороде и Урокомъ дающею Киеву две тысяче гривнь отъ года до года, а тысячу Новегороде гридемъ раздаваху; и тако даяху посадници Новъгородьстии, а Ярославъ сего не даяше отцю своему. И рече Володимеръ: требите путь и мостите мость; хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся». И это известие я считаю новгородским. Оно стоит в связи с последующим сообщением о найме Ярославом варягов и избиении их новгородцами, которое, как увидим, носит явные Новгородские черты. Киевское предание помнило о войне Владимира с печенегами, против которых был выслан Борис. Сборы в поход на Ярослава и не могли оставить в Киеве такого воспо-

5 Соображения эти были высказаны в свое время И. А. Линниченко, Совр. сост. вопр. об обстоят, крещ. Руси (Тр. К. Д. Ак. 1886, XII, с. 684).

6 Ср. под 6685: «и посадиша Новгородьци Мьстислава на столе; под 6688: «и приведоша Володимира въ Новъгородъ и посадиша и на столе» и др.

минания, как в Новгороде, где результаты их выразились в появлении варягов и дальнейших важных для Новгорода событиях.

Под 6523 читаем непосредственное продолжение предыдущей статьи: «Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; но Богъ не вдасть дьяволу радости». За этим опять: «Володимеру бо разболевшюся», ср. выше под 6522: «но разболеся».

§ 123. Ниже под тем же 6523 годом сообщается, что у Ярослава было на службе много Варягов и они начали творить насилие Новгородцам и их женам. Новгородцы восстали и избили Варягов «во дворе Поромоне». Ярослав рассердился и «шедь нарокомъ», сел во дворе, заманил к себе нарочитых мужей новгородских и перебил их. В эту самую ночь к нему пришла весть из Киева от Передславы о смерти отца и вокняжении Святополка, уже убившего Бориса и пославшего убить Глеба. Ярослав созывает вече, сообщает ему дошедшую до него весть и заручается согласием примирившихся с ним Новгородцев помогать ему. Далее говорится о числе войска Ярослава и о выступлении его против Святополка. Думаю, что основание всего приведенного рассказа новгородское: кому, как не Новгородцу, можно было припомнить, напр., такую подробность, как то, что Варяги были избиты во дворе Поромона. Полное подтверждение такому заключению находим в том обстоятельстве, что позднейшие новгородские своды передают этот рассказ более точно и более определенно. Так, фразе «Вставше Новгородци избиха Варягы во дворе Поромони, и разгневася Ярославъ, пошедь нарокомъ, седе въ дворе» в Новгор. 1-й соответствует: «и собращася в ночь, исекоша Варягы въ Поромонъ дворъ, а князю Ярославу тогда въ ту ночь сушу на Ракоме, и се слышавъ Ярославъ разгневася на гражаны, и шьдъ седе во дворе», что дает, конечно, более правильный смысл рассказу. По Повести вр. лет выходит, что Ярослав, рассердившись, пошел «нарокомъ» (или прочтем: «на Рокомъ») и сел во дворе, а Новгор. 1-я объясняет, что Новгородцы *избили* Варягов, воспользовавшись тем, что Ярослав был на Ракомъ (населенная местность близ Новгорода, в 7 верстах от него). Ясно, что киевлянин не понял, что такое «на Ракоме», и отсюда несомненно, что самый рассказ принадлежит не киевлянину, а новгородцу.

В конце 6524 в Лавр, списке читаем: «Ярославъ же съде Кыеве на столе отъни и дедни, и бе тогда Ярославъ Новегороде летъ 28». Прочие списки Повести вр. лет опускают «Новегороде»⁷. Вряд ли чтение их может быть признано более первоначальным. Ярославу не могло быть в 1016 году 28 лет, ибо он умер 76 лет в 1054 году (отсюда поправка Татищева: 38 лет). Следовательно, чтение Лавр, списка исправнее чтения других списков. А отсюда ясно, что Повесть вр. лет (Нач. св.) заимствовала эту заметку из Новгород-

⁷ Только в Никоновской летописи, и притом в одном лишь Патр. списке, читаем: «Ярославъ же седе в Нове на столе отче и дедни» (прочие списки вм. в нове: в Кыеве). Ср. изд. IX, 75, пр. 4. Не сомневаюсь вообще в том, что в распоряжении составителя Никон, летописи был именно Лавр, список.

ского свода. Чтение «лет 18» Новгородского свода 1448 г. (Соф. 1-я и Новг. 4-я) я считаю позднейшей поправкой потому, что при нем нет слова «Новегороде», — выходит, что дело идет о летах Ярослава. Это исправленное чтение восходит к общерусскому своду 1423 года, что видно из поправки 28 на 18 в Ипатьевском списке, который подвергся исправлению по общерусскому своду 1423 года. Вслед за этим в Повести вр. лет читается: «В лето 6525. Ярославъ иде (Ип., Радз. приб.: «въ Киевѣ») и погоре (Ип., Радз.: «погореша») церкви». Я думаю, что слова «Ярославъ иде» выхвачены из Новгор. свода. Предлагаю читать: «Ярославъ идя Киеву, посади Новегороде Костянтина Добрынича»; ср. в росписи князей новгородских: «и идя къ Киеву, и посади въ Новегороде Коснятина Добрынича» (ср. § 185).

Под 6526 к новгородским заимствованиям отношу сообщение о прибытии разбитого Ярослава в Новгород, о желании его бежать за море, о том, как Новгородцы во главе с Константином, сыном Добрыни, не пустили его от себя, о денежных сборах для найма Варягов.

§ 124. Под 6529 читаем о нападении Брячислава на Новгород и о победе Ярослава над Брячиславом, одержанной им на реке Судомире; после победы Ярослав воротил в Новгород людей, захваченных в плен Брячиславом. Конечно, и это известие новгородское; заметим кстати, что в позднейших новгородских сводах оно изложено полнее, чем в Повести вр. лет. Так в Соф. 1-й и Новгор. 4-й читаем в конце статьи: «И отътоле, призва къ себеі Брячислава, и давъ ему два города Въсвѣчъ и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною за одинъ. И воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего».

§ 125. Под 6534 читаем: «Ярославу сущю Новегороде, приде Мьстиславъ ис Тьмutorоканя Киеву, и не прияша его Кыяне, онъ же шедъ седе на столе Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда. В се же лето вѣсташа вольсви в Суждали, избиваху старую чадъ по дьяволу наущенью... Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю... И възвративъся Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по Варягы» и т. д. Совершенно ясно, что мы имеем здесь дело с новгородскою вставкой; вслед за словами «седе на столѣ Чернигове» в первоначальном рассказе (Древн. своде) читалось, конечно, «Ярославъ же посла за море по Варягы». Странно было бы допустить, что Ярослав позаботился о приглашении Варягов только по возвращении из Суздаля; вставка начинается повторением слов «Ярославу сущю Новѣгородѣ» («тогда. В се же лето» вставлено, конечно, составителем Нач. свода).

§ 126. Под 6538 читаем несомненно новгородское известие: «иде Ярославъ на Чюдъ, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ».

Под 6544 признаем новгородскими три известия: «иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Владимира Новетороде, епископа постави Жидяту». Впрочем, первое из этих известий, а может быть, и второе читались и в Древн. своде, ибо следующее киевское известие об освобождении Ярославом Киева, осажденного Печенегами, начинается словами: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ».

Под 6550 находим новгородское известие о походе Владимира на Емь.

§ 127. Под 6552 известия о смерти Брячислава Полоцкого и о вокняжении Всеслава едва ли не новгородского происхождения. Слова «сего ради немилостивъ есть на кровыпролитие» (дело идет о Всеславе) особенно уместны под пером новгородского летописца, которому пришлось ниже, под 6574 и 6577, рассказывать о нападениях Всеслава на Новгород, сожжении и ограблении его.

Несомненно новгородским признаем известие 6553 года о закладке св. Софии в Новгороде.

§ 128. Под 6558 сообщено о кончине жены Ярослава. Имея в виду, что она умерла в Новгороде (ср. в Новгор. 1-й летописи под 1439 известие о гробнице матери Владимира Ярославича в Новгороде), я признаю это известие Новгородским.

Под 6560 читаем о кончине Владимира Ярославича в Новгороде, причем отмечено место его погребения: святая София, «юже бе самъ создалъ ». Конечно, перед нами новгородское известие. Уверенность наша увеличивается еще тем обстоятельством, что новгородские летописи (начиная с Синод, списка) указывают точно день кончины Владимира.

Под 6562 годом в сообщении о кончине Ярослава читаем: «Самому же болну сущю и пришедшу Вышегороду, разболеся велми, Изяславу тогда сущю, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отця». Так в Лавр., Радз. и в Новгор. 1-й: можно заключить отсюда, что так же читалось не только в Повести вр. лет, но и в Нач. своде. В Ип. и Хлебн.: «Изяславу тогда в Турове князящю». Думаю, что это чтение Ип. и Хлебн. восходит (путем Галицкой летописи) к Древн. своду. Составитель Нач. свода встретил в своих двух источниках разноречивые показания: Древн. свод давал чтение Ипат. списка, а Новгор. свод, очевидно, имел: «Изяславу тогда сущю Новегороде », ср. именно такое чтение в позднейших новгородских сводах (Соф. 1-й и др.). Итак, в отсутствии указания, где был Изяслав в момент смерти Ярослава, видим влияние Новгор. свода.

§ 129. Под 6571 находится приведенное выше новгородское известие об обратном течении Волхова.

Под 6573 читаем: «В се же лето Всеславъ рать почальъ». В виду того, что рать эта имела в виду ближайшим образом Новгород, я считаю и это известие новгородским.

Под 6574 видим опять новгородское известие в словах: «Заратися Вьсеславъ, сын Брячиславль, Полотъский и зая Новъгородъ». Ср. в новгородских летописях (начиная с Синод, списка) подробное известие о взятии Всеславом Новгорода.

§ 130. После указанной статьи 6574 (1066) года мы не находим более в Повести вр. лет (Начальном своде) ни одного известия, которое можно было бы возвести к новгородской летописи. Известие 6579 (1071) года о смуте, произведенной в Новгороде появившимся там при князе Глебе волхвом, я признаю записанным в Киево-Печерском монастыре, в виду высказанных в § 253 соображений. Известие 6586 (1077) года об убиении Глеба в Заволочии, хотя и встречается в новгородских сводах с лишнею подробностью

(указанием дня 30 мая), несомненно киевское или черниговское (говоря об известии Повести вр. лет; но о том же событии было новгородское известие).

§ 131. Итак, видим, что составитель Начального свода, работавший около 1095 года, имел в своем распоряжении кроме Древнейшего киевского свода еще и Новгородский свод. В следующей главе рассмотрим еще другие имеющиеся у нас данные для восстановления этого Новгородского свода. А пока подчеркнем тот вывод относительно взаимных отношений Новгородского свода и Древнейшего киевского свода, к которому мы приходили, рассматривая некоторые из приведенных выше известий.

Новгородский свод стоял в прямой зависимости от Древн. киевского свода: под влиянием киевских известий об Ольге является новгородское об оброках и даях, установленных ею по Мсте и Луге; киевское известие о распределении волостей между сыновьями Святослава вызывает новгородскую статью о том, как новгородцы добыли себе в князя Владимира; киевское известие о поставлении Владимиром кумиров в Киеве вызывает известие новгородское о поставлении кумира в Новгороде Добрынею; киевское известие о походе Владимира на Болгар вызывает новгородское предание о спутнике Владимира в его походах, Добрыне; киевский рассказ об убийении Бориса и Глеба и последовавшем столкновении Ярослава с Святополком вызывает новгородские подробности об этом столкновении и некоторых предшествовавших ему обстоятельствах. Такого рода известия Новгородского свода наводят на мысль, что он представлял из себя переработку Древн. киевского свода; новгородский редактор этого свода дополнил киевский свод новгородскими подробностями и известиями; быть может, он и продолжил этот свод. В таком случае наличие в Новгородском своде статьи, отнесенной редактором Начального свода к 6574 году, доказывает только, что Новгородский свод доходил по крайней мере до этого года, но не может свидетельствовать в пользу того, что и Древн. киевский свод был доведен до этого года.

Можно пока утверждать с уверенностью, что появление Новгородского свода относится ко времени до девяностых годов XI столетия, ибо работавший около 1095 года редактор Начального свода включил его известия в состав своего труда.

ГЛАВА VIII Данные для восстановления первого Новгородского свода XI века. Новгородская 1-я летопись

§ 132. Предыдущее исследование показало, какие мы имеем основания утверждать, что в XI веке, и притом до девяностых годов его возник в Новгороде летописный свод, послуживший источником для Киевского Начального свода, составленного около 1095 года. Анализ статей и известий, внесенных из Новгородского свода в Начальный свод, показывает, что первый из этих сводов был построен по образцу Древнейшего киевского свода, представлял его переработку с дополнениями из новгородских источников. Поэтому текст Дреwn. свода мог бы служить нам для восстановления первого Новгородского свода, если бы этот текст дошел до нас; он установил бы то основание, на котором построен Новгородский свод. Другие данные для восстановления первого Новгородского свода должно искать в позднейших памятниках новгородского летописания. Сравнительное изучение их показывает, что свои древнейшие новгородские известия они извлекли именно из первого Новгородского свода. Рассмотрим эти дошедшие до нас памятники с точки зрения их отношений к первому Новгородскому своду.

§ 133. Синодальный список Новгородской летописи старшего извода утратил, к величайшему ущербу для науки, свое начало, а именно первые 16 тетрадей или 128 листов; он начинается с середины статьи 6524 года, со слов «а вы плотници соуще, а приставимъ вы хоромъ рубити». Мы не станем останавливаться на вопросе о различных почерках, которыми писана рукопись, и не будем определять по ним время ее составления. Склоняемся к мысли,

впервые высказанной А. И. Соболевским, что вся рукопись наша принадлежит XIV веку; к этому ведут и некоторые соображения относительно внутреннего ее содержания, ясно отражающего на себе влияние общерусского свода начала XIV в., того самого свода, который послужил источником и Лаврентьевского списка, в особенности при изложении событий последних десятилетий XIII века и начала XIV.

В изложении событий XIII и XIV века Синодальный список является по преимуществу летописью новгородскою. Известий суздальских, а тем более иных в нем сравнительно очень немного; укажу на некоторые из заимствованных из неновгородского источника (а таковым я признаю общерусский свод нач. XIV в.) статей: под 6711 известие о взятии Киева Ольговичами и Половцами, под 6712 обширную статью о взятии Царяграда крестоносцами, под 6726 обширную статью о злодеянии братоубийцы Глеба Рязанского, под 6732 повесть о Калкской битве, под 6746 повесть о взятии татарами Суздальской земли и некот. др.

§ 134. Анализ Синодального списка обнаруживает следы двух летописцев или двух переписчиков, говорящих о себе в первом лице. Под 6652 (1144) годом читаем: «Въ то же лето постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ». Сопоставление этой записи с записью 6696 (1188) года, где сообщено о кончине раба Божия Германа, иерея святого Иакова, зовомого Вояты, служившего у св. Иакова 45 лет (следовательно, с 1144 года), показало, что лицом, говорившим о себе в первом лице под 6652 годом, был священник церкви св. Иакова в Неревском конце, Герман Воята*. Под 6738 (1230) к известию о кончине игумена Спасо-Хутынского монастыря Саввы приписано: «и дай Богъ молитва его святая всемъ крестьяномъ и мне грешному Тимофею понаманарю»; этого пономаря Тимофея трудно не отождествить с Тимофеем, пономарем церкви св. Иакова, который в 1262 году переписал для церкви св. Нерукотворенного Образа так называемый Лобковский пролог². Таким образом, Синодальный список в своей истории связывается с новгородскою церковью св. Иакова. Мы видим в нем работу трех членов причта этой церкви, последовательно трудившихся над текстом летописи: попа Германа, далее неизвестного, записавшего о смерти Германа, и пономаря Тимофея. Представляется вероятным, что составитель Новгородской 1-й летописи старшего извода (единственным дошедшим до нас списком с нее является Синодальный) положил в основание своего труда летописный свод церкви св. Иакова и дополнил его по общерусскому своду начала XIV века. Следовательно, исключив из текста Синодального списка ряд статей и известий, заимствованных из общерусского свода, получим представление о первоначальном составе летописного свода церкви св. Иакова.

§ 135. Этот свод оказывается погодно ведшеюся в Новгороде летописью. Имеем ряд данных, указывающих на то, что погодная летопись велась при дворе новгородского владыки, а не при церкви св. Иакова. Не стану

1 Ср. Прозоровский в ЖМНП, 1852 г., июль.

2 И. И. Срезневский, Славяно-русс. палеография, с. 191.

перечислять здесь всех этих данных. Укажу напр., что в древнейших погодных записях ясно обнаруживается личность одного из летописцев, очевидно, привлеченных владыкой к летописному делу. Личность эта — известный Кирик, иеродиакон и domestik Антониева монастыря. Кроме «Выпрашания Кюрикова, еже выпраша епископа Новгородского Нифонта и инехъ » (ср. Русск. ист. библи. VI, с. 22 и сл.), Кирик составил «Учете, имже ведати человеку числа всехъ летъ» (Труды Общ. ист. и древн. росс, ч. IV, кн. 1, 1828 г.). В этом труде выяснено, что он составлен в 6644 (мартовском) году, и притом до наступления 15-го индикта, т. е. до 1 сентября 6644 (мартовского) года: «да есть круговъ техъ изшло отъ Адама до сего лета 6644-го 442; а последнее шдикта 14 избываетъ». Следовательно, в виду имеющегося в конце сочинения Кирика указания на новгородского князя Святослава Ольговича («князю же Святославу сыну Олгову въ княжении живушю въ Новегороде лето 1»), вступившего на стол 19 июля 6644 года, ясно, что это сочинение написано между 19 июля и 1 сентября 6644 года. В соответствующем месте Новгород. 1-й летописи (Синод, сп.) читаем: «Въ то же лето приде Новугороду князь Святославъ Олговицъ ис Цернигова, отъ брата Всеволодка, месяца июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ неделю, на сборъ святыхъ Еуеимие, в 3 часъ дне, а луне небесней въ 19 день ». Обстоятельность указания свидетельствует, что сообщение это написано в самом скором времени после 19 июля (указан час прибытия Святослава!), т. е. в то самое время, когда Кирик писал свое Учение. Итак, первое, на что обращаем внимание, это совпадение во времени. Второе указание на то, что запись сделана Кириком, извлекаем из ее сложности: указан счет каландами, приведен лунный день; такая запись свидетельствует об основательном знании счета времени. Отмечаем далее, что при названии 6644 г. указано «индикта лета 14». Далее, непосредственно за приведенным известием 19 июля, находим: «Томъ же лете наставышю индикта 15 убиша Гюргя Жирославиця». При названии следующего 6645 года опять назван 15 индикт. До этого 6644 г. индикты в Новгород. 1-й не обозначаются; позже индикт является впервые под 6676 годом (1168): «приде князь Романъ Мстиславицъ вънукъ Изяславль, Новугороду на столъ, месяца априля въ 14, въ въторую неделю по велице дни, индикта перваго ». Не следует ли из этого, что Кирику принадлежали во владычном своде, только записи 6644 и 6645 годов?

§ 135¹. В каком же отношении к Софийской владычной летописи стояла летопись церкви св. Иакова? Можно ли с уверенностью сказать, что перед нами в Синодальном списке в л а д ы ч н а я Новгородская летопись. Содержание Синодального списка показывает, во-первых, значительное внимание к интересам церковным, сосредоточивавшимся вокруг владыки; во-вторых, весьма большую осведомленность в церковных делах: постройка церквей, смена игуменов и игуменей, пожары церквей — все это тщательно отмечается; в-третьих, видим в Синод. списке напряженный интерес к внутренним и внешним интересам Новгорода. Совмещение всех этих интересов при значительной осведомленности естественнее всего ждать в летописи, ведшейся при дворе новгородского владыки. Отметим, кроме того, непрерывное ведение погодных записей в течение более двухсот лет; — со-

мнительно, чтобы такую работу могла выдержать отдельная церковь; гораздо вероятнее допустить, что непрерывно летопись велась именно при дворе владыки. Итак, вот ряд соображений, побуждающих нас признать, что летопись церкви св. Иакова представляла из себя постепенно дополнявшуюся копию с владычной Новгородской летописи. Отождествление пономаря Тимофея, работавшего в 1262 году над Лобковским прологом, с лицом, упомянувшим свое имя в Синод, списке под 1230, ведет нас к заключению, что Тимофей не был летописцем, не составлял погодных записей, а только переписывал готовый текст, ибо сомнительно, чтобы он состоял в должности пономаря в течение 32 лет.

Отмеченное обстоятельство — наличие у нас не самого текста новгородской летописи, а только копии с него, извлечения из него, отнимает у нас надежду определить главные моменты в истории владычного летописания, проследить смену летописцев, углубиться в исследование их источников и т. д. Впрочем, возможно, что официальный свод, над которым работало несколько поколений летописцев, даже в подлинном своем экземпляре, не давал бы широкого поля для историко-литературных наблюдений.

Историко-литературным явлением в настоящем, полном смысле можно признать только летописный свод, летописный рассказ о прошедших временах, а никак не погодные записи летописцев. Правда, и в них местами обнаруживается личное творчество: оно сказывается в лирических отступлениях, в нравоучительных размышлениях, в благочестивых молитвах. Не отрицаем историко-литературного интереса за некоторыми из записей Софийского владычного свода, но большая часть их оказывается простой реляцией о современных событиях. Реляции эти интересны при разрешении вопроса, как составлялись наши погодные летописи; заносились ли в них ежегодно пережитые события, или записи делались периодически, в зависимости от случайных распоряжений владыки или лиц, ближайшим образом ведавших ведение Софийской летописи — этот вопрос, немаловажный для историка, найдет себе, вероятно, разрешение при тщательном анализе Синодального списка.

И вот мы стоим лицом к лицу с любопытным явлением в духовной жизни Великого Новгорода: в нем велась непрерывно погодная летопись, но обработок этой летописи, летописных сводов мы видим очень мало. Обработка, появившаяся в тридцатых годах XIV столетия под влиянием только что составившегося во Владимире общерусского свода, дала направление всему дальнейшему летописанию. В отсутствии летописных сводов главное отличие новгородского летописания от южнорусского; и на Южной Руси велись летописи, вероятно, однородные по характеру своему с новгородскою владычною летописью, но летописи эти подвергались литературным обработкам, образовывали летописные своды, что вносило сильное оживление в летописание. В Новгороде, по-видимому, не хватало литературных сил для подобной компилятивной по существу своему, но, тем не менее, в значительной степени и творческой работы: говорю особенно о XIII веке, ибо в XII веке, в шестидесятых годах его, появился, по-видимому, летописный свод, включивший в свой состав предшествующие летописные записи и установивший связь между новгородским и киевским летописанием.

§ 136. Появление в Новгороде в XII веке летописного свода доказывається, между прочим, следующими соображениями. Дошедший до нас в составе Синод, списка труд Германа Вояты относится ко времени до 1188 года, ибо в 1188 году Воята помер; труд этот представляется копией не с погодных записей владычной летописи, а с летописного свода, широко задуманного и, вероятно, так же широко исполненного. Действительно, в начале труда Германа Вояты было помещено извлечение из Повести вр. лет; таким образом, установилась связь новгородского летописания с русским летописанием вообще. Впрочем, предыдущее утверждение наше требует, доказательств; точно ли уже в труде Германа Вояты находилось извлечение из Повести вр. лет? Не внесено ли оно составителем Синодального списка или точнее составителем Новгородской 1-й летописи старшего извода, работавшим в тридцатых годах XIV столетия и имевшим в своем распоряжении общерусский свод, где читалась Повесть вр. лет? От того или иного разрешения этого вопроса зависит принятие или непринятие положения, что труд Германа Вояты был копией не с погодных новгородских записей, а с летописного свода.

§ 137. Решительно утверждаю, что извлечение из Повести вр. лет входило в состав труда Германа Вояты — и вот на каком основании. Одно из известий Повести вр. лет, читающихся в Синодальном списке, носить ясные следы того, что оно подверглось редакции в Новгороде и притом именно в XII веке. Под 6614 (1106) годом читаем: «Въ то же лето пострижеса Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Църнигове, ть с ть Всеволожь»³. Под Всеволодом разумеется здесь Всеволод Мстиславич, бывший князем новгородским в течение около двадцати лет (1117—1136)⁴. Кому, как не новгородцу, могло прийти на мысль определить Святошу как тестя Всеволожа? Заключаю отсюда, что обработка известий Повести вр. лет, следовательно, составление летописного свода относится не позже как к середине XII века, ибо уже к концу этого века вряд ли было бы признано уместным комментировать имя Святоши именем Всеволода Мстиславича.

§ 138. Вместе с тем редакция новгородских летописных известий в той части Синодального списка, которая восходит к труду Вояты, показывает, что обработка их явилась не раньше 1165 года, когда новгородские владыки получили титул архиепископов («повелено бысть владыцъ арх!епископство митрополитомъ »); Синодальный список последовательно называет владык, предшественников архиепископа Ильи — Иоанна, архиепископами, между тем как современные им записи называли их епископами, и так же называли они сами себя: ср. архиепископа Феодора под 1077, Никиту под 1108, Иоанна под 1110 и ИЗО, Нифонта под ИЗО, 1131, 1135, 1148, 1149, 1151, 1153, 1156 (также в записи самого Германа Вояты под 1154)⁵. Правда, можно было бы думать, что замена епископа архиепископом произошла позднее

³ Ср. в Лавр.: «Въ то же ле то пострижеса Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, месяца севрала в 17 день».

⁴ Карамзин, И. Г. Р. Роспись IV; Зотов, О черниговских князьях, 266 и 263, пр. 25.

⁵ Но под 6644 читаем: «епископлъ дворъ», под 6649: «и приа слы вся и епископа и гость»; под 6664: «который епископъ тако украси святую Софию»; под 6650: «епископъ и купце и слы Новгородскыя не пушаху изъ Руси»; под 6577: «при епископе Федоре».

под пером хотя бы даже составителя Новгородской 1-й летописи, но нас останавливает при этом следующее соображение: Аркадий, непосредственный предшественник архиепископа Ильи, упомянут в Синод, списке три раза (1156, 1158, 1163 г.) и всякий раз с титулом епископа. Я могу понять это только так, что составитель свода, привыкши уже называть современного владыку архиепископом, назвал так же и всех предшествующих владык — епископов; но, дойдя до Аркадия, он вспомнил, что Илья, в противоположность своему предшественнику, назывался архиепископом, — и это побудило его соблюсти данный Аркадию в современных записях титул епископа. Следовательно, летописный свод составлен после 1165 года, но лицом, современным а р х и е п и с к о п у И л ь е и е п и с к о п у А р к а - д и ю: Наше заключение согласуется с тем, что Герман Воята, списавший этот свод, работал до 1188 года.

§ 139. Мы говорим о Германа Вояте как о переписчике. Но не был ли он составителем свода, не он ли подверг литературной обработке Новгородскую владычную летопись, соединив ее с извлечением из Повести временных лет? Отвечаем на этот вопрос отрицательно. Имеем в виду соображения, которые изложим ниже при рассмотрении свода 1448 года: из них видно, что летописный свод, составленный в Новгороде в 1166—1167 году, не был тождествен с трудом Германа Вояты и был прежде всего гораздо полнее его. Но и независимо от этих соображений я находил бы невероятным приписать иерею Герману честь литературной обработки владычной летописи: обработка эта была делом трудным и важным; вероятно, что она могла быть принята не иначе, как с благословения владыки; вероятнее еще, что работа была исполнена по нарочитому повелению владыки Ильи. Можно было бы допустить, что владыка обратился к Герману Вояте, как к искусному книжнику, но в таком случае недопустимо, чтобы Воята в порученном ему труде упомянул о времени своего поставления в попы; запись 1144 года свидетельствует, что он работал для себя, для церкви св. Иакова, а не для архиепископа. Не умолчу еще об одном соображении: если бы Герман Воята был составителем летописного свода и редактором новгородских известий владычной летописи, его труд не изобиловал бы такими вопиющими пробелами, как те, что мы видим в нем теперь. Лицо, задумавшее связать новгородское летописание с киевским, не пренебрегшее поработать над извлечением известий из Повести вр. лет, не могло так небрежно и поверхностно относиться к своим новгородским известиям, как отнесся Герман Воята. Неужели составитель Новгородского свода не упомянул бы о кончине епископа Иоакима, не сказал бы хоть несколько слов об епископе Луке Жидяте, не отметил бы поставления епископов Стефана, Германа, и т. д.? Имеем ясные указания на то, что во владычной летописи читались соответствующие известия; между тем в Синод, списке их нет. Опускание подобных известий не вяжется с широко задуманными основаниями летописного свода, отразившимися и в самом труде Германа Вояты. Для меня очевидно, что Герман Воята переписчик; он воспроизвел владычный летописный свод (мы не можем не признать его именно владычным) в частных своих интересах; это позволило ему не стесняться

при передаче содержания свода — и он сильнеешим образом сократил его, спеша подойти к более современным событиям⁶.

§ 140. Сокращая события киевские (и вместе с тем искажая их), Герман Воята не стеснялся и с новгородскими статьями: мы видели, какие важные им опущены известия. Тем не менее некоторые известия остались, и они могут служить ценным материалом при восстановлении недошедшего до нас Новгородского летописного свода XII века. Перечислим эти известия в части до 1093 года (на котором оканчивался Начальный Киевский свод)⁷.

Под 6524 читаем конец статьи, где описана встреча Ярослава с Святополком и последовавшая затем битва; Святополк побежден и бежит в Печенеги; Ярослав садится на столе отца своего и отпускает все войско свое, щедро наделив старост, смердов и новгородцев. Отметим здесь существенные отличия новгородского рассказа о первой битве Ярослава с Святополком от рассказа Начального свода (Повести вр. лет): Синод, список сообщает о посылке Ярославом в стан Святополка к расположенному ему мужу; воспользовавшись его советом, Ярослав перевозится на другую сторону Днепра с вечера, а не на рассвете; битва происходит ночью; для того, чтобы новгородцы в темноте, различали своих от неприятелей, Ярослав приказывает им обмотать головы убрсами; Святополк побежден до света; кроме того в Начальном своде, (Повести вр. лет) сообщалось, что Святополк бежал в Ляхи, а здесь в Печенеги⁸; наконец, в Начальном своде (Повести вр. лет) ничего не говорилось о награждении Ярославом своей дружины. Нет никакого сомнения, что Синод, список в статье 6524 года следовал новгородскому источнику. Отметим еще, что в Синод, списке слито описание Любечской битвы, взятое из Повести вр. лет, с описанием этой битвы по новгородскому источнику.

Под 6553 читаем: «сгоре святая София въ соуботоу по заоутрѣни въ часъ 3, мѣсяця марта въ 15».

Под 6560: «преставися Володимеръ, сынъ Ярославль, въ Новотороде мѣсяця октябръ въ 4». Известие о смерти Владимира, имеется и в Повести вр. лет, но день смерти Владимира в ней не указан.

Под 6574: «приде Всѣславъ и взя Новѣгородъ съ женами и съ детми и колоколы съима оу святыхъ Софие. О велика бѣше беда въ часъ тѣи! и понекадила съима ».

Под 6577: «Въ то же лето осень, мѣсяця октябръ въ 23, на святаго Якова брата Господня, въ пятничю въ часъ 6 дни, опять приде Всеславъ к Новогороду; Новгородци же поставиша пѣлькъ противу ихъ оу зв'ѣринца на Къземли. И пособи Богъ Глѣбоу князю съ Новгородци. О велика бѣше съца Вожняномъ! И паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпустиша Бога

6 Древнейшая часть летописного свода до крещения Руси включительно была, как кажется, передана полнее: вспомним, что Синод, список утратил в начале 128 листов; на них древнейшие события могли быть изложены довольно обстоятельно. 7 Оставляем в стороне те новгородские известия, которые были в Повести вр. лет и могли попасть из нее.

8 По Нач. своду (Повести вр. лет) Святополк бежал в Печенеги после третьей битвы 6526 года).

деля. А назаутрие обретеса крестъ честный Володимеръ оу святеи Софие Новгороде при епископе Федоре».

Под 6585: «првставися Феодоръ архиепископъ Новгородскый».

Под 6587: «оубиша за Волокомъ князя Глеба месяца майя въ 30». Это известие есть и в Повести вр. лет, но в ней не указан день.

Мы отметили все новгородские известия, отсутствующие в Повести вр. лет в пределах до 1093. Укажем еще два не-новгородских известия, отличающих Синод, список от списков Повести вр. лет: под 6558 читаем: «родися Святопѣлкъ»; под 6577 к известию о бегстве Всеслава из Киева прибавлено: «и погоре Подолие». Нет основания признавать эти известия восходящими к новгородскому источнику свода, лежащего в основании Синод.: относим их на счет той редакции Повести вр. лет, по которой был дополнен новгородский источник Новгородского свода.

§ 141. Чтобы покончить с Синодальным списком, отметим, что утраченная часть его (рассказ до 1016 года) может быть восстановлена местами по спискам Новгородской 1-й летописи младшего извода⁹. Эта летопись в древнейшей редакции своей, доходившей до тридцатых годов XV столетия, составлена на основании: 1) Софийского временника, летописного свода, доведенного до 1421 года, 2) погодных записей владычной летописи, заполнивших 1422—1433 годы. В новейшей редакции, доведенной до сороковых годов XV столетия, Новгородская 1-я младшего извода дополнила текст древнейшей редакции вставками из Новгородского свода 1448 года, а в конце также еще выписками из погодных записей владычной летописи. Что касается Софийского временника, то он составлен на основании: 1) дефектного экземпляра Начального Киевского свода (в нем недоставало конца, начиная с окончания статьи 1074 года, а также в середине — листов, обнимающих конец статьи 6523 года и события 6524—6560 годов); 2) Синодального списка или, вероятнее, его протографа; 3) владычной погодной летописи. Составитель Софийского временника положил в основание своего труда Начальный Киевский свод; ему он следовал включительно до 1074 года; начиная с 1075 (6583) года, он держался Синодального списка, местами исправляя и дополняя его по владычной летописи; начиная с 6839 (1331), он следовал одной владычной летописи (Синодальный список доведен только до 1333). Но, как указано выше, в части 6523—6560 Начальный свод в том экземпляре, который имелся в распоряжении составителя Софийского временника, был дефектный. В этой-то части ему пришлось обратиться к протографу Синодального списка.

§ 142. Оставляю в стороне вопрос, не попало ли в Софийский временник что-нибудь из Синод, списка (из его протографа) в статье 6523 года. Но с полною уверенностью утверждаю, что статья 6524 года заимствована Софийским временником из (протографа) Синод, списка. До нас эта статья Соф. временника дошла в Новгор. 1-й не в первоначальном виде, а в соединении со вставками из свода 1448 года (как это ясно из отличий Ком. и сходных списков от Синодального во второй части статьи); но первоначальная

9 Списки Комиссионный, Академический и др.

редакция без труда восстанавливается путем исключения заимствований из свода 1448 года. Считаю поэтому вероятным, что первая часть статьи 6524 года («Бысть сеца у Любца, и одоле Ярославъ... почто приидосте с хром-чемъ тѣмъ?») читается в Ком. списке приблизительно так же, как она читалась в Соф. временнике, а в Соф. временнике она читалась некогда так же, как в Синод. списке.

Составитель Софийского временника прибег к Синод. списку один раз еще выше, для дополнения текста Начального свода. А именно он не мог отказаться от вставки статьи о крещении Новгорода, которую и поместил вслед за рассказом о крещении Руси под 6497. Соответствующую статью Ком. и сходных списков я возвожу к Софийскому временнику, в Софийском же временнике текст этой статьи был тождествен с текстом Синод. списка, ибо, согласно предыдущему, Соф. временник мог заимствовать его только из Синод. списка, так как других новгородских источников у него не было. Итак, к числу приведенных выше новгородских известий Синод. списка прибавляем рассказ о крещении Новгорода («Въ лето 6497. Крестися Володимиръ и вся земля Руская... и плы съ свита окошьное»).

§ 143. За этой статьей в Соф. временнике, по свидетельству обеих редакций Новгородской летописи младшего извода, следовали перечни великих князей киевских, князей новгородских, русских митрополитов, новгородских владык, русских епархий и новгородских посадников. Перечней этих ни в коем случае не могло быть в Начальном своде, да их и нет в Повести вр. лет. Следовательно, в Софийский временник они могли попасть только из протографа Синодального списка. Правда, перечни эти в известных частях оказываются гораздо моложе Синодального списка; перечень князей новгородских в древнейшей редакции Новгородской 1-й прописи младшего извода был доведен, как кажется, до Юрия Дмитриевича (1433—1434)¹⁰, а в позднейшей (Ком. и сходные списки) до Василия Васильевича (1425—1462); перечень митрополитов до Герасима (1434—1435), владык новгородских до первого, Евфимия (1424—1429)¹¹. Но это вполне понятно: составитель Новгородской 1-й летописи, где мы находим эти перечни, а еще раньше его составитель Соф. временника, куда они попали из протографа Синодального списка, довели их до своего времени. Между тем один из перечней, явно отражает момент составления самого Синодального списка (его протографа) или точнее общерусского свода, вызвавшего его к существованию — это перечень русских епархий, ведущий нас ко времени между 1303 и 1330 г.¹²

¹⁰ Ср. в списках Новгородской 5-й, в конце перечня: «посемь Василии Васильевичъ, а потомъ Дмитръ Юрьевичъ». Думаю, что «Дмитръ Юрьевичъ» позднейшая поправка вместо Юрия Дмитриевича, названного последним великим князем в Троицком списке Новгородской 1-й. младш. извода, который также зависел от древнейшей редакции. А второй Евфимий, получивший поставление в апреле или мае 1434 г., не назван.

¹² Это видно из того, что в перечне не названы епископии Галицкая, Перемышльская, Холмская, Луцкая и Туровская, отделившиеся от Киевской митрополии в начале XIV в., по-видимому, именно в 1303. Ср. Голубинский, Ист. русской церкви, II, 97. Вместе с тем в перечне не названа Суздальская епископия потому, что в 1299 году она вошла в

В начале перечней статьи 6497 года находим перечень великих князей киевских, доведенный только до имени Ростислава Мстиславича (1159—1166). Согласно с тем, что сказано выше, этот перечень читался в протографе Синодального списка; как указано выше, в основании протографа Синодального списка лежит труд Германа Вояты, составленный между 1165 и 1188; итак, мы вправе предположить, что перечень киевских князей до Ростислава Мстиславича включительно восходит к летописному своду Вояты или к еще старшему новгородскому своду, который списывался Воятой. В этом перечне видим определенное хронологическое указание на время составления как перечня, так и возникшего одновременно с ним свода; перечень и свод составлены до 1167 года, ибо в Новгороде знали бы в 1167 году, что великим князем сделался Мстислав Изяславич; ср. в Синод. 6675: «Седе Мъстиславъ Изяславищъ Кыеве на столе». Но мы видели, что составление свода должно отнести ко времени после 1165 года, после учреждения новгородской архиепископии. Следовательно, свод составлен в 1165—1167 г.¹³ Относится ли это определение к своду, вышедшему из-под пера Германа Вояты, или к тому своду, с которого снял копию Воята, выяснится из дальнейшего.

§ 144. Мы извлекли из Новгородской 1-й летописи старшего извода (Синод, списка) ряд указаний на существование новгородского свода, составленного в 1165—1167 г. и отредактированного Германом Воятой. В этом своде читались перечисленные выше древние новгородские известия. Анализ Новгородской 1-й летописи младшего извода (Ком. и сходных списков) несколько не увеличит наших сведений ни о своде 1165—1167 г., ни об источнике древних новгородских известий, ибо эта летопись восходит к Соф. временнику, составившемуся на основании, во-первых, Киевского Начального свода и, во-вторых, уже рассмотренного Синодального списка; кроме того в позднейшей редакции Новгородской летописи (редакции Ком. и сходных списков) оказываются заимствования из подлежащего нашему рассмотрению свода 1448 года. Для нас в настоящее время анализ Ком. и сходных списков важен лишь постольку, поскольку он приводит к восстановлению некоторых утраченных частей Синодального списка. Мы уже использовали Ком. и сходные списки с этой стороны. Переходим поэтому к другому новгородскому своду; а именно к своду 1448 года.

состав митрополичьей области и возобновлена лишь в 1330. Ср. Н. Д. Иерархия Всероссийской церкви, I, 75. Не названы также Коломенская, учрежденная в 1350, и Великопермская, учрежденная в 1383. Умолчание о Сарской епископии объясняется тем, что она разумелась под Переяславскою (фактически упраздненной в 1279 году). 13 Таким образом в перечнях, читаемых под 6497 г., в Ком. и сходных списках отразились следующие моменты: 1165—1167 г. — момент составления древнего Новгородского свода; 1303—1330 — момент составления Синод. списка (следовательно, точнее 1330 год, после которого в Синод. списке меняется почерк); 1421 год — момент составления Соф. временника (ср. в списке посадников новгородских имя Тимофея Васильевича, упоминаемого в летописи под 1421); 1433 — 1434 год — момент составления первой редакции Новгор. 1-й летописи младшего извода; 1434—1462 — момент составления второй редакции той же летописи. Кроме того, в Ком. списке читается после перечня епископии цифра 22, явно заимствованная из свода 1448 года (где епископии названо не 12, как в Новгор. 1-й, а 22).

§ 145. Новгородский свод 1448 года восстанавливается путем сравнения Новгородской 4-й и Софийской 1-й. На 1448-й год указывает хронологическая заметка под 1380 годом, заявляющая, что совпадения Пасхи и Благовещения надо ждать через 11 лет; такое совпадение в XV веке было в 1459 году; следовательно, эта заметка и включивший ее в свой состав свод написаны в 1448. В составе Новгородского свода 1448 года ярко выделяются заимствования из Софийского временника, того самого свода, который в некоторой переделке представлен списками Новгородской 1-й летописи младшего извода. Так, за вводными статьями, восходящими к Повести вр. лет, помещено Предисловие к Софийскому временнику, тождественное с тем, что читается в списках Новгородской 1-й младш. извода. И в дальнейшем составитель свода 1448 года все время руководствуется данными Софийского временника, соединяя их с текстом другого своего источника; зависимость его от Софийского временника становится особенно заметною начиная с изложения событий второй половины XI столетия; Софийский временник кладется в основание составлявшегося в 1448 году свода, а другой источник только дополняет его. Этим объясняется, напр., то обстоятельство, что статья 1074 года о смерти Феодосия обрывается на той же неоконченной фразе, что в Соф. временнике («обещая монастырем пещися »), между тем как другой источник Соф. временника содержал, конечно, всю статью о кончине Феодосия и сопровождал ее рассказом о первых подвижниках Печерских.

Зависимость от Софийского временника очевидна и из того что, начиная с 6583 (1075) года, свод 1448, до 1074 года довольно полно передававший текст Повести вр. лет, сокращает его, дает из него и из последующей киевской, затем суздальской и московской летописей сравнительно небольшие извлечения. Между тем события новгородские занимают гораздо больше места, и рассказ о них тянется на протяжении всего свода.

Выделив из состава свода 1448 года статьи, восходящие к Софийскому временнику, получим представление о другом источнике этого свода; изучение его в части, относящейся к событиям XIV и XV вв., показывает, что по содержанию своему это был общерусский свод, так как в нем переплетаются известия московские, ростовские, тверские, рязанские, смоленские, нижегородские, псковские и др. Более подробное исследование свода 1448 года с этой стороны дано в исследовании «Общерусские летописные своды XIV и XV в.»¹, к которому и позволяю себе отослать читателя. Таким образом, появление в 1448 году Новгородского свода аналогично появлению в тридцатых годах XIV столетия Новгородской 1-й летописи старшего извода. Как в 1448 году образование общерусского свода в Москве вызывает в Новгороде компиляцию, в состав которой входят статьи из общерусского свода и из местного новгородского свода (Софийского временника), так же точно в тридцатых годах XIV столетия возникший во Владимире общерусский свод порождает переделку местного новгородского свода, дополнение его заимствованиями из общерусского свода (так явился протограф Синод, списка).

Итак, в составе свода 1448 года оказываются: 1) статьи, восходящие к Софийскому временнику, 2) статьи, восходящие к общерусскому своду. Не подлежит сомнению, что общерусский свод 1423 года не мог обойтись без новгородских статей, в нем рядом с тверскими, псковскими и др. заимствованиями читались, конечно, и заимствования из новгородских летописей или какой-нибудь одной новгородской летописи. Поэтому определить, что именно в своде 1448 года восходит к Софийскому временнику и что к другому источнику, невозможно по новгородскому или неновгородскому происхождению той или иной статьи; с одной стороны, из общерусского свода могли попасть в свод 1448 года также и новгородские статьи, а с другой, Софийский временник (как видно из Новгор. 1-й) имел в своем составе неновгородские статьи и мог передать и их вместе с новгородскими в свод 1448 года. Более надежным основанием для признания той или иной статьи свода 1448 года восходящею к Софийскому временнику была бы наличность ее в Новгородской 1-й младш. извода; но, во-первых, Новгородская 1-я младш. извода выпускала, быть может, некоторые статьи своего источника — Софийского временника; во-вторых, новгородский источник, из которого общерусский свод 1423 года почерпнул свои новгородские известия, мог быть сходен, местами тождествен с Новгородскою 1-ю летописью старш. извода (протографом Синод, списка), почему наличность общих ста-

¹ См. ЖМНП за 1900 (сентябрь и октябрь) и 1901 (ноябрь) гг.

етей в Новгор. 1-й младш. извода и общерусском своде объяснялась бы использованием одним общим источником.

§ 146. Тем не менее в общем можно признать, что в своде 1448 года новгородские известия, которых нет в Новгородской 1-й летописи, должны быть возводимы к общерусскому своду.

Таких известий, в особенности в XIV и XIII в., можно указать довольно много. Ср. под 6845 сообщение об осаде немцами Корельского городка и о предательстве Валита Корелянина, воеводы новгородского (Соф. 1-я), под тем же годом о чуде в церкви св. Троицы на Рядитине улице (Соф. 1-я), под 6824 о походе Луки на Мурманы и избиении немцами ушкуев Игната Мольтина (Новг. 4-я), под 6835 о поставлении церкви в Десятинном монастыре (Новг. 4-я), под 6889 подробности о пребывании владыки Василия в Киеве и его злключениях на обратном пути (Новг. 4-я), под 6853 о закладке св. Спаса на Ковалева (Новг. 4-я), под 6855 о мире новгородцев с Литвою (Новг. 4-я), под 6858 о буре на Духов день, о поставлении церковей Флора и Лавра, Козмы и Демьяна и о закладке церкви св. Иоанна Златоустого (Новг. 4-я), под 6859 о поновлении церкви св. Бориса и Глеба в Околотке (Новг. 4-я), под 6860 о закладке каменной стены в Орехове (Новг. 4-я) и т. д. Замечательно то обстоятельство, что до двадцатых годов XIV в. подобных известий в своде 1448 г., известий, лиших против Новгор. 1-й, почти нет (см. относительно древнейшего периода ниже). Не поставим ли мы указанное выше обстоятельство в связь с тем, что до тридцатых годов XIV ст. доходит Синодальный список, по-видимому, в известных частях своих основательно исчерпавший содержание новгородского владычного свода; между тем как, начиная с тридцатых годов, составитель Софийского временника (откуда Новгор. 1-я летопись младш. извода) остался без руководства Синодального списка? Как видно из предыдущего, главным источником новгородского летописания была новгородская владычная летопись. Составитель Софийского временника делал выборку из владычной летописи не с тою тщательностью, что его предшественник. Об этом можно догадываться и из того, что самый труд предшественника (протограф Синод. списка) передан составителем Соф. временника с пропусками.

Таким путем мы приходим к заключению, что общерусский свод заимствовал свои известия не из Софийского временника, а из самой владычной летописи. Очевидно, с нее была снята копия и послана в Москву по распоряжению митрополита. Поэтому-то, в общерусском своде новгородские известия в значительной части были тождественны с известиями Софийского временника (Новгор. 1-я лет. младш. извода); но кроме таких изве-

Ср. под 6652 опущение известия о пожаре Холма и церкви св. Ильи, под 6657 — известия о лунном затмении, под 6675 — известия о кончине игуменьи св. Варвары и поставлении другой игуменьи, под 6687 — известия о кончине игуменьи св. Иоанна и поставлении другой игуменьи, под 6692 — известия о построении церкви св. Власия, под 6697 — о рождении у князя Ярослава Владимировича дочери, под 6698 — о рождении у него же сына, под 6696 — о построении нового моста через Волхов, под 6700 — о кончине игуменьи св. Воскресения и поставлении другой игуменьи, и т. д.

ствий в нем имелись и известия, опущенные составителем Софийского временника, не считавшим, очевидно, своею задачей исчерпать данные владычной летописи.

§ 147. Что же содержала копия с владычной летописи, полученная в 1423 году митрополитом, в древнейшей своей части? Иначе — что лежало в основании этой летописи? Погодные ли записи, начинавшиеся с XI века, или какой-нибудь свод этих древнейших записей, продолжавшийся погодными записями позднейшими? Разрешение этих вопросов видим в сопоставлении новгородских известий общерусского свода 1423 года с Синодальным списком.

Как отмечено выше, общерусский свод содержал лишь очень немного лишнего против Синодального списка известий — мы объясняем себе это тем, что составитель Синодального списка тщательно использовал владычную летопись новгородскую, так же тщательно использованную и составителем общерусского свода. Но в части, содержащей древнейшие новгородские известия, общерусский свод расходился самым резким образом с Синодальным списком. Почти не содержа лишнего против Синодального списка известий для XII, XIII и XIV вв., общерусский свод насчитывал (по свидетельству свода 1448 г., или точнее обоих его отпрысков — Софийской 1-й и Новгородской 4-й) десятки лишнего известий для XI в. Отчего же происходит такое различие? Это различие удовлетворительно объясняется изображенною выше историей Синод, списка (его протографа): не во всех частях своих он представлял непосредственную выборку из владычной летописи; в основании его лежала не соответствующая выборка погодных известий из названной летописи, а готовый уже труд Германа Вояты — летописный свод, отредактированный Воятой в промежутке между 1165 и 1188 г. А Герман Воята, как мы видели, сильно сокращал свой источник (или свои источники), причем сокращения особенно резко сказались в рассказе о событиях XI века; начиная приблизительно с 6611 года сокращений меньше (о чем свидетельствует отсутствие пустых, незаполненных годов)³. Следовательно, общерусский свод сходствовал в своих новгородских известиях с Синодальным списком, начиная с того места, где последний (сам ли это составитель протографа Синод, списка или Герман Воята — для нас безразлично), бросив сокращать, стал передавать владычную летопись полностью; напротив, до того места общерусский свод расходился с Синодальным списком, ибо последний сокращал, а общерусский свод передавал полностью эту летопись. Иначе — общерусский свод сходствует с Синодальным списком там, где последний совпадает с владычной летописью, различается от него там, где Синод, список ее сокращает.

§ 148. Итак, для нас становится все яснее, что Герман Воята не был составителем свода: его труд заключался в сокращенной передаче своего оригинала; невероятно, чтобы, сократив свои новгородские известия, он

³ Не заполнен 6629 год; ср. выше незаполненные годы: 6583, 6584, 6588—6595, 6602, 6604, 6606—6608, 6610.

вместе с тем позаботился пополнением их известиями киевскими; совершенно очевидно, что Герман Воята сокращал готовый летописный свод, соединявший новгородские известия владычной летописи с известиями киевской летописи.

Синодальный список, или точнее — лежащий в основании его летописный свод, отредактированный Германом Воятой, предполагает существование в XII в. новгородского летописного свода, составленного на основании владычной летописи и дополнившего известия этой летописи по летописи киевской. Этот летописный свод и по широте замысла и по средствам, потребовавшимся для его исполнения, не мог быть делом частного лица; а я полагаю вероятным, что он возник по повелению Новгородского владыки.

§ 149. Обращаюсь теперь к прямому ответу на поставленный выше вопрос; не лежал ли в основании из году в год ведшейся новгородской владычной летописи тот самый свод XII века, который предполагается Синод. списком, ведущим нас к труду Германа Вояты?

В числе известий, попавших из владычной летописи в общерусский свод, а из общерусского свода в свод 1448 года, читалось следующее: «Въ лето 6557, месяца марта въ 4 день суботный, сгоре церкви святая София; бѣше же честно устроена и украшена, 13 верхи имущи, а стояла конѣцъ Пискупли улицы, надъ Волховомъ, идеже нынѣ постави Сотко церковь камену святого Бориса и Глеба». Известие о пожаре св. Софии несомненно древнее: об этом свидетельствует указание на то, что он произошел в день суботный; Синод. список сохранил еще подробность: «в час 3 ». А между тем редакция, в которой оно изложено, ни в коем случае не современна самому событию: Сотко Сытинич заложил каменную церковь святых мучеников Бориса и Глеба весной 6675 (1167) года. Но к какому же времени отнесем мы эту редакцию? В 1262 году эта церковь сгорела от грома, возобновлена она была лишь лет через сорок (освящена 9 декабря 1304). Следовательно, редакция приведенного известия ведет нас не к XIV и не ко второй половине XIII в., а к более раннему времени. Впрочем, слово «ныне» прямо указывает на время около 6675 года: мы не читаем «идеже НЫНЕ стоит церковь», а читаем «идеже НЫНЕ постави». Итак, вот ясное свидетельство в пользу того, что древние новгородские известия подверглись обработке во второй половине XII в. или, что то же, что во второй половине XII в. возник новгородский летописный свод.

Время составления свода определяется приведенным известием. Оно указывает на то, что свод составлен около 1167 года. Итак, перед нами новое указание все на те же годы, которые мы называли раньше. На основании копии, составленной с этого свода Германом Воятой, мы утверждали, что новгородский свод появился не раньше 1165 года (титул архиепископа распространен на древних владык новгородских); далее, имея в виду находившийся в этом своде перечень киевских в. князей, доведенный до Ростислава Мстиславича (умершего в 1166), мы заключали, что свод составлен до получения в Новгороде известия о вокняжении в Киеве Мстислава Изяславича (середина мая 1167), — следовательно, приблизительно до начала июня этого года. Теперь мы видим, что в этом своде сообщалось о постав-

лении церкви Бориса и Глеба (весна 1167 года); подводя итог всем трем указаниям, видим, что этот свод составлен в апреле или мае 1167 г.

Появление новгородского свода 1167 года стоит в прямой связи с учреждением новгородской архиепископии. Новый владыка новгородский (поставленный 28 марта 1165 года) признал необходимым подвести итог предшествующей церковной жизни Новгорода за время управления епископов. Он повелел составить летописный свод.

§ 150. Главное свое содержание летописный свод архиепископа Ильи почерпнул из погодной владычной летописи. Но начало свода основывалось на других, предшествующих сводах. Прежде всего отмечаем заимствования из летописного свода неновгородского. Проследить эти заимствования удобно только по Синодальному списку, так как общерусский свод, включивший в свой состав владычную летопись, а с нею вместе летописный свод 1167 года, соединил их с заимствованиями из других сводов неновгородских. Оставив в стороне XI век, отмечаем в XII некоторые известия, восходящие к неновгородскому источнику: под 6609 (1101) смерть Всеслава, под 6611 (1103) рассказ о походе русских князей против Половцев и о победе Мордвы над Ярославом, под 6613 (1105) известие о поставлении трех южнорусских епископов, под 6615 (1107) — о землетрясении 5 февраля, под 6617 (1109) — о полой воде в Днепре, Десне и Припяти и о закладке церкви (Золотоверхой) Святополком, под 6619 (1111) — о славном походе русских князей в глубь степей Половецких, под 6621 (1113) — о походе Ярослава Святополчица на Ятвягов, его женитьбе на Мстиславне и о кончине Святополка и Давыда, под 6622 (1114) — о кончине Святослава Владимировича и поставлении Феоктиста епископом черниговским, под 6623 (1115) о перенесении мощей Бориса и Глеба и кончине Олега Святославича.

§ 151. Замечательно, что все эти и некоторые другие известия предшествуют новгородским известиям соответствующих годов: в начале годовой статьи излагаются события неновгородские, а уже за ними новгородские⁴. Эта особенность в размещении событий, взятых, очевидно, из двух источников, позволяет нам утверждать, что заимствования из источника неновгородского (киевского) шли в свод 1167 года только до 6623 (1115) года. Действительно, начиная с 6624(1116) всюду на первом месте оказываются новгородские события. В связи с этим стоит и то, что в сущности и по содержанию своему ни одно из известий позже 6623 года не предполагает наличия неновгородского источника.

§ 152. Правда, мы найдем в Синод. списке на протяжении 6624—6675 несколько записей о событиях южнорусских, но все эти записи могли возникнуть и не на Южной Руси, а в Новгороде, куда приходили сообщения из Киева, путем устной передачи. Так, прежде всего видим в Синод. списке сообщения о смене великих князей; отмечены: кончина Владимира Мономаха

4 На пространстве от 6605 года (с которого новгородские известия становятся чаще) и до 6623 правило это нарушено только под 6616 и 6618, и то потому, что в этих статьях совсем нет неновгородских статей.

(но без указания дня), кончина Мстислава (14 апреля), кончина Ярополка и вокняжение Вячеслава (но умолчано о вокняжении Всеволода Ольговича), кончина Всеволода Ольговича (месяца июля), вокняжение Игоря и изгнание его Изяславом, изгнание Изяслава Юрием, победа Изяслава над Юрием (17 июля 6659), смерть Изяслава (14 ноября), смерть Вячеслава, прибытие в Киев Ростислава и изгнание его Изяславом Давидовичем, вокняжение в Киеве Юрия (на вербницу 6663), кончина Юрия (весной 6665) и вокняжение Изяслава Давидовича, победа Мстислава Изяславича над Изяславом Давидовичем, и нек. др. Все эти известия живо интересовали и волновали Новгород: частью они касались князей, сидевших в Новгороде и оставивших там по себе добрую память (Мстислава, Изяслава), частью от отмеченных событий зависели перемены в жизни самого Новгорода, находившегося в теснейшей зависимости именно от киевских великих князей. Далее отмечена кончина митрополитов: Константина под 6667, Иоанна под 6674. Не совсем ясна причина записи кончины жены Изяслава под 6659; не была ли она (имя ее неизвестно) так или иначе связана с Новгородом, не из Новгорода ли она родом? Из известий, не связанных с лицами, отметим только одно южнорусское под 6631: «въ то же лето падеся церкы святаго Михаила Переяславли ». Но ничто не мешает допустить, что и это известие дошло в Новгород путем устной передачи. Все остальное, что Синод, список сообщает об южной Руси, тесно связано с Новгородом, напр., известие о походе всей Русской земли на Галич под 6653 занесено потому, что в походе участвовали и новгородцы, пришедшие на помощь киевлянам с воеводою Неревинем.

§ 153. Итак, в распоряжении Новгородского свода 1167 года находился неновгородский свод, использованный им в пределах до 6623 (1115) года. Очевидно, это был список с Повести вр. лет и притом не содержащий продолжения по Киевской или иной летописи — иначе в Новгородском своде находились бы известия этих летописей, иначе в начале погодных записей мы, как и до 6623 года, читали бы эти неновгородские известия. Но Повесть вр. лет, использованная составителем Новгородского свода 1167 года, очевидно, не была тождественна с тою редакцией, что читаем в Лавр, или Радзив. списках. Во-первых, она излагала подробно события и после 6618 (1110) года, между тем как Лавр, и Радз., начиная с 1111 года, сокращают Повесть; ср. под 6619 город «Шарукань », которого нет в Лавр, и Радз. (но он есть в Ипат.), под 6621 о женитьбе Ярослава Святополчича, чего нет в Лавр, и Радз. (но есть в Ипат.); под 6623 названы князья, бывшие при перенесении Бориса и Глеба, их имен нет в Лавр, (но они есть в Ипат.); под 6623 упомянуто о солнечном затмении, его нет в Лавр, и Радз. (но есть в Ипат.). Во-вторых, ряд особенностей в тексте сближали эту редакцию Повести вр. лет с тою, что находится не в Лавр, и Радз., а в Ипат.; так, под 6614 (1106) читаем: «избиша Половчы на Дунай », в Лавр, и Радз. не видно, чтобы Половцы были избиты именно на Дунае («и угониша Половце и полонъ отяша»); ср. в Ипат.: «и угонивыне до Дуная, полонъ отяша, а Половць исьсекоша»; под 6623 (1115) смерть Олега Святославича отнесена к 1 августа, как в Ипат., между тем в Лавр, к 8 августа, а в Радз. к 18 августа.

§ 154. Необходимо различать две редакции Повести вр. лет: первую, составленную в 1116 году игуменом Сильвестром и доведенную до 1110 года,

и вторую, продолженную, по крайней мере, до 6625 (1117) года. Первая представлена списками Лаврентьевским и Радзивиловским, вторая Ипатьевским списком. Здесь не место распространяться ни относительно того, что в Лавр, и Радз. проникли некоторые статьи и известия второй редакции, ни относительно того, что вторая редакция в Ипат. списке подверглась влиянию первой. Мы возвращаемся к Новгородскому своду 1167 года и утверждаем, что в его распоряжении находилась именно вторая редакция Повести вр. лет.

Как отмечено, общерусский свод, насколько он восстанавливается по своду 1148 года, дает весьма скудные данные для суждения об особенностях той редакции Повести вр. лет, которая вошла в его состав путем свода 1167, включенного в общерусский свод вместе со всею владычною новгородскою летописью; это зависело от того, что общерусский свод пользовался и другими сводами, содержащими Повесть вр. лет. Тем не менее, кое-какие указания на особенности той редакции Повести вр. лет, что читалась в Новгородском своде 1167 года, извлекаем и из анализа общерусского свода, точнее из анализа происшедшего из него свода 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й).

§ 155. Мы ниже вернемся еще раз к рассмотрению статей, извлеченных общерусским сводом из Новгородского свода 1167 года, а здесь остановимся пока лишь на одной такой статье.

Под 6395 (887) в Соф. 1-й и Новгор. 4-й находим хронологическую выкладку русских событий. В Повести вр. лет (Лавр, и др.) соответствующая статья читается под 6360 (852), в своде 1448 (Соф. 1-й и Новг. 4-й) под 6360 имеется лишь первая часть хронологической статьи (события до царя Михаила), между тем, вторая (русские события) распределена между статьями 6387 года (годы от Рюрика до Олега) и статьями 6395 (годы остальных событий). Я думаю, что такое распределение хронологической статьи 6360 года перешло в свод 1448 года из общерусского свода, а в общерусский свод из Новгородского свода 1167; в этот последний распределение это заимствовано, как мне кажется, из Повести вр. лет второй редакции. Впрочем, должен сделать теперь же оговорку. К Новгородскому своду 1167 г. и далее к Повести вр. лет второй редакции может восходить не весь текст статьи 6395 года; в нем ясно обнаруживается следующая вставка: «А отъ Михаила царя до крещения Болгарьскыя земли летъ 17... а отъ перваго до втораго пренесеша летъ, а до взятия Юевскаго летъ 87, а отъ взятия Киевскаго до Калковского бою ЛЕТЪ 20». Что это вставка, видно хотя бы из начала, где упомянут Михаил царь, о котором выше ничего не сказано. Вставка эта заимствована из подобной же хронологической выкладки, читавшейся (быть может, в том же общерусском своде) под 6732 (1224) перед повестью о Калкомском побоище⁵. Исключив эту вставку, увидим, что известие «а Володимерь 37 летъ» (за ним читается вставка) восходит к статье 6360 года

⁵ Мне такая выкладка известна по Рогожскому летописцу, открытому Н. П. Лихачевым и теперь издаваемому Имп. Археогр. Комиссиею) под его редакцией. Перед повестью о Калкомской битве читаем: «Купно отъ Адама до Христа летъ 5500... Отъ Костянтина до Михаила царя летъ 542. Отъ Михаила до крещения Българскыя земля летъ... Отъ пленения Юевскаго до Калковского бою летъ 20, индиктиона 10».

первой редакции Повести вр. лет (Лавр, и др.); между тем, слова «а Святополкъ окаянный 3 лета княжи, бияся съ братомъ своимъ Ярославомъ» представляются дополнением, внесенным другим редактором (ср. выше подобные же дополнения относительно времени Игоревой женитьбы); следующие за сим слова: «Отъ Ярослава лет 40» оказываются искажением слов «а Ярославъ княжи летъ 40». За этими словами в первой редакции читаем: «Темже отъ смерти Святослави до смерти Ярославли летъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи летъ 60 ». Выкладка общерусского свода опустила эти слова, но вместо них в ней читаем следующее: «отъ Володимера Ярославича лета 4». Если правильно предположение, что перед этими словами опущено только что приведенное указание на годы от смерти Святослава до смерти Ярослава и от смерти Ярослава до смерти Святополка, то слова «отъ Володимера Ярославича лета 4 » я нахожу необходимым восстановить в первоначальном их чтении так: «а Володимеръ княжи лета 4», т. е. под Володимером понимаю Владимира Мономаха, и вижу в этом указание на то, что выкладка составлена в пятое лето княжения Мономаха, т. е. в 1118 году. Подтверждение такому пониманию и исправлению имени Володимера Ярославича на имя Владимира (Всеволодича) вижу в том обстоятельстве, что непосредственно за сим читалось в общерусском своде⁶: «Володимера Ярославича сынове: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Всеволодъ, Юрьи, Андрей», т. е. в нем перечислялись сыновья Владимира Мономаха, ошибочно названного второй раз Владимиром Ярославичем.

Итак, хронологическая выкладка, а следовательно, и содержащий ее летописный свод составлены в 1118 году, в пятый год княжения Мономаха. Наш вывод подтверждается и перечнем сыновей Мономаховых; мы не находим среди них ни Святослава, скончавшегося в 1114, ни Романа, скончавшегося 6 января 6626; следовательно, состав сыновей Мономаха, данный в перечне, соответствует как раз 1118 году*.

Выше мы сделали вывод, что в распоряжении составителя Новгородского свода 1167 года была Повесть вр. лет во второй ее редакции. Наш вывод подтвердился: в распоряжении составителя Новгородского свода была Повесть вр. лет в редакции, составленной в 1118 году.

§ 156. После этого необходимого отступления возвращаемся к вопросу об источниках свода 1167 года. И прежде всего отмечаем вероятность того, что архиепископский свод 1167 года должен был положить в свое основание старший епископский свод XI века. Анализ Начального свода показал нам (гл. VII), что его составитель пользовался в числе источников Новгородским сводом. Нам удалось сделать даже определенные выводы об общем характере этого Новгородского свода: он основывался на Древнейшем Киевском своде, следовал ему, местами перерабатывая его на основании местных новгородских известий. Вероятно ли, чтобы в Новгороде в 1167 году, когда создавали новый свод, забыли о старом, составленном в XI в.? Анализ Синодального списка основывавшегося в конце концов на

6 Основываюсь на показании Новгор. 4-й.

своде 1167 года, обнаружил в части до 1093 года (времени составления Нач. свода, уже имевшего в своем распоряжении Новгородский свод) ряд новгородских известий, изложенных притом так, что явно обличают современные событиям записи (указаны дни месяца, иной раз и недели). Следовательно, эти известия читались и в своде 1167 года. Анализ свода 1448 года показывает, что и в общерусском своде содержались те же самые известия XI века, а частью еще и другие местные известия, явно обличающие современную запись: мы приведем эти известия ниже; эти известия попали в общерусский свод, согласно предыдущему, из Новгородского свода 1167 года.

§ 157. Итак, ясно, что в составе свода 1167 года находился и старший Новгородский свод, составленный в XI веке, тот самый свод, выдержки из которого попали в Начальный Киевский свод. Ставим вопрос: когда именно составлен этот старший Новгородский свод, до какого именно года он служил источником для составителя свода 1167 года?

Ниже, в конце исследования, мы приводим доказательства в пользу того, что этот свод составлен в 1050 году. Но в общерусском своде, как это доказывает свод 1448 года, есть указания на то, что свод этот получил продолжение еще в XI в. Так, для пятидесятих годов XI столетия насчитывалось четыре новгородские известия (отсутствующие в Повести вр. лет)⁷; для шестидесятих годов пять таких известий⁸; для семидесятих годов три известия⁹. Между тем для восьмидесятих годов не отыскивается ни одного новгородского известия ни в общерусском своде, ни также в Синод, списке; нет их и для первых пяти лет девяностых годов. Только начиная с 6603 (1095) видим опять ряд, сначала, впрочем, очень скудный, новгородских известий. Думаю, что отсюда можно сделать заключение о том, что новгородское летописание в XI веке велось с перерывами, причем особенно значительный перерыв падал на 1079—1094 гг.; не забудем, что вследствие именно такого перерыва остались неотмеченными такие события, как смерть Германа, который, судя по числу лет его владычества, умер в 1095, а также поставление Никиты, его преемника. Такие перерывы в новгородском летописании не свидетельствуют о тех или иных моментах, до которых был доведен летописный свод, а показывают только, что погодные записи велись не непрерывно, а со значительными промежутками.

Итак, нахожу вероятным, что первый новгородский владычный свод, составленный в середине XI века, был положен в основание Новгородского свода 1167 года уже в распространенном позднейшими приписками виде. Приписки эти не могут, однако, служить доказательством того, что этот свод составлен сам, скажем, например, около 1079 года.

7 Смерть Владимира Ярославича (с указанием дня смерти); прибытие Изяслава в Новгород, назначение посадником Остромира, поход Остромира на Чудь и убиение его, поход Изяслава на Чудь; клевета против владыки Луки и заточение Луки в Киеве; возвращение Луки в Новгород и наказание клеветника Дудики.

8 Смерть Луки; поставление Стефана; нападение Всеслава на Новгород; смерть Стефана; победа Глеба над Всеславом.

9 Смерть владыки Феодора; поставление Германа; убиение Глеба в Заволочии (с указанием дня).

Владычный свод 1167 года лег в основание дальнейшего новгородского летописания; к нему стали приписываться погодные записи. В таком виде этот памятник стал известен составителям общерусского свода 1423 года.

§ 158. Прежде чем перейти к ближайшему рассмотрению свода XI века, как мы пока условно обозначаем Новгородский свод, подведем итоги нашему исследованию об источниках свода 1167 года. В основание его положена новгородская владычная летопись, которая представляла из себя соединение первого владычного свода с последующими погодными записями; это основание дополнено (и дополнено притом, как кажется, во всех частях)¹⁰ по Повести вр. лет второй редакции (редакции 1118 года).

§ 159. Свод XI века может быть по данным свода 1448 года (восходящим к общерусскому своду), с одной стороны, по данным Синод. списка, с другой, восстановлен лишь гадательно. Оба названные памятника ведут нас собственно к своду 1167 года; по исключению из этого свода прямых заимствований из Повести вр. лет второй редакции, мы получили бы, конечно (в пределах до середины XI в.), текст первого Новгородского свода. Но, во-первых, самый свод 1167 может быть восстановлен лишь предположительно; во-вторых, как угадать, что именно взято в свод 1167 года из Повести вр. лет и как отличить это от того, что взято еще сводом XI века из Древн. киевского свода?

Имеем, однако, в виду, во-первых, полную вероятность того, что все специально новгородские известия общерусского свода (не читавшиеся в Повести вр. лет) заимствованы им в пределах до 1167 года из свода 1167 года, а в пределах до середины XI века в конце концов большею частью из свода XI в.; имеем в виду, во-вторых, что резкие отличия в тексте Повести вр. лет в общерусском своде, в пределах до середины XI в., не могут быть возведены ни к известным нам редакциям Повести вр. лет, ни также к той второй редакции, которая в довольно полном виде отразилась в Ипатьевском и сходных с ним списках, почему их придется возвести, в том случае, если отличия эти представляют более древний текст, чем текст Повести вр. лет, к Древнейшему своду (итак, заимствования из него попали в общерусский свод через посредство Новгородского свода 1167 и далее Новгородского же свода XI в.).

Поэтому, выделяя из свода 1448 года, во-первых, специально новгородские известия, во-вторых, статьи, содержащие более древний текст, чем Повесть вр. лет, мы вправе и то и другое возвести к Новгородскому своду XI в.

§ 160. Остановимся сначала на специально новгородских известиях свода 1448 года (восходящего к общерусскому своду 1423 года). Мы сказали, что в пределах до середины XI в. большая часть их может быть возведена к своду XI в. Такую оговорку (большая часть) пришлось сделать в виду уже известного нам известия о пожаре новгородской Софии, изло-

¹⁰ Напр., под 6552 из Повести вр. лет заимствовано известие о христианском погребении останков князей Ярополка и Олега; в Древн. своде (см. выше), а следовательно, и в новгородском своде XI в. не было этого известия. Под 6558 сообщено о рождении Святополка, чего не давал не только Нач. свод, но и первая редакция Повести вр. лет.

женного в редакции 1167 года («идеже ныне постави Сотко церковь каме-ну святого Бориса и Глеба »).

§ 160¹. В рассказе о расселении Словен, после слов Повести вр. лет «СЛОВЕНИ же седоша около озера Ильменя, и прозвашася своимъ именемъ, и съделаша градъ и нарекоша Новъгородъ», в своде 1448 года и общерусском своде 1423 года читалось: «и посадиша старейшину Гостомысла »; эта прибавка восходит к своду 1167 года, где, вероятно, читалась соответствующая статья, заимствованная, согласно предыдущему, из Повести вр. лет второй редакции. Находим неизбежным возвести это известие к своду XI века и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода.

§ 161. Остальные новгородские известия свода 1448 года приводятся здесь в хронологическом порядке, причем отмечаем, во-первых, соответствие им известий Синодального списка, во-вторых, те редакционные изменения, которым они подверглись в общерусском своде.

Под 6497 (989) или 6499 (991) в своде 1448 года читалось известие о крещении Владимира, Русской земли и Новгорода, восходящее к своду 1167 года. Мы видели выше, что это известие находилось и в Синодальном списке (своде Вояты) и восстанавливается притом для Синод, списка по Новгородской 1-й младшего извода. Сравнительно с текстом (протографа) Синодального списка текст свода 1448 года оказывается, во-первых, подновленным вставкой, восходящею, по-видимому, к общерусскому своду: вместо «Крестися Володимиръ и вся земля Руская, и поставиша в Киеве митрополита, а Новуграду архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и диаконы», читаем: «Крестився Володимиръ и взя у Фотия патриарха у Цареградскаго перваго митрополита Клеву Леона, а Новугороду архіепискупа Якима Корсунянина, а по инемъ градомъ епискупы и попы и диаконы, иже крестиша всю землю Русьскую ». Вставка эта стоит в связи с влиянием, оказанным на общерусский свод со стороны Церковного устава Владимира где читаются слова «приялъ есмь крещение отъ Гречьскаго царя и отъ Фотия патриарха Царегородьскаго, и прияхъ отъ него перваго митрополита Леона Юеву, иже крести всю Русскую землю святымъ крещешемъ». Во-вторых, текст свода 1448 года сравнительно с Синодальным списком представляет следующее дополнение после слов «влечахуть и по калу, биюще жезлиемъ» — «и пихающе, и въ то время вшелъ бѣ¹ въ Перуна бесъ, и нача кричати: о горе, охъ мне! достахся немилостивымъ симъ рукамъ; и врину-ша его въ Волхово. Онъ же, пловя сквозе великий мостъ, верже палицу свою на мостъ, еуже и НЫНЕ безумнии убивающесе утеху творять бесомъ ». Я думаю, что эти слова читались в своде 1167 года; они опущены протографом Синод, списка (Германом Воятой) в силу того, что здесь вообще сокращались статьи и известия свода 1167 года. Доказательство того, что место это находилось в первоначальном рассказе, вижу в том, что здесь упомянуто «вринуша его въ Волхово». В Синод, списке момент ввержения Перуна в воду опущен, а между тем он необходим. — Читалась ли статья о крещении Новгорода в таком же виде в своде XI века? Думаю, что нет; редакция

1167 года наложила на эту статью свой отпечаток: именно в ней оттенено, что Новгород получил архиепископа, а прочие города епископов. Вероятно, в своде XI века соответствующее место было изложено так: «и поста-виша по всемъ градомъ епископы и попы и диаконы». Вспомним, что ни Повесть вр. лет, ни тем более Нач. свод или Древн. свод не упоминают о киевском митрополите до 1039 года. В виду указанного явного подновления статьи о крещении Новгорода в своде 1167 года, сомневаюсь в том, чтобы подробности о свержении Перуна восходили к своду XI века. Скорее они составлены частью под влиянием аналогичного рассказа Повести вр. лет, частью же по позднейшим преданиям; в особенности сомнительно, чтобы к XI в. восходило сообщение о палице, брошенной на великий мост, а между тем можно думать, что это сообщение читалось в своде 1167 года, несмотря на умолчание Синод, списка.

§ 162. Под 6523 годом читаем в своде 1448 года те самые подробности о событиях, предшествовавших выступлению Ярослава из Новгорода против Святополка, который, судя по Новгор. 1-й младшего извода, находились и в Синод, списке. Конечно, текст Синод, списка являлся бы первоначальнее текста свода 1448 года, слившего новгородскую статью с соответствующей статьей Повести вр. лет. Замечу, что текст Синод, списка (и его протографа), если даже он был тождествен с текстом свода 1167 года, ни в коем случае не был тождествен с текстом свода XI века; редактор свода 1167 года, перерабатывая текст свода XI в., мог внести кое-что из Повести вр. лет; так фраза «И в ту же ночь ис Кыева сестра Ярослава Передслава присла къ нему весть, рекъши» представляется мне заимствованною из Повести вр. лет.

§ 163. Под 6524 битва Ярослава с Святополком рассказана была в общерусском своде 1423 года согласно со сводом 1167 года, как видно из совпадения текста свода 1448 с текстом Синод, списка. Конец статьи расходится с Синод, списком; здесь сказалось, конечно, влияние Подвести вр. лет; ср. выше § 140.

Под 6527 годом, в конце статьи, в Соф. 1-й и Новгор. 4-й читаем: «И нача Ярославъ воя делити, старостамъ своимъ по десяти гривень, а смердомъ по гривне, а Новгородцемъ по десяти гривень, и отпусти я вся домовъ; и давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ». Засим в списках Соф. 1-й следуют: Русская Правда, Судебник Греческого царя Константина и проч.; между тем в Новгор. 4-й этих статей нет. Но в Ком. списке, который, как мы знаем, начиная с конца 6523 года, дополняет текст Софийского временника (тождественного в соответствующем месте с Синод, списком) по Новгородскому своду 1448 года, мы находим под 6524 годом (лишние против Синод, списка) слова: «и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамоте ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите», а за ними: «А се есть Правда Рускаа » и далее текст Правды. Не сомневаюсь в том, что и эти слова и текст Правды попали в Ком. список из свода 1448 года; в свод же 1448 года они внесены из общерусского свода, а в этот

последний из новгородской владычной летописи, в частности же из лежащего в основании ее свода 1167 года, хотя возможно, что в новгородском источнике общерусского свода читался не текст Русской Правды, а текст Ярославовой грамоты. Об этом скажем ниже, в конце настоящего исследования¹¹.

Под тем же 6527 годом, в самом конце статьи, читаем следующее новгородское известие: «Коснятинъ же бяше тогда въ Новотороде, и разгневался на нь великий князь Ярославъ, и поточи и въ Ростовъ и на третье лето по-веле его убити въ Муроме, на реце на Оце ». Не сомневаюсь в том, что это известие путем свода 1167 года восходит к своду XI века: последний говорил о Константине и выше, в рассказе о том, как новгородцы с Константином посадником во главе помешали Ярославу, разбитому Святополком, бежать за море.

§ 164. Под 6529 в своде 1448 года подробнее, чем в Повести вр. лет, рассказывалось о нападении Брючислава Полотского на Новгород, а именно в нем имеется лишняя фраза в середине статьи: «и полонъ отъ него отъя, елико бяше Новгородсюя волости, и посла ихъ къ Новугороду ». А в конце статьи помещено еще следующее: «И отътоле призва къ себе Брючислава и давь ему два города Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною зао-динъ. И воеваше Брючиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего». Все известие о Брючиславе имеет (и в самой Повести вр. лет) характер новгородский. Признаю поэтому, что в свод 1448 года и в общерусский свод статья попала из свода 1167 года и далее из свода XI века.

Под 6532 в своде 1448 подробнее, чем в Повести вр. лет, была изложена статья о подавлении Ярославом мятежа в Суздальской земле. Так, после слов «яко си держать годину» вставлено «и жито и голодъ пушаютъ»; далее после: «и *бк* мятежь великъ и гладъ по всей стране той» вставлено «яко мужю своя жена дати, да кормятъ себе челядиномъ»; наконец, после «а человекъ не ВЕСТЬ ничтоже» вставлено «Христось Богъ единъ вестъ на небесехъ». Мы уже высказывали выше (гл. VII), что в Повесть вр. лет путем Начального свода это известие попало из новгородского источника. В виду этого считаю вероятным, что приведенные подробности попали в общерусский свод 1423 года (а оттуда в свод 1448) из Новгородского свода 1167 года и далее из свода XI века.

§ 165. Под 6538 в своде 1448 года, после сообщения о походе Ярослава на Чудь, читалось: «и прииде къ Новугороду, собра отъ старость и отъ по-повъ детей 300 учти книгамъ. Того же лета преставися архиепископъ Акимъ; бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше ». В новгородском происхождении этих известий усомниться нельзя; а это делает вероятным, что и предшествующее известие о походе Ярослава на Чудь и основании им

¹¹ Составитель Соф. 1-й заменил неудовлетворительный, по его мнению текст другим взятым из приложений к своду 1448 года, и списал за Русской Правдой также и другие статьи приложений. Ср. эти статьи в приложениях к Ком. списку, дополнившему и в этих статьях текст Соф. временника по своду 1448 года.

Юрьева новгородское и попало, следовательно, в Повесть вр. лет путем Начального свода из Новгородского свода XI века. Фраза «иже ны учаше» может быть отнесена на счет сводчика середины XI века. Ясно, что составитель свода вспоминает себя и своих сверстников.

Под 6540 в своде 1448 года читалось: «И тогда же Улебъ иде изъ Новгорода на Железные врата, и опять мало ихъ приде». Новгородское происхождение известия очевидно.

Под 6542 в своде 1448, после сообщения о посажении Ярославом сына своего Владимира на княжение в Новгороде и поставлении епископа Жиряты, читалось: «и людемъ написа грамоту, рекъ: по сей грамоте дадите дань. Бяше бо хромоногъ, но умомъ свершенъ и храборъ на рати и христианъ, чтяше самъ книги». В виду явно новгородского происхождения известия о грамоте Ярославовой, признаю вероятным, что и известие о поставлении Ярославом епископа происхождения новгородского (в Начальный свод оно внесено из свода XI в.). Что же касается характеристики Ярослава, то весьма вероятно, что она составлена не без влияния соответствующей статьи Древн. свода, где именно около того же времени сообщалось о христианских добродетелях Ярослава и любви его к книгам.

Под 6546 в своде 1448 читалось: «Иде Ярославъ весне Киеву и на зиму ходи на Ятвягы, и не можаху ихъ взята»; в Повести вр. лет только: «Ярославъ иде на Ятвягы». В виду обстоятельности и явно новгородского происхождения («иде Киеву»), признаю эту статью заимствованною в конце концов из свода XI века.

Под 6652 в своде 1448 находилось: «Ходи Ярославъ на Литву; а на весну заложи Новъгородъ и съдела и». В новгородском происхождении известия не может быть сомнения.

§ 166. Под 6557 в своде 1448 читалось: «месяца марта въ 4 день субботный, сгорѣ церкви святая Соф!я; бяше же честно устроена и украшена, а стояла конецъ Пискупли улицы, надъ Волховомъ, идеже НЫНЕ постави Сотко церковъ камѣну святаго Бориса и Глеба». Мы видели уже это известие в другой редакции по Синод. списку, где читается: «Въ лито 6553. Съгоре святая София, въ субботу, по з а у т р ѣ н и и, въ часъ 3 месяца марта въ 15». Как же читалось это известие в своде 1167 года, куда, согласно предыдущему, восходят, с одной стороны, Синод. список, а с другой, новгородские известия свода 1448 г. (общерусского свода 1423 г.)? Я думаю, что в своде 1167 года оно читалось так же, как в своде 1448 года, хотя и с добавлением сохранившихся в Синод. списке слов «по заутрѣнии, въ часъ 3». Основываюсь на том, что 4 марта приходилось в 6557 (1049) действительно в субботу. Между тем в известии Синод. списка, относящем пожар на 15 марта 6553 (1045), явная ошибка, ибо 15 марта приходилось в субботу не в 1045, а в 1046 году. Думаю, что ошибка допущена еще Германом Воятой, который заметил, что его источник (свод 1167 года) говорит под 6553 (как и Повесть вр. лет) о закладке Владимиром новой св. Софии, а под 6557 о пожаре старой; предположив, что закладке новой церкви должен был предшествовать пожар старой, Герман Воята и перенес известие о пожаре под 6553 год, поме-

стив его непосредственно перед известием о закладке новой св. Софии; при этом он неправильно вычислил по вруцелету, что суббота приходилась на 15 марта (надо было дать: 2, 9 или 16 марта). Не указывает ли ошибка Германа Вояты на то, что он работал в 1169 году над перепиской свода 1167 года и что он не справился с вруцелетом? В 1169 году 15 марта приходилось в субботу.

§ 167. Под 6558 в своде 1448 читалось: «Священа бысть святая Софея в НовеГороде на Въздвижеше честнаго креста повелениемъ великого князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки ». В Синод, нет этого известия.

Под тем же годом читалось о преставлении жены Ярослава с указанием дня 10 февраля. Имея в виду отсутствие этого дня в Лавр, и Радз., думаю, что указание на день восходит к своду 1167; Ирина умерла в Новгороде, см. § 128.

Под 6560 в своде 1448 в известии о кончине Владимира Ярославича читалось следующее добавление: «въ неделю 4 октября». Синод, список имеет только 4 октября. В мартовском 1052 году 4 октября приходилось в воскресенье. В виду обстоятельности этого указания думаю, что соответствующее известие Повести вр. лет новгородского происхождения.

Под 6562 в своде 1448 читалось: «И прииде Изяславъ къ Новугороду и посади Остромира въ Новегороде; и иде Остромиръ съ Новгородци на Чюдь, и убиша его Чюдь, и много паде съ нимъ Новгородцевъ. И паки Изяславъ иде на Чюдь и взя ОСЕКЪ Кедипивъ, сиречь Солнча рука ». Из записи в Остромировом евангелии видно, что Остромир был еще жив в 6564—6565 году: следовательно, в своде XI века, к которому возводим все эти известия, они не были определены точно хронологически. В Синод, эти известия опущены.

Под 6563 в своде 1448 читалось: «Того же лета клевета бысть на археепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новагорода и иде къ Киеву, и осуди и митрополить Ефремъ; и пребысть тамо три лета». В Синод, нет этого известия.

Под 6566 свод 1448 продолжает: «Того же лета архиепископъ Лука прия престоль свой въ Новегороде и свою власть; Дудице же холопу устну и носъ срвзаша и обе руже усекоша, и сбежа в НЕМЦЕ ». В Синод, нет этого известия.

Под тем же годом, непосредственно за приведенным известием, в Новгородской 4-й находим «Поучение архиепископа Луки к братии». Думаю, что оно путем свода 1448 и общерусского свода 1423 восходит к своду 1167 и далее к своду XI века. Соф. 1-я опустила поучение это так же, как вообще сокращала и опускала уже в древнейших своих редакциях новгородские статьи свода 1448.

Под 6568 в своде 1448 читалось: «Преставися архиепископъ Лука, идя изъ Киева, на Копысе, месяца октября; того же месяца преданъ бысть гробу своимъ клиросомъ, бывшу ему епископомъ летъ 23 ». В Синод, нет этого известия.

Под 6569 в своде 1448 было занесено: «Того же лета поставленъ бысть Новугороду археепискупъ Стефанъ». В Синод, нет этого известия.

§ 168. Под 6575 в своде 1448, после «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотъскый и зая Новъгородъ» — фразы, восходящей к Повести вр. лет, прибавлено: «до Неревского конца и пожже; и пойма все у святыя Софии и паникадила и колоколы и отъиде». В Синод, списке под 6574 читаем: «Приде Всеславъ и взя Новъгородъ, съ женами и съ детми; и колоколы съима у святыя Софии, — о, велика бяше беда въ часъ тый! и понекадила съима». Нельзя сомневаться в том, что свод 1448 в данном месте следует общерусскому своду 1423, который вставил известие свода 1167 в текст, заимствованный из Повести вр. лет. Таким образом выясняется, что редакция известия в Синод, списке ближе к редакции свода 1167 года, чем соответствующие известия свода 1448; впрочем, Герман Воята (протограф Синод, списка) выпустил слова «и пожже и до Неревского конца».

Под 6576 в своде 1448 читалось: «И иде владыка Стефанъ въ Киевъ, и тамо свои холопи удавиша его». В Синод, списке нет этого известия.

Под 6577 в своде 1448 было записано: «Победи Глѣбъ съ Новгородци Всеслава князя на Кзени, месяца октября въ 23 день, въ пятокъ въ часъ 6 дни, на память святаго апостола Иякова, брата Господня; велика бе сеча тогда Вожаномъ; а заутра обретесе крестъ князя Володимера въ святой Софеи на полатахъ, егоже взялъ бе князь Всеславъ ратию въ святей Софеи». Мы видели, что эта статья в таком же виде имеется в Синод, списке, но в нем она сохранилась в более древней редакции; ср. «Новгородци же поставиша пѣлькъ противу ихъ, у Зверинця, на Къземли, и пособи Богъ Глебу князю съ Новгородци»; ниже, после слов: «О, велика бяше сеця Вожняномъ!», читаем: «и паде ихъ бечисльное число, а самого князя отпустиша Бога деля»; в конце в Синод, списке не объяснено, что обретшийся крест был взят Всеславом из святой Софии: «а на заутрие обретесе крестъ честный Володимиръ у святей Софии Новотороде, при епископе Федоре»; таким образом, в известной части редакция свода 1448 является более первоначальною, сравнительно с редакцией Синод, списка. Отметим, что 23 октября приходилось действительно в пятницу в мартовском 1069 году.

Под 6586 в своде 1448 читаем: «Того же ль¹ та преставися арх!епискупъ Новгородски Феодоръ». То же известие имеется в Синод, списке.

Под 6586 в своде 1448 значилось: «Того же лета поставленъ бысть арх!епискупъ Новугороду Германъ». В Синод, нет этого известия.

Под 6587 в своде 1448 при известии об убиении Глеба Святославича в Заволочии был указан день убиения — 30 мая. То же в Синод, списке.

Это последнее известие новгородского происхождения, которое в своде 1448 можно возвести к своду XI века, бывшему в распоряжении Киевского Начального свода, составленного около 1095 года. За ним, как мы говорили, новгородские известия прерываются на протяжении 15 лет. Следующим новгородским известием, общим своду 1448 и Синод, списку,

оказывается: «Иде Святопѣлкъ и Володимеръ на Давида Смольньску, и вдаша Давиду Новѣгородъ»¹².

§ 169. Предложенный выше перечень новгородских известий свода 1448 года не исчерпывает всех отличий свода 1448 года от обычного текста Повести вр. лет в пределах до 1079 г., под которым читаем последнее новгородское известие этого свода за XI век. Кроме приведенных статей и известий новгородского происхождения, находим ряд других статей и известий, обнаруживающих более или менее существенные отличия от текста Повести вр. лет. Не сомневаемся в том, что многие и из этих отличий восходят к тому же источнику, что приведенные выше, ибо Новгородский свод (1167 г.), предполагаемый новгородскими известиями свода 1448 года, как мы видели, содержал заимствования не только из старшего Новгородского свода (XI века), но и из Повести вр. лет второй редакции; кроме того, старший Новгородский свод основывался на Древнейшем киевском своде. Таким образом, в Новгородском своде 1167 года должны были встречаться статьи, как восходящие к Повести вр. лет второй редакции, так и восходящие к Древнейшему своду. Но, кроме того, не забудем, что Новгородский свод 1167 года вошел в общерусском своде 1423 года в соединение не только с текстом Повести вр. лет, но также еще с текстом жития святых и хронографа, которыми, как кажется, широко пользовался составитель этого митрополичьего свода. Следовательно, в своде 1448 года, происходящем из свода 1423 года, могут оказаться заимствования и из нелетописных источников. О них скажем ниже. Обращаясь же к летописному составу этого свода, рассмотрим те статьи и известия его, которые, несмотря на свое не-новгородское происхождение, могут быть возведены к Новгородскому своду 1167 года. Сначала отмечаем две статьи, которые, не обнаруживая прямо своего новгородского происхождения, оказываются при ближайшем анализе составленными в Новгороде.

¹² В приведенный перечень мы не поместили следующих двух известий свода 1448 г., ведущих нас к общерусскому своду 1423 г. Под 6568 читаем: «Того же лета ходи Изяславъ на Сосолы, и дань даяти заповеда 2000 гривень; они же поручившеся дань дати, и изгнаша данники; на весну же пришедше повоеваша села о Юрьеве, и градъ и хоромы пожгоша, и много зла сътвориша, и до Пскова доидоша воююще; и идоша противу имъ Псковичи съ Новгородци на сечю, и паде Руси 1000, а Сосоль безъ числа». Под 6573: «Князь Всеславъ Полочкый былъ у Пскова ратью и перси билъ пороки» (ср. Новгород. 4-ю; в Соф. 1-й это известие опущено). Оба известия представляются мне по происхождению псковскими, а не новгородскими. Ср. имя Русь, которым новгородцы, в особенности в древнейшее время, себя не называли; далее «Псковичи съ Новгородци», а не наоборот. Составитель свода 1423 имел в своем распоряжении немало псковских известий и статей (напр., статьи, касающиеся Довмонта). Оба приведенные известия вошли (быть может, путем новгородских летописей) в псковские летописи: первое в Псковскую 1-ю, второе в Псковскую 2-ю. Отмечу еще одно смоленское известие в своде 1448, восходящее к своду 1423 года — это читаемое под 6562 годом: «И посемъ разделиша Смоленскъ на три части»; хронологически правильнее было бы отнесение его к 6568 г. (как сделано в Ростовской компиляции XV в., см. § 181); в своде 1423 г. это известие действительно могло читаться под 6568 вслед за сообщением о кончине Игоря Ярославича.

§ 170. В статье 6532 (1024) года, относящейся к Лиственской битве, свод 1448 года представляет несколько существенных отличий от соответствующего текста Повести вр. лет (Лавр., Радз., Ипат. и др.). Так, после слов «Мстиславъ же слышавъ изиде противу има (на сечю) къ Листвену » прибавлено «и бяше осень, и ту ся сretoша »; после слов «и бывши нощи » прибавлено «рябиной»; слова Мстислава «поидемъ на нихъ» дополнены: «тоны есть корысть»; после слов «яко посветяше молтя, тако блещашеся оружје » прибавлено: «елико же молния осветяше, толко мечи видяху, и тако другъ друга убиваху »; наконец, за словами «а Якунъ иде за море» прибавлено «и тамо умре ». Как объясним мы все эти отличия свода 1448 года? Если бы мы имели дело с позднейшею компиляцией XVI века, то, конечно, могли бы отнести приведенные вставки насчет произвола редактора; но составителей свода 1423 и происшедшего из него свода 1448 года нельзя уличить в искажении источников путем амплификации и других придумываний; кроме того, такие подробности, как то, что битва была осенью, или что Якун умер за морем, не придумываются; дополнение речи Мстислава «то ны есть корысть » также весьма удачно и вряд ли может быть отнесено насчет фантазии позднейшего компилятора. Исходя из того положения, что свод 1448 года отличается от Повести вр. лет прежде всего влиянием на него Новгородского свода 1167 года, мы склоняемся к мысли, что и в данном случае отличия этого свода должны быть возведены к новгородскому источнику, а это ведет нас к предположению, что в этом новгородском источнике о Лиственской битве существовал рассказ, независимый от киевского источника. Предположение наше вероятно само по себе: Лиственская битва должна была заинтересовать как южан, так и северян; Ярослав шел из Новгорода с Варягами и Словенами, Мстислав выставил против него свою дружину и Северу; битва решила судьбу Киева и всей Руси. Предположив, что рассказов об этой битве было записано два — один в Новгороде, другой в Киеве, мы поймем, почему в Повести вр. лет сообщено об этой битве короче, чем в своде 1448 года: составитель этого свода имел в своем распоряжении текст Повести вр. лет и Новгородского свода; по Новгородскому своду дополнялся уже готовый текст Повести вр. лет; между тем, составитель Начального свода (откуда произошла Повесть вр. лет) дополнял по новгородскому источнику свой киевский источник, несомненно менее полный, чем соответствующий текст Повести вр. лет. Вводя в наши рассуждения это последнее замечание, мы имеем в виду тот вывод, к которому мы пришли выше (в главе VII), о том, что Начальный свод составлен по двум источникам: киевскому и новгородскому; предполагаем поэтому возможным, что в распоряжении Начального свода было и при составлении статьи о Лиственской битве два рассказа о ней — киевский и новгородский. Подтверждаем это предположение ссылкой и на те повторения, которые замечаются в соответствующем тексте Повести вр. лет; ср.: «и бысть сеча силна», ниже: «и бе гроза велика и съча силна и страшна». Итак, нам предстоит определить, что именно в тексте интересующей нас статьи, в изложении ее в Повести вр. лет, восходит к новгородскому и что к киевскому источнику.

При разрешении этой задачи, исходя из данных, представляемых сводом 1448 года; из них видно, что в новгородском рассказе с особенною подробностью говорилось о ночной обстановке битвы: так, именно такие подробности попали из него в свод 1448 (ср. выше); поэтому, описание битвы в отношении ее к ночной обстановке возводим в Начальном своде к новгородскому источнику: ср. слова «и бывши нощи рябиной»¹³, «яко посветя-ше молонья, блещашеться оружье», а выше «бысть тма, молонья, и громъ и дождь»; равным образом к новгородскому источнику относим и речь Мстислава: «поидемъ на ня », речь, как можно думать, оборванная и сокращенная в Нач. своде, в особенности если принять во внимание продолжение ее, данное в своде 1448 г.: Мстислав, очевидно, решил воспользоваться темнотой ночи и разыгравшеюся грозой и выразил это в своей речи (ср. вторую половину ее в своде 1448: «то ны есть корысть»). Напротив, новгородский рассказ, по-видимому, ничего не знал о расположении, данном своему войску Мстиславом, равным образом не упоминал об эпизоде объезда поля битвы на следующий день Мстиславом: никаких лишних подробностей для этих частей свод 1448 года не представляет. Сообщение о бегстве Ярослава и Якуна принадлежит киевскому рассказу: новгородский свод не дает никаких лишних подробностей; между тем, сообщение «Ярославъ же ориде Новугороду, а Якунъ иде за море» относим насчет новгородского рассказа, в виду прибавки, читаемой в своде 1448 г.: «и тамо умре». Напротив, подробность о золотой луде, которую носил Якун, возводим к киевскому источнику; золотая луда была найдена на поле битвы на следующее утро, а этот эпизод об осмотре, поля битвы был вообще опущен новгородским рассказом.

Одинаковый сюжет обусловил, конечно, присутствие и некоторых общих выражений, общих фраз в киевском и новгородском рассказах: так, тот и другой рассказ сообщал об Якуне, которого, кажется, именно новгородский источник называл князем варяжским: ср. в своде 1448 г. «и посла за море ДО Якуна, по Варяжскаго князя»; читаемая ниже фраза Начального свода (Повести вр. лет) «побеже съ Якуномъ княземъ Варяжскимъ» едва ли не заимствована из новгородского рассказа, хотя, впрочем, в виду чтения: «и тако победи Мьстиславъ Ярослава и Якуна » свода 1448 года, я определил бы еще точнее, что слово «побеже» восходит к киевскому рассказу, а «съ Якуномъ княземъ Варяжскимъ» извлечено из фразы новгородского рассказа: «и тако победи Мьстиславъ Ярослава и Якуна, князя Варяжскаго »; действительно, в Начальном своде (Повести вр. лет) за «побеже съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ» читаем «и Якунъ ту отбеже луды золотой», что не особенно последовательно, в смысле гладкости изложения.

§ 171. Сходные соображения вызывает статья о походе Владимира Ярославича против греков. В своде 1448 она оказывается изложенною с

¹³ Ср. малоросс, горобина нич: грозовая ночь в июле и августе (Слов. Желех.); горобиний, вероятно, вместо орябиний, как горобка вм. орябка (Tetrao bonasia); ср. орябина : Рябина*.

большею подробностью, чем в Повести вр. лет. Особенно отличается в них начало статьи: свод 1448 сообщает, что морская рать Владимирова состояла из Варягов и Руси; на Дунае, куда направился флот, произошло несогласие между Русью, желавшею высадиться на берег и идти сухим путем, и Варягами, порешившими идти к Царьграду в лодьях; Греки, увидевши неприятеля, начали погружать в море пелены Христовы с мощами святых; Божиим гневом возмущилось море и разбило русские лодьи; Варяги обратились в бегство. О буре, разбившей корабли русские; в Повести вр. лет сообщено кратко; о Руси и Варягах ничего не говорится. Очевидно, перед нами два рассказа: один киевский (сохранившийся в Повести вр. л.), другой новгородский (сохранившийся в своде 1448). Но, с одной стороны, в своде 1448 оказываются, наряду с текстом новгородского рассказа, вставки из Повести вр. лет, а с другой — в Повести вр. лет обнаруживаются заимствования в основной рассказ из другого источника. Так, в Повести вр. лет читаем в начале рассказа: «И поиде Володимеръ в лодьяхъ и придоша в Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси»; не могу не признать слов «и поиде Володимеръ в лодьяхъ, и придоша в Дунай» вставкою из другого рассказа: во-первых, «и поиде Володимеръ» не согласовано с дальнейшим «и поидоша ко Цесарюграду»; во-вторых, здесь говорится о лодьях, между тем как в дальнейшем о кораблях; в-третьих, совершенно неясно, зачем упомянуто в Повести вр. лет о прибытии («и придоша») в Дунай, когда с этим прибытием не связано никаких действий и следствий (в своде 1448 по прибытии в Дунай начинается разногласие между Варягами и Русью). Итак, восстанавливая киевский рассказ о походе Владимира, возводим к нему весь текст соответствующей статьи Повести вр. лет, кроме приведенной выше фразы. К новгородскому рассказу возводим текст соответствующей статьи свода 1448 года, точнее начала этой статьи, кроме, однако, сообщения о том, что воеводство было поручено Вышате, Яневу отцу (ср. об этом в Повести вр. лет), а также кроме слов «и бысть буря велика» (ибо выше было: «и възмутися море и громъ бысть великъ и силенъ») и слов «и разби корабли Руси» (ср. выше: «и начаша ся лодииразбивати»). После слов «и побегоша Варязи вспять» свод 1448 года следует Повести вр. лет, причем, однако, нас останавливают еще две вставки: после слов «прочии же вой Володимеровы вывержени быша на брегъ, числом 6000» читаем «и стаха на бреге нази»; ниже читаем: «Вышата же воевода виде дружину свою стоящую и рече: не иду къ Ярославу» — этих слов нет в Повести вр. лет, но дальнейшее есть и в своде 1448 и в Повести вр. лет: «и выседе изъ корабля къ воемъ, и рече Вышата: азъ иду съ ними, рекъ: аще живъ буду сними, аще ли погибну, то съ дружиною». Итак, в своде 1448 года два раза приведена речь Вышаты к дружине, причем первый раз он говорит, что не идет к Ярославу, а второй, что пойдет, с ними в Русь. В Повести вр. лет читаем: «и не идяше с ними ни к то же отъ дружины княжее. И рече Вышата: азъ пойду с ними; и выседе из корабля к нимъ и рече: аще живъ буду, то с ними, аще погибну, то с дружиною» (разрядкой набрано то, что опущено в Лавр, и читается в Радз. и Ипат., или только в одной Ипат.). Лиш-

нее в тексте свода 1448 года объясняется, конечно, влиянием другого источника; слова «и сташа на брезе нази» тесно связаны с предыдущим «прочш вой Володимеровы»; если, согласно предыдущему, возведем к новгородскому источнику «и сташа на брезе нази», то к тому же источнику отнесем слова «прочш же вой Володимеровы», а такое отнесение вполне согласно с тем, что слова эти находят себе соответствие в предшествующем «и побегоша Варязи вспять », между тем как в киевском рассказе, насколько он восстанавливается по Повести вр. лет, появление слов «прочий же вой Володимеровы» неясно. Если же мы допустим, что новгородский источник сообщал о том, что эти вой «сташа на брезе нази »(между тем как киевский источник говорил: «и вывержени быша на брегъ числом 6000 »), то естественно предположить, что об этих воях говорилось еще что-нибудь. Предполагаю, что о них было сказано, что они «реша: не идемъ отъсюду », причем это обстоятельство и побудило Владимира вернуться вспять. Составитель свода 4423 года, а может быть еще и составитель свода 1167 года, компилируя текст новгородского рассказа с текстом Повести вр. лет, отнес слова «не идемъ», переделав их в «не иду», к Вышате. Возвращаясь еще раз к существованию двух рассказов о походе Владимира на греков — новгородского и киевского, отмечу, что в Новгороде могли живо интересоваться исходом похода потому, что Владимир был в то время князем новгородским; кроме того, в его рати были и Варяги, шедшие, конечно, через Новгород; любопытно, что новгородец, ближайшие соплеменники которого не участвовали в походе, приписал гибель Владимировых людей Божьему гневу, причем вину неудачи отнес на счет Варягов, настоявших на том, чтобы идти в лодь-ях. Здесь отметим, что корабль является в киевском рассказе, а ладья в новгородском; ср. сказанное о слове «корабль» в § 56.

§ 172. Перехожу к другим явно неновгородским известиям свода 1448 года. Под 6525 г. в своде 1448 г. (Соф. 1-й и Новгор. 4-й) читаем: «Приидоша Печенвзи к Киеву и секошася у Киева, и едва къ вечеру одоле Ярославъ Печенегомъ, и отбегоша посрамлени. И заложы Ярославъ великий градъ Киевъ, и Златая врата постави, и церковь святую Софию заложы ». Не сомневаюсь в том, что те же известия под тем же годом находились и в своде 1167 года, ибо Синод, список имеет следующую статью: «Въ лето 6525. Ярославъ иде къ Верестию. И заложена бысть святая София Кыеве ». Таким образом оказывается, что и в своде 1448 г. и в Синод, списке, одинаково под 6525 годом, помещаются известия, на самом деле относящиеся к другим годам: действительно, нападение печенегов на Киев и поражение их Ярославом относится к 6544 году (ср. Повесть вр. лет), закладка св. Софии и города Киева к 6545 (ср. Повесть вр. лет), наконец, поход Ярослава к Берестью относится к 6530 (ср. Пов. вр. л.). Все попытки наших историков оправдать 6525 (1017) год для Первых двух событий наталкиваются на непреодолимые затруднения, в особенности, когда мы сообразим, что под 6544 в рассказе о нападении печенегов на Киев в Повести вр. лет определенно сказано: «Печенези приступати начата и сступишася на МЕСТЕ, идеже стоитъ ныне святая Софья, митропо-ля Русьская; бе бо тогда поле ВНЕ града»; следовательно, оба события —

нападение печенегов в 6544 (1036) и закладка св. Софии в 6545 (1037) — поставлены Повестью вр. лет в известную между собою связь, и связь эта сохранена составителем Новгородского свода 1167 года, сообщившим в статье 6525 (1017) г. и о том и о другом событии. Можно думать, что в своде 1167 года интересующие нас известия читались в следующем порядке: сначала поход на Берестье (Синод.), потом нападение печенегов (свод 1448) и, наконец, закладка св. Софии (Синод. и свод 1448). Как же попали эти известия в свод 1167 года под один 6525 (1017) год? Думаю, что эти известия перенесены в свод 1167 года из свода XI века, наличие же трех известий без ближайших хронологических определений в своде XI века стоит в связи с отмеченным уже выше обстоятельством: Новгородский свод XI века основывался на Древнейшем Киевском своде; можно думать, что составитель свода XI века сокращал свой киевский оригинал, начиная с княжения Ярослава; и сокращая его, он привел подряд три приведенные нами выше известия. Составитель свода 1167 года, недоумевая, куда их отнести, и не сумев отождествить их с соответствующими известиями Повести вр. лет, поместил все три известия под один год. Происшедший из свода 1167 года свод Германа Вояты, откуда Синодальный список, разрешил скопившиеся под 6525 годом известия, выпустив второе из них — о нападении Печенегов на Киев. Происшедший из свода 1167 года общерусский свод 1423 года первое из трех известий — поход к Берестью выпустил совсем, отождествив его с таким же известием 6530 года (Повести вр. л.); таким образом под 6525 годом остались два известия: о нападении Печенегов на Киев и о закладке св. Софии и города Киева. Сообразно с этим, под 6545 годом в своде 1423 (и далее в своде 1448) читалось: «Св е р ш е н ъ бысть град Киевъ и церковь святая Софїа с в е р ш е н а », между тем как в Повести вр. лет под 6545: «з а л о ж и Ярославъ городъ великий... з а л о ж и же и церковь святая Совья». Чтения «с в е р ш е н ъ », «с в е р ш е н а » объясняю в общерусском своде как попытку согласовать известия 6525 и 6545 гг. Из Синод. списка видно, что в своде 1167 года под 6545 г. было чтение з а л о ж и (так что в Синод. списке о закладке св. Софии говорится два раза)¹⁴.

§ 173. Из того обстоятельства, что составитель свода XI века, поместил подряд известия 6530, 6544 и 6545 годов своего киевского оригинала, я вывожу, что он не воспользовался ни одним из тех известий Древнейшего Киевского свода, которые попали затем в Начальный свод (и Повесть вр. лет) и читались под 6530—6543 гг. И действительно, весьма вероятно, что новгородский сводчик не воспользовался в своем рассказе киевским сообщением о Лиственской битве; (ср. выше § 169¹), киевским сообщением о походе Владимира на Греков и умолчал, напр., о знамении на небеси, о смерти Мстислава и сына его Евстафия.

Отмечу еще, что в своде 1448 года два раза сообщено о победе Ярослава над Брячиславом: первый раз под 6528 годом кратко: «побѣди Ярославъ

14 Новг. 1-я младш. извода (Ком. и Акад.) под влиянием свода 1448 года приписала под 6545 к словам «и церковь святая София» — «сверши».

Брячислава» (Новг. 4-я и Соф. 1-я); второй раз под 6525 подробно (см. § 167). Думаю, что и в своде 1423 г. было такое же двойное упоминание (см. § 177); и так же в Новгор. своде 1167 г. и далее в своде XI века: в последнем первое известие восходило бы к Древн. своду, а вторая статья была бы новгородского происхождения.

Других новгородских статей, в которых были бы заметны отличия в тексте свода 1448 года от текста Повести вр. лет, я указать не могу. Оставляю в стороне заимствования, сделанные в свод из нелетописных источников (хронографов и житий святых). Заимствования из Жития Антония рассмотрим отдельно ниже.

Впрочем, не считаю возможным умолчать об одном еще отличии в своде 1448 года: а именно в нем, в первом рассказе о мести Ольги (под 6453 г.), вставлено число 50 для указания, сколько нарочитых мужей было прислано Древлянами за Ольгой в Киев¹⁵. Думаю, что вставка эта восходит опять-таки к своду 1167 года, а в этот свод она попала из второй редакции Повести вр. лет; составитель второй редакции, вообще знакомый с народными сказаниями, вставил из устного варианта сказания о мести Ольги это число 50.

§ 174. Отдельно должна быть рассмотрена прибавка имени Кирилла при словах: «Посемъ же прислаша Греци к Владимиру философа К и р и - л а». Выше в § 107 было указано, почему имя Кирилла вероятно возводить к Древн. Киевскому своду, заимствовавшему эпизод о прибытии философа к Владимиру из рассказа о крещении болгарского князя Бориса. Повесть вр. лет и еще раньше Начальный свод опустили имя Кирилла, в виду явного анахронизма: составителю Нач. свода было известно из хронографа, что Кирилл и Мефодий перевели греческие священные книги на славянский язык в 6363 (855) году (ср. § 68). Что имя Кирилл * читалось в своде 1423 года, видно из свода 1448 г. (Соф. 1-й и Новг. 4-й); попасть в свод 1423 года оно могло или из нелетописного источника, или из свода 1167 года; допустить первое совершенно невероятно: ни в одном хронографе, ни в житии не могло быть подобного анахронизма. Допустив же, что имя Кирилла заимствовано из свода 1167 года, мы должны будем возвести его и дальше — к своду XI века, так как свод 1167 года основывался на второй редакции Повести вр. лет (где не было Кирилла) и на Новгородском своде XI века. В свод XI века имя Кирилла попало, конечно, из Древнейшего Киевского свода, ибо все новгородское почерпнуто им оттуда.

15 Ср. это число в Соф. 1-й (V, 103); в Новг. 4-й его нет, но Новг. 4-я вообще переработана по тексту Повести вр. лет: что то же число 50 было в своде 1423 года, доказывает хронограф.

ГЛАВАХ Данные для восстановления первого новгородского свода XI века, Общерусский свод 1423 года и Общерусский свод начала XIV в.

§ 175. В предшествующей главе мы рассмотрели те данные для восстановления Новгородского свода XI века, которые извлекаются из Новгородского свода 1448 года, причем отметили, что этот свод 1448 года ведет нас к общерусскому своду 1423 года. Все интересовавшее нас в своде 1448 г. в качестве заимствования из Новгородского свода XI века восходит к своду 1423 года, который представляет соединение текста Повести вр. лет по московско-суздальскому изводу с Новгородским сводом 1167 года. В настоящей главе представим доказательства для выставленного в главе VIII положения о том, что общерусский свод 1423 года содержал заимствования из Новгородского свода 1167 года, и что заимствования из последнего проникли в свод 1448 года путем именно свода 1423 года. Мы именно можем указать на несколько памятников, непосредственно восходящих к своду 1423 года: в них оказываются те самые новгородские статьи и известия, которые вошли в состав свода 1448 года. Укажем эти памятники и извлечем из них все, что относится к нашей задаче — восстановить Новгородский свод XI века.

§ 176. Отношу сюда прежде всего Хронограф. Неуместно было бы здесь предложить исследование о происхождении этого памятника, дошедшего до нас в редакции 1612 года. В другом месте я указал на те основания, которые мы имеем для отнесения первоначальной редакции Хронографа, вышедшей

из-под пера Пахомия сербина, к 1442 году¹. Русская часть Хронографа, как известно, весьма кратко передающая события русской истории, вряд ли составлена на основании многих, даже двух-трех источников. Гораздо вероятнее предположить (в виду именно ее краткости), что она извлечена из одного только летописного памятника. Памятник этот был несомненно сходен со сводом 1448 года, о котором мы говорили выше: доказывалось это тем, что большинство известий Хронографа находит себе соответствие в Софийской 1-й и Новгородской 4-й, не в одной из обеих этих летописей, а в обеих их вместе. Но что оригиналом, откуда извлечена Пахомием русская часть Хронографа, не был свод 1448 года, видно, как из того, что этот свод моложе Хронографа, так и из того, что многие известия Хронографа не отыскиваются ни в Софийской 1-й, ни в Новгородской 4-й, не отыскивались, следовательно, и в своде 1448 года². В виду этого я считаю необходимым возвести все содержание русской части Хронографа к первоисточнику свода 1448 года, а именно, к общерусскому митрополичьему своду 1423 года, дополненному погодными записями до 1442 года. Приведу известия Хронографа, не находящие себе соответствия в тексте Повести вр. лет и не могущие быть возведенными к нелетописным источникам общерусского свода (к житиям, древнейшим хронографам и т. п.). Известия эти окажутся в большинстве случаев тождественными с теми, которые отмечены нами выше по своду 1448 года; источником их, что видно и из их содержания, является в большинстве случаев новгородская летопись. Таким образом Хронограф, как и свод 1448 года, ведет нас к восстановлению общерусского свода 1423 года и дальше одного из источников этого свода — Новгородского свода 1167 года.

§ 177. Отметим фактические отличия Хронографа от Повести вр. лет.

В начале читаем о Словенах, пришедших с Дуная к озеру Илмерю: «и создаша градъ и нарекоша и Новъградъ и посадиша старейшину Гостомысла». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит к Новг. своду 1167 г. (§ 160).

В сообщении о мести Ольги сказано: «и потомъ послаша по нея 50 мужей». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит к Новгор. св. 1167 г. (§ 173).

Под 6480 в сообщении о смерти (Святослава прибавлено: «а всехъ летъ поживе 30»). В своде 1448 года нет этого известия и нет года рождения Святослава. Но в списке Царского Соф. 1-й летописи, восходящем к своду, сокращенному из общероссийского свода, а также в Ипат., рождение Святослава показано под 6450.

Под 6481 читаем: «воевода же у Ярополка Блудъ ». Ср. ту же фразу под тем же годом в своде 1448 г. Этой фразы нет в Повести вр. лет, но она была, судя по Ком. и др. спискам Новгор. 1-й, в Начальном своде. Следовательно, она могла быть и в Древн. лет. своде и перейти из него в Новгор. свод 1167 г.

¹ К вопросу о происхождении хронографа (Сб. Отд. р яз. и ел. 1899 г.).

² Укажу для примера известие в рассказе о крещении Руси: «взять первого митрополита Михаила».

Под 6498 читаем о крещении Владимиром Смоленской земли и поставлении Владимира на реке Клязьме. Ср. те же известия в своде 1448; восходят к общерусскому своду и далее к ростовскому или суздальскому источнику этого свода³.

Под 6525 читаем: «приидоша Печенези къ Киеву и одоле имъ Ярославъ. Того же лита заложи Ярославъ градъ Киевъ боле перваго, и Златая врата и церковь святую Софию». Ср. те же известия в своде 1448 г.; восходят, как мы видели, к общер. своду и далее к Новгородскому своду 1167, а в конце концов к своду XI века (§ 172).

Под 6528: «Того же лета победи Ярославъ Брячислава». Под следующим годом то же известие. Ср. то же в своде 1448 г.; восходит в конце концов к своду XI века (§ 173).

Под 6529 в конце: «потомъ же смирися (Брячислав) съ Ярославомъ». Ср. то же в своде 1448 в статье 6529 «и отътоле призва къ себе Брячислава... и рече ему: буди же со мною заодинъ» (§ 164).

Под 6545: «совершенъ бысть градъ Киевъ и святая церкви Совья Премудрость Божия». Ср. слово «совершенъ» и в своде 1448; в общер. своде оно возникло в соответствии со словом «заложенъ» под 6525 (§ 172).

Под 6553 к известию о закладка Владимиром Ярославичем церкви св. Софии в Новгороде прибавлено «камену». Этой прибавки нет в своде 1448 (который, по-видимому, следует здесь Соф. временнику, а Соф. временник следует Синод. списку), но «камену» читалось, очевидно, в общерусском своде 1423 и может восходить в конце концов и к своду XI века.

Под 6658: «священа бысть (св. София) архиепископомъ Лукою на Воздвижение честнаго креста». Ср. то же в своде 1448; восходит в конце концов к своду XI века (§ 167).

Под 6560: указан день 4 октября в сообщении о кончине Владимира Ярославича. Ср. то же в своде 1448; восходит в конце концов к своду XI века (§ 167).

Под тем же годом читаем: «преподобный Антоши нача ставити манастирь Печерский въ Киеве при великомъ князе Ярославе». Ср. то же в своде 1448; восходит путем свода 1423 г. к Житию Антония (ср. ниже § 191¹⁹).

Под 6565: «Въ то же время бысть преподобный игумень Феодосии». Ср. то же в своде 1448; восходит путем свода 1423 к Житию Антония (ср. ниже § 191¹⁹).

Под 6569: «поставленъ бысть Новугороду архиепископъ Стефанъ». Ср. то же в своде 1448; восходит в конце концов к своду XI века (§ 167).

Под 6575: «сей (Всеслав) пограби Великий Новъгородъ до Неревского конца и соборную церковь Софию пограби, все драгое и поникадила и колоколы». Ср. то же в своде 1448; восходит в конце концов к своду XI века (§ 168).

Под 6579: указано, что в Новгороде во время мятежа, произведенного волхвом, архиепископом был Феодор: «тогда же бысть архиепископъ Феодоръ»⁴. Ср. то же в своде 1448; восходит, вероятно, к своду 1167 г.

3 Чтению «Смоленская земля», вероятно, древнее, чем «Словенская» (как в своде 1448 г.); быть может, здесь сказался смоленский источник.

4 В известном разряде списков ошибочно прибавлено: «въ Ростове».

(Г*

ГЛАВАХ

ской сборник дает основания признать исследуемую компиляцию ростовскую по происхождению.

- г) Погод. № 2036 и № 1409* восходят несомненно к общему оригиналу; первый из этих списков прерывается на 1396 г., а № 1409 доходит до 1494 г. Этот общий их оригинал составлен на основании как исследуемой нами компиляции, так и нескольких других источников: назовем Хронограф и Московский свод. Близость к Ермолинской, Львовской, Тверской обнаруживается в каждой статье и может быть объяснена только наличием общего источника⁵. Сокращенный московский свод 1494, как мы условно можем назвать протограф обоих Погосинских списков, весьма важен в истории нашего летописания тем, что по нему дополнен список Царского Софийской 1-й летописи, а также и потому, что он вошел в состав Архангелогородской летописи.

§ 179. В виду указаний Ермолинской, Уваровской летописей, а также Тверского сборника, я признаю исследуемую компиляцию составленную в Ростове и условно называю ее Ростовскою. Не входя здесь в подробную историю ее возникновения и отношения к ней названных выше памятников, ставлю вопрос об источниках Ростовской компиляции XV века. Для решения его укажем, во-первых, на близость ее к тексту Софийской 1-й и Новгородской 4-й, причем, однако, ее нельзя возвести ни к той, ни к другой летописи. Так, напр., под 6621 в этой компиляции читалось: «Того же лета Мьстиславъ Володимеричъ заложи въ Новгороде церковь святаго Николы на торговищи, на княжи дворе»⁶; в Софийской 1-й летописи нет этого известия, в Новгородской 4-й оно есть, но слов «на торговищи» в ней нет (в Новгород. 1-й нет слов «на торговищи на княжи дворе»). Следовательно, надо во всяком случае отказаться от мысли возвести Ростовскую компиляцию к Софийской 1-й. В виду только что указанной статьи, сомнительно, чтобы она восходила и к Новгородской 4-й. Впрочем, это опровергается рядом других указаний; так, напр., в Ростовской компиляции под 6544 сообщалось в начале статьи о рождении Вячеслава⁷, в Новгородской 4-й и Софийской 1-й нет этого известия; также нет в них известия о рождении Изяслава, помещенного в Ростовской компиляции в конце 6532 года⁸, и т. д. Кажется, можно, в виду подобных данных, усомниться в том, чтобы Ростовская компиляция восходила к своду 1448 года, общему оригиналу Софийской 1-й и Новгородской 4-й. Можно бы, конечно, предположить, что Ростовская компиляция имела в числе одного из своих источников или свод 1448 г., или Софийскую 1-ю, или Новгородскую 4-ю и дополняла этот свой источник по другим; но не очень вероятно, чтобы она пользовалась для

5 Напр., под 6420: «оумре Олегъ оуяденъ скорошею изъ главы коня своего, княживъ лѣтъ 33»; ср. то же в Увар.: «въ осени умре Олегъ, уяденъ скорошею изъ главы коня своего, княживъ лѣтъ 33». Под 6488: «и оуби Роговолода и сына его Давыда»; ср. то же в Льв.: «и уби Роговолода и сына его Давида». Под 6579: «выимающе жито изъ закожия»; ср. то же в Тверск. и Ермол. Под 6415: «дабы не воевалъ гражанъ (и по) пристанищемъ», ср. то же в Тверск. и Льв. и т. д. 6 Ермол., Увар., Львовск., Тверск.

⁷ Ермол., Увар., Львовск., Тверск.

⁸ Ермол., Увар., Львовск., Тверск., Царек, сп. Соф 1-й, Погод. (6533)

дополнения и новгородским источником (рождение сыновей Ярослава) и новгородским (прибавка «на торговищи»⁹). В виду этого более вероятным представляется мне предположение, что составитель Ростовской компиляции имел общий источник со сводом 1448 г. (откуда Соф. 1-я и Новгор. 4-я), а общим источником мог быть «общерусский свод 1423 г.

Во-вторых, укажем, что к числу наиболее характерных отличий Ростовской компиляции от свода 1448 года относится присутствие в ней заимствований из хронографов (типа Еллинского летописца)⁹. Имея в виду, что, по указанию свода 1448 г. (ср. выше), дополнению по хронографу типа Еллинского летописца подвергся именно общерусский свод 1423 года, видим в этих отличиях Ростовской компиляции от свода 1448 доказательство в пользу происхождения компиляции именно из свода 1423 года¹⁰.

§ 180. Итак, мы возводим Ростовскую компиляцию XV в. к общерусскому своду 1423 года. В виду этого с полной вероятностью ведем содержащиеся в ней новгородские известия к своду 1167 года (источнику общерусского свода 1423 года). Перечислим эти известия.

В начале, в вводной статье: «и старейшину Гостомысла поставиша» (Льв., Ермол., Погод, и др.)¹¹. Под 6499 о крещении Новгорода (Ермол.), под 6529 дополнение в статье о войне Ярослава с Брячиславом (Ермол., Льв. и Др.), под 6569 о поставлении Стефана владыки (Ермол. Льв.), под 6575 о нападении Всеслава на Новгород (Ермол., Льв.), под 6579 вставка имени архиепископа Феодора (Ермол., Льв.), под 6586 о поставлении владыки Германа (Ермол., Льв.). Сюда же отнесем неясную прибавку под 6569 к известию о поставлении Стефана владыки: «а въ Новегороде, лѣта того еще князь Ростиславъ Владимировичъ» (Тверск.)¹²; прибавку под 6596 после

Ср. под 6374 прибавку «Ориеанта въ Костентине граде остави» (Льв., Тверск.) и замену слов «таже и святую ризу... съ песнми изнесше съ плачемъ и омочи въ реце» словами «таче... ризу съ песнми изнесше въ море съ кутью омочивше» (Льв., Тверск. XV, 32, пр. 7; «омочи въ море» Ермол.; «въ море» вм. «въ реце» Царек.). Под тем же годом прибавлено: «некоторому же князю Скуфянину Влахерну нарицаему идущу, ту ему избиеу бывшу» (Льв. и Тверск.). Под 6421 «Въ то же время приде Семионъ царь Болгарской на Царьградъ и сотворивъ миръ, иде во свояси» (Льв. и Тверск.). Под 6376 прибавка «Макидонянинъ» к имени царя Василия при известии о его воцарении (Ермол., сп. Царек. Соф. 1-й, также Тверск., где все известие изложено подробнее). Ср. еще хронографические известия, сохранившиеся в одной Тверской: под 6394 точное указание на продолжительность царствования Леона и Александра, под 6450 известие о перенесении пояса пречистой Богородицы, под 6428 прибавку к имени царя Романа его прозвания «неудръжимъ», и др. Приведем еще вставку в статью 6415 после слов «замкоша съсудъ» — «сирвчъ пропяша чепь протяженую отъ Га-латы до Лахерньския церкви», «Тверск., въ Льв. короче: «рекше чипъ пропяша отъ Ла-хернья церкви», в Ермол. еще короче: «Греци же перепяша по морю чепи»). Свод 1448 года выпустил некоторые из хронографических дополнений свода 1423 г. (напр. под 6374) под влиянием третьего своего источника (вторым был Софийский временник), содержавшего в начале Повесть вр. лет по суздальскому изводу. Ср. то же в своде 1448 г. (§§ 160, 161, 173, 167, 168, 177). Мы не решаемся возвести этого к Новг. своду XI века, так как в перечне новгор. князей Ростислав не значится князем.

известия «Святополкъ иде изъ Новгорода къ Турову на княжение» — «а въ Новгороде седе Давыдъ Святославичъ» (Тверск., Льв., Ерм.); под 6585 прибавку к известию о кончине новгородского архиепископа Феодора: «уядень отъ своего пса, бывъ на арх!епискоши 9 летъ» (Тверск.).

Особенного внимания заслуживает еще следующее чтение Рост, компиляции, засвидетельствованное, впрочем, не всеми происшедшими от нее сводами, а только Уваровской летописью (и Кирилло-Белозерским списком). Под 6391 в рассказе об Олеге сообщено: «И дань устави по всей земли: с Новагорода по 300 гривень, иже и ДОНЬИНЕ даютъ»¹³. Думаю, что это чтение восходит путем свода 1423 года к Новгородскому своду XI века.

Если допустим, что Тверской сборник в числе источников имел Софийскую 1-ю летопись в редакции именно списков Карамзина и Оболенского, то другие новгородские известия Тверского сборника, не находящие себе соответствия в Львовской и Ермолинской, можно возвести к этому источнику¹⁴.

§ 181. Кроме новгородских известий из свода 1167 заимствованы были в свод 1423 года и некоторые неновгородские известия. В виду данных нами уже выше (§§ 172 и 173) указаний, относим сюда: под 6525 известие о нападении Печенегов на Киев и закладка Ярославом города Киева («больши градъ Киевъ») и св. Софии каменной (Льв., Тверск., Погод., Ермол.); под 6528 о победе Ярослава над Брячиславом (Ермол., Льв., Тверск.); под 6568 прибавку* «и разделиша Смоленскъ на три части» (Ерм., Льв., Тверск.) после сообщения о смерти Игоря Ярославича (в своде 1448 эта прибавка попала по ошибке под 6562 г., см. § 173). Под 6545 выражение «свершень» о граде Киеве и о св. Софии, вм. «заложенъ» (Ермол., Льв., Тверск.), явилось в своде 1423 года под влиянием известий 6525 года, заимствованных из свода 1167 года.

В виду этого позволительно поставить вопрос, не следует ли возвести к интересующим нас первоисточникам еще несколько известий неновгородских, читавшихся в Ростовской компиляции и ее источнике — общерусском своде 1423 года.

Относительно ряда дополнений Ростовской компиляции решительно отвергаем возможность того, что они были уже в тех двух источниках, на которых основывались древние чтения и известия общерусского свода 1423 года. Мы видели, что свод 1423 года пополнялся насчет житий святых и сказаний. Так, напр., надпись на чаше, сделанной из черепа Святослава («чюжихъ желая, своя погуби » Увар, «чюжихъ ища, своя погубихъ » Ермол., «чюжимъ паче силы жалая и свояси погуби за премногую несъгость » Льв.) его принад-

¹³ Ермол. опустила слова «иже и доньине даютъ». В Льв. под влиянием других источников, как в Повести вр. лет: «300 гривень на л-бто мира д-бля, еже и до смерти Ярославли даяше Варягомъ». (Сходно и также под влиянием, других источников в Тверской. Что в Рост, компиляции читалось именно так, как в Увар., я заключаю еще из Новгор. 5-й, исправившей чтение Новгородской 4-й «еже не даютъ» на «еже ныне не даютъ».

¹⁴ Поправка «еже не даютъ» принадлежит составителю Соф. временника (ср. § 2068). Напр, об освящении св. Софии в 6558; о пожаре св. Софии в 6557; об оклеветании владыки Луки Дудикой в 6563; о кончине Луки в 6568; о битве с Всеславом на Гзени 23 октября в 6 час. дня в 6577 и др.

лежит, конечно, одному из нелетописных источников свода 1423 года; также приписка при имени Рогнеды под 6488 «та же убита его хоте, ножемъ зарезати» (Льв., Тверск., Увар., Ермол.) ведет нас к известной легенде (помещенной между прочим, в конечной части своей в Тверск. под 6496). Не повторяю сделанных уже выше указаний относительно тех известий, которые, кроме Ростовской компиляции, имеются еще в свод 1448 года.

§ 182. Отвергая значение большей части неновгородских известий Ростовской компиляции для восстановления первоисточников общерусского свода, останавливаемся, однако, на следующих трех чтениях этой компиляции. Во-первых, под 6485 читаем в обращении Ярополка к Свенельду над трупом Олега Святославича: «я ж ъ, егоже еси хотель» (Льв., Ермол.); то же читаем в своде 1448 (Соф. 1-я), между тем как в Повести вр. лет «вижъ», «виждъ»; чтение «яжъ» в своде 1448 может восходить как к общер. своду 1423 года, так и к Соф. временнику, где, по свидетельству Новгород. 1-й, читалось тоже «яжъ» (откуда видно, что так же читалось в Нач. своде). Ростовская компиляция доказывает, что и в своде 1423 года читалось «яжъ», а это свидетельствует о том, что «яжъ» заимствовано в этот свод из Новгородского свода 1167 года и дальше из Древн. Киевского свода (путем Новгородского свода XI века). Во-вторых, под 6481, после известия о вокняжении Ярополка, в Ростовской компиляции было прибавлено: «воевода же бе у него Блудъ» (Увар.)¹⁵; мы уже видели выше, что хронограф дает основание думать, что такое же чтение было в своде 1423 года*, причем и оно в конце концов восходит к Древн. лет. своду (оно сохранилось и в Нач. своде, но опущено в Повести вр. лет).

§ 183. Приведенное выше (§ 180) чтение Ростовской компиляции «иже НЫНЕ даютъ» представляет еще тот интерес, что ему соответствует такое же чтение в Никоновской летописи: «а отъ Новагорода триста гривень на леТО мира ДЕЛЯ, еже и ныне даютъ». Откуда заимствовано это чтение Никоновской летописи?

Сложная по составу своему Никоновская летопись имела в числе источников и Ростовскую компиляцию. Это доказывается, напр., следующими данными. На значительном протяжении (едва ли не до середины XI в.) источником Никоновской летописи является Хронографический список Новгородской 5-й, дополненный, как известно, на полях и над строками по другим неизвестным (частью баснословным) источникам¹⁶. И вот в тексте Никоновской летописи, восходящем к Новгород. 5-й, находим местами чтения, заимствованные, по свидетельству Львовской, Тверской и др., из Ростовской компиляции. Так под 6455 слова «сына своего оставивши въ Кіеве и нача уставляти» (в Хрон. сп.: «и устави»), «и до сего дне», «Русстей и Новьго-

15 А Ермол. прибавляет еще: «а другии Свентеглдь». 16 Укажу для примера статью 6471: в Никон, читаем: «конину или зверину или инаа» (в Повести вр. лет: «конину ли, зверину ли или говядину»); ср. в Хроногр. списке: «конину или зверину или инная», причем «инная» читается на месте соскобленного «гря-дину», как в прочих списках Новгород. 5-й (и Новгород. 4-й). Очевидно, Никоновская заимствовала текст Хроногр. списка уже после внесения в него указанной поправки.

родстей », «и НЫНЕ», «у Киева близъ на Деснь¹ » не находят себе соответствия в Хроногр. списке; все они (но вместо «Руссткий и Новъгородсткий» только «Рустей») оказываются заимствованными из Рост, компиляции (ср. Львовск., Тверск., отчасти Погод.). Под 6463: в словах «челядь и воскъ и белку скору » «белку » заимствовано отсюда же (Львовск., Погод.). Далее отмечаем близкое сходство Никоновской со Львовскою и др. в изложении событий XII в. Можно указать ряд мест, отличающих Никоновскую от Воскр. и Лавр, и находящихся себе соответствие в Львовской и Тверской. Поэтому я не колеблясь возвожу чтение Никон, летописи «еже и НЫНЕ дають » к Рост, компиляции. § 184. Под 6525 годом мы читаем в Никоновской согласно с Рост, компиляцией следующее: «Того же лета заложи Ярославъ град Киевъ, боле пръваго, и Златаа врата постави, и церковь святыа Софш заложи». А за сим находим: «и много церквей постави и безъ числа имеша раздаа нищим; бе бо Ярославъ, якоже и отецъ его, христоробивъ и нищелюбивъ и всегда умъ свой напоая божественными писанеи »(далее следует сообщение об освобождении Ярославом Киева, осажденного печенегам). Приведенные слова находят себе соответствие в Львовской, где читаем под 6525, после известия о закладка св. Софии: «и в митрополш многи церкви постави. По сем нача вера крестьянская и простиратися в Руской земли. Того же лѣта прииде Антоней изъ Царяграда и съ нимъ ти певцы въ пещеру ». Замечу, что в Ермол. под 6560, согласно со сводом 1448, читаем: «Того же лета прииде изъ Святыа Горы Антонии и нача жыти в пещере, юже преже ископа Ларионъ, иже митрополить; а в Киевъ пришли три певцы изъ Грекъ с роды своими ». В виду того, что слова «и съ нимъ ти певцы въ пещеру» читаются только в одном из обоих списков Львовской летописи, я признаю вероятным, что в Ростовской компиляции под 6525 сообщалось только о прибытии Антония из Царяграда. Как известно, Житие Антония сообщает о двух путешествиях Антония; не отразилось ли это и в тексте общерусского свода 1423 года, пользовавшегося этим житием? Под 6525 в нем было занесено о прибытии Антония из Царяграда, а под 6660 о прибытии его из Св'ятой Горы. Понятно, что список Публичной библиотеки Львовской летописи соединил оба известия в одно и перенес сообщение 6560 года в статью 6525-го. Это соображение делает вероятным, что сообщения об уставлении митрополии (вм. «и въ митрополш» следует читать «и устави митрополш»), о построении многих церквей, о расширении веры христианской при Ярославе читались в своде 1423 под 6525 (те же известия читались и под 6545 под влиянием Повести вр. лет; в своде 1448 они читаются только под 6545). Такую особенность свода 1423 года я могу объяснить только предположением, что все это читалось под 6525 в Новгородском своде 1167 г., который в свою очередь руководился сводом XI века (ср. сказанное выше, § 172). Свод XI века повторял при этом ту статью Древн. свода, которая в Начальном своде попала под 6545 год¹⁷.

¹⁷ В своде, послужившем общим источником для Арханг. летописи и летописи Авраам-ки, эти сообщения читались, как и в своде 1448 г., под 6545. Но перенеся их под 6545 год, сводчик перенес вместе с ними и известие о прибытии Антония из Царяграда, а это привело к прибавке о прибытии к Антонию трех певцов из Греции.

Может ли дать Никоновская летопись еще какие-нибудь данные для восстановления древнейших сводов? Сомневаюсь в том, чтобы подобных данных было много. Но кое что с вероятностью возводим к источнику Никоновской — Ростовской компиляции, и далее к своду 1423 и его источнику — Новгородскому своду 1167 года. Такова, напр., под 6563 и 6565, прибавка к имени Дудики, клеветника епископа Луки, имен еще двух клеветников его, Козмы Дамиана. Не читалось ли в Новгор. своде 1167 (и еще раньше в своде XI века): «и осуди и митрополить Ефремъ на Козму и Дамиана », т. е. 1 ноября? Переделка «по Дудикинымъ речем и злыхъ его друзей Демьяна и Козмы клеветамъ» может принадлежать или составителю свода 1423, или составителю Никоновской летописи, скорее последнему.

§ 184¹. Мы говорили в предшествующем исследовании (§§ 145—184) об общерусском своде XV в., составленном, как можно думать, в 1423 году при митрополите Фотии. К нему восходят: свод 1448 года (Соф. 1-я и Новг. 4-я), Хронограф, Ростовская компиляция XV в. Таким образом появление митрополичьего свода в 1423 году дало направление всему летописанию XV века. Этому митрополичьему своду предшествовали другие общерусские своды, имевшие несомненно такое же влияние на старшее летописание. С уверенностью можем говорить об общерусском своде начала XIV века, составленном, очевидно, по приказанию митрополита Петра. К представлению о таком своде ведет между прочим и Лаврентьевская летопись. В части до середины XIII века Лаврентьевская летопись представляется Ростовским летописным сводом, причем, однако в этом своде резко отличались древнейшая часть (Владимирский свод, доведенный до 1185) и позднейшая (Ростовская летопись, от 1206 до 1262). Но кроме Ростовского свода Лаврентьевская руководствовалась еще Переяславскою летописью: отсюда ее близкое сходство с дошедшим до нас списком летописи Переяславля Суздальского, а также с Радзивиловскою летописью; из нее заимствованы известия 1185—1205 гг., а также некоторые поправки в части до 1185. Наконец, третьим источником Лаврентьевской летописи признаем общерусский летописный свод, доведенный до 1305 года: из него сделано несколько заимствований в части до 1205 года; в части же от 1206 до 1305 года к нему возводим все то, что не имеет явно ростовского характера. Итак, к общерусскому своду возводим южнорусские известия (напр., 1206, 1207, 1221, 1240, 1241 и др.), черниговская (1283 и 1284), владимирская (1206, 1207 и т. д.), рязанские (напр., 1217, 1258, 1300), смоленские (1285, 1300), тверские (1285, 1294, 1295, 1296, 1297, 1298 и др.), новгородские и др. Наличие подобных известий в общерусском своде начала XIV в. может быть объяснена только так, что составителю этого свода были доступны местные летописи — владимирская, черниговская, тверская, смоленская и т. д. Пользование Новгородскою летописью доказывается следующими, например, известиями: под 6808 читаем о новгородском пожаре, ср. сходное известие в Новгор. 1-й под 6807, под 6809 — о поставлении епископа Феоктиста, ср. сходное известие в Новгор. 1-й под 6808; под 6810 — о взятии немецкого городка на Неве, ср. сходное известие в Новгор. 1-й под 6809; под 6808 — о кончине епископа Климента,

ср. сходное известие в Новгор. 1-й под 6807; под 6802 — о прибытии в князя Андрея в Новгород, ср. сходное известие в Новгор. 1-й под 6801.

§ 184². Пользование составителем общерусского свода начала XIV в. Новгородскою летописью представляет для нас в настоящее время тот интерес, что эта летопись была, конечно, тождественна с Новгородским владычным сводом, положившим, как мы знаем, в свое основание свод 1167 года, который в свою очередь имел главным источником Новгородский свод XI века. Правда, мы не можем искать в Лаврентьевской летописи данных, которые бы могли служить к восстановлению свода 1167 года, ибо пользование общерусским сводом со стороны составителя Лавр, летописи более или менее определенно можно установить только с 1193 года¹⁸. Но под 6636 (1128) годом находим в Лаврентьевской статье, восходящую, как видно из ее содержания, к древней летописи и притом — можно думать — именно к Новгородской, ибо древняя Киевская летопись нам так или иначе известна по Повести вр. лет. Статья эта начинается словами: «О сихъ же Всеславичихъ сице есть, яко ска-заша ведущии прежде». Отметим прежде всего, что помещение ее в Лавр, под 1128 г. представляется непонятным. Правда, в начале года сообщено: «Пре-ставися князь Полотський Борисъ », но не могла же смерть этого Всеславича дать основание составителю Лаврентьевской предложить рассказ о Всеславичах, смысл которого — объяснить, почему потомки Рогволода «взимають мечъ противу Ярославимъ внукомъ ». В Воскресенской летописи этот рассказ помещен под тем же 6636 годом, причем подогнан к известию: «Того же лета преставися Борисъ князь Всеславичъ »; с этой целью последнее известие переставлено с начала года на четвертое место. Но такое тесное соединение двух известий скорее можно понять как стремление составителя Воскресенской осмыслить так или иначе появление вставки о Всеславичах¹⁹. Объяснение, как попала эта вставка в летописный свод, находим в следующей статье Воскресенской и Лаврентьевской летописи, статье 6637 года. Здесь читаем в Воскресенской довольно пространно (и притом сходно с Ипатьевскою, где соответствующая статья перенесена под 6648 год и приурочена к возвращению двух из поточенных Всеславичей) о том, что Мстислав поточил Полотских князей с женами и детьми в Царьград, «зане не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть е въ Русскую землю въ помочь »; когда Мстислав окончил рать с Половцами, он послал за Кривскими князьями (между прочим, за тремя Всеславичами: Давыдом, Ростиславом и Святославом) и поточил их в Царьград. В Лавр, кратко: «Въ то же ле то поточи Мстиславъ князи Полотскѣ Цесарю-городу, с женами и с ДЕТЬМИ ». Отсюда заключаем, что вставка о Всеславичах, читаемая под 6636 годом, разъясняет сообщение 6637 года о поточении Всеславичей Мстиславом. Следовательно, первоначально она читалась не под 6636, а под 6637 годом непосредственно за словами «и въсаждавъ ихъ въ лодии поточи ихъ ко Царюграду за ослушание ихъ, и по городомъ ихъ посажа мужи

¹⁸ Под этим и следующим 1194 годом в Лавр, имеются известия, которых нет в Переясл. и Радз.; между тем известия 1194 года находят себе соответствие в Ипат., пользовавшейся общерусским лет. сводом начала XIV в.

¹⁹ В числе источников Воскресенской была Троицкая (утраченная) летопись, которая основывалась сама на Лаврентьевской (протографе Лаврентьевской).

своя» (Воскр.). Отсюда делаем дальнейший вывод: в Лавр, вставка попала ошибочно под 6636 год не из того источника, к которому восходит краткое известие 6637 года о поточении Всеславичей Мстиславом, а из другого — вспомогательного; краткое известие 6637 года мы вправе возвести к Ростовскому своду и далее к Владимирскому своду, который, как известно, сокращал соответствующие части Киевской летописи; следовательно, вставка о Всеславичах, читаемая под 6636, может восходить только к общерусскому своду, ибо третий источник Лаврентьевской — Переяславская летопись была в общем весьма сходна с Ростовским (Владимирским) сводом²⁰. Вывод наш подтверждается тем, что в общерусском своде, по свидетельству Ипатьевской и Воскресенской²¹, статья о поточении Мстиславом Всеславичей была изложена в полном виде под 6637 годом.

§ 184³. Итак, рассказ о Всеславичах попал в Лаврентьевскую из общерусского свода, а в последнем, как можно думать в виду уже высказанных соображений, из Новгородского владычного свода 1167 года и далее из свода XI века. Впрочем, решаемся утверждать это только относительно первой части рассказа, сообщающей о сватовстве Владимира на Рогнеде и о насильственном завладении ею, ибо эта часть рассказа находит себе соответствие в Нач. своде и Повести вр. лет, куда, как мы видели (§ 118), она попала из Новгородского свода; вторая часть, начинающаяся словами «и нарекоша ей имя Горислава, и роди Изяслава», восходит, по-видимому, к отдельному сказанию о Рогнеде. Сказание это было известно составителю общерусского свода: ср. вставку слов «та же убити его хоть, ножемь зарезати» (§ 181), а также сообщение о крещении Рогнеды (§ 181; Тверск. XV, 112—113). Возможно, в виду этого, что и первая часть рассказа попала в общерусский свод из Новгородского свода не непосредственно, а путем сказания о Рогнеде. В таком случае пришлось бы допустить, что Новгородским сводом для статьи о Рогнеде воспользовался не составитель общерусского свода, а составитель особого сказания о Рогнеде, попавшего в общерусский свод. Для нас это безразлично: нам важно только отметить, что первая часть рассказа о Рогнеде, попавшая из общерусского свода в Лавр, летопись под 6636 годом, восходит в конце концов к Новгородскому своду XI века.*

§ 184⁴. Самого поверхностного сравнения этой первой части рассказа о Рогнеде с той статьей, что читается в Нач. своде и Повести вр. лет под 980 годом, достаточно для утверждения, что обе статьи восходят к одному источнику. Ср. общие фразы в той и другой статье: «Онъ же рече дъщери своей: хочещи ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю. БЕ бо Рогъволодь пришесть изъ заморья, имейше волость свою Полотьскъ»; ниже под 980: «и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя жене », а под 1128: «потомъ отца ея уби, а саму поя жене ». В виду этого признаю необходимым руководствоваться статьей 1128 года при восстанов-

20 Воскресенская летопись представляет соединение Троицкой летописи с Московским сводом (основанным на Софийской 1-й) и общерусским сводом.

21 В Радзивилловскую вставка попала из Лаврентьевской. Имеется ряд указаний на то, что Радзивилловская представляет соединений летописи Переяславля Суздальского с Лаврентьевскою.

лении текста соответствующей статьи свода XI века. При этом даю предпочтение некоторым чтениям статьи 1128 года. Так сватовство через Добрыню («и съ посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера») представляется более первоначальным, чем сватовство самого Владимира («и посла ко Роговолоду Полотьску, глаголя»): Начальный свод имеет в виду взрослого Владимира, сидевшего в Новгороде на столе уже десятый год; между тем статья 1128 года указывает, что Владимир был во время сватовства Рогнеды очень молод («детьску сущю»). Предпочитаю признать для свода XI века эту вторую точку зрения, так как иначе Владимир обошелся бы без помощи Добрыни и в походе против Роговолода (Нач. свод и Повесть вр. лет и не упоминают совсем о Добрыне), а между тем Добрыня не сходит со сцены в статье 1128 года и ниже: «идоста на Полтескъ»; Добрыня велел Владимиру быть с Рогнедой в присутствии родителей. — Почему же в Нач. своде изменен рассказ, чем объяснить удаление им Добрыни?

Думаю, что прежде всего соображениями хронологическими. Нач. свод отнес весь эпизод на 6488 (980) год, когда Владимир пошел на Ярополка; он оттенил этим то обстоятельство, что завладение Рогнедой было в сущности отнятием невесты у Ярополка («в се же время хотяху Рогънедь вести за Ярополка»); но помещение этого эпизода под 6488 годом явно насильственно. Владимиру, вернувшемуся с Варяжскою помощью из-за моря и пославшему к Ярополку объявление войны, совсем некстати было затевать сватовство и отвлекать свои силы походом на Полотск. Это соображение заставило нас (§ 118) признать эпизод с сватовством Рогнеды вставкой в тексте Древн. Киевского свода; содержание вставки ведет нас к новгородскому источнику. Но где же в Новгородском своде был помещен этот эпизод? Думаю, что непосредственно за предшествующим эпизодом (также перенесенным из Новгородского свода в Начальный свод) — эпизодом о добывании новгородцами князя. Этот эпизод, помещенный в Нач. своде и Повести вр. лет под 6478 (970) годом, оканчивается словами: «и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду»; думаю, что непосредственным его продолжением являются те слова, что читаются перед эпизодом о добывании Рогнеды: «И седе въ Новегороде» (ср. 1128 перифраза: «и Володимеру сущю Новгороде»). Допустив это, мы поймем, почему рассказ 1128 года сообщает о Владимире, что он был «детескъ», и почему Повесть вр. лет устранила из рассказа Добрыню, когда перенесла рассказ на десять лет позже того, что изложенное событие имело место по соображению лица, внесшего его в свод; мы поймем далее, почему рассказ 1128 года представляет Добрыню главным действующим лицом: таковым он был и в предшествующем эпизоде.

Сопоставляя текст Новгородского свода, как он восстанавливается по статье 1128 года, с соответствующим текстом Начального свода (Пов. вр. лет), видим, что при внесении в киевский свод смягчены некоторые слишком резкие черты: устранена дикая сцена надругательства над Рогнедой и ее родителями. Статья 1128 года окончательно убеждает нас в том, что слова «а Туры Турове, отъ негоже и Туровци прозвашася» вставлены составителем Нач. свода; далее — что им же вставлено: «в се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка»; наконец, что слова «собра вой многи, Варяги и Слонени, Чюдь и Кривичи» относились первоначально не к походу Владимира на Полотск, а к походу его на Ярополка (см. § 118).

ГЛАВАМ Данные для восстановления первого Новгородского свода XI века. Перечни князей и владык Новгородских

§ 185. Мы привели ряд данных, ведущих к восстановлению Новгородского свода XI века. Они извлечены нами из свода 1167 года, отразившегося в Синод, списке, своде 1448 г. и Ростовской компиляции XV в. Кажется, найдутся еще данные в том же своде 1167 года, которые можно возвести к своду XI века. Судя по Синодальному списку, в своде 1167 года за рассказом о крещении Новгорода был помещен перечень великих князей киевских; мы рассмотрели выше этот перечень и пришли к заключению, что он составлен именно в 1167 году; за этим перечнем читается в Синод, списке еще другой — перечень князей новгородских. Не восходит ли и этот перечень к своду 1167 года (путем летописи Германа Вояты)? В Синод, списке он был, вероятно, доведен до Ивана Даниловича. Если он читался в своде 1167 года, то должен был оканчиваться в нем словами «и введоша опять Ростиславича Святослава» (ср. в тексте летописи под 1161—6669: «а Святослава ввѣй-доша опять на ВСЕЙ воли его, сентября въ 28»), так как Святослав Ростиславич сидел в Новгороде до 1167 года, когда он, приблизительно около 1 сентября, удалился из Новгорода. Как мы знаем, текст Синод, списка в соответствующей части утрачен; он дошел до нас в Новгор. 1-й (под 989 г.) и в своде 1448 года (ср. в приложениях к Ком. списку Новгор. 1-й и к летописи Авраамки). Анализ текста интересующего нас перечня по названным памятникам убеждает нас в том, что действительно основная часть его доходила до приведенных слов. До приведенных слов видим в перечне один прием, а после них дру-

гой; до этих слов, начиная именно с княжения Мстислава Владимировича, перечень указывает, сколько времени каждый князь сидел на новгородском столе¹; между тем за этими словами нет почти ни одного хронологического указания². Итак, помимо общих соображений о составе Синод, списка, источника его летописи Вояты и источника последней — свода 1167 года, мы из самого текста перечня извлекаем указание на то, что он доходил некогда только до второго княжения Святослава Ростиславича.

На основании каких же данных составлен перечень составителем свода 1167 года? Имея в виду, что в части, соответствующей времени от ухода Мстислава в Киев и оставления им в Новгороде сына Всеволода (6625), перечень строго согласован с данными летописными, заключаем, что он составлен по тем же данным, что свод 1167 года, т. е. по погодным записям Софийской владычной летописи (ошибки оговорены выше в примечании). Напротив, в части до 6625 года перечень не всегда находит себе соответствие в данных Синод, списка. Привожу эту часть перечня:

«А се в Нонѣгородѣ: прѣвый князь по крещенѣ Вышеславъ сынѣ Володимерь; и по немѣ братъ его Ярославъ, и володвше землею; и идя къ Киеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сынѣ Илья, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомѣ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и: а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: «по сей грамотѣ ходите». И по преставленѣ Володимеровѣ в Новѣгородѣ, Изяславъ посади сына своего Мъстислава; и побѣдиша и на Черехи; бѣжа къ Киеву, и по взятѣ города преста рать. И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чюдѣ; а Святополкъ сѣде на СТОЛѣ, сынѣ Изяславъ, (и) иде Киеву. И присла Всеволодъ внука своего Мъстислава, сына Володимира и княживъ 5 лѣтъ, иде к Ростову, а Давидъ прѣде к Новугоро-ду княжить; и по двою лѣту выгнаша и. И прѣде Мъстиславъ опять, и СБДѣ в НОВѣгородѣ 20 лѣтъ».

§ 186. Прежде чем решить вопрос, откуда заимствованы в перечень приведенные в нем данные, отметим соответствующие им места в Новгородской 1-й, в Новгородском своде 1448 (Соф. 1-й и Новгор. 4-й) и в Повести вр. лет.

Для первого известия ср. Новг. 1-ю младш. извода и Повесть вр. лет под 988: «И посади Вышеслава в Нокѣгородѣ-... Умеръшю же старейшему Вышеславу в Новѣтородѣ, и посади Ярослава в Новѣгородѣ». — Далее в

Исключение составляет только первое княжение Святослава Ростиславича, сидевшего в Новгороде первый раз два года (1158—1159). Что до княжения Ростислава Юрьевича, то о нем сказано неопределенно: «и по малѣ времени прѣде Святополкъ, и по-казаша путь Ростиславу»; по летописи Ростислав сидел в 6650 году в Новгороде меньше года, всего четыре месяца. Давыд Ростиславич пробыл в Новгороде не более одного-двух месяцев. Отметим еще ошибочные данные, явившиеся следствием неоднократной переписки: Святополкъ Мстиславич сидел не «лѣто», а лет 6 (6650—6656); Ярослав Изяславич сидел не «лѣто», а лет 6 (6656—6662).

Исключение составляют указания на то, что Дмитрий Александрович, а затем Михаил Александрович сидели по три месяца (последний: 3 мѣсяци неполны).

Повести вр. лет под 6526 упоминается новгородский посадник Константин Добрынин. — В своде 1448 г. кроме того под 6527 читаем: «Коснятинъ же бяше тогда въ Нов-Ьгородѣ, и разгнвася нанъ великий князь Ярославъ, и поточи и въРостовъ». — В Повести вр. лет под 6544: «и посади сына своего Володимера Новгвгородѣ», причем свод 1448 г. прибавляет: «и людемъ написа грамоту, рекъ: по сей грамотѣ дадите дань». Под 6586 Повесть вр. лет и Новгор. 1-я сообщают об убиении Глеба Святославича в Заволочии (за Волоком). Под тем же годом в Повести вр. лет: «Обдящю Святполку в него МЕСТО Нов-Ьгородѣ, сыну Изяславлю». Под 6596 в Повести вр. лет: «иде Святполкъ из Новагорода к Турову жити». Под 6603 в Новгор. 1-й: «Иде Святполкъ и Володимеръ на Давида Смольнску, и вдаша Давиду Нов-Ьгородъ»; напротив, в Повести вр. лет под тем же годом: «Сего же лѣта исходяща, иде Давыдъ Святославичъ изъ Новагорода Смолинску; Новгородци же идоша Ростову по Мъстислава Володимерича и поемше ведоша и Новугороду, а Давыдовы рекоша: не ходи к намъ; и пошедъ Давыдъ, воротися Смолинску, и сѣде Смолинске, а Мъстиславъ Нов-Ьгородѣ сѣде».

§ 187. Отсюда видно, что дошедшие до нас своды содержат далеко не все известия, сообщенные в перечне, читавшемся в своде, 1167 года. В них нет указания на то, что Ярослав, идя к Киеву (очевидно, в 1016 году), посадил в Новгороде Константина Добрынича; далее, что у Ярослава, очевидно, до 1020 (когда родился Владимир) родился сын Илья и что отец посадил его в Новгороде, где он умер; нет далее указания на то, что в Новгороде посажен в князем Изяславом сын его Мстислав (по-видимому, после 6568 года, когда, согласно Новгор. своду 1448, Изяслав был в Новгороде); нет известия о поражении Мстислава на Черехе и бегстве его в Киев: дело идет, очевидно, о событиях 6575 года, когда Новгород был взят. Всеславом (в 6577 видим Мстислава в Киеве); ср. «и по взятѣи города преста рать»; нет далее указания на то, что Святослав посадил в Новгороде сына своего Глеба (вероятно, в 6577), хотя о князе новгородском Глебе Святославиче Повесть вр. лет упоминает под 6579, а Новгородская 1-я и под 6579 и под 6577; равным образом в них не указано, что Глеб был изгнан из Новгорода и был убит за Волоком именно Чюдью; не упомянут в них и факт присылки Всеволодом в Новгород внука Мстислава (очевидно, в 6596, за семь лет до 6603); не указано и то, что Мстислав после пятилетнего княжения (следовательно, в 6601) удалился в Ростов и что его место занял Давыд Святославич (6601—6603).

§ 188. Все эти подробности, ускользнувшие от составителей Начального свода и Повести вр. лет, частью, быть может, не включенные также в свод 1167 года, заимствованы в перечень, очевидно, из письменного источника. В распоряжении сводчика 1167 года, составившего этот перечень, было два источника: Киевская летопись и Новгородский владычный свод. Данные перечня не могли читаться в Киевской летописи, и их нет в Повести вр. лет; следовательно, они заимствованы из владычного свода. Наш вывод согласуется вполне с тем обстоятельством, что отдельные выражения перечня совпадают с текстом тех дополнительных известий свода 1448 года,

которые заимствованы им из владычного свода (см. выше). Ср. сообщение о гневе Ярослава на посадника Константина и о заточении Константина, известие о грамоте, данной Ярославом новгородцам.

Отметим еще одно обстоятельство: первые хронологические определения в рассматриваемом перечне относятся к княжению Мстислава Владимировича (5 лет) и Давыда Святославича (2 года). Княжения их предшественников не определены годами; напротив, княжения всех последующих князей определены перечнем хронологически (см. выше). Не служит ли это указанием на то, что из древнейшей части владычного свода, — а составление этой части мы относили выше к XI веку, — нельзя было извлечь точных хронологических указаний?*

§ 189. Кроме перечня князей новгородских, в Новгородской 1-й летописи старшего извода читался, по-видимому, и перечень посадников (ср. этот перечень в Новгородской 1-й младшего извода, под 6497). Быть может, начало перечню положено сводом 1167 года. Во всяком случае имена посадников извлечены из летописи. Между тем дошедшая до нас Новгородская 1-я летопись оказывается недостаточной для определения всех посадников. Так, в ней нет имен трех старших посадников: Гостомысла, Константина, Остромира. Все три имени, как мы знаем, имеются в Новгородском своде 1448 года в известиях, извлеченных, согласно предыдущему, через посредство общерусского свода 1423 из владычного новгородского свода (ср. в Новгор. 4-й и Соф. 1-й: вводные статьи, далее 6527 и 6554 годы). Это указывает на то, что перечень посадников руководствовался в древнейшей своей части тем же владычным сводом.

§ 190. Дошедшие до нас списки новгородских владык, изложенные с хронологическими определениями, восходят к редакции, помещенной в приложениях к Соф. временнику. Отсюда список перешел в приложения к Новгор. своду 1448 года (ср. Новгор. 4-ю, Ком. список Новгор. 1-й, летопись Авраамки и др.). Существенного против того, что мы знаем о древнейших событиях по Новгородской 1-й младш. изводу и сводам 1423 и 1448 г., мы в этих списках не находим. При именах епископов даны годы их владычества: в сводах 1423 и 1448 годов даны лишь годы владычества Луки Жидяты; здесь же имеем еще годы владычества Иоакима — 42, Стефана — 8, Феодора — 9, Германа — 18. Сходно со сводом 1423 и 1448 года день смерти указан только для Луки (15 октября), причем отмечено и место его погребения — «за святою Софьею в Новѣгородѣ». Кроме этой подробности (в пределах XI века) находим еще следующее: вместо краткого сообщения о преставлении Феодора в 6585 году, читаем: «А Феодора свой песь уяде, и с того умре», ср. то же в рассмотренной выше Рост, компиляции (Тверск. сб.), а о смерти Германа сказано, что он «преставися въ Киевѣ», между тем как своды 1423 и 1448 годов не сообщали совсем об его смерти (случившейся, по-видимому, в 6604 году). Думаю, что все эти данные извлечены из владычного свода: составитель списка руководствовался именно им, а не известными нам летописями.

§ 191. Остановлюсь еще на одной позднейшей компиляции, в основании своем представляющей сокращением Новгородского свода 1448

года, дополненным по хронографу. Эта компиляция в части до 6817 дошла до нас между прочим в летописи Авраамки. Здесь под 6506 годом читаем: «В Нов-вгородѣ владыка Акимъ уряди себѣ м о н а с т ы р ь Д е с я т и н н ы й, а святу ю Софѣ ю заложи дубову конецъ Пискупли улицы надѣ Воль-ховомъ и сверши ю о дванадцати версѣхъ». Думаю, что в источнике летописи Авраамки — в названной выше компиляции — читалось не «монастырь Десятинный» (который, как известно, возник только в XIV в.), а «церковь Іоакима и Анны», и что слова «монастырь Десятинный» попали с полей где они стояли при предшествующем известии: «Заложи Володимѣрь церковь святу ю Богородицу перевозданну ю и манастирь» (дело идет о Десятинной церкви)³. Первоисточником является Хронограф. Правда, в редакции 1512 года этого известия нет, но оно могло быть в старшей редакции; ср. в особенности ошибочную хронологию (6506 вм. 6497), характерную для Хронографа (где напр, освящение Печерской церкви отнесено на 6607 год вм. 6597 г.). Хронограф извлек это известие из общерусского митрополичьего свода, а последний заимствовал его из Софійского владычного свода, которым он, конечно, пользовался в числе прочих источников. Ср. в Летописце церквамъ Божьимъ (известном по поздним спискам): «И в лѣто 6497-го по-стави владыка первый епископъ Іоакѣмъ первую церковь каменную бого-отецъ Іоакѣма и Анны; в той же церкви и служили до Софѣи». Отсюда получаем основание возвести к владычному своду следующую заметку:

«И уряди себѣ Акимъ церковь богоотецъ Іоакима и Анны, а святу ю Софию заложи дубову конецъ Пискупли улицы надѣ Волховомъ и сверши ю о 13 версѣхъ»⁴.

Ср. ниже в Супр. списке: «Свершиша м а н а с т ы р ь святу ю Богородицу», вместо чего в лет. Авраамки более древнее чтение «мастеры». Во всяком случае в обоях известиях «манастирь» ошибочно заменило слово «мастеры». В Хронографе 13 было поправлено на 12 — здесь, как и ниже под 6550, в сообщении о пожаре св. Софии. Ср. в общерусском своде под 6557: «имущи върхъ 13».

Глава 12 Житие Антония, как источник: Начального свода конца XI века и общерусского свода 1423 года

§ 191¹. Утраченное уже в XVI веке или, по крайней мере, не отыскивавшееся в семидесятых годах этого века в Киево-Печерском монастыре, Житие Антония принадлежит к памятникам глубокой древности. В XIII веке оно было хорошо известно составителям Печерского патерика Симону и Поликарпу: оба ссылаются на него и черпают из него данные, относящиеся к древнейшей эпохе жизни Печерского монастыря. Чтобы дать представление о содержании и составе Жития Антония, необходимо просмотреть все ссылки на него в творениях Симона и Поликарпа.

1. Сказав в своем послании к Поликарпу о том, что многие из иноков Печерских удостоились епископского сана и указав на Леонтия, епископа Ростовского, Симон продолжает: «Илариона же митрополита и самъ чель еси въ житии святаго Антоя, яко отъ того пострижень бысть и такс священства сподоблень » (ср. изд. Яковлева, с. 90). — 2. В конце статьи, озаглавленной «Что ради имети тщание и любовь къ преподобнымъ отцемъ Антонию и Феодосию Печерскимъ» Симон, судя по Арсеньевской редакции патерика (Берсенеvскому списку), говорил: «и сего дея азъ грешный епископъ Симонъ тужу и скорблю и плачуся и желаю тамо ми скончания, да быхъ точию положень былъ въ божественной той персти и малу отраду пр!аль быхъ многихъ ми греховъ. И ина такова обрящеши, брате Поликарпе, въ житии святаго Антониа. Къ нему же прииде отъ Кива некто хотя быти чернецъ», и далее рассказывалось о преп. Евстратии (изд. Яковлева, 93). —

3. В слове о святом Афанасии затворника Симон, рассказав об исцелении Вавилы от мощей св. Афанасия, продолжает: «аще ли кому не верно мнить написанное се, да почтеть житие святого Антоша отца нашего, начальника Рускымъ мнихомъ, и да веруетъ » (изд. Яковлева, 99). — 4. Рассказав в слове о создании церкви о чуде, бывшем при основании каменной церкви Печерской, причем на место, выбранное для закладки, сошел небесный огонь, Симон заметил: «въ житш святого Антониа сего пространство обрящеши, в Феодосиев же житии ВСЕМЪ явлена суть, како столпъ огненъ явился отъ земля и до небеси; овогда же облакъ, иногда же аки дуга отъ, верха оная церкви на сіе место, многажды же и иконе приходити, ангеломъ ту носящимъ, на хотящее быти МЕСТО» (изд. Яковлева, 119). — 5. В конце слова об Агапи-те безмездном враче Поликарп, обращаясь к архимандриту Акиндину, выражает готовность написать о чудотворении, воздержании, послушании преподобных отцов Печерских, для того, чтобы оставить это на пользу сущим по нас, «якоже блаженны Нестерь в летописце написа о блаженныхъ отцѣхъ, о Дамьяне, Иеремѣи и Матфее и Исакии. Въ житш святого Антоша вся житиа ихъ вписана суть, аще и въкратце речена, но паче о прежде рече-ныхъ черноризцихъ¹ явно реку, а не въ тайне; аще бо азъ премолчу, отъ меня до конца забвена будетъ и тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дни; се же речеса въ 15 (вариант: в 12) лето твоего игуменства, еже не бысть помяновения 100 и 60 летъ, ныне же твоя ради любви оутаенная слышана быша» (изд. Яковлева, 135—136). — 6. Рассказав о подвижнической жизни Моисея Угрина, Поликарп говорит: «се же и въ житии святого отца нашего Антония вписано есть о семъ Моисии, како прииде и сконча-ся в добре исповедании о Господе, пребывъ 10 летъ въ монастыри, 5 летъ въ плїне страдавъ окованъ, 6 летъ за чистоту страдавъ въ страсти» (Берсен. сп.)² — 7. В сказании о Федоре и Василии Поликарп влагает в уста Федора, поставленного на суд перед князем Мстиславом Святополковичем, который спросил его, много ли в найденном им сокровище золота, серебра и сосудов и известно ли, кем оно сокрыто в пещере, следующие слова: «въ житш святого Антоша поведається, Варяжскийи поклажамъ есть, понеже съсу-ди Латиньстии суть, и сего ради Варяжская пещера зовется и до нынѣ, злата же и сребра бесчислено множество ».

§ 191 . Из приведенных свидетельств Симона и Поликарпа видно, что Житие Антония содержало рассказы о нескольких отцах Печерских, приобретших славу и признание своими чудесами и благочестивою своею жизнью. Между прочим в нем излагалась история Моисея Угрина: Поликарп сообщает о том, что Житие Антония рассказывало о прибытии Моисея в монастырь после продолжительного томления в плену. Симон, говоря об исцелении Вавилы от мощей св. Афанасия и ссылаясь на житие Антония,

¹ Так следует, быть может, исправить вместо: «но паче прежде речении черноризци». ² В Кассиановских редакциях последние слова несколько изменены: «а въ плїнении страдавъ въ юзахъ лет 5, шестое же лето за чистоту терпя страсти»; кроме того выше, вместо слов «како прииде »: «бе бо пришелъ блаженны во дни святого Антоша » (изд. Яковлева, с. 151).

имел, конечно, в виду случай исцеления блудной похоти от приложения к телу кости от мощей преп. Моисея, тот случай, о котором рассказывает Поликарп в своем слове об Иоанне затворнике; следовательно, Житие со-творенных Моисеем Угрином после своей смерти, и содержало повествование о Иоанне затворнике, заимствованное из него Поликарпом. Кроме того, Житие Антония говорило и о других Печерских угодниках, по ясному указанию того же Поликарпа. Наконец, оно сообщало и о древнейших событиях, связанных с судьбою Печерской обители: между прочим о прибытии к Антонию Илариона и его пострижении; оно говорило и о какой-то Варяжской пещере, где, по-видимому, поселился преп. Антоний; с особенною подробностью рассказывалось в нем об основании и построении церкви св. Богородицы Печерской.

Одна из ссылок на Житие Антония Поликарпа дает основание предположить, что это житие написано за 160 лет до того времени, как за свой труд принялся Поликарп. Это указание мы не решаемся принимать в буквальном его смысле; полагаем, что 160 лет выставлено Поликарпом в том предположении, что Житие Антония составлено в год его смерти, которая по некоторым данным имела место в 1072 или 1073 году. Весьма возможно, что Поликарп писал около 1230 года, и таким образом у него получилось представление о 160 годах, протекавших со времени появления Жития Антония. Не отрицая возможности того, что Житие Антония действительно появилось в семидесятых годах XI столетия, считаем более вероятным отнести его к несколько позднему времени, когда личность Антония и события 1072—1073 гг. (постройка храма) уже успели стать легендарными.

1

§ 191³. Житие Антония оказало весьма значительное влияние на русскую летопись, благодаря тому, что летописный свод, легший в основание всего последующего летописания, был составлен в Печерском монастыре. Этот летописный свод, называемый мною Начальным сводом, появился около 1095 года. Нам уже пришлось указывать на несколько заимствованных из Жития Антония в него статей. Считаем целесообразным повторить здесь эти указания.

В § 60 указано, что в Древнейшем своде не был назван по имени слуга Борисов, решившийся защитить собой тело своего господина; в Начальном своде он назван Георгием, причем указано, что он был родом Угрин, что его очень любил Борис, возложивши на него большое золотое ожерелье; при этом сообщено, что вместе с Георгием были убиты и многие другие слуги; труп Георгиев был обезглавлен для того, чтобы снять с шеи его ожерелье; голова была отделена от туловища; поэтому тело Георгия не могло быть найдено среди трупов. Мы доказывали, что все это заимствовано Начальным сводом из сказания о Моисее Угрине, содержавшегося в Житии Антония, и ссылались при этом на то, что в Поликарповом сказании о Моисее Угрине приведен весь этот эпизод, причем указано, что Георгий был бра-

том Моисея. Возражая против возможного предположения, что связь Моисея Угрина с Георгием придумана Поликарпом на основании общего происхождения их, не допуская того, чтобы Поликарп заимствовал рассказ об убиении Георгия из летописи, мы указывали на то, что этот эпизод не является случайною и позднейшею вставкою в рассказ о Моисее Угрине: Поликарп сообщает, что Моисей спасся один от бывшего на Альте избиения и пришел к Предславе, сестре Ярослава; он пребывал у ней до тех пор, пока Ярослав не победил Святополка; но Святополк бежал в Ляхи и придя оттуда с Болеславом, изгнал Ярослава и сел в Киеве; Болеслав вернулся в Ляхи и взял с собой обеих сестер Ярослава, а также и бояр его, а с ними и блаженного Моисея. Таким образом, весь рассказ о начале подвижничества Моисея тесно связан с указанным эпизодом; близость Моисея к Борису (он был его отроком) связала его судьбу с Предславой, к которой он бежал после убиения Бориса и с которою он попал в плен к Болеславу. Правда, ни Начальный свод (Повесть вр. лет), ни Поликарп не говорят о том, что одною из обеих сестер Ярослава, взятых в плен Болеславом, была именно Предслава, но, как увидим, Житие Антония сообщало об этом совершенно определенно.

Отмеченная нами связь Моисея Угрина с Предславой дает нам основание думать, что Житие Антония послужило источником, если не прямо, то косвенно, для тех двух вставок Начального свода, о которых мы говорили в § 56: в первой вставке, сделанной в текст, восходящий к древнейшему своду, читаем: «в се же время пришла бе вѣсть къ Ярославу отъ Передѣсла-вы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глебу, глаголя: не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убѣнь отъ Святополка »; вторая вставка сделана в текст Новгородского свода XI века (§ 162): «в ту же ночь приде ему вѣсть ис Кыева отъ сестры его Передѣславы си: отецъ ти умерлъ» и т. д.; вставкой мы признали слова «ис Кыева отъ сестры его Передѣславы». Высказываем предположение, что Житие Антония приписывало Предславе активную роль в борьбе Ярослава с Святополком, и ставим это наше предположение в связь с дальнейшим указанием, извлекаемым из общерусского свода 1423 года.

§ 191⁴. Мы не решились бы утверждать так определенно, что вставки о Георгии Угрине и о Предславе заимствованы составителем Начального свода из рассказа о Моисее Угрине, читавшегося в Житии Антония, если бы не могли доказать на одной из статей Начального свода, что последний имел действительно в числе источников рассказ о Моисее Угрине. Мы читаем в Начальном своде (Повести вр. лет) под 6538 (1030) годом: «В се же время умре Болеславъ Великій въ Лясахъ, и бысть мятежъ в земли ЛЯДЬСТЕ: встав-ше людѣ избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежъ ». Место это сближается с следующим отрывком в Поликарповом сказании о Моисее Угрине: «Въ едину убо ночь Болеславъ напрасно умре; и бысть мятежъ великъ въ всей Лядской земле и вѣставше людие избиша епископы своя и боляры своя, якоже и в летописци поведаетъ, тогда и см жену уби-ша». Возможно, что Поликарп заимствовал приведенное известие из ле-

тописца, хотя ссылка его на последний может быть истолкована так, что об этом мятеже говорит не только Житие Антония (где было вписано житие Моисея), но и летописец. Обращаю внимание на другое обстоятельство — на соответствие обоих известий (о смерти Болеслава и о мятеже в Польской земле) в их последовательности исторической действительности и на хронологическое определение обоих событий, в них изложенных.

Белёвский в своем издании Несторовой летописи, в примечании к этому месту, отметил, что Нестор не означает точно года смерти Болеслава, а говорит о ней неопределенно, что она имела место «в се же время» (Болеслав умер 3 апреля 1025 года); год, поставленный Нестором в начале статьи, относится, по мнению Белёвского, скорее к мятежу, описанному здесь: он действительно случился вскоре после смерти Болеслава и притом около 1030 года³. Этот мятеж есть основание относить к 1031 году, когда король Мешко должен был бежать, угрожаемый восстанием⁴; впрочем, польские источники дают основание думать, что русская статья имела в виду другой, еще более поздний по времени мятеж, случившийся уже по смерти Мешка, в 1034 году, во время малолетства Казимира⁵.

Итак, с одной стороны, Начальный свод (Повесть вр. лет), а с другой, Поликарпово сказание о Моисее Угрине установили одинаково связь между двумя событиями, на самом деле между собою не связанными: между смертью Болеслава и мятежом в Польской земле. Спрашиваем, где было уместнее возникнуть этой связи: в летописи или в рассказе о Моисее Угрине? В летописи связь эта случайна и необъяснима; в рассказе же о Моисее Угрине идет последовательное развитие следующих событий: пленения Моисея Болеславом, мучений Моисея, доставшегося некоей польской госпоже, пострижения Моисея монахом Святой Горы, жалобы на Моисея, принесенной госпожой его Болеславу; «Болеславъ же усрамися величества жены и любви первыя потакви ей творя, въздвиже же гонече веле на черноризци и изгна вся оть области своея⁶. Богъ же сътвори отмщение рабомъ своимъ вскоре»; Божие отмщение выразилось во внезапной смерти Болеслава и в мятеже, наступившем в Польской земле. Отсюда ясно, что в сказании о Моисее Угрине оба события — смерть Болеслава и мятеж постав-

³ Monumenta Poloniae historica, I, 857.

⁴ Bobrzyński, Dzieje Polski, I, 2118.

⁵ Bobrzyński, I. c. 118—119. Bielowski, I. c. Соответствующее место в хронике Галла изложено так: Et cum tantam iniuriam et calamitatem ab extraneis Polonia pateretur, absurdus tamen adhuc et abominabilis a propriis habitatoribus vexabatur. Nam in dominos servi, contra nobiles liberati, se ipsos in dominium extulerunt... insuper etiam a fide catholica deviantes, quod sine voce lacrimabili dicere non valemus, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditionem inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignius peremerunt, quosdam vero quasi morte dignos viliori lapidibus obruerunt (I.1, c. 18 et 19). Длугош относит этот мятеж к 1037 году. Об этом же мятеже вспоминала жена Изяслава (сестра Казимира, дочь Мешка) в Житии Феодосия: «яко такоже бысть въ стране нашей; отбежавшимъ некое ради беды чернцемъ, много зла створися ихъ ради въ земли той».

⁶ Итак, вот на какое изгнание чернецов из Польской земли намекала в Житии Феодосия жена Изяслава. Поликарп делает соответствующую ссылку на Житие Феодосия.

лены в тесную и прямую связь между собой самым ходом всего рассказа. Уже поэтому признаю, что Поликарп заимствовал известия о смерти Болеслава и мятеже не из летописи, где связь между ними случайная, а из Жития Антония. Датировка этих событий в летописи решительно подтверждает наше заключение.

По сообщению Патерика Моисей страдал «въ пленении въ юзахъ летъ 5, шесть же летъ за чистоту» (ср. выше, § 191¹); следовательно, он пробыл в Польше всего 11 лет; на двенадцатый год он освободился после убийства мучившей его госпожи. Но он, по словам того же Патерика, попал в плен вместе с сестрами Ярослава в 6526 (1018) году; следовательно, он освобожден из плена в 6538 (1030) году. В полном согласии с этим стоит то обстоятельство, что в списках Кассиановской 2-й редакции * Патерика год прибытия Моисея в Киев определяется 6539 (1031) годом. Итак, 6538 год, под которым сообщено о смерти Болеслава и мятеже в Польской земле, определен составителем Начального свода по письменному источнику; таковым могло быть именно Житие Антония. Другое объяснение совпадения летописного расчета (6538—6526) с расчетом Патерика (Моисей был в плену одиннадцать лет), а именно признание, что Поликарп основал свой расчет на летописи, не может быть принято, ибо при таком объяснении останется непонятным, во-первых, как явилось в летописи приурочение смерти Болеслава и мятежа в Польской земле к 6538 году, во-вторых, почему, оба эти события, отделенные друга от друга, по крайней мере, на шесть, а вероятнее и на девять лет, приведены в летописи рядом под одним годом⁷.

§ 191. Утвердившись таким образом в мысли, что Житие Антония послужило источником для Начального свода, мы укажем в этом своде еще на одну статью, обязанную своим происхождением или точнее своим составом тому же Житию. Это Сказание, что ради зовется Печерский монастырь, помещенное в Начальном своде (Повести вр. лет) под 6559 (1051) годом. В этом Сказании, если в особенности сопоставим его с другими свидетельствами о начале Печерского монастыря, увидим влияние Жития Антония; влияние это, как можно думать, обязано известной переработке Сказания, изложенного первоначально в иной редакции, не тождественной с тою, в которой мы читаем его в Начальном своде (и Повести вр. лет). Приведем доказательства.

7 Предполагаю, что в Житии Антония читалось так же, как в обеих Кассиановских редакциях: «страдавъ въ юзахъ летъ 5, шестое же лето за чистоту терпя страсти»; ср. выше в речи госпожи Моисеевой к Болеславу: «и не довольно бысть ему 5 летъ оклану быти отъ пленившаго его, отъ него же искупихъ его, и шестое льбо пребысть у мене и много мучимъ бысть отъ мене за преслушаше, еже самъ на ся привлече, по жестокосерда своему, ныне же пострижень бысть отъ некоего черноризца». Составитель Нач. свода прочел 6-е лето как 6 лет и на этой ошибке основал свой расчет. Точно так же ошибочно прочел 6-е лето как 6 лет составитель Берсенева списка Патерика. Так же ошибочно прочло то лицо, что вставило 6539 год, для обозначения года прибытия Моисея к Антонию, в текст Кассиановской 2-й редакции Патерика. Житие Антония, сообщая о том, что Болеслав умер в 6-й год после пленения Моисея, стояло, следовательно, близко к действительности, ибо 6533 (1025) год является седьмым годом после 1018.

Сказание сообщает о том, что, когда «уведанъ бысть всеми великий Антоний и чтимъ », «начата приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я». По свидетельству Нестерова Жития Феодосия Антоний не сам постригал братью, а поручал это «великому Никону, прозвутеру тому сущю и черноризцу искусну ». Между тем Житие Антония, как мы видели, определенно говорило о священстве самого Антония и о том, что он сам постригал приходившую к нему братью. Ср. слова. Симона: «Илариона же митрополита и самъ чель еси въ житии святаго Антониа, яко отъ того пострижень бысть и тако священства сподоблень». Сказание возвращается еще раз к пострижению братии от Антония; для него это, очевидно, не безразлично; оно придает этому особенное значение и смысл, которые открываются из следующих слов, вложенных в уста Антонию: «Съвъкуплене же братии, рече имъ Антонии: се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имже мене постриже игумень Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ». Итак, благодаря преемству, благодать священства перешла на Печерскую обитель от Святой Горы.

Вот чего не знают другие памятники, говорящие о начале Печерской обители; сошлюсь на Житие Феодосия, где, конечно, благодарная тема эта была бы так или иначе использована; сошлюсь также на рассказ летописи под 1074 годом, где также могла бы сказаться в каком либо намеке эта точка зрения об особой связи Печерского монастыря со Святой Горой. Между тем Сказание проводит ее весьма решительно и даже тенденциозно: оно обстоятельно говорит о путешествии Антония в Святую Гору, о пострижении и его там и о полученном им от игумена святогорского наказании: «иди в Русь опять, и буди благословенье от Святыя Горы, и рече ему, яко от тебе мнози черньи быти имуть ». Антоний, придя в Киев и выбрав себе пещеру для жительства, обращается к Богу с молитвой: «Господи! утверди мя в месте семъ, и да будетъ на месте семъ благословенье Святыя Горы и моего игумена, и же мя постригль ». Далее приведем обращение Антония к сошедшейся к нему братии: «и отъ благословенья есте Святыя Горы, имже мене постриже игумень Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы». Сходные слова читаем ниже, когда Антоний дает свое благословение на поставление монастыря: «благословень Богъ о всемъ, и молитва святыя Богородица и сущихъ отецъ иже в Святей Горе да будетъ с вами ». Наконец, ниже встречаем заключение рассказчика: «есть же манастирь Печерский отъ благословенья Святыя Горы».

Итак, тенденциозность в Сказании упоминали о благословении Святой Горы, на котором основана святая Печерская обитель, не подлежит никакому сомнению: является вопрос, кому принадлежат эти упоминания — самому составителю Сказания или позднему его редактору, скажем редактору Начального свода. Мне представляется несомненным, что мы имеем в этих упоминаниях вставки, внесенные в первоначальный текст Сказания редактором Начального свода. Антоний преподавал бы свое благословение братью на поставление монастыря, конечно, в таком виде: «благословение

словень Богъ о всемъ, и молитва святыхъ Богородица да будетъ с вами »; слова «и сущихъ отецъ иже въ Святей Горе » после «Богородица» явно вставлены (см. выше). Равным образом читаемое выше: «да буди благословенье на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыхъ Горы» представляется искусственно составленною фразой, заменившею, быть может, первоначальное чтение: «да буди благословенье на васъ отъ Бога ». Неясно выражена мысль игумена, постригшего Антония: «иди в Русь опять и буди благословенье отъ Святыхъ Горы»: пропущено как будто «на тебе »; неясность также указывает на вставку. Совсем неуклюже то место, где Антоний преподает благословение сошедшей к нему братии: «се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыхъ Горы», причем дальше вложена в уста Антония мотивировка последнего его утверждения: ибо меня постриг игумен Святой Горы, а я постриг вас; только после этой мотивировки Антоний решается преподать *братии* два благословения: первое от Бога, второе от Святой Горы.

§ 191⁶. Признав таким образом те места Сказания, где тенденциозно проводится мысль о том, что Печерский монастырь пошел от благословения Святой Горы, вставками, я не отрицаю того, что первоначальное Сказание сообщало о путешествии Антония в Грецию и о пострижении его там. Напротив, думаю, что в дошедшей до нас редакции сохранились следы этого первоначального рассказа, быть может, не упоминавшего вовсе о Святой Горе или во всяком случае не придававшего особенного значения пострижению Антония от игумена святогорского. Основываюсь на следующем месте в начале Сказания: «И не по мнозехъ днехъ бе некий человекъ, именемъ мирьскимъ, отъ града Любча; и възложи сему Богъ в сердце въ страну ити; онъ же устремися в Святую Гору, и виде ту монастыря сущая, и обиходивъ, възлюбивъ чернецьскый образъ, приде в монастырь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же, послушавъ его, постриже и, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ чернецьскому образу, и рече ему: иди въ Русь опять, и буди благословенье отъ Святыхъ Горы, и рече ему, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть; благослови и, и отпусти его, рекъ ему: иди с миромъ». Неясно ли, что здесь слито два рассказа о путешествии Антония? Бог возложил ему «въ сердце въ страну ити»; что значит это выражение? Не читалось ли в первоначальном рассказе: «въ страну Гречьску ити»; «Гречьску» было опущено, в виду вставки из другого источника: «онъ же устремися в Святую Гору».

Далее находим: «възлюбивъ чернецьскый образъ », а несколькими строками ниже: «дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый»; не принадлежит ли «чернецьскый» первоначальному рассказу, а «мнишьскый» не вставлено ли из другого источника? В благословении игуменом Антония и отпущении его в Русь присутствие двух источников совершенно явно: ср. два раза: «и рече ему», а ниже еще «рекъ ему»; далее, сначала: «иди в Русь опять», **затем:** «иди с миромъ»; сначала: «и буди благословенье отъ Святыхъ Горы», **затем:** «благослови ». Думаю, что в первоначальном источнике читалось: «и научивъ чернецьскому образу, и рече ему, яко отъ тебе мнози черньци

быти имуть; и благослови и, и отпусти его, рекъ ему: иди с миромъ »; следовательно, слова «иди в Русь опять, и буди благословенье отъ Святыя Горы» вставлены из другого источника. Отмечаем еще пропуск мирского имени Антония в приведенном выше отрывке: это, думаю, указывает, что оба источника Начального свода — первоначальный рассказ и Житие Антония расходились в сообщении, какое было мирское имя Антониево.

§ 191⁷. Продолжаем наши указания на несоответствие данных Сказания другим древним свидетельствам о начале Печерского монастыря и на возможность возвести эти данные к Житию Антония. Построение малой церковцы во имя святой Богородицы Сказание, как и Житие Феодосия, относит ко времени игуменства Варлаама, которого Антоний поставил братии вместо себя; ср. в Сказании: «И постави имъ игуменомъ Варлаама... Братья же съ игуменомъ... поставиша церковьцу малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенъе»; в Житии Феодосия: «преподобный же Антоши... поставивъ братии в себе Место блаженаго Варлаама... Тогда же божественный Варлаамъ постави надъ пещерою малу церковьцу во имя святыя Богородица». Но в рассказе о построении великой церкви и поставлении монастыря Сказание резко расходится с Житием Феодосия. Нестор приписывает построение церкви и монастыря игумену Феодосию: «тогда сей великий беодосии обреть МЕСТО чисто, недалече отъ пещеры суще, и разумевъ, яко довольно есть на възгражете монастыря... в мало время въ згради церковъ на месте томъ во имя святыя и преславныя Богородица и приснодевы Маріа, и оградивъ и, поставивъ Келіе мнози и тогда преселися съ братією на МЕСТО то в лето 6570, и отъ толі Бо-жиею благодатью въздрате МЕСТО то, и бысть монастырь славень, еже и ДОНЬИНЕ есть, Печерскый наричемъ, иже отъ святаго отца нашего Феодосия поставленъ бысть». Сказание не называет игумена, поставившего церковь и монастырь: «игумень же и братья заложиша церковъ велику, и манастирь о г о р о д и ш а столпьемъ, кельі поставиша многы, церковъ свершиша и иконами украсиша.. И отъ толі почася Печерскый монастырь». Между тем из буквального смысла Сказания ясно, что игуменом этим был не Феодосии, а Варлаам: ср. «монастыреви же свершену, игуменьство держащу Варламови, Изяславъ же постави манастирь святаго Дмитрия, и выведе Варлаама на игуменьство к святому Дмитрию»; и только после этого сообщено об избрании игуменом преп. Феодосия. Но определенно Сказание не говорит, что Печерский монастырь поставлен игуменом Варлаамом; напротив, оно как бы избегает называть игумена; ср. выше: «и съв'ѣтъ сътвориша братья со игуменомъ поставити манастирь»; вместе с тем оно отмечает деятельное участие в этом деле Антония; игумен с братьєю спрашивают от него благословения на поставление монастыря; он выхлопатыет землю под постройку у князя Изяслава; наконец, сказав о переводе Варлаама в монастырь св. Дмитрия, который Изяслав хотел «сворити вышний сего монастыря, надеяся богатству », Сказание продолжает: «Мнози бо манастири отъ цесарь и отъ боярь и отъ богатства поставлени, но не суть таци, каци

СУТЬ поставлены слезами, пощеньем, молитвою, бденьем; Антоний бо не име злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньем, якоже глаголахъ». Итак, Сказание решительно утверждает, что Печерский монастырь основан Антонием, и не согласуется в этом основном утверждении с Нестором; ср. слова Нестора: «иже отъ святаго отца нашего Феодосия поставленъ бысть». То обстоятельство, что Сказание умалчивает об имени игумена, поставившего монастырь, заставляет нас думать, что мы имеем здесь дело с тенденциозным изменением первоначального текста Сказания. Тенденцию видим не в том, что вместо Феодосия строителем монастыря является игумен, руководимый истинным основателем монастыря — Антонием; такую же пассивную роль Сказание могло бы приписать и Феодосию, если бы цель его состояла только в прославлении Антония; — видим тенденциозность в том, что игумен не назван совсем и что вместо исторических Варлаама и Феодосия пришлось говорить о каком-то неизвестном безымянном игумене. Это обстоятельство мы объясняем себе тем, что Житие Антония, по которому переделано Сказание в Начальном своде, в изложении судеб Печерского монастыря держалось совсем особой хронологии.

§191⁸. Мы уже имели случай видеть хронологические данные Жития Антония: Моисей Угрин прибыл к Антонию (если придерживаться расчета составителя Начального свода) в 6539 (1031) году, ибо только в 6538 он освободился от плена; ср. 6539 год в киноварной приписке при заглавных строках сказания о Моисее в Румянц. списке № 305 Печерского патерика: «прииде к преподобному Антонию въ ЛЕТО 6539». Отметим далее вставку, сделанную обеими Кассиановскими редакциями в Житие Феодосия при сообщении о пострижении его по повелению Антония от преп. Никона: «в ЛБТО 6540, при князи благочестивомъ Ярославѣ Володимировичи» *. Обе отметки не доказывают, как мне кажется, знакомства составителя Кассиановских редакций с Житием Антония, так как они без труда могут быть объяснены как результат сопоставления данных Поликарпа с летописью. Подобный же хронологический расчет находим в рассматриваемом нами Сказании: «И постави имъ игуменомъ Варлаама, — читаем мы здесь, — а самъ иде в гору, и ископа пещеру, яже есть подъ новемъ монастыремъ, в ней же сконча животь свой, живъ в добродетели, не выходя ис пещеры летъ 40 никдеже, в ней же лежать моще его и до сего дне» *. Антоний умер в 1072 или 1073 году; следовательно, он уединился в пещеру в 1032 или 1033; таким образом, поставление Варлаама приходится отнести к 1032 году, что явно противоречит историческим фактам, несомненно точно переданным Нестором: Варлаам, сын боярина Иоанна, пришел к Антонию в княжение Изяслава Ярославича, следовательно, после 1054 года. Итак, мы вправе заключить отсюда, что составитель Начального свода в одном из своих источников читал о поставлении Антонием игумена Варлаама в дни князя Изяслава (ср. выше в Сказании: «Изяславъ же уведевъ житъе его, приде с Дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы»), а в другом — о поставлении Антонием не Варлаама, а другого, безымянного игумена, *по-сле* чего он удалился в другую пещеру и жил в ней 40 лет. Этим другим ис-

точником, согласно со всеми выше приведенными соображениями, могло быть только Житие Антония. Следовательно, и то место, где Сказание переносит на время Варлаама основание великой церкви и поставление монастыря, обязано влиянию Жития Антония; в нем вопреки Житию Феодосия сообщалось, что монастырь Печерский гораздо старше 1062 года; первый игумен был поставлен в 1032 или 1033 году; этот самый игумен и основал монастырь под руководством Антония. Поликарпов пересказ Жития Антония прямо указывает на то, что монастырь был основан во время Ярослава. Мы читаем в нем, что Моисей, освободившись от польского плена, пришел к святой Богородице в Печерский монастырь и пробыл в монастыре 10 лет; следовательно, основание и церкви и монастыря приходится согласно Поликарпу отнести ко времени около 1030 года.

§ 191⁹. В связи с своеобразною хронологией Жития Антония ставим то начало Сказания о том, что ради прозвася Печерский монастырь, которое оно имеет во второй Кассиановской редакции: в общем эта статья в Кассиановской второй редакции сходствует с соответствующею статьей первой Кассиановской редакции, тождественною с летописною статьей 6559 (1051) года; но начало в ней иное. Мы читаем здесь, что еще в княжение Владимира Святославича Любечанин Антоний отправляется в страну Греческую, на Афон; приняв там пострижение, он приходит в Киев и, походив по дебрям и горам, находит у с. Берестова пещеру, которую ископали Варяги; в ней он поселяется, пребывая затем в великом воздержании. По смерти Владимира власть перешла к Святополку: он начал избивать братью. Антоний, увидев кровопролитие, удалился из Кюва и бежал опять в Святую Гору. После вокняжения Ярослава, любившего Берестово и заботившегося о находившейся там церкви Двенадцати Апостолов, некто Иларион, поп той церкви, вырыл себе пещеру на Днепровском холму и жил в ней, пока в 1051 году не был избран на сан митрополита. Пещерка опустела, но в это время с Афона вернулся Антоний, посланный в Россию игуменом одного из тамошних монастырей, и поселился в пещере Иларионо-вой, и т. д., т. е. начиная с сообщения о вокняжении Ярослава, рассказ Кассиановской второй редакции становится сходным с соответствующим рассказом Кассиановской первой и Повести вр. лет. Это начало Сказания в Кассиановской второй редакции, где таким образом говорится о двух путешествиях Антония в Святую Гору, я ставлю в связь с Житием Антония на основании, во-первых, того, что начало Печерского монастыря относится таким образом ко временам старшим, чем 1051 год, а Житие Антония давало именно право относить основание монастыря к 1032—1033 гг.; во-вторых, на основании упомянутой здесь «пещеры, юже ископаша Варязи»: мы приводили выше (§ 191¹) свидетельство Поликарпа о том, что в Житии Антония говорилось о Варяжской пещере; в-третьих, наконец, на основании того, что здесь сообщено о путешествии Антония в Святую Гору: а мы видели, что рассказ о пострижении Антония в Святой Горе лежал в основании Жития Антония. Но, конечно, Житие Антония говорило не о двух путешествиях Антония на Афон, а только об одном; Кассиа-

невская вторая редакция была принуждена придумать двойное путешествие для того, чтобы согласовать: а) свидетельство Жития Антония о том, что он ездил на Афон и пострижен там в дни княжения Владимира Святославича, б) свидетельство того же Житие о том, что он поселился в Варяжской пещере — с рассказом Кассиановской первой редакции (и Повести вр. лет) о том, что Антоний ездил на Афон и пострижен там в княжение Ярослава Владимировича и что, вернувшись с Афона, он поселился в пещере, вырытой Иларионом. Таким образом, в 1462 году возникла попытка согласовать Житие Антония с Сказанием о том, что ради прозвася Печерский монастырь, попытка, аналогичная с тою, которая предпринята была в конце XI века составителем Начального свода, давшим измененную и дополненную вставками редакцию указанного Сказания⁸.

§ 191¹⁰. Между прочим не согласно было Житие Антония с первоначальной редакцией Сказания относительно того, где поселился первоначально Антоний: Сказание сообщало, что в пещерке, которую ископал Иларион; Житие Антония указывало на Варяжскую пещеру. И отношения Антония к Илариону представлены были в Житии Антония иначе, чем они представлены в Сказании; в Сказании Антоний возвращается в Русь уже после поставления Илариона митрополитом; в Житии Антония Иларион постригается Антонием. Отметим еще одно отличие дошедшей до нас редакции Сказания от Жития Феодосия: последнее сообщало, что преп. Феодосии, вскоре после основания монастыря (1062 г.), послал одного из монахов своих в Константинополь к Ефрему скопцу, «да весь устав Студийскаго монастыря исписавъ прислеть к нему; онъ же преподобнаго отца нашего Эодосия повеленная ту абіе створи и весь уставъ монастырьскій списавъ, посла к нему, и егоже приимъ отецъ нашъ Феодосіи повеле честь предъ братіею и оттоле начать въ своемъ монастыри вся творити по уставу святаго монастыря Студийскаго ». Между тем Сказание говорит другое: «И нача искати правила чернеческаго, и обрѣтесе тогда Михайль чернець манастиря Студийскаго, иже бе пришель изъ Грекъ с митрополитомъ Георгиемъ, и поча у него искати устава чернець Студийскихъ; и обреть у него, исписа и устави въ манастири своемъ, како пети пеня манастирьская, и поклонъ какъ держати, и чтенъя почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ Церковный и на тряпезе седанье, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемъ » И так, оба источника одинаково сообщают о том, что Студийский устав введен в Печерский монастырь Феодосией: но Нестор говорить о том, что устав получен от Ефрема, постриженника Печерского, удалившегося незадолго перед этим в Константинополь⁹, а Сказание указывает на некоего Михаила чернеца, как на лицо, от которого Феодосии получил этот устав. Думаю, что первоначальная редакция Сказания и здесь сходствовала с

⁸ Оставляю в стороне вопрос, был ли знаком уставщик Кассиан с подлинным Житием Антония или только с теми обрывками из него, которые давали сочинения Симона и Ноликаarpa. Более вероятным считаю последнее. Ср. стр. 385, прим. 2.

Ср. выше в Житии Феодосия: «по сихъ же паки Ефремъ каженикъ отъиде къ Константинограду, и ту живяше въ единомъ монастыри».

Житием Феодосия и что изменение внесено в нее опять-таки под влиянием Жития Антония. Согласно предыдущему, основателем монастыря Житие Антония почитало не Феодосия, а Антония и относило основание ко времени задолго до 1062 года; естественно поэтому предположить, что в Житии Антония сообщалось о том, что устав Студийский введен в монастырь не Феодосией, а Антонием, причем Антоний получил его от пришедшего из Грек чернеца Михаила; быть может, Житие Антония давало еще точнейшие указания относительно того, что этот Михаил прибыл вместе с митрополитом Феопемптом: в Сказании находим «с митрополитомъ Георгиемъ», но решаюсь видеть в таком чтении поправку редактора Начального свода, который хотел согласовать два известия двух своих источников и, согласовав их механически, заменил Ефрема каженика чернецом Михаилом, но потом, внося слова «с митрополитомъ Эопемптомъ», заменил из соображений хронологических Феопемпта Георгием. Ставлю в связь сообщение Жития Антония о получении Антонием Студийского устава от пришедшего из Грек чернеца Михаила с сообщением этого же жития о прибытии к Антонию трех певцов из Грек с роды своими: эти певцы ввели в Печерском монастыре демественное пение; ср. об этом сообщении ниже (§ 191¹⁹).

§ 191¹¹. После сделанных замечаний мы, не колеблясь, определяем дошедший до нас в Повести вр. лет текст Сказания о том, что ради прозва-ся Печерский монастырь, как позднейшую редакцию более древнего Сказания, сложившуюся под влиянием Жития Антония. Это Житие, составленное с очевидною тенденцией прославить Печерский монастырь и для этого отнести его составление ко временам давно минувшим, когда в России едва начиналось распространение христианства, имело именно поэтому сначала громкий успех, а потом печальную судьбу: его стали игнорировать, его забыли — оно слишком противоречило как монастырской традиции, так и письменным памятникам, возросшим на этой самой традиции — Житию Феодосия и летописи. Но не скоро разобрались русские люди в этом любопытном памятнике христианского благочестия, где наряду с заведомо извращенными фактами и придуманными событиями, имелись достоверные данные; и тяжело было пренебречь таким памятником в особенности монахам Печерской обители, когда они находили в нем занимательные рассказы о первых отцах — основателях святого места, легендарном Антонии, великом Моисее Угрине, преподобном Феодосии; когда в нем в захватывающем изложении представлялись события, связанные с постройкой св. храма, причем так определенно говорилось о великих чудесах, явленных св. Богородицей; когда, наконец, далекое прошлое Печерской обители оказывалось также богатым чудесами и великими предзнаменованиями, из которых главное — это благословение Св. Горы, почившее на двух первых подвижниках Печерских, на Антонии и Моисее (вспомним, что последний пострижен неким мнихом от Святой Горы, в сане иерея). Составитель Начального свода работал в такое время, когда Житие Антония только что появилось; есть основание предполагать, что оно возникло в конце восьмидесятых или самом начале девя-

ностей годов¹⁰; это было причиной того, что Житие Антония, забытое впоследствии, оказало на него такое влияние. В XII веке, благодаря указанной выше причине, Житие Антония, столь явно противоречившее сложившейся в Печерском монастыре традиции, было отвергнуто, оставлено в пренебрежении; на это пренебрежение указывает Поликарп, говоря, что в течение 160 лет не было помяновения о древних отцах, жития которых вписаны в Житие Антония. Симону и Поликарпу, приступившим к составлению новой редакции Печерского отечника, было естественно обратиться к первой его редакции, т. е. к Житию Антония.

§ 191¹². Нам предстоит решить вопрос, читалось ли Сказание о том, что ради прозвася Печерский монастырь, в первоначальном своем виде в Древн. Киевском своде, или оно заимствовано Начальным сводом еще из Другбого источника. Высказываемся за то, что статья эта находилась в своде, предшествовавшем Начальному своду; имеем в виду при этом то обстоятельство, что этот предшествовавший Начальному своду свод был составлен в Печерском монастыре (§ 229). Невероятно, чтобы в нем не сообщалось о начале Печерской обители, о построении храма св. Богородицы и т. д. Но, как мы видели, первоначальное Сказание сильно отличалось от дошедшего до нас в Повести вр. лет Сказания. Первоначальный вид восстанавливается частью путем удаления обнаруженных в предшествующих §§ вставок и изменений, частью же посредством привлечения Жития Феодосия. Думаю, что Нестор в своем изложении, в Житии Феодосия, древнейших судеб Печерского монастыря держался данных первоначального (летописного) Сказания. Ср. доказанное выше (§ 49) пользование со стороны Нестора Древнейшим сводом. Так между прочим считаю 6570 (1063) год, — дату построения монастыря, — заимствованным Нестором из Древн. свода. В восстанавливаемом ниже тексте соответствующей статьи нам придется сделать несколько ссылок на Житие Феодосия, подобно тому как, восстанавливая первоначальный рассказ об убиении Бориса и Глеба, мы должны были сослаться на Несторово Чтение об убиении св. мучеников.

10 Основания эти, кроме некоторых общих соображений, напр, относительно того, что Житие Антония появилось после Жития Феодосия, ибо в противном случае оно не осталось бы незамеченным Нестором, также и того, что оно написано раньше 1095 года, около которого возник Начальный свод, сводятся к следующему. В этом Житии, которое признаю древнейшим видом Печерского отечника, читалось между прочим Житие Евстратия постника: это видно, во-первых, из того, что Слово о нем помещено Симоном непосредственно за фразой «и ина такова обрящеши, брате Поликарпе, в житии святого Антония, к нему некто прииде и т. д.»; во-вторых, из того, что тот же Евстратий называется ниже Герасимом, причем это можно объяснить только влиянием письменного источника, где было указано сначала светское, а потом монашеское имя подвижника. Память Евстратия празднуется 28 марта; между тем он был рас-Пят в день Пасхи; Пасха приходилась на 28 марта в XI в. (после 1050 года) в 1087, 1092 и 1098 году, а в XII (до 1150) ни разу. Следовательно, рассказ об Евстратии мог сложиться не раньше 1087 года. #

§ 191¹³. Общерусский летописный свод 1423 года, который в значительной степени может быть восстановлен по своду 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й), включил в свой состав несколько произведений житийной литературы. Так между прочим в него вошли обширная повесть об убиении Михаила Черниговского, также житие Александра Невского, житие в. кн. Дмитрия Ивановича, обширные отрывки из жития Михаила Александровича Тверского; в древнюю летопись сводчиком 1423 г. включены из пролога: сказание об убиении Варягов-мучеников, далее сказание об убиении Бориса и Глеба («Родъ правыхъ благословиться»), сказание о перенесении мощей их в 1072 году; кроме того в этот свод сделаны заимствования из паремийного чтения о Борисе и Глебе (ср. § 39), а также взяты из Жития Владимира похвала ему (§ 39) и указание на то, что он крестился в церкви св. Иакова. Все это побуждает нас допустить, что в числе источников общерусского свода было и Житие Антония. Приведем восходящие к этому Житию места и поставим их в связь с извлеченными нами выше из рассмотрения Начального свода (Повести вр. лет) данными. Не забудем, что к восстановлению общерусского свода 1423 г., кроме свода 1448 г., должны быть привлечены еще хронографы и Ростовская компиляция XV в.

§ 191¹⁴. Под 6526 годом в Новгор. 4-й и Соф. 1-й, после слов «Ярославъ же не утягну исполчитися, и победи Болеславъ Ярослава», читаем: «и ту убиша Блуда воеводу, и иныхъ победиша множество, а еже ихъ руками яша, то расточи Болеславъ по Ляхомъ»¹¹. Этих слов нет в Повести вр. лет. Мы не видим основания возводить их к Новгородскому своду, служившему источником для общерусского свода 1423 г., ибо из Новгородского свода попали в общерусский свод преимущественно новгородские известия; не отрицаем того, что в Новгородском своде были и южнорусские статьи и известия, но не имеем основания думать, что южнорусская по происхождению своему статья, где сообщалось о победе Болеслава над Ярославом, была в Новгор. своде изложена полнее, чем в Повести вр. лет: мы не поняли бы причины сокращения этой статьи в Нач. своде или Повести вр. лет. Между тем рассказ о победе Болеслава над Ярославом мог быть помещен в Житии Антония, ибо результатом этой победы было пленение Болеславом Моисея Утрина; Поликарп сообщает, что Моисей был взят Болеславом при удалении из Киева; но возможно, что Моисей был захвачен в бою у Волыня. В подтверждение можем сослаться и на прямое свидетельство Тверского сборника, где читаем: «На томъ бою изымаша Моисея Утрина, брата Георг-пева, иже бе убитъ съ княземъ Борисомъ; бе бо и той слуга Борисовъ, и много пострада въ Лятской земле отъ вдовы некия, млада суца, еяже мужъ, боляринъ сый Болеславъ, убиень на семь бою. Моисей же, по страдании своемъ, прше въ Киевъ, въ Печерский монастырь, и бысть чюдень старецъ, красень теломъ и душою, о немъ же лежать повести въ Отечнице Печерь-

¹¹ В Рост, компиляции XV в.: «и избиша вой его и Блуда убиша» (Ермол., Тверск. и Льв.).

скомь» (ПСРЛ XV, 137). Какую может иметь цену это свидетельство? Думаю, что оно основывается на такой редакции Патерики, которая нам неизвестна, а именно на какой-то распространенной редакции его; а эта распространенная редакция могла в свою очередь позаимствовать кое-что из Жития Антония¹².

Ниже читаем в своде 1448 г. (Соф. 1-й и Новг. 4-й) следующее место, отсутствующее в Повести вр. лет: «И седе (Болеслав) на столе Володимере. И тогда Болеслав положи себе на ложи Предславу, дочь Володимерову, сестру Ярославлю»¹³. В связи с этим стоит и дальнейшее: «Болеслав же побее изъ Клева, поволочивъ Предславу, возма имеше и боляре Ярославли и сестры его»¹⁴; слов «поволочивъ Предславу» нет в Повести вр. л. Оба эти места по указанным выше основаниям не можем возвести к Новгородскому своду, источнику свода 1423 года; между тем вероятно признать его заимствованием из Жития Антония по следующим данным: во-первых, предшествующая вставка в текст свода 1423 года восходит несомненно к Житию Антония; во-вторых, мы знаем, что Житие Антония сообщало о том, что Моисей после избиения слуг Борисовых скрывался у Предславы; следовательно, Житие интересовалось личностью Предславы. Ставим это в связь с предположенными выше (§ 191³) вставками, сделанными из Жития Антония в текст Начального свода: в этих вставках Предславе отводится такая активная роль в борьбе Ярослава с Святополком, о которой не знал Древнейший свод.

Можем привести еще одно основание в пользу по крайней мере того, что приведенные в общерусском своде известия о Предславе восходят к древнему источнику; они не придуманы, ибо находят себе соответствие в свидетельстве современника событий, разыгравшихся после смерти Владимира Святославича. Титмар Мерзебургский сообщает о том, что Болеслав, захватив в плен девять сестер Ярослава, одну из них обесчестил¹⁵.

§ 191¹⁵. Перехожу к дальнейшим указаниям. Под 6651 годом в общерусском своде, как видно из свода 1448 года, вслед за рассказом о несчаст-

12 Ср. сходную вставку в Тверск. сб. выше, в рассказе об убиении Бориса, после слов «Бяше же сей отрокъ родомъ Угринъ, именемъ Георгий» — «братъ Моисею, егоже потомъ плени Болеславъ, пленуа Клевъ съ Святополкомъ, бияся съ Ярославомъ; много пострада въ Лясахъ въ плену отъ жены некия, еяже мужа убиша на бою вой Ярослав-ли; она же хоте сего Моисея въ домъ свой взяти въ мужа себе, красоты ради его, беша бо красна велми; о немъ же повесть въ Патерице въ Печерскомъ». 13 Ср. в Ермол.: «Тогда же Болеславъ насилие твори надъ сestroю Ярославлею Предславою».

14 В Тверск. сб. очевидна позднейшая поправка: «побеже ис Киева, поволочивъ Предславу, взя имеше Ярославле и сестры его Предславы, и боярь взя съ собою». В своде 1448 г., как и в Повести вр. лет, говорится о сестрах Ярослава.

15 «Ibi fuit noverca regis predicti, uxor, et 9 sorores eiusdem, quarum imam prius ab eo desideratam antiquus Bolizlavus, oblita confectioni sua, iniuste duxerat» (Monum. Pol. historica, II, с. 317). Длугош под 1018 г. передает, что по некоторым известиям война между Болеславом и Ярославом возгорелась из-за отказа последнего отдать за него сестру свою: «Boleslaus Poloniae rex in magnam indignationem actus, bellum Jaroslao indixit, et munitionibus suis expugnat, etiam sorore Jaroslai capta, pro concubina abutebatur».

ном походе Владимира на Греков, читалось: «Тое же осени Ярославъ дасть сестру свою за Казимира. И въ та лета обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ двожды въ лодияхъ на Мазавшане, и рече Казимиру: ели отецъ твой Болеславъ победивъ мене, и полони людш моихъ за ся, то дай ми за вено. И собра Казимиръ людш его Руси полоненныхъ осмьсотъ, кроме женъ и детей, и вда за вено Ярославу, шурина своему. Сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля»¹⁶. В Повести вр. лет в соответствии с этой статьей читаем: во-первых, под 6551 (1043) годом: «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вено людей 8 сотъ, яже бе полонил Болеславъ, победивъ Ярослава», во-вторых, под 6555 (1047): «Ярославъ иде на Мазовшаны, и победи я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру»¹⁸. Сравнивая известия Повести вр. лет с сообщением общерусского свода 1423 года, видим, что в этом последнем установлена связь между двумя событиями, не стоящими между собою в связи в Повести вр. лет, между выходом в замужество за Казимира сестры Ярослава и между походом (или походами) Ярослава в помощь Казимиру против Мазовшан. Трудно сомневаться в том, чтобы такая связь между этими обоими событиями не существовала в действительности; очевидно, родственный союз был причиной той помощи, которую оказал Ярослав Казимиру; кроме того, значительное вено, данное Казимиром за жену свою (800 русских пленников), доказывает, что Казимир получил от Ярослава не только руку его сестры, но еще нечто, а именно существенную услугу в борьбе с Моиславом Мазовецким; между тем в Повести вр. лет сообщение о вене, поставленное непосредственно за известием о женитьбе Казимира, не стоит ни в какой связи с походом Ярослава на Мазовшан. В виду этого я прежде всего не могу признать сообщения свода 1423 года заимствованным из Повести вр. лет; не ссылаюсь на большую полноту его, на речь Ярослава к Казимиру, на пристегнутое в конце известие о женитьбе Изяслава — все это можно, пожалуй, объяснить позднейшим сочинительством, но основываюсь на том, что свод 1423 года рассказывает о походе Ярослава на Мазовшан и о женитьбе Казимира в одной статье, между тем как Повесть вр. лет помещает эти события в две разные статьи; в этом я и вижу независимость свода 1423 года от Повести вр. лет, в этом вижу также указание на большую первоначальность текста сообщения свода 1423 года сравнительно с Повестью вр. лет. Впрочем, я не сомневаюсь в том, что, при внесении в свод

16 В Рост. комп. XV в. всего этого нет, но зато к известию 6555 года, о котором скажем ниже, приписано: «зятю своему: сестра его за нимъ бе» (Льв., Ермол.; в Тверск.: «зятю своему Лятцкому»).

17 Слова «яже 6% полонилъ Болеславъ, победивъ Ярослава» опущены в Лавр.; они есть в Ипат. и Радзив.

18 Это известие читается и в своде 1448 года, причем после слова «иде» прибавлено «ТреТие». Думаю, что «ТреТие» стоит в связи с сделанным выше (в статье 6551) указанием: «и ходи Ярославъ двожды». Это «двожды» едва ли не стоит вместо слова «второе» первоначального текста, ибо о первом походе Ярослава на Мазовшан в лодьях сообщено и в Повести вр. л. и в своде 1448 года под 6549 (1041) годом: «второе» могло быть передано цифрой 2 (в).

1423 года, это сообщение потерпело несколько в первоначальной своей редакции: так, мы уже предположили выше (примеч. 11), что прибавка «второе» (измененное в своде 1448 в «двожды») внесена под влиянием наличности сообщения о походе Ярослава на Мазовшан 6549 (1041) годом; отсюда же, быть может, заимствованы слова «въ лод!яхъ»: замечательно, что список Царского, стоявший под влиянием свода 1423 года (через посредство Рост, компиляции), опускает эти слова; быть может, их не было в своде 1423, и они внесены уже в свод 1448; наконец, в виду всего сказанного вероятно признать, что начало сообщения, нас интересующего, сокращено иод влиянием приведенного ниже по Повести вр. лет известия: действительно, мы читаем здесь, что Моислав обижал Казимира и что Ярослав ходил два раза на Мазовшан, но о том, имели ли успех оба похода Ярослава, о том победил ли Ярослав Моислава и помог ли своим походом Казимиру, сообщение умалчивает; вероятно думать, что первоначально за словами «и иде Ярославъ на Мазовшаны»¹⁹ читалось: «и побѣди я и князя ихъ уби Моислава и покори я Казимиру».

Сделанный нами вывод мы применяем к оценке дошедших до нас в Повести вр. лет двух приведенных выше известий. Они некогда составляли Одно целое; причину умолчания Начального свода (Повести вр. л.) под 6551 годом о походе Ярослава на Мазовшан, несмотря на то, что источник Нач свода уполномочивал его говорить об этом походе там же, где было сообщено о женитьбе Казимира, я вижу во влиянии на Начальный свод другого источника. Этим другим источником я признаю Древнейший свод, в котором вообще отмечались походы Ярослава: так им отмечены походы на Литву, на Ятвягов, на Греков и т. д.; в нем было сообщено и о походе Ярослава на Мазовшан, причем Древнейший свод давал основание отнести его на 6549 (1041) год; не допускаю поэтому, чтобы в этом своде под 6555 (1047) годом сообщалось о другом походе Ярослава.

§ 191¹⁶. Оставляю пока в стороне вопрос о том, откуда заимствовано Известие 6555 года о походе Ярослава на Мазовшан и убиении им Моисла ва; я надеюсь разрешить его ниже в главе, посвященной вопросу об объеме Древнейшего свода. Перехожу теперь к вопросу, откуда заимствовано, одной стороны, общерусским сводом, а с другой, Начальным сводом сообщение о женитьбе Казимира на сестре Ярослава. Мы только что видели, что есть основание думать, что это сообщение попало в Нач. свод не из Древнейшего свода: признав источником известия 6549 года Древнейший свод или Новгородский свод, мы не можем допустить, чтобы источником для сообщения о женитьбе Казимира был тот же свод; совершенно ясно, что сообщение это заимствовано из такого источника, где одновременно с известием о женитьбе Казимира рассказывалось также о походе Ярослава на Мазовшан; между тем в Начальном своде сообщение о женитьбе Казими

¹⁹ Поправляю так в предположении, что слова «второе» и заменившее его «двожды», также «въ лодияхъ» появились в своде 1423 (и своде 1448 г.) под влиянием известия 6549 года (ср. выше).

ра не стоит в связи с сообщением о походе Ярослава. Общерусский свод 1423 года имел общий источник с Начальным сводом в своде Новгородском: составитель Начального свода использовал редакцию XI века, а составитель общерусского свода редакцию позднейшую, но основанную на той же редакции XI века. Допустимо ли, однако, предположение, что сообщение о походе Ярослава на Мазовшан и женитьбе Казимира заимствовано в Нач. свод и общерусский свод 1423 года из Новгородского свода? В пользу этого можно было бы привести большую полноту сообщения в своде 1423 года, в котором вообще новгородские известия представлены полнее, чем в Нач. своде, сокращавшем и частью искажавшем их. Но мы не можем подыскать никаких оснований для объяснения того, почему запись об этих двух событиях, в особенности же о женитьбе Казимира, возникла именно в Новгороде; можно было бы допустить возможность существования подобного сообщения в Новгородском своде, но только в том случае, если признать его перенесенным из Древнейшего Киевского свода, а мы только что привели доказательства в пользу того, что Древнейший свод не имел этого сообщения. Итак, мы вынуждены искать другой источник, откуда сообщение, нас интересующее, попало и в Нач. свод и в общерусский свод 1423 года. Общим источником для Начального свода и для общерусского свода 1423 года было, как мы видели, Житие Антония. Допустимо ли, однако, чтобы сообщение о походе Ярослава на Мазовшан и о женитьбе Казимира содержалось в Житии Антония?

Вспомним, что в состав Жития Антония входило житие Моисея Угри-на. Поликарп не говорит о том, как освободился из польского плена Моисей. Рассказав о народном восстании, во время которого были избиты епископы и бояре, причем была убита также и госпожа Моисеева, Поликарп продолжает: «преподобный же МОИСЕЙ, възмогъ отъ ранъ, прииде къ святеи Богородици в Печерский монастырь ». Избиение бояр польских не могло быть достаточным объяснением для освобождения Моисея из плена. Естественно думать, что Житие Антония, сказав о восстании, при котором убита была госпожа Моисеева, для того чтобы связать его с грозным пророчием святого, произнесенным им в присутствии Болеслава, подыскало другую причину для объяснения его освобождения из польского плена, причем руководствовалось, быть может, и живым еще во время его составления преданием. Предание помнило об освобождении Казимиром 800 пленных за вено сестры Ярославовой, выданной в замужество за Казимира; предание, верное исторической действительности, поставило это необычное по своим размерам вено в связь с услугой, оказанною Ярославом своему зятю, теснимому Мазовецким Моиславом. Думаю, что Житие Антония и привело этот факта (поход Ярослава против Моислава и освобождение 800 пленных Казимиром, зятем Ярослава) для объяснения того, как освободился из польского плена Моисей.

§ 191¹⁷. Спрашиваем, почему в своде 1423 года известия о женитьбе Казимира и походе Ярослава на Мазовшан, а в Нач. своде известие о женитьбе Казимира помещены под 6551 годом? Здесь у места сослаться на

польские и немецкие источники, сообщающие об этом браке Казимира с Марией — Добронегой: анализ их привел Бальцера к заключению, что брак этот имел место раньше 1043 года; действительно, рождение Болеслава и Владислава, происшедших от этого брака, относится (правда, не с полной достоверностью) к 1039 и 1040 годам. Основываясь на наших данных, думаю, что брак этот должно отнести ко времени около 1041 года, когда Ярославом был, согласно летописному известию, предпринят поход против Мазовшан: трудно сомневаться в том, что этот поход был совершен по просьбе Казимира, очевидно, уже тогда связавшего себя брачными узами с русским княжеским домом. Во всяком случае дату — 1043 год для брака Казимира с Добронегой надо признать ошибочной; причину ошибки ищем в том источнике, откуда известие об этом браке попало в Начальный свод, т. е. в Житие Антония. Думаю, что Житие Антония давало основание отнести смерть Моисея на 6561 (1053) год; вместе с тем оно указывало, что Моисей пробыл в монастыре 10 лет (Поликарп: «пребысть въ монастыри летъ 10»); отсюда выводилось заключение, что он пришел в монастырь в 6551 (1043) году²¹.

§ 191". Сделаем еще несколько замечаний относительно той редакции, которую сообщение Жития Антония приняло в общерусском своде 1423 года. Обращаем прежде всего внимание на слова, которыми начинается известие о женитьбе Казимира: «Той же осени Ярославъ дасть сестру свою за Казимира »; в Начальном своде (Повести вр. лет) вместо «той же осени » читается «в си же времена »; ср. в общер. своде ниже «И въ та лета обидяше Моиславъ Казимира ». Отчего же произошла замена неопределенного «в си же времена » определенным «той же осени »? Замена эта тем резче бросается в глаза, что самый год 6551 для брака Казимира недостоверен и вставлен составителем Нач. свода (а за ним составителем общерусского свода), как мы видели, предположительно. Думаю, что слова «Той же осени» попали в общерусский свод из другого источника, а именно из Новгородского свода, где они читались непосредственно за рассказом о поражении Владимира Ярославича Греками; слова эти относились к следовавшему за этим рассказом в Новгородском своде известию о походе Владимира на Емь, которое общерусский свод, как видно из Новгор. 4-й и древнейших списков Соф. 1-й, поместил под 6551 годом.

Мы говорили уже о вставке слов «двожды в лодяхъ ». Обращаем внимание на слова Ярослава, обращенные к Казимиру: «ели отецъ твой Болеславъ победивъ мене, и полони людии моихъ за ся, то дай ми за вено ». Думаю, что они

²⁰ Balzer. *Genealogia Piastów*, с. 89.

²¹ Мы видели выше, что составитель Нач. свода, на основании данных того же Жития Антония (Моисей страдал в узах 5 лет, а 6 за чистоту), вывел заключение о том, что мятеж, во время которого убита госпожа Моисеева, случился через 11 лет после 1118 года, т. е. в 1030 году. Этот же 1030 год (летописи) послужил для Кассиана основанием установить годы: 1031 для прибытия Моисея в монастырь и 1032 для пострижения Феодосия. Отсюда следует, что Кассиан руководился не Житием Антония, а только Поликарповым посланием, сопоставленным с летописью.

читались и в Житии Антония, ибо, конечно, требованием Ярослава вознаграждения за помощь против Моислава было естественно объяснить необычное и вместе с тем ценное вено, полученное им за сестру. Точно ли Ярослав и в Житии Антония называл Болеслава отцом Казимира? Болеслав Храбрый приходился дедом Казимира, но возможно, что Житие Антония, как мы знаем, не очень точное в своих исторических данных, допустило эту ошибку.

Наконец, в конце сообщения, восходящего к Житию Антония, читаем: «Сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля». Думаю, что и это известие (которому нельзя, разумеется, придавать хронологической ценности, но которое верно по существу) восходит к Житию Антония. Оно может принадлежать современнику — лицу, знавшему, что Казимир приходился зятем Изяславу и дядей Святополку, знавшему, что княгиня Изяслав-ля (умерла в 1108 году) дочь того самого Казимира, о котором идет речь.

§ 191¹⁹ Еще несколько известий общерусского свода должны быть, как кажется, возведены к Житию Антония. Под 6560 (1052) г. читаем в своде 1448 г.: «Того же лета начало Печерскому монастырю отъ Антония, а въ Киевѣ пришли Триѣ певцы изъ Грекъ съ роды своими» (Соф. 1-я и Новгород. 4-я)²². Замечательно, что некоторые компиляции, восходящие в конце концов к общерусскому своду, помещают эти известия и под другими годами. В Львовской летописи под 6525 (1017): «Того же лета приде Антоней изъ Царяграда и съ нимъ ти певцы въ пещеру » (список Публ. библ.). В летописи Авраамки под 6545 (1037): «При семъ и Антонш Печерскый бысть. В то же время певцы три придоша изъ Царяграда ». В Архангелогородском летописце: «Принесень (чит: при семъ) бысть Антоней Печерскый. Въ то же время придоша изъ Царяграда три краснопевцы». Имея в виду, что общерусский свод представлял соединение нескольких источников, нахожу возможным допустить, что он о начале Печерского монастыря говорил два раза: первый, под 6545, после сообщения об основании Ярославом церкви и монастырей; а второй, под 6560, под влиянием того, что Повесть вр. лет (главный источник общерусского свода) говорила о начале Печерского монастыря под 6559 годом. В первом сообщении говорилось, как в летописи Авраамки: «При семъ и Антоний Печерскый бысть. Въ то же время певцы три с роды своими придоша изъ Грекъ »; во втором говорилось, как в Хронографе, о том, что Антоний начал ставить монастырь. Составитель свода 1448 года первое сообщение перенес ко второму под 6560 год; составитель Хронографа опустил совсем первое сообщение; составитель Ростовской компиляции также перенес первое сообщение ко второму под 6560; составитель Львовской летописи перенес (непосред-

²² Ср. в Хронографе под тем же годом: «преподобный Антоши нача ставити монастырь Печерскый въ Киеве при великомъ князи Ярославе». В Ермол.: «Того же лета прииде изъ Святыя Горы Антоний и нача жыти в пещере, юже преже ископа Ларионъ, иже митрополитъ а в Киевѣ пришли три певцы изъ Грекъ с роды своими». В Тверск. сб.: «Въ ЛЕТО 6560... О начале Печерскаго манастира. Того же лета приде Антонш изъ Святыя Горы, и нача жити въ пещере, юже преже ископа Ларионъ, егоже поставилъ Ярославъ митрополитомъ. О демественомъ пети на Руси. Того же лета придоша изъ Грекъ 3 гѣвци съ роды своими въ Киевъ». Никон, под 6559 помещает Сказание о нач. Печ. монастыря, а потом известие: «Того же лета придоша въ Юевъ Триѣ певцы отъ Грекъ съ роды своими». *

ственно из источника, восходящего в конце концов к общер. своду) первое сообщение вместе с фразой «Посемь нача ввра крестьянская и простира- тия въ Руской земли» под 6525 год в виду того, что под 6525 г. сообщалось то же, что под 6545 (о закладке св. Софии); составитель общего для Архангелогородской летописи и летописи Авраамки источника сохранил первое со- общение, но зато опустил второе.

Откуда же, как не из Жития Антония могли попасть в общерусский свод 1423 года сообщения, как о том, что Антоний стал известен при Ярославе, причем, очевидно, к нему в монастырь пришли три певца, так и о том, что Антоний построил монастырь? Второе сообщение вполне согласно с тем, что мы уже знаем о Житии Антония, всю честь основания и построения монастыря приписывавшего Антонию, а не Феодосию. Сообщение же о прибытии трех певцов должно быть комментировано именно так, как комментировали его составитель Тверского сборника, с одной стороны (певцы установили демественное пение на Руси), составитель Архангелогородской летописи, с другой (эти певцы были краснопевцами); ср. такой же комментарий в Сте- пенной книге («отъ нихъ же начать быти въ Рустей земли ангелоподобное пение изрядное осмоглае, наипаче же и трисоставное согласование и самое красное демественное пение»), а также еще у Татищева²³. Можно именно думать, что и Житие Антония это прибытие певцов поставило в связь с уста- новлением на Руси демественного пения и со введением Студийского устава в Печерском монастыре. Сказание о том, что ради прозвася Печерский мо- настырь, приписывало установление «како ПЕТИ пенья манастирьская » Фе- одосию, но Житие Антония относило его ко времени более раннему, полагая, что и Студийский устав введен в монастыре еще преп. Антонием (ср. об этом выше в § 191¹⁰). Оговариваюсь здесь относительно того, что Житие Антония не давало, по-видимому, точного указания на время прибытия певцов; общерусский свод отнес его к 6545 (1037) году потому, что под этим годом говорилось вообще о начале монастырского жития на Руси.

Последним заимствованием общерусского свода из Жития Антония представляется следующее известие, помещенное в нем, судя по своду 1448 г., под 6565 (1057 годом): «Тогда бысть игумень веодоси Печерскш въ Киеви» (Соф. 1-я и Новг. 4-я)²⁴. Оставляю нерешенным вопрос, почему это известие читалось в Житии Антония под 6565 годом. Но, имея в виду, что именно около этого года случилось пострижение Феодосия (см. об этом ниже, в главе XVI), думаю, что и в Житии Антония этот год означал год прибытия к Антонию и пострижения от него Феодосия.

23 Под 1053 годом читаем: «Сегожь года пришесть митрополить Георгий изъ Царяграда и съ нимъ три человека съ роды своими Демественники, и учаху въ Руси пети на 8 голо- сов. Как попал к Татищеву митрополит Георгий, мне не ясно.

24 То же в Хронографе, в Ермол. (под 6562), в Львовск. (под 6562), в летописи Авраамки (под 6563). В Архангелогородской читаем под 6563: «При семь бысть Антоши Печерскш, и со- брашася къ нему братий 12, къ нему же и феодосии пришедь пострижеся », а вслед за тем: «Въ лето 6567, Антонии Печерскш и Феодосии zaloжили церковь святяга Богородицы въ Печер-скомъ монастыри. В Патерице писано о нихъ. А создана по нихъ веодосием лита 6570».

Глава XIII Сказания о первых русских князьях

§ 192. Полученные, благодаря предшествующему исследованию, результаты дают нам возможность приступить к подробному анализу начальной части древней летописи, сказаний о Рюрике, Аскольде и Дире, Олеге. В нашем анализе мы отправляемся не от текста Повести вр. лет, а от текста Начального Киевского свода, дошедшего до нас, как я думаю, в довольно исправном виде, в исследуемой части его, в составе Новгородской 1-й летописи младшего извода. Я убежден в том, что соответствующий текст Повести вр. лет вполне удовлетворительно объясняется из текста Начального свода; но для того чтобы не быть голословным, присоединю в конце настоящей главы несколько строк относительно того, как видоизменился текст начальной части Начального свода под пером редактора Повести вр. лет.

Начальный свод появился, как мы знаем, около 1095 года. В числе источников он имел два старших свода — Древнейший Киевский свод и Новгородский свод XI века; последний, как доказано, представляется переработкой Киевского свода. Поэтому ставим прежде всего вопрос, не отразились ли в сказаниях о первых русских князьях указанные два источника — киевский и новгородский?

Утвердительный ответ на этот вопрос вытекает из следующих соображений. Не подлежит сомнению, что предание о Кие, Щеке, и Хориве должно признать киевским: ср. топографическую осведомленность рассказчика (увоз Боричев, гора Щековица, гора Хоривица, река Лыбедь); равным образом киевским представляется предание об убиении Ас-

кольда и Дира Олегом и Игорем (ср. гора Угорское, Олмин двор, церковь св. Николы, церковь св. Ирины); напротив, предание о призвании варяжских князей носит следы новгородского происхождения; сошлюсь и здесь на топографическую осведомленность рассказчика: конечно, Белоозеро было известно киевлянам, но стали ли бы они упоминать об Изборске, совсем незначительном городке Новгородской области? Равным образом новгородское происхождение занесенного в Начальный свод предания о смерти Олега в Ладоге и о могиле его в Ладоге совершенно очевидно (это новгородское предание вытеснено в Повести вр. лет другим киевским).

Итак, мы видим на пространстве первых страниц Начального свода сплетение преданий киевских и новгородских. Это обстоятельство вполне согласно с предположенным нами существованием двух источников — киевского и новгородского — у составителя Начального свода.

§ 193. Попытка определить, что именно должно возвести к киевскому и что к новгородскому источнику, мы предпошлим еще следующие указания на наличность двух или нескольких источников для рассматриваемой части Начального свода. Указания эти извлекаются из того впечатления, которое производят некоторые из содержащихся в ней сказаний: в них нет цельности, соответствия подробностей основному замыслу, в них замечается компромисс, согласование двух версий, двух источников. Так в рассказе о призвании князей называются сначала три племени, а потом четыре: сначала Словене, Кривичи, Меря; затем Словене, Кривичи, Меря и Чудь; в призвании князей участвуют четыре племени, а князей на зов является трое; садятся эти князья не в центрах, которые были средоточием призвавших их племен, а в городах, не имеющих как будто прямого отношения к этим племенам: Новгород составляет исключение — это центр Словен, и в нем садится Рюрик; но почему Трувор садится именно в Изборске, а не в Пскове, Полоцке или Смоленске, которые все имеют более права назваться центрами Кривичей, чем Изборск? Правда, а XVI веке составитель Архангелогородского летописца дал нам комментарий, как будто разъясняющий наше недоумение: упомянув об Изборске, он говорит: «а то НЫНЕ пригородокъ Псковскѣ, а тогда былъ въ Кривичехъ болшии городъ». Но, конечно, такой комментарий доказывает только то, что и в XVI веке поселение Трувора в Изборске, а не в большом городе Кривичском, вызывало недоумение книжников¹. Еще непонятнее поселение Синеуса на Белоозере, в области не Мери, участвовавшей в призвании, а Веси, не принимавшей в нем участия². Правда, составитель Повести вр. лет присоединил Весь к числу

¹ Ср. в Степ, книге: «Отъ Варягъ бо Руссїю прозвахомся, а преже Словени быхомъ, еще бо граду Пскову не сущу, но быше тогда начальный градъ въ страке той, зовомый Избо-рескъ, идеже преже господствуя Труворъ» (ПСРЛ XXI, 6).

Что на Белоозере сидела Весь, а не Меря, ясно из целого ряда свидетельств. Приведу слова, сказанные в 1471 году на новгородском вече «потомъ же правнукъ его (Рюрика) князь великий Владимиръ крестися и все земли наши крести: Рускую, и нашу Словенску, и Мерску, и Кривичску, Весь, рекше Белозерскую, и Муромъ, и Вятичи и прочаа» (ПСРЛ VIII, 160).

племен, призвавших князей, но такое несомненно позднейшее распространение текста доказывает только, что уже в начале XII века поселение Синуса на Белоозере, а не в области Мери (в Ростове), вызвало недоумение внимательного летописца.

В сказании об овладении варяжскими князьями Киевом нас останавливает в Начальном своде выставление действующими лицами Игоря и Олега одновременно; вследствие этого рассказ ведется в двойственном числе: «начаставоевати», «налезоста Днепръ реку», «узреста городъ Киевъ», «потаистася въ лодяхъ», «излезоста на брегъ», «сзваста Асколда и Дира » и т. д. Впечатление получается такое, что мы имеем дело с двумя князьями, — но Игорю вкладываются в уста слова: «вы неста князя, ни роду княжа; но а з ъ есмь князь и МНЕ достоить княжити»; выше отношение Олега к Игорю определяется как отношение воеводы к князю (Олег назван воеводой Игоря). Но если Игорь князь, а Олег воевода, то рассказ должен был бы вестись в единственном числе, ср. ниже единственное число в рассказе об Игоре и Свенельде. Составитель Повести вр. лет дает иное толкование отношений Игоря к Олегу: Олег княжит вследствие малолетства Игоря; сообразно с этим в соответствующем рассказе об овладении Киевом находим всюду единственное число: «поиде внизъ», «увиде Олегъ», «похорони воя», «присла къ Асколду и Диру» и т. д.; но один раз при этом является двойственное число: «придоста къ горамъ къ Киевскимъ». Это двойственное число обличает явную переделку в Повести вр. лет первоначального рассказа, ведшегося в двойственном числе. Следовательно, редакция Нач. свода (Новгор. 1-й летописи) более первоначальная, и мы остаемся лицом к лицу с недоуменным вопросом, почему пришлось вести рассказ в двойственном числе, если Игорь князь, а Олег воевода. Недоумение наше увеличивается еще более, когда увидим ниже, что Олег выступает самостоятельно от Игоря в поход против Греков: перед нами, конечно, князь, а не воевода. Правда, в конце статьи об этом походе прибавлено, очевидно, для низведения Олега в сан воеводы: «Преде Олегъ къ Киеву и ко.Игорю», но последние слова имеют характер явной вставки.

§ 194. Таким образом, мы обнаруживаем в сказаниях о призвании князей, об овладении ими Киева и о походе Олега следы спайки двух или нескольких источников, следы компромисса между ними. Имеем возможность указать еще на явную тенденциозность сказания об овладении Киевом. Мы привели слова, с которыми Игорь обращается к Аскольду: Аскольд и Дир княжат в Киеве (ср. выше: «и беста княжаща в Киеве »), а Игорь говорит им, что они не князья и не роду княжа; в очевидном соответствии с этим, выше об Аскольде и Дире сказано, что это были два Варяга, назвавшиеся князьями («и нарекося князема»). Повесть вр. лет и здесь приходит на выручку, комментируя соответствующие слова, вложенные в уста Олегу, так, что Аскольд и Дир были боярами Рюриковыми, отпросившимися в Царьград и без разрешения князя засевшими в Киеве; но, конечно, такой комментарий, облегчая формальное понимание Олеговых слов, нисколько не делает рассказа более правдоподобным. Как же определить отмеченную нами тенденцию,

сквозящую в речи Игоря и в признании Аскольда и Дира самозванными князьями? Я думаю, что здесь сказалась историко-политическая концепция составителя Начального свода, ставившая единство земли Русской в связь с единством княжеского рода. Этот единый княжеский род является эмблемой единой Русской земли. Но если княжеский род исконно един, то другие князья, князья не этого рода, должны быть: или признаны самозванными — этим признанием устранялось значение предания о князьях Аскольде и Дире; или — Это не князья, а воеводы княжеские, действовавшие по поручению и от имени князя; князь Олег превращен в воеводу.

Следовательно, кроме спайки разных источников, комбинации занесенных в них преданий, мы в Начальном своде усматриваем еще важный фактор: тенденциозное изложение и тенденциозное освещение извлеченных из источников и преданий фактов.

В нашем анализе мы и отправляемся, с одной стороны, от наличности в распоряжении составителя Начального свода по крайней мере двух источников — киевского и более позднего новгородского, с другой же стороны, из того положения, что, соединяя свои источники, составитель Начального свода придавал им тенденциозную окраску.

§ 195. Начнем со сказания о призвании князей. Не найдем ли мы здесь влияния двух источников (киевского и новгородского), с одной стороны, тенденциозного освещения старых преданий, с другой? Как указано выше, сообщение о городе Трувора Изборске принадлежит новгородскому источнику. Следовательно, все сообщение о том, где сели призванные князья Рюрик, Синеус и Трувор, можно признать новгородским. Решимся ли мы, однако, признать вообще все сказание новгородским? Решимся ли мы возвести его к Новгородскому своду и отрицать существование его в Древнейшем киевском? Указанные выше соображения заставляют нас ответить на эти вопросы отрицательно. Мы отметили несоответствие городов: Новгорода, Белоозера и Изборска четырем племенам, участвовавшим в призвании — Славянам, Кривичам, Мерянам и Чуди. Следовательно, если города принадлежат новгородскому источнику, то племена мы должны возвести к другому источнику, а именно к киевскому. Но, как мы указывали, в начале сказания являются только три первые племени, а потом к ним присоединяется еще четвертое племя — Чудь. О скольких же племенах повествовал киевский источник? Считаю вероятным, что только о трех. Ср. ниже несомненное заимствование из киевского источника, где сообщено о дани, наложенной Игорем на Словен, Кривичей и Мерю («и дани устави, Словеномъ и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»). Следовательно, четвертое племя — Чудь вставлено новгородским сводом — это и естественно; новгородцу было близко известно, что Варяги до последнего времени брали дань с Чуди, творили насилие над Чудью.

§ 196. Выяснив таким образом, что некоторые подробности, которыми обставлен рассказ о призвании князей, обличают два источника его, двух его составителей, обращаемся к главному его содержанию. Суть его в том, что северные племена были обложены данью и даже покорены Варягами;

восстание изгоняет насильников; освободившиеся племена начинают управляться самостоятельно, но начавшиеся внутренние раздоры приводят к тому, что эти племена призывают к себе варяжских князей и покоряются им добровольно. Таким образом, на смену того состояния, которое нарисовано рассказчиком в начале, является в конце рассказа прежнее состояние северных племен: сначала подчинение их Варягам, потом освобождение, наконец опять подчинение Варягам. Правда, насильственное подчинение Варягам сменилось как будто чем-то иным: добровольным подчинением варяжским князьям; но такой вывод из буквального смысла рассказа несколько не вяжется с теми последствиями, которые имело это добровольное подчинение. Последствия эти следующие: во-первых, «и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ ТѢХЪ, прозвашася Русь и отъ тѣхъ словеть Руская земля; и суть Новгородски людие до днешняго дни отъ рода Варяжьска»; как ни толковать эту фразу, быть может, даже не читавшуюся именно в таком виде в Начальном своде (см. об этом ниже), из нее следует, что Варяги и после добровольного якобы призвания трех князей, пришедших, правда, с многочисленной дружиной, оказываются находниками и притом настолько влиятельными, что дают то или иное свое имя принявшей их земле. Во-вторых, Славяне, Кривичи и Меря, т. е. те самые племена, которые добровольно призвали Варяжских князей, облагаются несколько позже данью в пользу опять-таки Варягов; даже не в пользу киевского князя или его дружины, а, как по крайней мере читается в дошедшем до нас тексте, в пользу именно Варягов («и дани устави, Словеномъ, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»). Итак, определенная нами схема рассказа остается в силе, несмотря на кажущееся различие обоих состояний северных племен: перед освобождением их от ига варяжского и после этого освобождения. Мне кажется, мы вправе признать поэтому, что в установленной нами последовательности трех моментов — подчинение Варягам, освобождение, подчинение Варягам — второй момент вставной. Этот момент говорит о восстании против Варягов, об изгнании их за море, о добровольном призвании князей: призвание князей — это, конечно, самая характерная часть всего эпизода; характерна она и в смысле определения той среды, того места, где мог возникнуть рассказ обо всем эпизоде.

§ 197. Киев не знает призвания князей *, приглашения их на стол. Напротив, в Новгороде это для позднейших веков его жизни вполне обычное явление. Но не коренится ли начало его в глубокой древности, не стоит ли оно в связи со всем строем государственно-правовых отношений Новгорода? Предание, как мы видели, записанное в Новгороде и попавшее в Начальный свод из Новгор. свода, влагало в уста Новгородцам, пришедшим к Святославу просить себе князя, такую речь: «аще не пойдете къ намъ, то налеземъ собе князя »: эти слова находят себе полное соответствие в решении веча, сообщенном в сказании о призвании Варягов: «поищемъ собе князя». Уже в конце семидесятих годов XI столетия новгородское вече резко проявляет свою самостоятельность: князь Глеб Святославич изгоняется из города. Такое проявление веча едва ли не вызвано какою-либо виной изгнан-

ного князя, нарушением им той или иной вольности новгородской, опиравшейся на грамоте Ярослава. Трудно сомневаться в том, что именно во времена Ярослава Новгород приобрел какие-то особенные права; договорные отношения Новгорода к князьям в XII и XIII столетиях опирались на эти древние права; ясное свидетельство находим, например, в словах суздальского летописца XII в., который не отрицает того, что «издавна суть свободени Новгородци прадеды князь нашихъ» (Лавр, под 1169 г.). Вот первое и главное основание, которое я выставляю в пользу того, что весь рассказ об освобождении Новгородцев и других племен от Варягов и далее о призвании ими князей происхождения новгородского, а не киевского.

Вторым основанием выставляю то, что этот рассказ сообщает о том, как появилась княжеская власть именно в Новгороде: происхождение этой власти в Киеве, как видно из дальнейшего рассказа, иное; варяжские князья призваны не всеми русскими племенами, не всею землею, а только Новгородцами и другими северными племенами; следовательно, рассказ о призвании князей представляет по своему замыслу законченное целое; невероятно, чтобы киевский летописец мог с такой определенностью воссоздать хотя бы и фантастический рассказ о событии, представлявшем для него лишь попутный интерес.

Третьим основанием в пользу новгородского происхождения интересующего нас рассказа — это отмеченная выше топографическая осведомленность автора его: в Киеве не могли вспомнить об Изборске; не стали бы там упоминать о Белоозере в рассказе о призвании княжеской династии, приобретшей в скором времени значение общерусское.

Четвертым основанием в пользу иного происхождения рассказа об освобождении от Варягов и призвании князей сравнительно с сообщением об обложении северных племен данью в пользу Варягов, я считаю несогласованность того рассказа с этим сообщением. Выше я уже указывал, что города, где сели Рюриковы братья, не находят себе соответствия в тех племенах, которые были обложены данью в пользу Варягов; отмечу еще, что рассказ об освобождении от Варягов как будто еще тесно связывается с предыдущим сообщением об обложении северных племен данью; свержают иго варяжское те самые племена, которым Варяги творили насилие; но дальнейший рассказ о самом призвании Варягов переносит нас в другую обстановку: перед нами вече старшего города, а не вечевое собрание трех племен; призванные им князья садятся, старший — в старшем городе, а младшие в пригородах; Изборск и Белоозеро представлены как бы пригородами новгородскими. Таким образом, рассказ о призвании варяжских князей, сопоставленный с сообщением об обложении северных племен данью, должен быть признан новгородским, между тем как упомянутое сообщение признаем, в силу отмеченного противоположения, киевским.

Пятое основание вытекает из только что сделанного вывода. Киевская летопись сообщала об обложении северных племен, и между прочим новгородцев, данью варяжскою. Новгородский летописец не отрицает этого

факта, но объясняет его добровольным подчинением Новгорода: насильников Новгородские люди сумели прогнать за море, а подчинились впоследствии варяжским князьям добровольно, требуя и от них водворения порядка и правого суда. Нельзя не видеть в таком воспроизведении исторического события проявления местного свободолюбивого духа; перед нами тот самый новгородский книжник, который другой раз при других обстоятельствах сумеет отстоять вольности родного города от поползновений пришлого князя.

§ 198. Предыдущие соображения приводят нас к следующему выводу: Древнейшая Киевская летопись сообщала о покорении северных племен — Словен, Кривичей и Мери Варягами и об обложении их данью. Сообщение это оканчивалось словами, которые в Новгородской 1-й изложены так: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля, и суть Новгородски людие до днешняго дне отъ рода Варяжьска ». Могли ли они быть изложены так же в Древн. Киевском своде? Находим два основания для отрицания такой возможности: во-первых, соответствующая им фраза в Повести вр. лет свидетельствует о том, что слова эти в Новгородской 1-й летописи заимствованы не из Начального свода; к Начальному своду можно возвести, с одной стороны, места общие Новгородской 1-й летописи и Повести вр. лет; с другой, те места Новгор. 1-й летописи, из которых могут быть выведены соответствующие чтения Повести вр. лет. В данном случае Повесть вр. лет представляет следующее чтение: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля; а Новѣгородьци отъ рода Ва-ряжьска, преже бо бѣша Словени ». Такое чтение извлекаем из Радзив., Троицк, и Моск.-Акад. списков. Лавр, список дает возможность для древнейшей редакции Повести вр. лет предполагать более полное чтение, а именно: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ³, прозвася Руская земля, Новѣго-родьстии суть людие⁴ отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словени ». Итак, Повесть вр. лет вместо «прозвашася Русь» дает чтение «прозвася Руская земля» и опускает дальнейшее: «и отъ тѣхъ словеть Руская земля»; кроме того она прибавляет в конце «преже бо бѣша Словене ». Нельзя не признать поэтому чтения Повести вр. лет как будто более первоначальным, чем чтение Новгородской 1-й летописи: в этой последней тавтология «и отъ тѣхъ... прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля » указывает на комбинацию двух источников; опущение «преже бо бѣша Словене» представляется поправкой, ибо слова эти сами по себе темны, и удаление их из текста было поэтому естественно.

§ 199. Оставим поэтому пока в стороне Новгородскую 1-ю летопись и приступим к анализу восстановленной нами фразы Повести вр. лет. Ста-

3 Слова «Варягъ находникъ тѣхъ» в Лавр, опущены, вероятно, по причине механической — повторения слова «тѣхъ».

4 Слова «Новгородьстии суть людие» в Лавр, испорчены в «Новгородьци ти суть людье», и кроме того прибавлено (по-видимому, из списка, сходного с Радз.) после «людье»: «Новгородьци». В Радз. эти слова изложены так: «Новѣгородъ тии суть людье Новгородци».

вим прежде всего вопрос, читалась ли эта фраза так же в Начальном своде, непосредственно предшествовавшем Повести вр. лет? Для решения этого вопроса привлекаю дальнейший текст Повести вр. лет под 885 годом и соответствующее ему место в Новгородской 1-й летописи. В последней читаем: «И беша у него (у Игоря) Варязи мужи Словене и оттоле⁵ прозваша-ся Русью»; в Повести вр. лет: «И беша у него (Олега) Варязи и Словени и п р о ч и прозваша-ся Русью ». Вставка слов «и п р о ч и » весьма характерна именно для Повести вр. лет, которая, как увидим, проводит тенденциоз-до теорию варяжского происхождения Руси; теория эта находила себе опровержение в соответствующем месте Начального свода, ибо оказывалось, что Варяги назвались Русью только после перехода в южную Русь; но вставка слов «и прочи» устранила возникшее было затруднение. Следовательно, Начальный свод сообщал о том, что Варяги (или Варяги и Словене) прозвались Русью, только перейдя в южную Русь, осевши в Киеве. Нахожу поэтому невероятным, чтобы тому же Начальному своду принадлежало указание на то, что Русская земля прозвалась так от Варягов, в особенности потому, что указание это стоит там, где о превращении Варягов в Русь (по переселении их в Киев) еще не было речи. Это принуждает меня признать чтение Повести вр. лет измененным сравнительно с предполагаемым текстом Начального свода. Как же читалась соответствующая фраза в Начальном своде? Исключаем возможность того, чтобы в ней находились слова «прозвася Русская земля». Эти слова заменили собой, под влиянием теории о варяжском происхождении Руси, другое чтение. Решение вопроса, какое же именно чтение Начального свода подверглось указанной замене, можно бы ждать от соответствующего текста Новгородской 1-й летописи, но там еще резче выражено то самое, что мы признаем вставкою составителя Повести вр. лет, вставкою, сделанною под влиянием варяжской теории о происхождении Руси: «И отъ техъ Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и отъ техъ словеть Руская земля »; следовательно, не только Русская земля получила свое имя от тех Варягов, но от них назвались Русью и призвавшие их племена, или по крайней мере Новгородцы. Чтение Новгородской 1-й летописи ни в каком случае нельзя возвести к Начальному своду, во-первых, потому, что оно стоит в противоречии с дальнейшим, где сказано, что Варяги прозвались Русью, поселившись с Игорем в Киеве, во-вторых, потому, что оно не разъясняет, почему народ, называвшийся Варягами, дал имя Руси другим племенам, в-третьих, потому, что повторение — «прозвашася Русь », «словеть Руская земля » указывает на непервоначальность текста, в-четвертых, потому, что с приведенною фразой не согласовано ее окончание: «и суть Новгородстии людие до днешняго дни отъ роду Варяжска ».

⁵ Так в Ком., где над строкой приписано «прочий»; в Толст.: «и оттоле прочш». Но это «прочш » заимствовано из Троицк. списка, а путем его из Повести вр. лет. Чтение Ком. списка находит себе соответствие в Карамзинском списке Новгород. летописи, который считаю списком Новгородской 4-й, исправленным по своду 1448 года. Следовательно, и в своде 1448 года не было слова «прочш»; не было его и в Соф. временнике; не было и в Нач. своде.

Итак, признаем чтение Новгородской 1-й летописи непервоначальным и притом возникшим под влиянием Повести вр. лет, ибо именно Повесть вр. лет проводила теорию о варяжском происхождении Руси. Имея в виду, что почти так же читается в своде 1448 г. (Соф. 1-й и Новгород. 4-й), делаем вывод, что соответствующее место Новгород. 1-й читалось так же в Софийском временнике. Софийский временник представляет текст Начального свода, местами исправленный по протографу Синод, списка (списка Новгород. 1-й старшего извода): см. об этом ниже в главе XV. Протограф Синод, списка в общем повторял текст Повести вр. лет второй редакции. Отсюда заключаем о возможности того, что слова «прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля» или точнее не все эти слова, а только подчеркнутые, попали в Соф. временник из протографа Синодального списка и далее из Повести вр. лет, заменив другое чтение — чтение Начального свода. Такое заключение ведет нас и к дальнейшему выводу: слово «прозвашася» восходит именно к Начальному своду, ибо оно не находит себе соответствия в Повести вр. лет, не находило соответствия, следовательно, и в протографе Синодального списка: мы читаем в Повести вр. лет «и отъ техъ... прозвася Русская земля»; этому «прозвася» соответствует в Соф. временнике «словеть», причем замена «прозвася» на «словеть» произошла под влиянием наличности слова «прозвашася» в предшествующем тексте. Таким образом видим, что в Начальном сводe читалось «И отъ техъ Варягъ находникъ техъ прозвашася х.». Что стояло за «прозвашася», не видно слово из предыдущих соображений, но ясно, что не слово «Русь»; это извлечено из последующего, из слов протографа Синод, списка «и отъ техъ... прозвася Русская земля».

В исследовании «Сказание о призвании Варягов» я подставил вместо х слово «Варягы» (твор. мн.), полагая, что Начальный свод сообщал при этом о том, что призвавшие варяжских князей племена прозвались от этих князей Варягами. Я встретил возражение в устной беседе со стороны глубокоуважаемого А. Е. Преснякова, с которым я, с большою всегда пользою для себя, так охотно беседую о вопросах, связанных с исследованием русского летописания. А. Е. Пресняков сообщил мне, что он вместо «Варягы» предпочел бы читать «Новгородьци», причем поставил бы перемену племенного названия (Словене) на территориальное (Новгородцы) в связь с поселением Рюрика в Новгороде; ср. замену названия Полян Киевлянами. Сначала поправка, предложенная А. Е. Пресняковым, показалась мне вполне приемлемою, но теперь, после продолжительных размышлений, я возвращаюсь к чтению «Варягы». Мотивировку этого чтения даю ниже, там, где возвожу его к первоисточнику.

§ 200. Таким образом, интересующая нас фраза в Начальном сводe читалась предположительно: «И отъ техъ Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Варягы, и суть Новгородьстии людие до дньшьяго дьне отъ рода Варяжска, прежде бо беша Словене». Последние четыре слова, опущенные в Новгородской 1-й, возвожу к Начальному своду на основании Повести вр. лет (первой редакции); Новгородская 1-я, т. е. Софийский времен-

ник, опустила их под влиянием протографа Синод, списка, где они не читались так же, как не читаются во второй редакции Повести вр. лет (ср. Ипат. летопись).

§ 200¹. Как же сложилась эта фраза в Начальном своде и какой она имеет смысл? Мы знаем, что Начальный свод соединял чтения Древн. Киевского свода с чтениями Новгородского свода XI века; знаем из предыдущего исследования, что фразе этой предшествует эпизод, вставленный из Новгородского свода; между тем самую фразу мы признали восходящею к Древн. Киевскому своду (где она читалась, быть может, и не в том виде, как в Начальном своде). Подтверждаем наше заключение о том, что интересующая нас фраза попала в Начальный свод из Древнейшего Киевского свода, следующим соображением: упомянутые в ней «те Варяги» — это, конечно, те Варяги, о которых говорилось выше, что им давали дань Словене, Кривичи и Меря; что это не те Варяги, о призвании которых только что сообщил вставленный из Новгородского свода эпизод, ясно из прибавки («на-ходникъ техъ»): этой прибавкой редактор Новгородского свода только связал свой эпизод о призвании Варягов (находников) с дальнейшим рассказом Древн. Киевского свода. Итак, в этом последнем читалось: «И отъ техъ Варягъ прозвашася Варягы», и т. д. Кого же имел при этом в виду Древн. Киевский свод, кто же именно прозвался Варягами? Из последующего видно, что дело идет о Словенах: «прежде бо беша Словене»; видно еще прямее, что дело идет о Новгородцах: «и суть Новгородьстии людие до дньншняго дьни отъ рода Варяжьска ». Между тем из буквального смысла дошедшего до нас рассказа, если исключим из него эпизод о призвании Варягов, следуете, что Варягами прозвались не одни Новгородцы, не одни Словене, а все четыре племени, платившие дань Варягам: Словене, Кривичи, Меря и Чудь. Действительно, ни о Новгородцах, ни специально о Словенах выше не упоминается. Но смысл фразы Древн. Киевского свода требует дополнения предшествующего рассказа (замененного эпизодом о призвании Варягов) таким текстом, где сообщалось о Новгородцах или специально о Словенах. Предполагаю, что место это содержало приблизительно такие слова: «Словене же сядяху НоВегороде » и что непосредственно затем читалось: «И отъ техъ Варягъ прозвашася Варягы»*. За приведенными словами находим: «и суть Новьгородьстии людие до дньнпняго дьне отъ рода Варяжьска ». Я думаю, что это не принадлежит составителю Древн. Киевского свода: во-первых, слова эти как будто ослабляют категорическое утверждение его, что новгородские Словене прозвались Варягами; во-вторых, вводит совершенно новое данное, а именно о варяжском п р о и с х о ж д е н и и Новгородцев, ибо раньше утверждалось только о том, что Новгородцы прозвались Варягами. Признаю эти слова комментарием составителя Новгородского свода XI века, комментарием к сообщению Древн. Киевского свода о том, что Новгородцы прозвались Варягами; комментарий ссылается на варяжское происхождение многих новгородских мужей, не утративших и до последнего времени своего варяжского обличил (языка и проч.). Что касается дальнейшего: «прежде бо беша Слове-

не», то считаю вероятным, что эти слова восходят к Древн. Киевскому своду. Ср. подобное же утверждение в Повести вр. лет: «отъ Варягъ бо прозва-шася Русью, первое бвша Словене» (6406 г.).

§ 201. Приводим теперь основания для предложенного выше чтения «и от* техъ Варягъ прозвашася Варягы», дополняя это в предшествующем словами: «Словене же седяху Новгороде»*. Основания находим в последующем рассказе. Мы читаем в нем о переходе северного князя (из Новгорода) в Киев; в Начальном своде князь этот назван Игорем: «и *седе* Игорь княжа в Кыеве; и беша у него Варязи мужи Словаке, и оттоле, прозвашася Русью». Так читается в Ком. списке; в Троицком списке Новгород. 1-й и в своде 1448 г.: «и беша у него мужи Варязи Словени»; в Повести вр. лет, где северный князь назван Олегом: «бвша у него Варязи и Словени» (Лавр.), «и беша у него Словени и Варязи» (Ипат.), «и беша у него Варязи Словени» (утрач. Троицк.). Думаю, что в Начальном своде читалось так, как в своде 1448 г. (Соф. 1-й и Новгород. 4-й) и Троицк. списке Новгород. 1-й: «и беша у него мужи Варязи Словене»; пропуск слова «мужи» в Повести вр. лет объясняю себе так же, как вставку «и прочи» за словом «Словене»; составитель Повести вр. лет перенес все внимание на вторую фразу, на утверждение «прозвашася Русью»; в силу этого он видоизменил предшествующие подлежащие. Русью прозвались и Варяги и Словене и прочие; вследствие этого лишним оказывалось определять предшествующее «беша» особым подлежащим; Русью прозвались не одни «мужи», но и все вообще бывшие под Олегом Варяги, Словене и прочие. Обращаю далее внимание на отсутствие союза «и»: «Варязи Словене»; так в Ком., Троицк., Новгород. 1-й и своде 1448 г. Почему было не сказать «Варязи и Словене»? Слово «Словене» в таком сочетании имеет вид вставки. Должно предположить более древнее чтение «и беша у него мужи Варязи»; таково, вероятно, чтение Древн. Киевского свода; вставка же «Словене» едва ли не принадлежит составителю Новгородского свода, который, как мы видели, перенес в свой текст слова «и отъ техъ... прозвашася Варягы, прежде бо беша Словене» и комментировал их утверждением, что действительно Новгородские люди происходят от рода варяжска. Итак, в выясняющемся для Древн. Киевского свода «и бвша у него мужи Варязи, и оттоле прозвашася Русью» вижу соответствие предшествующему утверждению того же свода, по которому Словене новгородские прозвались Варягами: во-первых, на основании этого предшествующего утверждения слово «Варязи» дополнено или комментировано словом «Словене»; во-вторых, ясно, что сам Древн. Киевский свод уже не отличает в этом месте Словен от Варягов; Олег повел на Киев Новгородцев — это видно из всего контекста (ср. ниже § 206), а между тем мужей Олеговых Древн. Киевский свод определяет как Варягов.

Переходим ко второму основанию; находим его тут же в следующем за только что рассмотренным местом тексте: «Сей же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»; так в Ком. списке; приблизительно так же в Троицк. Новгород. 1-й («устави и дани Словеномъ и Варягомъ даяти, Кривичемъ» и

т. Д.). В Повести вр. л. в соответствии с этим находим: «Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти» (Лавр.; между тем Радз., утрач. Троицк, и Ипат.: «и устави дани Словеномъ и Кривичемъ и Мерямъ, и у с т а в и Варягомъ дань даяти»⁶. Думаю, что чтение Нач. свода выясняется без труда; это: «и устави дани Словѣномъ и Варягомъ даяти и Кривичемъ и Мери, дань даяти Варягомъ». Дошедшее до нас чтение Повести вр. лет представляет поправки к первоначальному тексту, поправки, вызванные второй половиной фразы: «дань даяти Варягомъ»; находя здесь повторение, составитель Повести вр. лет выпустил выше «и Варягомъ даяти»; составитель второй редакции Повести вр. лет прибавил еще слово «устави» перед «Варягомъ дань даяти». Как же мы поймем восстановленную нами фразу Начального свода? Она представляется нелепою по своему содержанию. Игорь собирал дань, конечно, в свою пользу, в пользу своей дружины, и не мог считать своею обязанностью уставлять дани в пользу Варягов. Невероятно, чтобы Словене, Кривичи и Меря платили дань за море Варягам после политического объединения их под главенством Киевского князя. Разуметь же под Варягами Игоря и его мужей мы не имеем основания между прочим потому, что по свидетельству Начального же свода Игоревы Варяги, перейдя в Киев, назвались Русью. Кроме того, приведенная выше фраза говорит прямо о том, что дань была возложена на Словен, Кривичей и Мерю в пользу Варягов, а не в пользу самого Игоря. Ср. в Повести вр. лет под 6391, 6392, 6393 и др. известия о возложении дани Киевским князем в свою пользу: Олег посылает, напр., сказать Вятичам: «не дайте Козаромъ, но мне дайте». Нелепая по своему содержанию фраза, нами восстановленная, оказывается еще построенною совершенно неуклюже: если в Начальном своде читалось «и Варягомъ д а - я т и », то, следовательно, в этой фразе дважды повторено одно и то же, ср. ниже «даяти Варягомъ», причем слова «и Варягомъ даяти» представляются прямо излишними; если же в Начальном своде читалось «и Варягомъ», то неясно содержание фразы: оказывается, что Варяги в числе прочих племен платили дань Варягам. Правда, в Повести вр. лет совсем опущено это «и Варягомъ »; при этом по Лавр. Варяги оказываются в числе прочих племен, обложенных данью, уплачивавшеюся очевидно уже не Варягам, а Киеву; но такое понимание возможно лишь при известной натяжке, ибо слова: «и Варягомъ дань даяти» в конце восстановленной фразы можно относить и к последующему: «отъ Новагорода гривень триста на лето»; так и понял это место составитель второй редакции Повести вр. лет, вставивши, как мы видели, перед словами «Варягомъ дань даяти » — «устави»⁷. Ввиду

6 В своде 1448 года явно позднейшее чтение: «Сии же Олегъ нача ставити грады и дани устави по всей Руской земли, Слов-ѣномъ и Кривичемъ и Меряномъ дань даяти Варягомъ» (Новг. 4-я и Соф. 1-я). Список Царек. Соф. 1-й, быть может, свидетельствует о том, что слова «по всей Руской земли» в общер. своде 1423 г. читались после «нача ставити грады».

7 Лавр.: «и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривень триста на лето».

этого не могу дать предпочтения чтению Повести вр. лет и считаю его подновленным.

Соображая все изложенное, имея в виду нелепость фразы и неуклюжее ее построение, я признаю, что фраза эта претерпела известные редакционные изменения. Исходя из того положения, что Древн. Киевский свод отождествил новгородских Словен с Варягами, я думаю, что в нем соответствующая фраза звучала: «и устави дани Варягомъ и Кривичемъ и Мери ». Составитель Новгородского свода XI века, отметивший это отождествление Словен с Варягами и протестовавший против него то путем комментария (ср. указанное выше: «и суть новгородстии людие отъ рода Варяжьска»), то путем поправки («и беша у него мужи Варязи Словене», вм. «Варязи»), внес соответственную поправку и здесь: он дал вместо «Варягомъ» чтение «Словѣномъ и Варягомъ». Составитель Начального свода, говоривший выше о дани, взимавшейся Варягами с Словен, Кривичей и Мери, предположил ошибку в чтении Новгородского свода: стремясь исправить ее, он дополнил слово «Варягомъ » словом «даяти » и прибавил дальше для вящего пояснения «дань даяти Варягомъ ». Таким образом, из предложенного анализа интересующей нас фразы Начального свода выяснилось, что она предполагает выше чтение «И отъ техъ Варягъ прозвашася Варягы, прежде бо беша Словаке», ибо соответствующая интересующей нас фразе фраза Древн. Киевского свода заменила ожидаемое имя Словен именем Варягов, а поправка Новгородского свода предполагает в источнике его наличие подобно отождествления Словен и Варягов.

§ 202. Возвращаемся к тому первоначальному рассказу, который может быть восстановлен на основании указанных соображений для Древн. Киевского свода. Исходя из соответствующего текста Начального свода, отмечаем все, что в этом последнем не может восходить к Древн. Киевскому своду.

«Въ времена же Кыя и Щека и Хорива Новъгородстии людие, рекомии Словени, и Кривичи и Меря, Словене свою волость имели, а Кривичи свою, а Меря свою; ко-ждо своимъ родомъ владыше; а Чюдъ своимъ родомъ; и дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣ и веверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилье даяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Ч ю д и ». Мы привели текст Начального свода и отметили в нем разрядкой то, что не может восходить к Древн. Киевскому своду. Приведем основания. Слова «Новъгородстии людие» характерны в устах составителя Новгородского свода XI века: мы находим это выражение в рассказе о прибытии к Святославу Новгородцев с просьбой дать им князя (Нач. св. и Пов. вр. лет под 6478), далее в сообщении о поставлении Добрынею кумира над Волховом (6488 г.); считаем поэтому прибавку «Новъгородстии людие» комментарием к имени Словен, сделанным составителем Новгородского свода (ср. ниже: «и суть Новъгородстии людие отъ рода Варяжьска»). Подлежащие: Словене и Кривичи и Меря не имеют при себе сказуемого; поэтому считаю слова, читающиеся непосредственно за ними, вставленными позже. Эту вставку, или

точнее часть этой вставки, я возвожу к новгородскому источнику Начального свода. Новгородский летописец оттенил этими словами, читавшимися притом, как кажется, ниже, после сообщения об изгнании Варягов, что Словене, Кривичи и Меря не составляли одной волости, а управлялись друга он друга самостоятельно. Считаю вероятным, что соответствующее место в Новгородском своде читалось полнее, а именно в нем сообщалось о построении Словенами Новгорода и о старейшине новгородском Гостомысле. Как мы видели (§ 160¹), Новгородский свод содержал упоминание о Гостомысле; наиболее подходящим местом для этого упоминания был рассказ о событиях, предшествовавших изгнанию Варягов. Во второй части вставки находим: «кождо своимъ родомъ владыше, а Чюдъ своимъ родомъ ». Эту часть вставки я не могу возвести вместе с началом вставки к одному общему источнику: ведь это продолжение вставки противоречит ее началу; в начале говорится о том, что Словене, Кривичи и Меря имели свою волость, т. е. свою государственную власть, свое княжение; а здесь читаем: «кождо своимъ родомъ владыше »; итак, здесь находим утверждение, что названные племена жили родами, управлялись родовыми начальниками. Я думаю, что в этом выразилась особенная точка зрения составителя Начального свода, особая его историк-политическая концепция: княжеская власть началась только с водворением на Руси княжеской династии, а бывшие до того князья — это или самозванцы, или родовые старейшины. Та же мысль выражена им в самом начале: «Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ местехъ и странахъ, владеюще кождо родомъ сво-имъ»; эти слова представляются явною вставкой, прибавкой к последующему рассказу о построении Киева тремя братьями; этим словам соответствуют во второй части рассматриваемой вставки сначала: «кождо своимъ родомъ владыше», дальше «а Чюдъ своимъ родомъ»; ясно, что автором, сочинителем обоих мест является одно и то же лицо. Переходим к третьей вставке: мы считаем такой вставкой имя Чуди. Ведем ее к Новгородскому своду, основываясь, во-первых, на том, что Чудь не названа с самого начала, не названа она и ниже в числе племен, обложенных Игорем данью; напротив, мы находим Чудь в эпизоде о призвании князей, и имени ее соответствует город Изборск, пограничный город Словен и Чуди⁸. Эта Чудь была необходима для составителя Новгородского свода: иначе он не мог уяснить себе поселения Трувора, одного из призванных варяжских князей, в Изборске. Я думаю, что в Новгородском своде Чудь была прибавлена уже к первому перечню племен; но Начальный свод, руководствуясь Древн. Киевским сводом, опустил Чудь в этом первом перечне; зато он оговорил ее особо во вставке «а Чюдъ своимъ родомъ » и привел ее имя ниже, во втором перечне.

8 «Изборск, поставленный на самой окраине Кривского населения, с северо-запада, на рубеже с сильною Чудью, и в соседстве Новгородцев...» Барсов, Очерки русск. ист. геогр., 180. Соловьев утверждал, что под этой Чудью должно разуметь «Воть или Водь древней Вожской пятины в Новгородской области, которых и теперь русские соседи называют не иначе, как Чудью». Ист. России, I, 98, пр.

§ 203. Приведенный выше рассказ Древн. Киевского свода, как мы предположили (§ 200¹), продолжался словами: «Словене же седяху Новеграде. И отъ техъ Варягъ прозвашася Варягы, прежде бо беша Словане ». Первая фраза восстановлена нами по догадке, а вторая извлечена из Начального свода (Повести вр. лет); слово «Варягы» вставлено на основании выше приведенных соображений.

Каков же смысл всего этого рассказа Древн. Киевского свода и каково его происхождение? Он представляется введением к дальнейшему рассказу о киевских событиях, к рассказу о водворении варяжского князя в Киеве. Этот дальнейший рассказ основывался на народном предании, быть может, на народной песне о том, как был взят Киев вещим Олегом. Предшествующее ему сообщение о событиях северных основывалось не на народном предании и не на припоминаниях, а на комбинациях киевского летописца. Он знал, во-первых, из народного предания о завладении Киева князем Олегом; во-вторых, упорная традиция указывала на варяжское происхождение киевской княжеской династии и княжеских дружинников⁹; в-третьих, современные отношения (XI в.) и припоминания из более древних времен свидетельствовали об объединении северных и южных племен под главенством одного князя; в-четвертых, земли Словен, Кривичей и Мери соединялись в представлении киевлян в одном общем представлении о верхних, верховных землях¹⁰; в-пятых, представление о новгородских славянах тесно связалось с представлением о Варягах, частью от того, что в Новгороде, действительно, жило немало Варягов (ср. в нем Варяжскую божницу, Варяжскую улицу), частью от того, что Варяги шли в Киев через Новгород и, конечно, увлекали с собой немало Словен, постоянно смешиваясь с ними в дружинах, частью, наконец, и от того, что близость новгородских владений к Варяжской земле переносила естественно на Новгород-

9 Приведу, например, следующие данные. Древняя проложная статья о Владимире начинается словами: «Съ бысть сынъ Святославль отъ племени Варяжска князь Володимиръ». Одно из древнерусских поучений на неделю мытаря и фарисея содержит такое место: «не хвались родомъ, ты благородный, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мне». По объяснению В. О. Ключевского, «это намек на христиан варягов, отца с сыном, пострадавших от киевских язычников при князе Владимире в 983 году. Значит, русскому обществу XI в. боярин русский представлялся непременно родичем, земляком киевских мучеников варягов, хотя в X и в начале XI в. известно по летописи немало княжих мужей из туземцев славян», Курс русск. ист. I, 197. Боярин Шимон, игравший видную роль при дворе Изяслава, был, согласно Патерику, варягом по происхождению. Варяжское происхождение большинства имен Олеговых и Игоревых мужей, занесенных в договоры, стоит вне сомнения. Родственные связи Ярослава с варяжскими конунгами также имеют значение в вопросе о варяжском происхождении киевской княжеской династии.

10 Ср. «Володимеру же шедшу Новугороду по верховьние вое» (Пов. вр. лет 997 г.). Киевская летопись под 6656 противопоставляет «верхшя земли» Русской земле: «Изяславъ (Сидевший в Киеве) да дары Ростиславу, что отъ Рускыи земле и отъ всихъ царьскихъ земель, а Ростиславъ (сидевший в Смоленске) да дары Изяславу, что отъ верьхнихъ земель и отъ Варягъ». Под 6693 читаем в той же летописи: «Великий князь Всеволодичъ Святославъ шель бяшетъ въ Корачевъ и сбирашетъ отъ верьхнихъ земель вой». Ср. Соловьев, Ист. России I, 225, прим.

пев имя Варягов¹¹. Думаю, что указанных элементов было достаточно для того, чтобы сложиться рассмотренному выше введению к киевскому преданию о завладении Киева Олегом.

§ 204. Когда Древн. Киевский свод перешел в Новгород, там было обращено особое внимание на это введение. Новгородский сводчик решился развить его в самостоятельный и цельный рассказ о древнейшей судьбе родного города; в него вставлены им данные, извлеченные из местных преданий. И в Новгороде помнили и знали о владычестве Варягов; но народное предание вспоминало и о свержении варяжского ига и о самостоятельной жизни Новгорода во времена Гостомысла; надо было объяснить, как же исчезла впоследствии эта политическая самостоятельность, как попал Новгород в зависимость от киевского князя. На памяти народной совершился ряд событий, подсказывавших правдоподобное объяснение; в моменты опасности новгородцам приходилось не раз обращаться за помощью к заморским Варягам; вспомним Владимира, бежавшего из Новгорода при тревожных известиях с юга, Ярослава, не один раз обращавшегося за варяжской помощью; и Владимир и Ярослав шли затем с призванными ими Варягами на юг и утверждали там свое господство; и если Древн. Киевский свод рассказывал о подобном же движении северного князя на юг во главе Новгородцев и Варягов, то появление Варягов, с точки зрения новгородца, можно было объяснить только их призванием, приглашением самим Новгородом. Итак, сравнительно недавнее прошлое давало новгородскому летописцу возможность прибегнуть к объяснению появления Варягов в Новгороде и их похода на Киев в союзе с Новгородцами призванием их самим Новгородом. Но летописцу приходится идти дальше: из Древн. Киевского свода ясно, что во главе Варягов, овладевших Киевом, находился варяжский князь и что этот самый князь обложил между прочим и Словен данью в пользу Киева; сообщение о дани в пользу Киева соответствовало и современной действительности (§ 268¹); не отрицал новгородский летописец и сообщения о варяжском происхождении княжеской династии: оно подтверждалось многочисленными данными; но он сделал из этого сообщения свой собственный вывод, соответствовавший политическим воззрениям, приобретающим в Новгороде, все большую силу: князь новгородский есть призванный самим Новгородом князь; княжеская власть в Новгороде имела и должна иметь юридическое основание в призвании, предполагающем известное соглашение и соблюдение князем дорогих для города вольностей. Новгородский летописец выходит с честью из тех затруднений, которые создавались темным, запутанным рассказом киевского свода: Новгород не был покорен Варягами; Новгородцы свергли варяжское иго; они управлялись самостоятельно, имели свою власть; и в силу этой своей самостоятельности они по свободному решению обратились к Варягам и призвали отту-

¹¹ В Калужской Губернии Мещовцы называют жителей Мосальского уезда Поляками, в свою очередь Мосали называют Поляками жителей Рославльского уезда Смоленской губ., и т. д. Дальнейшие соображения о Варяго-Словенах сообщены ниже.

да князя. Политические права создаются на исторических прецедентах: Новгородские люди лет через сто после предположенного призвания первого князя приглашают на стол, по сообщению того же Новгородского летописца, малолетнего Владимира и сажают впоследствии Владимиров сына Ярослава («и посадиша Ярослава»). Кто знает, быть может, Новгородцы, державшие в 1102 году речь к Святополку, в которой отстаивали свое право удержать у себя князем Мстислава и не принимать Святополкова сына¹², уже ссылались на прошлое, уже приводили свидетельства своего летописца в пользу того, что Новгородцы издавна имели свободу приглашать себе князя.

Но перед новгородцем развертывался, когда он вспоминал древнейшие судьбы родной земли, ряд любопытных местных преданий о варяжских князьях. Каждый значительный центр на севере, и притом не в одной Новгородской земле, был связан или своим именем или воспоминаниями с варяжскими князьями: на Белоозере вспоминали о варяжском князе Синеу-се; память о нем была жива еще в XVI столетии, когда указывали даже погост, где он сидел¹³; Изборск помнил о Труворе; Ладога вспоминала Олега, и в ней показывали Олегову могилу; в Новгороде говорили о князе Рюрике, указывали Рюриково городище¹⁴; в Полотске вспоминали о Рогволоде, и т. д. Составитель Новгородского свода не счел нужным воспроизводить все известные ему предания о князьях варяжских; он остановился на новгородском предании о Рюрике, изборском — о Труворе, белозерском — о Синеусе. Эти предания о трех князьях варяжских он решил приладить к киевскому рассказу о трех племенах, поработенных Варягами — Словенах, Кривичах и Мери. Для этого в области Словен новгородских летописцу, казалось бы, не требовалось больше одного предания — предания о Рюрике; дальше он, казалось бы, должен был бы втянуть в свой рассказ и то или иное Мерское или Кривичское предание о древних варяжских князьях, но области Мери и Кривичей отстояли далеко от Новгорода, и туда не заходили их предания; пришлось прибегнуть к преданиям соседних областей; Белозерцы помнили о князе Синеусе; правда, на Белоозере сидит Весь,

¹² «И реша Новгородци Святополку: се мы, княже, прислани к тобв, и ркли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главве имеетъ сынъ твой, то пошли и; а сего ны даль Всеволодъ, а вскормили есмы собе князь, а ты еси шель отъ насъ».

¹³ Ср. рпсь Публ. библ. Q IV, 216: «умре Труворъ в ызборске, и Синеус на Белеозере в Кистеме». В Кириллобелоз. сборнике XVI в. (хранящемся в И. Археогр. Комиссии) про Синеуса сказано, что он сидел «у насъ на Кистеме».

¹⁴ Ср. Бураковский, «Путеводитель по Новгороду и его окрестностям» (Новгород 1891), с. 119—120: «В двух верстах от города на правом берегу Волхова, близ его истока, расположено так называемое Рюриково Городище. Здесь, как говорит предание, поселились славяне, пришедшие с юга, часть которых впоследствии, по причине увеличения населения, перешла несколько ниже и основала Новый город или Новгород. В Городище жили самые влиятельные из славян, вследствие чего здесь же поселился первый русский князь Рюрик, когда призван был на княжение. Впрочем, никаких памятников не сохранилось на Городище... и о пребывании здесь Рюрика говорят только предание, да самое название местности».

а не Меря, о которой говорил Древн. Киевский свод, но области Веси и Мери **связаны** административно, Белоозеро подчинено ведь Ростову; Изборяне **рассказывали о** Труворе; правда, Изборяне это не Кривичи, но подходящего Кривичского предания в наличности у летописца не имелось; Изборск населен наполовину Чудью; пришлось ввести Чудь в число племен, призвавших; Варягов. Таким образом, не отступая от основной нити киевского рассказа, новгородский летописец получил возможность соединить три предания о трех варяжских князьях Рюрике, Синеусе и Труворе в одно сказание о призвании этих князей четырьмя племенами, свергнувшими с себя варяжское иго. Весьма вероятно, что представление о трех князьях-братьях было дано как эпический мотив из других рассказов, других преданий, подобных и тому преданию, которое в Киеве приурочивало построение города именно трем братьям; вот почему Синеус и Трувор оказываются в рассказе новгородца братьями Рюрика, вот почему братьев остается трое, несмотря на участие в призвании еще четвертого племени — Чуди. § 205. В результате новгородский летописец создает следующее сказание, вставленное им в рассказ Древн. Киевского свода: «И вѣсташа Словене и Кривичи и Меря и Чюдѣ на Варягы и изгнаша я за море и начаша владѣти -вами собв. Словене свою волость имѣша и поставиша градъ и нарекоша и Новѣгородъ и посадиша старейшину Гостомысла, а Кривичи свою, а Меря свою. И вѣсташа сами на ся воевать и **бысть** межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа градъ на градъ, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша къ себе: поищемъ себе князя, иже бы владѣть нами и рѣдить ны по праву. Идоша за море къ Варягомъ и рѣкоша: земля наша велика и обильна, а наряда у насъ нѣту; да поидете к намъ княжить и владѣть -вами. И избрашася 3 братия съ роды своими и пояша со собою дружину многу и приидоша къ Новугороду; и седе старейший в Новегороде, бѣ имя ему Рюрикъ; а другой седе на Бѣлоозере Синеусъ; а третей въ Изборьске, имя ему Труворъ»¹⁵. За этой вставкой новгородский летописец продолжал списывать свой киевский источник. Но к словам «И отъ техъ Варягъ» он прибавил «находникъ техъ», для того чтобы теснее связать фразу со вставленным эпизодом. Итак, получилась фраза: «и отъ техъ Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Варягы». фраза ясная для киевлянина, называвшего Новгородцев Эарягами (как мещовец называет жителей мосальского уезда поляками ср. выше), но непонятная для новгородца, хорошо отличавшего коренных жителей Новгорода, Словен, от Варягов. В виде комментария, как мы видели (§ 200), им дается к этой фразе объяснение: «и суть Новгородѣстии людие АО днешняго дни отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словене».

15 Мы привели текст Ком. списка, не исправляя его пока по другим. Но исключили из **него** после слов «и пояша съ собою дружину многу» слова «и предивну». Признаем эти слова вставленными по недоразумению из протографа Синод. списка, где, по-видимому, читалось: «и приде в Новѣгородъ старей Рюрикъ». Ср. в Троицк **списке** Новг: 1-й: «и прииде къ Новугороду и сѣде старѣишии въ Новѣгородъ». Кроме того, я исключил слова: «и города ставити» после «и начаша владѣти сама себе» (ср. ниже). Разрядкой я обозначил слова, не вошедшие предположительно в Нач. свод.

Мы видели выше, что составитель Начального свода списывал сначала в соответствующем месте Древн. Киевский свод. Но потом он заметил большую полноту Новгородского свода. Из него он вставил слова «Словене свою волость имвша, а Кривичи свою, а Меря свою», но не принял сообщения о поставлении Новгорода и о Гостомысле. После этой вставки составитель Начального свода продолжал списывать текст Новгородского свода, заменив, впрочем, в эпизоде о призвании Варягов, перенесенное отчасти выше сообщение о волости Словен, Кривичей и Мери, далее сообщение о поставлении Новгорода и о Гостомысле словами: «и города ставити».

§ 205¹. Переходим к дальнейшему. Как переходил составитель Древн. Киевского свода, а за ним и первый Новгородский сводчик к рассказу об овладении Киева варяжским князем? В Начальном своде читалось: «По двою же лету умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владети единъ. И роди сынъ, и нарече имя ему Игорь. И възрастышу же ему Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ. И начаста воева-ти», и т. д. Могло ли это читаться в Древн. Киевском своде? Конечно, нет; ибо этот свод ничего не знал ни о Рюрике, ни о Синеусе и Труворе. Но не заимствовано ли это из Новгородского свода XI века? И это представляется мало вероятным: во-первых, зачем было новгородцу сообщать о смерти Синеуса и Трувора и утверждать единовластие Рюрика? Во-вторых, мог ли он назвать Олега воеводой Игоревым, когда северное предание (ладожское) говорило, по-видимому, о князе Олеге.

Приведенное место представляется совершенно искусственным по своему содержанию; в нем ярко проглядывает определенная тенденция. Русская княжеская династия должна получить ясную генеалогию: исторический Игорь должен быть связан с Рюриком, которого новгородское сказание называло первым князем; Рюрик — это родоначальник династии; боковые линии должны отпасть сами собой; с единством княжеского рода стоит в связи единство Русской земли; следовательно, Синеус и Трувор умерли бездетными и притом вскоре после призвания, ибо уже Рюрик владел един. Устранив таким образом Синеуса и Трувора, лицо, составившее приведенный отрывок, должно было разрешить вопрос, в каком же отношении к Рюрику стоит исторический Игорь. Если бы источники говорили об одном Игоре, то дело решалось бы просто: Игорь сын Рюрика; но источники говорили, очевидно, о двух князьях — об Олеге и Игоре. И именно сначала говорилось об Олеге, а потом уже об Игоре: это ясно из Начального свода; поход на Греков приписывается Олегу и после его смерти сообщено «Игорь же седяше в Киеве княжа». Вместе с тем взаимные отношения Олега и Игоря не были, очевидно, определены источниками: иначе дело значительно бы упростилось для составителя Нач. свода, и ему не пришлось бы прибегнуть к искусственной комбинации. Но отчего умолчанию источников он не противопоставляет гипотезу: Рюрик родил Олега, Олег родил Игоря? Причину вижу в следующем. Все рассматриваемое место скомпилировано составителем Начального свода. В числе источников последнего

был хронограф; в этом хронографе говорилось под 6428 годом о поражении Руси, напавшей на Царьград; но Древний Киевский свод рассказывал, напротив, о победе Олега, о дани, взятой им с Царьграда, о щите Олега, повешенном в ознаменование победы на вратах Цареградских; победа не могла предшествовать поражению; с этим не мирилось национальное чувство; победа была жестокою расплатой за поражение, Олег отомстил Грекам за поражение. Кто же был поражен? Допустить, что поражен был сам вещий Олег — это пойти вразрез с преданием, это оскорбить чувство читателя, это возбудить в нем недоверие. Вот почему, вставив из хронографа рассказ о поражении Руси Греками перед рассказом о победоносном походе Олега, составитель Начального свода отнес поражение на счет князю Игорю («Посла князь Игорь на Грекъ»). Итак, Игорь княжил раньше Олега. Но это противоречило и свидетельству источников и тому также, что исторический Игорь был несомненно отцом исторического Святослава и дедом исторического Владимира. Как же выйти из создавшегося затруднения — Олег побеждает Греков после поражения Игоря, но Олег княжит раньше Игоря? Легендарный Олег превращается для этого составителем Начального свода в Игорева воеводу. Эта комбинация позволяет выдвинуть роль Олега в рассказе о взятии Киева, устранить Олега в рассказе о поражении Руси под Царьградом и снова ввести Олега победителя в рассказ о славном походе Руси под Царьград. Составитель Нач. свода сохранил в целостности предания, не исказил образа вещего Олега, а вместе с тем дал себе возможность сказать на основании хронографа о поражении Руси. Таким образом Рюрику наследовал Игорь; это сын Рюрика; Олег Игорев воевода. Искусственно скомбинировав переход от предшествующего повествования к рассказу о взятии Киева, летописец упустил из внимания одно существенное обстоятельство: он не упомянул о смерти Рюрика.

§ 206. Прежде чем перейдем к анализу рассказа о взятии Киева и о последующих событиях, отвечаем на вопрос, как же переходили Древн. Киевский свод и Новгородский свод от предшествующего повествования к этому рассказу. Думаю, что до нас дошла одна фраза из этого утраченного переходного места. В своде 1448 г., точнее — еще в своде 1423 года, который соединил текст Повести вр. лет с текстом Новгородского свода 1167 года, вслед за сообщением о том, как уселись призванные князья, находим фразу: «и начаша воевати всюду». В своде 1448 г. она относится к Рюрику, Синеусу и Трувору; вероятно, к ним же она относилась в Новгородском своде XI века. Но какое основание имел этот свод говорить о войнах Рюрика, Синеуса и Трувора? Думаю, что прямого отношения эта фраза не могла иметь к этим князьям, так как вижу ее связь с последующим рассказом о Киевском взятии; мы читаем там: «и п о и д о ш а вниз по Днепру и п р і и д о ш а къ горамъ Киевскимъ», — не «поидоста», «приидоста», как естественно было бы ждать в виду предшествующего: «И начаста (Игорь и Олег) воевати, и налезоста Днепръ реку и Смолнескъ градъ». В виду сказанного выше, признаю себя вправе предположить, что двойственное число заменило множественное уже в самом Начальном своде, когда в нем

появилась комбинация Игорь—Олег; следовательно, раньше читалось: «И начата воевати и налезаша Днепръ реку». Ср. выше фразу, извлеченную нами из свода 1448 года и возведенную к Новгородскому своду 1167 г.: «И начаша воевати всюду». Но рассказ о взятии Киева Варягами несомненно киевского происхождения. Поэтому слова «и начаша воевати » или «и начаша воевати всюду» восходят в конце концов к Древн. Киевскому своду. Отсюда заключаю, что рассказ о взятии Киева соединился с предшествующим повествованием этой самой фразой: «И начаша воевати всюду ». О ком же идет дело? Конечно, о тех Варягах, речью о которых окончилось предшествующее повествование. «И отъ ТѢХЪ Варягъ прозвашася Варягы» — «И начаша воевати всюду ». Но мы не можем удовольствоваться таким восстановлением. В последующем рассказе выступает князь варяжский, овладевающий Киевом и затем уставляющий дани на покоренных племенах. Об этом князе должно было быть упомянуто перед словами «И начаша воевати всюду».

Кто же этот князь? Игорь или Олег? В Начальном своде находим Игоря, в Повести вр. лет Олега. Оставляем показание Повести вр. лет в стороне и решаемся утверждать на основании самого текста Начального свода, что в его источнике, следовательно, в Древн. Киевском своде, говорилось не об Игоре, а об Олеге. В Начальном своде находим Игоря князя и Олега воеводу его; рассказ ведется вначале и потом дальше опять в двойственном числе. Невероятно, чтобы так же стояло в источнике Нач. свода; этому противоречат между прочим формы множ. числа, о которых мы говорили выше; этому противно и то, что вообще рассказ о деяниях князя повели бы в единственном числе, даже если бы упомянули об его воеводе. И если в Нач. своде двойственное число заменило в нескольких случаях множественное число оригинала, то возможно, что двойственное число заменило в других случаях единственное число в этом же рассказе. Появление Олега в качестве действующего лица при Игоре доказывает, что в источнике Нач. свода действующим лицом был Олег. Мы видели выше, какие побуждения руководили составителем Нач. свода при вставке имени Игоря. Итак, согласно предыдущему, уже выше, перед словами «И начаша воевати всюду», должно было быть упомянуто об Олеге. Я думаю, что там, непосредственно за «И отъ ТѢХЪ Варягъ прозвашася Варягы», читалось: «И бысть у нихъ князь именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ ». Ср. в тексте Нач. свода перед словами «И нечаша воевати» — «И бысть у него (у Игоря) воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ». Выше читаем то же об Игоре: «и бысть храборъ и мудръ»: совершенно ясно, что эта характеристика перенесена на князя Игоря с князя Олега; других оснований для признания Игоря храбрым и мудрым составитель Нач. свода не имел.

§ 206¹. Итак, Олег со своими Варягами (под которыми разумелись и Словене и Варяги) поплыл вниз по Днепру. «И приидоша къ горамъ Киевскимъ и узреша¹⁶ городъ Киевъ, и испыташа, кто в немъ княжить; и реша:

В Нач. своде «узрѣста».

два *брата* Аскольдь и Диръ ». Уместно поставить вопрос, не правы ли те исследователи, которые предполагали, что в первоначальном рассказе говорилось об одном князе, сидевшем в Киеве; соправительство двух князей совсем необычное для древней Руси явление. Это соображение, а также и то, что Масуди (арабский писатель X века) говорит о славянском короле Лире¹⁷, не упоминая об Аскольде, побуждали исследователей, начиная с Н. П. Ламбина и кончая М. С. Грушевским, отвергать соправительство Ас-кольда и Дира и предполагать, что они княжили в разное время. Н. П. Ламбиным были указаны еще и внутренние, извлеченные из самой летописи основания для признания сомнительным факт одновременного убиения Олегом Аскольда и Дира: они похоронены в разных местах города Киева, отстоящих друга от друга на добрые полмили, как выражается Грушевский¹⁸. Не отрицая соображений историков, всецело к ним присоединяясь, я нахожу, что рассматриваемое сказание не содержит само в себе указаний на то, что первоначально в нем читалось одно имя — Дира или Аскольда. Оба эти имени соединены не составителем писанного сказания, а самим народным преданием. Но вопросом является, где же именно их соединило народное предание — в сказании о завладении Олегом Киева или в другом самостоятельном сказании? Выше в Начальном своде читалось: «И по сихъ братии приидоста два Варяга и нарекося князема: единому бе имя Аскольдъ, а другому Диръ, и беста княжаща в Киеве и владеюща Полями; и беша ратни съ Древляны и съ Уличи ». Итак, народное предание помнило об Аскольде и Дире не только то, что при них Киев взят Олегом и что они были им убиты, но как будто еще и то, что они были Варягами и что, вокняжившись в Киеве, они воевали с Древлянами и Угличами. Думаю, что имена Аскольда и Дира были соединены именно в этом предании; перенесены же они в сказание о завладении Олега Киевом составителем Древн. Киевского свода. Сомневаюсь, чтобы в устном рассказе или в соответствующей исторической песне сообщалось о том, что Олег имел дело именно с Аскольдом и Диром. Считаю возможным, что Олегу устное предание приписывало убиение Кия, Щека и Хорива¹⁹. Составитель Древн. Киевского свода, записавший сначала предание о князьях Аскольде и Дире, приступив затем к записи о завладении Олегом Киева, счел удобным устранить обоих названных им раньше князей со сцены, вставив их имена в рассказ о завладении Киева Олегом и предоставив им умереть от дружины Олеговой. Итак, признаю, что уже в Древн. Кювском своде в рассматриваемом сказании читались имена Аскольда и Дира, читалось и об их убиении.

§ 206². Но в этом сказании обнаруживаются еще две вставки, сделанные уже составителем Нач. свода; говорю *еще* две вставки, имея в виду обнаруженную выше вставку Игоря рядом с именем Олега. Это, во-первых, речь Игоревы к Аскольду: «вы неста князя, ни роду княжа, нь азъ есмь князь,

¹⁷ Гаркави, 137.

¹⁸ Історія України Руси 12, 363.

Ср. подобные сказания в позднейших летописных сборниках.

и мне достойть княжити». Отсылаю к соответствующему месту Истории Украины Грушевского, где дается должная оценка этой необыкновенной речи Игоря, решительно лишенной смысла и основания. Замечу со своей стороны ту явную тенденцию, которую обнаруживает эта речь. Составитель Начального свода систематически, как мы видели, проводит две идеи: идею об единстве княжеского рода и идею о появлении княжеской власти только со времени Рюрика, главы современной ему княжеской династии: до тех пор племена управлялись своими, родовыми старейшинами; встречавшиеся до того князья — на самом деле князья самозванные, ибо они не роду князя, ибо они происходят не от Рюрика²⁰. Эта идея и выражена Игорем, речь которого я и считаю поэтому вставкой. Отмечу, что в приписываемом таким образом сочинительству составителя Нач. свода месте: «И рече Игорь к Аскольду » и т. д. единственный раз является единств, число вместо множественного или двойственного; далее, вм. Аскольда и Дира назван один Аскольд. В связи с обнаруженною вставкой стоит и редакционное изменение в предшествующей записи, в сказании о вокняжении Аскольда и Дира в Киеве: мы читаем в нем «и нарекося князема »; слова эти намекают на то самое, что откровенно высказал Аскольду Игорь, т. е. на то, что Аскольд и Дир князья самозванные. Но если слова «и нарекося князема» — тенденциозная вставка составителя Нач. свода, то не ему ли принадлежат и слова: «приидоста два Варяга»? Если вставка «и нарекося князема» стоит в связи с речью Игоря к Аскольду, не стоит ли «приидоста два Варяга» в связи с рассказом о том, как водворились в Киеве Игорь и Олег? Сомнительно, чтобы между словами «приидоста два Варяга» и дальнейшим: «и нарекося князема» не было тесной внутренней связи; для того чтобы иметь возможность сказать, что Аскольд и Дир назвались князьями, надо было объяснить, кто же они были на самом деле: они были простыми Варягами — вот смысл слов «приидоста два Варяга».

§ 206³. Нам приходится, таким образом, определить, что же рассказывал Древн. Киевский свод об Аскольде и Дире и в какой связи стояло его сообщение с предшествующим рассказом об основании Киева. Отвлекаемся на время от сказания о завладении Киева Олегом. Как мы видели, за рассказом о Кие, Щеке и Хориве обнаруживается ряд вставок: во-первых, фраза «бяху же погане, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочии погани»; во-вторых, отрывок из хронографа о нападении Руси на Царьград. За этим отрывком читаем: «По сихъ летехъ братиа си изгибоша и быша обидими Древляны (и) инеми околними ». Далее следует явная вставка, где приводится эпизод с Казарской данью. Вставка обнаруживается словами «Нъ мы на преднее возвратимся » в конце ее. В виду этого слова «И по сихъ братии той», которые читаем за вставкой, точнее за словами «Нъ мы на преднее возвратимся », должны быть отождествлены со словами «По сихъ летехъ браТіа си изгибоша», которые читаются перед вставкой, а из

²⁰ Едва ли не поэтому же Олег, которого, в силу указанных выше соображений, составитель Нач. свода не признал сыном Рюрика, был низведен в воеводы.

такого отождествления следует, что «и быша обидими Древляны (и) инеми околними» также вставлено; нельзя сомневаться в том, что вставка этих последних слов стоит в связи с последующей вставкой, содержащей эпизод о Казарской дани; словами этими вводится рассказ о Казарах. Извлечены эти слова из дальнейшего; ср. ниже: «и беша ратни съ Древляны и съ Угличи». Следовательно, имеем основание думать, что непосредственно за рассказом об основании Киева, за словами: «и беша мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне (Киеве) и до сего дне», читалось в Древн. Киевском своде «И по сихъ братии», а далее об Аскольде и Дире. Ничего о приходе Аскольда и Дира не говорилось, а только сообщалось о том, что они княжили в Киеве: «И по сихъ братш княжиста Киеве Аскольдъ и Диръ и беша владеюща Полями». Вот, думаю, как было изложено интересующее нас место в Древн. Киевском своде.

§ 206⁴. Возвращаюсь к сказанию о завладении Киева Олегом. Мы рассмотрели одну вставку. Переходим к другой. В Новгород. 1-й и, по-видимому, в Нач. своде читалось: «И убиша Асколда и Дира, и абее несъше на гору и погребоша Асколда на горе, еже ся ныне Угорское наричетъ, идеже есть дворъ Олминъ, на той могиле постави Олма церковь святаго Николу; а Дирева могила за святою Ириною». Останавливаемся прежде всего на том, что гора, где похоронен Аскольд, определяется здесь ближайшим образом словами «еже ся ныне Угорское наричетъ». Выше было уже упомянуто об этой горе и притом без указания на то, что она называется так именно теперь: «и с малою дружиною излезоста на брегъ подъ Угорскимъ». Отсюда заключаю, что рассказ, содержащий эту последнюю фразу, писан одним лицом, а место, где находится фраза «еже ся ныне Угорское наричетъ», другим; иначе, — что это место вставлено в первоначальный рассказ о завладении Киева Олегом. Во всяком случае топографическое определение могил Аскольда и Дира не могло принадлежать устному преданию о завладении Киева Олегом, если бы даже мы признали возможным, что в этом устном предании упоминались Аскольд и Дир (а не Кий, Щек и Хорив или какой-нибудь анонимный князь); приурочение к сказанию преданий о могилах Аскольда и Дира принадлежит, конечно, редактору свода, и притом, — в виду указанных соображений, — редактору Начального свода, а не Древнейшего. Следовательно, и упоминание о постройке Олмой церкви св. Николы на Аскольдовой могиле должно отнести насчет сводчика конца XI века. В Древн. Киевском своде вместо всего того, что содержится теперь в Нач. своде, читалось, по-видимому, только следующее: «И убиша Асколда и Дира и несоша на гору и погребоша я». Свод всех предыдущих указаний относительно первоначального вида сказания об овладении Киева Олегом даем в соответствующем месте восстанавливаемого ниже текста Древн. Киевского свода.

§ 206¹. В конце этого сказания читаем сообщение, уже подвергнувшееся нашему обсуждению. «И съде Игорь княжа в Киеве, и беша у него Варязи мужи Словене, и оттоле прозвашася Русью». Так читается в Начальном своде; в Древн. Киевском своде вместо Игоря стояло имя Олега, а в конце говорилось: «и беша у него мужи Варязи, и оттоле прозвашася Русью» (§ 201).

Здесь уместно обсудить, какое значение имеет приведенное сообщение. Слово «Русь» составитель Древн. Киевского свода употребил впервые в этом месте; выше он говорил о Полянах, как о жителях Киева. Если он сказал, что Олеговы Варяги, поселившись в Киеве, назвались Русью, то, следовательно, он отличал Русь от Полян. В Повести вр. лет читаем под 6406 (898) годом «Поляне, яже ныне зовомая Русь», но в Древн. Киевском своде не было соответствующего места; выше, в начале Повести вр. лет повторена фраза Древн. Киевского свода: «нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне в Киеве и до сего дне». В сущности эти фразы, не противоречащие одна другой, указывают, однако, на две разные точки зрения: память о Полянах и этнографическое имя их были живы и в XI в., хотя те же Поляне назывались и Русью. Итак, во всяком случае Поляне не отождествлены с Русью; Поляне «прозвашася Русью» (ср. конец летоп. статьи 6406 г. в Повести вр. лет), но сохраняли и свое исконное этнографическое название. Но нам важно отметить, что составитель Древн. Киевского свода, следя за судьбой Олеговых Варягов в Киеве, не указал на то, что они назвались там Полянами или Кыянами, а перенес на них имя Руси. Сказав выше, несколько строк перед этим, что Кыяне до сих пор называются Полянами, он Олегову дружину переименовывает из Варягов в Русь. Думаю, что в этом отразилось живое в XI и, как видно из Повести вр. лет, еще и в XII столетии представление о том, что имя Руси — это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов. Мы встретились только что выше, в рассказе о новгородском севере, с таким же правящим слоем, давшим свое имя и всему подвластному племени — это Варяги. На юге тот же правящий слой носил название Руси. Летописец различает и на севере и на юге эти правящие слои отсидевшего под ними народа. Говоря о древнейших временах или сообщая этнографические подробности современные, он скажете Словенах и Полянах, но в рассказе о политических событиях, где на первом месте выступают князь и его дружина, он употребит названия Варяги и Русь, прибегнет еще к терминам Кыяне и Новгородцы.

§ 206⁶. Варяги и Русь — это, с одной стороны, племена севера, с другой — племена юга. Для нас ясно происхождение первого имени: Варягами называли Шведов, вообще жителей Скандинавии. Но что же такое Русь? По ясному свидетельству составителя Повести вр. лет Русь — это тоже Варяги, Русь — это варяжское племя. Мы не придаем значения исторической достоверности всем ученым мудрствованиям составителя Повести вр. лет: в них слишком ясно просвечивает тенденция, упорное желание доказать тождество Руси и Варягов. Но думаем, что ученый киевлянин в исходных положениях своих прав: Русь — это те же Норманны, те же Скандинавы; Русь — это древнейший слой Варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном, лесистом и болотистом славянском севере. Эти вторые выходцы, потомки скандинавского населения, давшего и первых выходцев, стали известны уже не под именем Руси, а Варягов; впрочем, финские племена продолжали называть и новых выходцев из Скандинавии старым именем, как и до сих пор финны

называют их все так же (Ruotsi). Впоследствии забывается и имя Варягов, несмотря на продолжающиеся сношения со Скандинавией: ее жители получают название Свей²¹. Оставляем в стороне вопрос, чем вызывалась эта смена названий — Русь, Варяги, Свей, а также какая их этимология. Для нас имеет существенное значение, что родство или тождество Руси с Варягами отмечено не только киевлянами, но и греками. Ср. известное место у продолжателя Амартола: Константин Багрянородный отличает Русь от ее данников Кривичей, Лучан и прочих Словен, отличает и в отношении языка, причем, давая русские названия порогов и отличая их от славянских, приводит названия древнескандинавские, следовательно, варяжские.

Итак, в VIII—IX веках имели место следующие два явления: среди Приднепровских Славян появляются полчища Скандинавов, садятся в укрепленных местах и начинают покорять себе славянские племена; их называют Русью, быть может, под влиянием той этнографической среды, через которую они проникали на юг, — среды финских племен. Занявшие южные области, Русь недружелюбно встречает новых, последующих выходцев из Скандинавии; конечно, оградить себя совсем от этих родичей невозможно, но неохотно Русь делится с ними насиженными местами, любимыми даями. Становится ясным, что юг уже отрезан для колонизации его Скандинавами; новые выходцы являются туда уже не завоевателями, не хозяевами, а гостями. Колонизационная волна должна оседать в местностях, более близких к Скандинавии и по природным свойствам своим менее привлекательных: Скандинавы занимают озерную область и покоряют себе Финнов и Ильменских Славян; захватив верховья Волги, они проникают и в среднюю Россию; эти новые выходцы носят название Варягов; так, по-видимому, называли они себя сами и, благодаря тесному общению с своей метрополией, сохраняли за собой это название, несмотря на влияние окружающей этнографической среды.

Таким образом государственность, складывавшаяся понемногу на юге, начинает зарождаться и на севере. Покорители и тут и там ассимилируются с местным населением: в этом их сила. Но зато они дают местностям, ими занятым, племенам, особенно тесно с ними слитым, свое название. На юге Поляне получают имя Руси, широко распространяющееся затем всюду, куда проникает княжеский данщик, где садится княжеский дружинник. На севе-

²¹ В Новгородской 1-й летописи Варяги упоминаются последний раз под 6709 (1201): «а Варягы пустиша без мира за море... а на осень придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всей воли своей». В этой же летописи Варяги вообще исчезают уже с XII в.; впрочем, они упомянуты под 6696 (1188): «въ то же лето рубоша Новъгородъце Варязи на Гътехъ, Немьце въ Хоружьку, и Новотържыге (так предлагаю читать вм.: и въ Новотържыце, так как было бы: въ Новемъ Търгу); а на весну не пустиша из Нова-города своихъ ни единого мужа за море, ни съла въдаша Варягом, не пустиша я без мира». Свою находим, начиная с 1134 года: «приходи Свьискей князь съ епископы въ 60 шнеки на гость, иже изаморя шли»; под 1164: «придоша Свъе подъ Ладугу» и т. д.

²² В болг. переводе: «пришлу Русь... иже и скеди глаголемъ отъ рода Варяжъска сущимъ». То же у Симеона Логофета.

ре Словене получают имя Варягов, то имя, которым гордятся, конечно, не только варяжские, но и славянские дружинники и на Белоозере, и в Ростове, и в далеком Муроме. Столкновение двух государственных — русской и варяжской становится неизбежным. Русскому князю необходимо удержать в своих руках весь торговый путь из Варяг в Греки; иначе упадет торговое значение Киева, Переяславля, Чернигова и других южных городов; ему важно оградить свои владения от новых пришельцев, которых готов выслать теперь не только скандинавский, но и славянский и чудский север. Варяжскому князю естественно стремиться на юг с организованными полчищами Словен и Чуди, чтобы вытеснить оттуда счастливых своих сородичей, занявших богатые области славянского юга. И вот в IX веке начинается продолжительная борьба, тянувшаяся около двух столетий, борьба между варяжским севером и русским югом. Станный оборот принимает эта борьба; северный князь остается не раз победителем; он захватывает Киев, изгоняет соперника; но потом оседает в Киеве и становится сам уже русским, а не варяжским князем: «и беша у него мужи Варязи и отътоле прозвашася Русью». Вспомним Олега—Игоря, позже Владимира, наконец Ярослава. В этой борьбе проигрывает тот или иной русский князь, но выигрывает русский юг; напротив, побеждает князь варяжский и проигрывает варяжский север. Ясно, что государственность покоилась на юге на более прочных основаниях. Соревнование между русским и варяжским началами оканчивается полным торжеством начала русского: Новгород попадает под зависимость киевского князя, хотя и получает от него великие свободы в награду за помощь, оказанную неоднократно князю, посаженному на русский стол варяжским севером. Торжество русской государственности имеет самое решительное значение для судьбы варяжского имени: Варяги спешат переименовываться в Русских не только на юге, но и на севере. Имя Варягов быстро забывается; не удерживается оно и в Новгороде; на смену ему проникает на север имя Руси, но оно означает уже не Скандинавов, а киевского князя и его родичей, а также княжеских дружинников; преимущественное же его значение — это жители южного Приднепровья. В самом факте исчезновения имени Варягов я вижу указание на то, что В а р я г и означало на севере не только Скандинавов (которые стали называться затем Свей), но также еще те самые понятия, которые впоследствии получили имя Руси, имя, пошедшее с юга, после политического перевеса юга над севером. Долше других северных центров остается вне сферы русского имени Новгород — это старое варяжское гнездо. Имеем свидетельство, едва ли не записанное в XII, а может быть, даже и в XI в., свидетельство псковского летописца о событии 6568 (1060) года: в нем Псковичи и Новгородцы называются Русью²³. Напротив, в Новгородской

²³ Свод 1448 (восходит к общер. своду 1423): «Того же лета ходи Изяславъ на Сосолы и дань даяти заповеда 2000 гривень; они же поручившеся дань дати, и изгнаша данники, на весну же пришедше повоеваша села о Юрьевѣ, и градъ и хоромы пожгоша, и много зла сътво-риша, и до Пскова доидоша воююще; и идоша противу имъ Псковичи съ Новгородци на сечю, и падоша Руси 1000, а Сосоль безчислено» (Соф. 1-я и Новгор. 4-я). Следующее псковское известие общерусского свода (и свода 1423 г.) относится к 6573 (1065) году: «Князь Всеславъ Полоцкий былъ у Пльскова ратью и перси билъ пороки» (Новг. 4-я).

летописи слово Русь в XII в. означает преимущественно Киевскую область, но под 1169 г. Русскою землей названы и Низовцы²⁴. Под 6746 (1238) г. Русскою землей названы Суздальская и Рязанская, Ростовская и Тверская земли. Вообще с середины XIII в. имя Русь начинает употребляться для обозначения Суздальской области²⁵. Но себя, свою землю новгородцы еще не скоро назовут русским именем.

§ 206⁷. Нам необходимо сказать еще о последних строках сказания об овладении Киева Олегом. В Ком. списке он изложены так: «Сей же Игорь нача грады ставити, и дани устави Слов-вномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ, и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а от Новагорода 300 гривенъ на лето мира ДЕЛЯ еже не даютъ». Согласно сказанному выше (§ 201) восстанавливаем для Древн. Киевского свода начало этого сообщения в таком виде: «Сии же Ольгъ нача грады ставити, и дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Но читалось ли в Древн. Киевском своде: «а отъ Новагорода 300 гривенъ на лето мира ДЕЛЯ, еже не даютъ >>? В Повести вр. лет в соответствующем месте находим: «отъ Новагорода гривенъ 300 на лето, мира ДЕЛЯ, еже до смерти Ярославль даяше Варягомъ». Следовательно, подобная же фраза читалась и в Начальном своде (составленном около 1095 года). Но наличность этой или подобной фразы в Начальном своде не доказывает того, что она имела уже в Древн. Киевском своде: мы знаем, что Нач. свод соединял текст Древн. свода с другими источниками и прежде всего с Новгородским сводом XI века. Не попала ли эта фраза в Начальный свод из Новгородского? Это вероятно не только потому, что сообщение говорит о Новгороде; это видно еще и из того, что в более древнем, более первоначальном виде оно известно именно из такого свода, который подвергся влиянию древнего свода Новгородского, а именно из общерусского свода 1423 года. В §§ 182 и 183 было указано, что общерусский свод 1423 года представлял чтение: «а отъ Новагорода триста гривенъ на лето, мира ДЕЛЯ, еже и НЫНЕ даютъ» (ср. Никон., Уваровск., Кирллобелоз.).

§ 206. Историю текста интересующего нас сообщения я представляю себе в таком виде. В Новгородском своде XI века и происшедшем из него своде 1167 года читалось: «еже и ныне даютъ»; в протографе Синод, списка, составленном в XIX в., исправлено: «еже не даютъ». Из свода 1167 года чтение «еже и ныне даютъ» попало в общерусский свод 1423 года и далее в Рост, компиляцию XV в. — источник Уваровской, с одной стороны, Никоновской, с другой. Составитель Нач. свода заимствовал фразу новгородского источника в свой труд, но переделал ее в «еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ», причем вставка имени «Варягомъ» аналогична указан-

24 «Придоша подь Новѣгородъ Суждальци съ Андреевицемъ, Романъ и Мъстиславъ съ Смольняны и съ Торопѣяны, Муромъци и Рязаньци съ двема князьма, Полоцьскый князь съ Полоцяны, и вся земля просто Русьская».

25 Напр., под 6765: «приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять Татарове тамгы і десятины на Новегородъ». Под 6770: «і удержа і (Александра) Берка, не пуста въ Русь». Под 6823: «поиде князь Михайло изъ орды в Русь». Под 6830: «приходи в Русь посоль силенъ изъ орды, именемъ Ахмыль, и много створи пакости по Низовьской земли», и т. д.

ной выше (§ 201) вставке «дань даяти Варягомъ»; вставка сделана по недоразумению; отсюда следует, что и перемена текста «еже и НЫНЕ даютъ» на «еже до смерти Ярославль даяше» основывалась также на недоразумении; Новгородский летописец сообщал о дани, уплачивавшейся Новгородом Киеву, киевскому князю, а составитель Начального свода понял, что дело идет о дани, уплачивавшейся Новгородом Варягам. Почему же он изменил текст своего источника? Потому, что ему было хорошо известно, что Новгород в его время не уплачивал дани Варягам; но он увидел в своем источнике обратное утверждение; не отвергая свидетельства источника, он комментировал его указанием на то, что дань эта теперь уже не уплачивается. Но почему же было не изменить текста Новгородского свода на «еже не даютъ», почему же составитель свода указал, что дань уплачивалась до смерти Ярослава? Вижу в этом указание на то, что составление соответствующей новгородской записи составитель Начального свода относил ко времени до кончины Ярослава. Имел ли он для этого основания? Ведь новгородский его источник был доведен по крайней мере до 1063 года и составлен, следовательно, после смерти Ярослава. Я думаю, что основания для этого были; быть может, они не были даны в самом списке с Новгородской летописи, попавшем в Печерский монастырь, где составлен Начальный свод; но до Печерского монастыря могло дойти сведение, что древнейшая часть Новгородской летописи (как и древнейшая часть Киевского свода) составлена еще до смерти Ярослава. Мы извлекаем из поправки Начального свода не историческое данное об отмене дани с Новгорода Варягам, а данное историко-литературное о том, что древнейшая часть Новгородского свода появилась до смерти Ярослава. Эта древнейшая часть Новгородского свода всецело основывалась на Древн. Киевском своде; приведенное сообщение было припиской, комментарием к глухому сообщению Киевского свода. В нем читалось: «Сии же Ольгъ... дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Составитель Новгородского свода объяснил и развил это известие: во-первых, к имени Варягов приписано имя Словен²⁶; во-вторых, сообщено известие, специально относящееся к Новгороду: «а отъ Н о в а г о р о - да 300 гривень на лето мира ДЕЛЯ, еже и ныне, даютъ». Ср. совершенно сходную не по содержанию, а по приему вставку слов: «и суть Н о в ъ г о - р о д с т и и лю д и е до д н е ш н я г о д н е отъ рода Варяжьска» в фразу Киевского свода: «И отъ техъ Варягъ прозвашася Варягы, прежде бо беша Словене» (после «Варягы»).

Составителю Нач. свода пришлось скомбинировать обе фразы обоих источников. Кроме того, желая уяснить себе и читателям, о какой же дани сообщают источники, и вчитываясь в текст их, он понял, что дело шло о дани, наложенной киевским князем в пользу Варягов. Поэтому он к слову «Варягомъ» прибавил «даяти» и приписал еще раз после имени «Мери» — «дань даяти Варягомъ»; не удовольствовавшись этим, он и к последнему, специально новгородскому известию приписал имя Варягов. Заметив не-

²⁶ Ср. «и беша у него мужи Словене Варязи» в м. «Варязи» (§ 201).

соответствие современной действительности, которая ничего не знала о дани с Новгорода в пользу Варягов, он, по указанным выше соображениям, изложил новгородское известие так: «еже до смерти Ярославле даяше Варягом». Из Начального свода рассматриваемая фраза без существенных изменений перешла в Повесть вр. лет, где, впрочем, исключено, как излишнее, «Варягомъ даяти» и где последняя фраза теснее слита с предшествующим, благодаря пропуску союза «а»: «и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери, и Варягомъ дань даяти отъ Новагорода», и т. д. Вследствие этого получился такой смысл: Словене, Кривичи и Меря платят дань Киеву, а Новгород 300 гривен Варягам.

Составитель Новгородского свода 1167 года следовал в этом месте, сильно интересовавшем, конечно, новгородцев, своему новгородскому источнику, своду XI века (а не Повести вр. лет). Общерусский свод предпочел чтение свода 1167 года «еже и НЫНЕ дають » соответствующему чтению Повести вр. лет «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ».

Составитель протографа Синод, списка (в основании его лежит труд Германа Вояты — копия со свода 1167 года) изменил «еже и ныне дають» на «еже не дають». Составитель Софийского временника, соединявший текст Начального свода с текстом протографа Синод, списка, предпочел в данном месте текст этого второго своего источника и дал чтение: «еже не дають». Отсюда это чтение перешло, с одной стороны, в Новгор. 1-ю летопись младш. извода (Ком. и др.), а с другой, в свод 1448 года, который соединял текст общерусского свода с текстом Соф. временника.

§ 206⁹. Итак, мы имеем свидетельство XI века о том, что Новгород уплачивал дань Киеву в размере 300 гривен в год. Это известие исследователи²⁷ уже давно сопоставляют с известием, читавшимся в Нач. своде (и Пов. вр. лет) под 6522 (1014) годом: «Ярославу же сущю Новегороде и урокомъ дающе Киеву две тысяче гривне отъ года до года, а тысячу Новегороде гридемъ раздаваху ». Известие это, как указано в § 206⁷, заимствовано в Нач. свод из Новгородского свода XI века. Из него видно, что во времена Владимира Новгород уплачивал дань в размере 3000 гривен; из рассмотренного же нами выше известия следует, что Олег уставил дань в размере 300 гривен и что эта дань уплачивалась и в XI веке, когда был составлен Новгородский свод; я думаю, что сохранение «НЫНЕ» в своде 1167 года показывает, что и в XII веке дань эта не была еще отменена. Прямого указания на дань в XII в. мы не имеем, но не указывает ли на нее известие о Печерских даях, уплачивавшихся Новгородом Киеву? Под 6641 (1133) читаем: «Ярополк посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыи и отъ Смолинска дарь, и тако хрестъ целоваша ». Как же понять разницу 300 гривен (при Олеге) и 3000 гривен (при Владимире)? Предполагают, что дань была со временем увеличена. Но мне кажется, что слова «еже НЫНЕ дають» доказывают, что именно во время летописца уплачивалось 300

²⁷ Укажу на Калайдовича, Опыт о посадниках новгородских (1821), с. 7; Соловьева, История России.

гривен. Думаю поэтому, что дань, достигавшая при Владимире 3000 гривен, была при Ярославе уменьшена до 300 гривен. Приведу два основания: во-первых, во времена Олега и Игоря дань взималась белками, веверицами, куницами; ср. сообщения Нач. свода и Повести вр. лет о даях, уставленных этими князьями, а также сообщение Нач. свода о том, что Варяги брали от мужа по белой веверице; нельзя поэтому уставление дани в размере 300 гривен возводить к слишком отдаленным временам. Во-вторых, Ярослав в 1014 году отказался платить дань киевскому князю, находя ее для себя обременительною; конечно, в этом его поддержали Новгородцы. Мы знаем, что Ярослав дал разные свободы Новгородцам; не было ли в числе их уменьшение дани с 3000 гривен до 300? Во всяком случае естественно ждать, что Новгородцы получили прежде всего финансовое облегчение от посаженного ими на Киевский стол князя.

§ 207. Перехожу к третьему сказанию, к походу Олега на Царьград. В предыдущем сказании нам пришлось отметить только одну вставку новгородского редактора: это сообщение о новгородской дани. Здесь же как будто сильнее обнаруживается его влияние. Во-первых, совершенно ясно, что указание на то, что Олег пошел в Ладогу и что в Ладоге находится его могила, принадлежит составителю Новгородского свода. Можно еще удивляться, что киевлянин — составитель Начального свода включил в свой труд это известие; в Киеве, как известно, показывали Олегову могилу и притом, оказывается, не в одном месте, не на одной горе Щековице, где помещает ее Повесть временных лет, а в двух разных местах²⁸. Но, по-видимому, оба источника — и Древнейший свод и Новгородский отвлекали от составителя Начального свода мысль о Киеве, как о месте кончины Олеговой. В Начальном своде читаем: «Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же говорятъ, яко идущю ему за море, и уклону змѣа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе ». В этом отрывке ясно отразились два источника. Я думаю, что в Древн. своде читалось: «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда за море, и уклону змѣа в ногу, и с того умре ». В Новгородском же своде XI века: «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладогу и тамо умре, есть могила его въ Ладозе ». Новгородский редактор переделал сообщение Древнейшего свода на основании местного предания: мы видели уже его знакомство с преданиями, связывавшими города Новгород, Белоозеро, Изборск с именами Рюрика, Синеуса и Трувора; город Ладога был, очевидно, связан с именем Олега. Древнейший Киевский свод обнаруживает знакомство с преданием, по которому смерть Олега произошла от укуса змеи. По-видимому, предание это в первоначальном виде не приурочивало смерти к Киеву и не связывало ее с возвращением Олега из похода на Царьград; приурочение это принадлежит уже составителю Повести вр. лет.

§ 208. Допустив влияние новгородского источника на конец сказания об Олеге, мы можем искать его и в самом сказании. У нас является вопрос, не принадлежит ли новгородцу эпизод о паволочитых и кропинных пару-

²⁸ П. Лебединцев, в Чт. в общ. Нест. лет. I, 22; Грушевский, I. с. 12, 365.

сах. В этом эпизоде Словене противопоставляются Руси: Словене получили кропинные паруса, Русь паволочитые; ветер разодрал кропинные паруса. «И реша Словене: имейся своихъ тольстинахъ; не даны суть Словеномъ пре». Может казаться, что в этом рассказе выразилась насмешка киевлянина над новгородцем и что, следовательно, рассказ составлен не новгородцем, а киевлянином. Но не слишком ли добродушна эта насмешка? Не отнесся ли бы киевлянин с большей иронией к Словенам, не умеющим управлять тонкими парусами? Сомневаюсь еще и в том, чтобы киевлянин ввел в свой рассказ о походе на Царьград Словен — это значило бы разделить с ними честь славного похода. Более вероятным представляется мне Новгородское происхождение рассматриваемого эпизода: «имемъся своихъ тол-стинъ», говорят Словене; и они делают правильно: толстины выдерживают напор ветра; не побрезговали Словене робичищем Владимиром, и они сделали правильно, ибо Владимир оказался великим и мудрым князем. Если предположить, что эпизод о парусах вставлен в сказание новгородцем, то чтение «раздра я ветрь» (Повесть вр. лет) предпочтительнее чтению «и раз-дра ветрь кропинныя» (Новгор. 1-я); очевидно, ветер разодрал не только кропинные паруса Словен, но и паволочитые Русских. Доказательство того, что слова «И рече Олегъ: исшйите парусы паволочиты Руси, а Словеномъ кропинныя» вставка, вижу в том, что за ними следует «и бысть тако» (после чего идет сообщение: «и повиси щить свой» и т. д.).

§ 209. Итак, в Древнейшем своде сказание о походе Олега оканчивалось, по-видимому, словами «Повиси же щить свой въ вратехъ, показуя победу; и поиде отъ Царяграда ». Эти слова читались за сообщением о дани, наложенной Олегом на Греков. Но определяя, как же именно было изложено в Древн. своде это последнее сообщение, мы встречаемся с новым затруднением; в Начальном своде читается: «И заповеда Олегъ дань даятина 100 корабль по 12 гривне на челокекъ, а въ корабле по сороку мужъ; самъ же взя злато и паволоки, и возложи дань, юже дають и доселе княземъ Рускимъ ». Повесть временных лет имеет только первую фразу, причем вместо «100 корабль» в ней находим «2000 корабль »; вторая же фраза отчасти повторена ниже (и в Нач. своде и в Повести вр. лет); «прииде Олегъ к Киеву (и ко Игорю), несый злато и паволоки и вино и овощъ ». Таким образом Повесть вр. лет опустила неосторожное утверждение Начального свода о том, будто Греки и доселе дают дань князьям Русским. Является вопрос, откуда попало это сообщение в Начальный свод: из Киевского ли Древнейшего свода или из Новгородского свода XI века? Решить этот вопрос вполне определенно трудно, но я склоняюсь к мысли, что источником в данном случае был Новгородский свод; во-первых, есть основание утверждать, что именно эта фраза читалась в Новгородском своде XI века; мы читаем в Хронографе 1512 года: «и повинушася Грецы и много время даяху дань Рускимъ княземъ... Самъ же Олегъ взять злато и серебро много, и паволоки, и различное украшение, вина и овоща множество»; Хронограф заимствовал свой текст из общерусского свода 1423 года, а в числе источников этого свода был Новгородский свод 1167 года, основанный на своде XI века. Во-вторых, мы знаем, что Новгородский свод

XI века передавал текст Древн. летописного свода, сокращая, а местами и дополняя его: слова «и возложи дань» можно признать сокращением сообщения Древн. свода: «И заповеда Олегъ дань даяти» и т. д.; слова «самъ же взя злато и паволокы» можно признать сокращением фразы «несый злато и паволокы и вино и овощь», читавшейся в Древн. своде. В-третьих, быть может, правдоподобнее отнести на счет новгородца, чем на счет киевского летописца, сообщение о том, что Греки доселе дают дань Русским князьям; в Киеве отношения Русских князей к Грекам были более известны, чем в Новгороде; а эти отношения, в особенности после разрыва мира при Ярославе, не давали никакого основания для приведенного сообщения.

§ 210. Выяснив тот вид, который имели рассмотренные древнейшие сказания в Древн. своде и определив те редакционные изменения, которым они подверглись сначала в Новгородском, своде XI века, а затем в Начальном своде, пользовавшемся как Древнейшим сводом, так и Новгородским, скажем несколько слов о редакционных изменениях, внесенных в эти сказания Повестью вр. лет. Составитель Повести вр. лет, в о - п е р в ы х , внес в свой труд новые хронологические данные, не бывшие в распоряжении Начального свода: сказание о призвании Варягов он изложил под 6367 и 6370 годом, сказание об овладении Киева варяжским князем под 6390, сказание о походе Олега на Царьград под 6415; здесь не место распространяться относительно происхождения и значения этих годов. В о - в т о р ы х , он обратил особенное внимание на состав древнерусских племен и географическое их распределение; добытые им сведения включены во все три сказания; так, в сказании о призвании Варягов в число племен, участвовавших в призвании князей, включена Весь под влиянием, конечно, того соображения, что Белоозеро, где сел Синеус, было в области Веси (ср. в вводной статье: «на Белоозере СЕДЯТЬ Весь»); равным образом Весь значит под 6367 г. в числе племен, обложенных данью в пользу Варягов; под тем же годом северным племенам: Чуди, Словенам, Мери, Веси и Кривичам, противоположены южные племена — Поляне, Северяне и Вятичи, обложенные данью в пользу Козар. Географические сведения летописца позволили ему назвать и те города, куда Рюрик посадил своих мужей по смерти братьев: это По-лотск (город Кривичей), Ростов (город Мери), Белоозеро (город Веси); летописец тут же поясняет, каким племенам принадлежали эти города, прибавляя еще, что в Новгороде исконно жили Словене, а в Муроме Муромы; по этим городам Варяги являются находниками, пришлецами, а первыми насельниками были названные племена; замечание это основано на фразе Начального свода, сохраненной и Повестью: «И отъ техъ Варягъ, находникъ техъ, прозвася Руская земля, Новъгородъци ти суть людье Новъгородьстии отъ рода Варяжьска»; к этой фразе прибавлено: «преже бо беша Словени», что стоит в явном соответствии с читаемым ниже: «а перьвии насельници в Новегороде Словене». В статье об овладении Киевом составитель Повести вр. лет перечисляет племена, принявшая участие в походе Олега: названы все пять племен, принимавших участие в призвании Варягов, а кроме того сами Варяги; упомянув о завладении Олегом Смоленска, составитель По-

вести указывает, что этот город находился в области Кривичей²⁹; ср. «Кривичи... ихже градъ есть Смоленськъ»; следующим городом, который взят Олегом, назван Любеч; Начальный свод не называет его. В сказании о походе Олега на Царьград опять перечислены племена, пошедшие с Олегом; кроме северных племен, названы и среднерусские и южнорусские племена. В третьих, составитель Повести вр. лет привлек в качестве источников, с одной стороны, некоторые народные предания, а с другой, договоры с греками; народные предания и договоры 6415 и 6420 годов решительно свидетельствовали о том, что Олег был князем, а не воеводой; мы видели, что превращение Олега в воеводу было следствием особых мудрствований составителя Начального свода, которому пришлось признать Игоря сыном, а следовательно и преемником родоначальника княжеской семьи, Рюрика; Древнейший свод, основываясь на живом источнике, называл Олега князем; Повесть вр. лет вернулась к этим живым источникам (ср. сказание о смерти Олега и погребении его на Щековице), а подтверждение им нашла в договорах, бывших неизвестными составителям прежних сводов. Но составителю Повести вр. лет пришлось прибегнуть к компромиссу, так как происхождение Игоря от Рюрика, придуманное составителем Нач. свода, принято им за верное. Игорь — сын и преемник Рюрика, но он остался малолетним и за него княжил Олег — вот выход, найденный из затруднительного положения составителем Повести. Наконец, в четвертых, сказание о призвании князей подверглось сильному изменению на основании особой сложившейся у составителя Повести вр. лет теории.

§ 210¹. Теория эта отождествляла Русь с Варягами; она утверждала, что в 6370 (862) году были призваны в Новгород не варяжские, а русские князья. Высказанные выше соображения разъясняют, как кажется, смысл и происхождение теории: в основании ее лежат несомненно исторические явления, но им дано своеобразное освещение; освещение это имеет в известном смысле тенденциозный характер, но зародилась тенденция едва ли от чего иного, как только от несоблюдения исторической перспективы. Позволю себе повторить вкратце предложенные выше выводы. В VIII—IX вв. Скандинавы овладевают славянским югом, который по имени их получает название Руси; так в особенности стало называться южное Приднепровье соседями, имевшими дело, в сношениях с ним, с представителями власти, с князьями и их дружиною; эти верхние слои носили на юге преимущественное название Руси, между тем как покоренные племена продолжали называться Полянами, Северянами, Древлянами и т. п. Позже, чем на юге, утверждают Скандинавы свое господство на севере: здесь они назывались Варягами; их имя, в особенности в устах соседей, начинает вытеснять племенные имена покоренных Словен, хотя на самом севере Варягами назывались преимущественно верхние слои, князья и их дружинники. Составителю Древн. Киевского свода, как кажется, вполне ясны были эти два явления. Рассказав об овладении Варягами Киева, он прибавил, что, осев в Киеве, эти Варяги назвались Русью. Со

²⁹ В списках Повести вр. лет.: «и приде къ Смоленску съ Кривичи». Поправка «въ Кривичи» принадлежит Соловьеву (Ист. России, I, 114, прим.) и Миклошичу.

ставитель Новгородского свода несколько осложняет рассказ вставкой эпизода об изгнании Варягов за море и о призвании их в лице трех князей с их дружинами. Составитель Нач. свода комбинирует Древн. Киевский свод с Новгородским, устанавливая, кроме того, генеалогическую связь варяжского Рюрика с русским Игорем. Составителю Повести вр. лет положение вещей представляется уже в более туманном виде, отчасти благодаря влиянию источников. Он хорошо знает, что Русь это те же Варяги; различие имен не мешает ему отождествить этих одновременных выходцев из Скандинавии. Но он не упускает из виду, что имя Руси старше имени Варягов, что оно утвердилось на юге раньше появления Варягов на севере. Желая объяснить себе, как же появилась Русь на юге, он решил использовать сообщение Начального свода о призвании варяжских князей, причем использование этого сообщения было тем естественнее, что русские князья оказывались по Начальному своду прямыми потомками варяжского Рюрика. Для составителя Повести вр. лет стало очевидным, что северные племена призвали не Варягов, а Русь, и что, следовательно, Русь появилась в южном Приднестровье одновременно с появлением первых «русских» князей. Сделанный вывод пришлось согласовать с различными данными, попавшими в труд составителя Повести вр. лет из нескольких источников.

Прежде всего он решил вставить имя Руси в перечень племен Иафетова рода и поместил его между Готами и Англичанами: «Афетово бо и то колено: Варязи, Свей, Урмане, Готе, Русь, Агняне, Галичане», и т. д. В сказании о призвании Варягов он к словам: «И идоша за море къ Варягомъ» прибавил: «къ Русі; сие бо ти звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Ангыляне, друзии Гъте, тако и си». Ниже, вместо слов Начального свода «и пояша съ собою дружину многу», он исправил: «и пояша по собѣ всю Русь»; поправка любопытная: ею устранялось возможное возражение, что Руси нет теперь (во время летописца) среди племен, живших на Варяжском море — она вся без остатка переведена в славянские земли. Вместо «И отъ техъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Варязи», фразы, с точки зрения составителя Повести, бессмысленной, ибо сами Варяги назывались Русью, он дал чтение: «И отъ техъ Варягъ, находникъ Тѣхъ, прозвася Руская земля». Наконец, ниже в рассказе о завладении Киева Олегом сообщению Начального свода: «И беша у него Варязи и Словене и о т т о л і прозвашася Русью» он дал другой смысл: «И беша у него Варязи и Словене и п р о ч и прозвашася Русью». Итак, не Варяги и Словене прозвались Русью, поселившись в Киеве, а напротив, «прочие», т. е. Киевляне назвались Русью, когда среди них поселились Варяго-Русы и Словене. Эта поправка спасла теорию составителя Повести вр. лет и оградила ее от возможного возражения³⁰.

³⁰ Но зоркий глаз исследователя и за этой поправкой усмотрел первоначальный смысл фразы: С. М. Соловьев даже из текста Повести вр. лет (на текст Новг. 1-й летописи он не обратил внимания, да и не мог обратить внимания в этом случае, так как Ком. список еще не был издан) вынес такое впечатление, что «Варязи и Славяне прозываются Русью только по утверждению в Киеве». Ист. России, I, 115, прим.

Глава XIV Мислѣша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича

§ 211. В числе источников нашего знакомства с древними русскими летописями не последнее место принадлежит знаменитому труду польского «Ливия», Яна Длугоша, в распоряжении которого находились и русские исторические памятники.

Длугош, живший от 1415 до 1480 года, принялся за составление польской истории в конце 1455 года и работал над ней 25 лет¹. Не сразу выработал Длугош план предстоящего труда и не сразу определился состав его источников. Исследователи убеждаются в том, что отдельные части его истории написаны не в той последовательности, в которой они изложены в готовом труде; при этом сам Длугош признает, что редкая страница не подвергалась по шести-семи раз поправкам и переработке². Русские источники, как указывает Длугош в предисловии, стали доступны ему позже остальных; он выучился читать по-русски уже убеленный сединами³. Итак, русские памятники, а между прочим русские летописи, стали известны Длугошу в шестидесятых или семидесятых годах XV столетия. Можно а priori из вышеприведенного указания самого Длугоша заключить, что источники эти не были очень многи-

1 Cp. Bobrzyński i Smolka, JanEWugoszejegoŹycie i stanowisko w piśmiennictwie, str. 68 i 69.

2 Cp. Semkowicz, Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Śmigalskiego (Kraków, 1887), str. 10.

3 «Unde et ob eam rem, cano iam capita, ad perdiscendum litteras Ruthenas me ipsum appuleram, quatenus historiae nostrae series crassior redderetur». Предисловие, с. XI, изд. Пржездзец-

ГЛАВА XIV МистишаСвенельдич и сказочные предки Владимира Святославича

§ 211. В числе источников нашего знакомства с древними русскими летописями не последнее место принадлежит знаменитому труду польского «Ливия», Яна Длугоша, в распоряжении которого находились и русские исторические памятники.

Длугош, живший от 1415 до 1480 года, принял-ся за составление польской истории в конце 1455 года и работал над ней 25 лет¹. Не сразу выработал Длугош план предстоящего труда и не сразу определился состав его источников. Исследователи убеждаются в том, что отдельные части его истории написаны не в той последовательности, в которой они изложены в готовом труде; при этом сам Длугош признает, что редкая страница не подвергалась по шести-семи раз поправкам и переработке². Русские источники, как указывает Длугош в предисловии, стали доступны ему позже остальных; он выучился читать по-русски уже убеленный сединами³. Итак, русские памятники, а между прочим русские летописи, стали известны Длугошу в шестидесятых или семидесятых годах XV столетия. Можно а priori из вышеприведенного указания самого Длугоша заключить, что источники эти не были очень многочи-

1 Cp. Bobrzyński i Smolka, Jan Mugosz jego życie i stanowisko w piśmiennictwie, str. 68 i 69.

2 Cp. Semkowicz, Krytyczny rozbiór dzieł w polskich Jana Śmigusza (Kraków, 1887), str. 10.

3 «Unde et ob eam rem, cano iam capite, ad perdiscendum litteras Ruthenas me ipsum appuleram, quatenus historiae nostrae series crassior redderetur». Предисловие, с. XI, изд. Пржездзец-

сленны. Ближайшее исследование показывает, что в распоряжении польского историка было не больше трех или четырех русских летописей.

Источники Длугоша определены в значительной степени. Укажу между прочим на прекрасный труд Цейсберга⁴, а также на указанную выше книгу Семковича; но, кажется, эти исследования должно признать для настоящего времени устаревшими. Для определения русских источников сделано очень мало. К. Н. Бестужев-Рюмин в своей книге «О составе русских летописей до конца XIV века» (СПб., 1868) подготовил материал, необходимый для такого определения, выбрав из Длугоша все русские известия⁵. У Цейсберга находим лишь несколько общих замечаний касательно русского источника Длугоша (стр. 298 назв. соч.). Более обстоятельно рассмотрен вопрос Семковичем (стр. 52—55); он, кажется, первый указал на необходимость признать в числе источников Длугоша летопись Перемышльскую, которую можно, конечно, назвать и более общим названием Галичскою⁶. Но Семковичу мешало его недостаточное знание русского языка, а кроме того, конечно, отмеченное им отсутствие таких исследований русских летописей, которые определили бы взаимное отношение отдельных списков и сводов.

Признавая исследование Длугоша со стороны русских источников делом будущего, я ограничусь здесь несколькими замечаниями относительно бывших в его распоряжении русских летописей.

§ 212. Оставляю в стороне летописи западнорусские; их влияние несомненно, начиная с X книги *Historiae polonicae*. Пользование другими русскими летописями можно проследить на пространстве от X до XIII века включительно. Последнее заимствованное Длугошем из русских летописей известие относится, по указанно Семковича, к 1288 году (см. VIII книгу; в IX нет ни одного известия, почерпнутого из русского источника).

Обращаясь к этим русским известиям Длугоша, видим, что прежде всего выделяется в качестве источника общерусский по содержанию и составу своему свод. К нему возводим, с одной стороны, статьи, восходящие к древней (Несторовой) летописи, к Повести вр. лет; к нему же восходят киевские события XII века (напр., битва Ярополка с Половцами, приведенными на Русскую землю Ольговичами в 1139 = 6644 г., или известие о смерти Ярополка 1140 = 6647; или известие о смерти Юрия Владимировича 1163 = 6666; или взятие Киева войсками Боголюбского 1170 = 6676; или смерть Глеба Киевского 1172 = 6680, и др.); к нему же возводятся и события суздальские (напр., сообщение о смерти Михаила Юрьевича и борьбе Всеволода с племянниками 1184 = 6685; сообщение о распре Всеволодичей 1206 = 6724; о злодеянии братоубийцы Глеба Рязанского 1207 = 6725; о победе

⁴ H. Zeissberg, *Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters* (Leipzig, 1873), S. 297 und ff.
⁵ Выборка нуждается в основательном пересмотре, между прочим Вследствие того, что она сделана по изданию 1711 года. Издание Пржездзецкого вышло позже, чем книга Бестужева-Рюмина (1873 г.).

⁶ Или, как предполагает И. А. Линниченко, южно-русскою летописью, более полною, чем та, которая нам известна под именем Ипатьевской. ЖМНП. 1887, декабрь, с. 358.

Ярослава Всеволодича над Литвой 1216 = 6733 и др.). Итак, в распоряжении Длугоша был свод общерусский. Правда, такому предположению может быть противопоставлено другое: Длугош пользовался и киевскою и Суздальскою летописью. Но предположение это невероятно, если мы примем во внимание, что до нас дошли также русские летописные своды, в которых уже были соединены в одно целое и Повесть временных лет и приведенные киевские и суздальские события. Мы не можем указать на свод, вполне соответствовавший тому составу, который предполагается общерусским источником Длугоша. Но не подлежит сомнению, что именно к такому же источнику как Длугошева выборка, восходит ряд московских и новгородских сводов. Это те своды, о которых мы говорили раньше, своды, восходящие к общерусскому летописному своду 1423 г. Прежде всего, сюда относится свод 1448 года, от которого произошли Новгородская 4-я и Софийская 1-я; далее, сюда же принадлежит тот Московский свод второй половины XV века, который лежит в основании Воскресенской: он составлен из соединения Софийской 1-й со сводом 1423 года. Общерусский свод 1423 года в свою очередь восходит к более древней редакции общерусского же свода, по-видимому, к редакции начала XIV века: общерусский свод начала XIV века познается из сравнительного изучения Лаврентьевской летописи, представляющей соединением общерусского свода с древнею Ростовскою летописью, далее — Ипатьевской летописи, значительная часть которой заимствована из того же общерусского свода; далее, между прочим, и из Новгородской 1-й летописи старшего извода (Синод, списка), в которой также есть вставки Из общерусского свода начала XIV века (напр., под 6726 рассказ о братоубийстве Глеба Рязанского, под 6732 повесть о Калкском побоище). Вот почему большая часть русских статей Длугоша отыскивается или в Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской 1-й (как происшедших из общерусского свода начала XIV века), или в Софийской 1-й, Новгородской 4-й (как происшедших из общерусского свода 1423 года). Я не буду приводить примеров подобных соответствий; сами по себе они ничего не доказывают. Но думаю, что мы имеем данные для утверждения, что Длугош пользовался именно сводом 1423 года.

Под 1212 читаем повесть о Калкском побоище (в наших летописях ср. под 6731 или 6732). Текст Длугоша не может быть возведен ни к тексту Ипатьевской летописи, ни к тексту Новгородской 1-й. Так, одни части Длугошева текста находят себе соответствие в Ипатьевской: напр., слова «*perueniunt usque ad Protholcze*», ср. «и стаха у реки Хортице на броду у протолчи»; други части находят себе соответствие в Новгородской 1-й; напр., «*Polowczis autem contritis et diffugientibus, etiam acies Ruthenorum turbantur*», ср. «и побегоша не успѣвше ничтоже Половци назадъ, и потыпташа бежаще станы Русскихъ князь; не успеха бо исполчитися противу имъ, и съмятошася вся». Напротив, не видим затруднений возвести текст Длугоша, напр., к тексту Соф. 1-й (из которой он перешел в Моск.-Акад. список). Так, в последнем отыскиваются места, находящие себе соответствие как в Ипатьевской, так и в Новгородской 1-й; но, кроме того, видим в нем ряд мест, отсутствующих и в

Ипатьевской и в Новгородской, но читающихся у Длугоша; напр., перечень князей: «Msczislau Romanowicz cum militia Kyoviensi, item Msczislau Msczislawicz cum Halicziensi militia, item Wlodimir Rurikowicz, caeterique Duces Russiae, item Duces Russiae, item Duces Czirnyeowiensec, item Duces Smolnenses»⁷; далее: «Msczislau autem Msczislawicz Halicziensis Dux, dum fugiendo ad naves pervenisset, superatis fluviis, naves persecutionem Thartarorum veritus, disrumpi mandavit, abindeque fugax in Halicz pavore et trepidatione plenus perveniov»⁸; далее: «Wlodimiris autem Rurikowicz fuga et ipse salvatus, in Kyow perveniens, sedem accepit Kyoviensem»⁹. Текст Софийской 1-й восходит к своду 1448 года, а в последнем статья о Калкском побоище заимствована из свода 1423 года. При этом считаем возможным утверждать, что эта статья до 1423 года не читалась в такой редакции, какую находим в Софийской 1-й: дело в том, что эта редакция представляет соединение двух рассказов о Калкском побоище — рассказа старшего извода общерусского свода, извода начала XIV века (ср. сокращенную передачу рассказа в Синод, списке), и рассказа Галицкой летописи (ср. рассказ, дошедший до нас в Ипатьевской). Самое беглое знакомство с редакцией Софийской 1-й летописи доказывает справедливость такого утверждения: между текстами Ипатьевской и Новгородской 1-й нет ничего общего, а текст Софийской 1-й соединяет особенности и той, и другой. Но моментом такого соединения был именно момент составления общерусского свода первой четверти XV в., и этот момент мы по целому ряду соображений относим к 1423 году. Следовательно, Длугош был знаком именно с этим сводом.

Рассматривая русские известия Длугоша в пределах XII и начала XIII века, находим возможным возвести большую часть их к своду, сходному с Лавр, летописью. Ср. статьи 1126 (=6634), 1129 (=6641), 1139 (=6644), 1140 (=6647), часть статьи 1145 (=6650), 1147 (=6654), 1149 (=6667), 1154 (=6660), 1156 (=6661), 1158 (=6662 и 6663), часть статьи 1159 (6663), 1163 (=6666), часть статьи 1167 (=6667), 1170 (=6677), 1172 (=6680), 1172 (6683), 1184 (=6685), 1194 (=6693), 1194 (=6694), 1199 (=6703), 1207 (=6725). Но этот сходный с Лаврентьевским свод мы не признаем тождественным с ним, ибо, напр., под 1184 находим опущенное в Лавр, известие об ослеплении Мстислава и Ярополка Ростиславичей Всеволодом (ср. 6685), между тем это известие находим в Соф. 1-й и Новгор. 4-й; под 1202 (=6711) несколько фраз в рассказе о взятии Киева Рюриком и Ольговичами не читаются в Лавр., но они имеются в Радзивилловской и утраченной Троицкой (ср. у Карамзина

7 Ср. «а ис Киева князь Мъстиславъ со всею силою, а из Галича князь Мстиславъ со всею

силою, Володимерь Рюриковичъ с Чернеговци и вси князи Русстии и вси князи Чернеговьскіи, а ис Смоленська».

8 Ср. «И тогда же князь Мстиславъ Мъстиславичъ преди перебеже Днепръ, и прише к лодьямъ, повеле жеши я, а иныя сечи и отринуты отъ брега, бояся по себе погони отъ Татаръ, а самъ едва убежа в Галичь».

9 Ср. «а князь Володимерь Рюриковичъ прибеже в Киевъ и седе на столе». — Кроме того,

отмечу, что испорченное у Длугоша место «Et illico Thartari, respirandi spatio non dato, in Ruthenos et Polowczos *decima septima die* irruunt» должно, вероятно, читать «*decima septima* (вм. *sexta*) mensis iunii», ср. «Сим же злоба створися отъ Татаръ месяца июня въ 16 день».

и частью в Симеон.); под 1205 (6713) вся статья восходит к Радзивилловской и утраченной Троицкой, причем особенно близко сходство с последнею¹⁰; под 1206 (6724) находим статью, которой нет ни в Лавр., ни в Радзив., ни в утраченной Троицк. (Симеон.), но которая читается в Соф. 1-й и Новгород. 4-й, и др. Если не допустить, что источник Длугоша тождествен или близко сходен с тем сводом, который сам зависит от Лаврентьевской и других сходных сводов и вместе с тем стал источником Софийской 1-й и Новгородской 4-й, иначе — тождествен с общерусским сводом, то нам придется признать, что Длугош имел в своем распоряжении и Лаврентьевскую, и Троицкую, и Софийскую 1-ю летописи, что представляется мало вероятным.

§ 213. Определив таким образом основной источник Длугоша как общерусский свод 1423 года, видим, что другим его источником была действительно та самая летопись, которую Семкович признал Перемышльскою, но которую правильнее назвать Галичскою. К этой летописи относятся, напр., такие сообщения, как указание на день смерти и место погребения Володаря Перемышльского (1126 = 6632), или рассказ об усобицах между сыновьями Володаря (1127 и 1128), или рассказ о захвате Володаря поляками (1121), о чем Ипатьевская упоминает под 6653, ошибочно ссылаясь на то, что сообщила об этом раньше, «въ заднихъ ЛЕТЕХЪ»; или рассказ об убийстве Ярослава Святополчича, осадившего вместе с Васильком и Володарем Андрея Владимировича во Владимире (1123 = 6631); или рассказ о бегстве Владимира Ярославича из Угорского плена (1187 = 6698); или еще рассказ о победе Мешки над Романом (1195 = 6703) и т. д., и т. д. Эта Галичская летопись частью, но далеко не в полном виде, вошла в состав Ипатьевской летописи, а также, по-видимому, и общерусского свода нач. XIV в. (ср. Воскр. летопись)¹¹.

§ 214. В пределах XII—XIII в. я не нахожу возможным допустить для русских известий Длугоша иных источников, кроме указанных двух — общерусского свода 1423 года и Галичской летописи XIII века. Переходя к X—XI вв., т. е. к событиям, входившим в состав Повести вр. лет, мы также поэтому вправе допустить для этих событий наличность у Длугоша только двух указанных источников. И действительно, большая часть событий до XI в. включительно находит себе полное соответствие в Лавр, и сходных с нею списках, откуда заключаем, что для них источником был тот же общерусский свод 1423 года. Отметим между прочим, что указание на удел Иго-

10 «Et invadentes tabernacula, quae ipsi magis proprio et inusitato vocabulo turres id est Wiece appellant»; ср. Троицк. (Карамз.).

11 И. А. Линниченко правильно указал на то, что «сравнивая рассказ о южнорусских событиях у Длугоша и Татищева, можно убедиться, что оба имели под рукою сходные редакции южнорусской летописи, только список Татищева был, по-видимому, полнее списка Длугоша». ЖМНП, 1887, декабрь, с. 358. Не следует упускать из виду, что Длугош сообщает о пленении Володаря Болеславом дважды: один раз по русскому источнику под 1122 (причем изменник Петрок не назван), другой раз по польскому под 1134 (причем Володарь заменен Ярополком, будто обольщенным этим Петроком — Петром Властом). Это особенно ясно выдвигает, что известие 1122 взято из русской летописи. Заметим, что указан день возвращения Володаря из плена в Перемышль: 22 июля.

рев в сообщении о распределении уделов между сыновьями Ярослава (1052 = 6562), не имеющееся ни в Лавр., ни в Радзив., ни в Ипат., читалось в Троицкой утраченной летописи (Карамзин), а также в Софийской 1-й и Новгородской 4-й¹².

§ 215. Но имеется несколько известий и подробностей, которые не могут восходить к указанному источнику. Приведем их:

«Gentilium et ipsi errorem sequuti stagna, lacus, fontes, aquas pro diis colebant». Соответствующее место находим в Новгород. 1-й: «Бяху же погане, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочш погани ». Эти слова и у Длугоша и в Новгород. 1-й относятся к Полянам и читаются непосредственно после рассказа об основании Киева. В Повести вр. лет их нет. Правда, они есть в Соф. 1-й и Новгород. 4-й, откуда можно было бы думать, что они были и в своде 1423 года, источнике Длугоша. Но Хронограф указывает, что их не было в этом своде. Следовательно, в Соф. 1-ю и Новг. 4-ю они путем свода 1448 года попали из Соф. временника (откуда произошла Новгород. 1-я младш. извода). В Соф. временник они внесены, очевидно, из Начального Киевского свода.

«Absumtis deinde Kig, Sczyg et Korew, filii eorum et nepotes linea directa succedentes principabantur apud Ruthenos annis multis, donec successio huiusmodi adduos fratres germanos Oskald videlicet et Dir pervenit». В Повести вр. лет, а следовательно и в общерусском своде 1423 года появление Аскольда и Дира в Киеве изложено, во-первых, гораздо ниже, а во-вторых, совсем иначе, чем у Длугоша; они представляются пришельцами от Варягов. Ближе к Длугошу Начальный Киевский свод (Новг. 1-я), который об Аскольде и Дире сообщает до призвания Варягов (как и Длугош). Но и Начальный свод в этом случае нельзя было бы признать источником для Длугоша, ибо он ясно оттеняет, что Аскольд и Дир были пришлыми Варягами и только «нарекостася князема». Кроме того не видим в Новгород. 1-й указания на то, чтобы род Кия, Щека и Хорива держал княжение в Руси до Аскольда и Дира. А между тем подобную фразу находим в Повести вр. лет, где читаем непосредственно за сообщением о смерти трех братьев и их сестер: «И по сихъ брати держати почаша родъ ихъ княженъ в Поляхъ».

Сказав о смерти бездетных Синеуса и Трувора, Длугош продолжает: «Rurek in eorum principatus succedens, moriens filium nomine Ihor reliquit, qui adolescentiam pertingens, Oskaldum et Dir Kiovienses principes nihil hostilitatis ab eo suspicatos in dolo occidit, et principatus ac terras eorum occupavit». Повесть вр. лет, а за нею и общерусский свод 1423 года приписывали убийство Аскольда и Дира Олегу: о нем совсем умолчано у Длугоша. Но Начальный свод захват Киева и расправу с Аскольдом и Диром приписывает Игорю (Олег является в качестве его воеводы).

Непосредственно за этим читаем: «Sed neque Duci Ihor Oskaldi et Dir Ducum Kioviensium diu impunita fuit occusio. Dum enim populos, qui Drewlyanie vocabantur Ruthenici generis, Ducem proprium Miskinam (vap. Nyszkinam)

¹² «Игореви Володимеръ» — «Gregorio Wladimiriam».

habents, ad tributum fretus potentia cogeret, et prima solutione, de qua inter eos convenerat, non contentus, secundam in eodem anno exigeret, a Drewlyanis iniuriam non ferentibus nefarie occisis interiit. Qui missis ad suam relictam Olham nuntiis, quatenus Ducem eorum Miskinam (вар. Nyszkinam) virum acciperet, et principatus uniret, summopere suadebant, ilia muliebri dolo usa, primis et alteris Drewlyanorum nuntiis benigne appellatis et apud se retentis, Drewlyanos cum Duce eorum ad se venire, quasi conjugium sociatura et principatus unitura iubet», и т. д. кратко передана месть Ольги. Весь этот отрывок можно было бы признать заимствованным из Повести вр. лет, а следовательно из свода 1423 года, если бы не имя Древлянского князя: Miskina. Это имя указывает самым решительным образом на другой источник. Повесть вр. лет и Начальный свод называют его Малом.

Ниже поход на Древлян приписывается не Ольге, а Святославу: «*Patris ai tern sui Ihor occisionem ulturus, primam expeditionem in Drzewlanos egit et gravi caede domitos sub iugum mittit, tributumque imponit*». И в Повести вр. лет и в Начальном своде слова «и возложи на ня дань тяжку» относятся к Ольге.

Под 971 читаем, что Святослав посадил сыновей своих в трех уделах, «*magna execratione constringens, ut sorte sua contentus ab alterius occupatione se contineat*». Этого завета Святослава нет ни в Начальном своде, ни в Повести вр. лет. В соответствии с этим ниже сообщено, что распря между Святославичами произошла от стремления одних князей расширить свои владения за счет других. «*Non poterat inter filios Svatoslai Russiae Ducis instituta a patre charitas et terrarum divisio esse diuturna, sed occisione Svatoslai secuta, quasi provinciae et regiones latissimae Ruthenicae, a patre relictas, angustae illis forent, contentio inter illis de principandi maiortate et praeeminentia suboritur*». Конечно, этот отрывок содержит собственные рассуждения Длугоша, но любопытно, что он совсем не упоминает о причине ссоры Ярополка с Олегом, выставленной нашими летописями, об эпизоде с убийством Люта.

§ 216. Оставляя в стороне некоторые незначительные отличия в дальнейшей передаче русских известий у Длугоша¹³, приведу еще несколько более резких особенностей сравнительно с текстом Повести вр. лет, вошедшим в свод 1423 года.

Под 1014, к которому ошибочно отнесены события 6532 (1024) года, сообщено о двух битвах Ярослава со Мстиславом (Повесть вр. лет говорит об одной): «*Msczislauus dux de Thimuthrokany bis Iaroslaum fratrem ducem Kyoviensem bello superat... Et licet Iaroslaus Kyoviensis dux in sui solatium ducem Worahunorem Iakuy accivisset, duplici tamen certamine fortuna tentata conflictus succumbit*».

13 Напр., в рассказе о крещении Владимира, очевидно, по недоразумению, сообщается о прибытии в Корсунь царей Василия и Константина; крещение Руси отнесено на третий год по крещении Владимира в Корсуне; построение Владимиром церкви св. Преображения отнесено не к Василеву, а к Киеву; названа кроме Предславы еще Мстислава, дочь Владимира, в сообщении об увode сестер Ярослава Болеславом в плен; особенно много искажений, частью под влиянием польских источников, в рассказе о борьбе Ярослава с Святополком.

Под 1033 указано, что Ярослав соорудил храм св. Софии по обету своему на месте победы над Печенегам: «In signum autem victoriae, in loco certaminis ecclesiam Sanctae Sophiae, ante conflictum votam, Iaroslauus erigit».

Под 1034 переданы подробности о построении Ярославом св. Софии: «Extruit deinde suptuoso muro ecclesiam Sancte Sophiae cuius turrim tabulatis deauratis tegit; ecclesiam vero vasis aureis et argenteis, libris, vestibisque pretiosis do tat, nobilitat et exornat».

Под 1058 имя Половецкого князя, победившего Всеволода 2 февраля (по Пов. вр. лет: 6569 г.), названо (не во всех, впрочем, списках так): Sobal alias Siekal (в некоторых списках только: Szekal).

Под 1052 день смерти Ярослава определен 7 ноября (в Пов. вр. лет суббота Федоровой недели 6562 г.)¹⁴.

Под 1072 (Пов. вр. лет 6584) сообщено о смерти Святослава Ярославича, согласно с Пов. вр. лет (21 декабря ошибочно см. 27 декабря). Но в конце читаем: «Reliquit autem unicum filium Hleb (вар. Oleh): hic paternum ducatum, videlicet Nowogrodek». Впрочем, о том, что Глеб княжил в Новгороде, Длугош мог заключить из статьи 6586 года.

Под 1103 (Пов. вр. лет 6611) указан день, когда состоялся съезд в Долобске: 8 апреля: «conventu apud Kyoviam duces Russiae octava die Aprilis celebrato, expeditionem contra Polowczos, aestate non expectata, gerendam indicunt»¹⁵.

§ 217. Признаю, что источником большей части приведенных выше известий была та особая русская летопись, которою Длугош дополнял данные общерусского свода 1423 года. Особенного внимания заслуживает указание дня, когда состоялся Долобский съезд: его нельзя было присочинить, а между тем его нет ни в одном списке Повести вр. лет. Что Длугош, рассказывая о русских событиях XI в., имел два русских источника, можно заключить и из таких его данных, как сообщение о двух сражениях Ярослава со Мстиславом (об одном сражении оба его источника могли рассказывать различно); далее из таких мест, как Sobal alias Siekal (Радзив. и Ипат.: Сокаль, а Лавр.: Искаль)¹⁶. Что этот другой источник Длугоша был сходен с Ипат. и Хлебн. летописями, видим из таких чтений его, как yedinowlasczczec в статье 1033 года для определения княжеской власти Ярослава; Ипат. и Хлебн. под 6544: единовластец, между тем в Лавр. и своде 1423, судя по Соф. 1-й и Новгород. 4-й: самовластец; на близость Длугоша к Ипат. в данном месте обратил внимание Бестужев-Рюмин. Под 1094 город, где ослеп-

14 То же 7 ноября приводит, конечно, на основании Длугоша Стрыйковский. В некоторых поздних русских летописях # смерть Ярослава отнесена на 17 октября 6562 (Эрм. № 445; также Летописец Женек. Педаг. Института).

15 Не привожу данных о русских событиях в статьях Длугоша, посвященных русско-польским отношениям: частью они могли попасть к нему из польских источников, частью же они придуманы Длугошем. Не касаюсь и прямых недоразумений: напр., оба известия о саранче (прузи) изменены в известия о нападении на Русь Прусов (Prutheni), к которым один раз (под 1103) присоединены литовцы (Lithuani). 16 У Сафоновича «Секель»¹⁶, вероятно, под влиянием Длугоша.

лен Василько, назван Zwinnigrod; ср. Звенигород в Ипат. и Хлебн. (6605), между тем как в Лавр., Радз. и своде 1423 (судя по Соф. 1-й): Белгород. Принимая во внимание доказанное выше пользование Длугошем для XII и XIII в. Галичскою летописью, признаем, что из нее же внесено все то или, по крайней мере, значительная часть того, что отличает текст Длугоша от предполагаемого текста общерусского свода 1423 года.

§ 218. Отличия Галичской летописи от Повести вр. лет в рассказе о событиях IX—XI столетий дают нам основание думать, что в основание ее был положен свод, старший, чем Повест вр. лет. Мы привели ясные данные в пользу того, что Галичская летопись содержала некоторые чтения, сближавшие ее именно с Начальным сводом. Ср. вставку о поклонении рекам, озерам и колодцам за сообщением об основании Киева; сообщение о том, что Игорь (а не Олег) покорил Киев и убил Аскольда и Дира. Можно было бы на основании этого думать, что Галичская летопись содержала в начале текст Начального свода; но это не согласуется с другими ее особенностями: древлянский князь, убивший Игоря, назван не Малом, а Мискиной; Святослав, распределяя волости между сыновьями, завещает им жить между собою в мире; кроме того, отметим здесь еще одно известие, на которое обратил внимание и Бестужев-Рюмин; непосредственно за рассказом о призвании князей (в котором, кстати, ничего не говорится о Руси: «a Varasis tres duces acciperunt») читаем о размере дани, взимавшейся Рюриком и его братьями: «His et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum (вар. suae) ditioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo unus aspergellus (вар. asperiolus) albus reddebatur». Правда, Начальный свод (но не Повесть вр. лет) сообщает о такой дани, взимавшейся Варягами до призвания князей¹⁷, но, быть может, и эта особенность Длугоша ведет нас к другому источнику, чем Начальный свод. Во всяком случае имя «Мискина» и завещание Святослава заставляют нас принять, или — что в числе источников Длугоша для древнейшего периода были источники нам неизвестные, или — что неизвестные нам летописи были в числе источников Галичской летописи, использованной Длугошем. Принимая во внимание, что Галичская летопись содержала данные, ведущие нас, с одной стороны, к Начальному своду, а с другой, к Повести вр. лет (не забудем, что Начальный свод доходил только до 1093 года), я признаю вероятным, что она представляла компиляцию обоих этих сводов; в состав компиляции вошли заимствования и из других источников. Быть может, нижеследующие соображения сделают вероятным, что отмеченные выше особенности, имя «Мискина» и завещание Святослава, восходят к одному из таких источников, Древнейшему летописному своду.

§ 218¹. Святослав завещал сыновьям, чтобы каждый довольствовался своим уделом и воздерживался от захвата чужой области. Приведя соответствующее место Длугоша Бестужев-Рюмин заметил: «Этой фразы, обычной вообще в наших летописях, нет в соответствующем тексте Повести вр. лет». Возможно, именно в виду общности подобного завещания (ср.

17 «И дань даяху Варягомъ отъ мужа по белеи веверици».

в особенности завещание Ярослава), что оно читалось в летописном своде, бывшем в распоряжении Длугоша. Но его нет ни в Начальном своде, ни в Повести вр. лет. Расходятся оба эти летописные своды с Длугошем и в дальнейшем рассказе, тесно связанном с рассматриваемым местом. Длугош пишет: «Non poterat inter filios Swanthoslai Russiae Ducis instituta a patre charitas et terrarum divisio esse diuturna, sed occisione Swanthoslai secuta, quasi provinciae et regiones latissimae Ruthenicae, a patre relictas, angustae illis forent, contentio inter illos de principandi maiestate et praeeminentia suboritur ». Итак, распря между сыновьями Святослава произошла, по Длугошу, из-за стремления к большей власти: никакого ближайшего повода к упомянутому им походу Ярополка на Олега Длугош не указал. За приведенную фразой читаем: «Quam sibi Jaropolkus natu maior vindicare satagens, castrum Warosz (т. е. Въручь), in quo germanus suus Olha consistebat, conquirens, Olham interficit et in ducatum Drewlyanorum sanguine fraterno dotatus succedit». Итак, Длугош, с одной стороны, умалчивает о приведенном в Начальном своде и Повести вр. лет эпизоде, якобы послужившем ближайшим поводом к походу Ярополка на Олега (убиении Олегом на охоте Люта Свенельдича), а с другой, сообщает о завещании, данном Святославом своим сыновьям, и о нарушении ими этого завещания. Начальный свод (Повесть вр. лет), умалчивая о завещании, содержит эпизод об убиении Люта Свенельдича Олегом Святославичем.

§ 219. Дошедшие до нас летописные своды дают основание предполагать, что эпизод об убиении Люта вставлен в летописный текст позднее, составителем начального свода, и что его не было в Древнейшем Киевском своде. Основания эти следующие: во-первых, в Начальном своде (и Повести вр. лет) поход Ярополка на Олега отделен от эпизода с Лютом пустым годом (6484-м); вследствие этого эпизод этот не имеет того характера, который желал придать ему сводчик, — он не имеет значения непосредственной причины Ярополкова похода на Деревскую землю; «и молвяше всегда Ярополку Свенальдъ: поиди на брать свой и прими волость его; хотя отмстити сыну своему» — так читается под 6483, и только под 6485 находим: «поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю». Во-вторых, как указано было в §§ 177 и 182, в Древн. Киевском своде рассказ о начале Ярополкова княжения вводился следующими словами: «А Ярополкъ с т д е (или бе)¹⁸ княжа Кыеве, и воевода бе у него Блудъ ». Ср. эти слова, с одной стороны, в Новгородской 1-й летописи, куда они попали из Синод, списка, заимствовавшего их в конце концов из Новгородского свода XI века, с другой стороны, в общерусском своде 1423 года (ср. наличность их как в своде 1448 года, так и в Хронографе), куда они попали в конце концов из того же источника. Новгородский свод XI века мог их заимствовать только из Древн. Киевского свода. Если же допустить, что в Древн. Киевском своде действительно читались эти слова, а за ними — эпизод с Лютом, то нам придется отметить странную в нем непоследовательность, ту самую непосле-

18 Новгород. 1-й вместо этого «же».

довательность, которая замечается теперь в Новгор. 1-й и в своде 1448 (Соф. 1-й и Новгор. 4-й): рассказ, назвав Ярополкова воеводу Блуда, переходит неожиданно к изложению эпизода с Лютом Свенельдичем¹⁹. Итак, сообщения о Блуде воеводе, с одной стороны, о Люте Свенельдиче, с другой, как будто исключают взаимно друг друга; и действительно, в Повести вр. лет (предположительно и в Нач. своде), где мы находим эпизод с Лютом, отсутствует сообщение о воеводе Блуде. А между тем в самом тексте Повести вр. лет встречаем указание на то, что приведенные выше слова некогда читались в первоисточнике Повести, следовательно, в Древн. Киевском своде. Ниже под 6488 (980) годом читаем: «И приде Володимерь Киеву с вой много, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киеве с людьми своими и съ Блудомъ», итак, Блуд вводится в рассказ, как уже известное лицо, а между тем раньше о нем в Повести вр. лет не говорилось²⁰ (зато ниже читаем: «Володимерь же посла къ Блуду, в о е в о д е Ярополчю»).

Мы заключаем отсюда, что Начальный свод (Повесть вр. лет) исключил из текста Древн. Киевского свода слова «и бе у него воевода Блудъ», но зато вставил эпизод с Лютом Свенельдичем. Я надеюсь подтвердить это предположение дальнейшими соображениями; но пока ставлю вопрос, как же переходил Древн. Киевский свод к рассказу о походе Ярополка на Олега. Мало вероятно, чтобы за словами «и бе у него воевода Блудъ» читалось прямо «Поиде Ярополкъ на Ольга, брата своего». Если Блуд назван воеводой Ярополковым, то, очевидно, ему должно было быть отведено видное место в непосредственно следовавшем за сообщением о нем рассказе. А между тем в рассказе о походе Ярополка на Олега активная роль отводится Свенельду; не Блуд, а он сопровождает Ярополка в этом походе, как видно из обращенных к нему Ярополком слов: «И рече Свенельду: яжь, сего ты еси хотѣль». Допустив, что эпизод с Лютом обязан своим появлением в тексте Начального свода (Повести вр. лет) вставке и что его не было в Древн. Киевском своде, мы вправе предположить, что и в дальнейшем рассказе имя Свенельда вставлено, или, скажем прямее, что в этом рассказе имя Свенельда заменило имя Блуда. Не лишен, кажется, значения пропуск слов «и рече Свеналду» в Лавр, списке; быть может, в одном из источников Лавр., а именно в первой редакции Повести вр. лет, стояло «и рече Блуду»; имея в виду, что в другом источнике (Переяславской летописи или общерусск. своде нач. XIV в.) стояло «и рече Свеналду»²¹, составитель Лавр, летописи мог опустить совсем эти слова²². Если предположение наше верно, если, действительно, речь Ярополка была обращена не к Свенельду, а к Блуду в Древн.

19 «А Ярополкъ же княжа в Киеве, и воевода *бе* у него Блудъ. В лето 6481. В лего 6482.

В лето 6483. Ловы деюшу Свенълдицю, именемъ Луть».

20 Так, в первой редакции Пов. вр. лет (Лавр., Радз.); во второй редакции: «и съ воеводою

Блудомъ»; ср. Ипатьевскую, а также Новгор. 1-ю (заимствовавшую «и съ воеводою» из протографа Синод, сп.).

21 Свеналду, вм. Блуду, было бы поправкой второй редакции Повести вр. лет.

22 Ср. аналогичный пропуск слов «седе Новегороде» под 6370 (862) г.; первая редакция

Повести вр. лет имела «сѣде Новегороде», а вторая «седе в Ладозе».

Киевском своде, то необходимо допустить и дальнейшее следствие: в Древн. Киевском своде сообщалось о том, что поход Ярополка на Олега предпринят по совету, по наущению Блуда. Мы читаем под 6483 (975) «и молвяше всегда Ярополку Свеналдъ: поиди на брать свои и волость его; хотя отмстити сыну своему». Нельзя сказать, чтобы фраза эта была построена очень складно; слова «хотя отмстити сыну своему» имеют характер вставки, приписки, прибавки. Не стояло ли в Древн. Киевском своде и притом непосредственно за словами «и би у него воевода Блудъ» — «и молвяше всегда Ярополку Блудъ: поиди на Ольга брата своего и прими волость его»? В таком случае дальше следовало бы: «И поиде Ярополк на Деревьску землю». В Нач. своде (и Повести вр. лет) читаем: «Поиде Ярополкъ на Ольга, брата своего, на Деревьску землю», но слова «на Ольга, брата своего» извлечены, по-видимому, из предыдущего.

§ 219. Исходя из предположенного чтения Древн. Киевского свода, заключаем, что вставками в тексте Нач. свода (Повести вр. лет) приходится признать, во-первых, отрывок «Ловы деюще Свеналдичю... И о томъ бысть межю ими ненависть Ярополку на Ольга», во-вторых, слова: «хотя отмстити сыну своему». Вставка первого отрывка обнаруживается крайне небрежным и неуклюжим его языком: «Ловъ деюще» вм. «Ловъ деющю» читаем в Лавр., Радз., Моск.-Акад. и Ком. списке Новгород. 1-й; вм. «именемъ Люту» мы ожидали бы «именемъ Люту»; ниже после слов «и заехав уби и» неуклюже вставлено — «бе бо ловы дея Олегъ»; в фразе «И о томъ бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга» смешаны две конструкции.

§ 219². Подкрепляем предположение о том, что имеем в статье 6483 года дело со вставкой, не только соображениями о шероховатостях языка этой вставки, но еще рядом других соображений. Прежде всего отмечаем, что Лют Свенельдич, о котором говорит вставка, тождествен с Мистишей (Мстиславом) Свенельдичем, о котором Нач. свод (и Повесть вр. лет) сообщает выше, под 6453 (945) годом. Это утверждение наше основывается на том, что древней русской исторической песне принадлежал образ Мстислава Лютого. Так называют Мстислава Владимировича Тмутороканского два памятника: во-первых, Симоново сказание о создании Печерской церкви, где читаем об Якуне, что он «отьбеже златы руды (вм. луды), бьяся полкомъ по Ярослав'ъ с лютымъ Мстиславомъ», во-вторых, Новгородская 4-я летопись, вставившая в текст свода 1448 г. (ср. (Софийскую 1-ю летопись) под 6532 (1024) годом следующее известие (повторяющее то, что было изложено выше): «Ярославъ Владимиричъ в Суздали изби влхвы, а брать его Лютый Мьстиславъ седе в Чернигове»²³. Я думаю, что имя Мстислава Лютого перенесено на Мстислава Владимировича с Мьстиши-Люта, сына Свенельдова; отсюда я выводжу, что Мьстиша и Лют означали одно и то же лицо. Мы только что предположили, что эпизод с Лютом Свенельдичем вставлен в статью 6483 г.; имеем основание утверждать, что какой-то эпизод с Мьстишей Свенельдичем был исключен из текста Начального свода в

²³ Вставку эту по некоторым основаниям возвожу к Ростовскому своду.

статье 6453 года. Действительно, вот что мы читаем о Мьстише Свенельдиче в этой статье: «Ольга же бяше в Киеве съ сыномъ своимъ съ детьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бе Свенельдъ, то же отецъ Мистишинъ». Летописец ссылается на Мистишу как на известное лицо, а между тем о нем он раньше не говорил, не упоминая его и позже (или точнее, называя его Лютом под 6483). Думаю, что ссылка «тъ же отецъ Мьстишинъ» показывает, что о Мистише существовало какое-то сказание, какая-то песня, быть может, воспевавшая его как героя; разумеется, летописец не мог при этом иметь в виду тот бледный образ Люта Свенельдича, который вставлен им в статью 6483 года. Свенельд, еще не один раз упомянутый летописцем, не нуждался бы в определении посредством ссылки на его сына Люта, играющего (в противоположность тому же Свенельду) совершенно пассивную роль. Существование песни или сказания, где Мьстиша Лютый являлся в качестве героя, доказывается перенесением его имени на Тмутороканского князя, который, по свидетельству летописи, был храбр на рати. И вот, зная этого героического Мистишу, составитель Начального свода ограничивается просто ссылкой на него, когда говорит о Свенельде, а самого Мистишу вводит в свой рассказ ниже под именем Люта, как личность случайную и совершенно пассивную. Уже это заставляет меня думать, что у составителя Начального свода были какие-то причины, побудившие представить Мистишу в ином свете, чем он мог бы это сделать на основании известных ему, но не обнаруженных данных; следовательно, летописец оставил следы знакомства с двумя различными сказаниями или песнями о Мистише; он дал предпочтение тому сказанию, которое сообщало об убийении Мистиши-Люта на охоте Олегом Святославичем, и вставил его в текст Древн. Киевского свода; вероятно думать, что другое сказание он встретил в тексте самого Древнейшего свода, но исключил его как противоречащее первому. Где же могло читаться в Древнейшем своде это исключенное составителем Начального свода сказание о Мистише-Люте? Ответ на этот вопрос дадим ниже; здесь заметим только, что, по всей вероятности, — перед тем местом, где читаются слова «тъ же отецъ Мистишинъ», ибо их легче всего понять так, что летописец ссылается в них на лицо, о котором перед этим говорил его источник, но которое им почему-то было опущено в соответствующем месте.

§ 219³. Эти слова сопровождают имя Свенельда; ими Свенельд вводится в рассказ как новое лицо; действительно, о нем Начальный свод (и Повесть вр. лет) не упоминает выше, хотя и говорит об отроках Свенельжих: «В се же лето рекоша дружина Игоревы: отроки Свенельжи изоделися суть оружьемъ и порты, а мы нази». Появление этих отроков Свенельжих в тексте Нач. свода (и Повести вр. лет) совершенно непонятно; на основании ссылки Игорева дружины на Свенельжих отроков мы вправе предполагать, что источник Начального свода говорил перед тем о Свенельде и об отношении его к Игорю; из первоначального рассказа должно было явствовать, кто же такой этот Свенельд и почему Игорева дружина завидует Свенельдовой, каким образом последняя оказалась с оружьем и платьем, а

первая обездоленной. По счастью, такое предположение находит себе фактическое подтверждение в тексте как Новгородской 1-й летописи, так и свода 1423 года (откуда свод 1448 г. и далее Соф.1-я и Новгор. 4-я летописи). Как было указано в §§ 70—70⁷, в Древнейшем Киевском своде, по свидетельству названных памятников, восходящих в соответствующем месте в конце концов к Новгородскому своду XI века, читалось об Игоре: «И бе у него воевода именемъ Свенельдь. И иде Игорь... И примучи Угличе и възложи на ня дань и въдасть Свенельду; и дасть же дань Деревъскую Свенельду; и имаше по чърне куне отъ дыма. И реша дружина Игоревы: се дасть еси единому мужеву мьного; отроци Свенельжи изоделися суть оружьемъ и пьрты, а мы нази», и т. д. (см. § 70⁶). Итак, перед нами факт пропуска в Нач. своде приведенного отрывка Древнейшего свода. Мы выш предположили, что составитель Начального свода опустил место, касающееся Мистиши, Свенельдова сына; мы констатируем здесь, что он опустил место, где говорилось о самом Свенельде и о причине обогащения Свенельдовой дружины. Нельзя сомневаться в том, что оба пропуска стоят между собою в тесной связи и что они вызваны одною общею причиною. Но сначала подчеркнем то обстоятельство, что пропуск в тексте Нач. свода того места, где Древнейший Киевский свод говорил о Свенелде и уступленной ему дани, подтверждает высказанное выше предположение о том, что в этом своде опущено сказание о Мистише, сыне Свенельда: действительно, мы указывали, что из слов «тъ же отецъ Мистишинъ» следует, что о Мистише говорилось перед тем; и вот мы обнаруживаем пропуск перед самым рассказом об убиении Игоря, который имеет за собой приведенную выше фразу, где в Нач. своде (и Повести вр. лет) читаются слова «и воевода бе Свенельдь, тъ же отецъ Мистишинъ». В этом мы и видим подтверждение того, что Начальный свод пропустил рассказ Древн. Киевского свода о Мистише. В Древн. Киевском своде не могло читаться только что приведенных слов; видим это хотя бы из того, что Свенельд, уже введенный выше в рассказ, не нуждался в новом определении: «тъ же отецъ Мистишинъ». Слова эти вставлены составителем Начального свода и вставлены притом в какой-то зависимости от допущенного им раньше пропуска.

§ 219⁴. Мы привели выше опущенное Начальным сводом место Древн. Киевского свода. Оно логически последовательно приводит к рассказу о походе Игоря в Деревскую землю за данью. Дружина Игоревы заключает свои сетования требованием: «пойди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». Следовательно, о сыне Свенельдовом не могло быть речи в только что приведенном месте Древн. Киевского свода; о нем должно было быть сказано ниже. Но ниже излагается рассказ об убиении Игоря Древлянами: мы заключаем, что в Древн. Киевском своде Мистиша участвовал в этом эпизоде (убиении Игоря Древлянами) и что он исключен именно из этого эпизода. Заключение наше, равносильное утверждению, что текст статьи 6453 (945) года в Начальном своде (Повести вр. лет), точнее — статьи об убиении Игоря, не первоначальный, находит себе подтверждение в ее анализе. Выслушав сетования дружины и покоровшись ее требованию, Игорь

идет в Деревя в дань; «и примышляше къ первой дани». Что означает это выражение? Судя по концу предшествующей статьи, можно думать, что оно равносильно употребленному там выражению: «хотя примыслити большую дань». Выше под 6422 годом сообщалось, что «Древляне затворишася отъ Игоря по Ольгове смерти », но Игорь пошел на них, победил их «и възложи на ня дань болши Ольговы», про Олега же известно (статья 6491), что он брал на Древлянах дань по черне куне. Итак, под первою данью приходится разуместь тот размер дани, который установлен был Игорем после вторичного покорения Древлян. Но такое толкование, вытекающее из смысла предшествующих статей Повести вр. лет, не согласуется с тем обстоятельством, которое выясняется из данных Новг. 1-й летописи, восходящих к Древн. Киевскому своду: Деревская дань была отдана Игорем Свенельду, Свенельд «имаше по черне куне отъ дыма »; Игорева дружина сетует именно на это и, следовательно, под ее влиянием, Игорь решается на несправедливость: он идет в Деревскую землю для того, чтоб взять с нее вторично годовую дань, собиравшуюся в осеннее полюдь. Итак, выражение «примышляше къ первой дани » можно понять так, что Игорь пошел за вторым сбором. Нельзя, однако, признать приведенное выражение удачным; и предложенное толкование не согласовано, как мне представляется, с дальнейшим. Появление Игоря и требование «второй » дани не вызывает протеста Древлян; они, по-видимому, покойно переносят и насилия, чинившиеся Игорем и его мужами; Игорю дана возможность беспрепятственно собрать «вторую» дань: «возьемавъ дань, поиде въ градъ свой». Непонятно в виду этого, для чего летописец подчеркнул сначала (еще до сетования дружины), что Игорь хотел увеличить дань, взымавшуюся с Древлян, отметил дальше, что он собирал ее несправедливо, во второй раз, указал, наконец, что собирание дани сопровождалось насилиями. Можно бы ждать, что Игорь именно за эти свои действия встретит отпор со стороны Древлян. Но дело представляется в ином освещении: «Идущу же ему въспять, размысливъ, рече дружине своей: идете съ данью домови, а я възвращюся, похожую и еще. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины възвратися, желая больша имения ». И вот только тут наступает развязка: Древляне по совещании с князем Малом задумывают дать Игорю отпор и решаются при этом на крайнее средство, на убийство Игоря: «аще не убьемъ его, то вся ны погубить». Развязка несколько отсрочивается посылкой к Игорю протеста, выраженного в такой форме: «почто идеши опять? поималъ еси всю дань»; но Игорь не послушал Древлян, они вышли из Искоростеня и убили его. В этом освещении нельзя не отметить искусственных черт и явных натяжек: главный момент, несправедливое взимание второй дани, отставлен на второй план, а на первый выдвинута и притом, как кажется, не без умысла другой момент: попытка Игоря взять с Древлян еще (третью) дань, но уже при особых обстоятельствах; он отпускает от себя дружину и остается лишь с небольшим отрядом; умысел, руководивший рассказчиком, был тот, чтобы объяснить, каким образом Древляне могли оказаться победителями и расправиться с Игорем; желание доказать, что перевес их был

случайный и что верх они одержали не в открытом и равном бою, заставило рассказчика пристегнуть к главному моменту (несправедливому взиманию второй дани) другой побочный эпизод, выясняющий, как могли Древляне справиться с Игорем. Благодаря этому развязка отсрочивается, и непосредственной причиной ее оказывается жадность самого Игоря («желая больша имения»). Но не ясно ли, что рассказчик уклонился от первоначального плана, отступил от основного замысла? В начале рассказа (мы принимаем во внимание дошедший до нас отрывок Древн. Киевского свода) сообщалось, что Игорь отдал и Угличскую и Деревскую дани Свенельду; щедрость или расточительность князя вызывает неудовольствие дружины, соблазняющей своего князя возможностью прибытка («да и ты добудеши и мы»); князь не только поддается соблазну, но оказывается еще более жадным, чем дружина, и, в явный ущерб ее интересам, собирается походить по Древлянам для личной корысти. В Повести вр. лет (и в Нач. своде) не видно этой вопиющей несообразности, ибо в ней отсутствует начало рассказа, где сообщено об уступке Игорем Угличской и Деревской дани Свенельду. Мы вправе поэтому думать, что в Древн. Киевском своде, от которого сохранилось начало рассказа, было иначе изложено его окончание, столь резко расходящееся в дошедшей редакции с его началом. Такое предположение объяснит нам поэтому непоследовательность и шероховатость, отмеченные нами в соответствующем тексте Повести вр. лет (и Нач. свода): перед нами оказался бы не первоначальный рассказ, а его переделка, переработка, при которой естественно возникают и шероховатость и непоследовательность изложения.

§ 219⁵. Исходя из начала рассказа, как оно читалось в Древн. Киевском своде, мы вправе спросить себя, чьи же интересы были нарушены Игорем, когда он, поддавшись увещанию дружины, пошел в Деревы по дань; речь дружины дает определенный ответ на этот вопрос: «се даль еси единому мужеви много» — вот смысл сетований дружины; отними у него дань, уступи ее нам и возьми часть ее себе — вот логический вывод из этих сетований. Следовательно, Игорь, отправившись в Деревы по дань, нарушил этим самым интересы Свенельда и дружины Свенельдовой, которая кормилась Деревскою данью. Дошедший до нас летописный рассказ, как мы видели, дает понять, что Игорь грубейшим образом нарушил *j u s g e n t i u m*, отправившись собирать с Древлян вторую дань; но уже самая наличность намека на то, что с них уже была взята кем-то первая дань («и примышляше къ первой дани»), показывает, что мы имеем дело не с первоначальным рассказом, ибо не указано, кто же взял с Древлян первую дань. Быть может, я заблуждаюсь, но решаюсь высказать сомнение в том, чтобы первоначальный рассказ (стоявший в непосредственной зависимости от народного предания) мог приписать Киевскому князю столь явное нарушение народных прав. Думаю, что в первоначальном рассказе дело шло не о взимании второй дани, а об отнятии Деревской дани у Свенельда; самый факт похода Игоря в Деревы в дань был равносителен отнятию дани у Свенельда, ибо, конечно, Игорь пошел в Деревы не тогда, когда годовая дань была уже собра-

на Свенельдом, а тогда, когда наступил срок для сбора этой дани; дружина Игорева выбрала, конечно, удобный для себя момент, а таковым была осень, когда вообще собиралась дань, а не другое время года, когда данщики могли встретиться с таким положением, при котором действительно с населения нечего взять. Итак, если поход Игоря в Деревскую землю нарушил интересы Свенельда, и если в результате похода мы видим убийство Игоря, мы вправе связать это убийство Игоря с недовольством Свенельда и его дружины вызванным Игоревым походом, с защитой ими своих интересов. Свенельд, получивший Деревскую дань от Игоря, стал фактически владельцем Деревской земли; поход Игоря на Древлян был равносителен походу его против Свенельда. Отсюда заключаю, что Игорь погиб в сражении с Свенельдом, защищавшим вместе с подвластными ему Древлянами прежде всего свои интересы, а вместе с ними и самую Деревскую землю.

§ 219. И вот, когда чтение Мискина в м. Мала, сохранившееся у Длугоша, приобретает для нас интерес и значение. Замечу прежде всего, что из двух вариантов *Miskina* и *Niskina* я считаю себя вправе отдать предпочтение первому, несмотря на то, что второй получил большую известность, благодаря Стрыйковскому, передавшему имя Древлянского князя в виде *Niskinia*²⁴; чтение *Miskina* находим в издании 1711 года, а также в одном из древнейших списков Длугоша, так называемом Королевском XV в. (Публ. библ. Отд. IV F№ 12: *Myszkynam* два раза на л. 75). Чтение *Miskina* я возвожу к чтению «Мьстина» или «Мистина» Длугошева источника (галицко-русской летописи), а форму «Мьстина» сопоставляю с именем Мьстины в сказании об убийстве св. Вячеслава князя Чешского²⁶. «Мьстина» является, конечно, вари-

24 В Густ, летописи находим в рассказе о мести Ольги князя Нискина, в м. Мала. В Ядре Росс. ист. является Нискина.

25 Бялецкий говорит об этом списке, а именно о первой части его между прочим следующее: «*ZwaiajNec jakstarannie i pknie pierwotnie ta CZK ж rKkopismu byia wykonana i zasta-nawiajNec sk nad pyHniejszemi poprawkami tak licznie i upornie robionemi, nasuwa sk wnioski, ie w ka'dym razie nckopism ten musiai byж w zetknkcii bliskiem z powainym jakim exem-plarzem Diugoszowej Kroniki. Staroi'ytно ж i staranno ж pisma pierwotnego, silnie popiera ten wniosek*». Ant. Biatecki, *RickopismaDlugosza w petersburgskich bibliotekach* (1860), str. 5. В Парижском списке (библиотеки кн. Чарторыжских, положенном в основание издания Пржездзецкого, читается *Nyszkinam*. Но нельзя согласиться с мнением издателя, утверждающего, что этот список автограф Длугоша; ср. сомнения, высказанные Цей-себергом (назв. соч., стр. 336, прим.); ср. также худшие чтения Парижского списка, в особенности в именах, иной раз даже по сравнению с изданием 1711 года: напр., под 1054 *Myeczeslaw* в м. *Venceslaus*, Вячеслав. — Мискина проник и в русские источники в форме Мыскин. Ср. в рукописи Публ. библ. XVII в. Q. IV. 111 в перечнях имен, между прочим: «отъ Дыра Дыряне ии Древляне, от Синева — Синевляне, от Трувора — Тру-воряне или Тморокане, отъ Олеха — Олехняне, отъ Мыскина — Мыскиняне» (ср. Ф. Ги-ляров, *Предания русск. нач. лет.*, с. 11).

26 «Убиша же въ томъ граде съ нимъ (Вячеславом) Мьстину единого; а иные мужи идоша въ борзе» (список XV в., изд. в *Филологических наблюдениях Востокова*, с. 95). «Оуби-ша же въ томъ граде с нимъ Мьстиною единого, а иные моужи идоша в борзі» (изд. Фр. Пастрнека в *VMstnik Kgb1* и ескй *spol. nauk* за 1903 год). В хорватско-глаголических списках: «оубише же такожде в томъ граде и Мистиною етера, частна мужа Вещеслав-ла» (Пастрнек, 1. с, р. 74).

антом имени «Мьстиславъ»; поэтому я отождествляю Длугошева Мьстину (Miskina) с Мистишей, Мьстишей нашей летописи. Длугош называет Мистину князем Древлянским; не забудем, что в распоряжении Длугоша находился и другой летописный источник, говоривший о князе Древлянском Мале: Мал заменен здесь (и ниже в рассказе о мести Ольги) у Длугоша Мистиной. Принимая во внимание все выше изложенное, имея в виду, что Игорь должен был встретить в своем походе на Деревскую землю отпор от Свенельда и Свенельдовой дружины, я думаю, что в первоначальном рассказе сообщалось о столкновении Игоря с Мистишей Свенельдичем и об убиении Игоря этим Мистишей, Мстиславом Лютым народной песни.

Итак, первоначальный рассказ об убиении Игоря и вызванной им войне Киевлян с Древлянами представляется в таком виде. Игорь, побуждаемый дружиной, идет походом на Деревскую землю; но Свенельд не отказывается от данных ему прав; происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с Древлянами (подданными Свенельда); в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютым, сыном Свенельда.

§ 219'. Наш вывод представляется логическим заключением из представленных выше данных и вызванных ими соображений. Но твердое основание он может получить только в том случае, если нам удастся объяснить причину, приведшую составителя Начального свода к изменению рассказа Древн. Киевского свода — к исключению начала рассказа (об уступке Игорем дани Свенельду), к иному освещению самого хода столкновения Игоря с Древлянами, приведшего к его убиению, наконец, к исключению имени Мистиши, упомянутого, однако, совершенно неожиданно ниже, для ближайшего определения Свенельда, Святославова воеводы.

Причину всех этих изменений видим в наличии у составителя Начального свода другого (на этот раз, конечно, устного) источника, где о Свенельде и Мистише рассказывалось совершенно иначе, чем в Древн. Киевском своде. Мы уже знакомы с этим источником: это сказание или песня о том, как Мистиша Лют Свенельдич был убит на охоте древлянским князем Олегом Святославичем. Под влиянием этого источника переработан составителем Нач. свода рассказ Древн. Киевского свода о столкновении киевского Ярополка с древлянским Олегом; вместо того, чтобы видеть причину этого столкновения в стремлении Ярополка, наущаемого Блудом, захватить братнюю волость, составитель Нач. свода вводит в рассказ новое обстоятельство: убийство Люта Олегом и стремление Свенельда отомстить Олегу за смерть сына. Приняв в свой труд (или точнее, решившись поместить в нем) это заимствование из сказания или песни, составитель Нач. свода должен был согласовать с ним текст предшествующего летописного рассказа. Согласование потребовало значительной его переделки, так как рассказ об убиении Игоря самым решительным образом расходился со сказанием или песней об убиении Люта Свенельдича. В Древн. Киевском своде Свенельд назывался воеводой Игоревым; сын его Мистиша убивал Игоря; Свенельд, очевидно, оказывался в полном разрыве с киевским князем; а, между тем, сказание или песня, известная составителю Нач. свода, пред-

ставляла Свенельда воеводой Ярополка; сын Свенельдов Мистиша (Лют) на службе у киевского князя; не он во главе Древлян убивает киевского князя, а его самого убивает древлянский князь, когда он зашел на его территорию. Помирить оба рассказа частичными вставками нельзя: надо было принять или тот или другой рассказ. Составитель Нач. свода дал предпочтение второму (устному) своему источнику, быть может, потому, что он был более согласован с другими нам неизвестными данными, быть может, потому, что действительно имелись указания (в преданиях)²⁷ на то, что Свенельд был воеводой при Святославе и Ярополке, а не при старом Игоре. Следствием такого предпочтения и явилась необходимость полной переделки рассказа об убийстве Игоря. Во-первых, из него исключен всякий намек на то, что убийство Игоря возникло в конце концов на почве соревнования дружины Игоревой с дружиной Свенельда; для этого опущено сообщение о том, что Игорь уступил своему воеводе Свенельду Угличскую и Деревскую дани; правда, в речи дружины Игоревой сохранена фраза «отроци Свенелжи изоделися суть оружьем и порты, а мы назы», но из этой фразы не видно, чтобы Свенельд и его дружина кормились именно Деревскою данью и чтобы поход Игоря нарушил интересы Свенельда; опущение фразы: «се дать еси единому мужеву много» в начале той же речи Игоревой дружины доказывает стремление редактора Нач. свода устранить всякую мысль о неудовольствии между Игорем и Свенельдом. Редактор Нач. свода, вместо этого исключенного им начала, вставляет в свой рассказ фразу: «И приспе осень, и нача мыслити на Древляны, хотя примыслите большую дань», и его не смущает то обстоятельство, что он приписал в этой фразе инициативу похода на Деревскую землю Игорю, а в нижеследующем тексте выставил виновником похода дружину Игореву, а не самого Игоря. Итак, Игорь пошел в Древа в дань. Редактор, устраняя мысль о столкновении Игоря со Свенельдом, спешит тотчас же к изображению таких даней, которые объяснят развязку Игоревых походов. Игорь «примышляше къ первой дани»; здесь брошен намек или на то, что Игорь стал брать лишнее, большую дань, или на то, что он стал брать вторую дань если, действительно, мы имеем намек на то, что Игорь брал вторую дань, то ясно, что составитель Нач. свода исходил не из предложенного им самим текстом, а из текста своего источника, из которого можно было заключить, что Игорь пошел за данью, уже отданною другому и, может быть, уже собранною этим другом. Но от намека редактор Нач. свода переходит уже к прямому изображению тех обстоятельств, которые, по его мнению, могли послужить причиной недовольства Древлян: Игорь «насиляше имъ и мужи его». Итак, дело близится к развязке: Древляне восстали и убили Игоря. Так хотел рассказать редактор Нач. свода. Но он вовремя спохватывается: и в Древн. Киевс-

27 Составителю Нач. свода не был известен Святославов договор, где упомянут Свенельд. Отметим, что Лев Диакон называет Свенельда третьим после Святослава военачальником. Возможно, что Свенельд спасся, благодаря тому, что вернулся из Болгарии степью (как предполагает Соловьев, Ист. России, I, 151).

ком своде Игоря побеждают Древляне, но с ними, и во главе их, Свенельд и лютый Мстислав; этим объясняется поражение Игоря и его убийство; в Нач. своде названные герои устранены из рассказа — они не враждебны киевскому князю, они его верные слуги; как же понять перевес Древлян и несчастный исход Игорева похода? Мы видели, к какому приему прибег редактор Нач. свода: Игорь побит вследствие малочисленности своей дружины. Составитель Нач. свода так прямо и говорит в конце рассказа: «убиша Игоря и дружину его: бе бо ихъ мало»; малочисленность же дружины объясняется тем, что большую часть ее Игорь отпустил от себя; отпустил же он ее от себя для того, чтобы поживиться данью с Древлян в свою пользу. Нужды нет, что редактор впал в противоречие: Игорь идет на Древлян для своей корысти, между тем как выше к походу его побуждают жалобы той самой дружины, в угоду которой предпринят поход и которая потом оказывается помехой для наживы самого князя; редактор нечувствителен к этим противоречиям: и выше Игорь выставлен инициатором похода («хотя примыслили большую дань», ниже: «желая больша имения»), причем пассивная роль Игоря в дальнейшем («и послуша ихъ Игорь») должна быть отнесена всецело на счет письменного источника Начального свода, а не соображений и домыслов самого редактора его. Для редактора важно одно: благополучно довести до конца свой рассказ, отступивший от основного источника, и устранить мысль о том, что Игорь убит Свенельдом и Мистишей — этими народными героями, а не самими Древлянами.

§ 219⁸. Доведя свой рассказ до убийства Игоря, составитель Нач. свода обращается к основному своему источнику — Древн. киевскому своду и выписывает из него о погребении Игоря, а затем о том, что в Киеве после Святослава осталась Ольга с детским Святославом. Здесь-то мы и находим фразу: «и кормилец его Асмудъ и воевода бе Свенельдъ, ть же отецъ Мистишинъ». Теперь для нас совершенно ясно, что слова «и воевода... Мистишинъ» вставка, сделанная в тексте Древн. Киевского свода редактором Нач. свода. Для чего же понадобилась эта вставка? Конечно, для того, чтобы ввести в рассказ тех двух славных мужей, которые только что выше были опущены из летописного текста. Мы указали на то, что, устраняя из лагеря противников киевского князя Свенельда и Мистишу, составитель Нач. свода руководствовался таким источником, который прямо называл их слугами и приверженцами этого князя; составитель Нач. свода в указанной вставке и идет навстречу данным своего устного источника: Свенельд и Мистиша оказываются на службе у Святослава. Свенельд назван рядом с Асмудом; это имело следствием превращение кормильца и воеводы Асмуда²⁸ в кормильца, причем функции воеводы передаются Свенельду. Верный этому своему сочинительству, составитель Начального свода последовательно держится его и дальше; мы читаем ниже, перед речью к дружине в битве Киевлян с Древлянами, вместо «И рече Асмудъ»: «И рече Свенелдъ и Асмудъ»; вставка имени Свенельда обличается формой единств, числа

²⁸ Ср. под 6526 (1018): «и бе у Ярослава кормилец и воевода именемъ Буды».

«рече», а также и тем, что нет основания допустить, чтобы во главе войск стояли одновременно Два лица: воевода Свенельд и кормилец Асмуд.

§ 219⁹. Составитель Нач. свода забывает затем о Свенельде; точнее — не вставляет его имени в текст Древн. Киевского свода: походы Святослава на Козар, Ясов и Касогов, покорение Вятичей, походы на Болгар обходятся без Свенельда. Свенельд появляется ниже, в самом конце княжения Святослава, в таком месте, которое содержит в себе явные признаки вставки. Мы читаем в Нач. своде (ср. Новг. 1-ю и Повесть вр. лет): «И рече (Святослав): пойду в Русь и приведу болши дружине; и поиде в лодяхъ. Рече же ему воевода отень Свенельдъ: поиди, княже, около на конихъ: стоять бо Печене-зи в порозехъ. И не послуша его, нъ поидоша в лодяхъ ». Думаю, что слова «Рече же ему... в лодяхъ » вставлены редактором Нач. свода в текст Древн. Киевского свода. Основываюсь, во-первых, на том, что Свенельд дает свой совет несвоевременно; Святослав уже пошел в лодях, когда Свенельд стал говорить ему: поиди около на коних; во-вторых, на том, что Свенельд назван «воевода отень», т. е. воеводой Игоревым. Какое основание для этого имел составитель Начального свода? Свенельд в начале княжения Святослава назван воеводой: из соответствующего текста ясно, что он такой же воевода Святослава, как Асмуд кормилец Святослава; в сражении с Древлянами он предводительствует Святославовой дружине. Для чего же в конце княжения Святослава понадобилось вспомнить, что Свенельд собственно Игорев воевода? В княжении Игоря о Свенельде воеводе не говорится совсем, и только в статье 945 года упомянуты его отроки. Мне кажется, что прибавка «воевода отень» доказывает, что Древн. Киевский свод, основной источник Начального свода, говорил о Свенельде именно как об Игорево воеводе; и прибавка эта сделана под влиянием этого источника, точнее во внимание к его рассказу. Совершенно аналогична отмеченная выше прибавка «тъ же отецъ Мистишинъ». Свенельд перенесен составителем Нач. свода из одной эпохи в другую, и это его перенесение подчеркивается ссылками на опущенный текст основного источника. Для чего же понадобилось Нач. своду перенести Свенельда из Игорева княжения в Святославо и упомянуть о Свенельде в конце последнего?

Свенельда мы видим тотчас же и ниже: Святослава не послушавшего Свенельда, убили в порогах Печенеги «Свенельдъ же приде Киеву къ Ярополку ». Вслед за этим, как мы видели, сообщено об убиении Люта Свенельдича Олегом древлянским. Итак, в активной роли Свенельд выступает в княжении Ярополка, когда он подбивает его идти против брата для отомщения за убитого сына. Но летописцу надо было указать, что этот Свенельд — тот самый Игорев воевода, о котором Древн. Киевский свод давал неверные сведения, сообщая об его отложении от киевского князя. Для этого он вводит его в княжение Святослава, упоминает о нем в начале этого княжения и в конце его и таким образом подготавливает читателя к мысли, что Свенельд, побудивший Ярополка к походу против брата, тождествен с Свенельдом, о котором говорил Древн. Киевский свод и об отроках которого сообщал сам Начальный свод под 6453 (945) годом. Итак, я признаю

места, где упомянут Свенельд, под 945, 946, 971 и 972 годами, вставками, вызванными стремлением составителя Нач. свода выставить Свенельда, Игорева воеводу, в ином свете, чем его выставил Древн. Киевский свод, и для того доказать, что отец Люта Свенельд и отец Мистиши одно и то же лицо.

§ 219¹⁰. Мы приближаемся к подведению итогов предшествующему исследованию. Древнейший Киевский свод включил в свой состав сказание об *убиении* Игоря Мистишей Свенельдичем: рассказ об уступке Игорем Угличской и Деревской дани Свенельду, о ропоте Игоревой дружины, о походе Игоря на Древлян является непременно составною частью сказания, введением к главному его эпизоду — убийству Игоря Мистишей. Начальный свод имел в своем распоряжении другое сказание — об убийстве Олегом древлянским Мистиши, Свенельдова сына; под влиянием этого другого сказания им и переделан текст Древнейшего свода. Итак, о Мистише Свенельдиче существовало два различных сказания, две различные исторические песни. По одной версии он убил киевского князя и этим вызвал войну Киевлян с Древлянами, по другой — он убит древлянским князем, и это убийство вызвало войну Киевлян с Древлянами. Родство обоих сказаний очевидно, но родство это вызвано, конечно, смешением одного сказания с другим, перенесением характерных черт из одного сказания в другое. Я думаю, что в XI веке были известны два сказания, перешедшие из отдаленной древности и основывавшиеся на двух определенных, частью сходных исторических событиях. Первое сказание вспоминало о походе Ольги и Святослава на Древлян для отомщения за убийство Игоря; второе вспоминало о походе Ярополка на Древлян и убийстве древлянского князя Олега. Первое сказание было обставлено подробностями, особенно заманчивыми для княжеской дружины (где возникали и держались такие сказания): оно рассказывало о причине убийства Игоря, о лютости Мстиславе, поразившем Игоря в сражении за погрязшие права своего отца Свенельда. Второе сказание, сначала бедное по содержанию, бледное по окраске своей, подверглось впоследствии влиянию первого сказания; оно заимствовало из него прежде всего основную черту: мщение; как поход Ольги и Святослава, вызван мстостью за убийство Игоря, так и поход Ярополка вызван также мстостью; оно заимствовало из него далее действующие лица: Свенельд и Мистиша переносятся во второе сказание из первого; в первом они являются противниками Ольги и Святослава, виновниками убийства Игоря; во втором им отводится другая роль: они на службе киевского князя, они его слуги и пособники; самая война с Древлянами ведется ими (Свенельдом) и из-за них (убийство Мистиши). Быть может, в таком перенесении характерных черт из одного сказания в другое сказалось стремление сделать своими, русскими киевскими героями такие лица, которые в старших песнях и сказаниях являются в качестве врагов и противников Киева. Образ Мистиши Лютого, храброго, отважного героя, не мог в представлении киевлянина оставаться долго во враждебном для него и для его князя лагере; он делает его своим; он отвоевывает его у седой старины в свою пользу. Сказание, в котором

старый Свенельд и его героический сын Мистиша являются не противниками, а преданными слугами киевского князя, будет поэтому пользоваться у киевлян большим успехом, чем сказание, изображавшее их противниками Киева; составитель Нач. свода дает решительное предпочтение этому виду сказания перед рассказом Древн. Киевского свода, основанным на другом, более первоначальном виде сказания о Свенельде и Мистише.

§ 219¹¹. Рассматривая переделку текста Древн. Киевского свода, предпринятую составителем Начального свода, я упустил из внимания одно существенно важное обстоятельство: вместо Мистиши и Свенельда во главе Древлян оказывается князь Мал («Слышавше же Деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ»). Мы объясняли весь текст Нач. свода, заменивший текст Древн. Киевского свода, как результат мудрствований редактора, желавшего перенести образы Свенельда и Мистиши в иное место, в другой рассказ. Но имя Мала указывает на наличие у него другого источника. Что же это за источник? Ответ не представляет никаких затруднений: это то сказание о мести Ольги Древлянам, которое мы признали в § 72 вставкой, сделанною составителем Нач. свода, заимствовавшим его из устного источника; в этом сказании князем древлянским является этот самый Мал: «се князя убихомъ Рускаго, — говорят Деревляне, — поимемъ жену его за князь свой Маль»; ниже читаем в обращении Древлян к Ольге: «да пойдѣ за князь нашъ за Маль; бе бо имя ему Маль, князю Деревьску».

§ 219. Я позволяю себе сделать еще несколько выводов из предложенного выше исследования. Мы рассматривали выше (§ 117) новгородскую вставку в текст Древн. Киевского свода, перешедшую и в состав Нач. свода и относящуюся к призыванию новгородцами на княжение Владимира. В ней читаем между прочим: «Володимеръ же бе отъ Малуши, ключнице (милостынице) Ользины, сестра же бе Добрыни, отецъ же бе има Малькъ (вар. Малько) Любчанинъ, и бе Добрыня уй Володимеру». Считаю вероятным, что и эта фраза читалась (хотя, как увидим, в измененном виде) в Новгородском своде, так как она стоит в прямой связи с последующим рассказом того же свода, где Рогнеда корит Владимира происхождением от рабыни, называя его робичичем. В приведенном сообщении нас останавливают два обстоятельства: во-первых, ясная этимологическая связь между именем Малуши и отца ее Малка; ср. вариант имени Малуши, известный из Никоновской и Архангелогородской летописей — Малка; во-вторых, несоответствие отчества Добрыни, извлекаемого из этого сообщения, с известным по былинной традиции отчеством его Никитич, Никитинич. В 1864 году Д. Прозоровский высказал предположение, что отец Добрыни и Малуши Малко одно лицо с Малом, князем древлянским; Любечанином летопись назвала его потому, что Ольга, взяв его в плен после смерти Игоря, поселила в Любече²⁹. Думаю, что основная мысль Прозоровского верна: Малко одно лицо с Малом древлянским, о котором мы говорили в преды-

29 «О родстве св. Владимира по матери» в Зап. Импер. Академии Наук, т. V.

душем параграфе; основываюсь на следующем. Мы видели, что в Начальном своде Мал, князь древлянский, заменил Мистишу Свенельдича; предположив, что и в рассматриваемом сообщении произошла такая замена, извлекаем для Добрыни более древнее отчество — Мистинич, Мистишич; думаю, что Добрыня Мистинич вполне естественно заменен позже Добрыней Микитичем. Допустив же, что в источнике Нач. свода, а таковым для данного места мы должны признать Новгородский свод XI века, читалось, что «отец же бе има Мистиша Свенельдичъ » (или Мистиша Деревлянин), мы принимаем, что Начальный свод заменил имя Мистиши Свенельдича именем Малка Любечанина на том же основании, на каком выше Мистиша заменен Малом. Но почему же вместо Мала читается Малькъ или Малько и почему древлянский Мал, конечно, убитый Ольгой, мстившею за убийство мужа, оказался Любечанином?

Отвечая на этот вопрос, замечу, что летопись не дает основания предполагать, чтобы Мал был князем Искоростенским, он мог быть одним из Деревских князей, сидевших в разных центрах Деревской земли («а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю »). Позднейшие сказания связывают имя Мала с именем Деревского города Колеца. Ср. в летописях Синод. библи. № 964 и Публ. библи. Q. б. О. XVII, 12 (о последней см. у Халанского в «Экскурсах в обл. др. рук. и старопеч. изд.» № XXIII): «А сама княгини Ольга нача пленити Древлянскую землю и попленивъ и прииде подъ градъ ихъ Колецъ і ста около его... И повеле княгиня Олга Колецъ градъ разорити и князя ихъ Мала повеле убита»³⁰. Важно отметить, что в позднейших сказаниях, повествующих о взятии Коростеня, не говорится об убийстве Мала. Что же такое этот город Колец? Думаю, что Колец — это древнее Клеческ, современное Клецк, местечко Слуцкого уезда Минской губернии. Имя это в древности звучало предположительно *Къльчъскъ (ср. польск. Kielcy из *Къльци): Къльчъскъ в Ипат. под 6650, 6657 представляет пропуск в первом слого; *Къльчъскъ в имен. падеже должно было перейти с течением времени в Кольческ, откуда появилось под влиянием косв. падежей: *Колеческ, *Колецк, *Колец; в косвенных падежах получалось Клеческа, Клечка (ср. Ипат. под 6650: Клеческ под влиянием Клеческа), отсюда далее Клеческ, Клечка (ср. Клеческъ в Хлебн. списке). Жители *Къльчъска назывались *Къльчане, отсюда не *Клечане, а *Кольчане. Думаю, что народные сказания и песни, связывавшие имя Мала с городом Клеческом (на севере Деревской земли, быть может, уже в Дреговичских пределах), называли Мала Кольчанином. Составитель Начального свода на основании этого заменил Мистишу Древлянина или Мистишу Свенельдича Малом Кольчанином. Чтение «маль кольчанинъ » вызвало недоумение переписчиков и составителя Повести вр. лет, которые осмыслили его, предложив поправку «Малко Любчанинъ ».

³⁰ Ф. А. Гиляров, Предания русской нач. летописи, с. 250. То же в Синописе по списку Ундольск. № 1110: то же в рукописи Ундольск. № 764: «и повеле княгиня Олга градъ Колецъ разорити до основания, а князя Малая повеле убити». #

§ 219¹³. Замена Мистиши именем Мала имела, как кажется, следствием и изменение имени матери Владимира. Она названа Малушей, и это Малуша несомненно произведено от имени появляющегося в Нач. своде отца ее. Не допускаю, чтобы «Малуша» было результатом прямого сочинительства редактора Нач. свода, хотя бы отправлявшегося от имени ее отца Мала. Скорее перед нами осмысление первоначального имени Малуши, приурочение его к имени Мала. Считаю вероятным, что Древн. Киевский свод называл мать Владимирову Малфредью. Ср. под 6508 в Нач. своде и Повести вр. лет известие: «Преставися Мальереть». В §§ ПЗи 114мы предположили, что известие это заимствовано из княжеского синодика. Составитель Начального свода осмыслил другие записи синодика с точки зрения современника Ярослава; при известии «Преставися Рогънѣдъ» он приписал «мати Ярославля» и т. д. Известие же «преставися Мальереть» оставлено им без комментария. Позднейшие книжники, имея в особенности в виду чтения как «преставися Мальфридъ», предполагали, что Малфрид имя одного из Владимировых богатырей, ср. в Никон, «преставися Мальвредь (си́льный)»; Малфреда сильного находим и в Степ, книге в перечне Владимировых богатырей. Некоторые исследователи³¹ предполагали, что под Малфредью должно разуме́ть одну из Владимировых жен. С одинаковою вероятностью можно допустить, что Малфредью называлась мать Владимира, переделанная в Малушу под влиянием подставленного ей отца Мала (ср. дальнейшее превращение Малуши в Малку). Быть может, составитель Начального свода в этом имени «Мальфредъ» нашел подтверждение для своего смелого шага — замены Мистиши (отца Малфреди и Добрыни) Малом; сблизив имя Мала с Малфредью, он пошел дальше, видоизменив самое имя Малфредъ в производное от имени Мал, в Малушу. Если мать Владимира действительно называлась Малфредью Мстиславною, то имя дочери Мстислава Владимировича Малфреди (жены короля шведского Сигурда) могло быть дано ей в память о прабабке.

§ 219¹⁴. Уместно привести здесь ту редакцию, в которой читается соответствующее место в Никоновской и Архангелогородской летописях. В Никон.: «Володимиръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Олжины; Малка же бѣ сестра Добрыне, — и бѣ Добрыня дядя Володимиру; и бѣ рождение Володимеру въ Будутине веси, тамо бо въ гнѣве отслала ея Олга, село бо бѣше ея тамо, и умираючи даде его святей Богородици ». В Архангелогор.: «Владимеръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Олжины; Малка же бѣ сестра Добрынь, отецъ ея бѣ Малкъ Любутчанинь³² бѣ бо Добрыня Малковъ сынъ дядя Володимеру по матери, и рожеше бысть Володимеру въ Будотине селѣ; ту бо бѣ посла Ольга Малку во гнѣве; село бо бѣ ея ту. Бѣ бо умирая Ольга отдасть село то пресвятѣй Богородици». Весьма важно было бы определить источник этих дополнительных данных, отсутствующих в древней летописи. Предпола-

³¹ Напр. Смит, *Nestors Russiske Kronike* (Kjobenhavn, 1869), стр. 101.

³² Замена Любечанина Любутчанином стоит в какой-то связи с приписываемым былинами Добрыне происхождением из Рязани. Любутск — приокский город.

гаю, что в конце концов они восходят к общерусскому своду 1423 года (мы знаем, что общие места Никон, и Архангелогор. могут восходить к этому своду, ср. §§ 178 и 183), а общерусский свод мог иметь в числе источников какие-то записи Киевской Десятинной церкви³³, и в составе их могло находиться приведенное сообщение, явно связанное с Десятинною церковью. Можно думать, что Малфредь не только похоронена в этой церкви, но и пожертвовала ей село Будутино*, которое, к сожалению, трудно приурочить к той или иной определенной местности. Во всяком случае из сообщения Никон, и Архангелогор. выясняется, что мать Владимира была христианкой.

§ 219¹⁵. Как указано, былины сохранили отчество Добрыни*, вытекавшее из первоначального о нем рассказа в Древнейшем Киевском своде: они называют его Никитичем, а Древнейший Киевский свод указывал, что он был сыном Мистиши. В виду этого мы вправе искать в былинах воспоминаний и о самом Мистиши, которого ждем между прочим в виде Никиты*. Предполагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ Мистиши Древлянина³⁴; замечательно, что он богатырь не киевский, — поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме, кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей³⁵. Малфредь Мистинишну или Мстиславну следует, быть может, видеть в Марфиде Всеславьевне, хотя, по-видимому, самый свой образ Марфида заимствует у Запавы Путятичны.*

!И

³³ Ср. в Никон, летописи некоторые церковно-исторические данные X—XI вв., отсутствующие в других сводах.

³⁴ Ср. Песни Киреевского IV, 46.

³⁵ Напр. Песни Киреевского IV, 44.

ГЛАВА XV К истории текста Новгородской 1-й летописи младшего извода

§ 220. Мы подходим теперь все ближе и ближе к главной задаче нашего исследования, к восстановлению Древнейшего летописного свода. Твердое основание такая работа может найти только в тексте Повести вр. лет, так или иначе до нас дошедшем, нам известном. Но мы исходили в предыдущем исследовании и будем исходить и в предстоящей работе по восстановлению текста из другого старшего текста — текста Начального свода, как мы называем киевский летописный свод, составленный ок. 1095 года. Этот старший, чем Повесть вр. лет, лет на двадцать памятник дошел до нас не в полном виде, а в обширных отрывках, сохранившихся в Новгородской 1-й летописи младшего извода, представленной списками Комиссионным и Академическим. Как указано было в I главе, мы знаем Начальный свод в следующих частях его, сохранившихся в Новгородской 1-й младшего извода: Предисловии, тексте 6362—6523 и 6560—6582 гг. Ничто в дальнейшем исследовании не поколебало этого нашего вывода. Но это исследование дало нам возможность заглянуть глубже в состав самого текста отмеченных отрывков и решить, насколько он может быть использован при восстановлении текста сначала Начального свода и, далее, Древнейшего свода; это исследование познакомило нас с историей Новгородской 1-й летописи старшего извода (Синод, списка), тесно связанного с возникшею из него Новгородскою 1-ю летописью младшего извода; мы знаем, что Новгородская 1-я летопись младшего извода составлена по двум старшим летописным сводам: Софий-

скому временнику и Новгородскому своду 1448 г.; в свою очередь Софийский временник составлен по Новгородской 1-й старшего извода (Синодальному списку или его протографу) и по Киевскому Начальному своду в дефектном экземпляре, доведенном до 6582 года. Отсюда следует, что в тексте Новгородской 1-й летописи младшего извода и, между прочим, в тех самых частях его, которые мы возводим к Начальному своду, могут оказаться чтения, во-первых, Начального свода, во-вторых, Синодального списка (как для краткости назовем Новгородскую 1-ю летопись старшего извода), в-третьих, Новгородского свода 1448 года (восстанавливаемого по Софийской 1-й и Новгородской 4-й). Исследователь, приступающий к дальнейшей реконструкции, должен иметь в виду то состояние текста Начального свода, которое выясняется из только что предложенных замечаний: в отрывках 6362—6523 и 6560—6582 гг. он может наткнуться на чтения, восходящие не к тексту Начального свода, а к тексту Синодального списка и к тексту свода 1448 года.

§ 220¹. Сложность истории Новгородской 1-й летописи младшего извода дает мне основание повторить здесь в несколько более обстоятельном изложении те главные выводы, к которым мы пришли выше, исследуя предшествующее новгородское летописание.

1. В XI веке был составлен в Новгороде первый летописный свод, положивший в свое основание Киевский свод. Этот первый Новгородский свод будет нами восстановлен в конце настоящего исследования. Свод этот лег в основание дальнейшего новгородского летописания, ведшегося погодно при дворе епископа.
2. В 1167 году был составлен в Новгороде второй летописный свод при дворе новгородского владыки, только что возведенного в архиепископский сан. В основание его был положен список Повести временных лет второй редакции (1118 года); но он воспринял и все содержание предшествующего новгородского свода. Свод этот лег в основание дальнейшего новгородского летописания, ведшегося погодно при дворе архиепископа.
3. В 1169 году был составлен в Новгороде список со второго летописного свода священником церкви св. Иакова Германом Воятой. Список передавал текст своего оригинала со значительными сокращениями. Летописец Германа Вояты был, как кажется, в XIII веке дополнен по архиепископской летописи и доведен до второй половины XIII столетия.
4. Около 1333 года был составлен в Новгороде летописный свод, дошедший до нас в Синодальном списке. В основание его положена предшествующая компиляция с продолжениями. Но текст распространен вставками из общерусского свода (составленного в Москве при дворе митрополита) начала XIV века; он продолжен до времени составления (до тридцатых годов XIV столетия) по архиепископской летописи.
5. Около 1423 в Москву ко двору митрополита потребовали архиепископскую летопись, для составления нового извода общерусского летописного свода. Есть основание думать, что некоторые (древнейшие) части архиепископской летописи были отосланы в подлиннике; этим объяснялась бы необходимость, скоро обнаружившаяся, положить в основание нового владычного свода не древнюю архиепископскую летопись, а свод 1333 года (Синодальный список).

6. Новый владычный свод — Софийский временник составлен около 1423 года, вскоре после отсылки в Москву древнего владычного свода. Как указано, в основание Софийского временника кладется Синодальный список. Но его не достатки, в особенности в древнейших частях, заставляют обратиться к помощи других источников; в Новгороде отыскивается дефектный экземпляр Начального Киевского свода. Составитель Софийского временника решил использовать сначала его, для того чтобы обратиться к Синодальному списку: а) в тех частях, где Начальный свод оказывался дефектным (а именно в нем были вырваны листы, содержавшие рассказ о событиях 6523—6559), б) там, где драгоценная рукопись обрывалась (на неоконченной повести о кончине пр. Феодосия). За прекращением Синодального списка пришлось прибегнуть к другим источникам; • оказалось возможным довести летопись до времени составления Софийского временника; у составителя имелась, по-видимому, копия с позднейших частей владычной летописи (отосланной, как мы видели, в Москву).
7. В 1433 году была составлена первая редакция памятника, называемого нами Новгородскою 1-ю летописью младшего извода. Эта редакция представляла список с Софийского временника (№ 6), лишь кое-где дополненный, а местами значительно сокращенный. До нас эта редакция дошла в отрывках в составе Троицкого списка Новгор. 1-й летописи и так называемой Новгородской 5-й летописи (ср. Синод. список № 280 т. н. Новгородской 4-й летописи).
8. В 1448 году Софийский временник (№ 6) вошел в соединение с общерусским летописным сводом, содержащим, как мы видели, ценные заимствования из архиепископского свода (№ 5), доставленного в Москву в 1423 году. Новгородским летописателям, утратившим этот древний свод, пришлось, для восполнения оказывавшихся пробелов, прибегнуть к общерусскому своду.
9. Появление свода 1448 года (№ 8) вызвало в скором времени вторую редакцию Новгородской 1-й летописи младшего извода: в основание положена первая редакция (№ 7); она дополнена вставками из свода 1448 года; продолжена она была, по-видимому, до 1439 года (ср. смену почерка в Ком. списке после этого года). До нас дошло два списка этой второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода: Комиссионный и Академический (последний, судя по Толстовскому списку, который признаем копией с него, был доведен до 1443 года). Вопреки прежнему своему мнению, я не возвожу Академического списка к Комиссионному; не нахожу возможным возвести и Комиссионный список к Академическому; оба они восходят к не дошедшему до нас оригиналу второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода. Отличия Комиссионного списка от Академического зависели частью от того, что во многих местах то первый список, то второй позволял себе опiski и незначительные отступления от общего оригинала; частью же от того, что оба списка, каждый притом самостоятельно, позволили себе исказить текст оригинала вычурными прикрасами, мудреными выражениями, амплификациями, славянизмами и т. п. Подобного рода искажения имели место уже в общем оригинале Ком. и Акад. списков, но их было в нем сравнительно немного; число их увеличилось в Акад., в особенности же в Ком. списке.

§ 220². Итак, для восстановления при помощи Ком. и Акад. списков текста Софийского временника, необходимо прежде всего устранить из них отмеченные искажения. Покажем, в чем именно они состояли, на некоторых позднейших частях летописи, для того чтобы иметь твердые основания при устранении их из древнейшей части.

Составитель второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода (оригинала Ком. и Акад. списков), переписывая, например, повесть о взятии Царяграда крестоносцами в 1204 г., внес в нее следующие изменения, не оправдываемые ни Синод. списком, ни Соф. временником (Соф. 1-ю летописью): «а сына Олексу затвори в стенах высоких и с т р а ж а п р и с т а в и » вместо «стражею» (Син. и Соф.); «а б і е р а з б о л е с я » вм. «разболевъся» (Син. и Соф.); «Фрязи же уведавше яко изимаша Исаковича » вм. «ята» (Син. и Соф.); «обльчени въ бронь¹ » вм. «одени» (Син. и Соф.). Переписывая сказание об Александре Невском, он делает, напр., следующее отступление от текста свода 1448 года (ср. Соф. 1-ю летопись): «ислышавъ таковой страшный гласъ» вм. «и гласъ слыша таковой».

Но еще больше отступлений позволяет себе составитель Академического списка. Напр., в повести 1204 г.: «и се паки отселе начата строити брань къ граду» вм. «ОТТОЛЕ » (Ком. и Соф.). В сказании об Александре: «отъ матери боголюбивыа и мене немъ зовомыа беодоаа» вм. «отъ Феодоаа матери боголюбивы»; «и паки дал бо бе Богъ ему премудрость Соломоню» вм. «и даль же»; «да поможемъ сроднику своему Александрови на не верныа языки» вм. «сроднику своему Александру» ; «и слышавъ таковой страшный и дивный и грозный гласъ» вм. «страшный»; «потомъ же паки пойдяше скоро Александръ князь» вм. «пойде».

Несравненно больше подобных амплификации в Ком. списке. Напр., в повести 1204 года: «і а б і е СЛЕПИВШИ его» вм. «и слепивъ его»; «и с и ц е з а п о в е д а в ш и , яко никтоже не внидетъ, з д е » вм. «яко не внидетъ никтоже»; «и п а к ы вси хотяху Радиноса» вм. «и вси хотяху Радиноса»; «Николу воина на р о ч и т а » вм. «Николу воина »; «и бояре в ъ г р а д е т о м ъ » увидавши помышление ц а р е в о и п а к ы утолиша его» вм. «бояре же уведавше, утолиша царя»; «а месяца майя въ 9 на память святаго пророка Исая, и в той же день святаго отца нашего Николы принесете честныхъ мощей его» вм. «а месяца майя въ 9». В сказании об Александре: «отъ Феодосиа матери боголюбивы нравомъ, добротчестива и богоугодна купив якоже суца, великими просвещается дела, якоже иноческаго сподобитись ей чина и приснопомняемая Федоаа, мати князя Александра» вм. «отъ Федоаа матери боголюбивы»; «и събра в о й множество силу велику ЗЕЛО» ВМ. «и събра силу велику»; «жалостно бе слышати, п а ч е ж е в и д і т и достойно, яко отецъ его Ярославъ » вм. «жалостно слышати, яко отецъ его Ярославъ »; «сына своего, Богомъ въспетаннаго и богочестивнаго и Богомъ утверждаемаго, и поборника сущи православной Христовой вере, дражшшаго Александра » вм. «сына своего честнейшаго и драгаго Александра », и т. д.

Отсюда видно, как свободно относился к своему оригиналу составитель Ком. списка. Более надежным оказывается текст Академического списка, но и он местами подвергся, как мы указали, распространениям. Но зато текст, восстанавливаемый при помощи сопоставления Ком. и Акад. спи-

сков, оказывается надежным в смысле близости к своему оригиналу. Следовательно, при восстановлении текста Софийского временника по Ком. и Акад. спискам, можно признавать восходящими к восстанавливаемому памятнику только те чтения, которые общи Комиссионному и Академическому спискам; имея же в виду отмеченную вольность составителя Ком. списка и, напротив, большую консервативность составителя Акад. списка, мы вообще должны предпочесть чтения Академического списка чтениям Комиссионного, несмотря на большую древность последнего.

Особенно резко сказалась редакционная работа составителя Комиссионного и составителя Академического списков в статье о крещении Ольги. Тот и другой позволили себе ряд отступлений от общего оригинала.

Так, например, составитель Ком. списка вместо «и прииде Ольга къ царю и видевъ ю царь добру сушу лицемъ » сочиняет: «они же поведаша царю прихоть ея; абие царь возва ю к собе; она же иде къ нему, ничтоже медлящи. И видевъ ю царь зело добру сушу лицемъ»; вм. «и рече царь къ болярюмъ своимъ» — «и рече царь предстоящимъ ту велможамъ своимъ»; вм. «и благослови ю патриархъ и иде съ миромъ въ свою землю и прииде къ Кы-еву» — «и благословивъши патриархъ со вселеньскимъ соборомъ, и отпусти ю с миромъ въ свою землю; и пришедши ей паки къ Киеву, принявши святое крещение и божественныя дары въ Царьскомъ граде отъ честнейшаго патриарха »; вм. «и отпусти послы » — «и сѧ паки словеса глаголавши много, і абие отпусти приходящая послове», и т. п.

Составитель Акад. списка имеет вм. «просвещена же бывши» — «просвещена же бывши святымъ крещешемъ и въкусивъши святаго и божественнаго тела и крове Господня»; вм. «и радовашеся душою и теломъ» — «и радовашеся съ всею душою истинному Богу и Спасу нашему Иисусу Христу»; вм. «и поучи ю патриархъ о Вере» — «и по сихъ паки поучи ю патриархъ о Вере божественнымъ писаниемъ святыхъ отецъ преданнаа седми съборовъ», и т. д.

Но сравнение Акад. и Ком. списков с текстом Соф. 1-й и Новг. 4-й летописей доказывает, что уже в оригинале обоих списков допущены были отступления от текста Соф. временника: ср. в Акад. и Ком.: «хотящи възвратитися къ стране своей » вм. «она же хотящи домовъ ». Впрочем, подобных отступлений немного.

§ 220³. Тем не менее возможность редакционных изменений со стороны составителя 1-й или 2-й редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода ведет нас к необходимости признать, что для восстановления при помощи Ком. и Акад. списков текста Софийского временника должен быть привлечен и свод 1448 года, т. е. текст Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей; мы знаем, что свод 1448 года составил из соединения текста Софийского временника с текстом общерусского свода. Впрочем, не следует упускать из виду возможности влияния свода 1448 года на текст второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода; поэтому некоторые чтения оригинала Ком. и Акад. списков могут быть обязаны своим происхождением влиянию свода 1448 года. Не думаю, однако, чтобы это

влияние было очень значительно. То обстоятельство, что составитель второй редакции Новгородской 1-й летописи не заимствовал в начале из свода 1448 г. почти никаких статей, исключая части от 6552 до 6559 *, оставшейся в Соф. временнике совершенно незаполненной вследствие дефектности Нач. свода, указывает на то, что свод 1448 оставлялся составителем второй редакции Новгородской 1-й летописи почти совсем в стороне при переписке текста первой редакции.

Поэтому согласные чтения Ком., Акад. и свода 1448 г. (Соф. 1-й и Нов. 4-й) я возвожу к Соф. временнику; равным образом возвожу к нему согласные чтения Ком. и свода 1448; далее согласные чтения Акад. и свода 1448 г.; наконец, в значительном количестве случаев возвожу к нему и согласные чтения Ком. и Акад. списков. Впрочем, относительно чтений общих Акад. и своду 1448 г. должна быть сделана оговорка: Академический список подвергся исправлению по Троицкому списку Новгородской 1-й летописи (точнее по его протографу), а этот Троицкий список представлял текст первой редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода, исправленный и дополненный по какому-то Московскому своду. Поэтому возводим к Соф. временнику только те чтения Акад. списка, согласные со сводом 1448 г., которым противопоставляются чтения Ком. списка, не находящие себе подтверждения в древних списках Повести вр. лет.

§ 220¹. Таким образом, задача восстановления Софийского временника в древнейшей его нас интересующей части представляется вполне выполнимой. Но будет ли восстановленный таким образом текст Софийского временника тождествен с текстом Начального свода? Умалчиваем о неизбежных подновлениях при переписке в XV в. текста конца XI века; эти подновления нетрудно было бы выделить и устранить из восстановленного текста. Но имеем в виду то, что Софийский временник, согласно предыдущему, составлен и в древнейшей части своей на основании не одного Начального свода, а двух памятников: Начального свода и протографа Синодального списка. Не отразилось ли влияние протографа Синодального списка на тексте Софийского временника?

Определенный, бесспорный ответ на этот вопрос дать, к сожалению, нельзя потому, что древнейшая часть Синод. списка вплоть до середины статьи 6524 (1016) г. утрачена. В части же от 6524 до 6583 г., с которого Софийский временник следовал протографу Синод. списка, этот последний настолько отличался от текста Нач. свода, что никакой речи о влиянии его на текст Софийского временника, копировавшего текст Нач. свода, быть не может. Предыдущее исследование показало, что в части до 6524 года Софийский временник заимствовал из протографа Синод. списка статью о крещении Новгорода и приложенные к ней перечни князей, епископов и пр. Тем настойчивее выдвигается вопрос, не заимствовано ли из того же источника еще кое-что? Вероятное решение этого вопроса надо ждать от предва-

¹ В дальнейшем заимствованы из свода 1448 некоторые более или менее обширные сказания.

рительного разрешения другого вопроса: представлял ли протограф Синод, списка в части до 6524 года такой же краткий, отрывочный перечень извествий, как в части 6524—6582, или он был здесь полнее и содержательнее? Если древнейшая часть протографа Синод, списка сходствовала по краткости и отрывочности с частью после 6524 года, то ни о каком влиянии протографа Синод, списка на Соф. временник быть речи не может; если же протограф Синод, списка в древнейшей своей части передавал летописный текст не в извлечении, а полностью, то влияние его на Соф. временник представляется весьма вероятным. Решение поставленного вопроса оказывается вполне возможным. Благодаря сохранившемуся в Синод, списке счету тетрадей, ясно, что 1-й лист его (содержащий текст статьи 6524 года) был некогда 1-м листом 16-й тетради и что, следовательно, Синодальный список утратил 15 тетрадей или 120 листов; полагая на каждом листе 36 строк (на страниц их 18), а в каждой строке от 20 до 23 букв, видим, что утраченная часть Синод, списка содержала от 95 до 100 т. букв. Заметим, что соответствующая часть Ипатьевской летописи по приблизительному подсчету содержит 140 т. букв; а соответствующая часть Ком. списка от 85 до 90 т. букв. Следовательно, текст Синод, списка в утраченной части был полнее текста Ком. списка, но короче текста Повести вр. лет.

220⁵. Наш вывод согласуется с предполагаемою историей протографа Синод, списка. В древнейшей части своей он оказывается копией с летописи Германа Вояты; последняя является копией с Новгородского свода 1167 года. Этот свод положил в свое основание список Повести вр. лет, но не упускал из внимания и старшего Новгородского свода XI века; весьма естественно предположить, что под влиянием этого свода XI века подвергся сокращению и текст списка Повести вр. лет. Но тем не менее свод 1167 года был полнее Начального свода (об объеме, которого судим по Акад. и Ком. спискам), ибо он мог содержать ряд тех статей Повести вр. лет, которые не входили в состав Начального свода.

Итак, мы указали на вероятность того, что текст протографа Синод, списка влиял на текст Софийского временника в части до 6524 года. Перенос в свой труд статьи Начального свода, составитель Софийского временника имел полную возможность сверить и исправить их по протографу Синодального списка.

§ 220⁶. Думаю, что в пользу такого вывода можно привести, например, следующее соображение. Под 6480 г. читалось в Соф. временнике: «Свендель же прииде Киеву къ Ярополку; а Ярополкъ же княжа в Киеве и воевода бе у него Блудъ ». В соответствующем месте Повести вр. лет: «Свеналдъ же прииде Киеву къ Ярополку. И всехъ летъ княженья Святослава летъ 20 и 8». Может ли приведенное выше чтение Соф. временника восходить к Начальному своду? Думаю, что нет, ибо в Начальном своде, как и в Повести вр. лет, Блуд является в рассказе уже позже, под 6488 годом, а активным деятелем в борьбе Ярополка с Олегом оказывается не Блуд, а Свенельд. Между тем мы знаем, что слова «а Ярополкъ же бе (или: седе) княжа в Киеве, и воевода бе у него Блудъ» читались во всяком случае в Новгород-

ском своде 1167 года, ибо мы находим их в своде 1428 года, как это видно, напр., из Хронографа и Ермолинской летописи. Присутствие этих слов в Новгородском своде 1167 года доказывает, что они читались в Новгородском своде XI века и, далее, в Киевском Древнейшем своде; а это последнее обстоятельство вполне естественно, ибо, как мы знаем, Древн. свод не знал о Свенельде времен Ярополка, а только о Свенельде времен Игоря (ср. § 219⁷). Поэтому мы и думаем, что приведенная фраза читалась как в Древн. Киевском своде, так и в Новгородском своде XI века. Составитель Начального свода ввел в ряд статей, относящихся к княжениям Святослава и Ярополка, Свенельда и сообразно с этим должен был устранить сообщение о воеводе Блуде в известии о вокняжении Ярополка. Следовательно, приведенная нами фраза могла попасть в Софийский временник не из Начального свода, а только из протографа Синодального списка, восходящего, как мы знаем, в конце концов к Новгор. своду 1167 года.

§ 220⁷. Итак, протограф Синодального списка, а может быть, еще летопись Вояты представляли следующую любопытную особенность в своем составе: приблизительно до вокняжения Ярослава они содержали довольно полный летописный текст, между тем, после 6524 года, по-видимому, до самого конца XI столетия они ограничивались самою краткою выборкой из свода 1167 года. Оставляю нерешенным вопрос, от чего зависело такое неодинаковое отношение Германа Вояты к своему оригиналу. Возвращаясь к предложенному выводу: в части до 6524 года протограф Синод. списка оказал влияние на соответствующие статьи Начального свода при перенесении их в Соф. временник. Этот вывод имеет для нас то значение, что заставляет с осторожностью возводить текст статей Софийского временника к тексту Начального свода. Может оказаться, что в составе Софийского временника некоторые статьи в части до 6524 года восходят к протографу Синод. списка; может оказаться, что отдельные чтения Софийского временника должны быть возведены к протографу Синод. списка.

220⁸. Останавливаемся на первой возможности: в составе Софийского временника некоторые статьи в части до 6524 г. могут возводиться не к Начальному своду, а к протографу Синодального списка. Действительно, такие статьи есть. Это, во-первых, статья 6497 года о крещении Новгорода и приложенные к ней перечни², совершенно ясно, что ни эта статья, ни эти перечни не читались в Начальном Киевском своде; их нет в Повести вр. лет; перечень великих князей киевских, доведенный до Ростислава Мстиславича, указывает на 1158—1167 гг., т. е. на время составления Новгородского владычного, архиепископского свода (1167 г.). Это, во-вторых, приведенное выше: «а Ярополкъ же княжа в Киевѣ, и воевода бе у него Блудъ». Есть ли кроме этих двух статей еще и другие, восходящие к протографу Синод. списка? Думаю, что нет: никаких указаний на то, чтобы в части до 6524 года

2 Перечни в Соф. временнике были продолжены до времени его составления, т. е. до 1423—1425 гг.

какая-нибудь статья, кроме двух указанных, восходила в Соф. временнике к протографу Синод, списка, я не нашел³.

§ 220⁹. Переходим ко второй возможности: некоторые статьи Соф. временника могут содержать чтения, восходящие к протографу Синод, списка. О том, что действительно так, имеется ряд веских указаний. Сравнивая текст Соф. временника (Акад., Ком., Соф. 1-я) с текстом Лавр., Радз. и Ипат. списков, видим, что в целом ряде случаев Соф. временник отступает от текста Лавр, списка и сходится с текстом Радз. и Ипат., причем многое заставляет предполагать, что в Лавр, сохранилось более первоначальное чтение. Приведем такие чтения:

6453 (945): «и и з ш е д ш е Древляне изъ града Коростеня противу» (то же в Радз., Хлебн.), вм. «вышедше» (Лавр.); «да в велице чести пойду за вашъ князь» (то же в Радз., Ип.), вм. «приду» (Лавр.). Под 6463 (955): «благословити тя имуть (то же в Радз., Ип.), вм. «хотять» (Лавр.); после «прииде къ Киеву» прибавлено: «я ко же (я ж е) п р е д ъ р е к о - х о м ъ (то же в Радз. и Ип.: «и яко же рькохомъ »), в Лавр, этого нет; «радоватися начнеши» (то же в Радз., Ип.), вм. «почнешь» (Лавр.). Под 6476 (968): «аще не приступите утро» (то же в Ип.), вм. «аще кто не приступить с утра» (Лавр.). Под 6479 (971): «то промыслите о с е бе» (то же в Радз., Ип.), вм. «собою» (Лавр.); «и не п о з р е наня» (то же в Ип.), вм. «не зре »(Лавр.); «мертвии бо срама не имуть» (ср. в Ип. и Радз. «не имаютъ »), вм. «не имамъ » (Лавр.). Под 6485 (977): «высподѣ подѣ т р у п и - е м ъ» (ср. в Ип. и Радз.: «(на)исподи подѣ трупиемъ»), вм. «высподи трупия » (Лавр.). Под 6488 (980): «и оседаху Ярополка въ Родив » (то же в Ип. и Радз.), вм. «освде» (Лавр.); «побегни из гр а д а» (то же в Ип. и Радз.), вм. «за градъ» (Лавр.); «и разуму его несть ч и с л а » (то же в Ип. и Радз.), вм. «конца» (Лавр.); «б ы с т ъ яко корабль» (то же в Ип. и Радз.), вм. «вла-даеть яко корабль» (Лавр.). Под 6493 (985) «а хмель гр я з н у т и » (то же в Ип. и Радз.), вм. «почнеть тонуту» (Лавр.). Под 6494 (986): «НЕМЦИ ИЗ РИМА» (то же в Ип. и Радз.), в Лавр, только «Немци». Под 6495 (987): «о т и н у д ъ, Богъ с челов^кы пребываетъ» (то же в Ип. и Радз.), вм. «онѣде » (Лавр.). Под 6496 (988): «и боряху крепко граждане» (то же в Ип. и Радз.), вм. «изъ града»; «яко въ п о г а н ы я, рече, иду» (то же в Ип. и Радз.), вм. «въ полонъ» (Лавр.); «в ъ с к р а и церкви» (то же в Ип. и Радз.), вм. «съ края»; «бити жезлиемъ» (то же в Ип. и Радз.), вм. «тети» (Лавр.). Под 6504 (996): «и медь въ б о ч к а х ъ » (то же в Ип. и Радз.), вм. «в бчелкахъ» (Лавр.); «нѣ съ и с п ы т а н и е м ъ » (то же в Ип. и Радз.), вм. «но со испытомъ » (Лавр.), и т. д. *

3 Отмечаю еще раз, что похвала Владимиру в Соф. временнике читалась краткая, в несколько строк; вторая редакция Новгор. 1-й младш. извода (Ком. и Акад.) заимствовала похвалу из свода 1448 года (а этот из свода 1423, а этот из жития Владимира); далее, статья об убиении Глеба, начиная со слов: «то и селика постижемя», заимствована также из свода 1448 года. В Соф. временнике здесь был, по видимому, прямо пропуск (ср. такой же пропуск в конце статьи о смерти пр. Феодосия). В протографе Синод, списка, как кажется, убиение Бориса и Глеба было изложено совсем кратко.

§ 220¹⁰. Эти и другие подобные отличия восходят, очевидно, к одному общему для Ипатьевской, Радзивилловской и протографа Синодального списка оригиналу, — особой редакции Повести вр. лет, отличной от той, что лежит в основании Лаврентьевской летописи. Эта последняя летопись в общем следует первой редакции Повести вр. лет, составленной в 1116 году; как мы указали выше, Новгородский свод 1167 года (а текст Синод, списка восходит именно к этому своду) основывался на второй редакции Повести вр. лет, составленной в 1118 году; к этой же редакции, как ясно из целого ряда соображений, возводятся чтения Ипатьевской и Радзивилловской летописей (ср. § 154). Для Ипатьевской летописи это доказывается, напр., тем обстоятельством, что она содержит прямое продолжение Повести вр. лет (годы 1111—1117), что она дополняет текст первой редакции вставками некоторых событий в рассказе об XI веке, что она повествует о первоначальном поселении призванных князей в Ладоге и последующем за сим основании Новгорода, что она заменяет имя Иоанна Цимисхия в рассказе о крещении Ольги именем Константина сына Леонова, и т. д. Для Радзивилловской это же следование второй редакции (при значительном влиянии первой) доказывается общими чтениями с Ипатьевскою.

§ 220¹¹. Итак, вторая редакция Повести вр. лет отличалась от первой сильною переработкою в языке; многие слова и выражения первой редакции по той или иной причине заменены были другими. Наиболее точно сохранились особенности второй редакции в Новгородском своде 1167 года, ибо здесь текст Повести вр. лет вошел в соединение с довольно отличным от нее Новгородским сводом XI века, почему особенности Повести вр. лет оставались неизменными; в Ипатьевской и Радзивилловской летописях текст второй редакции Повести вр. лет вошел в соединение с текстом первой редакции, что имело неминуемым последствием утрату в них многих типичных особенностей второй редакции. Здесь не место распространяться по вопросу о взаимных отношениях обеих редакций Повести вр. лет. Возвращаемся к тексту Софийского временника.

§ 220¹². Мы извлекаем из него без затруднения текст Начального свода; но текст этот подвергся в Соф. временнике сильнейшей переработке по протографу Синодального списка, иначе по второй редакции Повести вр. лет. В виду этого те чтения Соф. временника, которые, отличаясь от Лаврентьевской, сходны с Ипатьевскою и Радзивилловскою, мы вправе; возводить не к Начальному своду, а к другому источнику Соф. временника — к протографу Синодального списка. Отсюда же следует, что, напротив, чтения, общие Софийскому временнику и Лаврентьевскому списку, могут быть с уверенностью возводимы к Начальному своду.

Предыдущие соображения ведут нас еще к одному дальнейшему заключению: текст Лаврентьевского списка является при восстановлении Начального свода более надежным руководителем, чем текст Софийского временника; Лаврентьевский список представляет первую редакцию Повести вр. лет, поэтому текст сравнительно более близкий к Начальному своду, чем вторая редакция Повести вр. лет, следовательно, чем текст Софий-

ского временника, в котором текст Начального свода подвергся переработке со стороны второй редакции Повести вр. лет.

§ 220¹³. Совершенно особого внимания заслуживает та часть Новгород. 1-й летописи мл. изв., которая содержит рассказ о древнейших событиях — это часть до 6453 (945) года. В этой части видим особенное отличие текста Новгород. 1-й летописи от текста Повести вр. лет. Вместе с тем предыдущее исследование показало, что именно в этой части Новгород. 1-я летопись содержит ряд чтений, восходящих (путем Соф. временника) не к Начальному своду, а к протографу Синодального списка. Я сошлюсь на соображения, высказанные в §§ 70⁵ и 70⁶, где доказано влияние протографа Синод. списка на рассказ о походах Игоря против Древлян и Угличей; далее — на § 199, где чтение «прозвашася Русь, и отъ техъ словеть Руская земля» возведено к тому же источнику Соф. временника; затем — на § 206⁸, где чтение «еже не дають » точно так же признано заимствованным из протографа Синод. списка. В виду этого у нас возникает сомнение относительно того, точно ли можно возвести текст древнейшей части Новгород. 1-й летописи младш. извода к Начальному своду, не восходит ли она целиком ко второму источнику Соф. временника — к протографу Синод. списка. Но сомнение это нельзя признать основательным. Текст протографа Синод. списка в конце концов восходит к двум первоисточникам — к Повести, вр. лет и к Новгородскому своду XI века. Это обстоятельство дает нам возможность определить, что именно могло читаться в тексте протографа Синод. списка и чего не могло в нем быть. Правда, Новгородский свод XI века до нас не дошел, но мы не имеем оснований предполагать, чтобы он в частях, касающихся событий неновгородских, отличался бы от Древнейшего киевского свода, восстанавливаемого на основании данных, выше нами сообщенных.

§ 220¹⁴. Так, рассказ о походе Руси на Царьград при царе Михаиле не мог читаться в протографе Синод. списка в том виде, в каком мы его находим в Новгород. 1-й младшего извода, ибо его нельзя возвести ни к Повести вр. лет (отсутствие имен Аскольда и Дира, другая хронология), ни к Новгородскому своду XI века (так как в этом последнем, так же как в Древн. Киевском своде, не было заимствований из того хронографа особой редакции, к которому восходит соответствующая статья). То же справедливо и для рассказа о походе Руси на Царьград при царе Романе. Далее, рассказ о завладении Киева Игорем и Олегом не мог читаться в протографе Синод. списка в том виде, в каком мы его находим в Новгород. 1-й младш. извода, ибо и его нельзя возвести ни к Повести вр. лет (которая сообщала о завладении Киева Олегом), ни к Новгородскому своду XI века (в последнем Олег не мог быть назван воеводой Игоревым, и рассказ не мог вестись в двойственном числе: то и другое, как мы указывали, — черты позднейшей обработки). Равным образом невероятно возводить слова «и ко Игорю » в рассказе о походе Олега на Царьград к протографу Синод. списка; их нет в Повести вр. лет (где Олег предпринимает поход самостоятельно, а не в качестве воеводы Игорева), не могло быть и в Новгород. своде XI века, рассказ которого сходил с рассказом Древн. Киевского свода, а в этом последнем не

могло содержаться этой явно позднейшей вставки, имевшей очевидную целью помирить рассказ о самостоятельном походе Олега с представлением об Олеге — Игоре воеводе.

§ 220¹⁵. Помимо этих соображений можно указать еще на данные, извлекаемые из самой Повести вр. лет и доказывающие, что непосредственно предшествовавший ей свод должен был быть в общем сходен с тем самым текстом, который представляет Новгородская 1-я младш. извода.

Имеется ряд оснований думать, что пользование Амартолом должно быть отнесено насчет составителя Повести вр. лет, а не Начального свода: последний имел в своем распоряжении другой хронографический источник (ср. заимствования из него под 6573 и другими годами). Далее не подлежит сомнению, что Начальный свод не знал договоров с Греками; соответствующие этим договорам места в Повести вр. лет обнаруживают явные вставки, между тем как текст Начального свода, где договоров нет, оказывается первоначальным (ср. договоры Игоря и Святослава). Затем можно с уверенностью утверждать, что в Начальном своде не было статьи о преложении книг с греческого на славянский язык, статьи, содержавшей также данные о первоначальном единстве и позднейшем расселении Славян. Наконец, вполне естественно допустить, что составитель Повести включил в свой труд легенды и сказания, не бывшие в распоряжении старшего свода: позднейшее летописание целым рядом примеров свидетельствует о таком распространении младших сводов насчет старших.

И вот, если, в виду указанных соображений, мы исключим из древнейшей части текста Повести вр. лет: во-первых, заимствования из Амартола, во-вторых, два Олеговых договора, в-третьих, ряд данных о расселении Славян и статью 6406 (898) года о преложении книга, в-четвертых, наконец, легенду об апостоле Андрее и сказание о смерти Олега, мы получим представление о своде, весьма сходном с тем, что представлен Новгородскою 1-ю летописью младш. извода. Не должно упускать еще из виду, что привлеченные составителем Повести вр. лет источники вызывали с его стороны распространение основного источника новыми известиями, возникавшими по вполне понятной ассоциации. Рассказ Амартола о распределении земель между сыновьями Ноя дополнен сведениями о русско-славянских, чудских и варяжских племенах, сидящих в Иафетовой части; данные статьи о преложении книг касательно расселения Славян дополнены сведениями о русско-славянских племенах; легенда об Андрее связана с сообщением о пути из Варяг в Греки; заимствованию из Амартола о нравах различных племен предшествует рассказ о нравах русско-славянских племен; за ним следует сообщение о нравах Половцев. Поэтому, восстанавливая старший свод, мы вправе исключить из текста Повести вр. лет и все эти позднейшие вставки и распространения ее источников. Отличия свода, восстановленного путем исключения указанных материалов из Повести вр. лет, от текста Новг. 1-й летописи окажутся совершенно незначительными. Лишних фактов почти не окажется в таком восстановленном своде: известия о покорении Олегом Древлян, Северян, Радимичей представляются частью извлеченными из текста, сходного с текстом

Новгор. 1-й (покорение Олегом Древлян ср. с покорением Древлян Игорем), частью же противоречащими другим сообщениям Древнейшего свода и поэтому вставленными (Радимичи покорены не Олегом, а Владимиром); поход Игоря 944 года после поражения 941 года представляется явно сочиненным для того, чтобы покрыть бесславное событие, о котором летописец узнал из продолжателя Амартола.

§ 220¹⁶. Хотя отличий восстановленного таким путем текста старшего, чем Повесть вр. лет, свода сравнительно с текстом Новгор. 1-й летописи младш. извода не много, но тем не менее они оказываются настолько существенными, что опять возникает вопрос, можно ли возвести текст Повести вр. лет к тексту, сходному с Новгор. 1-ю летописью младш. извода. Не стану говорить о том, что некоторые статьи Новгор. 1-й летописи явно заменены другими в Повести вр. лет; напр., статьи о походах Руси на Царьград при царях Михаила и Романе изложены в Новгор. 1-й по одному хронографическому источнику, а в Повести вр. лет по другому (по Амартолу). Обращаюсь к другим отличиям: Повесть временных лет излагает рассказ о призвании Варягов с иными подробностями, чем Новгор. 1-я; Рюрик и его братья оказываются не Варягами, а Русскими; самая Русь отождествлена, впрочем, с Варягами. Вместо «идоша за море к Варягомъ и ркоша » Новгор. 1-й летописи мы читаем в Повести вр. лет: «идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо тш звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си. Реша Руси Чюдъ, Словени и Кривичи и Весь ». Не сомневаемся в том, что текст Новгор. 1 -й именно в этом случае более первоначальный, чем текст Повести вр. лет; слова «къ Руси; сице бо тии звахуся Варязи Русь, яко се... и Весь » имеют все признаки вставки. Вставка эта, как мы видели, стоит в связи с особым взглядом составителя Повести вр. лет, настойчиво им проводившимся, по которому Русь Киевская — те же Варяги, причем появление их относится ко времени призвания варяжских князей, Рюрика и его братьев. Как указано выше (гл. XIII), Новгородская 1-я в своем рассказе о призвании Руси держится другого взгляда и различает Русь от Варягов. В виду только что отмеченной большей первоначальности текста Новгор. 1-й летописи сравнительно с Повестью вр. лет, я в этом отличии Новгор. 1-й летописи от Повести вр. лет вижу решительное доказательство в пользу того, что в этой летописи представлен текст старшего, чем Повесть вр. лет, свода. Различие между Варягами и Русью проводится и ниже в Новгородской 1-й: она утверждает, что Варяги, перейдя в Киев с завоевавшим Киев князем, прозвались Русью; между тем Повесть вр. лет в соответствующем месте говорит, что Русью прозвались вообще Варяги, Словене и прочий. В совершенном противоречии с этим находится утверждение той же Новгор. 1-й летописи, помещенное непосредственно за призванием Варягов: мы читаем здесь, что «отъ техъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ техъ словеть Руская земля ». В виду указанных выше соображений считаем эти слова вставленными из протографа Синод, списка, в который, как мы знаем, (путем свода 1167) проникли многие чтения Повести вр. лет.

Вторым существенным отличием Повести вр. лет от Новгород. 1-й оказывается отношение к Олегу: по Новгородской 1-й — это воевода Игорев, а по Повести вр. лета — это князь, правивший во время малолетства Игоря. Не сомневаюсь в том, что последний взгляд восходит к первому: в связи с ним находится и то обстоятельство, что в Повести вр. лет имеется текст двух договоров, где Олег назван князем; можно поэтому думать, что превращение воеводы Олега в князя Олега вызвано отчасти влиянием этих договоров. Мы указывали выше, что текст Повести вр. лет сохранил в одном месте след того, что его источник говорил о завладении Киевом, так же как говорит теперь Новгород. 1-я, в двойственном числе (Игорь и Олег), между тем как вообще это двойственное число переправлено в Повести вр. лет в единственное: а именно в Повести вр. лет читаем «придоста къ горамъ хъ Киевскимъ». Но признавая и в этом случае текст Новгород. 1-й более первоначальным, чем текст Повести вр. лет, ставим себе вопрос, можно ли признать исконною чертой соответствующего рассказа наличность в нем двух действующих лиц — Игоря и Олега? Выше мы доказывали, что некогда говорилось в рассказе о завладении Киевом об одном Олеге, а что Игорь вставлен после. Следовательно, текст Новгород. 1-й летописи предполагает более древний текст, где говорилось об Олеге, а не об Игоре и Олеге, в соответствующем рассказе. Отсюда мы и заключаем, что в Новгород. 1-й летописи представлен текст свода, непосредственно предшествующего Повести вр. лет, а не свода первоначального.

Не имея основания допускать, чтобы второй источник, к которому в конце концов восходит текст протографа Синод, списка — т. е. Новгородский свод XI века, заменил Олега Игорем и Олегом, имея, напротив, в виду что первый источник указанного текста — Повесть вр. лет говорит о князе Олеге, мы не можем допустить, чтобы в рассказе о завладении Киева Новгород. 1-я летопись следовала протографу Синод, списка. Следовательно, соответствующий рассказ Соф. временника (из которого произошла Новгород. 1-я летопись) восходит ко второму его источнику — к Киевскому Начальному своду, непосредственному источнику Повести вр. лет.

§ 220¹⁷. Для наглядности взаимные отношения большей части списков, упомянутых в предшествующем исследовании, изображены в приложенной графической таблице. О названном во второй строке сверху 1-м Печерском своде не говорилось выше; скажем о нем в следующих главах.

ГЛАВА XVI Объем Древнейшего летописного свода; время и место его составления

§ 221. Мы подходим в этой главе; к подведению итогов предшествующего исследования. Нам предстоит решить прежде всего вопрос об объеме восстанавливаемого по предложенным выше данным свода. Разрешение этого вопроса облегчит нам ответ на все другие вопросы, относящиеся к ближайшему определению тех условий, при которых возник этот памятник.

В высшей степени важным обстоятельством, которое мы поставим исходным началом предстоящих нам рассуждений, признаем следующую особенность Повести вр. лет и Начального свода, служащих основанием для восстановления Древнейшего летописного свода. На всем протяжении их до 6569 (1061) года мы совсем почти не встречаем в их тексте точных хронологических определений; разумею под точным определением указание дня совершившегося события. Действительно, до 6569 года находим только два таких указания: под 6523 (1015) годом указан день кончины Владимира Святославича («мѣсяца нуля в 15 день»); под 6562 (1054) указан, впрочем, в форме, недостаточно вразумительной, день кончины Ярослава Владимировича (Лавр.: «в субботу 1 поста святаго Аеодора »). Ни одного другого точного хронологического определения мы в тексте Повести вр. лет не найдем: остались не указанными даже такие дни, как день кончины Ольги, убиения Бориса, убиения Глеба, освящения Богородицы Десятинной, освящения св. Софии. Под 6569 годом указан день поражения Всеволода Ярославича от впервые напавших на Русскую землю Полов-

цев: 2 февраля; после этого указания точные хронологические определения встречаются все чаще; под 6574 отмечен день кончины Ростислава Владимировича в Тмуторокане: 3 февраля; под 6575 день битвы на Немиге: 3 марта и день, когда был схвачен вероломным образом Всеслав: 10 июля; под 6576 день освобождения Всеслава из поруба: 15 сентября и день победы Святослава над Половцами: 1 ноября; под 6577 (1069) день возвращения Изяслава в Киев: 2 мая. Начиная с 6580 (1072) года, точные хронологические указания становятся еще чаще и последовательнее. Вряд ли отмеченное обстоятельство — отсутствие точных хронологических указаний до 6569 года и появление их в изобилии, начиная с шестидесятых годов XI столетия — может быть объяснено случайностью; перед нами два различных приема летописания, зависевших, конечно, от той или иной определенной причины.

§ 221¹. Отыскивая эту причину, я вижу только две возможности: или, начиная с 1061 года, мы имеем дело с другим летописцем, чем до этого года; или же летописец, излагавший события до 1061 года понаслышке, по устным преданиям, приблизительно с указанного времени был современником описываемых событий; как таковой, он не затруднялся точным их хронологическим определением. Не отвергая того, что, действительно, точность хронологических определений предполагает современную событиям летописную запись, я думаю однако, что точных хронологических определений в части до 1061 года зависело не только от того, что часть эта была составлена не современником; думаю, что необходимо принять в расчет наличность двух различных приемов летописания; думаю, что в части приблизительно до 1061 года мы имеем дело с лицом, руководившимся одними приемами, а в части приблизительно от 1061 года — с лицом, державшимся других летописных приемов. Подтверждаю свою мысль следующими двумя соображениями: во-первых, в части после 1061 года находим точные хронологические определения при таких событиях, о которых киевлянин (предполагаем, что летопись ведена в Киеве) мог узнать, казалось бы, только понаслышке, спустя довольно продолжительное время: так, им указан день кончины Ростислава в далеком Тмуторокане; следовательно, точность хронологического определения не предполагает непременно личного участия современника в описываемом событии, непосредственного восприятия его, аутопсии; записав, скажем, хотя бы месяца через три-четыре, рассказ о смерти Ростислава, летописец добился того, что ему сообщили не только обстоятельства, при которых она случилась, но и точное указание дня, когда имела место Ростиславова кончина; предполагаем поэтому, что тот же летописец, заносив в свой свод события, отстоявшее от него на десять или на двадцать лет, мог бы поинтересоваться точной датой события и добиться ее путем расспросов; между тем следов такой пытливости мы в части до 1061 года не находим. Во-вторых, в части до 1061 года многие события могли бы быть без труда определены точными хронологическими указаниями, при желании со стороны летописца иметь такие указания; так, не трудно было узнать, что Ольга умерла 11 июля, что св. Богородица Де-

сятинная освящена была 12 мая, св. София — 4 ноября, монастырь св. Георгия — 26 ноября; во второй половине XI столетия, как видно из Нестерова Чтения, решительно утверждали, что Борис убит 24 июля, а Глеб 5 сентября; как видно из Памяти и похвалы Владимиру мниха Иакова^х, во второй половине XI столетия знали, как это знают и позднейшие прологи, что убийство первых Варягов-мучеников случилось 12 июля; можно с уверенностью утверждать, что составителю Древнейшего свода была известна эта дата из той самой статьи об убийстве этих Варягов, которую он включил в свой свод, а между тем он опустил дату 12 июля; равным образом дата 11 июля стояла, несомненно, в том источнике свода, откуда извлечен рассказ о кончине Ольги², а между тем составитель свода опустил эту дату. Наконец, в статье 6527 года мы находим еще более резкое указание на опущение составителем свода даты, бывшей ему известною, данной одним из его источников: день битвы на Альте между Ярославом и Святополком определен как пятница: «бе же пятькъ тыгда»; слова же «24 июля», несомненно сопровождавшие это определение³, не повторены Древн. сводом, как видно из отсутствия их в Повести вр. лет. Я не вижу основания для предположения, чтобы подобные опущения были сделаны составителями Нач. свода или Повести вр. лет; непонятно было бы, зачем эти летописцы не решились повторить хронологических дат Древн. свода, между тем как сами давали такие даты для позднейших событий в изобилии. Приходится допустить, что опущения эти имели место уже в Древн. своде; приходится поставить их в связь с отсутствием в этом своде вообще точных хронологических определений. Мы имеем дело в Древн. своде с таким летописцем, который решил, по-видимому, совсем не давать точных хронологических определений описываемых событий; в силу этого своего решения он, во-первых, не добивался датировки сообщаемых ему разными источниками данных, во-вторых, опускал и те даты, которые находились в его источниках.

Исключение составило бы только 15 июля 6523 года. Но всматриваясь внимательнее в текст, где приведена эта дата, мы увидим, что возможно усомниться, точно ли она читалась в Древн. своде. В Лавр. и др. списках Повести вр. лет находим: «самъ бо боляше велми, в неже болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же на Берестовемъ и потаиша и ». Итак, Владимир с к о н ч а с я тогда-то, у м р е же там-то. Не зависела ли эта амплификация от влияния на текст Повести вр. лет (или предшествовавшего ему Нач. свода) вставки определения «мѣсяца иуля въ 15 день», не находившегося в первоначальном тексте? Признаю вероятным, что в первоначальном тексте читалось: «самъ бо боляше велми, в неже болести и скончася на Берестовемъ»; вставка слов «мѣсяца иуля в 15 день» после «skonchasya» вызвала вставку слов «умре же» перед следующим «на Бере-

1 Ср. §§ 11 и 104.

2 Ср. § 75.³

Ср. § 59.

стовемь », хотя, понятно, можно было бы обойтись и без этой вставки; ср. еще большее распространение в Ипат. списке, где после «умре же» вставлено «Володимеръ князь великыи ». Если чтение Ипат. списка более первоначальное, то имеем указание на то, что на распространение интересующего нас места повлиял определенный источник, указывавший дату кончины Владимира и называвший его великим князем Русским, т. е. так, как Древн. свод вообще не называет киевских князей. Что же касается даты смерти Ярослава, то вопрос о ней оставим пока в стороне, ибо у нас возникает сомнение, доходил ли текст Древн. свода до года Ярославовой кончины.

§ 222. Итак, признав характерным для Древн. летописного свода отсутствие в нем точных хронологических дат, делаем вывод, что свод этот не включал в свой состав событий 6569 (1061) года, что он прекращался до этого года; с 6569 года ясно выступает другое лицо с другими приемами, отличавшими его от составителя Древн. свода. Пользуясь этими указаниями, ищем окончания Древн. свода в тексте до 6569 г.

Отметим теперь же, что статья 6568 (1060) года составлена не современником, а спустя значительный промежуток после описанных в ней событий: мы читаем в ней о походе Ярославичей в союзе со Всеславом Полотским против Торков: «Се слышавше Торци, убояшася, пробегоша и до сего дне »; сказать так летописец мог через пять-десять лет после 1060 года, после того, что Торки в течение более или менее заметного числа лет не тревожили Русской земли ^{4#}. Следовательно, эта статья 6568 года составлена тем самым лицом, что дало описание 6569 и последующих годов, а не тем лицом, что составило Древн. свод. Перед статьей 6568 года находим известие об освобождении Ярославичами дяди своего, сидевшего в поруке 24 года (6567 г.), известие о победе Изяслава над Голядью (6566 г.) и известие о смерти Вячеслава Ярославича (6565 г.). Перед последним известием читается обширная статья 6562 года, в которой описываются кончина Ярослава, вокняжение в Киеве Изяслава и два события, следовавшие за кончиной Ярослава (победа Всеволода над Торками и мир Всеволода с Половцами). Будем ли мы искать окончания Древн. свода в статьях 6565—6567 годов или в статье 6562 года?

§ 223. Остановимся на статье 6562 (1054) года. Начало ее как будто резко отличается, ее от предшествующих статей, где говорилось о деятельности Ярослава. Мы читаем здесь: «Преставися великий князь Русьский Ярославъ ». Выше Ярослав не назывался великим князем ⁵ и это обстоятельство должно быть признано характерным. Если бы мы, основываясь на Ипатьевском списке, предположили, что в первоначальном тексте, т. е. в Древн. своде, читалось не «великий князь Русьский», а только «князь Русьский », то и в таком случае начало статьи 6562 года представлялось бы необычным. Зачем было называть Ярослава князем Русским летописцу, который в целом ряде предшествующих статей упоминал имя Ярослава без

⁴ Торки появляются в летопись вновь под 6588 (1080) годом, когда они напали на Русскую землю и были побеждены Владимиром. ⁵ Отдельно стоит статья 6559 года о начале Печерского монастыря.

всякого эпитета? Но начало это, как увидим ниже, § 25 ³, может быть, и не принадлежало летописцу и вставлено позже составителем Начального свода. Вслед за предшествующими исследователями ⁶ отмечаю связь статьи 6562 года с событиями 6581 (1073) года, когда между Ярославичами возникла жестокая распря, когда Святослав со Всеволодом, преступив отцовскую заповедь, изгнали Изяслава из Киева. Летописец выступил под 1073 годом с решительным обвинением младших Ярославичей, в особенности Святослава, бывшего началом «выгнаныю братню» и прельстившего ложными подговорами Всеволода; летописец дважды указывает на происшедшее при этом нарушение заповеди Ярослава; вполне вероятно поэтому отнести на счет того же летописца внесение в свод самого текста Ярославова завещания сыновьям, тем более что этот текст составлен в настолько общих выражениях, что предполагать у летописца наличность копии с Ярославова завещания у нас нет оснований. Текст завещания вводится словами «наряди сыны своя, р е к ъ имъ»; он мог, быть сочинен самим летописцем, знавшим доподлинно, что Ярослав перед смертью увещевал своих сыновей жить в мире и поручал младшим слушаться старшего Изяслава. Во всяком случае можно с полной уверенностью предполагать, что статьи 6562 и 6581 годов составлены одним лицом, принадлежат одному автору: под 6562 годом летописец подробно сообщает о том, как Ярослав заповедал сыновьям «не преступати предела братня, ни сгонити», а под 6581 он выступает обличителем Святослава и Всеволода, прогнавших брата, преступивших предел чужой. Отсюда следует, что статья 6562 года принадлежит составителю не Древн. свода, а продолжения к этому своду.

Итак мы ищем окончания Древн. свода в одной из статей, предшествовавших статье 6562 (1054) года и относящихся, следовательно, к княжению Ярослава. В конце этого княжения находим весьма мало известий: последнее относящееся к самому Ярославу известие принадлежит статье 6555 (1047) года: «Ярославъ иде на Мазовшаны, и победи я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру»; засим два года оставлены пустыми; под 6558 находим в Повести вр. лет известие о смерти жены Ярослава, которое содержит признаки новгородской записи, как потому, что Ирина скончалась в Новгороде (она похоронена в местном Софийском соборе), так и потому, что в Новгородской летописи запись сохранена в более полном виде, в ней указан день смерти княгини⁷; следовательно, можно думать, что первоначально 6558 год оставался пустым. Под 6559 годом находим известие о поставлении митрополита Илариона и стоящую в связи с этим статью о начале Печерского монастыря; как увидим ниже, статья эта первоначально читалась не под 6559, а под 6570 годом; известие о поставлении Илариона представляется извлеченным из этой статьи; ср. общие в этом

6 Н. В. Шляков, «850 лет со дня кончины в. к. Ярослава I Мудрого» (СПб., 1907); отт. из ЖМНП.

7 В Соф. 1-й и Новгор. 4-й: 10 февраля. То же в Ипат., причем Ипатьевская следует здесь, вероятно, общерусскому своду начала XIV в., воспользовавшемуся новгородскими источниками.

известии и в статье слова: «постави митрополитомъ въ СВЯТЕЙ Софии»; следовательно, и 6559 год оставался первоначально (в своде, предшествовавшем Начальному своду) пустым. Под 6560 годом читается в Повести вр. л. известие о кончине Владимира Ярославича: большая обстоятельность записи в Новгородской летописи (в ней указан день месяца и день недели, когда умер Владимир⁸, да и самая редакция ее в Повести вр. лет («и положень бысть в святей Софии, юже бе самъ создалъ»)) делают вероятным новгородское происхождение известия 6560 года; следовательно, и этот год оставался в своде, предшествовавшем Нач. своду, пустым. Наконец, под 6561 (1053) годом помещено известие о рождении у Всеволода Ярославича сына Владимира; имея в виду, что перед ним стояло пять пустых годов, а что следующее за ним известие — кончина Ярослава принадлежит уже составителю продолжения к Древн. своду (см. выше), можно с большою вероятностью отнести внесение этого известия 6561 года на счет последующих сводчиков. Синодальный список Новгородской 1-й летописи, вопреки всем дошедшим до нас спискам Повести вр. лет, сообщает под 6558 (1050) годом о рождении Святополка. В виду известной нам истории Синод, списка (глава VIII), можно возвести это известие ко второй редакции Повести вр. лет; известие же о рождении Владимира должно, по-видимому, возвести к старшему своду; Ком. список доказывает, что оно читалось уже в Начальном своде. Появление же его в Нач. своде так же мало доказывает то, что оно находилось уже в Древн. своде, как появление известия о рождении Святополка во второй редакции Повести вр. лет не доказывает, чтобы это известие восходило к первой редакции или к Нач. своду⁹. Считаем поэтому возможным, что в Древн. своде не читалось и это известие 6561 (1053) года и что, следовательно, Древн. свод доходил только до приведенного выше известия 6555 (1047) года о походе Ярослава на Мазовшан. Но и это заключение наше относительно объема Древн. свода потерпит ниже изменение.

§ 224. Сначала проверим приведенное заключение ссылкой на памятник, ближайшим образом связанный с Древн. сводом. В главах VIII—XI нами определен в общих чертах состав Новгородского свода XI века; ряд указаний, извлекаемые для восстановления этого памятника из Повести вр. лет, Синод, списка, Новгород. свода 1448 года и др., свидетельствует о том, что в основание этого Новгородского свода XI века был положен Древнейший Киевский свод. Мы доказывали, что в составе Новгородского свода XI века читались статьи и известия, заимствованные из Киевского свода; материал, извлеченный из последнего, передавался в сокращении и со значительными пропусками. Тем не менее можно с уверенностью предполагать, что общие Новгородскому с Киевским сводом статьи и известия, заимствованные первым из последнего, не переходили за 6547 (1039) год. Как мы знаем из §§ 124, 172, 173, 177, 181 и 184, в Новгородском своде XI века под 6525 годом были

⁸ Синод, сп. Новгород. 1-й; Соф. 1-я и Новгород. 4-я.

⁹ Надо иметь в виду, что Святополк был моложе Мстислава Изяславича; год рождения последнего не отмечен.

кратко изложены следующие известия Киевского свода: о победе Ярослава над Брячиславом (6528), о походе Ярослава к Берестю (6538), о нападении Печенегов на Киев и отражении их Ярославом (6544) и, наконец, о закладке Ярославом города Киева, закладке и окончании церкви св. Софии и построении им многих других церквей (6545 и 6547). За этим последним известием в Новгородском своде XI в. излагались уже самостоятельно, независимо от Киевского свода, свои местные, новгородские известия; среди них находим и такие известия, как поход Владимира Ярославича на Греков; это объясняется тем, что Владимир был князем новгородским, он сидел с 6544 (1036) года в Новгороде. Отмеченный состав Новгородского свода, его отношение к своду Киевскому легко объясняются при предположении, что сам Киевский свод оканчивался почти там же, где прекращаются заимствования из него в свод Новгородский: мы указали, что эти заимствования доходят до 1039 года; мы видели выше, что Древн. свод оканчивался, быть может, 1047 годом.

§ 224¹. Между статьей 1039 года об освящении св. Софии митр. Феопемптом и известием 1047 года в тексте Повести вр. лет находим краткие известия 1040 и 1041 гг. о походах Ярослава на Литву и Мазовшан; известие 1042 о походе Владимира на Емь; статью 1043 года с изложением похода Владимира на Греков; краткое известие об отдаче в замужество за Казимира сестры Ярослава и возвращении Казимиром взятых в плен его дедом русских семейств; известие 1044 года об извлечении из земли останков Ярополка и Олега Святославичей; статью 1044 года о смерти Брячислава и вокняжении в Полоцке Всеслава; наконец, известие 1045 года о закладке Владимиром св. Софии в Новгороде. Относительно этих статей и известий Повести вр. лет, читавшихся, по-видимому, и в Начальном своде, возникает сомнение, точно ли все они читались в Древн. своде, главном источнике Начального свода, и не должно ли их возвести к Новгородскому своду или к иному второстепенному источнику Начального свода. Сомнение это тем законнее, что некоторые из перечисленных статей 6548—6553 (1040—1045) годов во всяком случае можно с уверенностью возвести к Новгородскому своду: таковы известия 6550 (1042) о походе Владимира на Емь и 6553 (1045) об освящении Новгородской св. Софии; известие же 6551 (1043) года о женитьбе Казимира и возвращении им пленных должно быть, в виду соображений, высказанных в § 191¹⁶, возведено к Житию Антония. Итак, исследованию нашему подлежат остальные известия: 6548 (1040), 6549 (1041), 6551(1043)и 6552 (1044)гг.

Относительно первого известия статьи 6552 года об извлечении из земли останков Святославичей выше, в § 114 высказано предположение, что оно восходит к заимствованиям из княжеского помянника, основывавшегося на записях Десятинной церкви св. Богородицы; заимствования эти в летопись внесены составителем Начального свода; следовательно, этого известия не было в Древнейшем своде. В § 127 было высказано предположение, что известия о кончине Брячислава, вокняжении Всеслава и обстоятельствах его рождения заимствованы в Начальный свод из Новгородского.

Обращаемся к статьям 6548 и 6549 годов: «В лето 6548. Ярославъ иде на Литву. Б лето 6549. Иде Ярослав на Мазовышаны въ лодяхъ». Оба эти известия признаю извлеченными из Новгородского свода по следующим основаниям. Во-первых, сходное с ними известие, помещенное выше под 6546, «Ярославъ иде на Ятвягы», должно быть определено как новгородское, в виду того, что в новгородских сводах оно изложено подробнее, чем в Повести вр. лет; в Соф. 1-й и Новгор. 4-й читаем: «И иде Ярославъ весне Киеву, а на зиму ходи на Ятвягы и не може ихъ възяти». Во-вторых, известие о походе Ярослава на Литву читается и в новгородских сводах, правда, под 6552 (а не 6548) годом, в тесном соединении с несомненно новгородским известием¹⁰: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новъгородъ и съдела й».

§ 224². Полагая, что отождествление известия 6548 года «Ярославъ иде на Литву» с новгородским известием 6552 года «Ходи Ярославъ на Литву» должно окончательно разрешить вопрос о новгородском происхождении известия 6548 года, я остановлюсь несколько подробнее на объяснении, почему эти известия, если они тождественны, читаются в Повести вр. лет и Новгородском своде 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й) под разными годами. Отмечу прежде всего, что в Новгородском своде 1448 года (это видно также и из Ком. списка) известие «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новъгородъ и съдела й» помещено между двумя известиями, — об извлечении останков Святославичей и смерти Брячислава, — читаемыми в Повести вр. лет одно вслед за другим. Вижу в этом указание на то, что приведенное известие уже в новгородском источнике общерусского свода 1428 года (из которого произошел Новгор. свод 1448 г.) читалось в тесной связи или с предшествующим или с последующим ему известием Повести вр. лет (и Начального свода); но новгородский источник общерусского свода 1423 года, как мы знаем из главы X, определяется как свод 1167 года, положивший в свое основание Повесть вр. лет и дополнивший это основание по Древнему Новгородскому своду. Таким образом заключаем, что уже в своде 1167 года интересующее нас известие (или, как окажется ниже, часть его) читалось между известиями об извлечении останков Святославичей и о смерти Брячислава. Отвечая на вопрос, почему же в этом своде оно попало между обоими этими известиями, ищем причину не в главном источнике свода 1167 г. — Повести вр. лет, ибо в этом источнике оба известия (об извлечении останков Святославичей и о смерти Брячислава) читались одно за другим, а во втором его источнике — в Древнем Новгородском своде. В этом своде интересующее нас известие читалось, очевидно, в тесной связи с предшествующим или последующим ему известием; скажем теперь определеннее — в этом своде читалось при интересующем нас известии одно из двух сопутствовавших ему в своде 1167 г. известий — или известие об извлечении останков, или известие о смерти Брячислава. Принимая во внимание

¹⁰ Известию 9546 о походе на Ятвягов также предшествует несомненно новгородское известие: «И иде Ярославъ веснь Киеву».

сделанное выше указание на то, что известие о смерти Брячислава по происхождению своему новгородское, заключаю, что в Древнем Новгородском своде под 6552 годом читались: 1) интересующее нас известие (или, как окажется ниже, часть его), 2) известие о смерти Брячислава. Свод 1167 года, верный своему правилу помещать сначала известия Повести вр. лет, а потом известия новгородского источника (§ 151), последовал ему и здесь: после известия Повести вр. лет об извлечении останков Святославицей он поместил два известия новгородского источника (из которых второе читалось и в Повести вр. лет, как попавшее из Новгородского свода еще в Начальный свод). Итак предложенные соображения ведут нас к выводу, что последовательность, в которой в статье 6552 года читались в своде 1167 года интересующее нас известие (или, как окажется ниже, часть его) и известие о смерти Брячислава, служит доказательством того, что оба эти известия происхождения новгородского.

Далее останавлиюсь на том обстоятельстве, что в своде 1448 года интересующее нас известие, судя по Комиссионному списку, читалось несколько иначе, чем в Соф. 1-й и Новгор. 4-й; в Ком. списке оно изложено так: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну же В о л о д и м и р ь заложи Новгород и сажала его». Чтение Ком. списка предпочтительнее перед чтением Соф. 1-й и Новгор. 4-й потому, что под следующим годом сообщается о закладке тем же Владимиром св. Софии новгородской; сомнительно, чтобы Ярослав мог пробыть в Новгороде то немалое время, которого требовала постройка городской стены (ср.: «и съдела и »), в особенности если стена была каменная (не вижу возражений против этого). В виду этого признаю пропуск имени Владимира в Соф. 1-й и Новгор. 4-й позднейшим.

§ 224³. Наконец, обращаю внимание на ту редакцию первого известия статьи 6552 года, которую представляют, с одной стороны, свод 1448 года (Соф. 1-я и Новгор. 4-я), а с другой, Ипатьевская летопись: в этой редакции к словам Повести вр. лет по Лавр., Радзив. и др. спискам «и положиша я въ церкви святыя Богородица » прибавлено «въ Володимери ». Как понять эту странную прибавку, чем она могла быть вызвана? Как мог редактор прийти к мысли, что останки Ярополка, убитого в Киеве, похоронены во Владимире? Не естественнее ли было комментировать церковь св. Богородицы указанием на то, что дело идет о киевской Десятинной церкви? Мне кажется, что подобная прибавка «въ Володимери» могла явиться только в результате какого-нибудь недоумения. Имея в виду, что Ипатьевская летопись обнаруживает в ряде случаев общие чтения со сводом 1448 года, зависевшие от того, что в основании Ипатьевской лежит общерусский свод начала XIV в., между тем как свод 1448 года основывается на позднейшей редакции этого же общерусского свода, редакции 1423 года, я думаю, что чтение «въ Володимери» должно быть возведено к общерусскому своду начала XIV века. В числе источников этого общерусского свода была и новгородская летопись: в этой летописи, как мы видели, за известием об извлечении останков Святославицей читалось о построении Владимиром Ярославичем стены новгородской. И вот, на основании неудачной прибавки к предше-

ствующему известию слов «въ Володимери», заключаем, что известие о построении стены новгородской начиналось именем Володимера, что оно сообщало, так же как Комиссионный список, о построении стены Владимиром Ярославичем. Следовательно, этому известию не предшествовало то, что читалось перед ним в своде 1448 года (ср. Ком., Соф. 1-ю и Новгор. 4-ю), — перед ним не было слов «Ходи Ярославъ на Литву». Отсюда заключаем, что эти слова перенесены в своде 1448 года или в предшествующем своде 1423 г. из другой статьи, а это дает нам основание думать, что слова эти в своде 1423 года перенесены из статьи 6548 года, где по спискам Повести вр. лет читается: «Ярославъ иде на Литву ». Нам остается объяснить, чем же могло быть вызвано подобное перенесение. Предполагаем, что в статье 6548 года новгородский источник общерусского свода сообщал сначала о походе Ярослава на Литву, а потом о закладке Владимиром Новгорода: «Иде Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ»; в статье же 6552 года сообщалось об окончании города Владимиром, быть может, в такой форме: «Володимеръ съвърши городъ Новъгородъ » или «Володимеръ постави городъ Новъгородъ»¹¹. В общерусском своде начала XIV в. (источнике Ипатьевской летописи) имя Володимеръ было прочтено как Володимери и отнесено к предшествующему известию: таким образом, вместо «и положиша я въ церкви святыя Богородица. Володимеръ же постави городъ Новъгородъ», было прочтено: «и положиша я въ церкви святыя Богородица Володимери. Постави городъ Новугороду »¹². В общерусском своде 1423 г. известие «Постави городъ Новугороду» комментировано и исправлено на основании предположения составителя свода о том, что это известие тождественно с читавшимся выше под 6548 в новгородском источнике свода: «Иде Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ»; в результате получилось под 6552 годом, вместо известия «п о с т а в и г о р о д ъ Новъгородъ» следующее исправленное известие: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ и сделай ». Под 6548 годом осталось в своде 1423 года под влиянием других его источников известие Повести вр. лет: «Иде Ярославъ на Литву». Итак, считаем себя вправе признать это известие Повести вр. л. и Начального свода новгородским: из предыдущего следует, что в первоначальной редакции оно было тесно связано с следовавшим за ним новгородским известием «а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ».

Возвращаясь к предыдущему, видим, что из двух кратких известий — 6548 и 6543 года первое восходит к новгородскому источнику Начального

11 Ср. сообщение Новгор. 1-й о том, что в 6839 (1331) владыка Василий заложил часть каменной стены новгородской, а под 6841 (1333): «Того же лета архиепископъ Новго-родьскыи Василий постави городъ камень въ два лета». Причина продолжительности строения стены при Владимире могла заключаться в том, что Владимир в предшествующем 1043 году был отвлечен походами на Греков и на Емь. Возможно, что «Новъгородъ» в восстановленной выше фразе было совсем опущено.

12 Ипатьевская опустила «постави городъ Новугороду» потому, что (под влиянием других своих источников) опускала новгородские известия общерусского свода.

свода. Это дает нам основание предположить, что и известие 6649 г.: «Иде Ярослав на Мазовъшаны въ лодяхъ » попало в Начальный свод также из его новгородского источника. Таким образом видим, что в пределах 1040—1045 годов только одно известие — статья 1043 года о походе Владимира на Греков — может быть возведено к главному источнику Начального свода — Древнейшему своду; все остальное восходит к источникам второстепенным — Новгородскому своду, Житию Антония и княжескому помяннику.

§ 225. Мы оказываемся лицом к лицу с следующим явлением: анализ Новгородского свода XI века дает указания на то, что его киевский источник доходил только до 6547 (1039) года; анализ Начального свода (Повесть вр. л.) показывает, что Древнейший Киевский свод оканчивался известием 6555 (1047) года, причем, однако, между этим известием и статьей 1039 года читался рассказ 6551 (1043) о походе Владимира на Греков. Это обстоятельство, как мне кажется, делает вероятным, что Древн. Киевский свод оканчивался именно статьей 6547 (1039) года об освящении св. Софии в Киеве, а что рассказ о походе Владимира на Греков и известие 6555 (1047) года о походе Ярослава на Мазовшан присоединены лишь впоследствии — продолжателем Древн. свода или составителем Нач. свода. Вероятность этого увеличивается еще следующим соображением.

О походе Ярослава на Мазовшан мы имеем три известия: два в Повести вр. л. под 6548 и 6555; третье читается в своде 1448 года (Соф. 1-й и Новг. 4-й) под 6551 (1043) годом: «И въ та лета обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ дващи на Мазовшаны, и рече Казимиру: ели отецъ твой, победивъ мя, и ПЛЕНИЛЪ ЛЮДИ МОЯ за ся, то дай ми за вино»; далее следует известие о возвращении Казимиром плененных Болеславом людей. Откуда это известие? Возможны два объяснения его: или оно сочинено составителем свода 1448 г. (точнее предшествовавшего ему свода 1423 г.) на основании известия Повести вр. лет 1047 года, или оно заимствовано из Жития Антония, бывшего, как мы знаем, источником для свода 1423 года (§§ 191¹³ и сл.). Первое объяснение не представляется вероятным как потому, что самое известие 1047 года передано в своде 1423 г. ниже полностью, так и потому, что сама Повесть вр. лет не давала никакого основания ставить в связь поход Ярослава на Моислава Мазовецкого с возвращением плененных Болеславом русских семейств (ср. слова Ярослава, сказанные им Казимиру после похода на Моислава). Напротив, за второе объяснение говорила бы та связь, которая устанавливается сводом 1448 г. между обоими известиями (походом на Мазовшан и возвращением пленных); а что известие о возвращении пленных восходит к Житию Антония, в этом для меня нет сомнения, в виду высказанных в §§ 191¹⁵—191¹⁶ соображений. Но если мы допустим, что Житие Антония говорило о походе или походах Ярослава на Моислава Мазовецкого, то с полной вероятностью примем и следующее предположение: в этом же Житии сообщалось об окончательной победе Ярослава над Моиславом и покорении Мазовшан Казимиру, т. е. в нем читалось то самое известие, что имеется под 1047 годом в Повести вр. лет;

быть может, оно предшествовало непосредственно известию об отдаче Казимиром сестры своей в замужество за Изяслава Ярославича (и это известие попало в свод 1448 г.). Следовательно, мы получаем возможность утверждать, что известие 6555 (1047) года заимствовано в Начальный свод (Повесть вр. л.) из Жития Антония, заимствовано одновременно с известием о возвращении Казимиром пленных; оно помещено под 6555 (1047) годом, между тем как известие о возвращении пленных — под 6551 (1043) годом, быть может, потому, что в Житии Антония содержалось указание на «четвертое же лето» перед известием об окончательной победе Ярослава над Моиславом Мазовецким¹³.

Итак, мы с большою вероятностью устраним известие 6555 (1047) года из состава Древн. Киевского свода. Это еще более приближает нас к тому пределу, который устанавливается для этого свода Новгородским сводом XI века — к 6547 (1039) году. Неясным остается только известие 6551 (1043) года о походе Владимира. Если исключим из соответствующей статьи Повести вр. лет слова «И поиде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай », как восходящие к Новгородскому своду¹⁴, то получим рассказ, совершенно несходный с соответствующим рассказом Новгородского свода. Но Новгородскому своду киевский рассказ остался, очевидно, неизвестным, так как вместо него находим у него свое самостоятельное повествование. Имея в виду значительность события 1043 года, я думаю, что рассказ о нем можно приписать современнику, дополнившему им текст Древнейшего свода. Ниже укажу, что его рассказ дошел до нас не в первоначальном, а обособленном вставками виде.

§ 226. Повторим еще раз: Новгородский свод XI века свидетельствовал о том, что Древн. свод оканчивался статьей 6547 (1039) года о построении Ярославом церкви и установлении им митрополии; анализ Повести вр. лет (Нач. свода) приводит к указанию, что последними статьями Древн. свода были: известие 6547 (1039) года об освящении церкви Феопемптом и рассказ о походе Владимира на Греков в 6551 (1043) году. Если мы предположим, что рассказ об этом походе составлен и приписан позже к Древн. своду, то придем к выводу, что показания Новгородского свода и Повести вр. лет совпадают вполне. Заметим, что известие 6547 (1039) года должно быть поставлено в прямую связь с предшествующею статьей 6545 (1037) года, ибо, основываясь на том, что 4 октября (день освящения св. Софии*) приходилось на воскресение именно в 1039 году, мы принимаем, что в ней сообщалось об освящении не Десятинной церкви, а церкви св. Софии, русской митрополии; ср. в Новгор. своде XI в.: «и църкъвь святую заложил камя-

13 Выше, в § 19117 было указано, почему известие о возвращении пленных отнесено было на основании Жития Антония к 6551 году.

14 Ср. § 171, где указано на то, что новгородское известие говорило о лодях Владимировых, в противоположность киевскому, сообщавшему о кораблях; кроме того сообщение о прибытии к устью Дуная имеет смысл именно в новгородском источнике, так как в этом месте начались разногласия между Русью и Варягами, входившими в состав Владимирова войска, разногласия, о которых сообщил этот источник.

ну и устави митрополию» (§§ 172, 181, ср. свидетельство Львовской и Еремол, летописей). Приходится предположить, что известие об освящении церкви Феопемптом читалось в составе статьи 6545 (1037) года и извлечено или составителем продолжения к Древн. своду или составителем Нач. свода из этой статьи. Такое предположение напрашивается само собой, когда мы сообразим, что в этой статье говорится об окончании св. Софии: Ярослав положил книги «въ святеи Софии, юже създа самъ; и украси ю златьмь и сребрьмь и съсуды църкъвьными, в ней же обычныя песни Богу въздають въ годы обычныя». Не стояли ли слова «священа же бысть въ лѣто 6547 митрополитъмь Феопемтъмь» перед фразой: «въ ней же обычныя песни Богу въздають въ годы обычныя»?.

§ 227. Мы привели основания для утверждения, что Древн. Киевский свод оканчивался статьей 6547 (1039) года, содержащей известие об учреждении Ярославом митрополии, и восхвалением просветительной деятельности Ярослава. Наш вывод подсказывает нам ряд дальнейших заключений относительно времени и места составления Древн. свода. Сопоставляем следующие два места в тексте Повести вр. лет (Начального свода). Под 6485 (977) годом, в рассказе о войне Ярополка с Олегом Древлянским, читаем: «И погребоша Ольга на месте у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего». Под 6552 (1044) находим: «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица». Следовательно, с 1044 года могила Олега уже не существовала близ города Вручего; она была разрыта (если, действительно, Олег был погребен близ этого города), и останки Олега были перенесены в церковь св. Богородицы. Отсюда видим, что статья 6485 года, содержащая приведенную выше фразу, составлена до 1044 года. Этот вывод наш согласуется с тем, что Древн. свод доходил только до 1039 года; он составлен, очевидно, до 1044 года. Следовательно, составление Древн. свода надо отнести на время 1039—1044 гг. Предполагаем, что годом составления свода был 1039-й или 1040-й.

В 1039 году была окончена постройка св. Софии; вероятно, в этом же году была учреждена русская митрополия. Составление Древнейшего свода, как кажется, стояло в связи с обоими этими событиями. Мы видим, что именно эти события вызывают летописца на длинные рассуждения о распространении христианства на Руси при Ярославе, они побуждают его рассказать о просветительной деятельности Ярослава; написанные Ярославом книги оказываются положенными им в святой Софии; вскользь упомянув о других церквях и монастырях, поставленных Ярославом, летописец останавливается подробно только на церкви св. Софии: «украси ю златомь и сребромь и сосуды церковными»; только о ней он сообщает, что ее освятил митрополит Феопемпт, только о ней он говорит, что в ней «обычныя песни Богу въздають в годы обычныя». Связь летописца с церковью св. Софии очевидна; она упрочивается решительно тем обстоятельством, что свой труд летописец предпринял одновременно с основанием этой церкви. Думаю, что учреждение митрополии Русской стало побудительной причиной к со-

ставлению Русского летописца. Мы видели в главе IX, что возведение новгородского владычества в архиепископию вызвало появление новой, распространенной редакции владычного свода. Мы говорили в главе X о митрополичьих сводах северо-восточной Руси, время от времени возобновлявшихся и дававших направление всему современному им летописанию. Ставим вопрос: не перешла ли к нам в Россию из Греции эта связь епископских и митрополичьих кафедр с летописным делом? Не следовал ли митрополит Феопемпт освященному на родине своей примеру, когда, сделавшись первым русским митрополитом, побудил кого-либо из своих причетников составить первую русскую летопись?

§ 221^x. Весьма важна для определения времени составления Древнейшего свода легко обнаруживающаяся связь между Словом о законе и благодати и нашею древнею летописью. В летописи и в названном памятнике оказывается ряд общих мест; их так много, что это нельзя объяснить случайностью. Перечислим их здесь. Во-первых, находим много общего в тексте Слова о законе и благодати с Речью философа; оставляю в стороне отрывок с изложением пророчеств; он вставлен в Слово из летописи, что показывает отсутствие его во многих списках; укажу на такие соответствия, как в Слове: «и отгнани быша Июдеи и расточени по странамъ, и чада благодатная крестьянин наследници быша Богу и Отцю », в Речи философа: «и расточи ны по странамъ грехъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестеянномъ »; в Слове: «пришедши бо Римляне плениша Иерусалимъ и разбиша и до основанья его... и росеяни быша Людеи по странамъ », в Речи философа: «и посла на ня Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ ». В Слове и в Речи философа читаем приблизительно в сходных выражениях: «Рече же Гedeонъ къ Богу: да будетъ суша на руне токмо, и по всей же земли роса; и бысть тако ». Во-вторых, находим общие места в Слове и летописи в тех частях, где Слово говорит об обращении Руси в христианство; так, в Слове: «Благословенъ Господь Израилевъ, яко ПОСЕТИ И створи избавленье людемъ своимъ... въводя въ обновленье паки бытъя в жизнь вечную », в летописи: «Благословенъ Господь, иже возлюбил новыя люди... помилова бо ны паки банею бытия ». В-третьих, особенно много общего в Слове и в летописи найдем в той части, где Слово говорит о Владимире; в Слове: «и заповеда по всей земли своей креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа... и всимъ быти крестьяномъ, малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, оунымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого противляющагося благочестьному его повелению»; в летописи: «Володимеръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто на реце богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мне да будетъ. Се слышавше людье с радостью идяху»¹⁵. В Слове: «вси людие... въславиша, глаголюще... велии еси, Господи, чюдна дела Твоя», в летописи:

15 Ближе в Слову читаем у Нестора в Чтении о Борисе и Глебе: «и сей чюдней заповеди бо ишедши, якоже преже ркохомъ (ср. выше: «а днесъ повелеваетъ хреститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа »), всемъ хреститися и всемъ грядущемъ крещению, ни поне единому супротивящюся»... Возможно, что Нестор знал Слово о законе и благодати.

«Темъ же и мы припадаемъ к нему, глаголюще... велий бо еси и чюдна дела Твоя». В Слове: «Не виде апостола, пришедша в землю твою... не виде бесъ изгонящъ именемъ Христовымъ... сихъ всехъ не видевъ, како убо веровавъ? »; в летописи: «яко сде не суть ученья апостольска, ни суть ведуще Бога ». В Слове, как и в летописи, после сообщения о милостынях Владимира, прибавлено: «слышаль бо бе »(в лет.: «слыша бо единою »). В-четвертых, в Слове оказывается общее место со статьей об Ольге: «и съ сими помыслы вниде въ умъ и въ святую купель, и еже инемъ уродьство мнится, тебе сила наменится», ср. в летописи: «невернымъ бо вера хрестыянска уродьство есть».

В виду приведенных сближений считаю вероятным, что Слово о законе и благодати использовало летопись. Косвенное на это указание нахожу и в следующем месте Слова: «Похвалимъ же и мы... кагана нашей земли Володимира, внука старого Игоря, сына же Святославля славнаго, иже въ своя лета владычествующю, мужствомъ и храборьствомъ прослувшю въ странахъ многихъ и поминаются ныне и словуть ». Об Игоре и Святославе поминала древняя летопись. Принимая во внимание, что Слово составлено во всяком случае до кончины Ярослава, заключаю о существовании древней летописи до 1054 года.

§ 228. Не имеем основания думать, чтобы основанная в 1039 году русская летопись продолжалась затем при св. Софии, чтобы при дворе киевского митрополита велась погодная запись событий, подобно тому как такая запись имела место при дворе новгородского владыки. Но приписываем киевскому митрополиту, в виду только что высказанных соображений, почин в великом деле летописания, прославившего Русскую землю. Было время, когда начатое митрополитом дело заглохло, ведение летописи при церкви св. Софии не налажилось; Древнейший свод не получал продолжения в виде ежегодных или периодических записей. Причины этого ищем в разыгравшихся вскоре после 1039 года событиях; в 1043 году произошел разрыв с Грецией; мир был восстановлен не ранее 1046 года; какое положение занял при этом в отношении к Ярославу митрополит Феопемпт, неясно; но едва ли не в связи с охлаждением, происшедшим между Русью и Царьградом, стоит то обстоятельство, что в 1051 году Ярослав поставил митрополитом русина Илариона, собрав для этого избрания в св. Софии русских епископов. Поставление Илариона характеристично не только для международных отношений, созданных политикой Ярослава; оно знаменовало собой рост национальных сил духовных. Этот рост, кроме яркого и видного побега в лице митрополита Илариона, блестящего проповедника и богослова (мы продолжаем верить, что он автор Слова о законе и благодати), Дал русскому обществу славную Печерскую обитель, основанную не князьями и боярами, а духовными подвигами таких представителей русского народа, как преп. Антоний и Феодосии. Летописание русской земли оказалось в руках этой обители.

Когда именно случился переход летописного дела в руки Печерского монастыря, должно выяснить изучение Повести вр. лет и предшествовавшего ей Начального свода. Как указано в I главе, имеется ряд оснований для

предположения, что Начальный свод, составленный около 1095 года, возник в Печерском монастыре. Но был ли Начальный свод первым летописным сводом этого монастыря, или ему предшествовали другие своды — вот вопрос, подлежащий ближайшему нашему исследованию. Мы говорили выше о продолжении Древнейшего летописного свода; указывали на то, что продолжателю первого Киевского свода принадлежали и рассказ о смерти Ярослава и обличительные речи в статье 1073 года, излагающей междоусобия Ярославичей. Объединим ли мы это продолжение Древн. свода с Начальным сводом? Решимся ли мы отнести на счет составителя Начального свода указанные статьи 1054 и 1073 годов?

Ответ на эти вопросы мы даем в следующей главе. Нам приходится ответить на них теперь же, до решения других вопросов, связанных с Древн. сводом, напр, до определения его источников, ибо не подлежит сомнению, что продолжатель свода внес в него немало редакционных поправок и изменений. Древн. свод может быть восстановлен непосредственно только в той редакции его, которая возникла под рукой первого его продолжателя. Необходимо поэтому выяснить время, когда работал продолжатель, и определить объем его труда.

ГЛАВА XVII Продолжение к Древнейшему Киевскому своду, составленное в 1073 году преп. Никоном Печерским

§ 229. Решимся ли мы отнести на счет составителя Начального свода статьи 1054, где изложено завещание Ярослава его сыновьям, и 1073, где летописец с негодованием отмечает нарушение отцовского завета Святославом и Всеволодом? Начальный свод составлен около 1095 года (см. главу I); в нем ярко отразились злобы дня, волновавшие киевлян в девяностых годах: плохое управление со стороны князя, склонного к поборам и насилиям, растущая опасность от Половцев, разорявших страну своими набегами. Это обстоятельство делает для меня невероятным отнесение на счет составителя Начального свода речей и размышлений по поводу распри между Ярославичами. Иначе пришлось бы допустить возможность искусственного настроения со стороны летописца, волнующегося при описании событий за 20 и более лет так же, как при описании живой современной действительности. Впрочем, за то, что события 1054—1073 годов описаны не составителем Начального свода, говорит еще и то обстоятельство, что при изложении их содержатся такие подробности, которые свидетельствуют о современной записи. Допустим ли мы, напр., что путем расспросов и припоминаний в 1095 году можно было восстановить день битвы на Немиге (1067 года) или день поражения Всеволода Половцами (1061 года)? Еще более убедительно говорят о современной записи и соображения, которые выдвигаются определением места, среды, где возникло первое продолжение к Древн. своду.

Начальный свод составлен в Печерском монастыре. Указание на это извлекаем между прочим из тех обличительных наставлений и резких укоров, которые летописец обращает к князю Святополку. И в предисловии к Начальному своду и в статье 1093 года видим отголоски тех обличений, с которыми обращался к Святополку игумен Печерский Иоанн, находивший, конечно, поддержку в занятой им позиции со стороны управляемой им обители. В непосредственном продолжении к Древн. своду, а таковым считаем статьи 1054—1073 годов, видим, во-первых, резкое обличение Святослава и Всеволода, согнавших Изяслава с отцовского стола: эти обличения должны быть сопоставлены с тем решительным выступлением игумена Печерского Феодосия в защиту прав старшего Ярославича, которое так ясно изображено Нестором в Житии Феодосия¹; во-вторых, мы видим здесь еще одну резкую выходку против современных князей, на этот раз против всех трех Ярославичей, нарушивших в 1067 году крестное целование ко Всеславу и коварным образом захвативших его на Орше²; обличения летописца ведут нас опять к Печерскому монастырю. Мы знаем, что этот монастырь в лице преп. Антония, нашедшего, конечно, поддержку в основанной им обители, стал во враждебное отношение к Изяславу за нарушение им крестного целования к Всеславу; не одобрили печерские отцы и крутой расправы Изяслава с киевлянами, участвовавшими в 1069 году в освобождении Всеслава из поруба³. Итак, в пользу того, что непосредственное продолжение к Древн. своду составлено, так же, как Начальный свод, в Печерском монастыре, мы приводим, во-первых, политическое настроение составителя, оказывающееся тождественным с политическим настроением Печерского монастыря, насколько последнее выразилось в выступлениях Антония и Феодосия.

В пользу того же положения мы приведем, во-вторых, еще следующее соображение. Под 6572 (1064), 6573 (1065) и 6574 (1066) годами мы находим в исследуемом продолжении рассказ о событиях, разыгравшихся в далеком Тмуторокане. Сначала сообщается о появлении в Тмуторокане князя Ростислава Владимировича, изгоняющего оттуда князя Глеба, сына черниговского Святослава Ярославича; летописец называет и ближайших соратников Ростислава: это бежавшие с ним (из Новгорода?) Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы Новгородского. Святослав, узнав об этом,

¹ Ср. Шляков, «850 лет со дня кончины в. к. Ярослава I Мудрого».

² «Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, целовавше крестъ честный къ Всеславу...; онъ же, надеяся целованью креста...; и тако яша Всеслава... преступивше крестъ». Под 1068: «Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ, целовавъ крестъ, и я й (Всеслава); темже наведе Богъ поганья, сего же яве избави крестъ честный... Богъ же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступаютъ честнаго креста, целовавшие его».

³ Ср. под 1074 в рассказе о преп. Исаакии: «В си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ; нача гневатися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава, и приславъ Святославъ, в ночь поя Антонья Чернигову». Под 1069: «и пришедъ Мьстиславъ (сын Изяслава) исече иже беша высекли Всеслава, числом 70 чади, а другая сле пиша, другия же б е з в и н ы погуби, не испытавъ ».

идет против Ростислава, последний выходит из Тмутороканя без боя, «не убоявсь его (Святослава), — замечает летописец, — но не хотя противу стрьеви своему оружию взяти». Святослав сажает в Тмуторокане своего сына Глеба; но по удалении Святослава Глеб изгоняется вторично Ростиславом. Ниже описывается смерть Ростислава, отравленного присланным к нему Греками котопаном; летописец знает, что котопан был за это побит камнями в Корсуне; умершего Ростислава летописец провожает добрыми словами, похвалой, и отмечает день его смерти (3 февраля), а также место его погребения (церковь св. Богородицы в Корсуне). Как объяснить эту осведомленность киевского летописца относительно тмутороканских событий? Почему именно они, а не другие события, которыми, конечно, было богато бурное время первых Ярославичей, привлекли к себе внимание продолжателя Древн. свода? Чем объяснить его горячие симпатии к Ростиславу, юному и на Руси совсем не известному князю? Ответ на эти вопросы находим в следующих соображениях.

§ 230. Несторово Житие Феодосия сообщает, что еще до 6570 (1062) года, когда поставлен был преп. Феодосией монастырь над пещерами, преп. Никон один из старших сподвижников преп. Антония, совершивший обряд пострижения над преп. Феодосией, удалился на Тмутороканский «остров» и основал монастырь близ города Тмутороканя. После смерти Ростислава, князя «острова того» (следовательно, после 1066 года), Никон по просьбе жителей Тмутороканя ездил в Чернигов к Святославу и ходатайствовал перед ним о присылке в Тмуторокань на княжение сына; съездив вместе с Святославичем Глебом в Тмуторокань и обрядив свой монастырь, Никон вернулся в Печерскую обитель по усиленной просьбе преп. Феодосия; это было, следовательно, около 1067 года. Допустив, что продолжение к Древн. своду составлено в Печерском монастыре, мы поймем причину появления в этом продолжении рассказа о событиях тмутороканских; в монастыре находился живой свидетель этих событий, присутствовавший при всех них и, очевидно, принимавший деятельное участие в жизни Тмутороканя, так как на него возложено было жителями этого города поручение уговорить Святослава прислать к ним его сына Глеба и, быть может, примирить его с предшествовавшим поведением Тмутороканцев, явно принявших сторону Глебова и Святославова противника — Ростислава. Не могу себе представить иного пути, кроме предположенного, коим до Киева могли, дойти подробности о тмутороканских событиях: там могли узнать о столкновении Глеба с Ростиславом, о движении Святослава против Ростислава, о смерти Ростислава, но пришло ли бы киевлянину в голову писать похвалу неизвестному князю, отмечать его доблесть и покорность перед старшими? Ясно, что в Киев прибыл свидетель тмутороканских событий 1064—1066 годов и что рассказ о них записан с его слов. При допущении, что запись составлена в Печерском монастыре, выясняется, что этим свидетелем не мог быть кто иной, кроме Никона; при допущении, что этим свидетелем был Никон, выясняется, что запись могла быть составлена именно в Печерском монастыре.

§ 231. Личность Никона тесно связана, таким образом, с летописью, составленною в Печерском монастыре; мы признаем это естественным, как только допустим, что составление этой летописи падало на начало семидесятых годов XI столетия, когда Никон жил в Феодосиевом монастыре, распростившись с основанною им в Тмуторокане обителью. Из Жития Феодосия известно, что Никон, как старейший пользовался большим влиянием в монастыре; ему Феодосии поручал братию, когда отлучался из монастыря; Никон был человек книжный; тогда как Феодосии поучал братию «духовными словесы», великий Никон говорил поучения братии из книг («ис кънигъ почитающе»); он занимался и переплетным делом, что также требовало известной книжности и грамотности⁴. Трудно сомневаться в том, чтобы летописный труд, предпринятый святою обителью, не стал под непосредственное заведование Никона. Никон мог сделаться главным редактором летописи; ему же мы вправе приписать некоторые вставки, сделанные в переписанный им, или под его наблюдением, Древн. летописный свод, который лег в основание дальнейшего летописания Печерского монастыря. Перечислим эти вставки.

§ 232. Под 6530 (1022) мы читаем в Повести вр. л. (Нач. своде) рассказ об единоборстве Мстислава Тмутороканского с Касожским князем Редедей; рассказ основан на местном тмутороканском предании, связавшем это событие — победу Мстислава над Касогами — с построением Мстиславом по обету в Тмуторокане храма св. Богородицы. «И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тьмуторокани» — так заканчивается рассказ, обличая своим окончанием знакомство автора с этим отдаленным городом⁵.

§ 233. Под 6544 (1036) годом сообщается о кончине Мстислава; сообщение это, а также указание на место его погребения (недостроенная им в Чернигове церковь св. Спаса) могут быть возведены к Древн. своду; но принадлежала ли этому же своду похвала Мстиславу? Сомневаюсь в этом потому, что подобная же похвала читается при сообщении о кончине Ростислава; нам пришлось приписать ту похвалу Никону, допустить, что она написана с его слов. Считаю вероятным, что Никон умел рассказать на основании тмутороканских преданий и о доблестях Мстислава и что самая похвала Мстиславу составлена с его слов. В этой похвале читаем между прочим: «любяше дружину по велику». Эти слова сближают похвалу с тем описанием Лиственской битвы, которое дает Повесть вр. лет (Нач. свод). Мстислав, объезжая на следующий день после битвы поле сражения и увидев исеченных Северян (сражавшихся за него) и Варягов (сражавшихся за Ярослава), воскликнул:

4 «Мъногашьды же паки великууму Никону сядящю и делающю книги и блаженууму

въскрай того съдящю и прядущю нити, еже на потребу таковууму делу».

5 Об единоборстве Мстислава с Редедей вспоминает и певец Слова о полку Игореве;

это, думаю, свидетельствует о знакомстве его с тем или иным летописным сводом, включившим соответствующий рассказ в свой состав.

«кто сему не радъ? се лежить Сверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цела ». Я считаю на основании этого вероятным, что эта подробность в описании Лиственской битвы составлена продолжателем Древн. свода по рассказам того же Никона; не забудем, что выше — и притом, вероятно, опять согласно с рассказом Никона — летописец сообщал о походе Мстислава на Ярослава «съ Козары и съ Касогы»; итак, дружину Мстислава, сохранению которой он радовался после Лиственской битвы, составляли выходцы из Тмутороканя, и между прочим Козары и Касоги, те самые Касоги, о которых Никон рассказывал и раньше, сообщая об единоборстве Мстислава с Редедей, и позже, повествуя о том, что Ростислав обложил данью вместе с иными также и Касогов. Я тем охотнее приписываю приведенную выше подробность влиянию Никонова рассказа, что вслед за ней читаем: «И посъла Мъстиславъ по Ярославъ, глаголя: сяди на столе своемъ Киеве, понеже ты еси старей братъ, а мнь буди си сторона». Не напоминает ли поступок Мстислава поведение Ростислава в отношении к дяде, Святославу Ярославичу? Он уступил ему без боя Тмуторокань, «не хотя противу стрывеи своему оружию взяти». Весьма вероятно, что великодушное предложение приписано победителю — Мстиславу тем самым лицом, которое рассказало о благородном поступке Ростислава, т. е. Никоном, считавшим покорение младших князей старшим неременным спутником княжеской добродетели. Предложение Мстислава не вяжется ни с предыдущими, ни с последующими событиями, изложенными в Древн. своде: Мстислав хотел до Лиственской битвы захватить Киев, но этого не допустили Киевляне, оставшись верными Ярославу; Ярослав через год после Лиственской битвы двигается опять из Новгорода против Мстислава и только тогда заключает с ним мир у Городца.

§ 234. В рассказе о походе Святослава против Козар мы читаем: «одоле Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Белу Вежю възь, Ясы победи и Касогы»; эти последние слова «Ясы победи и Касогы» я считаю вставкой, сделанною опять-таки на основании Никоновых рассказов. В Тмуторокане могли помнить и рассказывать о походах Святослава на далекий восток; там естественнее, чем в Киеве, на основании местных припоминаний, устанавливалась связь между именем Святослава и именами соседних с Тмутороканем народов — Касогов и Ясов.

§ 235. Предположительно отношу на счет Никона еще одну вставку в самом начале Древн. свода. В Начальном своде, как это видно из Ком. списка, после рассказа об основании Киева и вставки из Хронографа, содержащей рассказ о нападении Руси на Царьград при царе Михаиле, читалось: «По сихъ летехъ братиа сии изгибоша и быша обидими Древляны и инеми окольними. И наидоша я Козаре на горахъ сихъ, сядяща в лесехъ, и реша: платите намъ дань » и т. д., т. е. рассказывался эпизод с данью, в виде меча от каждого дыма, данью, испугавшею Козар, которые от нее отказались, причем Козарские старцы прорекли, что в будущем Поляне будут взимать дань с Козар. Летописец замечает при этом, что проречение старцев сбылось, как сбылось некогда проречение Фараоновых старейшин по поводу Моисея; «якоже и бысть: владеють бо Козары князи Русьстии и до дньнешняго дни ». Не подле-

жит сомнению, что весь этот эпизод, равно как и предшествующая ему фраза вставлены позже в летописный текст; на это указывает, во-первых, то, что за ним содержится переходная фраза, всегда характерно отмечающая конец вставок: «нѣ мы на преднее възвратимся»; во-вторых, то же доказывается неуклюжим строением первой фразы в предполагаемой вставке: не указано, кто же был обидим Древлянами и кого нашли Козары на горах киевских. Возможно, конечно, признать, что эта вставка внесена в летописный текст составителем Начального свода; но внимание наше обращает на себя то обстоятельство, что эпизод с Козарскою данью не согласуется с теми киевскими преданиями о Полянах и их нравах, которые дошли до нас путем летописи. Составитель Древн. свода изображает Полян звероловами; составитель Повести вр. лет говорит о тихом и кротком нраве древних Полян; он же сообщает предание о том, что Поляне платили Козарам дань⁶. Мы заключаем отсюда, что рассказ об эпизоде с Козарскою данью по происхождению своему не киевский; если же он не киевский, то, конечно, козарский, ибо в других местах, у других племен не стали бы рассказывать об отношениях Козар к Полянам. Под 6493 годом в Повести вр. лет сообщается о том, как Добрыня, осмотрев взятых в плен Болгар, говорил Владимиру: «сыглядахъ колодникъ, иже суть вси в сапозехъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». Итак, русское предание или русская былина говорила о добровольном отказе от борьбы с Болгарами, оказавшимися обуемыми в сапоги; я думаю, что по аналогии надо приписать козарскому преданию или козарской былине рассказ о добровольном отказе Козар от дани с Полян, когда те предложили дать в виде дани от дыма меч. Лицом, внесшим в летопись козарское предание, с большою вероятностью можно признать Никона, живавшего в Тмуторокане и там находившегося в близком общении между прочим с Козарами. Он рассказывал о том, что Ростислав, сидя в Тмуторокане, брал дань «у Касогъ и на инехъ странахъ»; вспомним проречение козарских старцев: «си имуть имать дань на насъ и на иннхъ странахъ»; комментарий летописца не оставляет сомнения в том, что под этими «си» должно разумеать русских князей: «якоже и бысть: володеють бо Казары Русьстии князи»⁷ и до днешняго дне». А что Ростислав брал дань между прочим и на Козарах, это можно заключить из таких сообщений, как участие в 6587 (1079) году Козар в убиении Тмутороканского князя Романа Святославича; ср. 6591 (1083); «приде Олегъ из Грекъ Тмутороканю... и седе Тмуторокани, и исече Козары, иже беша светници на убьенье брата его и на самого». Остатки могущественных некогда Козар жили, очевидно, в соседстве с Тмутороканем и были подвластны местному князю.

§ 236. Предполагаю, что насчет Никона должна быть отнесена еще одна вставка в текст Древн. свода. В рассказе о Корсунском взятии, насколько он для Древнейшего свода может быть восстановлен по удалении из него вставок из Корсунской легенды, вставок, внесенных составителем Нач. сво-

6 <<Мы седимъ, платяче дань родмъ ихъ Козаромъ», смиренно сообщают жители Киева

подплывшим к их городу Варягам, Аскольду и Диру.

7 В Лавр.: «Русьский», но в Ком., Соф. 1-й, Ипат.: «Русьстии князи».

да, оказывается эпизод, не имеющий прямого отношения к взятию Владимиром Корсуня. Корсунь взят благодаря тесной блокаде его, помешавшей подвозу припасов («изнемогаху гладьмь⁸ людие»), и благодаря отводу воды, текшей в город по трубам. Поэтому нижеследующая подробность является как бы излишнею, как бы вставкой в первоначальный рассказ: «Володимеръ же изряди воя своя и повель⁹ присьпу сути къ граду. Симъ же съпущимъ Корсуняне, подькопавъше стену градскую, крадяху сыплемую пърсть и ношаху къ собе въ градъ, сыплюще посреде града; вой же присыпаху боле». Но в прямой связи с этой вставкой стоит дальнейшая подробность в рассказе о возвращении Владимира из Корсуня в Киев: «постави же църквь на горе, юже съсыпаша крадуще присьпу, яже църкы стоять и до сего дьне». Итак, эпизод о постройке Владимиром церкви вставлен в летопись лицом, побывавшим в Корсуне, видевшим эту церковь. Выше читаем в Повести вр. лет (и Нач. своде), что Владимир крестился в церкви святого Василия, «и есть църкы та стоящи въ Корсуне граде на месте посреди града, идеже торгъ деють Корсуняне; полата же Володимеря съ края църкве стоять и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ». Предыдущее исследование показало, что Древн. свод не знал о крещении Владимира в Корсуне и сообщал о крещении Владимира в Киеве; у нас нет основания предполагать, чтобы Корсунь на место Киева ввел в свой труд (работавший в семидесятых годах XI столетия) продолжатель Древн. свода. Но не читались ли указания на Владимирову и царицыну палаты раньше, — до переработки соответствующих статей (статьи о крещении Владимира и статьи о Корсунском взятии) на основании позднейшей легенды, — не читались ли эти указания раньше не после слов «крести же ся в церкви святого Василья», а после слов, приведенных нами выше: «постави же церковь на горе... крадуще приспу»? Не заменены ли редактором Нач. свода эти слова («и есть църкы та стоящи въ Корсуне граде на месте посреди града, идеже торгъ деють Корсуняне») более кратким определением («яже църкы стоять и до сего дне»)? Я думаю, что имею право дать утвердительный ответ на эти вопросы между прочим по следующим соображениям. Церковь, где крестился в Корсуне Владимир, была по всем данным названа в Корсунской легенде, впервые возвестившей о крещении Владимира не в Киеве, а в Корсуне, церковью св. Иакова: ср. показание жития Владимирова; это обстоятельство (название церкви св. Иаковом) и было причиной замены в позднейших сводах мало известной церкви другими церквами с более популярными в древней Руси именами (одни своды заменили Иакова св. Богородицей, другие — св. Софией, третьи — св. Климентом, четвертые — св. Спасом); в Начальном своде вместо св. Иакова читалось св. Василия, как можно заключать из показаний Лавр, списка, с одной стороны, Комиссионного и Академического, с другой; это название перенесено, по-видимому, из дальнейшего летописного текста, где сообщалось о построении Владимиром в

⁸ Так поправляю вместо «въ граде».

⁹ Признаю теперь «св. Василиска» искажением вм. «св. Василия». И в т. н. Переяславском летописце стоит «святого Василья».

Корсуне церкви св. Василия; вместе с названием церкви перенесены из дальнейшего и приведенные выше топографические определения церкви и палат Владимировой и царицыной. В пользу такого предположения приведу показание обычного жития Владимира о том, что построенная Владимиром церковь была церковью св. Василия *. Само по себе вероятно, что лицо, сообщившее о построении Владимиром церкви, знавшее легенду, связанную с этой церковью, должно было знать и сообщить летописцу, во имя какого святого была построена церковь ¹¹; само по себе вероятно, что Владимир—Василий поставил церковь во имя своего ангела. Итак, вот соображения, на основании которых я предлагаю читать после сообщения о женитьбе Владимира следующее: «постави църквь святаго Василия на горе, юже съсыпаша крадуше присъпу, и есть църкы та стоящи в Корсуне граде на месте посреди града, идеже торгъ деють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоять и до сего дне, а царицина полата за олтарьмъ ». Как указано выше, эти топографические определения доказывают знакомство сообщившего их лица с Корсунем; но, кроме того, напомним еще раз, что все сообщение о церкви, построенной Владимиром в Корсуне, имеет характер вставки; в виду этого предполагаю, что в Древн. своде не было ни сообщения об этой церкви, ни сопровождавших его топографических определений. Допустить, что вставки эти сделаны составителем Нач. свода, мы не имеем основания: он перерабатывал соответствующие статьи Древн. свода по другому, не устному, а письменному источнику, изображавшему Корсунское взятие в совершенно иных, новых чертах. Предполагаю поэтому, что вставки сделаны продолжателем Древн. свода, преп. Никоном. Никон, живший в Тмуторокане, основавший там монастырь, бывал, несомненно, и в Корсуне, тесно связанном с Тмутороканем и торговыми и политическими интересами; ср. рассказ того же Никона о том, как котопан, отравивший Ростислава, был именно за это убит камнями Корсунскими людьми. Возможно, что Никон посетил Корсунь во время первой своей поездки в Тмуторокань в сопровождении монаха монастыря св. Мины; ср. в Житии Феодосия: «и пришьдъша надъ море, ту же и разлучистася отъ себе... боляринъ же идыи къ Константию граду... великый же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскый».

§ 237. Перечисленные нами вставки в текст Древнейшего свода, свидетельствующие об участии в переработке этого свода лица, знакомого с Тмутороканем, Козарами, Касогами и Корсунем, ведут нас к личности Никона, которого признаем поэтому ближайшим участником или руководителем работы, предпринятой в Печерском монастыре, когда последний решил ожи-

¹⁰ Ср. текст обычного жития в издании А. И. Соболевского в Чтениях в Ист. общ. Нестора летописца, кн. II.

¹¹ Ипат. летопись на основании позднейших данных дает ей название Иоанна Предтечи.

вить летописное дело, загложшее на Руси после первых славных десятилетий Ярославова княжения. Приведу теперь основание, которое как будто не позволяет признать самого Никона составителем продолжения к Древн. своду. Основание это следующее. Под 6573 (1065) читаем: «в си же времена бысть детищъ ввержень в Сетомль; сего же детища выволокоша рыболове въ неводъ, егоже позоровахомъ до вечера,и паки ввергошай вводу». Если допустим, что этот случай имел место не именно в 1065 году (ср. неопределенное указание: «в си же времена»), то все же придется отнести его на ближайшие к 1065-му годы. Никон был в то время в Тмуторокане; следовательно, не ему принадлежит: «позоровахомъ». Думаю, что «позоровахомъ» относится к монастырской братии, а не к случайным свидетелям, смотревшим на извлеченного из речки уroda; невероятно, чтобы летописец употребил 1-е лицо множ. ч., если бы далее оказался сам в случайно собравшейся поглазеть на невиданное зрелище толпе. Не указывает ли это «позоровахомъ» на совокупную работу, происходившую над монастырскою летописью? Не следует ли признать множ. число, употребленное от лица автора, соответствующим тому не единоличному автору, который говорил в летописи от имени всей монастырской обители? Такая точка зрения объяснила бы то двойственное отношение, которое нам приходится проявить по вопросу об авторстве Никона, когда мы рассматриваем вопрос о первом Печерском монастырском своде: с одной стороны, ясно, что Никон работал над этой летописью, составлял ее; а с другой, видим и другого автора, быть может, и не единоличного, который говорит о себе, что смотрел на извлеченного из Сетомли уroda в то время, когда Никон был в далеком Тмуторокане.

§ 238. Но я обращаю внимание на следующее обстоятельство, подтверждающее, напротив, ближайшее участие Никона в деле составления Продолжения к Древн. летописному своду. Под 6569 (1061) годом, как мы уже знаем, находится первая точная хронологическая дата: 2 февраля Половцы разбили под предводительством Сокала князя Всеволода. Следующее известие, читавшееся в Продолжении к Древн. своду, — это смерть Судислава в 6571 (1063) году, день смерти Судислава не указан; затем в Древн. своде находились два тмутороканские известия, о которых мы говорили выше¹²; далее следовало известие о комете с неопределенным указанием, когда она была видна («въ си же времена»)¹³; далее — сообщение об уроде, извлеченном из Сетомли, опять с неопределенным хронологическим указанием («въ си же времена»); засим, со ссылкой «предъ симъ же временемъ», сообщается о солнечном затмении¹⁴; далее уже под 6574 (1066) годом читаем о кончине Ростислава в Тмуторокане с указанием 3 февраля; затем под

¹² Известие 6571 года об обратном течении Волхова — это новгородское известие, внесенное в Нач. свод; равным образом признаем новгородским известие 6573 года: «Въ се же лето Всеславъ рать почаль».

¹³ У Pingre, *Cometographie ou traite historique et theorique des cometes* (Paris, 1783), указана большая знаменитая комета в апреле-мае не 1065, а 1066 года.

¹⁴ Очевидно, это затмение, бывшее 19 апреля 1064, а не 1065 года. Ср. Oppolzer, *Canon der Finsternisse* (Wien, 1887).

6575 (1067) сообщается о походе Ярославичей против Всеслава, о битве при Немиге, с указанием на 3 марта, о захвате Всеслава на Орше, с указанием на 10 июля; под 6576 (1068) годом читаем о знаменитом поражении Ярославичей на Альте без указания дня битвы; но последовавшая затем в Киеве смута определена 15 сентября и т. д.; под 1069, 1072 и 1073 годами находим точную датировку событий. Как понять отмеченное колебание в датировке событий? Почему рядом с точной датировкой видим неопределенные и неверные вместе с тем указания, вводящиеся словами «в се же время», «в си же времена?» Если точное указание дня поражения Всеволода Половцами 2 февраля 6569 года предполагает современную запись, доказывает, что летописец работал в 1061 году или вскоре после этого года, то почему же этот самый летописец не занес в свой труд точных дат хотя бы отмеченных им астрономических явлений, почему тот же летописец не дал даты другого еще более чувствительного поражения, понесенного русскими князьями на Летском поле?

Предположение, что летописцем или главным руководителем летописи был Никон, разъясняет эти недоуменные вопросы. Мы знаем из Жития Феодосия, что Никон покинул Русь и отправился в Тмуторокань вскоре после пострижения Варлаама и Ефрема; этим пострижением он навлек на себя гнев князя Изяслава¹⁵. Когда же произошло это пострижение и в котором именно году Никон удалился из Киевских пещер?

§ 239. Недавно ответ на первую часть этого вопроса дал Н. В. Шляков в своей интересной и многосодержательной брошюре «850 лет со дня кончины в. к. Ярослава Мудрого»¹⁶. Отметив, что Варлаам и Ефрем постриглись вскоре после восшествия на киевский стол Изяслава, Н. В. Шляков указал на то, что, «судя по именам их при пострижении, пострижение это должно было случиться 19 ноября 1065 г. и 28 января 1056 г., когда дни эти падали на воскресенье: известно ведь, что пострижение совершается по праздникам, а имена давались по дню святого». Мы отдаем должное остроумной догадке Н. В. Шлякова, но не можем согласиться с нею, в виду тех самых соображений, которыми руководился почтенный исследователь. Преп. Феодосий был пострижен раньше Варлаама и Ефрема; судя по Житию Феодосия, пострижение его имело место года за три или четыре до Варлаамова пострижения, ибо Нестор сообщает о прибытии матери Феодосиевой в пещеры до Варлаамова пострижения, а прибытие матери Феодосиевой случилось через четыре года после того, что Феодосий, *бежав* из матерного дома, прибыл в Киев¹⁷; пострижение Феодосия (не прибытие его

15 В Житии Феодосия непосредственно за рассказом об окончательном водворении Варлаама, сына боярина Иоанна, в пещерах, читаем: «то уже отътоле многими приходя-щемъ въ пещеру благословения ради, еже отъ отецъ техъ, и друзии отъ нихъ бывааху чръньци Божию благодатию. Тѣгда же великий Никонъ и друзии чръньць святаго Мины монастыря, болярина тако наречемъ, съвещавышася тако, отъидоста, хотяща особе сести». 16 Оттиск из ЖМНП за 1907 год.

в Киев, а обращение его к Антонию), судя по данному ему при пострижении имени, случилось 11 января; на воскресенье 11 января падало в 1052 и 1058 году. Думаю, что Феодосий пострижен не в 1052, а в 1058 году; во-первых, судя по статье о том, что ради прозвася Печерский монастырь, сам Антоний начал свою подвижническую жизнь не раньше 1051 или 1052, когда Иларион оставил пещерку на Берестовом после поставления своего в митрополиты в 1051 году, во-вторых, в своде 1448 г. (Соф. 1-й) читаем под 6565 (1057) годом: «Тогда бысть игумен Феодосий Печерский», что, быть может, читалось в первоисточнике: «тъгда бысть пострижень беодосий Печерский»¹⁸. В виду этого прибытие к Феодосию матери его можно отнести к концу 1060 года и предположить, что Варлаам принял пострижение 19 ноября 1060 г. (день этот приходился в воскресенье), а Ефрем 28 января 1061 года (приходилось в воскресенье).

§ 240. Если это так, то отбытие Никона в Тмуторокань, случившееся вскоре после пострижения Ефрема, имело место в первых числах февраля 1061 года; известие о поражении Всеволода 2 февраля 1061 года он узнал, еще будучи на Руси, в Киеве. С февраля 1061 года по крайней мере до февраля 1067 года Никон провел в Тмуторокане; действительно, 3 февраля 1067 (январского) года¹⁹ умер при нем от отравы Ростислав; Никон по просьбе жителей Тмуторокана отправился в Чернигов к Святославу Ярославичу с просьбой отпустить сына на княжение в Тмуторокань. Чернигова Никон мог достигнуть приблизительно в марте 1067 года, но он не застал там Святослава; Святослав с братьями был в это время в Полоцкой области, воюя со Всеславом; битвой при Немиге (3 марта 1067 года) борьба со Всеславом еще не окончилась; Всеслав продолжал защищаться, и только обманом Ярославичам удалось захватить своего противника: это случилось 10 июля. Никон пережидал возвращения Святослава, вероятно, в Печерском монастыре; о посещении им монастыря именно в это время (в поездку, совершенную из Тмуторокана после смерти Ростислава) сообщает Нестор в Житии Феодосия. На усиленные просьбы Феодосия остаться в монастыре Никон отвечал обещанием вернуться в него после поездки в Тмуторокань и устройства дел, связанных с основанным им там монастырем св. Богородицы. Никон сдержал свое обещание: «дошедъ съ княземъ Глебомъ острова того, оному седшу на СТОЛЕ въ граде томъ, Никонъ же възвратися вспять». Предположив, что поездка в Тмуторокань и обратно, а также, быть может, продолжительное пребывание там, необходимое для устройства покидаемой обители, заняло времени около года, увидим, что

17 «И се пришьдыше отъ Києва и поведаша ей, яко преже сихъ 4 леть видехомы и въ на-шемъ градѣ ходяща и хотяща острещися въ единомъ отъ манастыревъ. И то слышавъ-ши она и не обленившися и тамо ити...»

18 Не забудем, что 11 января 6565 мартовского года соответствует 11 января 1058 январского. Впрочем, Новгород. 4-я имеет это известие под 6564 и излагает его так: «Въ лето 6564. Поча княжити в Києве Изяславъ Ярославичъ; при семъ же веодоси игумень Печерский бысть». 19 3 февраля 6574 мартовского года.

Никон вернулся в Печерский монастырь в июле или августе 1068 года. Мы поняли бы тогда не только то, почему в летописи, составленной Никоном, в статьях 1062—1066 годов почти совсем нет событий, которые относились бы к Киеву²⁰, и, напротив в них есть три события, относящиеся к Тмутороканю, но также и то, почему в этой летописи определенно отмечены события 3 марта и 10 июля 1067 года — в марте-июле этого года Никон был на Руси; мы поняли бы еще и то, почему летопись отметила 15 сентября, как день возмущения в Киеве, когда освобожденный из поруба Всеслав сел на столе великокняжеском: 15 сентября 1068 года Никон мог уже вернуться в монастырь к поджидавшему его Феодосию²¹.

Итак, начиная с 1068 года, Никон жил в Киеве, в Печерском монастыре; им записаны события 1069—1073 годов. В 1073 году произошла упомянутая нами выше распря между Ярославичами: «великий же Никонъ, — рассказывает Нестор в Житии Феодосия, — видевъ таковое съмятение въ князихъ суще, отиде съ инема двема чьрноризьцема въ преже реченнии островъ, идеже бе монастырь поставиль». Не стоит ли этот отъезд Никона в связи с теми обличениями Святослава, которые Никон произносил перед братиею и которые занес, конечно, и в летопись? Обличения эти могли не понравиться князю; в летописи они дошли и до нас (ср. выше, § 223). Но если мы признаем автором статьи 6581 (1073) года Никона, то неминуемым следствием этого признания будет утверждение, что летопись, составленная Никоном, обрывалась на 1073 году; в ней сообщалось о вступлении Святослава и Всеволода в Киев 22 марта после оставления его Изяславом; но об основании каменной церкви св. Богородицы эта летопись уже не сообщала: Житие Феодосия ясно говорит, что Никон ушел из монастыря раньше этого события, непосредственно перед ним; быть может, Никон оставил монастырь до 7 мая 1073 года, когда, по-видимому, умер Антоний*; смерть Антония, основателя Печерского монастыря, осталась поэтому не отмеченною в летописи.

§ 241. В Повести вр. лет (Нач. своде) непосредственно за обличениями Святослава сообщается об основании Феодосией Печерской церкви; но не принадлежит ли это сообщение позднейшему продолжателю Никоновой летописи? Эта летопись нашла себе продолжателя в Печерском монастыре; продолжение это дошло и до нас, но мы имеем данные для утверждения, что после 1073 года в Печерском летописании произошел перерыв. Мы указывали основания для предположения, что статья 1073 года составлена

20 Только смерть Судислава и извлечение рыболовами уroda из Сетомли относятся к Киеву; затмение солнца и комета могли быть наблюдаемы и в Тмуторокане. Быть может, не лишено значения, что комета по описанию летописца наблюдалась на западе: «се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобицв многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье». Русская земля лежала на запад от Тмуторокана.

21 День битвы при Альте был, как кажется, указан Никоном, но указание это опущено вследствие вставки — поучения о казнях Божиих (ср. § 114').

современником, очевидцем междоусобной распри, приведшей к изгнанию Изяслава, и составлена им под непосредственным впечатлением этих тяжелых событий. Укажем теперь основания, которые заставляют нас отнести статью 1074 года, содержащую описание кончины Феодосия, на несколько лет позже этого события. Статья эта составлена, конечно, очевидцем описываемой им кончины: в виду точности и хронологической определенности рассказа, в этом не может быть сомнения²²; но время ее написания не может быть отнесено к дням игуменства Стефана, заместителя Феодосия. В Печерском монастыре создалась партия, враждебная новому игумену; его сторонники обращали особое внимание на то, что он был близким учеником Феодосия; летописец передает речи сторонников Стефана, отстаивавших своего избранника перед умирающим игуменом: он возрос под твоею рукой, — говорили они, — и послужил тебе; противники ставили в вину Стефану нарушение им монастырского устава, они выдвигали в качестве аргумента, освобождавшего их от обязанности повиновения своему игумену, историю его избрания. Феодосии по усиленной просьбе братии, отказавшейся от права избрать себе самой игумена, хотел благословить на игуменство Иакова пресвитера; но братии это было нелюбо, и она стала просить Феодосия благословить на игуменство Стефана демественника. Феодосии послушал братию, благословил Стефана, но сказал при этом следующее жесткое слово: «се азъ, по Божью повеленью, нареклъ быхъ Иякова; се же вы свою волю створити хочете». Итак, летописец устами преп. Феодосия свидетельствует, что Стефан стал игуменом вопреки Божью повелению²⁴. Не могу допустить, чтобы это могло быть написано при игуменстве Стефана; для меня ясно, что рассказ об успении Феодосия составлен после изгнания Стефана из монастыря, и написан он притом его противником косвенно оправдывавшим братию за мятеж против игумена, получившего все-таки благословение от Феодосия; для меня ясно, что этот рассказ написан в дни игуменства Никона, избранного на место Стефана. Следовательно, Печерское летописание, прерванное при игуменстве Стефана, когда монастырь стал местом внутренних раздоров и вражды, возобновилось при игуменстве Никона, который, как мы видели, раньше сам вел летопись и довел ее до 1073 года. Но оставим в стороне это второе продолжение к Древн. своду, относящееся ко времен едва ли раньшеему, чем 1078

22 Так, автор различает события, имевшие место в пятый, шестой, седьмой и восьмой дни предсмертной болезни Феодосия; он указывает не только день кончины Феодосия, но и час («въ часъ 2 дне»).

23 Это можно заключить из преподанного Стефану Феодосией наставления, как его передает летопись: «чадо! се предаю ти манастирь, блюди со опасеньемъ его, и яже ус-троихъ въ службахъ, то держи; преданья манастирьская и уставъ не ИЗМЕНЯЙ, но твори вся по закону и по чину манастирьску».

24 Ср. с этим слова Нестора по поводу назначения на игуменство Никона (при котором написано Житие Феодосия): «И се, якоже мню, по Божию изволению быти того поставлент, якоже тому старейшо сущю всехъ».

год²⁵, и вернемся к первому продолжению его, доведенному до события 22 марта 1073 года.

§ 243. Ставим прежде всего вопрос, когда именно Никон принялся за обработку Древнейшего летописного свода и за составление продолжения к нему. Ответ на этот вопрос находим в следующих соображениях. Под 6526 (1018) годом в Повести вр. лет (Нач. своде) читаем следующее объяснение удаления из Киева Болеслава Храброго после победы его над Ярославом, предоставившей киевский стол Святополку. «И рече Болеславъ: разведете дружину мою по городомъ на покормъ; и бысть тако... Оканый же Святополкъ рече: елико же Ляховъ по городомъ, и з б и в а й те я; и избиша Ляхы. Болеславъ же побеже ис Кыева ». Соответствует ли это объяснение причины удаления из Киева Болеслава действительности? Нисколько, ибо ему противоречит, во-первых, дальнейшее известие о том, что Болеслав взял с собою имение и бояр Ярославовых, а также двух сестер Ярослава и еще множество пленных: мог ли это позволить себе беглец, опасавшийся остаться безоружным во вражеской стране? Во-вторых, современник событий 1018 года Титмар Мерзебургский сообщает о торжественном возвращении Болеслава в Польшу после блестяще удавшегося похода. Итак, объяснение Болеслава бегства отнесем на счет патристического возбуждения летописца, оскорбленного победой Болеслава, его торжеством. Но что же дало летописцу повод внести в историю торжества нечестивого Святополка и его союзника именно ту подробность, которую мы выше привели? Думаю, что повод был дан событиями 1069 года. Мы читаем здесь о появлении в Киеве Изяслава с Ляхами, предводительствуемыми его союзником и двоюродным братом Болеславом Смелым; с помощью Ляхов Изяслав утвердился на Киевском столе, так же как пятьдесят лет перед этим Ляхи с Болеславом Храбрым во главе посадили на стол Святополка. «И седе Изяслав на столе своем, месяца мая в 2 день, — продолжает летописец, — и р а с п у щ а Ляхы на покормъ, и избиваху Ляхы отай, и възвратиса съ Ляхы²⁶ Болеславъ въ землю свою».

25 Следы участия Никона в составлении статей 1075 и след. вижу, во-первых, в рассказе о посещении Святослава немецкими послами, перед которыми Святослав хвалился своим богатством: Никон осуждает Святослава, сохранив к нему враждебные чувства после событий 1073 года (сопоставление поступка Святослава с поступком Иезекии напоминает Никоновы сопоставления — под 1073 годом поступка Святослава и Всеволода по отношению к Изяславу с отнятием Хамовыми сыновьями земли у Сифова племени, и в начале летописи — покорение Козар русскими князьями с гибелью Египтян от Моисея); во-вторых, перу Никона может принадлежать хвала Глебу Святославичу под 1078 г.: Глеб, как бывший князь Тмутороканский, был хорошо известен Никону (ср. похвальные строки, сочиненные Никонем, в отношении к двум другим тмутороканским князьям — Мстиславу Владимировичу и Ростиславу); в-третьих, постоянное внимание, уделяемое тмутороканским событиям, напр. под 1077, 1078, 1079, 1081, 1083 (после того Тмуторокань упоминается в Повести вр. лет только еще один раз, под 1094, когда оттуда пришел с Половцами Олег), также ведет нас к Никону, не утратившему, конечно, связи с основанным им в Тмуторокане монастырем. 26 Так поправляю, вместо: «в Ляхы».

Думаю, вслед за Карловичем (см. нижеследующее примечание), что подробность об избиении Ляхов, распущенных на покорм, в 1018 году перенесена летописцем из пережитых им событий 1069 года; такое перенесение оправдывается тем сходством, которое замечалось между событиями того и другого года²⁷. Отсюда следует, что место, где Древн. свод сообщал об избиении Ляхов и бегстве Болеслава Храброго, вставлено и вставлено притом лицом, переживавшим события 1069 года и видевшим, чем именно было вызвано удаление из Киева Болеслава Смелого. Таким лицом, согласно предыдущему, был Никон. Следовательно, Никон перерабатывал текст Древн. свода и приступил к составлению продолжения к нему не раньше 1069 года. Этот вывод в значительной степени приближает нас к предположенному выше времени окончания Никонова труда, т. е. к 1073 году. Мы с большою еще уверенностью, чем раньше, можем теперь утверждать, что статья о кончине Ярослава, т. е. та первая или вторая статья, которыми начиналось Никоново продолжение к Древн. своду, составлена в 1073 году под влиянием распри между Ярославичами и с целью обличения Святослава и Всеволода, восставших против Изяслава. Следовательно, составление продолжения к Древн. своду относим к 1073 году; работа же по переписке и переделке самого Древн. свода могла начаться еще в предшествующем, 1072 году.

§ 243. Перехожу к краткому обзору состава Продолжения к Древн. своду, приготовленного Никоном в начале 1073 года.

Мы видели выше, что Древн. свод обнимал события до 1039 г. и оканчивался статьей о закладке и освящении св. Софии. Но, кажется, к нему была приписана еще одна статья, статья о поражении Владимира Греками в 1043 году. Я предполагаю так потому, что статья эта обнаруживает, как сейчас скажем, в своем составе работу двух авторов: одним из них, а именно для вводных эпизодов в этой статье, можно признать Печерского ле-

²⁷ Ср. смешение подробностей обоих походов Болеслава Храброго и Болеслава Смелого и у польских летописцев. Мартин Галл, (составивший свою хронику в самом начале XII ст.), описывая взятие Киева Болеславом Храбрым, сообщает о том, что он ударил обнаженным мечом в киевские Златые врата; и то же сообщается им в рассказе о взятии Киева Болеславом Смелым (*Monumenta Pol. hist.*, I, 402 и 419). Исследователи, отмечая, что Златые врата еще не существовали в 1018 году, справедливо указывают на то, что подробность эта перенесена в рассказ о взятии Киева Болеславом Храбрым из преданий о взятии Киева Болеславом Смелым. Карлович, посвятивший разбору известий об обоих походах особое исследование (*Wyprawa Kijowska Bolesława Wielkiego*, Poznań, 1872, с. 15, 17 и сл.), объясняет заимствованием из преданий о походе Болеслава Смелого и ту подробность, сообщенную Галлом, по которой Болеслав Храбрый пробыл в Киеве десять месяцев: Титмар Мерзебургский показывает, что пребывание Болеслава на Руси было очень непродолжительно. Ср. еще появление в рассказе Галла о походе Болеслава Храброго на Половцев, о которых еще не знали в первой половине XI столетия. Возражения, сделанные Грушевским Карловичу в отношении подробности об избиении распущенных на покорм Ляхов (ср. *История Украины-Руси*, II, 13 и 60), не представляются мне убедительными.

тописца, Никона; но отсюда следует, что основная часть статьи дана была источником, легшим в основание труда Никона, т. е. Древнейшим летописным сводом. Приведу данные, обнаруживающие в рассматриваемой статье двух авторов. В ней говорится о том, что буря разбила русские корабли и что воины Владимира были выброшены на берега в числе 6000 человек; Греки, узнав о расстройстве русского флота, послали в погоню за остатками его 14 хеландий; Владимир, заметив их, вернулся и разбил их; «и възвратися въ Русь въ сѣда въ ш е с я въ корабль свое »; выброшенных же на берег, предводительствуемых Вышатою, Греки привели в Царьград и ослепили множество их; через три года они по заключении мира были отпущены в Русь к Ярославу. Останавливаясь на фразе: «и възвратися въ Русь въ сѣда въ ш е с я въ корабле своё¹»; читаю так на основании варианта Радзив. списка, где находим «всвдыше », между тем как в Лавр. «сседавшеся», в Ипат. «ссысдавшися»; впрочем, чтение «съседавшеся», в виду последующего «въ корабль сВое », едва ли может иметь другой смысл, чем чтение «въсedyше». Итак, из смысла приведенной фразы явствует, что выброшенные на берег воины Владимировы сели в корабли и вернулись в Русь. Следовательно, фраза эта находится в полном противоречии с последующим рассказом, где сообщено, что Греки схватили выброшенных на берег и отвели их пленными в Царьград. Такое противоречие может быть объяснено только вставкой в первоначальный текст: в нем говорилось о том, что буря разбила русские корабли, что значительная часть войска была выброшена на берег, что Греки отправились в погоню за оставшимися кораблями, но они были разбиты Владимиром; логическим следствием морской победы было бы спасение выброшенных на берег, тем более, что о сухопутной Греческой рати наш рассказ умалчивает, и то место, которое признаем поэтому вставкой, где говорится о том, что выброшенные на берег русские попали в плен Грекам, оказывается совершенно неожиданным. Это место стоит в прямой связи с другим, ему предшествующим: никто из княжой дружины не пожелал идти с выброшенными на берег воинами, решившимися пробиваться в Русь сухим путем; тогда к ним присоединился Вышата, который, выйдя из корабля, объявил, что готов разделить смерть с дружиной. Неясно, как понять решение Вышаты, почему о нем говорит летописец, выше он говорил, что воеводство было поручено Ярославом этому Вышате: в таком случае Вышата был обязан принять меры к спасению своих воинов и взять на себя предводительство ими. Но самое упоминание о воеводстве Вышаты останавливает на себе наше внимание еще потому, что воеводой Ярославом назван ниже Иван Творимирич: «и взяша князя въ корабль Иванъ Творимирича, воеводы Ярославля»; итак, Вышата был одним из воевод — это объяснило бы нам значение его самоотверженного поступка. Но возникает новый вопрос: почему летописец в самом начале статьи сообщил о Вышате, причем сообщение это имеет такой смысл, будто Вышате было поручено главное воеводство? Разрешение вышавленных недоумений вижу в предположении, что все три места, где говорится о Вышате: 1) место, где сообщено о воеводстве Вышаты, 2) рассказ о самоотверженном поступке Вы-

шаты, 3) сообщение о судьбе выброшенных бурей на берег и предводительствуемых Вышатай, — что все эти три места вставлены позже в первоначальный текст рассказа. В пользу такого предположения говорит еще и то, что Вышата назван отцом Яневым; современная или вообще близкая ко времени события запись не могла бы, конечно, дать Вышате такого именно определения, определения по имени его сына: Вышита был сам по себе лицом известным, и если бы требовалось отличить его от другого Вышаты, то современник назвал бы его по отцу; ср. в этой же статье имя Ивана Творирича. Очевидно, слова «отцю Яневу» и, конечно, не одни эти слова, а все три отмеченные нами как вставки места, написаны в такое время, когда Вышаты не было в живых, и когда известность получил его сын Янь.

Этот Янь несомненно тот самый, который в летописи упоминается еще несколько раз; мы находим его под 1071 годом в качестве данщика Святослава («дань емлющу Яневи, сыну Вышатину»), под 1089 в качестве Киевского тысяцкого, под 1093 в качестве Святополкова военачальника, под 1106 в качестве воеводы Святополча (в Ипат. и Соф. 1-й указано при этом его отчество: Вышатич), под тем же 1106 годом сообщается о его смерти и погребении в Печерском монастыре, причем летописец говорит, что он от него слышал многа словеса, «еже и вписахъ въ летописаньи семь, отъ негоже слышахъ». Последнее обстоятельство наводит на предположение, что отмеченные вставки в рассказ о Владимировой походе на Греков обязаны своим появлением Яню, сыну Вышатины: я не допускаю и мысли о том, что вставки сделаны под влиянием рассказов Яня тем летописцем, которому принадлежит сообщение о его кончине, ибо, конечно, вставки относительно участи Вышаты в походе Владимира читались уже в Начальном своде; но думаю, что рассказами Яня мог воспользоваться и предшественник того летописца и на основании их дополнить первоначальный текст статьи о походе Владимира. Близость Яня к Печерскому монастырю началась еще во времена Феодосия: это засвидетельствовано летописью, где мы под 1091 годом читаем о посещениях Феодосией Яня и его жены Марии, которая по проречению Феодосия была похоронена рядом с ним в 1091 году. Следовательно, правдоподобно допустить, что уже Никон, работавший в 1073 году, заимствовал кое-что из Яневых рассказов. Впрочем, это доказывается внесенною Никоном статьей под 1071 годом, где подробно описывается усмирение Янем Белозерской области, встревоженной появлением волхвов; обстоятельство рассказа не оставляет сомнения в том, что он записан вскоре после описываемых событий, а события эти во всяком случае имели место до 1071 года. Итак, нахожу вероятным, что отмеченные три вставки в рассказ о походе Владимира внесены Никоном при переработке им текста Аревн. летописного свода.

§ 244. Следующею статьею Повести вр. лет, которую можно возвести к Продолжению Древн. лет. свода, составленному Никоном, оказывается статья о начале Печерского монастыря. Выше в §§ 191⁵—191¹² мы отметили те редакционные вставки и переделки, которым подвергся в Начальном своде первоначальный текст этой статьи. Здесь мы предложим несколько

дополнительных замечаний, которые должны уяснить первоначальный состав и происхождение этой статьи. Отмечу прежде всего, что в Продолжении к Древн. своду она читалась, по-видимому, не под 1051 годом, куда ее переставил Начальный свод, частью по той причине, что в этой статье упоминается о поставлении Илариона митрополитом в 6559 (1051) году, частью же под влиянием Жития Антония, утверждавшего, что монастырь начался не при Изяславе, а гораздо раньше, в княжении Ярослава: перенесение статьи о начале Печерского монастыря из статьи 6570 (1062) года, где она была помещена предположительно в Продолжении к Древн. своду, под 6559 (1051) год было своего рода компромиссом между старой традицией, связывавшей появление монастыря с поселением Антония в пещерке, оставшейся свободною после Илариона, и утверждением Жития Антония относительно глубокой древности, когда началась подвижническая жизнь Антония. Думаю, что статья о начале Печерского монастыря читалась под 6570 (1062) годом, т. е. годом основания монастыря²⁸, по следующим соображениям: во-первых, невероятно, чтобы этот год не был отмечен в Печерской летописи, каковою было Продолжение к Древн. своду; во-вторых, статья оканчивается словами: «Се же написахъ и положихъ, в кое лето почаль были манастирь и что ради зоветься Печерьскыи»; допустив, что статья с самого начала читалась под 6559 годом, мы увидели бы, что утверждение летописца неправильно и неосновательно, ибо в этой статье не указано, в какое же лето почал быть монастырь. Итак, в сущности мы должны были бы в настоящем обозрении состава Продолжения к Древн. своду рассмотреть занимающую нас статью ниже, под 1062 годом, но продолжаем свои замечания здесь, чтобы не дробить их.

§ 245. Исходя из предположения, что настоящая статья составлена пр. Никоном или другим лицом, под непосредственным его руководством, в 1073 году, я думаю, что замечания: «кде ныне ветхый монастырь Печерьскыи», ниже: «яже суть и до сего дне в почере подъ ветхымъ манастиремъ >>», и еще ниже: «(ископавъ пещеру), яже есть подъ новымъ манастиремъ» не содержались в первоначальном тексте, а вставлены или позднейшим продолжателем, или составителем Начального свода: новый монастырь построен, как видно из Жития Феодосия, в 1073—1074 годах.

Далее слова «и постави ѿ митрополитомъ в святеи Софьи» я считаю необходимым дополнить словами «въ леѲто 6559 собравъ епископы» на том основании, что все известие о поставлении Илариона митрополитом, читаемое в начале летописной статьи 6559 года, представляется извлеченным из рассматриваемой статьи о начале Печерского монастыря.

Особенного обсуждения заслуживает окончание рассматриваемой статьи. После сообщения о получении Феодосией устава Студийского и

²⁸ Ср. в Житии Феодосия: «въ мало время възгради църквѣ на месте томъ въ имя святыя и преславныя Богородица и приснодевица Мария, и оградивъ, и постави келие мно-гъ; и тѣгда преселися отъ пещеры съ братиею на место то въ лето 6570, и отътоле Божию благодатию въздрате место то и бысть манастирь славнь, се же и донныне есть Печерьскыи наричемъ».

введении его в свой монастырь и замечания о том, что устав этот переняли от Печерского монастыря другие, вследствие чего Печерский монастырь почитается как старший между всеми другими, читаем: «Феодосьеви же живуцю в манастири и правящю добродетельное житъе и чернечское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя летъ ми суцю 17 отъ роженъа моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лето почаль быти манастирь и что ради зоветься Печерский. А о Феодосьеви житиѣ паки скажемъ». Кому принадлежат эти слова? Можно ли отождествить летописца, говорящего здесь о себе, с составителем рассматриваемой статьи? Обращаю внимание на употребление им единственного числа: «придохъ», «написахъ», «положихъ», а рядом находим и множественное: «скажемъ». Это «скажемъ» напоминает «скажемъ» в начале статьи: «И се да скажемъ, что ради прозвася Печерский манастирь». Быть может, допустимо, что одно и то же лицо сначала употребило единственное число, а потом множественное, но непонятен смысл фразы «А о Феодосьеви житиѣ паки скажемъ». Что такое «паки»? Не предполагает ли оно непосредственного продолжения этой фразы рассказом о житии Феодосия? А между тем такого продолжения не находим. Я не могу понять слова «паки» (опять, еще) в значении «инде» (в другом месте), или «по семь», не могу поэтому видеть продолжения статьи 6559 года в статье 6582 (1074) года, где к тому же говорится не о житии Феодосиеве, а об его кончине («Скажемъ же о успении его мало»). Следовательно, фраза «А о Феодосьеви житиѣ паки скажемъ» предполагает существование такого продолжения — статьи 6559 года, какого она в настоящее время не имеет; статья о начале Печерского монастыря утратила свое окончание, а это ведет нас к неминуемому заключению, что приведенный выше отрывок «Феодосьеви же живуцю в манастири... и что ради зоветься Печерский», отрывок, представляющийся теперь окончанием, заключением этой статьи, совсем не читался в первоначальной редакции статьи или читался в ней ниже, после рассказа о житии Феодосия. В первоначальной редакции этой статьи за словами «темъ же почтенъ есть манастирь старей всехъ» читалось: «А о Феодосьеви житиѣ паки съкажемъ»*, и действительно в ней должно было говориться об этом житии. Я думаю, что до нас дошли в другом месте отрывки из этой второй части статьи о начале Печерского монастыря: имею в виду тот рассказ о Печерском монастыре и о некоторых из прославившихся в нем братьях, который читаем под 6582 годом, вслед за статьей об успении Феодосия.

§ 246. Вопрос об этом рассказе заслуживает особенного нашего внимания, так как анализ рассказа и признание его входившим в состав Никонова Продолжения к Древн. своду даст нам насколько ценных указаний, подтверждающих наши выводы. Рассказ начинается словами: «Стеану же предрержащю манастирь и блаженое стадо, еже бе совокупилъ Феодосии,

29 Никоновская летопись заменила слово «паки» словом «инде». Кубарев в своем исследовании о Несторе понимал «паки» как «в другом месте» (Русск. ист. сб. IV, 429).

таки черныце, яко светила в Руси съяють ». Нельзя не признать такое начало неуклюжим и неуместным, если сообразим, что за ним повествуется о монастырской жизни времен не Стефана, а еще Феодосия. Сначала находим общую характеристику блаженного стада, его благочестивых подвигов, его любви друг к другу и послушания; яркие черты этой характеристики не оставляют сомнения в том, что она относится ко времени игуменства Феодосия; в этом особенно убеждает сопоставление с Нестеровым Житием Феодосия, где между прочим читаем: «они же, яко земля, жажущия воды, тако приимааху словеса его, приносяще трудовъ своихъ плоды къ Господу, овъ сто, овъ же 60; и бе видети на земли человеки житиемъ акы ангеломъ тѣчны и монастырь тѣ подобнь небеси». За общую характеристику читаем в анализируемом рассказе: «Тацѣ бо беша любовници и въздержници, и постници, отъ нихже наменю неколико мужъ чюдныхъ »; в числе этих мужей названы: Дамиан, современник Феодосия и скончавшийся раньше него, о котором (и притом сходно с летописью) повествует и Нестор в Житии Феодосия, Иеремия, помнивший крещение земли Русской, Матфей прозорливый, переживший Феодосия, и Исакий принятый в монастырь еще великим Антонием, но переживший Феодосия и скончавшийся при игумене Иоанне. Итак, во всяком случае рассказчик не задавался целью изобразить жизнь Печерского монастыря после Феодосия; поэтому приведенные выше слова: «Стеану же предрержащю монастырь» должны быть поняты как позднейшая вставка³⁰; это ясно в особенности еще и потому, что слово «предрержащю», за которым следует «монастырь», не может относиться к дальнейшим словам «блаженное стадо » и т. д. Но если рассказчик изображает нам цветущие времена Феодосиевы, то употребление настоящего времени «съяють» весьма характерно указывает, что автором рассказа был современник Феодосиев³¹: крепкие постники и богатые любовью братья еще не отошли вместе с великим игуменом, создавшим монастырь, — они живы, они сияют в Руси, как светила; из названных нарочито славных мужей нет уже в живых Дамиана (он умер при Феодосии и об его смерти сообщено рассказчиком), нет, быть может, также Иереми (о котором рассказ идет в прошедшем времени), но что мешает нам предположить, что Матфей и Исакий еще живы; правда, о кончине того и другого упомянуто в дошедшем до нас тексте, но вряд ли подлежит сомнению, что отрывок «При семъ бо старци веодосий преставися, и бысть Стефанъ игумень, и по Стефане Никонъ, сему и еще сущю старцю... и почивъ старости добре в монастыри семъ», в котором рассказано о видении, бывшем Матвею в церкви, где он на месте опоздавшего к службе игумена Никона увидел осла, — вставлен в летопись позже и притом после 1088 года, когда умер Никон. Поэтому позднейшею вставкой можем признать и окончание рас-

30 Ср. ниже вставку отрывков, начинающихся словами «При семъ бо старци Феодосии преставися, и бысть Стеанъ игумень и по Стефане Никонъ», «Феодосью же преставльшюся, и Стефану въ него место бывшю». ³¹ В Ипат. списке исправлено «сияху».

сказа об Исакии, начинающееся словами «Феодосью же преставльшюся и Стефану въ него место бывшю, Исакий же рече»³²; в этом отрывке, написанном не раньше 1088 года, так как в нем упомянут Никонов преемник Иоанн, находим также враждебную памяти игумена Никона выходку: «да ово отъ игумена Никона приимаше (Исакий) раны»³³.

В конце рассматриваемой статьи, после рассказа об Исакии читаем: «Тащи ти быша черноризци Феодосьева монастыря, иже сияють и по смерти, яко светила, и молятъ Бога за сде сущюю братью и за мирскую братью и за приносящая въ монастырь, в немже и донныне добродетелное житъе живутъ, обще вси вкупе, в пеньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему и Феодосьевами молитвами соблюдаеми, емуже слава, аминь». Обращаю внимание на то, что эта фраза построена не совсем ясно: где подлежащее к «живутъ»? Думаю, что его надо отождествить с подлежащим к «молятъ», а это ведет к необходимости предположить, что слова «и по смерти» вставлены позже³⁴, и что вместо «быша» первоначально читалось «суть». Итак, получаем еще указание на то, что рассматриваемая статья написана при жизни Феодосия и прославляемых ею черноризцев. Такое же указание получаем при сравнительном изучении текста начала этой статьи по спискам Лаврентьевскому и Ипатьевскому: мы уже видели, что вместо «сияють» Лавр, списка Ипатьевский предлагает «сияху»; отмечаем еще замену «ини же ядуще хлебъ с водою» Лавр, списка фразой: «овии же ядаху хлебъ с водою» в Ипатьевском; далее вместо чтения Хлебн. списка: «наказующе и утѣшающе», в Лавр, и Ипат.: «наказаху (и) утѣшающе». Следовательно, в Лавр, и Хлебн. списках сохранились формы наст, времени, замененные в Ипат. формами прошедшего. С другой стороны, и в Ипатьевском оказываются формы наст, времени замененные в Лавр, прошедшими, напр, в Ипат.: «аще который братъ впадетъ в кое любо согрешение», в Лавр.: «аще который братъ въ етеро прегрешенье впадаше»; в Ипат.: «и посылають по нь, приводяху брата къ монастырю; и шедше вси покланяхуся игумену, и умолятъ игумена, и приимаху в монастырь брата с радостию», в Лавр.: «посылаючи по нь, призываху брата к монастырю, шедши вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и приимаху брата в монастырь с радостью». После этих сопоставлений у меня нет сомнений в том, что рассматриваемый рассказ был первоначально изложен в той части, где характеризовался вообще весь монастырь, в настоящем времени и что прошедшие времена появились уже под пером позднейших редакторов.

§ 247. Наши рассуждения клонятся к тому, чтобы, признав рассмотренные части статьи 6582 года входившими некогда в состав статьи о начале Печерского монастыря, определить время составления этого описания Печерского монастыря временем, предшествовавшим кончине преп. Фео-

32 Обращаю внимание на неуклюжее построение этой фразы.

33 Составитель окончания рассказа об Исакии называет себя самовидцем его подвигов

(«а другое и самовидецъ бехъ»). Ср. это слово в статье 1091 года об обретении мощей Феодосия. Вероятно — мы имеем перед собой составителя Нач. свода.

34 Ср. «иже сияють яко светила» с приведенным выше «яко светила в Руси сияють».

досия. Скажем определеннее: предыдущие соображения позволяют нам отнести это описание к 1072—1073 годам и признать его составленным Никоном.

Итак, статья о том, что ради прозвася Печерский монастырь, в первой половине своей сходилась с тем текстом, что читаем теперь в Повести вр. лет под 6559 годом (разумеется, мы исключим из него вставки, сделанные на основании Жития Антония); во второй половине она сообщала о житии Феодосия, об его подвигах, и затем переходила к общей характеристике блаженного стада Феодосиева монастыря, выдвигая специально краткие очерки житий Дамиана, Иеремии, Матвея и Исакия. Статья оканчивалась так же, как кончается теперь статья 1074 года (в которую вошла значительная часть статьи о начале Печерского монастыря), т. е. отрывком: «Тази ти (суть) черноризци Феодосьева монастыря... ему же слава, аминь ». Составитель Начального свода пометил под 6559 годом только первую половину статьи; вторая половина частью выпущена, частью перенесена под 6582 год. Вместо этой второй половины составитель приделал свое окончание, в котором он сообщил о себе, о прибытии своем в Печерский монастырь: слова «правлящую добродетельное житье» напоминают окончание статьи 6582 года, где есть фраза: «в немже и доньне добродетельное житье живутъ »; следовательно, слова эти могли быть написаны под влиянием окончания статьи, что ради прозвася Печерский монастырь; летописца, говорящего о своем приходе к Феодосию, я отождествляю с составителем Начального свода; того же летописца вижу в статье об обретении мощей Феодосиевых и в похвала Феодосию. За словами: «и приять мя легъ ми сущю 17 отъ роженъа моего >>, читаем: «Се же написахъ и положихъ, в кое лето почаль быти монастырь и что ради зоветься Печерский ». Эти слова вряд ли можно приписать лицу, переделавшему рассматриваемую статью; скорее они принадлежат действительно автору этой статьи, т. е. Никону. Предполагаю, что первоначально они читались несколько иначе: «Се же написахомъ и положихомъ...», что соответствовало «скажемъ» в начале статьи и «скажемъ» в следующей затем фразе: «А о Феодосее жити паки скажемъ ».

§ 248. Следующею статьею Повести вр. лет, которая может быть возведена к Никону продолжению Древн. свода, оказывается статья 6562 года о кончине Ярослава. Мы останавливались выше (§ 223) на содержании этой статьи и отмечали политическое ее значение. Имея в виду, что статья написана в 1073 году, следовательно, через 19 лет после смерти Ярослава, предполагаем, что все содержание ее представляется результатом частью сочинительства, частью же припоминаний. Особенное внимание обращает на себя день кончины Ярослава: статья обозначает его неопределенно: «в суботу 1 поста святого Феодора »; так в Лавр, и Радз.; чтение Ипат., Ком. и др. списков, обозначающих день точнее³⁵, представляется подновленным. Вокруг этого числа в новейшее время сложилась значительная уже литера-

³⁵ Ипат. указывает на 20 февраля, Ком.: месяца февраля. #

тура³⁶. Является вопросом, имеем ли мы дело с мартовским или сентябрьским годом. Не сомневаюсь в том, что в древней Руси считали мартовскими годами: суббота 1-я поста приходилась для мартовского 6562 года, т. е. для того года, который с 1 марта 6562 года соответствовал нашему январскому 1054 году, на 26-е февраля предшествующего 6561 (мартовского) года. Признаю поэтому днем кончины Ярослава 26 февраля. Правда, можно было бы ожидать более точного обозначения: Ярослав умер в 6561 году 26 февраля, в субботу 1-й недели поста, но через 19 лет естественно было выразиться и не так точно, в особенности имея в виду ближайшие события: вступление Изяслава на киевский стол в начале (мартовского) 6562 года, в марте 1054 года. Таким образом, стоящий в заголовке статьи 6562 год я отношу собственно к последовавшим за смертью Ярослава событиям: прибытию Изяслава в Киев, победе Всеволода над Торками и появлению Половцев; все эти события записаны в 1073 году по памяти.

§ 249. Замечателен пропуск 6563 года в Повести вр. лет и Нач. своде (Ком. и Академ, списки) пропуск доказывает, как кажется, только одно: в Никоновом продолжении к Древн. своду не было непрерывного ряда годов, непрерывной хронологической цепи; пустые годы были вставлены уже составителем Нач. свода, который в данном случае мог быть введен в заблуждение 6562-м годом; отнеся его мысленно ко дню смерти Ярослава, он следующие события отнес мысленно к 6563 году и перескочил поэтому на 6564 (пустой)год.

Извести 6565 года — смерть Вячеслава и перевод Игоря в Смоленск, 6566 — победа Изяслава над Голядью, 6567 — освобождение из поруба Судислава, 6568 — смерть Игоря и победа Ярославичей со Всеславом над Торками — все эти известия записаны в 1073 году по памяти. Точное указание при них года («в лето» такое-то, или «в семь же ЛЕТЕ») доказывает, как мне кажется, что припомнил эти события и приурочил их к тем или другим годам сам Никон; известия, сообщенные другими лицами, он вводит более неопределенными указаниями.

Под 6569 годом находим сообщение о первой победе Половцев над Русью; Никон запомнил и день этого события, быть может, потому что он приходился на большой праздник, на Сретенье Господне; около того же времени Никон оставил надолго Печерскую обитель.

Год 6570 оставлен в Повести вр. л. (Нач. своде) пустым, но, как указано, Никон поместил под этим годом статью о начале Печерского монастыря, перенесенную составителем Нач. свода выше, под 6559 год. Под 6571 читалось о кончине и погребении Судислава; об этом известии скажем ниже.

Под 6572 и в начале 6573 в Никоновом своде содержались тматороканские известия, о которых мы говорили выше. В конце 6573 года им помещены три известия, по-видимому, записанные с чужих слов и потому датиро-

36 А. А. Куник, «Известны ли нам год и день смерти в. к. Ярослава Владимировича? » (1897); Н. В. Шляков, «О поучении Владимира Мономаха» (1900), с. 112, и его же «850 лет со дня кончины в. к. Ярослава I Мудрого» (1907); Н. В. Степанов в Известиях Отд. р. яз. и сл. за 1908 год, и др.

ванные неточно: известие о комете (явившейся, как мы указывали выше, в 6574 г.), известие об уроде, извлеченном из Сетомли, и, наконец, известие о солнечном затмении (имевшем место в 6572 году). Под 6574 Никон поместил тмутороканское известие. Записанные им под 6575 события имели место во время его пребывания на Руси; поэтому они так точно им датированы.

§ 250. Под 6576 за кратким известием о поражении русских князей следует обширное поучение, оказывающееся переработкою поучения, помещенного в Симеоновом Златоструе. Совершенно ясно, что поучение вставлено, ибо оно разбивает текст предшествующего известия и даже искажает его перестановкой (ср. § 114³). Думаю, что его не было в Никоновом своде. Возможно, что Никон указал день сражения, но указание это опущено вследствие вставки поучения. Вторая половина статьи 6576 года своею обстоятельностью и живостью не оставляет сомнения в том, что она записана ближайшим современником: в виду того, что мы считаем летопись составленную в 1073 году, видим, что запись сделана через четыре года. Рассуждения о вине Изяслава, нарушившего крестное целование ко Всеславу, ведут нас, как мы видели, к той точке зрения на возникшую в Киеве смуту, которой держался Печерский монастырь: это подтверждается статьей о начале Печерского монастыря, где в рассказе об Исакии сообщено о гневе Изяслава на Антония из-за Всеслава и удалении Антония на Болдины горы. Впрочем, это случилось уже в следующем 6577 (1069) году. Статью 6576 года надо признать первым обстоятельным рассказом современника о виденных им событиях. Исключаем из Никонова труда сообщение о победе Святослава над Половцами 1 ноября, в виду явной вставки отрывка «Посемь же Половцемъ воюющимъ... въ градъ свой Святославъ», где находится это сообщение (ср. § 114⁶).

§ 251. Под 6577 обстоятельный рассказ о возвращении Изяслава с Ляхами в Киев принадлежит несомненно Никонову своду. Статья 6577 года представляется оборванной на неоконченной фразе: «Всеславу же бежавшю»; считаю вероятным, что за этим читалось «погорѣ Подолие». Слова эти не сохранились в дошедших до нас списках Повести вр. лет, отнесших «Всеславу же бежавшю» к предыдущему известию, где говорится о смерти Мстислава в Полотске и замене его Святополком; но они есть в Синодальном списке, куда они попали из второй редакции Повести вр. лет: «Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всеславъ беѣжа Полотьску; и погоре Подолие»¹⁷. Место, где это известие читается в Синод. списке, (начало статьи), не оставляет сомнения в том, что перед нами не новгородское, а киевское известие (ср. § 151).

§ 252. Под 6578 читаем в Повести вр. л. (и Нач. св.) о рождении у Всеволода сына Ростислава и о закладке церкви св. Михаила в монастыре Всеволоже. Восходят ли оба эти известия к Никонову своду, для меня неясно. Нахожу возможным, что в распоряжении составителя Нач. свода был летописец,

³⁷ Отмечу, что в летописце Толст. № 145 (представляющем сходство с Тверск. сборником) читается: «Всеславъ бежа в Варяги».

ведшийся в Выдубицком монастыре и отмечавший события, связанные с князем Всеволодом и его домом. Исключая поэтому предположительно оба известия 6578 года из Никонова продолжения к Древн. своду.

§ 253. Первые три известия 6579 года, из которых два относятся к борьбе Всеслава с Изяславом, я отношу к Никонову своду. Засим читаем: «Въ си же времена приде волхвъ прелщень бѣсомъ»; летописец рассказывает о появившемся в Киеве волхве, предсказывавшем, что на пятое лето Днепр потечет вспять и что Греческая земля станет на Русской, а Русская на Греческой; волхв этот исчез куда-то без вести. Это упоминание о волхве повело за собой другой длинный рассказ о волхвах, появившихся на Белоозере и там схваченных Янем Вышатичем: рассказ начинается словами «Бывши бо единою скудости въ РОСТОВЪСТЕЙ области». За ним читаем описание бесов, данное каким-то новгородцем со слов кудесника из племени Чуди; описание, сообщающее о посещении кудесника новгородцем, начинается словами: «в си бо времена, в лета Си». Наконец, после некоторых рассуждений о бесах и волхвах читаем о появлении волхва в Новгороде при князе Глебе и о произведенной им там смуте. Возведем ли мы все эти рассказы к Никонову своду? Думаю, что затруднений к тому встретиться не может. Мы уже говорили о близости Яня к Печерскому монастырю и о возможности того, что рассказ о белозерских волхвах записан непосредственно от Яня: диалог между Янем и волхвами, подробное описание встречи его с волхвами и последовавшей затем расправы с ними — указывает несомненно на то, что рассказ записан со слов очевидца или участника описываемых событий³⁸. Рассказ вводится неопределенным указанием: «бывши единою скудости въ Ростовъстей области»; это свидетельствует, думаю, о том, что после этих событий прошло уже некоторое время. Появление Яня на службе у Святослава удивляет несколько потому, что Янь принадлежал к киевскому боярству. Не имел ли место переход Яня к Святославу в 1068—1069 г., когда в Киеве сидел Всеслав? Янь с другими боярами мог удалиться в Чернигов к Святославу и там предложить ему свои услуги. Рассказ о новгородском волхве, вставшем при князе Глебе, мог быть также записан Никоном: Никон, посадивший в 1067 году Глеба на тмутороканский стол, мог поддерживать с ним так или иначе сношения и по переходе его в Новгород в 1068 или 1069 году (в 1069 году 23 октября Глеб одерживает победу над Всеславом, напавшим на Новгород). Рассказ о посеще-

28 Рассказ о волхвах белозерских представляет общие черты с рассмотренным нами выше (§ 164) новгородским рассказом о возмущении, произведенном в 6532 году волхвами в Суздале. Ср. под 6532: «избиваху старую чадъ по дьяволу наущенью и бесованью, гла-голюще, яко си держать гобино»; под 6579: «иде приидуча в погость ту же нарекаста лучышие жены, глаголюще, яко си жито держить, а си медь... и убивашета многыя жены». Под 6532 Ярослав говорит: «Богъ наводитъ по грехомъ на куюждо землю гла-домъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не веестъ ничтоже, Хрис-тось Богъ единъ вестъ на небеси»; под 6579 Янь говорит: «створиль Богъ человека отъ земле, ставлень костью и жылами отъ крове, несть в немъ ничтоже, и не вестъ ничтоже, но токьмо единъ Богъ вестъ». Думаю, однако, что сходство между обеими статьями случайное. Быть может, впрочем, слова «и не вестъ ничтоже, но токьмо единъ Богъ вестъ» вставлены составителем Нач. свода в статью 6579 года из статьи 6532 года.

нии кудесника новгородцем, вероятно, также записан в Киеве: Никон мог услышать его даже от кого-нибудь из монахов Печерской обители родом из Новгородской области. Итак, считаю вероятным, что три только что названные сообщения записаны Никоном и им внесены в Продолжение к Древн. своду. Но почему он поместил их именно под 1071 годом? Ряд рассказов о волхвах начинается сообщением о появлении волхва в Киеве. Можно бы думать, что именно этот волхв появился в Киеве в 1071 году; но препятствием является неопределенное указание, стоящее перед этим сообщением: «в си времена»; Никон в 1073 году мог без труда определить, точно ли этот волхв появился в 6579 году, и в утвердительном случае сказать: «в семь же лете». Мы знаем, что Никон употребляет неопределенные указания там, где говорит о событиях, узнанных им понаслышке; в виду этого отношу появление волхвов не к 1071 году, а ко времени более раннему и сопоставляю «в си времена» статьи 6579 года с «в си же времена», которое дважды употреблено под 6575-м. Думаю, что появление волхва имело место около 6573 года, и подтверждаю это предположение ссылкой на сходство пророчения волхва с угрозами Киевлян, высказанными ими в 6577 (1069) году при известии о приближении к Киеву Изяслава с Ляхами: «зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречскую землю». Испуганные Киевляне вспомнили в 1069 году о пророчестве волхва, предсказывавшего, что на п я т о е лето Русская земля³⁹ станет на Греческой, и начали подумывать о том, что им придется последовать этому пророчеству. Таким образом получается косвенное указание на то, что появление волхва в Киеве имело место в 1064 году. Теряясь в догадках, почему рассказ о волхвах помещен именно под 6579 (1071) годом, останавливаюсь на следующем обстоятельстве. Все рассказы о волхвах перенесены под 6579 год составителем Начального свода; у Никона же они находились под 6573-м, т. е. на том именно месте, где составитель Нач. свода поместил, вместо рассказов о волхвах, ряд выписок из хронографа (о различных чудесных явлениях). Продолжая под 6573 перечисление различных примечательных событий, бывших «в си времена», Никон вставил в свой свод рассказ о киевском волхве; по ассоциации ему вспомнились другие рассказы о волхвах и кудесниках; ими он и заполнил статью 6573 года, не заботясь о точной хронологии; ср. такое выражение его, как «бывши бо единою скудости въ Ростовъсте области». Почему составитель Начального свода перенес все рассказы Никонова свода из 6573 г. под 6579 год, остается для меня неясным.

Под 6580 (1073) годом читается статья о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь, поставленную Изяславом. Думаю, что в Никоновом своде читалось известие об этом событии, но оно было изложено иначе (и вероятно, короче), чем в Повести вр. лет (и Нач. св.). Дошедшую же до нас летописную статью я считаю сокращением соответствующей выше городской записи, составленной притом спустя некоторое время после со-

³⁹ Русская земля это Русские люди, ср. тут же: «а се ведеть на ны Лядскую землю».

⁴⁰ При сокращении опущены: имя Неофита, Черниговского епископа, а также эпизод с ногтем Глебовым, попавшим под клобук Святослава.

бытия: ср. о церкви, поставленной Изяславом: «яже стоять и ныне ». Перенесение мощей имело место 20 мая, а не 2-го; ср. 20 мая в Ипат. (см. §§ 43 и 44). Поправка 20 мая на 2 мая произошла под влиянием второго перенесения мощей, бывшего 2 мая в 1115 году.

О статье 6581 (1073) года, где рассказывается о распре между Ярославичами и об изгнании Изяслава, мы говорили выше. Содержание этой статьи навлекло, по-видимому, гнев Святослава на Никона, закончившего свой труд внесенными в эту статью обличениями нарушивших отцовскую заповедь князей.

§ 253¹. Из этого обзора содержание Никонова Продолжения к Древн. своду видно, что в распоряжении Никона были одни устные источники; следов пользования источниками письменными мы в его труде не находим. Впрочем, местами Никон вводил в свои повествования параллели из библейской истории: ср. вставленный им эпизод о дани Козарской, а также статью 6581 (1073) года.

У меня возникает, однако, сомнение в отношении четырех известий Никонова Продолжения. Под 6562 читаем: «Преставися великий князь Русьский Ярославъ», под 6565: «Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смольньсче», под 6568: «Преставися Игорь, сынъ Ярославль», под 6571: «Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша и въ церкви святого Георгия ». Не извлечены ли эти известия из одного общего источника? Отмечаем торжественное выражение «преставися». Как указано в § 114, это выражение в ряде известий о кончинах членов княжеской семьи ведет нас, по вероятному предположению А. А. Куника, к княжескому помяннику. Помянник этот был использован составителем Начального свода около 1095 года. Указаний на пользование им уже со стороны составителя Древнейшего свода 1039 года мы не имеем; напротив, вполне вероятно отсутствие в этом своде известий 6508, 6509, 6511, 6515, 6519 годов, восходящих к помяннику, равным образом и известия 6544 о перенесении останков Ярополка и Олега в св. Богородицу. Все эти известия попали в летопись, по-видимому, только благодаря редактору Начального свода. Отсутствие заимствований из княжеского помянника в Древн. своде объясняется, быть может, тем, что помянник составлен уже после 1039 года: особенно вероятно допустить такое предположение, если признать, что помянник велся при церкви св. Софии, которую Ярослав, как кажется, предназначил быть усыпальницей членов своего дома; церковь св. Софии сама окончена и освящена только в 1039 году. Но мы не можем отрицать возможности того, что помянником этим воспользовался Никон так же, как он воспользовался самим летописным сводом, составленным при Софийском соборе. В виду этого не признаю вероятным, чтобы четыре названные известия 6562, 6565, 6568, 6571 годов были вставлены в летопись уже только редактором Начального свода. Думаю, что они заимствованы из княжеского помянника самим Никоном.

В подтверждение приведу следующее. В известии 6562 года Ярослав был, судя по Лавр., Радз., Хлебн., назван великим князем Русским. Думаю,

что чтение Ипат. списка, где опущен эпитет «великий», не может быть признано первоначальным⁴¹. С тем же эпитетом, вообще совсем необычным в летописи, Ярослав назван и в статье о начале Печерского монастыря: фраза «Посемь же преставльшюся великому князю Ярославу»⁴² составлена явно под влиянием текста известия 6562 года: «Преставися великий князь Русьский Ярославъ». Следовательно, Никон, автор статьи о начале Печерского монастыря, имел перед глазами приведенный текст известия о кончине Ярослава.

За известием 6565 года о кончине Вячеслава читаем «и посадиша Игоря Смолинське изъ Володимеря выведше». Нельзя сомневаться в том, что эти слова принадлежат Никону⁴³; но отсюда следует, что в его труде находилось и известие, вызвавшее эти слова, т. е. известие о кончине Вячеслава.

Из того, что известие о кончине Ярослава заимствовано из княжеского помянника, не следует, чтобы к тому же помяннику восходило указание на день кончины Ярослава; мы читаем его ниже и притом в другом соединении: «и предасть душу свою Богу в субботу 1 поста святого Феодора». В княжеском помяннике, по крайней мере в древнейших его известиях (до конца XI в.) не приводились, как кажется, точные хронологические указания.

⁴¹ Ср. подобный же пропуск под 6601 (1093) в сообщении о смерти Всеволода. Первым, кто назван в Ипат. великим князем, это Владимир Мономах, который при этом титулуется так, как стали титуловаться великие князья с XIV в.: «великий князь всея Руси». В Лавр, же эпитет Мономаха тот же, что эпитет Ярослава: «великий князь Русский». Впрочем, в сообщении 1015 г. Владимир Святославич именуется в Ипат. великим князем, см. § 221.

⁴² Ипат. здесь сохранила слово «великому».

⁴³ Отсутствие подлежащего при «посадиша» вполне характерно для летописца, жившего во времена Ярославичей: до 1073 года они постоянно действовали сообща.

ГЛАВА XIII 0 составе и об источниках Древнейшего свода

Имеем теперь возможность, после выяснения вопроса о Никоновой редакции 1073 года, вернуться к исследованию Древнейшего летописного свода. Как мы видели, он составлен приблизительно в 1039 году при вновь учрежденной Киевской митрополии.

1

§ 254. В составе этого свода находим повествования о древнейших судьбах Русской земли. Рассказав о начале Киева, автор переходил к изложению предания о том, как водворился в Киеве Варяжский князь Олег, сообщал затем предание о походе Олега на Царьград и предание об убиении Древлянами другого Киевского князя, родоначальника княжеской династии, Игоря; засим рассказывал, согласно с народным преданием, о походе Ольги с малолетним Святославом против Древлян. Неожиданно встречаемся в его труде вслед за этим с рассказом иного характера, в котором излагаются обстоятельства крещения Ольги; имеем основание думать, что 6463 год, которым определено это событие, был первым годом, приведенным автором Древнейшего свода. Перейдя к Святославу, Древнейший свод стал руководствоваться опять народным преданием: на основании его изложен поход Святослава против Козар и покорение Вятичей. Затем он упоминал о походе Святослава на Болгар, причем, как указано в § 82, у нас возникает сомнение относительно того, точно ли и здесь автором руководило народное предание; возможно, что он имел под рукой письменный (болгар-

ский) источник; рассказ об отражении Печенегов от Киева, вставленный между сообщением о двух походах Святослава на Болгар, основан, конечно, на народном предании; автор второй поход определил 6477 годом, но по всем признакам год этот был дан в источниках как год кончины Ольги, о которой тут же им и рассказано, притом в изложении, не оставляющем сомнения в том, что источником рассказа было житие или сказание о святой Ольге. Следующий затем рассказ о войне Святослава сначала с Болгарами, потом с Греками содержит указания на заимствования из болгарского источника; но рассказ об убиении Святослава Печенегами основан на народном предании. Народное предание лежит в основании и дальнейшего повествования, где сообщается об усобице между сыновьями Святослава и вокняжении Владимира в Киеве; в связь с торжеством Владимира-язычника поставлено жертвоприношение богам, повлекшее за собой мученическую смерть двух варягов; рассказ об этом явно основан на письменном источнике; из него заимствован и 6486 год, оказывающийся таким образом третьим годом Древн. свода, означающим год вступления на Киевский стол Владимира. После этого рассказа о первых христианских мучениках на Руси, находим несколько кратких сообщений о походах Владимира на Ляхов, Вятичей, Ятвягов, Радимичей и Болгар. Что касается первого из этих сообщений, то оно едва ли не составлено на основании припоминаний, вызванных событиями 1031 года (следовательно, современными автору Древн. свода), когда Ярослав и Мстислав «заяста грады Червеньскыя опять », т. е. те самые грады, которые в самом начале своего княжения взял у Ляхов Владимир («Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дьне подь Русию») и которые в 6526 (1018) году отнял у Ярослава Болеслав («игороды Червеньскыя зая собі »). Обращаю внимание на то, что овладение Владимиром Червенских городов отнесено в Повести вр. лет (Нач. своде) на 6489 год, а возвращение их Ярославом и Мстиславом на 6539-й, т. е. что между тем и другим событием ровно пятьдесят лет: думаю, что это круглое число 50 явилось не случайно и что, следовательно, 6489 год извлечен из 6539-го; отсюда заключаю, что извлечение это сделано тем самым лицом, которое записало событие 6539 года, т. е. составителем Древн. свода; вот почему признаю 6489 год четвертым годом, читавшимся в этом своде. Следующие известия помещены в Древн. своде под 6490, 6491, 6492 и 6493 годами; конечно, годы эти явились искусственно; ряд Владимировых походов приурочен к последовательному ряду годов; об этих походах (но, конечно, без указания последовательности между ними) сообщали, вероятно, народные предания ср. упоминание о воеводе Волчьем Хвосте в рассказе о победе над Радимичами. Составитель Древн. свода, получив таким образом ряд годов 6489—6493, решил поместить следующую статью об испытании Владимиром вер под 6494 год, что было вполне уместно и в виду того, что последовавшее затем крещение Владимирово относилось источниками Древн. свода к 6495 году. Испытание вер в первой своей части, где рассказывается о посещении Владимира проповедниками Болгар-магометан, Немцев-папистов и Евреев козарских, представляется плодом сочинительства автора Древн. свода; напротив, как обличительная речь философа про-

тив магометан, папистов и Евреев, так и последующее изложение этим философом преобразовательного значения ветхого завета и главных событий земной жизни Иисуса Христа, представляются заимствованными из болгарского источника, повествовавшего об обращении князя Бориса философом Кириллом: имя Кирилла сохранено было и Древн. сводом. Рассказ о крещении Владимира и Киевлян основан, по-видимому, на устном предании и частью даже на припоминаниях самого составителя, жившего во время не столь отдаленное от крещения Руси. Но, быть может, у него под руками был и письменный источник, повествовавший о крещении Руси: этот вопрос мы рассмотрим ниже. События после крещения — поход Владимира против Печенегов и его градостроительство — излагаются на основании частью народных преданий, частью же припоминаний; это помещено под «другимъ летою по крещенш», разумеется, гадательно. Но о том, что поход на Корсунь и славное его окончание имели место на третий год по крещении, — воспоминание об этом могло сохраниться в памяти народной; взятие Корсуни связано с помощью, оказанною Владимиру Анастасом корсунцем; об этой личности, игравшей, вероятно, заметную роль во все последующее княжение Владимира, могли помнить и в конце тридцатых годов, тем более, что в 1018 году Анастас был еще жив: Древн. свод сообщал об измене его Ярославу и об отъезде его из Киева с Болеславом, которому вверился он лестью, за что был поставлен им над своим именем (захваченным в Киеве). Сообщение о построении церкви св. Богородицы и о даровании ей десятины, распорядителем которой сделан Анастас, быть может, также имеет источником устное предание, хотя молитву Владимира составитель свода мог заимствовать и из письменного источника. Между годом закладки св. Богородицы (год мог быть определен по соображению, что церковь строилась пять лет, а окончена на девятое лето по крещении) и годом ее окончания вставлены сообщения о закладке Белгорода и о походе на Хорватов: думаю, что приурочение этих событий к пятому и шестому годам по крещении сделано гадательно: о событиях говорили народные предания, но поместить их раньше было невозможно, так как на каждый год Владимирово княжения уже приходилось по одному событию. На основании Памяти и похвалы Владимиру допускаю, что события после крещения Владимира определялись отсчитыванием того или другого числа от года крещения; подтверждение этому вижу в том обстоятельстве, что Нач. свод отнес окончание св. Богородицы к 6504 (996) году, девятому по крещении, отсчитав его от 6496 (988), принятого за год крещения; между тем Древн. свод, полагая окончание св. Богородицы на девятое лето по крещении, имел в виду, конечно, 6503 (995) год, бывший девятым после 6495 (987), когда крестился Владимир: освящение св. Богородицы имело место 12 мая именно 995 года, как указано в § 10. За рассказом об окончании св. Богородицы, составителю Древн. свода уже нечего было сообщить из событий Владимирово княжения; он припомнил, впрочем, легенду о построении церкви св. Преображения в Василеве, освященной, по-видимому, в один год со св. Богородицей, и затем приступил к общей характеристике Владимира, пользуясь при этом и народными преданиями (об отношении

Владимира к дружине) и другими рассказами (о милосердии Владимира). Имена Болеслава Лядского, Стефана Угорского и Андриха (Ольдриха) Чешского обязаны своим появлением в этой характеристике соображениям летописца¹. Подойдя к 6523 (1015) году, автор Древн. свода приблизился к такому времени, о котором могли хорошо помнить современники, о котором сохранил воспоминание и он сам. Смерть Владимира, избиение Святополком братии, переменное счастье в борьбе Святополка с Ярославом — это все были настолько яркие, особенно по последствиям своим, события, что восстановить через 20—25 лет последовательный ход их, установить между ними связь не представляло затруднений. Но у нас возникает сомнение, не имел ли автор Древн. свода в числе источников рассказа об убийстве Бориса и Глеба: этот вопрос мы рассмотрим ниже.

В княжении Ярослава составитель свода отмечает даже такие события, которые сравнительно не так важны; указаны годы рождения пяти сыновей Ярослава из общего числа семи²; отмечено явление кометы с указанием 6635 года, упомянуто о смерти сына Мстиславова Евстафия. Понятно, что события более важные описываются и определяются с такою тщательностью, которая позволяет полагаться на соответствующие сообщения Древн. свода, как на вполне достоверные исторические свидетельства. Начиная с первого года Ярославова княжения, определенного, как кажется, 6525-м, имеем перед собою не свод народных преданий и случайных припоминаний, а попытку дать в летописном изложении описание истекших 25 лет Ярославова княжения. Автор летописного свода доводит свой рассказ до закладки и освящения св. Софии и оканчивает свои труд похвалою просветительной деятельности Ярослава. Весьма вероятно, что эта похвала была изложена в настоящем времени и что перемена этого времени на прошедшее принадлежит позднейшему редактору, преп. Никону.

Сделанный нами обзор содержания Древн. свода позволяет нам приступить теперь к определению источников свода. Различаем:

- а) письменные источники,
- б) народные предания,
- в) припоминания,
- г) сочинительство самого сводчика.

§ 255. Письменные источники были немногочисленны. На первом месте назову б о л г а р с к у ю л е т о п и с ь . Указание на такой источник извлекаем, во-первых, из статей, относящихся к болгарским и греческим войнам Святослава; как мы видели, упоминание о 80 городах, взятых Святославом

1 Ольдрик правил Чехией в 1012—1034 гг., Стефан Угорский в 978—1038 г., Болеслав умер в 1025 г.

2 Неясно, почему опущено сообщение о рождении пятого сына Игоря; рождение старшего Ильи не упомянуто, по-видимому, потому, что случилось в Новгороде еще до перехода Ярослава в Киев.

по Дунаю, боевые речи Святослава, его речь о преимуществах Переяславца, как средоточия его земель, указание на то, что греческие города, опустошенные Святославом, стоят пусты и до сего дня — все это ведет к болгарскому источнику; мы видели при этом, что речи о преимуществах Переяславца уместно было быть помещенной там, где Святослав овладевает этим городом и садится в нем, а не в рассказе о посещении им Киева и беседе его с матерью и боярами; между тем Святослав, взяв Переяславец приступом, ограничивается восклицанием «се градъ мой!» Если допустим, что этими словами вводилась речь о преимуществах Переяславца, то увидим, что автор Древн. свода отнесся к своему источнику довольно свободно; вместе с тем такое допущение ведет к неминуемому заключению о наличии у этого автора письменного источника. Как мы указывали выше, болгарская летопись говорила о Святославе, как о личности почти легендарной: он не знает поражений; покоритель Болгарии за малым не взял самого Царяграда; Греков спасли только усиленные мольбы и обильная дань, уплаченная русскому князю; такое изображение Святослава являлось некоторым удовлетворением болгарскому национальному чувству, пережившему тяжелые испытания благодаря водворившемуся в Болгарии Святославу. В виду этого считаем вероятным, что некоторые черты из предложенной составителем Древн. свода характеристики Святослава заимствованы им из того же болгарского источника; упомянем здесь еще раз о сравнении Святослава с пардусом; подобное сравнение находим в Александрии. Во-вторых, видим указание на влияние болгарской летописи еще в статье о походе Олега на Царьград. Греки испугались, когда увидели, что Олег двинул свою рать на колесницах, снабженных парусами; они послали к нему с просьбой не губить города и с предложением дани. Олег остановил свое войско. Греки вынесли ему брашно и вино, но Олег не принял его, ибо оно было с отравой. Греки испугались и сказали: «это не Олег, а святой Димитрий, посланный Богом на нас». Могло ли прийти в голову русскому летописцу, знавшему, что Олег язычник, приписать Грекам приведенные от имени их слова? Мне это представляется весьма мало вероятным, хотя бы потому, что летописец ниже говорит о том же Олеге: «и прозвали его Олегом вещим, ибо люди были язычниками и невеждами»; Греки не были ни язычниками, ни невеждами, а между тем им приписывается отождествление Олега со святым Димитрием и именно тогда, когда Олегу пришлось обнаружить свое вещее свойство, когда он угадал, что высланные ему припасы приготовлены с отравой. Вспомним, что Димитрий Солунский был святым особенно чтимым Болгарами, что бывали случаи, когда болгарские князья, отправляясь на Царьград, заезжали в Солунь и испрашивали себе благословения у мощей св. Димитрия; вспомнив это, признаем вероятным, что болгарская летопись в повествовании о походах Симеона на Царьград могла содержать сходное с приведенным место, причем Греки отождествили с св. Димитрием не язычника, а христианина Симеона, наводившего страх на Византийскую империю*. Повторение слов «убояшася Гръци и рѣша» сначала перед предложением Греков уплатить Олегу дань, потом перед

сравнением Олега со св. Димитрием, наводит на мысль, что отрывок «и вынесоша ему брашно и вино... посыланъ отъ Бога на ны » вставлен в рассказ, где за предложением дани со стороны Греков естественно ждать продолжения в виде слов «И устави Ольгъ воя, и заповеда дань даяти на 100 корабль», и т. д. Такая вставка могла произойти под влиянием болгарской летописи, где подобный эпизод читался в рассказе о походах Симеона.

В-третьих, как указано выше, болгарская летопись послужила источником для рассказа об обращении в христианство Владимира. Мы доказывали это не только именем философа Кирилла, которого болгарские предания признают просветителем Болгарии, но также и тем, что обращение Владимира поставлено в связь с картиной страшного суда, которая, как мы знаем, послужила причиной обращения Бориса болгарского; легенда, занесенная в греческий источник, приписывала эту картину художнику Мефодию, сделавшемуся впоследствии святым епископом (так в некоторых версиях легенды), но возможно, что болгарские источники связывали эту картину с тем же Кириллом. Как увидим, в распоряжении составителя Древн. свода мог быть рассказ о крещении Владимира, составленный для прославления Владимира и назидательного чтения новообращенным христианам, но в этом рассказе ничего не говорилось о причине, побудившей Владимира принять крещение. Наиболее подходящим автор Древн. свода признал предположение, что Владимир был приведен к вере проповедью, а образец такой проповеди автор нашел в болгарской летописи. По-видимому, летопись эта говорила о предложениях, сделанных Борису со стороны магометан, папистов и иудеев, ибо речь философа начинается опровержением и обличением этих исповеданий; но вероятно, что болгарская летопись лишь кратко упоминала о самых этих предложениях; мы вернемся ниже к сочиненным в Древн. своде диалогам между Владимиром и приходившими к нему миссионерами.

Думаю, что болгарская летопись в отношении к Древн. своду имела еще то значение, что послужила для него образцом и главным основанием, откуда русский летописец почерпнул как приемы летописания, так и свою фразеологию.

§ 256. На втором месте назовем с к а з а н и е о к н я г и н е О л ь г е. К нему восходит рассказ о крещении Ольги в Царьграде, о возвращении ее в Киев, где ей не удалось убедить сына Святослава принять христианство, а также рассказ об ее кончине. Доказательства существования подобного древнего сказания приведены выше: проложные статьи, относящиеся к Ольге, не могут быть возведены к летописи, в виду некоторых фактических подробностей, в них содержащихся (крест, привезенный Ольгой из Царяграда; золото, посланное по завещанию ее патриарху). В рассказе о смерти Ольги мы указали следы спайки в Древн. своде: сначала сообщено, что Ольгу похоронили торжественно и всенародно, а потом сказано, что ее похоронил священник, которого Ольга держала «в тайне». Первое сообщение как будто вытекает из всего предыдущего рассказа: Киевляне призывают Святослава на выручку осажденного их города; они попрекают кня-

зя за то, что он оставил свою старую мать; Святослав перед матерью и боярами объявляет о желании своем вернуться в Переяславец; но мать уговаривает его подождать с отъездом, ссылаясь на свою болезнь; «погребь мя, иди яможе хощеши». И когда через три дня Ольга умерла, Святослав со всеми людьми похоронил ее. Второе же сообщение совершенно неожиданно: Ольга не велела творить над собой тризны, ибо она втайне держала у себя священника, который и похоронил ее, очевидно, также втайне. Сообщение это в более полном виде читается в проложных житиях св. Ольги — вот причина, почему мы считаем возможным возвести его к отдельному сказанию об Ольге (ср. §§ 73, 75, 76). Возможно, что проложная статья об Ольге, напр, подобная той, что читается в Типограф, прол. XIV в. № 368³) целиком восходит к предполагаемому сказанию. В таком случае указание на то, что Ольга родом из Пскова, надо возвести в Нач. своде к Древн. своду, а в этом последнем к тому же сказанию. Мы читаем в этой проложной статье, что Ольга, вернувшись в Русь, «обиходяше всю Русьскую землю, дани и уроки льгькы уставляючи и кумиры сокрушаючи». Не заимствовано ли отсюда, т. е. из протографа этой статьи, в Древн. свод сообщение о том, что Ольга уставляла уставы и уроки по Деревской земле и что становища ее и ловища имеются по всей земле? Эту подробность предполагаемого сказания надо поставить в связь с последующим: «даяше же и милостыни много убозеи чади»; следовательно, творя милостыню, Ольга одновременно облегчала тяготы, лежавшие на населении⁴. Похвалу Ольге, читавшуюся в Древн. своде после рассказа об ее кончине, возводим к тому же сказанию.

Такое предположение тем правдоподобнее, что вряд ли бы осторожно признать сводчика, автора Древн. летописного свода, поставившего себе прямую и определенную цель рассказать о древнейших судьбах Русской земли и довести рассказ до новейших событий, — признать его одновременно составителем житийных сказаний, похвальных слов Ольге, далее Владимиру и проч. Одному человеку справиться со всем этим разнообразным материалом было бы непосильно, и потому мы стараемся по возможности теснее ограничить область личного творчества, сочинительства составителя Древн. свода.

§257. Третьим письменным источником нашего свода признаем с к а з а н и е о В а р я г а х мучениках. Дошедшее до нас сказание о них в прологе подверглось сильному влиянию летописи: это видно между прочим из пропуска имени Варяга-отца, пропущенного и в летописи, но несомненно названного в первоначальном виде сказания⁵; то же следует и из того, что проложная статья, как и летопись, начинает рассказ с победы Влади-

3 Ф. А. Гиляров, Предания русской нач. летописи.

4 Сообщение Татищева, ссылающегося при этом на определенный источник (Расколын.

список) о том, что Ольга ведала отложить княжее (т. е. какую-то свадебную пошлину), б. м., восходит к тому же сказанию.

5 Имя это Туры; доказательства см. в статье «Как назывался первый русский мученик»

(Известия Имп. Акад. Наук. 6 серия, 1907 г., май).

мира над Ятвягами, между тем как из соображений, высказанных в § 11, видно, что первоначально рассказ приурочивался ко времени вступления Владимира на Киевский стол. Летопись, несмотря на возможность, данную сказанием, не сохранила указания на день мученичества Варягов; пролог дает этот день — 12 июня; драгоценная дата эта является ключом для разгадки, почему составитель Памяти и похвалы Владимиру полагал днем восшествия Владимира на стол 11 июня; а это указание древнего памятника красноречиво свидетельствует о том, что действительно в первоначальном сказании (а за нам и в Древн. своде) мученичество Варягов излагалось вслед за рассказом о вступлении на Киевский стол Владимира.

§ 258. Переходим к вопросу о четвертом источнике Древн. свода — сказании о князе Владимире. Я не мог бы привести ясных и убедительных доказательств в пользу существования такого сказания. Мы видели, что для объяснения факта обращения Владимира в христианство, летописцу пришлось прибегнуть к аналогиям; это могло бы служить доказательством, что ему не было известно сказание о Владимировой крещении. Имеем однако в виду высказанные выше соображения: невозможность допустить соединение в одном лице и летописца и сводчика и автора агиологических статей; руководствуясь главным образом этим, мы были бы склонны допустить, что рассказ о крещении Киевлян, сообщение о добродетелях Владимира и посмертная похвала ему извлечены составителем Древн. свода из отдельного сказания. Нас останавливают однако некоторые сомнения: отдельные элементы, вошедшие в рассказ о Владимире, могли быть заимствованы составителем Древн. свода из других известных ему статей, нами уже рассмотренных. Так, похвала Владимиру вводится в текст одинаково с похвалой Ольге; там мы читаем: «сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущая хрѣстяньсте земли»; здесь: «схраниша тело его съ плачьмъ блаженаго кнѣзя. Съ есть новый Костянтинъ великого Рима». Так в описании крещения Киевлян читаем: «И бяше си видети радость на небеси и на земли, толико душъ съпасаемыхъ: а дьяволъ стена глаголаше: увы МНЕ, ЯКО отъсюда прогонимъ есмь! сде бо мняхъ жилище имети, яко еде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побегенъ есмь отъ невелика, а не отъ апостоль, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ». Этот отрывок стоит в тесной связи с тем, что помещено составителем Древн. свода выше из сказания о первых мучениках: «дьяволъ радовашеся сему, не ведый, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити роль хрестьяньский, но прогонимъ бяше хрестомъ честнымъ и в инехъ странахъ; сде же мнѣ сѣя оканънии: яко сде ми есть жилище, еде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли... Аще и теломъ апостоли не суть еде *были*, но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселенѣи в церквахъ». Но можно ли наверное утверждать, что только что приведенное место составлено действительно летописцем? Возможно, что оно читалось уже в отдельном сказании о Владимире, автор которого, как видно из

другого обстоятельства, мог пользоваться сказанием о мучениках-Варягах непосредственно. Вероятно именно, что в связи с предполагаемым отдельным сказанием о Владимире стоит проложная статья о Владимире; в ней мы читаем: «И отътоле наречеса место то святое, идеже ныне, церковь святую мученику Турова. И ть бысть первый ходатай нашему спасению»; в этих словах видим доказательство того, что составитель проложной статьи или протографа этой статьи — отдельного сказания о Владимире был знаком со статьей о первых мучениках в том виде ее, когда в ней еще читалось имя старшего варяга Турия, опущенное в летописи⁶. Возможно, что составитель сказания о Владимире был знаком и со сказанием об Ольге; общее место в начале похвалы Ольге и Владимиру в приведенных выше летописных отрывках могло быть заимствовано составителем сказания о Владимире из сказания об Ольге. Склоняюсь к мысли, что действительно в распоряжении составителя Древн. свода находилась статья о Владимире или о крещении Руси, но возвожу к ней не приведенные выше отрывки, которые могли быть, как мы видели, составлены и летописцем, а то лирическое отступление от рассказа, которое находим в конце, после сообщения об отдаче детей в учение книжное. Отступление это начинается словами «Симъ же раздаяномъ на учение кънигамъ». Оно в значительной части состоит из выписок из Священного Писания и требовало от составителя особого напряжения. Молено думать, что он имел в виду прославление не князя Владимира, а самого крещения Руси. Нельзя ли предположить существование статьи, специально посвященной прославлению дня крещения? Не из нее ли взят отмеченный отрывок, оканчивающийся словами: «иже прияли суть крыщение и покаяние въ отъпущение греховъ, новии людие хръстяньстии, избърании Богъмъ»? Отмечу общее место между сообщением летописца о крещении, а также вызванным им кратким лирическим отступлением и тем обширным лирическим отступлением, которое читаем у него же ниже. Мы уже привели фразу «И бяше си видети радость на небеси и на земли, толико душъ съпасаемыхъ»; ср. ниже: «Колика ти радость! не единъ, ни дъва съпасаеся... се же не единъ, ни дъва, нъ бесчисльное мьножество къ Богу приступиша, святымъ крыщениемъ просвещени»; слова «И бяше си видети радость» представляются мне перифразом слов «Колика ти радость», а это наводит на мысль, что первая фраза составлена летописцем на основании второй фразы, составленной другим лицом. Итак, заканчиваю настоящие рассуждения следующим предположением: в распоряжении соста-

6 И дальше видим опять влияние сказания о первых мучениках на сказание о крещении Владимира: последний после крещения Киевлян произносит молитву, в которой говорит, между прочим: «и даждь имъ, Господи, увести тебе, истиннаго Бога, якоже увезде-ша страны хръстяньскыя, утверди и в нихъ Віру праву и несовратну и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надеяся на тя и на твою державу, побегю козни его». Дальше сообщается о построении Владимиром церкви. Ср. в сказании о мучениках: «Но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселеней в ц е р к в а х ъ, их же учень-емъ побежаемъ п р о т и в н а г о в р а г а , попирающе подъ нозе, яко же попраста и си отеника».

вителя Древн. свода была статья о крещении Руси; он заимствовал из нее отрывок, читающийся после слов «Симъ же раздаяномъ на учение книгамъ»; остальной рассказ о крещении Владимира (насколько он не повторял в той части, где говорится об обращении Владимира, болгарского своего источника) составлен самим летописцем.

В пользу такого предположения приведу еще следующее. Философско-лирическое отступление, нами рассматриваемое, состоит из текстов Священного Писания; местами эти тексты переделаны для приурочения их к 1-му лицу множ. числа, от имени которого ведутся эти рассуждения. Ср. «въ родъ и родъ въсхвалимъ» вместо «родъ и родъ въсхвалимъ», ниже «испов'едающеся» в Псалме 135 вм. «исповедаитесь» и т. д. Уже эта переделка наводит на мысль о самостоятельности рассматриваемого отрывка, независимости его от летописи. Но кроме того вместо «имже приведенье обретохомъ верою въ благодать сию, въ немже хвалимся и стоимъ» (Римл. V. 2) в Древн. своде, судя по Ипат., читалось: «имже приведенье обретохомъ верою въ благодать сию кнзя нашего Володимера, имже хвалимся и стоимъ» (остальные списки опустили «кнзя нашего Володимера», но сохранили «имже»). В этом чтении вижу указание на то, что сказание о крещении Руси, отрывок из которого попал в летопись, составлено еще во времена Владимира.

§ 259. Пятым письменным источником была грамота, данная Владимиром церкви св. Богородицы; этой грамотой Владимир закрепил за церковью десятину от своего имения и от своих городов. Выписки из нее, приведенные в сообщении об окончании церкви, доказывают пользование ею со стороны летописца; возможно, что он заимствовал эти выписки и из проложной статьи (12-го мая), если только допустить, что уже во времена Ярослава пролог пополнялся русскими статьями.

§ 260. Перехожу к вопросу о шестом письменном источнике Древн. свода, с к а з а н и и о святых Б о р и с е и Глебе. Рассказ об убийстве их имеет в летописи все признаки отдельного апологического сочинения; в уста Бориса вложены подходящие псалмы и молитвы; смерть Глеба вызывает лирическое восклицание, заимствованное из псалма; действия Святополка жестко осуждаются; вопреки хронологической последовательности сообщается о перенесении тела Глебова к Вышегородской церкви еще до победы Ярослава над Святополком. Вопрос сводится поэтому к тому, составлено ли это сочинение самим летописцем, или он нашел его уже в готовом виде. При решении этого вопроса надо иметь в виду, что рассказ об убийстве Бориса и Глеба самым тесным образом сплетается и с последующими летописными данными. Об отсутствии Бориса во время смерти Владимира сказано летописцем выше, до рассказа о последующих событиях, приведших к трагической развязке; желание Святополка скрыть смерть отца, его переговоры с Вышегородцами в ту самую ночь, когда бояре перевезли тело Владимирово в церковь св. Богородицы — это все факты, которые придется возвести к апологическому сочинению, посвященному св.

Борису и Глебу, как скоро мы не допустим того, что оно само составлено летописцем. Все последовавшее за убиением св. братьев поставлено в тесную и прямую связь с ним: Ярослав идет на Святополка с целью отомстить за пролитую кровь праведных; Святополкова гибель свидетельствует о небесной каре, постигшей Святополка при жизни и уготованной ему по смерти; — словом, и все исторические события приняли под пером летописца такую окраску, которая затрудняет отделение исторических (летописных) элементов от агиографических. Нам приходится допустить: или что в агиографическом сочинении о Борисе и Глебе уже теснейшим образом были слиты оба эти элемента, или что слитие их произошло под пером летописца, и продумавшего и изобразившего их в одном связном целом. Я останавливаюсь на втором предположении потому, что оно менее сложно, чем первое: работа летописца у нас перед глазами; между тем не имеем достаточного основания допустить существование апологического сочинения, посвященного Борису и Глебу и вмещавшего в себе исторические факты, летописные данные. Не забудем, что дело идет о святых князьях, что прославление их было важно не только для церкви, но и для правящего князя (в данном случае для Ярослава); не забудем, что этому князю отведена видная роль в рассказе, причем он оказывается отместником за святых, он является орудием Божьей кары окаянному Святополку. Таким образом составление сказания о Борисе и Глебе должно было иметь во времена Ярослава прежде всего характер политической работы; приняться за таковую приличествовало вполне летописцу. Вот почему я отождествляю составителя Древн. свода с составителем сказания об убиении Бориса и Глеба. Но меня останавливает одно кажущееся сначала незначительным обстоятельство. В описании битвы на Альте читаем: «Бе же пятькъ тъгда». Мы видели выше, что в 6527 (1019) году 24 июля приходилось в пятницу, и это побудило нас признать что 24 июля было собственно днем победы Ярослава над Святополком; в честь этой победы была выстроена церковь на Летском поле; ко дню 24 июля приурочена уже только впоследствии кончина Борисова. Вероятно ли, чтобы летописец, сообщивши о том, что Летская победа случилась в пятницу, умолчал бы о том, что это было 24 июля, если бы он узнал о дне этой победы из устных расспросов, из воспоминаний, скажем, участников битвы? Не признавая этого вероятным, я заключаю, что указание на пяток (24-го июля) извлечено летописцем из письменного источника; он опустил 24 июля так же, как, говоря о кончине Ольги, опустил 11 июля, а рассказывая о мученичестве Варягов, не дал дня 12 июля. Следовательно, о Летской битве в распоряжении летописца было письменное сообщение. Этот вывод наводит на следующее соображение. Впервые празднование памяти св. Бориса и Глеба установлено в начале Ярославова княжения при архиепископе Иоанне, который освятил в этот день новую церковь в Вышегороде, выстроенную во имя Бориса и Глеба вместо сгоревшей Церкви св. Василия; перед тем совершились два чуда над мощами святых братьев, извлеченными из земли и поставленными в срубе (клетке), воздвигнутом на месте сгоревшей церкви св. Василия. 24 июля, одновременно с

освящением церкви во имя св. Бориса и Глеба, были перенесены их мощи из сруба в эту церковь⁷. Все эти события, в связи со случившимся того же 24 июля во время литургии третьим чудом, побудили причет Вышегородской церкви составить первую запись о чудесах св. братьев, причем в эту же запись было включено сообщение о первом перенесении мощей Бориса и Глеба; трудно усомниться в том, что записи этой предшествовало и краткое сообщение о том, как попали мощи сначала Бориса, потом Глеба в Вышегород; следовательно, она упоминала об убиении их нанятыми Святополком убийцами. Равным образом запись говорила и о низложении Святополка, о поражении его Ярославом в битве на Альте, случившейся в пятницу 24 июля, а также, вероятно, и о построении храма на месте этой битвы. Но все это, как можно думать, излагалось весьма кратко и вне той общей исторической оправы, которую сумел дать заимствованному из нее рассказу составитель Древн. свода. Итак, предполагаем, что распоряжением его находилось не сказание о Борисе и Глебе, а краткая запись Вышегородской церкви об их убиении, погребении обретении мощей, прославлении и об их чудесах. Не нахожу вероятным, чтобы в этой записи содержалось много фактического; так, даже имена *убийц* Борисовых вряд ли возводятся к Вышегородской записи; сомневаюсь, чтобы запись вообще подчеркивала убиение Бориса Вышегородцами; это заимствовано скорее из местных преданий киевских, находивших себе противовес в преданиях вышегородских, которые объясняли нахождение Борисова тела в Вышегороде тем, что его отвергли Киевляне⁸. Летописец не только придал апологический характер своему повествованию; он обогатил его и историческими фактами; об этом ясно свидетельствуют описания битвы у Любеча и Волыни, в которых решался спор между Ярославом и Святополком.

§ 261. Народные предания могли быть известны составителю Древн. свода как в форме исторических песен и былин, так и в форме прозаических рассказов. Определить форму того или иного восстанавливаемого по Древн. своду предания невозможно. Считаем нужным выделить в особую группу те благочестивые легенды, которые уже во времена Ярослава стали складываться вокруг памяти св. Бориса и Глеба. Перечислим народные предания, занесенные в Древн. свод.

Предание о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди сообщало о них, что они основали Киев. Возникновение предания едва ли не обязано этимологии географических названий, как, впрочем, это подчеркивается и самим изложением его у летописца: имя Щека извлечено из урочища Щековица, Хорива из урочища Хоривица, имя Лыбеди из на-

7 «И уставивши прыздыник прыздыновати мѣсяца иулія въ 24, въ нь же день убиень пре-блаженны Борисъ; въ тѣ же день и церкы священа и пренесена быста святая ». Сказание о чудесах по списку Усп. соб. XII в.

8 Подобное предание занесено в Тверской сборник: «И привезше на Днепръ, вложиша его (Бориса) въ лодію, и приплувше съ нимъ подъ Києвъ; Юане же не пріаша его, но отпехнуша прочь. И привезше тело его тай, положиша у церкви святаго Василия, въ Вышегородѣ, въ землю погребоша».

звания речки, протекающей близ Киева. Ограничивалось ли предание одним сообщением о существовании этих братьев, основавших Киев, или передавало о них еще что-нибудь, неясно. Из Повести вр. лет мы знаем, что существовал рассказ о том, будто Кий был перевозчиком через Днепр; но этому рассказу составитель Повести противопоставляет предание, по которому Кий ходил к Царьграду и там был принят с почестью царем греческим. Если мы правильно восстановили текст. Древн. свода, возведя к нему фразу: «И по сихъ братии държати почаша родъ ихъ кнѣжение въ Поляхъ », то оказалось бы, что Аскольд и Дир по представлении составителя этого свода были потомками Кия или его братьев. Таким образом, Кий, Щек и Хорив были в представлении составителя Древн. свода не только основателями Киева, но и родоначальниками старого княжеского рода, истребленного Олегом.

Об Аскольде и Дире составитель Древн. свода ничего не мог сообщить, кроме того, что давало предание о завоевании Киева Олегом. Об Олеге существовало несколько народных преданий; он характеризовался в них как вещий князь; здесь была отмечена та хитрость, при помощи которой он убил Аскольда и Дира и сел в Киеве. Указание на погребение Аскольда и Дира на горе свидетельствует, по-видимому, о том, что и составителю Древн. свода известна была могила, которую составитель Нач. свода определял ближе как могилу Аскольдову, на горе, называвшейся «Угорское » (ср. § 206⁴). Трудно сомневаться в том, что народное предание отмечало северное происхождение Олега; весьма вероятно, что оно называло его варяжским князем, пришедшим из заморья через Новгород.

Предание о походе Олега на Царьград принадлежало к особому циклу сказаний о походах русских на Царьград; к тому же циклу относились отмеченное выше предание о походе Кия на Царьград, а также позднейшие предания о походе на Царьград княгини Ольги. Вещий Олег подступает к Царьграду на колесницах, снабженных парусами; результат победы Олеговой обычный — это обильная дань в пользу князя и дружины; предание определяло и размер дани: 12 гривен на человека.

Предание о смерти Олега от укуса змеи осталось в Древн. своде совсем неразработанным. Составитель Древн. свода в противоположность позднейшему летописцу не знает, что Олег умер в Киеве и похоронен на Щековице; по его данным Олег отправился через Новгород за море и там умер от укуса змеи.*

Предание об убиении Игоря Древлянами было известно составителю Древн. свода в довольно обстоятельном виде. Игорь был киевским князем; он, как и другие киевские князья, вел войны с Древлянами и Угличами (ср. выше замечание о том, что такие войны велись еще старыми князьями, происходившими от Кия и его братии). И Древляне и Угличи были покорены Игорем; но он отдал управление над ними воеводе своему Свенельду. Это обогатило Свенельда и его дружину и возбудило ропот Игоревой дружины. Игорь двинулся на Деревскую землю, но в схватке с Древлянами был убит Мьстишей, сыном Свенельда. Предание об этом

событии было, как кажется, широко распространено в Киеве. Как мы видели, оно оживлялось упоминанием о популярных в памяти народной лицах: о Свенельде и сыне его Мстиславе Лютом умели рассказать еще кое-что другое; но кроме того предание связывало этого Мстислава с личностью популярнейшего князя Владимира; Мстиша был дедом Владимира по матери (Малфреди) и отцом известного Добрыни. Древн. свод умалчивает, впрочем, об этом родстве; мы узнаем о нем из Новгородского свода (§§ 219¹² и сл.).

Предание об убиении Игоря стояло в тесной связи с преданием о последовавшем затем походе Ольги и Святослава против Древлян. Это предание изложено в бледных очертаниях, но упоминает о первом ударе копьем со стороны малолетнего Святослава и называет Асмуда воеводой и кормильцем Святослава. Баснословные предания о мести Ольги Древлянам составитель Древн. свода не решился включить в свой труд.

Предания о войнах Святослава представлены в Древн. своде в весьма скудных обрывках. Как кажется, народная память не сохранила воспоминаний о далеких походах Святослава на Болгар и Греков, но отчетливо помнила о его походах на восток; впрочем, весьма бледно изложено Древн. сводом разрушение Козарского царства; более обстоятельно рассказано о покорении Вятичей. Присоединение к Киеву родственных славянских племен — эта благодарная тема охотно разрабатывалась народным преданием; мы видели в преданиях об Игоре рассказы о покорении им Древлян и Угличей; имя Святослава связано с покорением Вятичей. Далекие походы Святослава, не дававшие видимых, осязательных результатов в глазах современников, были скоро забыты потомством, но в потомство перешел тот ропот, который вызывал смелый князь в киевлянах, видевших от своего князя разорение, ущерб земле и людям. Этот ропот, как кажется, вылился в форме особого предания о том, как Киев едва не был взят Печенегами в отсутствие Святослава. Древн. свод представил это предание в весьма неполном виде: гораздо обстоятельнее оно изложено в Нач. своде и Повести вр. лет (§ 85). Из этого более полного изложения явствует, что народное предание полагало при этом Святослава не на западе, в Переяславце, а где-нибудь на востоке (§ 84). Приурочение предания к походам Святослава против Болгар принадлежит догадке составителя Древн. свода. Главное обвинение киевлян против Святослава формулируется ими в словах: «ты, кнѣже, чужєя земля ищєши (и блюдеши)⁹, а своєя ся охабивъ». Как указано в § 90, сходная с этими словами надпись была сделана, по сообщению позднейших сводов, на черепе убитого Печенегами Святослава. Это дает основание думать, что народное предание самую гибель Святослава ставило в связь (и справедливо) с его непокойным нравом и его ошибками. Возможно, что о гибели Святослава от Печенегов, предводительствуемых Курей, имелось особое народное

⁹ Заключенное в скобки, быть может, вставлено составителем Древн. свода, сообщившим перед этим, что Святослав сел, «кнѣжа», в Переяславце.

предание, правильно приуроченное составителем Древн. свода (под влиянием болгарского источника) к возвращению Святослава из Болгарии. Но предание это было поставлено в связь с преданием о том, как Печенеги едва не взяли Киева.

§ 262. Предания о распрях между Святославичами и представлены в Древн. своде в значительной разработке. Два главные момента — убийство Олега Ярополком и убийство Ярополка Владимиром стоят в известной связи между собой: Владимир мстит за брата и движением против Ярополка спасает себя. Нельзя не видеть известной аналогии между событиями после смерти Святослава и событиями после смерти Владимира. После смерти Святослава Ярополк убивает Олега; Владимир, сидевший в Новгороде, обращается за помощью к Варягам и овладевает Киевом, причем Ярополк теряет жизнь. После смерти Владимира Святополк убивает братьев Бориса, Глеба и Святослава; Ярослав, сидевший в Новгороде, обращается за помощью к Варягам и овладевает Киевом, причем Святополк теряет жизнь. Эта аналогия обращает на себя не только наше внимание; ее, конечно, заметили и современники. И подобно тому, как наличие двух походов польских Болеславов, восстановивших в 1018 году на киевском столе Святополка, а в 1069 — Изяслава, имела следствием, что подробности, относящиеся к походу 1069 года, переносились в рассказ о походе 1018 года, так же возможно допустить, что события 1015—1019 годов, насколько они были известны летописцу, давали окраску его рассказу о событиях 977—978 годов. Эти соображения заставляют меня отнестись с некоторою осторожностью к тому развитию, которое дано летописцем преданию о распрях между Святославичами; не все в его рассказе соответствовало преданию; кое-какие черты и даже факты могли быть включены в него из событий более близких к летописцу и лучше им исследованных — из истории борьбы между Святополком и Ярославом. Останавливаюсь на двух особенностях рассказа о распрях Святославичей.

Во-первых, перед нами выдвигается личность Святополкова воеводы Блуда с чертами предателя и изменника: по рассказу Древн. свода (потерпевшему изменению в Нач. своде, благодаря влиянию особой версии о Люте Свенельдиче) Блуд возбудил Ярополка против Олега и стал таким образом начальником братоубийственной вражды; тот же Блуд предал Ярополка Владимиру. Оставляю в стороне вопрос, соответствовало ли все это действительности¹⁰ или, по крайней мере, точно ли при этом передается народное предание. Обращаю внимание на те философско-лирические отступления, которые вызывает в летописце поведение Блуда: после изменнического согласия Блуда на предложения Владимира, сделанные при посредстве подосланных посредников, летописец восклицает: «О, злая лесьть человеческа! Якоже Давыдь глаголетъ...»(и далее следуют выписки из псал-

10 Не забудем, что Новгородская летопись в рассказе о сражении при Любече говорила о том, что в стане Святополка был муж в приязнь Ярославу и что победа Ярослава явилась следствием тайных сношений с ним.

мов); затем читаем резкое осуждение изменяющих князьям своим или господам слуг; они, по словам летописца, хуже б е с о в; заключает свои рассуждения летописец замечанием, что Блуд, предавший своего князя, был повинен в его крови. Это неожиданное философско-лирическое отступление, пожалуй, даже не совсем уместное в изображении той языческой среды, где произошли описываемые события, сильно напоминает подобные же отступления в рассказе об убиении Бориса и Глеба, где летописец выступает с длинными обличениями против Святополка, где летописец обличает и окаянных *убийц* Борисовых, Святополковых слуг, сравнивая их с бесами («сици бо слугы беси бывають... золь бо человекъ, тщася на злое, х у ж и е с т ь б е с а»). Заключаю из этого, что летописец, изображая борьбу Владимира с Ярополком, чувствовал, что она кое в чем напоминала борьбу Ярослава с Святополком; это поднимало его чувство до такого же философско-лирического подъема, какое оно получало при изображении Святополка. В результате ему удалось изобразить две яркие фигуры, олицетворявшие зло в разных его проявлениях, фигуры, приковывавшие на себе, внимание потомства: предателя Блуда и братоубийцы Святополка¹¹.

Во-вторых, я обращаю внимание на любопытный рассказ летописца о наемных Варягах, предъявивших к Владимиру большие требования после взятия Киева: «се градъ нашъ, — объявили они, — мы прияхомъ, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человека». Владимир уговорил их ждать месяц, пока не соберут им денег; когда Варяги по истечении месяца увидели, что Владимир их обманул, они отпросились в Царьград. Владимир отпустил их, но послал предупредить царя: «се ид уть к тебе Варязи, не мози ихъ держати въ граде, оли то сътворять ти зло, яко и еде, но расточи я разнo, а семо не пушай ни единого». Это первый рассказ в Древн. своде, который я затруднился бы возвести к народному преданию (или к старшему письменному памятнику). О поступке Владимира с Варягами не могла, конечно, сложиться былина; а если она и сложилась бы, то не могла бы сохранить той весьма характерной подробности, каковою является предупреждение, посланное Владимиром к греческому царю. Можно, конечно, допустить, что рассказ основан на припоминаниях; но странно, что в нем не сохранилось тех черт, которые могли бы запечатлеться у Киевлян особенно резко, — что в нем не говорится, что же именно совершили Варяги в Киеве, кроме выраженной ими Владимиру угрозы взять с Киевлян окуп; а между тем Владимир предупреждает греческого царя о том, что Варяги могут совершить в Царьграде такое же зло, как и здесь. В виду сомнений, возбуждаемых этим рассказом, я предполагаю, что летописец перенес на 978 год событие, имевшее на самом деле место в 1017 году. Ярослав победил Святополка при Любече при помощи Варягов, составлявших, по расчету новгородского летописца, четвертую часть всего Ярославова войска: Варягов было 1000, а Новгородцев 3000. Тот же летописец рассказал о насилиях, творившихся этими Варягами в Новгороде в 1015 году, и о возму-

¹¹ Ср. Степенную книгу; Сказание о Мамаевом побоище и др. #

тении, вызванном этими их насилиями. Не повторились ли подобные насилия и в Киеве, по взятии его Ярославом? До нас дошло ясное свидетельство Титмара Мерзебургского о разорении и пожаре Киева в 1017 г.; древнейшая летопись, по-видимому, также сообщала о пожаре в Киеве, повредившем и св. Богородицу Десятинную. Не были ли эти пожары следствием бесчинства Варягов в завоеванном городе? И не побудили ли Ярослава эти их бесчинства отправить их в Грецию с должным предупреждением византийского императора, с которым русский княжеский дом состоял в родственных отношениях? В пользу признания рассказа о Владимировых Варягах перенесенным литературным путем из событий 1017 года говорит еще и отмеченное выше обстоятельство: летописец умолчал, в чем же состояло зло, содеянное Варягами Киеву; Варяги в 1017 году сожгли Киев, пожгли его церкви; упоминание о церквях было бы неуместно в рассказе, относящемся ко временам Владимира.

После этих замечаний, имеющих целью показать, во-первых, что фигура Блуда изображена несколько сгущенными красками, во-вторых, что эпизод с Варягами вставлен летописцем в рассказ о событиях 978 года произвольно, я нахожу возможным возвести все остальное повествование о распри Святославичей и вокняжении Владимира к народным преданиям. Предание помнило о том, что Владимир стоял между Дорогожичем и Капичем; летописец подтверждал его тем, что ров, которым окопался при этом Владимир, виден был и «до сего дня»; предание передавало об осаде Ярополка в Родне; летописец подтверждал его ссылкой на современную ему пословицу: «беда аки въ Родне». По мнению летописца пословица эта сложилась от того, что осажденные в Родне терпели сильный голод, но, быть может, первоначальный смысл пословицы был иной; он намекал на распрю между братьями и исходил из созвучия слов Родня и родня¹². Предание помнило еще об оставшемся верным Ярополку некоем Варяжке; Варяжко бежал к Печенегам и мстил Владимиру неоднократными набегами с Печенежскою ратью: с трудом привлек его к себе Владимир, «заходивъ к нему ротъ»; весьма вероятно, что народное предание гораздо обстоятельнее, чем летописец, сообщало о Варяжке и его войнах с Владимиром¹³.

§ 263. Популярный князь киевский Владимир, и теперь еще воспеваемый в народных былинах, стал весьма рано центральной личностью в том Дружинном эпосе, который складывался в X—XI веке в Киеве. Едва ли не главной заслугой Владимира в глазах русских людей было объединение им под свою власть всех восточнославянских племен¹⁴: народное предание приписывало ему покорение Вятичей, Радимичей, Хорватов; им же покорена Ятвяжская земля; он воевал с Ляхами и взял у них Червенские города;

12 Ср. эту пословицу в более полном виде в Ермолинской летописи: «беда аки в Роднѣ;

братъ брата убилъ». В Переясл. летописце читаем: «без хлеба, в Роднѣ».

13 Ср. в Переясл. летописце слова, обращенные Варяжком к Блуду, «всякъ милостникъ

подобень есть змш запазушней».

14 В Слове о законе и благодати читаем: «и единодержечь сии бысть в земли своей, поко-

ривъ подь ся округня страны, овы миромъ, а непокоривыя мечемъ».

он победил Болгар Дунайских; все эти походы воспевались, по-видимому, в былинах, которые стали рано переносить на Владимира подвиги предшествовавших ему князей. Так, о покорении Вятичей другие народные предания говорили, как о деле Святослава; утверждать на основании летописи, что при Владимире Вятичи захотели сложить с себя ярмо, надетое на них Святославом, и что их пришлось поэтому покорить вновь, мы, конечно, не будем. Но главная борьба шла во времена Владимира со степью, с Печенегами, постоянно тревожившими русские пределы; отдельные эпизоды этой борьбы запечатлелись в памяти народной в виде ярких картин, подобных тем, что изобразил составитель Повести вр. лет, рассказавший об единоборстве отрока Переяслава с Печенежином и об осаде Печенегами Белгорода. Составитель Древн. свода воспользовался преданиями о войнах Владимира и на основании их составил сообщения о походах против Ляхов, Вятичей, Ятвягов, Радимичей, Болгар, Хорватов. О войнах с Печенегами он сообщил лишь в общих чертах, упомянув, впрочем, об одном из походов Владимировых к порогам.

Предания о п и р а х В л а д и м и р а , о которых повествуют и современные нам былины, использованы летописцем в характеристике Владимировой, данной им в конце рассказа об его княжении. В летописном сборнике, именуемом летописцем Переяславля Суздальского и восходящем по времени своего составления к XIV веку, вставлены некоторые подробности об обильных яствах, подававшихся на этих пирах; можно думать, что слава о них воспевалась и во времена Ярослава.

В повествовании о событиях после Владимира я не вижу указаний на пользование былинами или историческими песнями. События эти были для летописца недавнего происхождения; они не успели еще принять легендарной окраски, и рассказ о них, быть может, местами неточный и даже сказочный, основывался на припоминаниях современников.

§ 264. Впрочем, в сказании о Борисе и Глебе видим зачатки слагавшейся уже вскоре после первого прославления этих князей легенды. Как отмечено выше, в Киеве приписывали убийство любимого князя Бориса Вышегородцам; легенда сохранила имена убийц и подробности убийства. В рассказе об убийстве Глеба опять находим имена убийц. Про Святослава сказанию известно, что он настигнут убийцами в горе Угорской. О Святополке сообщается в ярких выражениях, какою злою он умер смертью, где он испустил свой дух; могилу эту знают «и до сего дьне», из нее исходить злой смрад. Все эти подробности ведут к предположению о существовании легенды об убийстве Б о р и с а и Г л е б а еще во времена Ярослава.

Духовную легенду порождает сплошь и рядом постройка нового храма или часовни. Одна из подобных легенд восходит еще ко времени Владимира; она связана с построением в Василеве церкви св. Преображения. Легенда о построении этой церкви сообщает об обете, данном Владимиром во время одной из неудачных битв с Печенегами, когда Владимиру пришлось скрываться под мостом; вероятно, из этой же легенды заимствован рассказ о пиршестве, сопровождавшем освящение но-

вого храма. Легенда о построении св. Богородицы Десятиной сохранила воспоминание о походе Владимира на Корсунь; поход был предпринят с прямою целью добыть священников, священные книги и сосуды, необходимые для новопросвещенной страны; Владимир идет, следовательно, на Корсунь уже по принятии христианства; вот почему он находит помощь со стороны священника Корсунского Анастаса; этого самого Анастаса вместе с попами Корсунскими Владимир привозит с собой в Киев; им он поручает выстроенную после похода церковь св. Богородицы; Анастаса он делает распорядителем десятины; церковь украшается иконами, сосудами и крестами, взятыми в Корсуне. Некоторые соображения побудили меня признать, что легенда эта составителем Древн. свода использована не вполне; к ней вернулся впоследствии составитель Начального свода, но в конце XI в. она успела принять уже совершенно иной характер; она преобразовалась в Корсунскую легенду, повествовавшую, вопреки летописи, что самое крещение Владимир принял в Корсуне. Таким образом, в дошедшем до нас летописном тексте имеются заимствования и из более древней легенды о создании церкви Богородицы Корсунской и из более новой легенды о крещении Владимира в Корсуне; различить эти заимствования не так легко, и, быть может, кое-что в восстановленном нами тексте может показаться произвольным. В частности отметим, что сообщение об украшении Владимиром св. Богородицы иконами, сосудами и крестами, взятыми в Корсуне, мы не включили в текст Древн. свода потому, что об этом в Нач. своде (и Повести вр. лет) читается при известии об основании св. Богородицы, между тем Древн. свод говорил об окончании этой церкви ниже, через несколько лет; это побудило меня исключить и сообщение о взятии Владимиром из Корсуни Анастаса, Корсунских попов, мощей Климента и Фива, сосудов и икон, тем более, что глагол «поемъ», относящийся и к царевне, и ко всему перечисленному, мог быть употреблен первоначально именно в отношении к одной царевне (взяв в замужество).

§ 265. Припоминания в тексте Древн. свода едва ли переходят время Ярослава. Нас поражает незначительное количество событий из княжения Владимира. После сообщения о походе на Хорватов, отнесенном на 6500 год, и до 6523 года летописец не дал ни одного факта, если исключим сообщение об окончании Богородицы Десятиной, рассказ об основании церкви св. Преображения и некоторые данные в характеристике Владимира. Это Доказывает, что, углубившись во времена Владимира, летописец основывался на более или менее готовых материалах (письменных источниках, народных преданиях в виде песен и былин, духовных легенд); частичных припоминаний мы для этого времени у него не находим. Напротив, начиная с 6523 года, с сообщения о смерти Владимира, многое в тексте Древн. свода нельзя понять иначе, как результат припоминания со стороны летописца или тех старых людей, к которым обращались его расспросы. Оставив в стороне

рассказ об *убиении* Бориса и Глеба, как породившем уже во время летописца духовные легенды, переходим к событиям, связанным с борьбой Ярослава со Святополком. Описание Любечской битвы — это первое в летописи обстоятельное описание сражения; отмечено расположение той и другой стороны, указаны топографические данные, сообщены данные хронологические (войска стояли друг против друга три месяца), отмечен непосредственный повод к битве, установлена причина поражения Святополка: все это ведет нас к рассказам очевидцев, к их припоминаниям. Под 6525 говорится о пожаре в Киеве: конечно, о нем не сообщали ни былины, ни легенды, но о нем помнили в Киеве. Под 6526 подробно описано сражение Ярослава с Болеславом Лядским у Воляня; в конце статьи сообщено, что Болеслав отобрал себе Червенские города; и это, конечно, основано на припоминаниях. Под 6528 читаем первое в летописях наших известие о рождении князя¹⁵: в этом году родился сын Ярослава Владимир. О рождении первенца Ярослава Ильи, родившегося и умершего в Новгороде, летописец не знает, не помнит. Под 6532 описывается Лиственская битва; упоминание Якуна, носившего золотую луду, не делает рассказа об этой битве сказочным, ибо подробность о том, что на поле битвы была найдена оставленная бежавшим Якуном золотая луда, могла принадлежать показанию очевидца, участника сражения. Под 6534 сообщено о первом мирном договоре между князьями: он состоялся в Городце между Ярославом и Мстиславом. Под 6535[#] находим первое русское известие о небесном знамении, в данном случае о комете¹⁶. Под 6544 читаем о болезни и смерти Мстислава; о поездке Ярослава в Новгород; летописец помнит, что в это время у Ярослава родился сын Вячеслав¹⁷; в это же время на Киев напали Печенги; Ярослав поспел на выручку города; сражение произошло на том месте, где стоит ныне св. София, митрополия Русская, «бе бо тогда поле вне града». Все это основано на припоминаниях и едва ли отдаленных.

§ 266. В рассказе о временах Ярослава Древн. свод не отвел места для народных преданий: он весь, как мы ее видели, основан на припоминаниях. Зато предшествующие эпохи не могли быть изложены составителем Древн. свода иначе, как при помощи известных элементов сочинительства, спаивавшего письменные и устные его источники, комментировавшего и исправлявшего их. Под сочинительством разумею не одну выдумку, вымысел, но

15 Известие 6450 (952) года о рождении Святослава в Ипат. и др., конечно, позднейшего происхождения.

16 Известие 6419 (911) года о комете заимствовано из греческого источника.

17 Любопытно, что под 6528, 6532, 6535, 6538, сообщая о рождении сыновей Ярослава, летописец прибавляет «и нарече ему» такое-то имя; «нарече» потому, что они родились не в отсутствии Ярослава; говоря о рождении Вячеслава, летописец пишет: «и нарекоша имя ему Вячеславъ»; Вячеслав родился в отсутствии Ярослава.

также комбинирование данных, восстановление по ним и по современной действительности событий и положений прошедшего времени.

Так путем комбинации различных данных летописец сочинил ту переходную фразу, которая после рассказа о начале Киева позволила ему перейти к преданию о появлении в Киеве Олега. Олег — князь варяжский; он пришел из Новгорода; в Новгороде Варяги сели путем насилий, путем порабощения Словен, сидевших в Новгороде; Варяги покорили себе не одних Словен, но также и Кривичей и Мерю, словом, весь славянский север. В этих утверждениях летописца видим отголоски и народных преданий и следы его умозаключений и обобщение по аналогии; в этих утверждениях, как мы видели, скрыто сознание летописца о тождестве правивших на юге и на севере общественных элементов, Русских и Варягов. Подобно тому, как имя Полян и других племен поглощено именем Руси, так же точно Словене новгородские прозвались Варягами; эти самые Варяги, перейдя в Киев, и именно прежде всего они (а не покоренные ими Поляне) назвались Русью. Строки, где составитель говорит о покорении севера Варягами, тесно связаны с последующим его утверждением о том, что Олеговы Варяги прозвались Русью, причем Олег стал ставить города и уставлять дани.

Летописец следит за образованием и ростом Русской земли; он отмечает с большою последовательностью постепенный ход объединения тех земель, которые в его время находились под рукой Ярослава. Ко временам Олега он относит покорение русскому владычеству, исходившему из Киева, из земли Полян, — Кривичей, Мери и Словен новгородских, которых называет Варягами; Игорь покорил Угличей и Древлян; Ольга и Святослав довершили покорение Древлян; Святослав покорил Вятичей; Владимир довершил покорение Вятичей; он покорил еще Радимичей и Хорватов, отобрал у Ляхов Червенские города и присоединил к своим владениям землю Ятвягов. Границы Русской земли вызывают в летописце живое представление; он отдает себе отчет о том, где сидят упоминаемые им племена: Вятичей он знает на юге, на пути из Приднепровья к нижнему Поволжью; Угличи сидят между Бугом и Днестром: этому противоречило, однако, народное предание, сообщавшее об осаде Игорем в течение трех лет Угличского города Пересечена; Пересечен находится на нижнем течении Днепра; летописец устраняет противоречие указанием на то, что раньше Угличи сидели восточнее, вниз по Днепру, и что в теперешние их жительства они перешли позже. Заговорив о Радимичах, летописец вспомнил предание об их ляхском происхождении и сообщил о том, что в теперешние их жительства они перешли из Ляшской земли. Комментируя сообщение письменного источника об уставлении Ольгой земли, летописец подтверждает его известием о том, что становища и ловища и перевесища Ольги имеются по Днепру и Десне и что село ее, Ольжичи, известно и доселе; но выше земель, уставленную княгиней Ольгой, он назвал Деревскую. Не служит ли это доказательством того, что под Деревскою землею разумелась им и земля Северян, сидевших по Десне?

Летописец был человеком бывалым; кроме Киева он был знаком и с другими местностями русской земли; это доказывает и его замечание о жителях Угличей, и указание на село Ольжичи, и утверждение о том, что Игорева могила находится у Искоростеня, а Ольгова у Вручьего и до сего дня. Описывая гибель Святослава и комбинируя показания источников, летописец догадывается, что он провел зиму в Белобережьи. Для оживления своего рассказа летописец пользуется и топографическими данными Киева: он вспоминает о рве между Дорогожичем и Капичем, когда говорит об осаде Киева Владимиром*, говорит о погребении Аскольда и Дира на Угорском, указывает, что Ольга была погребена у града Киева.

Неясное в событиях давнопрошедших восстанавливается летописцем по аналогии позднейших событий. Примером этого, как мы видели, служит рассказ об удалении Владимиром наемных Варягов из Киева. Время Владимира, привлекавшее на себя все внимание летописца, с трудом восстанавливалось им по источникам. Приходилось прибегать к сочинительству. Особенно удачно надо признать сцену, изображающую испытание вер Владимиром, к которому приходят миссионеры различных вероучений; по-видимому, о прибытии миссионеров говорил и болгарский источник летописца, описывавший крещение Бориса; но у нашего летописца это описание получило самостоятельное развитие. Им сочинены диалоги между Владимиром и миссионерами, что доказывается, как мы видели (§ 104), между прочим, теми речами, который вложены летописцем в уста латинских миссионеров; одна из фраз в этих речах заимствована из сказания о Варягах-мучениках; разговор с евреями передает одно место из обличительной речи философа. Сочиненные летописцем диалоги указывают на знакомство его и с магометанами и с иудеями; о внешних обрядах их он имел известное представление.*

Мы оканчиваем свои заметки об источниках и составе Древн. свода. Конечно, вопрос заслуживал бы более подробной разработки; но ей уместнее появиться после проверки критикой тех приемов и результатов, к которым пришло настоящее исследование при восстановлении текста Древн. свода.

§ 267. Предыдущее исследование (главы VII—XI) доказало существование такого Новгородского летописного свода, которым пользовался в качестве источника составитель Начального свода, работавший в Киеве около 1095 года. При этом мы получили указание на следующую характерную особенность этого Новгородского свода; в основание его положен Древнейший Киевский свод, более или менее им исчерпанный и дополненный вставками новгородских, статей и известий; за последним известием этого основного источника начинается ряд самостоятельных статей и известий новгородского происхождения; последним же известием, заимствованным из основного источника, было сообщение о построении Ярославом св. Софии, митрополии русской (мы видели, что Древнейший свод оканчивался именно этим сообщением). Мы приводили и приведем еще раз два доказательства, на которых основано наше утверждение: во-первых, в Древнем Новгородском своде, насколько он восстанавливается по Синод, списку Новгородской 1-й летописи, а также по своду 1448 года (Соф. 1-й и Новгор. 4-й), вслед за названием 6525 года, т. е. за годом вступления Ярослава на стол Киевский¹, был помещен краткий перечень событий Ярославова княжения, начиная с победы Ярослава над Брячи-

¹ Ярослав вошел в Киев, по-видимому, позднюю осенью 6524 (мартовского и январского) года.

славом и кончая сообщением о построении им митрополии русской в Киеве; за этим перечнем шли известия новгородского происхождения с явным нарушением хронологической последовательности, ибо первым таким известием было сообщение о заточении Ярославом посадника Константина Добрынича, случившемся, по-видимому, не очень долго после 6525 года, т. е. года вступления на Киевский стол Ярослава. Во-вторых, начиная с только что указанного новгородского сообщения о судьбе посадника Константина, отношение восстанавливаемого Новгородского свода к Киевскому (в частности к Начальному Киевскому) своду резко изменяется; до этого сообщения Новгородский свод основывался на Киевском (а именно на Древнейшем Киевском своде), начиная с него, в Новгородском своде не оказывается ни одного известия киевского происхождения: общие Новгородскому своду и Начальному своду (Повести вр. лет) статьи оказываются заимствованными Начальным Киевским сводом из его новгородского источника.

Как же понять установленную нами характерную особенность того древнего Новгородского свода, который восстанавливается по названным выше позднейшим новгородским сводам, с одной стороны, по Повести вр. лет, с другой? Думаю, что в этой особенности Новгородского свода сказалась прежде всего история его составления. В нем явным образом слиты два источника: во-первых, своя Новгородская летопись, во-вторых, Древнейший Киевский свод. Это особенно ясно и из той статьи, где рассказывается о событиях 6525 года (года вступления Ярослава на Киевский стол); сначала читаем новгородское описание битвы, в которой Ярослав одержал решительную победу над Святополком и после которой сел в Киеве; далее сообщены вкратце события Ярославова княжения, до построения киевской св. Софии включительно; а затем читаем «Костянтинъ же бяше тѣгда Новеороде, и разгневался на нь Ярославъ»; ясно, что это новгородское известие читалось некогда непосредственно за новгородскою статьей о победе Ярослава над Святополком и о его вокняжении в Киеве. Следовательно, в Новгороде, до появления в нем исследуемого нами свода, существовала своя местная л е т о п и с ь ; исследуемый же с в о д произошел из соединения этой местной летописи с текстом Древнейшего Киевского свода.

§ 268. Ближайшею задачей нашей является определение состава той Новгородской летописи, которая вошла в соединение с текстом Древнейшего Киевского свода; но предварительно исследуем те данные, которые позволили бы нам заключить, когда именно произошло указанное соединение. Составитель древнего Новгородского свода в начале своего труда относился к основному своему источнику, Древнейшему Киевскому своду, по-видимому, несколько иначе, чем в конце, где, как мы видели, сводчик самым решительным образом сократил его; в начале древнего Новгородского свода текст Древнейшего Киевского свода был передан довольно полно, что видно из того, что весьма многие статьи этого свода были дополнены новгородскими данными. Такое неодинаковое отношение к основному источнику — Киевскому своду со стороны составителя древнего Нов-

городского свода, сначала (до Ярослава) передача его текста полностью, а дотом сокращение его, имело последствием подобный же неравномерный состав позднейших новгородских сводов: история Синод, списка доказывает, что в начале его был довольно подробно изложен текст Повести врьдет, между тем как, начиная с 6525 года, этот текст подвергся решительному сокращению. Передавая текст Древнейшего Киевского свода в начале (до Ярослава) полностью и дополняя его известиями новгородскими, составитель древнего Новгородского свода вряд ли являлся при этом простым компилятором, соединявшим с текстом основного своего источника текст источников новгородских. Сомневаюсь, чтобы Новгородская летопись, бывшая в его распоряжении, давала обильные данные для древнейших эпох; предположение, что данные этой летописи начинались поздно, — скажем, со времен Ярослава или, что, как увидим, вероятнее, со времени новгородского крещения, — может объяснить нам, почему составитель древнего Новгородского свода почти совсем забросил свой основной (киевский) источник только с 6525 года и обратился тогда исключительно к источнику новгородскому — к Новгородской летописи; эта летопись до 6525 года своею неполнотою, скудостью своих данных не могла сравниться с киевским источником. Итак, дополняя, а местами комментируя текст Древнейшего Киевского свода, составитель древнего Новгородского свода действовал не как компилятор, а как исследователь исторических данных и собиратель народных преданий.

§ 268¹. Рассматривая труд составителя древнего Новгородского свода с этой точки зрения, мы останавливаемся на следующем внесенном им добавлении в соответствующий текст Древнейшего Киевского свода. В этом последнем читалось: «Сии же Ольгъ нача грады ставити и устави дани Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Как мы видели выше (§§ 201, 206⁷ и 206⁹), фраза эта в древнем Новгородском своде была изложена так: «Сии же Ольгъ нача грады ставити и устави дани Словеномъ, Варягомъ и Кривичемъ и Мери, а отъ Новагорода 300 гривенъ на литомира деля, еже и ныне дають».

Высказанные в указанных §§ соображения показали, что мы из фразы «а отъ Новагорода 300 гривенъ на лето мира деля, еже и НЫНЕ дають», фразы, читавшейся в древнем Новгородском своде, не можем извлечь прямого указания на то, когда же именно она написана и что означает в ней слово «ныне»; дань уплачивалась Новгородом Киевскому князю и позже; поэтому Новгородский свод 1167 года, включивший эту фразу в свой состав, оставил ее без изменения. Но из того обстоятельства, что составитель Начального Киевского свода изменил слова «еже и нынѣ дають» на «еже до смерти Ярославль даяше Варягомъ», мы заключили, что киевский летописец конца XI в. под «ныне» своего новгородского источника разумел время до смерти Ярослава. Мы не можем отвергать законности и основательности такого понимания составителя Начального свода и предполагаем поэтому, что, по его мнению, тот древний Новгородский свод, который он использовал в своем труде, был составлен во время Ярослава. И это мнение составителя

Начального свода мы отвергнуть не можем. Признаем, что действительно древний Новгородский свод составлен до смерти Ярослава, причем это было так или иначе выражено в нем, например, в предисловии или послесловии составителя. Правда, составитель Начального свода заимствовал из новгородского своего источника и известия после смерти Ярослава, напр., известие 6571 (1063) года об обратном течении Волхова, но тем не менее он имел основание думать, что этот новгородский источник древнего Новгородского свода (в основной части своей) был составлен до кончины Ярослава. Мы последуем за составителем Начального свода и признаем, что древний Новгородский свод, тот самый свод, где текст Древнейшего Киевского свода вошел в соединение с текстом Новгородской летописи, составлен до кончины Ярослава.

§ 269. Это наше заключение находит себе подтверждение в содержании и характере новгородских записей, восходящих ко времени до Ярославовой кончины: сообщение о пожаре новгородской св. Софии содержит точную дату события (обозначен не только день, но и время дня, когда случился пожар: 4 марта в субботу — после заутрени в 3-м часу); указан день освящения каменной св. Софии, указан день смерти жены Ярослава (похороненной в св. Софии); указан день смерти князя новгородского Владимира, положенного также в св. Софии. Таким образом, до 1054 года древний Новгородский свод содержал четыре точные хронологические определения: под 6557 (1049), 6558 (1050) и 6560 (1052); вспомним, что в Древнейшем Киевском своде (доведенном до 1039 года) не содержалось ни одной точной даты и что первые точные даты появляются только в Продолжении к Древн. своду (день смерти Ярослава 1054 г. и день победы половцев над Всеволодом 1061 г.); обилие точных дат в Новгородском своде можно понять только при допущении, что он сам составлен, или что летопись, положенная в его основание, велась в те годы, к которым относятся эти точные даты; напротив, скудость известий и отсутствие дат в киевской летописи за соответствующее время можно объяснить только тем, что она в сороковых и пятидесятых годах совсем не велась в Киеве.

§ 270. До 6557 года мы в древнем Новгородском своде не найдем точных дат. Но это не мешает нам предположить, что летопись велась в Новгороде и до 1049 года; велась она, по-видимому, иным лицом и иными приемами, чем записи 6557—6560 годов, но современность ее описываемым в ней событиям явствует из ее содержания.

§ 271. Изучение восстановленного нами текста древнего Новгородского свода, помещенного ниже в Приложении, показывает, что первую достоверную и вместе с тем самостоятельную новгородскую записью было сообщение о крещении Новгорода епископом Иоакимом в 6497 году; сообщение это очень кратко: «Прииде Новугороду епископъ Иоакимъ Кърсунянинъ и требища разруши и Перуна посвче»; далее следовали сообщения

о поставлении Иоакимом церкви во имя Иоакима и Анны и о закладке им церкви св. Софии о тринадцати верхах; рассказ о свержении Перуна в Волхов, которого отринул шестом Питьблянин, я считаю позднейшею прибавкой, так же как эпизод с брошенною Перуном на великий мост палицей, решительно ничто не доказывает, чтобы эта запись была современна событию; напротив, ее краткость и неопределенность свидетельствуют о появлении ее спустя много лет после 6497 года. Вслед за нею читаем о посадении Владимиром в Новгороде Вышеслава; «умьрьшу же Вышеславу, посадиша Ярослава НовеГороде». Оба эти известия я возвожу к новгородской летописи (источнику древнего Новгородского свода) по следующим основаниям: во-первых, к ней восходит следующая статья, описывающая начало и причину столкновения Ярослава с Киевским князем: столкновение возникло на почве финансовых отношений; Ярослав не стал давать Киеву установленной дани: «тако даяху вьси кьнязи НовьГородьстии, а Ярославъ сего не даяше отьцю своему»; я читаю «даяху в ъ с и кьнязи», как в Ком. и прочих списках Новгор. 1-й, а не «даяху по с а д њ н и ц и», как в Лавр, и др.; заключаю отсюда, что Новгородская летопись знала о князьях новгородских, предшествовавших Ярославу; имея в виду, что до нас дошли сведения только о двух таких князьях — Владимире и Вышеславе, думаю, что Новгородская летопись сообщала во всяком случае и о Вышеславе. Во-вторых, обращаю внимание на 3 л. мн. ч. «посадиша»; возможно, что Ярослав был приглашен на стол самими Новгородцами² и что «посадиша» относится к предполагаемому «людие НовьГородьстии» (ср. § 202); но для нас важно установить связь этого 3 л. мн. ч. с таким же грамматическим лицом в следующей статье новгородского происхождения: «а тысящю НовеГороде гридьмъ раздаваху»; раздавали опять-таки «людие НовьГородьстии»; признав статью новгородскою, мы должны признать новгородским и известие о посадении Ярослава на стол Новгородский. Трудно сомневаться в том, что оба известия о Вышеславе и Ярославе не имеют самостоятельного значения и должны быть признаны переходом к следующей статье.

§ 272. Эта статья, начинающаяся словами «Ярославу же сущю НокеГороде и урокъмь Киеву дающу дъве тысящи гривнъ отъ года до года, а тысящю НовеГороде гридьмъ раздаваху», представляет обстоятельный рассказ о новгородских событиях перед кончиной Владимира и о дальнейших событиях, приведших Ярослава на Киевский стол. Не сомневаясь в ее новгородском происхождении, веду ее к письменному источнику древнего Новгородского свода, каковым, согласно предыдущему, была особая Новгородская летопись. Доказательство этому вижу в самом начале статьи. Противоречия, в ней содержащегося, не могло быть в первоначальной редакции, или прямее — противоречие в начале статьи доказывает, что она извлечена из письменного источника и приложена составителем древнего

² В таком случае рассказ о приглашении на стол князя Владимира, вставленный составителем Новгородского свода, мы могли бы признать сочиненным под влиянием этого позднейшего события.

Новгородского свода к предыдущему рассказу. Противоречие заключается в том, что сначала говорится о том, что Ярослав давал Киеву установленную дань, а затем, что он этой дани не давал («Ярославу... дающею Киеву...а Ярославъ не даяше Киеву отьцю своему»); «не даяше» нельзя понимать как не стал давать (было бы «поча не даяти»); впрочем, и такое понимание не устранило бы противоречия, так как выше рассказ вводит сообщение о том, что Ярослав дает, а не давал раньше Киеву дань. Далее, самый оборот с дательным самостоятельным представляется явною вставкой сводчика, желавшего соединить статью своего новгородского источника с предшествующим текстом; нельзя же допустить, чтобы первоначальный рассказ мог начинаться словами: «В то время, как Ярослав был в Новгороде и уплачивал установленную ежегодную дань Киеву в две тысячи гривен, а тысячу раздавали гридям в Новгороде, так давали все Новгородские князья, а Ярослав этого не давал в Киев отцу своему». Итак, интересующая нас статья не была составлена новгородским сводчиком, а была вставлена им в свой труд и подверглась при этом некоторой с его стороны переработке. В виду фразы «а тысящу Новегороде гридьмъ раздаваху », представляется вероятным, что в первоначальном своем виде, в Новгородской летописи, статья начиналась словами «Тѣгда же Новѣгородѣстии людие даяху Киеву дѣве тысящи гривнѣ отъ года до года, а тысящу Новегороде гридьмъ раздаваху; тако даяху вѣси кѣнязи Новѣгородѣстии, а Ярославъ сего не даяше Киеву отьцю своему». Слова эти читались непосредственно за «умьрьшу же Вышеславу, посадиша Ярослава Новегороде ». Из смысла их следует, что Ярослав вообще не соглашался уплачивать дани Киеву; не видно, чтобы он сначала платил, а потом прекратил уплату дани. Следовательно, возможно, что Ярослав, посаженный на Новгородский стол самими Новгородцами (но, конечно, с согласия Владимира), прекратил уплату дани, опираясь на свою связь с призвавшим его населением. Этому противоречит как будто то обстоятельство, что ниже читаем о том, что Ярослав сидел в Новгороде 28 лет; выходило бы, что Ярослав надумал отказаться от киевской дани только на 26-й или 25-й год своего княжения; но сообщение о 28 годах Ярославова княжения в Новгороде представляется мне сочиненным составителем древнего Новгородского свода на основании тех хронологических дат, которые им самим установлены; вокняжение Ярослава в Новгороде попало под 6497 год вслед за известием о крещении Новгорода, а вокняжение его в Киеве отнесено на 6525 год. Между тем из Новгородской летописи скорее вытекало заключение, что Ярослав, посаженный Новгородцами на стол, тут же заявил о прекращении уплаты киевской дани.

§ 273. Переходим к изложению содержания статьи, подлежащей нашему исследованию, насколько она может быть восстановлена для Новгородской летописи.

Владимир, узнав о решении Ярослава, хотел пойти на Новгород войною. Ярослав послал за море и пригласил Варягов. Владимир, не успев исполнить своего намерения, скончался. Варяги (очевидно, тяготившиеся без-

действием) производили в Новгороде насилия над гражданами. Последние, воспользовавшись отсутствием Ярослава, бывшего в пригородном селе ракоме, избили Варягов. Вернувшись в город, Ярослав жестоко отомстил Новгородцам: заманив к себе виновников избиения Варягов, он всех их умертвил; убито было до тысячи славных воинов, а другие бежали из города. В ту же ночь Ярослав узнал от приехавшего из Киева вестника о смерти отца, вокняжении Святополка и избиении им братьев. Он поспешил примириться с Новгородцами. Ярослав собрал 4000 воинов (1000 Варягов и 3000 Новгородцев) и пошел на Святополка.

Отмечу еще раз обстоятельность рассказа, хорошую осведомленность рассказчика. Правда, события, в нем описанные, были настолько ярки и важны по своим последствиям, положение Новгорода и Ярослава настолько было полно драматизма, что все это могло неизгладимыми чертами врезаться в память народную; но сомнительно, чтобы можно было надолго запомнить такие подробности, как «Поромонь дворъ», где были избиты Варяги, пребывание Ярослава в Ракоме, созыв Ярославом веча для примирения с Новгородцами на поле (Новгородцы, опасаясь новой мести Ярослава, не согласились бы собраться в городе). Такие подробности свидетельствуют о том, что запись сделана в то время, когда живы были современники и участники этих событий.

§ 274. Какое же продолжение в Новгородской летописи имела рассматриваемая статья? В Новгородском своде за ней помещено было описание Любечской битвы, но описание это восходит несомненно к Киевскому своду: это доказывается, во-первых, тем, что оно полностью передается и в Повести вр. лет (в ней, а быть может, еще в Начальном своде опущено только имя воеводы Святополкова, Волчий Хвост, едва ли не для согласования со статьей 6492, где Волчий Хвост назван воеводой Владимира), во-вторых, тем, что Новгородская 1-я летопись ясно свидетельствует о том, что из двух сообщений ее о Любечской битве (в статье 6524 года) одно (первое) должно восходить (путем свода 1167 года) к Повести вр. лет. К Киевскому же своду восходит в Новгородском своде и указание на то, что разбитый Святополк бежал в Ляхи, а Ярослав сел «на столь отни и де дни». Правда, за этим последним указанием читалось в Новгородском своде: «Бе же тъгда Ярославъ Новегороде летъ 28», это указание принадлежит новгородскому сводчику, но, как мы видели, его не могло быть в Новгородской летописи. Предполагаю, что затем в Новгородском своде сообщалось о посадении в Новгороде Константина Добрынича и затем о рождении у Ярослава сына Ильи, посадении его в Новгороде и его смерти; все это в Новгородской летописи читалось, по-видимому, ниже. За этими новгородскими вставками Новгородский свод передавал по Повести, вр. лет о поражении Ярослава Святополком, пришедшим на Русь в союзе с Болеславом. Весьма сомнительно, чтобы об этом поражении сообщала Новгородская летопись. Поэтому непонятно, как могло попасть в этот свод следующее затем несомненно новгородское сообщение: «Ярославу же прибѣгъшу Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадьникъ Костянтинъ съ Новѣ-

городьци расekoша лодие Ярославле, рекуще: «хощемъ ся и еще бити съ Болеславъмъ и Святопѣлкъмъ». Начата скоть събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривнь, а отъ боярь по 18 гривнь; и приведоша Варягы и въдаша имъ скоть». Возможно, что это сообщение сочинено составителем Новгородского свода; но как мог он решиться дать подробное исчисление произведенных Новгородцами сборов? Возможно, что это сообщение все-таки восходит к Новгородской летописи, хотя оно и читалось в ней не в том соединении, что в Новгородском своде.

Рассмотренная нами выше статья Новгородской летописи представлялась бы нам непонятною, если бы она оканчивалась в первоначальной своей редакции так же, как оканчивается теперь в редакциях позднейших, т. е. словами: «И събра вой 4000: Варягъ бѣшетъ тысяща, а Новѣгородьцъ 3000». Только что выше летописец сообщил об *избиении* Варягов Новгородцами, а Новгородцев Ярославом. Как же мог Ярослав после такого избиения собрать 1000 Варягов? Как мог он решиться перейти в наступление, полагаясь на остатки избитой дружины, когда раньше для оборонительной борьбы с отцом счел необходимым прибегнуть к найму Варягов? Кроме того содействие Новгородцев, к которым обратился Ярослав, оказывается совершенно пассивным: после возгласа «можемъ по тобѣ бороти», содействие это выражается только в том, что они не препятствуют Ярославу набирать войско. Не имея возможности восстановить события и действия в их реальной действительности, мы, однако, вправе были бы ждать, что рассказчик внесет в них больше внутренней связи, сообщит о них с большею живостью. За приведенным возгласом Новгородцев мы хотим прочесть об энергичном участии их в сборах Ярослава, хотим видеть их в активной роли. В такой роли изображает их Новгородский свод в дальнейшем своем рассказе, когда разбитый Болеславом Ярослав появился в Новгороде и хотел бежать за море; но думаю, что Новгородская летопись в этой активной роли выставила Новгородцев после сообщения о тяжелой драме, разыгравшейся в Новгороде в смутные июльские дни. За словами «можемъ по тобѣ бороти» в Новгородской летописи следовало: «И начата скоть събирати отъ мужа... и приведоша Варягы и въдаша имъ скоть». Кроме приведенных уже соображений, в пользу такого предположения говорит еще следующее: во-первых, эти слова «И начата скоть събирати... и въдаша имъ скоть» читаются за словами, сходными с вышеприведенною фразой «можемъ по тебе бороти», а именно за словами «хощемъ ся и еще бити с Болеславъмъ и съ Святопѣлкъмъ»; эти последние слова явно присочинены именно составителем Новгородского свода, так как ни из его собственного рассказа, ни из Повести вр. лет не видно, чтобы Новгородцы участвовали в битве при Волини, в которой Болеслав победил Ярослава. Во-вторых, сочиненность речей, вложенных сводчиком в уста Новгородцев, дает основание признать сочиненною и предшествующую им подробность, «и посадникъ Костянтинъ съ Новѣгородьци расѣкоша лодии Ярославле»; и действительно, не слишком ли шаржирован рассказ новгородского сводчика? Новгородцы могли удержать Ярослава, прибежавшего в Новгород сам чет-

верт, и не прибегая к порче лодок, в которых он хотел ехать за море³. В-третьих, сообщение о денежных сборах Новгородцев стоит в тесной связи с сообщением о денежном вознаграждении, полученном Новгородцами от Ярослава, когда он сел на Киевский стол; это вознаграждение, согласно новгородским источникам (Новгородской 1-й летописи), было, выдано им после Любечской битвы; следовательно, вероятно, что и денежные сборы были произведены Новгородцами перед этой битвой, т. е. перед первым выступлением Ярослава против Святополка. В-четвертых, укажем еще на соображения хронологические: Новгородский свод, а за ним и Начальный свод (Повесть вр. лет) изображают события с такой поспешностью, которая ведет к недоумениям и требует объяснений; узнав о смерти Владимира и избиинии братьев, Ярослав примиряется с Новгородцами, собирает войско и идет на Святополка; из хода рассказа видно, что поход имел место в том же 6523 (1015) году, когда умер Владимир: поэтому мы и читаем в Повести вр. лет о встрече Ярослава с Святополком у Любеча под 6523 годом. Между тем Любечская битва имела место не в 6523 (1015) году, а в 6524 (1016), и притом позднюю осенью, когда начинались уже морозы и когда озеро около Любеча уже замерзло: это видно из той же Повести вр. лет, которая, однако, не дает объяснения, как могла наступить осень 1016 года после трехмесячного стояния Святополкова и Ярославова войска друга против друга, стояния, начавшегося осенью 1015-го⁴. Следовательно, поход Ярослава должен быть отнесен на 6524 (1016) год; сборы Ярослава, если они начались даже в сентябре 6523 (1015) года, после убийства Глебова, заняли, таким образом, несколько месяцев: в течение их мог быть произведен указанный денежный сбор в Новгороде и могли быть наняты Варяги за морем. Об этом и сообщала Новгородская летопись, помещавшая за словами Новгородцев «можемъ ся по тобѣ бороти» приведенный выше отрывок «И начаша скоть събирати... и въдаша имъ скоть»; Новгородский свод выпустил этот отрывок для того, чтобы передать его ниже; в результате — события представились в ускоренном темпе; немедленно за примирением с Новгородцами Ярослав собирает войско и движется с ним против Святополка.

§ 275. Итак, отвечая на вопрос, что же следовало в Новгородской летописи за рассмотренною выше статьей, утверждаем, — что отрывок с сообщением о денежных сборах Новгородцев и приглашении Варягов. Затем следовало: Святополк «изиде противу его къ Любчю, и свде ту на поли съ множьствомъ вой»; вот слова, попавшие из этой летописи в Новгородский свод и читающиеся, напр., в Новгор. 1-й летописи уже под влиянием Повести вр. лет (через посредство свода 1167 г.) в несколько ином соединении, а

3 Ср. поступок Новгородцев перед битвой при Любече: «отъринуша лодия отъ берега». В Повести вр. лет читаем под 6523: «и изиде противу ему к Любичю обь онъ полъ Днепра, а Ярославъ обь сю. Начало княженья Ярослава Кыеве. В лето 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и сташа противу оба полы Днепра, и не смяху ни си онехъ, ни они сихъ начати, и стояша месяце 3 противу себе».

именно перед к и е в с к и м описанием Любечской битвы⁵. Новгородская летопись давала иное описание Любечской битвы, чем Киевская. Новгородское описание сохранилось в Новгор. 1-й летописи непосредственно за киевским описанием (не оконченным, однако списыванием). Оно начинается словами: «И бяше Ярославу мужъ въ приязнь у Святопѣлка ». Что это описание не представляется переделкой или распространением киевского описания (сохранившегося в Повести вр. лет), видно особенно из обстановки битвы. Новгородское описание не сообщает о перевозе войска Ярославом с правого берега на левый; битва происходит ночью и оканчивается до света («и до света побе диша Святопѣлка »); между тем в киевском описании Ярослав на рассвете («противу свету») перевез войско и битва происходила, следовательно, утром. Я уверен, что новгородское и киевское описания относятся к одной и той же битве; различия в них зависели от того, что впечатления, в них переданные, исходили из двух противных лагерей (и это несмотря, конечно, на то, что оба описания сочувственны Ярославу). За Любечской битвой сообщено в Новгородской летописи (и в Новгородском своде) о том, что Святополк бежал к Печенегам, а Ярослав пошел в Киев и сел на отцовском столе. Благодарный Новгородцам Ярослав щедро наделил их: старосты и смерды получили по десять гривен и по гривне, а каждый Новгородец получил по десять гривен. Кроме того, отпуская Новгородцев домой, Ярослав дал им «правду» и писанный «устав». Новгородская статья оканчивается словами: «и давь имъ правду и уставъ съписавъ, тако рекъ имъ: по сей грамоте ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же държите».

⁵ Те же слова, точнее первую половину их, находим и в Повести вр. лет (Начальном своде) в конце статьи 6523 (1015) года: «и изыде противу ему к Любичю». Думаю, что Начальный свод заимствовал их из новгородского свода. Соответствующее место представляется испорченным в дошедших списках Повести вр. лет. В Радз. и Ипат. читаем: «и пристрой бес числа вой, Руси и Печеньгъ, и изыде противу ему к Любичю обь онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обьсюду», — в Лавр.: «пристрой бещисла вой онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обь сю». Объясняю себе такой пропуск в Лавр, тем, что опущенная механически фраза (посла слова «вой») оканчивалась словом «вой» и предполагаю поэтому, что первоначальный текст Повести вр. лет читался так: «и пристрой бес числа вой, Руси и Печеньгъ, и изыде противу ему к Любичю и ста съ вой обь ону страну Днѣпра, а Ярославъ обь сю». Затем «обь ону страну» заменено «обь онъ полъ» под влиянием следующей статьи 6524 года. В Лавр. «Руси и Печеньгъ... и ста съ вой» опущено механически. В общем источнике Ипат. и Радз. «и ста съ вой» опущено под влиянием следующей статьи 6524 года, где читается «и стаха противу оба полъ Днѣпра». В Древн. своде — источнике Начального свода не читалось «и изыде противу ему к Любичю»; это видно, во-первых, из того, что указание на место, где стоял Святополк, читалось ниже в рассказе о самом сражении между Ярославом и Святополком; действительно, в Повести вр. лет за словами «и сступишася на месте » явный пропуск (ср. в статье 6544: «и сступишася на месте, идеже стоит нынѣ святая Софѣя, митрополя Русьская»); во-вторых, из того, что точное определение «изыде к Любичю» не вполне согласуется с неопределенностью дальнейшего указания «обь онъ полъ Днѣпра». Но в Древнейшем своде не читалось и это неопределенное указание. Думаю, что непосредственно за словами «и изыде противу ему к Любичю» в нем следовало «и стаха противу оба полы Днѣпра». Переделка Начального свода зависела частью от вставки слов «и изыде противу ему к Любичю », частью от необходимости вставки 6524 года для отнесения к нему Любечской битвы.

§ 276. Из предыдущего видно, с какою обстоятельностью описаны были в Новгородской летописи события 1015—1016 годов. При разрешении вопроса о происхождении и времени возникновения этой записи необходимо иметь в виду следующие два обстоятельства. Во-первых, отмечаю ту положительную часть записи, которая самым ясным образом свидетельствует о том, что она не может быть отнесена на время, сколько-нибудь отдаленное от событий 1015—1016 годов; мы говорили уже о таких подробностях, как указания на Поромонь двор, село Раком или определение размера денежных сборов на наем Варягов; дополним это еще указанием на подробности в описании битвы Любечской: в нем приведены переговоры Ярослава с преданным ему в стане Святополка мужем, сообщены слова Ярослава, обращенные им к дружине. Во-вторых, останавливаясь на тех отрицательных соображениях, на которые наводит весь этот новгородский рассказ о событиях 1015—1016 годов; в сущности им дается весьма неполное освещение тех событий, которые связаны с вокняжением Ярослава в Киеве; летописец представляет дело так, что Ярослав упрочился на Киевском столе после Любечской битвы; он умалчивает о последовавшем поражении его при Волыни и бегстве в Новгород; ничего не говорит о новой помощи, оказанной, как можно думать, Новгородцами Ярославу, который в 1019 г. появляется вновь у Киева с приведенными, конечно, с севера войсками; Новгородская летопись как будто закрывает глаза на дальнейшие события: она совсем равнодушна к ним, ничего не желая знать ни о судьбе Киева, попавшего во власть Ляхов, ни о последовавшем затем поражении Святополка, ни даже о судьбе окаянного братоубийцы⁶, против которого ополчились в 1016 году Новгородцы. Утверждаем это так решительно не только потому, что дошедшие до нас новгородские своды не представляют ни одной соответствующей этим событиям статьи новгородского происхождения; и не потому, что восстанавливаемый нами Новгородский свод перенял киевские статьи о событиях 1016—1018 годов для помещения их перед новгородским рассказом о Любечской битве (вследствие чего о Любечской битве явилось два рассказа), а главным образом потому, что непосредственно за Любечской битвой в Новгородской летописи (по свидетельству всех новгородских сводов) сообщались события 6525 и след. годов в кратком изложении, основанном на тексте Киевского свода; ясно, что Новгородская летопись не представляла никаких известий для 6525 и ближайших к нему годов.

Итак, видим напряженный интерес новгородского летописца именно к событиям 1015—1016 годов. Почему же интерес его упал после сообщения о Любечской битве и возвращении новгородцев восвояси? Мы дадим ответ на этот вопрос, видоизменив его: почему же новгородский летописец проявил такой интерес к событиям 1015—1016 годов? Искал ли он в них сюжета для занимательного рассказа, интересовала ли его при этом дея-

6 Сведения о Святополке оканчиваются сообщением о том, что он бежал в Печенеги; возможно, что после Любечской битвы Святополк действительно бежал сначала к своим союзникам Печенегам и уже от них переправился в Польшу.

тельность Ярослава, учитывал ли он ту помощь, которую Новгород оказал своему князю? Сомневаюсь: не менее драматичными были и последующие события, напр., появление Ярослава сам-четверт, в Новгороде после поражения при Волыни; добывание Киевского стола Ярославом продолжалось в еще более напряженных размерах в два последующие года; Новгород своею вторичною поддержкой заслужил еще большей благодарности потерявшего все на юге Ярослава. Эти соображения заставляют меня признать, что главной побудительной причиной для Новгородца занести в летопись события 1015—1016 годов было нечто иное; ему важно было закрепить вниманием в летопись тот «учредительный» акт, который даровал Новгороду Ярослав, провожая в 1016 году из Киева посадивших его на великое княжение Новгородцев.

§ 277. Имеем полное основание думать, что Ярославова грамота была занесена в Новгородскую летопись и перешла оттуда в Новгородский свод XI века. Перед нами ясное свидетельство о том, что в Новгородском своде 1448 года за словами: «давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ », словами, отнесенными в конец статьи 6527 (1019) года, читалась Русская Правда⁷. Текст Русской Правды был помещен в своде 1448 года в такой редакции, которая могла возникнуть только во второй половине XI в. при сыновьях Ярослава; следовательно, этим текстом заменен другой памятник времен Ярослава; и в виду того, что перед ним упомянута Ярославова грамота, признаем, что таким памятником в Новгородской летописи, и вероятно также еще в Новгородском своде XI века, была эта самая грамота, определявшая те или иные вольности новгородские⁸; грамота эта (в числе других однородного содержания, ср. ниже §§ 279 и 282) хранилась в Новгороде как святыня; в 1230 году Ярослав Всеволодич, призванный Новгородцами «на всей воли Новгородьстви », целовал святую Богородицу «на грамотахъ на всехъ Ярослав-

7 Ср. Соф. 1-ю летопись, где к Русской Правде присоединены еще Судебник царя Константина и проч.; Ком. и Акад. списки Новгор. 1-й (распространившие в данном месте текст протографа Синод, списка по своду 1448 г.) поместили «Правду Русскую» за вышеприведенными словами, читающимися в конце статьи 6524 (1016) года. Отсюда заключаем, что в своде 1448 года, в статье 6527 (1019) года, читался тот самый текст Русской Правды, что в Ком. и Акад. списках, причем Соф. 1-я заменила его другим текстом с присоединением еще других статей, заимствованных из приложения к своду 1448 года. Новгородская 4-я выпустила в статье 6527 года текст Русской Правды, поместив заглавие ее (одно только заглавие) в самый конец статьи 6524 года под влиянием Новгор. 1-й летописи. Ср. § 163.

8 Думаю, что та же Ярославова грамота читалась и в Новгородском своде 1167 года; заменена же она «Правдой Русской», по-видимому, при составлении общерусского свода 1423 года в Москва, следовательно, по соображениям не литературным, а политическим. Новгородский свод 1448 года следовал общерусскому своду 1423 года. — В Синод. № 793 XVI в. читаем: «дасть имъ с у д е б н у ю грамоту, почему имъ ходить». Конечно, это позднейший комментарий, основанный на том, что в оригинале названной летописи читалась Русская Правда. — Некоторые позднейшие компиляции называют эту грамоту «пошлинного».

дихъ»; в 1229 году Михаил Всеволодич (черниговский) целовал крест «на всеи воли Новгородъстеи и на всехъ грамотахъ Ярославлихъ ».

Вписывая в летопись важный политический акт, составитель летописи решил дать и историю его происхождения; история должна была показать, что акт Ярослава был не случайною его милостью, а заслужен Новгородцами пролитую за Ярослава кровью и собранными для его дела деньгами.

§ 278. Предыдущее исследование приводит меня к следующему заключению. В 1017 году новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую (как, по-видимому, называлась Ярославова грамота) в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоаким. Так возникла первая Новгородская летопись: она в начале сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом, поставлении им церкви, посадении Вышеслава, приглашении на стол Ярослава и затем подробно говорила о событиях **1015—1016** годов; в конце была вписана Ярославова грамота.

3

§ 279. Появившаяся в 1017 году при владычном дворе епископа Иоакима летопись не скоро нашла себе продолжение. Начавшаяся с учредительного акта 6524 (1016) года политическая свобода Новгорода подверглась вскоре тяжелому испытанию. Можно догадываться, что Ярослав разгневался на новгородского посадника Константина Добрынича за то, что он, опираясь, вероятно, на новгородскую знать, предпринял те или иные шаги к расширению своей власти и ограничению власти князя. Заточение Константина в Муром, где он потом был казнен, не могло не отразиться на политическом настроении Новгорода; ничто не побуждало Новгородцев закреплять на письме память о переживавшихся ими событиях. Подходящий для оживления оставленной летописи момент явился только в 1036 году, когда Ярослав, посадив на стол Новгородский сына своего Владимира, дал Новгородцам новую грамоту; судя по тому, что о ней говорит, летопись («и людъмъ написа грамоту, рекъ: по сей грамоте дадите дань »), грамота Ярослава определяла размер дани, приходившейся с Новгорода в пользу Киева; быть может, именно тогда определилась цифра в 300 гривен, о которой (как о дани, установленной еще Олегом) сообщал позднейший новгородский сводчик. Размер этот значительно (в десять раз) ниже той дани, которую уплачивал Новгород при Владимире; возможно, что дань в пользу Киева была уменьшена Ярославом еще раньше, в 1017 году; но те или иные события, отголоском которых служит известие о заточении посадника Константина, заставили Ярослава дать вопросу о дани новое или более точное определение в 1036 г., одновременно с посадением в Новгороде Владимира Ярославича. Появление этой Ярославовой грамоты, в связи с прибытием в Новгород нового князя и нового епископа Луки (на место скончавшегося в 1030 году Иоакима), вызвало в 1036 году продолжение заброшенной с 1017 года летописи.

§ 280. Продолжение к первой Новгородской летописи обнимало время приблизительно от 1020 года до 1036-го. Первое известие, в нем записанное, много должно было говорить современникам, понимавшим ход и внутреннюю связь событий. «Костянтинъ же бяше тогда Новегороде, и разгневался на нь Ярославъ, и поточий Ростову; на третее лето повеле, убити й Муроме на Оце реце ». Итак, вслед за грамотой Ярослава (1016 года) оказывается вписанным известие о заточении Константина: между обеими статьями устанавливается внешняя связь, а, быть может, между обоими событиями — выдачей Новгороду грамоты и заточением Константина была и тесная внутренняя связь (ср. выше). Затем находим известия 6529 (1021), 6532 (1024), 6538 (1030) и 6540 (1032) годов; наконец, под 6544 (1036) сообщается о посажении князя Владимира и епископа Луки и о даровании Ярославом грамоты. Рассматривая все эти статьи, видим, что главный интерес летописца сосредоточен на личности Ярослава: описываются деяния Ярослава, — Новгородцы на заднем плане; три первые статьи 1021, 1024 и 1030 годов соответствуют трем моментам прибытия или пребывания Ярослава в Новгороде (победа Ярослава над Брячиславом, взявшим Новгород и уведшим в плен его жителей; «Ярославу сущю Новегороде», в Суздале начинается мятеж, и т. д.; Ярослав побеждает Чудь и приходит в Новгород); равным образом статья 1036 года сообщает о прибытии Ярослава в Новгород. Одна только статья 1032 года о походе Улеба с Новгородцами на Железные Врата составлена по другому поводу. Можно думать, что летописец, сообщая, что именно вписать в летопись, для того, чтобы довести ее до 6544 года, умышленно выбирал те годы, когда по собранным им сведениям Ярослав был в Новгороде. Ничто в записях этого летописца не обличает того, что они занесены на пергамен в самый момент описываемых событий; но, конечно, они составлены современником, через немного лет после того или иного события. Это доказывается обстоятельностью изложения: под 6529 указано, что Ярослав настиг Брячислава у реки Судомы на седьмой день (после выхода Брячислава из Новгорода), приведены слова Ярослава, обращенные к Брячиславу (в сущности же — смысл состоявшегося между ними договора), названы города, уступленные Ярославом Брячиславу; под 6532 приведены подлинные выражения грамоты Ярослава, данной им Суздальской земле, взволнованной голодом и смуту, описана Лиственская битва, дано хронологическое определение битвы (осень, ночь), повторены слова Мстислава, сказанные им дружине. Что статья 6532 года записана не в этом году, а спустя некоторое время, можно догадываться и из того, что в ней упомянуто о смерти Якуна. Судя по Печерскому Патерику, Якун изгнал своих племянников Фрианда и Шимона по смерти брата своего Африкана; это событие едва ли имело место раньше 1030 г. (года рождения Всеволода Ярославича, на службу к которому Ярослав определил прибывшего к нему после смерти Африкана Шимона).

9 Так следует, думается, понимать летописное сообщение «И пришьдышно ему къ Судомы реце, Ярославъ слышавъ то и съвкупивъ воя мьногы, ис Кыева въ седьмый днь постиже и ту».

§ 281. Особого рассмотрения заслуживают следующие заметки в статьях 6529 и 6538 годов. Под 6529 (1021) годом читаем: «И воеваше Брячиславъ съ Ярославъмъ вся дѣни живота своего»; эта заметка составлена не ранее 1044 года, когда умер Брячислав; поэтому ставлю ее насчет позднейшего сводчика, а не составителя летописи, который в 1036 году внес запись о нападении Брячислава на Новгород и примирении его с Ярославом. Под 6538 (1030) годом находим: «И прииде (Ярослав) Новугороду. И събѣра отъ старость и поповъ дѣтии 300 учить кѣнигамъ. И преставися епископъ Иоакимъ, и беаше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаще». Последних слов никак нельзя приписать летописцу 1036 года; в них ясно сказывается припоминание о времени отдаленном, давно протекшем; отношу поэтому и их насчет новгородского сводчика, работавшего, как увидим, в 1050 году, т. е. через двадцать лет после сообщенного в статье 6538 года события; если летописцу было в 1050 году лет 30—35, он мог быть в числе набранных по распоряжению Ярослава в 1030 году детей. Отмечу еще, что слова «и бѣаше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаще» и самым смыслом своим и тем положением, которое они занимают в статье 6538 года, явно обнаруживают, что они вставлены в летописный текст позже. Во-первых, что значит «и бѣаше ученикъ его Ефремъ»? В виду того, что эти слова читаются после слов «И преставися епископъ Иоакимъ», исследователи предполагали, что Ефрем стал заместителем Иоакима¹⁰; но такое предположение не оправдывается ни глагольной формой «бѣаше», составляющей со следующим «ученикъ» сказуемое к имени Ефрем, ни дальнейшим определением Ефрема словами «иже ны учаще». Слова «иже ны учаще» теснейшим образом связаны с предыдущим «И събѣра отъ старость и поповъ дѣтии 300 учить кѣнигамъ»; поэтому конец статьи 6538 года я перевел бы так: «И скончался епископ Иоаким; и Ефрем, который учил нас, был его учеником». В виду этого я признаю вставкой, сделанною сводчиком 1050 года, и фразу «И събѣра отъ старость и поповъ дѣтии 300 учить кѣнигамъ». Первоначальный текст летописи (1036 года) ограничивался словами: «И прииде Новугороду. И преставися епископъ Иоакимъ». Составитель свода 1050 года заключил свои припоминания, относящиеся к этому году, в двух фразах: после первой фразы летописи он сообщил о том, что Ярослав учредил в этом году в Новгороде училище; а после второй фразы летописи сводчик сообщил имя главного руководителя и учителя этой первой новгородской школы. Считаю нелишним отметить, что мысль включить это свое личное припоминание в летописный свод могла быть дана сводчику Древнейшим летописным сводом, сообщавшим о Владимире, как он «нача поимати у н а р о ч и т о й чади»¹¹ дети и даяти нача на учение кѣнижное ».

10 Основание дано старинными книжниками. В перечнях владык новгородских читаем: «и бе въ него (Иоакима) место ученикъ его Ефремъ, иже насъ учаще». Правильнее понимал статью 6538 года составитель Тверского сборника, у которого читаем: «А отъ Акыма 3 лета владыкы не было въ Новотороде»(ХУ, 153).

11 Новгородский сводчик в своем припоминании выразился определеннее: «отъ старость и поповъ».

§ 282. Статья 6544 (1036) года, которою заканчивалась Новгородская летопись, вряд ли дошла до нас в первоначальном виде. Если мы верно поняли появление первого момента (1017 г.) и затем второго (1036 г.) в истории новгородского летописания, то должны ждать в статье 6544 года текст Ярославовой грамоты, определявшей размер дани с Новгорода. Имея в виду судьбу Ярославовой грамоты 6525 (1017) года, можем думать, что грамота 6544 (1036) была действительно занесена в летопись, из летописи она перешла в свод 1050 года, далее в свод 1167 года; но общерусский свод 1423 года не повторил ее по соображениям политическим; ведь, основываясь на этих Ярославовых грамотах, новгородцы утверждали, что они издавна освобождены прадедами нынешних князей; это вызывало сетование современников Андрея Боголюбского во Владимире (Лавр, под 1169 годом); тем более осторожно отнесся бы к передаче этих грамот в общерусском летописном своде современник в. кн. Василия Дмитриевича в Москве.

§ 283. В конце статьи 6544 года, а именно после предполагаемой грамоты Ярослава, читаем краткую похвалу Ярославу. В дошедших сводах она изложена в прошедшем времени: «Бяше же Ярославъ », «чтяше самъ книги»; но возможно, что первоначально она излагалась в настоящем времени. Это вытекает из следующих соображений. Кому принадлежит эта лаконическая похвала Ярославу? Мало вероятно, чтобы летописцу, хотя он и имел бы основание выразить благодарность Ярославу за дарование льготной грамоты родному городу; мало вероятно между прочим потому, что предшествующее изложение событий не обнаруживает в летописце особенного интереса к внутренней жизни Новгорода; мало вероятно также и потому, что составление похвалы даже краткой, малосодержательной предполагает известный творческий момент, а ждать такого момента от составителя скудных записей 6529 и следующих годов мы не имеем основания. Более вероятно, что похвала Ярославу составлена составителем свода 1050 года. Во-первых, мы читаем ее в том месте, где прекращалась летопись 1036 года (ибо вероятно, что она заключалась текстом Ярославовой грамоты) и где составитель свода 1050 года должен был перейти к самостоятельному изложению событий. Во-вторых, оказывается, что эта похвала Ярославу хронологически почти совпадает с той похвалой, что читалась в Древнейшем своде. В последнем похвала Ярославу читалась в статье 6545 (1037) года, после сообщения о построении Ярославом св. Софии и учреждении митрополии; в Новгородском своде мы находим похвалу под 6544 (1036) годом, причем должно принять во внимание и то, что в этом своде совсем не было статьи 6545 (1037) года; следовательно, вероятным представляется, что похвала Новгородского свода составлена под влиянием похвалы Древнейшего Киевского свода. В-третьих, вероятность такого заключения находит себе подтверждение и в том обстоятельстве, что похвала Новгородского свода содержит сообщение, сходное с похвалой Киевского свода: в Новго-

родском своде читалось «почитая самъ кѣнигы» (так поправляю вместо «чтяше самъ книги» Соф. 1-й и Новгород. 4-й), а в Киевском своде: «и книгамъ прилежа, и почитая я часто в нощи и въ дне». Составитель Новгород. свода не списывал похвалы своего оригинала, а составил свою похвалу под его влиянием; он выставляет храбрость Ярослава на рати, отмечая вместе с тем его хромоту; здесь сказался новгородец, вспомнивший о славной Любечской победе новгородцев под предводительством Ярослава, над хромотой которого посмеялся киевский воевода Волчий Хвост.

§ 284. Наш вывод относительно похвалы Ярославу под 6544 годом позволяет нам перейти теперь же к вопросу о том, как и когда составилась первый Новгородский свод. Мы отметили выше два момента в истории новгородского летописания — 1017 и 1036 годы; третий момент — это 1050 год, когда трудами князя новгородского Владимира был окончен постройкой и освящен каменный храм св. Софии. К этому моменту мы и относим составление Новгородского свода, основываясь на следующих соображениях. Во-первых, два известия под 1049 и 1050 годами обнаруживают вполне современную событиям запись: под этими годами в п е р в ы е появляются в Новгородском своде точные хронологические даты; известие 6557 (1049) года указывает не только день, но и час, когда сгорала старая дубовая церковь св. Софии; известие 6558 (1050) указывает день освящения новой каменной церкви св. Софии; итак, перед нами не только современные событиям записи, но записи, явно связанные с церковью св. Софии, ибо указание на час, когда сгорела церковь, могло быть дано только членом причта этой церкви. Во-вторых, мы знаем, что Древнейший Киевский свод появился в 1039 году одновременно с учреждением митрополии и освящением церкви св. Софии: строителям новгородского храма естественно было последовать примеру киевского митрополита и позаботиться об основании летописного свода одновременно с освящением или окончанием св. Софии. В-третьих, имеем полное основание утверждать, что Новгородский свод св. Софии был составлен по образцу Киевского свода св. Софии, использованного при этом почти целиком, в особенности в пределах до княжения Ярослава; это делает особенно вероятным, что самый замысел создать свод возник под влиянием обстоятельств, сходных с теми, что вызвали создание свода Киевского, т. е. под влиянием построения нового соборного храма.

§ 285. В виду этого признаю, что Новгородский свод составлен в **1050** году по распоряжению новгородского владыки Луки и князя новгородского Владимира в ознаменование построения нового храма св. Софии. Составитель свода, как указано, положил в основание своего труда текст Древнейшего Киевского свода, копия с которого была, очевидно, изготовлена Для новгородского князя или владыки; в текст этого свода вставлены составителем Новгородского свода свои дополнения, поправки и замечания. До 6497 (989) года дополнения извлечены из местных новгородских преданий; начиная с 6497 года (года крещения Новгорода), видим влияние второго письменного источника — Новгородской летописи, составленной в два приема в 1017 и 1036 годах и доведенной до 1036 года. Составителю свода

трудно было справиться с двумя источниками и компилировать их: впрочем, до 6523 года — второй источник давал самый ничтожный материал, и вставить его в текст Киевского свода представлялось делом легким; но под 6523 и 6524 годами компиляция оказалась работой непосильной для неопытного сводчика; это видно из того, что ему пришлось удвоить рассказ о Любечской битве, переставить произвольно некоторые события, даже придумывать искусственные фразы и положения (напр., эпизод, где новгородцы препятствуют Ярославу бежать за море); отчаявшись в успехе дальнейшей подобной компилятивной работы, составитель свода, дойдя до заглавия «Начало княжения Ярослава в Киеве», решил дать сначала краткое извлечение из основного своего источника — Древнейшего Киевского свода, а потом перейти к списыванию второго источника — Новгородской летописи: так под 6525 годом (годом вступления Ярослава на Киевский стол) оказываются краткие сообщения о событиях 1021, 1030, 1036, 1037 годов, а вслед за тем идут новгородские известия, начиная с заточения Константина (около 1020). Списав свой второй письменный источник и используя под 6544 годом соответствующую статью (6545 года) основного источника для составления краткой похвалы Ярославу, составитель свода оказался вынужденным перейти к заполнению пробела между 6544 (1036) и 6558 (1050) годом путем расспросов старых людей и припоминаний.

§ 286. Таким образом выясняется, что анализу исследователя первого Новгородского свода подлежат: во-первых, дополнения, поправки и замечания в части до 6525 года включительно, внесенные в текст Древнейшего свода; во-вторых, его дополнения, поправки и замечания в части после 6525 до 6544 года включительно, внесенные в текст Новгородской летописи; в-третьих, летописный рассказ 6544—6550 годов, составленный самим сводчиком. Имеем при этом в виду исследование самостоятельных частей первого Новгородского свода, а не тех приемов, которые употреблены им при передаче текста обоих письменных источников. Судить об этих приемах очень трудно, так как текст Новгородского свода, не оригинальный, а представлявший переделку текста Древнейшего Киевского свода, остается совершенно неизвестным исследователю, за немногими исключениями, а именно за исключением тех статей, которые подверглись переделке в Начальном своде (Повести вр. л.) и потому воспроизведены позднейшими новг. сводчиками в том виде, в каком они читались в первом Новгородском своде¹². У нас есть некоторые основания для предположения, что текст Древн. свода местами был передан составителем свода 1050 года в сокращении, но не решаюсь останавливаться на этом, в виду недостаточности данных. В части, обнимающей 6523—6524 годы, можно составить себе представление

¹² Сюда относится, напр., начало рассказа об убиении Игоря (ср. § 2193); или сохранение имени Святополкова воеводы Волчьего Хвоста (ср. § 274).

о тех неудачных комбинациях, к которым прибегал сводчик 1050 года для согласования обоих своих письменных источников: мы уже познакомились с этими приемами (§§ 274 и сл.) и не будем к ним возвращаться. Переходим к исследованию самостоятельных частей свода 1050 года, распределив подлежащий рассмотрению материал по трем выясненным выше группам.

§ 287. Дополнения в части до 6525 года, внесенные в текст Древнейшего свода, основывались на народных преданиях, припоминаниях и собственных соображениях составителя Новгородского свода. Основанием для вставки служило всякий раз то или иное данное в соответствующем тексте Древнейшего свода. Укажем эти вставки.

Остановимся сначала на народных преданиях. Мы говорили выше (§ 196) о предании, повествовавшем о том, как в Новгороде появился варяжский князь. Предание не знало, по-видимому, о покорении Новгородцев Варягами и о последовавшем затем восстании их против иноземного владычества; об этом восстании пришлось сказать потому, что киевский источник говорил о покорении Новгородцев Варягами. Предание вспоминало о старейшине Гостомысле¹³; после его смерти наступили раздоры и несогласия среди Новгородцев; Новгородцы вышли из смуты так же, как выходили впоследствии при аналогичных обстоятельствах: они приглашали к себе князя; в данном случае был приглашен варяжский князь Рюрик. Это предание составитель древнего Новгородского свода подладил под текст Древнейшего свода Киевского, прибавив к нему, что вместе с Рюриком пришли его братья Синеус и Трувор и сели — один на Белоозере, а другой в Изборске: о Синеусе Белозерском и Труворе Изборском ему были известны местные предания; соединив их с Рюриком, сводчик осветил ту картину, что была дана в Древн. Киевском своде, где вся страна Словен, Кривичей и Мери оказывалась под властью Варягов; и к Кривичам и к Мере Варяги, по рассказу новгородского сводчика, проникли так же, как в Новгород; правда, о Кривичах у него не было подходящих данных, не мог он рассказать и о Мере; но Изборск и Белоозеро расположены в направлениях, ведущих к Кривичам и к Мере; сказав о них, сводчик признал себя удовлетворенным.

В Новгороде помнили и о князе Олеге; могилу его показывали в Ладогге, помнили, как Словене ходили вместе с Русью под Царьград; сводчик внес в свой труд эпизод из соответствующего предания.

В Новгороде любили князя Владимира. Народные предания и здесь, так же как и на юге, сделали его своим героем: славу о Владимире разносили, конечно, его дружинники. Одно из преданий вспоминало о том, как появился Владимир в Новгороде: его избрали себе сами Новгородцы; вместе с Владимиром прибыл его дядя Добрыня; предание знало, каким образом Добрыня приходился дядей Владимиру: он был братом Малфреды, матери Владимировой, и сыном знаменитого в южных былинах, проникших и на север, Мистиши Свенельдича Лютото. Малфредь была рабыней Ольги; мстя за

¹³ Во всяком случае память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых (из их рода святая Юлиания тверская).

убийство Мистишей мужа своего Игоря, Ольга обратила детей его в рабство. Таким образом Владимир, родившийся от Святослава и рабыни Ольгиной Малфреды, был робичичем, сыном рабыни. Это — благодарная тема для народного эпоса, знающего о последующем возвышении Владимира, о его знаменитых подвигах и могуществе. Тема эта во всей полноте использована в другом предании, приведенном тут же словоохотливым сводчиком, предании о том, как Владимир и дядя его Добрыня добывали руку гордой княжны Полотской Рогнеды.

Добрыня был, конечно, лицом историческим; нельзя сомневаться в том, что он управлял Новгородом, когда Владимир сел в Киеве. О нем хорошо помнили в Новгороде еще и потому, что потомство его вошло в состав новгородского боярства (посадник Константин был сыном Добрыни; возможно, что Остромир был его внуком, как догадывался Прозоровский). Но исторический Добрыня не помешал появлению Добрыни в былинах, исторических песнях и сказаниях. В Новгороде — это постоянный спутник Владимира; он руководит Владимиром в его походах. Об одном из походов предание рассказывало, что Добрыня, осмотрев пленных и увидев, что все они в сапогах, посоветовал искать других данников; новгородский сводчик вставил это предание (быть может, произвольно) в сообщение Древнейшего свода о походе Владимира на Болгар.

§ 288. Ко вставкам, явившимся в результате припоминаний, относится, быть может, сообщение о том же Добрыне, будто он поставил в Новгороде идол Перуна над Волховом, вернувшись из Киева, где сел Владимир.

Из вставок, обязанных сочинительству или соображениям сводчика, отметим прибавку Чуди в перечень племен, покоренных Варягами; прибавка эта стоит в связи, вероятно, с тем, что в XI в. часть Чуди была покорена Новгородом, а другая часть платила дань Варягам. Чудь прибавлена еще в перечень племен, двинутых Владимиром против Ярополка (в Древн. своде вм. Чуди читалось, быть может, Меря), а также в перечень тех племен, из которых Владимир набирал лучших мужей для поселения их во вновь построенных городах (и здесь Чудь заменила, быть может, Мерю Древн. свода). Далее укажем на поправку, внесенную сводчиком, заменившим Варягов, под которыми Древн. свод разумел и Новгородских Словен, Словенами и Варягами. Утверждение Древн. свода о том, что Новгородцы прозвались Варягами, сводчик комментировал фразой: «и суть Новъгородьстии людие до дньшшняго дьне отъ рода Варяжьска », выпустив вместе с тем фразу «прежде бо беша Словене» своего киевского источника. Сказав о дани, наложенной Олегом на Словен, Варягов, Кривичей и Мерю, сводчик прибавил: «а отъ Новагорода 300 гривнь на лето мира деля, еже и ныне даютъ ». Как мы видели, размер дани показан тот, что имел место в XI веке, в княжении Ярослава; он не согласован с дальнейшим сообщением (заимствованным из Новгородской летописи) о том, что во время Владимира дань достигала 3000 гривен. Новгородский сводчик, не поняв, что Древн. свод, говоря о Древлянах, понимает южных Древлян, приднепровских, и предположив, что дело идет о Древлянах, живших по Мсте, произвольно прибавил к сообщению Древн. свода об уставлении Ольгою земли свое сведе-

ние о том, что Ольга устала по Мете погосты и дани и по Луге оброки и дани. Луга вела, хотя и не прямо, ко Пскову: это дало повод сказать, что сани Ольгины до сих пор обретаются во Пскове.

§ 289. Переходим к той части Новгородского свода, которая обнимает события от заточения Константина до 6544 (1036) года; текст этой части свода восходит к Новгородской летописи. Как было указано выше, составителю свода в этой части принадлежат следующие два замечания: во-первых, под 6529 (1021) годом, слова: «и воеваше Брячиславъ съ Ярославѣмъ вься дѣни живота своего»; во-вторых, под 6538 (1030), слова: «И събѣра отъ староесть и поповѣ дѣтии 300 учить кѣнигамъ» и далее: «и беаше ученикъ его (Иоакима) Ефремъ, иже ны учаше».*

§ 290. Третья часть Новгородского свода обнимает летописные события 6544—6550 годов и по всей вероятности составлена самим сводчиком. Свой самостоятельный рассказ он начал с похвалы Ярославу, имея при этом в качестве образца ту похвалу, что помещена была в Древн. летописном своде. Вслед за нею читаем: «Иде Ярославъ весне Киеву, а на зиму ходи на Ятвягы и не може ихъ възяти». Это известие в своде 1448 года читается не под 6544, а под 6546 годом, но думаю, что на перестановку (быть может, еще в тексте свода 1167 года) повлияла Повесть вр. лет, где под 6546 имеется известие «Ярославъ иде на Ятвягы»; это известие Повести вр. лет, как указано выше (§ 224¹) мы отождествляем с новгородским (более обстоятельным) известием и признаем его заимствованным в Начальный свод из Новгородского свода; думаю, что оно попало под 6546, а не 6544 год по причинам механическим: 6544 и 6545 годы были заполнены событиями, а 6544 год был пустой¹⁴. В пользу того, что известие нами рассматриваемое, читалось первоначально под 6544, приведу следующие два соображения: во-первых, под 6544 слова: «Иде Ярославъ весне Киеву» вполне уместны, ибо в 6544 Ярослав, по свидетельству как Новгор. свода, так и Древнейшего Киевского свода, был в Новгороде, между тем, под 6546 они были бы неуместны, ибо никаких данных о том, что Ярослав в этом году был в Новгороде, мы не имеем; во-вторых, Повесть вр. лет под 6544 сообщает о вызове Ярослава из Новгорода в Киев, осажденный Печенегами; при этом в Новгородском своде 1448 года к словам Повести вр. лет «прииде къ Киеву» прибавлено «веснѣ » (Соф. 1-я и Новгор. 4-я); прибавка эта, сделанная, как кажется, еще в своде 1167 года, явно ведет нас к новгородскому известию именно 6544 года, где сказано: «Иде Ярославъ веснѣ Киеву»¹⁵.

У нас возникает вопрос, почему новгородский летописец отметил поход Ярослава на Ятвягов под 6544 годом и отметил ниже походы Ярослава

¹⁴ На то, что поход этот имел место действительно в 6545 году, указано в следующем примечании.

¹⁵ Под весной приходится разуместь месяц февраль, для того чтобы согласовать новгородское известие о времени выезда Ярослава из Новгорода с киевским известием о том, что битва у Киева Ярослава с Печенегами произошла в 6544 году. Но разумеется, Ярослав на самом деле мог выехать из Новгорода в январе или самом начале февраля 6544 (январского 1137) года; запись, составленная через 14 лет, могла ошибиться в одном-двух месяцах. Следовательно, поход на Ятвягов имел место собственно зимой 6545 года.

на Литву (65–48) и Мазовшан (6549)? Думаю, что в этих походах участвовала и новгородская помощь, направлявшаяся по требованию Ярослава на Ятвягов, Литву и Мазовшан с противоположной движению киевской рати стороны. Кроме этих трех известий, касающихся походов Ярослава, остальная часть Новгородского свода заполнена прежде всего известиями о деятельности новгородского князя Владимира: под 6548 (1040) сообщено о закладке им новой крепостной стены вокруг Новгорода; под 6551 (1043) рассказывается, и притом весьма обстоятельно, о походе Владимира на Греков: очевидно, Владимир привел к отцу в Киев Варягов (упомянутых в рассказе), а также, быть может, и новгородскую помощь, (что, впрочем, сомнительно, в виду того, что рассказчик отмечает присутствие в войске Владимира только Варягов и Руси). Рассказ новгородского летописца представляется более правдивым, чем соответствующий киевский рассказ, приписанный, как мы видели, к Древнейшему своду; новгородец не решился упомянуть и о частичном успехе, который выпал будто на долю Владимира, судя по рассказу киевлянина. Под тем же 6551 (1043) годом сообщено о походе Владимира на Емь. Под 6552 (1044) годом летописец отметил окончание Владимиром новгородской крепостной стены.

Под тем же годом записано известие о смерти Брячислава и вокняжении Всеслава: появление этого известия в Новгородском своде объясняется тем, что новгородцам пришлось вести долгую борьбу с Брячиславом; заметка летописца под 6529 (1021) о том, что Брячислав воевал с Ярославом до конца своих дней, имеет, конечно, в виду прежде всего неоднократные нападения Брячислава на новгородскую область, куда направлял свои взоры впоследствии и его преемник. К этому известию о смерти Брячислава прибавлена заметка о чудесном рождении Всеслава от волхвования; заметка оканчивалась словами: «еже (язвьно) носить Вьсеславъ и до сего дьне на собѣ: сего ради немилостивъ есть на кръвопролитие». Думаю, что слова эти или прибавлены (сначала они могли появиться на полях) позднейшим читателем, а именно в шестидесятых годах XI столетия, когда Всеслав наводил неоднократно ужас на Новгород своими набегами, или вставлены при переписке Новгородского свода (в Новгороде) для Киево-Печерского монастыря в конце восьмидесятых или начале девяностых годов того же XI столетия.

Под 6553 (1045) сообщено о закладке св. Софии князем Владимиром, под 6557 (1049) — о пожаре старой дубовой св. Софии, и наконец, под 6558 (1050) об освящении каменной св. Софии. Мы видели, что оба последние известия снабжены точными хронологическими данными; это доказывает современную событиям запись. Но достойно замечания, что сводчик стремился и в сообщениях о предшествующих событиях давать несколько более точные определения их: так, он сообщил под 6544 о том, что Ярослав вышел из Новгорода весной, а поход на Ятвягов совершил зимой; под 6548 закладка крепостной стены Владимиром отнесена также на весну¹⁶; под 6551 поход Владимира на Греков отнесен на весну.

¹⁶ Следовательно, правильнее было бы отнести это известие на 6549 (мартовский) год.

Можно думать, что по первоначальному замыслу составителя Новгородского свода этот труд его оканчивался известием 6558 (1050) об освящении св. Софии 14 сентября. Самый свод составлен был около того же времени. Читающиеся вслед за этим известием сообщения о кончине сначала жены Ярослава 10 февраля 6558 (мартовского) года, а потом и строителя св. Софии, князя Владимира, 4 октября 6560 года надо признать позднейшими приписками к древнему Новгородскому своду.

6

§ 291. Древний Новгородский свод лег в основание дальнейшего новгородского летописания. Клирики св. Софии стали постепенно пополнять свод записями о современных событиях. Запись велась не систематически: вносились то, что почему-либо казалось заслуживающим особенного внимания; некоторые записи внесены лишь по прошествии нескольких лет после отмеченного в них события. Так запись о клевете, бывшей на епископа Луку в 6663 году, внесена в летопись не раньше 6566 года, когда Лука вернулся на владычество, а быть может, даже в 6568 году, когда он умер; ср. указание под 6563-м: «и пребысть тамо три лета». Запись 6571 года об обратном течении Волхова внесена в летопись не ранее 6575 года, ибо сообщает, что это знамение предвещало сожжение Всеславом города на четвертый год после этого. Таким образом, выясняются два момента пополнения Новгородского свода записями — это 6568 (1060) год и 6577 (1069) год, когда Всеслав вторично напал на Новгород, но был разбит на речке Гзени. Третьим моментом был, по-видимому, 6587 (1079) год, когда Новгородцы изгнали своего князя Глеба, убитого затем вскоре Чудью. Вследствие таких приемов в летописании, записи, читавшиеся в конце древнего Новгородского свода, оказываются мало содержательными и неточными.

§ 292. Как указано, первыми приписками к древнему Новгородскому своду были сообщения о кончине Ирины и Владимира в 6558 и 6560 годах. Предполагаю, что следующей записью было сообщение о кончине Ярослава. Умолчание в Начальном сводe о том, где находился во время этого события Изяслав (ср. в Ком. списке и в Лавр.: «Изяславу тьгда сущю»), заставляет предполагать разноречие в обоих источниках Начального свода — Древнейшем Киевском сводe и Новгородском сводe. Имея в виду показание Ипатьевской летописи и некоторых других, полагаем, что в Древнейшем Киевском сводe читалось: «Изяславу князящю Турове»; следовательно, становится вероятным, что в древнем Новгородском сводe этому соответствовало чтение «Изяславу тьгда сущю Новгороде», как, впрочем, читается в Соф. 1-й летописи. Но если Изяслав был в Новгороде, то дальше, конечно, отмечалось прибытие его в Киев. Предполагаю поэтому, что за этим читалось: «и иде Киеву»¹⁷ и далее то, что находится в Соф. 1-й и Новгор. 4-й в статье

¹⁷ Ср. в списках К. О.: «и прииде Изяславъ Клеву городу», вм. «Новугороду» остальных списков Соф. 1-й летописи. Впрочем, происхождение такого чтения К. и О. мне не ясно.

6562 года: «и посади Остромира Новгороде». В Соф. 1-й и Новгор. 4-й вслед за этим читается о походе Остромира на Чудь, в котором он был убит; поход этот не мог иметь места ни в 6562, ни в 6563 году, ибо запись в Остромировом евангелии доказывает, что Остромир был жив еще в 6565 году. Предполагаю поэтому, что это известие о походе и смерти Остромира читалось в Новгородском своде ниже и притом всего вероятнее под 6568 (1060) годом. Что оно перенесено в статью 6562 года именно из статьи 6568-го, видно из того, что вместе с ним перенесено из статьи 6568 года известие «И по семь разделиша Смоленськ на три части»; это известие читается под 6568 в Тверск. сборнике и Ермол. летописи, которые следовали при этом, конечно, общерусскому своду 1423 года; ему и уместно быть именно под этим годом, так как Смоленск мог быть разделен на три части только после смерти Игоря Ярославича, сидевшего в Смоленске и скончавшегося в 6568 (1060) году¹⁸. Итак, отношу известие о походе и кончине Остромира на 6568 (1060) год и думаю, что в Новгородском своде за известием о посадении Остромира следовали три известия, относящиеся к епископу Луке: 6563 — клевета на Луку, 6566 — возвращение Луки в Новгород на владычество, 6568 — смерть Луки, причем перед сообщением о его смерти было вписано его Поучение. За этим известием читалось упомянутое известие о походе и кончине Остромира, затем следовало известие о прибытии Изяслава в Новгород и походе его на Чудь; отправляясь из Новгорода в Киев, Изяслав сажает в Новгород сына своего Мстислава.

Расположив таким образом события 6562—6568 годов, мы придем к заключению, что все соответствующие им известия составлены в один определенный момент, а именно в 6568 (1060) году.

§ 293. Вторым моментом составления дальнейших записей Новгородского свода был, по-видимому, 6577 (1069) год. Под ним во всех подробностях (указан день и даже час события) сообщено о поражении Всеслава под Новгородом. В связи с этим под 6575 (1067) приведено известие о взятии Всеславом Новгорода и сожжении его: общий автор известий 6575 и 6577 обнаруживается в сходных восклицаниях, вырвавшихся из его груди¹⁹; под 6573 сообщено о начале военных действий Всеслава и, быть может, под тем же годом говорилось о поражении новгородского князя Мстислава на Черехе, опущенного в летописных сводах, но сохранившемся в перечне новгородских князей. Под 6571 летописец записал об обратном течении Волхова: «се же знамение не на добро бысть; на 4-е бо лето пожьже Вьсеславъ градъ». В виду тесной связи между собой событий 6571—6577 годов, записанных несомненно одним лицом, относим насчет того же лица запись 6569 года о поставлении епископа новгородского Стефана. Ему же принадлежит вставка (маргинальная?) статьи о рождении Всеслава от волхвования, оканчивающейся словами: «сего ради немилостивъ есть на кръвопролитие».

18 Новгор. свод 1448 г. перенес известия 6568 года в статью 6562 года, по-видимому, желая сблизить оба сообщения о посаднике Остромире; при этом оказалось перенесенным и известие: «И посемъ разделиша Смоленськ на три части». 19 Под 6575: «О, велика бяше беда въ часъ тыи!». Под 6577: «О, велика бяше сеча Вожаномъ»

Третьим моментом составления записей Новгородского свода признаю 6687 год, под которым значится убиение новгородского князя Глеба 30 мая Чудью за Волоком, куда он бежал, изгнанный Новгородцами; современность записи доказывается точною датировкой: 30 мая. В виду этого предыдущие два известия 6585 о кончине епископа Федора и 6586 о поставлении Германа считаем записанными в том же 6587 (1079) году.

§ 294. После третьего момента, т. е. 1079 года, в новгородском летописании наступает заметный перерыв. Летопись продолжена только в 6605 (1097) году известиями о победе Мстислава с новгородцами на Колакше и о большом пожаре в Новгороде. Пятый момент наступил в 6616 (1108) году, под которым с указанием дня записана смерть епископа Никиты. После этого новгородское летописание попадает в более рачительные руки и ведется погодно почти без перерывов. Мы знаем, что в 1167 году древний Новгородский свод с обособившимися его приписками переработан в более полный свод, дополненный по Повести вр. лет (см. главу IX).

По-видимому, после 1079 года, а во всяком случае после 1069 года, с Новгородского свода была снята копия для отправки в Киево-Печерский монастырь, где начала созреть мысль о составлении общерусского свода. Быть может, копия была снята по распоряжению или с разрешения епископа Германа (1078—1095), постриженика Феодосиева монастыря. Около 1095 года ею воспользовался для своего труда составитель Начального Киевского свода.

ГЛАВА XX Главные результаты предыдущего исследования

Расположим выводы, к которым мы пришли в предшествующих главах относительно хода летописного дела в древней Руси, хронологически.

Мы имели возможность познакомиться с условиями появления в древней Руси XI века нескольких летописных сводов: Древнейшего Киевского, Древнего Новгородского, Первого Киево-Печерского; за Первым Киево-Печерским сводом лет через двадцать составлен был Второй Киево-Печерский свод, который называю только для того, чтобы не нарушать принятой в предшествующих исследованиях терминологии, Начальным сводом. Мы остановили свое исследование на Первом Киево-Печерском своде, появившемся в 1073 году. Вопрос о том, как появились три древнейшие русские летописные своды, так или иначе рассмотрен, но остались недостаточно выясненными условия, при которых в древней Руси возникали летописи, а между тем летописи, казалось бы, вообще предшествуют летописным сводам.

Решительно никаких точных указаний на пользование местного киевского летописью мы при восстановлении Древнейшего Киевского свода найти не могли. Если записи о кончине Малфреды, Рогнеды, ее сына и внука, а также запись о перенесении останков Рогнеды, сына ее и внука в Десятинную церковь оставим в стороне в том предположении, что записи извлечены из княжеского помянника, то первую летописную заметку должны будем признать сообщение

6528 (1020) года о рождении у Ярослава сына Владимира. Но Древнейший свод составлен в 1039 году. Отсюда предположение, что это сообщение и следующие за ним статьи, имеющие характер летописных заметок, составлены по припоминаниям в 1039 году: восстановить события, которым истекло 19 или меньше лет, не представляло, конечно, затруднений, тем более, что в этих летописных заметках не приводятся точные даты событий. Отвергаем мысль о том, чтобы записи о кончина Малфреды, Рогнеды и т. д. были извлечены из летописи Десятиной церкви, ведшейся в начале XI в. (Малфредь и Рогнеда скончались в 6508 году), между прочим потому, что существование такой летописи и пользование ею Древнейшим сводом имели бы последствием наличие ряда известий, относящихся к Владимирову княжению, а между тем Древнейший свод не дает ни одного события для последних двадцати лет этого княжения. Отвергаем вообще существование заметной или общеизвестной летописи в Киеве до 1039 года, основываясь на том, что дошедшие до нас своды доказывают отсутствие такой летописи даже для времени после 1039 года, ибо соображения, приведенные в главе XVI, не оставляют сомнения в том, что промежуток между 1040 и 1054 годом заполнен: во-первых, случайною или точнее единичною записью похода на Греков в 1043 году, во-вторых, заимствованиями, сделанными составителем Начального свода из Новгородского свода и из Жития Антония. Тот факт, что свод 1039 года не получил продолжения в виде погодной летописи, доказывает, что ему и не предшествовала также подобная летопись. Изучение состава Первого Киево-Печерского свода доказывает, что и позже, до самого 1073 года, когда Никон потрудился над созданием свода, не было в Киеве погодной летописи, так как в труде Никона не отыскивается следов пользования такою летописью; напротив, многое указывает на то, что самые известия 6569, 6572, 6573, 6574 и след. годов занесены на пергамен впервые Никоном. Это обстоятельство делает особенно вероятным, что погодной записи событий не было в Киеве в первых трех четвертях XI столетия.

Впрочем, не отрицаю возможности того, что подобные записи стали появляться и в Киеве и в некоторых других городах уже в третьей четверти XI столетия. В § 114⁶ приведены указания на существование черниговской записи события 6576 (1068) года; выше нами было предположено, что летописные заметки велись, быть может, начиная с 6578 (1070), во Всеволожем Михайловском монастыре.

Совершенно особенный характер получила летопись в Новгороде. Благодаря особым условиям, в которых развивалась жизнь этого города, наиболее доступного влиянию западной цивилизации, в Новгороде весьма рано определяются стремления к политической самостоятельности и к ограждению ее договорами с правящим князем. В последующее время стремления эти получают все большее преобладание над другими сторонами жизни этого города; но исследователю ясно, что начало их надо искать в седой старине и что развитие их предполагает такой момент, когда в силу тех или иных обстоятельств Новгород почувствовал и сознал свою свободу. Предполагаем, что таким моментом был 1017 год, когда Ярослав даро-

вал городу вольности, обеспеченные особою учредительною грамотой. Этот момент закреплён был в народном сознании не только передачей грамоты на хранение в местную святую Софию, но и внесением ее в летопись, где изложены были великие события, приведшие Новгород к свободе. Итак, этот памятник лег в основание новгородского летописания. Указаний на то, чтобы летопись велась в Новгороде погодно после 1017 года, мы не имеем; отсутствие погодных записей в Новгороде стоит в связи и однородно с отсутствием таких записей в современном Киеве. Но в 1036 году, когда Новгород получил вторую учредительную грамоту от Ярослава и когда и ее также внесли в летопись, путем припоминаний были воспроизведены главнейшие события между 1017 и 1036 годом. Так появилась новгородская владычная летопись.

Перехожу к обзору древнейших летописных сводов.

Учреждение в 1039 году митрополии вызвало составление около того же времени первого русского летописного свода, который называем условно Древнейшим Киевским сводом. Составитель в пределах до Владимирова княжения включительно использовал, во-первых, местные киевские предания, уже в его время закреплённые, конечно, в форме песни, былины; во-вторых, несколько письменных сказаний о русских святых и о других событиях церковной жизни. Образцом для свода и вместе с тем источником для него послужил болгарский летописный свод. Начиная с Ярославова княжения, материалом для составителя свода служили припоминания об истекших событиях; с этого времени свод 1039 года становится вполне достоверным историческим источником, хотя и то, что сообщено им раньше об Ольге, Святославе, Владимире, Святополке, в значительной части своей не должно быть признано баснословным, в виду сравнительно не очень большого промежутка между теми эпохами и моментом составления свода. Современные события Древнейший Киевский свод доводил до 6547 (1039) года; он оканчивался прославлением Ярослава, строителя храмов и распространителя духовного просвещения. Как указано выше, появление Древнейшего Киевского свода не вызвало постоянного летописания при Киевской митрополии.

В 1050 году окончена строением и освящена церковь св. Софии в Новгороде. В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука, решили озаботиться составлением летописного свода. В основание Древнего Новгородского свода положен Древнейший Киевский свод, использованный, впрочем, более или менее полно только до княжения Владимира Святославича включительно; конец его, где излагались события Ярославова княжения, передан в кратком извлечении. Другим источником послужила Новгородская летопись 1036 года: одно известие ее (крещение Новгорода) внесено в княжение Владимира; остальное содержание этой летописи касалось событий 1015 и следующих годов; сначала сводчик прибег к компилированию своего новгородского источника с киевским (события до 1017 года); но потом передал текст новгородского источника отдельно, поместив его вслед за упомянутым кратким из-

влечением из Древнейшего свода (события после 1017 включительно до 1036 года). Рассказ о событиях после 1037 и до 1050 года включительно составлен сводчиком самостоятельно на основании расспросов и припоминаний.

Вскоре текст Древнего Новгородского свода обосложнился приписками; эти приписки имеют характер погодной летописи, но изучение их показывает, что они записаны в несколько следовавших друг за другом моментов; к первому моменту относятся известия 6558 и 6560 годов, ко второму — следующие известия до 6568 года включительно, к третьему — известия до 6577 года включительно, к четвертому — известия 6586 и 6587 годов, к пятому — известия 6605 года. Только приблизительно с 6616 (1108 года), следовательно, со времени епископства Иоанна (1110 год) владычная новгородская летопись стала вестись без перерыва, дополняясь в короткие промежутки погодными записями.

В 1073 году окончен под главным редакторством иеромонаха Никона обширный летописный свод, составленный в Киево-Печерском монастыре. Этот Первый К и е в о - П е ч е р с к и й с в о д представлял в начале копию с Древнейшего Киевского свода, местами лишь дополненную незначительными вставками; копия с этого свода содержала в конце запись (быть может, современную) о походе на Греков под предводительством Владимира Ярославича. Вторая часть свода начиналась со статьи, описывавшей кончину Ярослава, и представляла самостоятельный труд сводчика, руководившегося припоминаниями и рассказами современников. Припоминания эти принадлежат в значительной части самому Никону; некоторые из них — прочей монастырской братии. В числе лиц, сообщавших Никону материалы для летописи, можно с уверенностью назвать боярина Яня Вышатица. Под 6570 (1062) годом, годом основания Печерского монастыря, была помещена обширная статья, посвященная истории этой обители с древнейших времен до событий, современных составителю свода.

Первый Киево-Печерский свод в скором времени (не ранее, однако, игуменства Никона) получил продолжение сначала в виде обширной статьи о кончине преп. Феодосия, а потом и погодных известий, явно обличающих местами современную запись. Такие записи продолжались вплоть до 1093 года.

Около 1095 года был составлен Второй Киево-Печерский свод, который мы называем Н а ч а л ь н ы м сводом. Этот свод можно признать первым общерусским сводом, ибо составитель задался целью соединить с текстом Первого Киево-Печерского свода, обосложненного летописью, следовательно, с киевским летописанием, летописание, во-первых, новгородское, насколько оно выразилось в Древнем Новгородском своде с примкнувшей к нему владычною летописью, во-вторых, черниговское (ср. известие 1068 года), в-третьих, летописание других монастырей (напр. Выдубицкого) и городов. Пользование греческим хронографом, Паремейником, Житием Антония и др. памятниками увеличило объем и интерес к новому своду; этим обеспечено было за киево-печерским летописанием общерусское значение и общерусский характер. Начальный свод лег в основание Повести вр. лет, источника и основания всех позднейших летописных сводов.

Главным результатом нашего исследования признаем восстановленный ниже текст трех древнейших летописных сводов: Древнейшего Киевского свода, вошедшего в состав Первого Киево-Печерского свода, с одной стороны, Древнего Новгородского свода, с другой.

Итак, сначала дан текст Первого Киево-Печерского свода; в наборе отмечена та часть его, которая восходит к Древнейшему своду: в противоположность той части, которая восходит к перу составителя Первого Киево-Печерского свода, она набрана без отступления от полей; отличена особым шрифтом также и статья 6551 (1043) года, приписанная к Древнейшему своду и вместе с основным текстом вошедшая в состав Киево-Печерского свода. Вставки, сделанные составителем Киево-Печерского свода в текст как Древнейшего свода, так и приписанной к нему статьи 6551 года, напечатаны или отступя или в прямых скобках. Отступя напечатан и текст Продолжения к Древнейшему своду, т. е. вся самостоятельная часть Киево-Печерского свода.

Текст Первого Киево-Печерского свода восстановлен преимущественно по тексту Лаврентьевского списка. При этом приняты во внимание и использованы данные других списков Повести вр. лет (Ипатьевского и Хлебниковского, Радзивилловского и Московско-Академического), далее так называемого летописца Переяславля Суздальского, также списков Новгородской 1-й младшего извода (Комиссионного, Академического, а в дефектных местах последнего — Толстовского), Синодального списка Новгородской 1-й старшего извода и, наконец, списков двух изводов Новгородского свода 1448 года — Новгородской 4-й и Софийской 1-й. Все исправления, внесенные на основании этих данных в текст Лаврентьевского списка, оговорены в первой колонне примечаний; не оговоренное, за самыми ничтожными исключениями (исправлены описки), восходит к Лаврентьевскому списку¹.

Ссылки на те §§ исследования, в которых приведены основания для того или иного исправления, даны в дополнительных примечаниях, помещенных за текстом.

Во второй колонне подстрочных примечаний отмечены со ссылками на соответствующие §§ исследования все те отступления от текста Первого Киево-Печерского свода (а следовательно, и Древнейшего Киевского свода), которые позволил себе при передаче его составитель Второго Киево-Печерского или Начального Киевского свода. Имея в виду значительную близость, в особенности начиная с 6453 (945) года, текста Начального сво-

¹ Опущенные из текста Лаврентьевского списка слова не оговариваются; но они в значительной части отмечены в дополнительных примечаниях. Ссылки в первой колонне примечаний относятся к тому или другому определенному слову или к повторенной в сноске фразе; но если в соответствующем месте курсив, — то ко всему набранному курсивом.

да к тексту Повести вр. лет, думаю, что эти примечания дадут достаточно данных и для заключений о главнейших отличиях дошедшего до нас летописного текста, текста Повести вр. лет, от текста восстанавливаемых древних сводов 1039 и 1073 годов.

В третьей колонне примечаний отмечены места, заимствованные из Свящ- Писания (в тексте они переданы разрядкой), а также вставки, сделанные составителем Киево-Печерского свода в текст Древнейшего свода.

Текст Древнего Новгородского свода в тех частях его, где он следовал Древнейшему летописному своду (эти части отмечены особым шрифтом), восстановлен согласно с предложенным выше текстом этого последнего свода; впрочем, эти части Древнего Новгородского свода почти всюду набраны с пропусками, обозначенными многоточиями, в виду вероятности того, что текст этого свода в пределах до Владимирово княжения включительно довольно точно и полно передавал соответствующий текст своего киевского оригинала. Те части Древнего Новгородского свода, которые составлены самим сводчиком или возводятся к Новгородской летописи 1036 года, восстановлены, во-первых, а именно в пределах до 6524 (1016) года включительно, по Лаврентьевскому и иным спискам, выше перечисленным, во-вторых, а именно в части от 6525 до 6558 (1050) года, главным образом по данным новгородских источников, а именно по обоим изводам Новгородского свода 1448 года, по росписям князей и владык новгородских, причем однако не упущено сравнение с соответствующим текстом Лаврентьевского и иных списков Повести вр. лет. По тем же данным восстановлены помещенные в виде приложения к Древнему Новгородскому своду летописные известия 1050—1079 годов; позднейшие записи, не бывшие в распоряжении составителя Второго Киево-Печерского (Начального) свода, оставлены без внимания. В тексте, восходящем к Новгородской летописи 1036 года, набраны отступя предполагаемые вставки, обязанные своим появлением как составителю Древнего Новгородского свода, так и составителю копии с него, сделанной для Киево-Печерского монастыря.

В первой колонне примечаний отмечены источники, из которых заимствованы та или иная фраза, то или иное слово новгородских статей свода. Неоговоренное восходит к Лаврентьевскому списку.

Во второй колонне примечаний оговорены главные отступления, допущенные позднейшими сводами при передаче текста этих новгородских статей.

В третьей колонне примечаний отмечены те вставки, которые сделаны в текст, заимствованный из Новгородской летописи 1036 года, как составителем Древнего Новгородского свода, так и составителем копии с владычного свода, приготовленной для Киево-Печерского монастыря.

В дополнительных примечаниях, помещенных за текстом, приведены ссылки на те §§ исследования, в которых даны основания для того или иного чтения в тексте Древнего Новгородского свода.

Слова переданы в восстановленном тексте в том виде, в каком они встречаются в памятниках XI века. Впрочем, в графике сделан ряд отступлений от приемов древнего письма: так, вместо йотированного а и мологе

юса пишется я, вместо йотированного е — е, вместо оу — у, вместо "ы — ы. Но не ввожу буквы й вместо и. Не даю сокращенных написаний (с титлами); пишу по-церковнославянски «чловекъ»; а не «человекъ». Я не счел необходимым давать нестяженные формы в сложном склонении прилагательных и в спряжении давнопрошедшего времени: пишу добраго, не добраго, доброму, не добрууму, вожаше, не вожааше, любляше, не любляаше. Не отрицаю возможности, что в оригиналах XI века читались нестяженные формы; такие формы для давнопрошедшего времени попадают в во многих позднейших сводах, как то в Софийской 1-й (напр, поСВЕТЯше, блещашеся), и часть их может восходить к оригиналам XI века, ср. подобные формы в русских памятниках, как Житие Феодосия, житийное сказание о Борисе и Глебе и т. д. Вместо *-ea-* в давнопрошедшем я даю стяженные формы с *-я-*: имяше, бяху. Допускаю и новообразования, как ходяше *вм.* хожаше. Где имеется указание списков, ввожу формы на *-ше* и на *-хуть* в давнопрошедшем. Пишу приду, придохъ, не прииду, приидохъ, хотя в XI веке можно встретить и те другие написания. В выборе между церковнославянскими и русскими формами я руководствовался рукописною традицией; допускаю поэтому в текст некоторые полногласные формы (порогъ, Новъгородъ, Деревляне, но градъ, брегъ); даю в дат. и местн. постоянно себе, тебе, не себе, тебе; допускаю написания с *ч, ж* (хочю, яжъ) рядом с написаниями с *щ, жд* (мещимъ, побеждаемъ); допускаю русское окончание *--в* в род. ед. ж. р., им. мн. ж. р., вин. мн. ж. и м. р., рядом с церковнославянским окончанием *-я*. Вместо азъ, я и язъ даю для однообразия азъ. Восстанавливаю всюду исконные формы с *ъ* и *ь*: князь, съмърть, дъва, вьси, хотя возможно, что в оригиналах XI века попадались и написания, как князь, два, кто, звати; всего. В конце предлогов ставлю для однообразия *ъ* (но оставляю: без, из, бес, ис). Даю исключительно окончания *-ия, -ие, -ию, -ии*, а не *-ья, -ье, -ью, -ьи* (братия, властью). После *ш, ж, ч, щ, ц* пишу *ю*, не *у*, но *а*, не *я*. Поправки языка (архаизация его) не оговорены в примечаниях; кое-какие заметки по языку сообщены в дополнительных примечаниях. Должен признать, что в некоторых отношениях при восстановлении форм древнего языка я не был достаточно последователен. Возможно, что в оригиналах XI века было гораздо меньше руссизмов, чем то допущено в предлагаемом тексте.

Курсивом напечатано все то, что извлечено не из летописных сводов или вставлено по догадке.